

Сыны Всевышнего

Ирина Ринц

У московского подростка Ромы Князева есть своя страшная тайна — он маг. Ну, или хочет им быть. В один прекрасный день он встречается Наставника и ввязывается в охоту за загадочным магическим артефактом. Таинственный диск оказывается Картой, которая помогает ему найти Ключ и даёт возможность обрести знание о себе, о мире и смысле жизни.

===== Глава 1. Миссия доктора Аверина =====

Стоило шагнуть за порог, как мягкий снег залепил глаза, запорошил и без того уже белые седые волосы. За пеленою снегопада смутно угадывался город: движение, ночь, слепые пятна фонарей. Тонкий аромат ладана, которым дохнул напоследок благоуханный храмовый полумрак, сделал запах снега острее и резче.

Николай Николаевич вздохнул, перекрестился, натянул перчатки и осторожно стал спускаться с высокого церковного крыльца. Он брёл, всё ещё зачарованный, к метро, не замечая вульгарной какофонии звуков ночной Москвы. О, как ранили его раньше бесцеремонно лезущие в уши грязные матерные слова, грубый животный смех и простенькие навязчивые мелодии — тынц-тынц-тынц — доносившиеся из машин и магазинов! Но годы настойчивых усилий сделали его внутренний покой практически незыблемым.

Покачиваясь в полупустом старомодно-жёлтом вагоне подземки, Николай Николаевич всё ещё слышал торжественные звуки хора, которые наполняли его душу одновременно ликованием и тишиной. Но когда он подходил к дому, в сознание вторглась посторонняя тревожная нота. Николай Николаевич ощутил лёгкое ноющее чувство в области солнечного сплетения и замедлил шаг.

Терпеливо переминавшийся с ноги на ногу мужчина возле подъезда, заметив его, радостно помахал рукой и, едва не поскользнувшись, бросился навстречу.

— Николай Николаевич! Не зря Вы так волнуетесь. У меня к Вам дело. В свете фонаря блеснула ослепительная улыбка, за которой последовало крепкое рукопожатие. Мужчина был заметно моложе — чуть за тридцать — голубоглаз и кудряв. Всем своим существом он излучал бешеную энергию и оптимизм. — Вообще-то я не волнуюсь. Просто, знаете ли, предчувствие... — по интеллигентному лицу Николая Николаевича скользнула тень тоски и лёгкого ужаса. В ответ раздался здоровый счастливый смех, словно это была необыкновенно удачная шутка, и весельчак, подхватив собеседника под локоть, увлёк его к дому. — Господи, у Вас когда-нибудь бывает плохое настроение, Павлуша? — стряхивая снег с воротника пальто, по-стариковски брюзжал Николай Николаевич в маленькой прихожей. — А зачем? — гость одарил его лучезарной улыбкой. — Хандра выкачивает жуткое количество энергии. Это просто чёрная дыра. Элементарное чувство самосохранения должно удерживать человека от погружения в это опасное состояние. Их взгляды встретились, повисла неловкая пауза. — Чаю? — Николай Николаевич отвёл глаза, жестом приглашая гостя в кухню.

— Просто поверьте мне: за мальчиком необходимо присмотреть, — уже безо всякой улыбки внушал гость понурившемуся Николаю Николаевичу так, словно хотел загипнотизировать его. Тот лишь упрямо молчал, поглаживая ребристую поверхность фарфоровой чашки и сосредоточенно созерцая розовые цветочки и золотые завитки узора.

Чай был выпит, вазочка с печеньем и пастилой значительно опустошена, но дело всё ещё не сдвинулось с мёртвой точки. Разговор явно зашёл в тупик. — Вы же сами говорили, что на пути каждого из нас однажды встретился тот, кто помог нам. Это просто наш долг. Помогая другим, мы всего лишь возвращаем долг. Они в своё время сделают то же. Укоризненный тон, слишком очевидно рассчитанный на провокацию, не ускользнул от внимания Николая Николаевича, но он не позволил снова втянуть себя в утомительную дискуссию. Опять воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов на старинном буфете. — Что-то стало душно, Вам не кажется? — отдуваясь и оттягивая ворот свитера, устало спросил гость. — Можно, я открою форточку? — Конечно-конечно, — пробормотал Николай Николаевич, всё ещё пребывая в оцепенении. Он с лёгкой неприязнью проводил взглядом своего энергичного спортивного друга, который аккуратно отодвинул тяжёлую гардину, отворил форточку и замер, вглядываясь в порхающий за окном снег.

— Глупо обустроить свою каюту на тонущем корабле, — не оборачиваясь, неожиданно изрёк тот.

— Вы это мне говорите?! — поразился Николай Николаевич.

— Вам, Вам. — Гость быстро вернулся к столу, сел и вызывающе низко склонился к лицу шокированного Николая Николаевича. — Вы не хуже меня понимаете, что Вам придётся покинуть свою скорлупу. Скорлупа всегда временное прибежище. Глупо думать иначе. Я знаю, — он решительным жестом пресёк попытку собеседника возразить ему. — Я знаю, что Вы у нас уникалы, и про забивание гвоздей микроскопом тоже всё знаю. До сих пор Вы выполняли очень тонкую и важную работу, с которой могут справиться единицы, но поймите, что в этом деле на Вас просто свет клином сошёлся! Можете гордиться своей незаменимостью...

— Никто не возьмёт на работу учителя в середине учебного года, — без особой надежды заметил Николай Николаевич. Гость выпрямился и с облегчением рассмеялся. Лицо его снова просияло, и глаза заискрились весельем. — Вы же доктор наук! Вы представляете, какой это подарок для обычной средней школы? А если Вас беспокоит наличие вакансии, то можете быть спокойны — учитель истории уходит в декрет. На лице Николая Николаевича отразилось лёгкое замешательство. Гость вопросительно взглянул на него и чуть не рухнул со стула. — Вы с ума сошли! Я бесконечно далёк от того, чтобы подобным способом расчищать Вам путь! — хохотал он. — А вот потенциальных конкурентов мы аккуратно отодвинули в сторону. Все они неожиданно для себя были вынуждены отказаться от этого места. Представляете, как будет рад Вам директор! Бедняга в безвыходном положении!

Было пасмурно, но школьный коридор, казалось, был наполнен светом. Обилие ослепительно белого снега за окном создавало волнующую иллюзию праздника. Даже потускневший под многочисленными слоями мастики паркет весело играл снежными бликами, и молочной белизной благородно отсвечивали шершавые, выкрашенные голубой краской стены.

Николай Николаевич проверил номер кабинета и без колебаний отворил дверь в класс. Не глядя на вставших при его появлении подростков, прошёл к учительскому столу, взял кусок мела, и лишь затем повернулся к ребятам.

— Здравствуйте, меня зовут Николай Николаевич Аверин, — он красивым, разборчивым почерком записал свои фамилию, имя и отчество на доске. — Я доктор

исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. У вас я некоторое время буду преподавать курс истории России. Он отвернулся, чтобы положить мел на полочку у доски, как вдруг ощущение, похожее на щекотку, волной прокатилось вдоль его позвоночника. Не оборачиваясь, он увидел луч, который подобно рентгену прощупывал его с ног до головы, и лицо мальчика, который просматривал его столь бесцеремонным образом. «Ну, юноша, надеюсь, ты просто не понимаешь, что делаешь», — недовольно сказал он про себя и направил ему в лоб такой мощный заряд энергии, что изображение мгновенно затуманилось и исчезло. Возможно, он перестарался, но Николай Николаевич был очень чувствительным человеком, и терпеть не мог бестактного вторжения в своё личное пространство. Усевшись за стол и раскрыв журнал, он приветливо оглядел класс и отметил про себя темноволосого мальчишку с надменным профилем и тонкими нервными пальцами, который, подперев лоб рукой, низко склонился над партой. — Продолжим наше знакомство, — Николай Николаевич назвал первую фамилию и вежливо кивнул девочке, поднявшейся со своего места. Так он дошёл до середины списка. — Князев Роман, — прочёл он. Наконец-то поднялся обладатель гордого профиля, и глаза их встретились. Николай Николаевич неожиданно для себя развеселился: подросток выглядел таким рассерженным. «Ну ничего, дружок, — подумал он, любезно кивая ему, — придётся потерпеть. Нелегко в учении — легко в раю!». В этот день он больше ни разу не взглянул в его сторону, а все силы приложил к тому, чтобы внедрить в сознание учеников представление о себе, как об исключительно обаятельном, лёгком в общении человеке, вызывающем искреннее восхищение своими безграничными познаниями. Он набрасывал на них сверкающую сеть своих самых положительных эмоций, с удовлетворением замечая, как рождается в их сердцах ответная симпатия. Похоже, что, получая не слишком высокую отметку, очарованные ученики готовы будут винить в этом неприятном происшествии только себя и даже корить себя за то, что посмели огорчить своего дорогого учителя, у которого против всех зол мира есть только четыре тонких шипа...

==== Глава 2. Фенечка для мага =====

Пухлая снеговая перина мягко окутала землю. Каким-то удивительным образом от этого снегопада тихо стало на душе, словно толстый слой снега заглушил и внутри все смятения и тревоги. Хотелось бесконечно созерцать мерное спокойное падение снежинок, плавные изгибы побелённых ветвей, между которых зрели, наливаясь чернильной тьмой, синие сумерки. Хотелось смотреть на эту пустынную улицу, которая в равнодушном свете электрических фонарей казалась искусной театральной декорацией.

Мальчик с гордым именем Роман стоит у окна. Его заботливо укрывает темнота — уютная, бархатная, живая. Холодный свет с улицы призрачными линиями намечает острые очертания его силуэта. В стекле, которое ночь обратила в зеркало, бледной тенью отражается его узкое лицо: профиль хищной птицы, опасный блеск глаз. Мальчик размышляет. Совсем не о том, как прогулять контрольную, или заставить родителей раскошелиться на очередную подростковую глупость. Такие вещи его давно не занимают. В свои пятнадцать он ощущает себя на тысячу, а то и не одну — насыщенных, полноценно прожитых лет. Ветхая ткань этого мира давно истончилась для него настолько, что он видит, как сквозь неё просвечивают бесчисленные, непостижимые вселенные. Только тонкая ниточка благоразумия удерживает его в этом мире рутины и фатального недомыслия. Игра в умного дисциплинированного подростка, которую он давно затеял с этим миром вполне сознательно, так приятно щекочет ему нервы, что ради этого удовольствия он готов тратить

на неё свои душевные силы.

Сейчас он вращает в мозгу очередную частицу мистической головоломки, которая занимает его уже много дней. Озарение приходит, как всегда, внезапно. Будто бродишь по бесконечным тёмным коридорам, а потом натыкаешься на дверь, распахиваешь её, и тебе всё ясно.

Проклятые молекулы презренной плоти хранят убийственную силу. Но чтобы черпать энергию из этого источника, требуется настолько самозабвенно погрузиться в тонкости многочисленных и сложнейших практик с полным отрывом от обыденной жизни, что такой возможности у него ещё очень долго не будет. Хотя... Считал же он когда-то, что выход из тела — вещь желанная, но неосуществимая, а получилось с первого раза...

Комната за спиной погружена во тьму, но Роман всем телом ощущает заполняющие её предметы: чувствует тёплое и какое-то пустое прикосновение пластмассы, звонкую вибрацию стекла, равнодушный холод металла. Ощущение постороннего присутствия заставляет его обернуться.

Странно, во время урока он почти не смотрел на нового учителя и совсем не запомнил его лица, но сейчас он видел его перед собой совершенно отчётливо: аскетичный провал щёк, обведённые тенью сверкающие стальные глаза, выразительные очертания губ, скорбно изогнутых уголками вниз. Он мог бы поклясться, что Николай Николаевич стоит в эту минуту перед ним и внимательно его разглядывает.

— Здравствуй, — голос учителя прозвучал внятно и не слишком ласково. Он смотрел на мальчика без улыбки и вовсе не выглядел таким уж очаровательным и милым, каким показался утром в школе.

— Я сплю? — спросил Роман скорее у себя, чем у своего ночного гостя.

— Можно сказать и так. — Николай Николаевич протянул Роме руку и приказал, — Держись.

Как только Роман нерешительно уцепился за рукав учителя, тот обхватил его запястье и резко выдернул подростка из тёмной комнаты на свет.

Справа и слева вздыбились бело-синие сугробы высотой почти в человеческий рост, так что дорожка между ними походила на туннель. Вверху — неправдоподобно голубое яркое небо, впереди — щедро позолоченная солнцем крепкая бревенчатая изба. Дверь распахнулась, на крыльцо вышел богатырского сложения дед в тулупе и валенках. Он пристроил на крыльце веник и развернул половичок, который, видно, собирался вытрясти, но тут заметил посетителей. Старик нехотя разогнулся и, оставив половик на крыльце, поспешил к ним навстречу.

— Не дело вы задумали, — безо всякого приветствия, сразу обратился он к Николаю Николаевичу, озабоченно поглядывая на Романа. Янтарные глаза деда неодобрительно сощурились.

— Ты же знаешь, я не ищущу себе дел, они сами находят меня, — грустно ответил учитель.

— К нам никого не приводят, каждый приходит сам.

— Согласен. Это было первое, что сказал и я. Но, возможно, бывают исключения...

Они помолчали о чём-то, понятном лишь им двоим, красноречиво глядя друг другу в глаза.

— Чудесно, — дед ехидно хмыкнул, поглаживая аккуратно подстриженную бороду. — Больше тебя ничего не смутило? Посмотри на него, — он ткнул пальцем в сторону подростка.

— Знаю. — Николай Николаевич заметно помрачнел.

— И что же?

Интеллигентное лицо учителя словно окаменело:

— Absente aegroto (1).

1. В отсутствие больного; не при больном — (лат).

Латынь деда почему-то развеселила. Он сдержал смешок и уже более благожелательно взглянул на Романа.

— Ну что же, держайте, альтруисты! Это я не о тебе, парень, — доверительно сообщил он Роману, словно причисление к альтруистам могло как-то обидеть мальчика, и, опустив тяжёлую руку ему на плечо, уступил гостям дорогу, широким жестом приглашая их в дом. — Homo Sapiens non urinat in ventum (2), — громко продекламировал он густым бархатным баритоном и расхохотался у них за спиной.

2. Человек Разумный не мочится против ветра — (лат.).

Николай Николаевич, улыбаясь, легонько подтолкнул Романа вперёд и вслед за ним вошёл в сени. Пройдя через них, они оказались в довольно тёмном помещении, загромождённом самыми разнообразными предметами в основном хозяйственного назначения: корзины, кухонная утварь, вёдра, кадушки. Маленькое окошко, за которым блистал солнечный зимний пейзаж, выглядело в этом полумраке как прилепленная к стене картинка. Почти всё пространство занимала огромная русская печь, в зеве которой светилось красно-оранжевое пламя.

Николай Николаевич усадил Романа за стол на длинную широкую лавку, а сам сел на какой-то сундук, покрытый узорчатым тёмно-красным ковром. Слышно было, как дед топал и возился в сенях. Наконец, он вошёл, скинул тулуп и, шумно подвинув к себе табурет, уселся напротив гостя.

Ну что, ребёнок, жить хочешь? — задушевно спросил он и наклонился, участливо заглядывая мальчику в глаза. Его длинные седые патлы свесились до самого стола.

— Смотри, что называть жизнью, — с вызовом ответил Роман, и непроницаемо чёрные глаза его сверкнули.

— Так ты ещё и философ! — с иронией заметил старик. Он вынул из кармана моток разноцветных ниток и принялся ловко распутывать их своими цепкими узловатыми пальцами. — Где свет, там и жизнь. Чем ближе ты к свету, тем больше в тебе жизни. Твой выбор — приближаться к нему или удаляться... — Он разложил нитки на столе и велел Роману — Правую руку положи на стол. Ладонью вверх. И пальчики, знаешь, веером этак сделай...

Роман помедлил, но всё-таки повиновался. Дед удовлетворённо хмыкнул и, накинув ему на пальцы нитки, принялся переплетать их между собой.

— Вот, смотри: красная, синяя, ну и жёлтая, конечно, куда ж без неё... — негромко бормотал он, полностью поглощённый своим делом. — Жёлтую с чем мы соединяем? С синей, разумеется. Вот тебе и зелёная. И красную с синей, что будет? Фиолетовая...

Роман с изумлением смотрел, как нитки меняют свой цвет, сплетаясь в затейливый узор. Ведь он почти уже забыл, что это сон.

Пальцы старика мелькали с умопомрачительной быстротой. Совсем скоро у него получилось что-то вроде неширокой разноцветной ленты. Он взял последнюю, белую нитку и закрепил ею работу.

— Вот так, — дед плотно обернул ленту вокруг роминоного запястья наподобие браслета

и молниеносно завязал его.

— Вы что? Я же не девчонка! — вспыхнул Роман. Он хотел развязать нитки, но концы ленты словно срослись. Как ни вертел он рукой, найти место их соединения так и не смог.

Старик от души веселился, наблюдая за ним.

— Что это значит?! — рывкнул Роман и вскочил. Его просто трясло от ярости.

— Это значит, — насмешливо сказал дед, — что тебе пора домой.

В ту же секунду Роман почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Он цеплялся взглядом за предметы, отчаянно пытаясь удержать перед глазами чёткую картинку, но изображение расплывалось, он куда-то проваливался. Ещё мгновение и он понял, что лежит у себя на постели, всё ещё тяжело дыша.

===== Глава 3. Не хуже гадалки =====

Во рту было так холодно, точно он вернулся с того света. В темноте светились только зелёные цифры электронных часов, и в полном мраке казалось, что кровать парит в пустоте.

Резко поднявшись, Роман крепко потёр лоб и потряс головой. Его и раньше мучили сны. Они были пугающе реальны и неправдоподобны одновременно. И визитёры периодически нарушали его покой. Иногда он просыпался от того, что кто-то находится в комнате и пристально смотрит на него. И каждый раз он спрашивал себя, сон это был или нет? Раньше, по крайней мере. Теперь ему было уже всё равно. Для него давно уже стёрлась грань между реальностью и... другой реальностью. Он просто принял её как данность и устремился жадно исследовать. В шкафах и тумбочках у него были спрятаны от любопытных глаз десятки книг об оккультизме, эзотерике, магии, которые он проштудировал, стремясь разобраться в природе интересующих его феноменов. Всё, что он находил в них практического, он мгновенно запоминал и при случае всегда старался опробовать. Получалось неплохо. Он знал, что из-за этого когда-нибудь нарвётся на неприятности. Что на него обратят внимание. Похоже, так и случилось. Хорошо это или плохо? Пойти с ними на контакт или, наоборот, держаться от них подальше? Какая обильная пища для размышлений...

Он на всякий случай взглянул на свою правую руку. Разумеется, никакого браслета там не оказалось. Но Роман не сомневался, что беседовал с учителем не во сне, поскольку по части сновидений у него имелся некоторый опыт. Значит, в школе появился Маг. Интересная история. Впрочем, он должен был догадаться об этом сразу. Ведь когда в класс вошёл новый учитель этой самой истории, Роман почти физически почувствовал сильный толчок в грудь, от которого даже слегка покачнулся. А когда по привычке Роман начал нового историка сканировать, его ослепила яркая вспышка, за которой последовал вполне ощутимый удар, как будто крепко дали по лбу. Но он списал это на какие-то бессознательные механизмы защиты, какие-то посторонние помехи — теперь смешно даже вспоминать...

Постепенно до сознания Романа стало доходить, что он, возможно, оказался в очень опасной ситуации. От этой мысли он похолодел. Кто эти люди? Что им было нужно? И что, ради всего святого, они с ним сделали?

Роман откинулся на подушку и сказал себе: «Я должен вернуться. Я должен найти это место и узнать, чего эти двое хотели от меня!».

Мальчик закрыл глаза, расслабился и постарался как можно точнее в деталях представить себе избушку «деда Мороза», как он назвал про себя негостеприимного старика. Или не такого уж старика? Неважно. Это удалось ему без особых усилий, благо воспоминания были ещё очень свежими и яркими. Так же легко Роман «отпустил» своё тело,

оставив его пустой оболочкой лежать на кровати, а сам устремился к намеченной цели, чувствуя себя щепкой, подхваченной сильным речным потоком.

Внезапно движение его было прервано. Кто-то с силой схватил его за предплечье. Рассерженный Роман обернулся и встретился глазами с довольно жёстким взглядом Николая Николаевича.

— Нечего тебе там делать, — тихо сказал учитель.

— А я думаю, есть, — вырываясь из его стального захвата, со злостью рявкнул Роман. Его лицо и без того всегда напряжённое — как будто он одновременно пытался скрыть сотни противоречивых эмоций — исказилось негодованием.

— А мне всё равно, что ты думаешь, — холодно заметил Николай Николаевич. — Отправляйся домой.

Не успел Роман и рта раскрыть, как мощным порывом ветра его отбросило назад, и он снова очнулся лежащим на своей кровати.

Роман был вне себя от гнева. Внутри него всё клокотало от ярости. К нему, значит, можно являться без приглашения, а он не может нанести им ответного визита! Он что им — кукла?! У этой загадочной игры вообще есть правила?! Они не считают нужным с ним объясняться! Запредельная наглость!

Чего Роман совершенно не выносил, так это покушений на свою свободу. К его негодованию примешивалось горькое ощущение ущемлённого самолюбия. Этот человек не только посмел ему приказывать, но и выкинул его вон, как щенка. Где-то глубоко в душе шевельнулся страх. Роман вдруг почувствовал себя ужасно уязвимым. И усталым. И несчастным. Ему стало так обидно, что с ним обошлись как с несмышлёным младенцем, которого напичкали манной кашей, и не спросили — хотел он, не хотел. Фу, зачем он подумал о манной каше? Теперь ещё и подташнивает.

Возможно, самым правильным выходом сейчас было бы просто уснуть, чтобы потом попытаться разобраться во всём на свежую голову. Однако, как Роман ни старался, он до утра не мог сомкнуть глаз: сердце бешено колотилось, пульс бился где-то в горле, и он не мог расслабиться — тело словно подключили к источнику высокого напряжения. Он всё перебирал в уме тревожные мысли, но в конце концов так устал беспокоиться за свою судьбу, что, закрыв глаза «только на минутку», провалился в глубокий сладкий сон.

— Ну что? Прогнал его? — дед бухнул на стол глиняный чайник и сочувственно посмотрел на погрузившегося в невесёлые думы Николая Николаевича. Тот печально кивнул.

— Вот и прекрасно. И нечего тут кукситься. — Дед своей огромной ладонью нежно погладил Аверина по седой голове. — Сейчас я тебя покормлю, а потом вещицу одну покажу. Занятную.

— Какую? — оживился Николай Николаевич.

Дед ухмыльнулся.

— Будешь хорошо себя вести — узнаешь.

Николай Николаевич вздохнул и послушно принялся за еду. Через некоторое время он спросил:

— Викентий, тебе не кажется, что мы что-то не то делаем?

— Не кажется. Мы точно что-то не то делаем.

— Балагур... — поморщился Николай Николаевич и уставился в окно, за которым светилась звонкая от мороза луна. — Я ведь серьёзно. Как можно было отказаться? Пропадёт

ведь ребёнок...

— И не говори. Жалко парнишку. Такой... хм... одарённый. А как покорно он несёт тяжкий груз своей исключительности! Страдает. Очень трогательно...

— Значит, ты тоже считаешь, что вмешиваться было не надо?

— Если всё действительно так, как мы оба с тобой видим, то, конечно, не стоило. — Дед поправил оплывшую свечу. — Ник, ты не обижайся, — продолжил он после некоторой паузы, — но похоже, Павлуша тебе просто не всё рассказал. Не стал, так сказать, посвящать тебя во все подробности.

— Думаешь? — с надеждой поднял голову Николай Николаевич.

— Уверен на все сто процентов. Уж на девяносто девять точно. Не забывай, что Павлуша мастер тонкой и грандиозной интриги. У него все партии многоходовые. И всегда с привлечением самых неожиданных фигур. Сам посуди: парнишка этот точно не наш. И для чего тогда он нам сдался? Ну, подёргаю я немного за ниточки, но это всё так — баловство. Могу не хуже гадалки предсказать всю его дальнейшую судьбу вне зависимости от нашего с тобой в неё вмешательства.

Николай Николаевич отложил в сторону вилку и с большим интересом приготовился слушать. Деду такое внимание явно польстило. Он усмехнулся и продолжил:

— В ближайшем будущем наш герой наверняка либо сам догадается, как свои таланты использовать, либо встретит какого-нибудь благодетеля, который разъяснит ему всю прелесть его положения. Альтруизмом, как мы уже заметили, он не отличается. И что его удержит? Это ж такой соблазн! Обидел тебя кто — раз! — и завтра его уже хоронят, или он в больничке отдыхает (если ты не сильно обиделся). Приглянулось тебе чего — раз! — и тебе всё добровольно отдают. Наверняка, если покопаться в его биографии, пару таких эпизодов мы уже и сейчас отыщем. Темперамент-то так и прёт. Стихия! Страсти шекспировского масштаба!.. А уж обидчив этот паренёк, как древний божок. Такой не может не отомстить.

Николай Николаевич реагировал на это печальное повествование как-то неадекватно: сначала улыбался, а теперь уже с трудом сдерживал смех.

— Потом юноша сообразит, — вдохновенно вещал дед, — что подобные услуги можно за большие деньги и всем желающим оказывать. И что же дальше? Развернётся наш герой. Наверняка пошьёт себе что-нибудь зловещее и элегантное, украсит пальцы перстнями умопомрачительной стоимости и в таком неотразимом виде пойдёт давить жалких людишек направо-налево.

Николай Николаевич не выдержал и расхохотался.

— Не поперхнись, — заботливо сказал дед, на всякий случай отодвигая от него подальше кружку с чаем. — Потом наскучит ему это. Скучно ведь, когда тебя никто не любит, и грустно это, что ни говори. Помечется он, покрушит всё, что под горячую руку попадётся и решит отомстить этому миру глобально. Потому что мальчик определённо с задатками гениальности. Ну, тут есть варианты.

Дед строго посмотрел на Николая Николаевича, который продолжал давиться от смеха, и, покачав головой, закончил:

— Либо этот самородок ударится в политику, и здесь, хотя бы в отдалённой перспективе, но всё-таки понятно, зачем нам его сейчас пасти. Либо уйдёт с головой в решение вопросов великих и вечных, и чего он при этом с собой натворит, предсказывать не берусь. Но могу точно сказать, что удастся ему многое, поскольку, повторюсь, паренёк он талантливый. На что другие тратят годы, он может шутя получить за пару недель. А уж чего

он захочет, это Бог весть. Может в трансформации какие-нибудь диковинные ударится, может душу дьяволу продаст. Причём скорее второе, потому что он явно склонен к драматизму. Но врата ада в любом случае гостеприимно перед ним в конце распахнутся и встретят его там с фанфарами.

— Пожалуй ты прав, Кеша. — Всё ещё улыбаясь, Николай Николаевич смотрел на деда с благодарностью. — Чем больше мы вокруг него прыгаем, тем быстрее он вступит на своё блистательное поприще.

— Правильно, а изменить мы ничего не сможем. Разве что в критической ситуации жизнь ему сохранить. А разумно ли это? И Павлуша не хуже нашего знает, что нельзя человека насильно облагодетельствовать, или святым против воли сделать. И не стал бы Павлуша так поступать. Ну, погоревал бы, предложил бы мальчишке свою помощь для очистки совести и дальше бы пошёл. Потому что есть те, которые сами жаждут, чтоб им помогли, и чтоб просветили, и для общего дела сделать что-нибудь стремятся. И со способностями не менее впечатляющими, уверяю тебя. В общем, есть те, которые сами приходят. А вот зачем ему сдался конкретно этот парнишка, тебе предстоит выяснить.

— Похоже на правду. Тут что-то нечисто, — задумчиво кивнул Николай Николаевич. — Пойдём, погуляем? — неожиданно предложил он.

— Ты хочешь сказать, помёрзнем? — покосился на него дед.

— Не-е-т, именно погуляем. Навестим кое-кого, — вкрадчиво проговорил Николай Николаевич, склонив голову набок.

Дед наконец сообразил, о чём речь и радостно хмыкнул:

— Обожаю ночные прогулки...

===== Глава 4. Пригласите адвоката =====

Утопающий в пушистом снегу сад возле школы выглядел мирным и сонным. Не видно было ни души, ведь занятия давно начались, и Роман едва успевал к третьему уроку. Однако он абсолютно не переживал из-за своего опоздания, поскольку был уверен, что если захочет, никто ни о чём не станет его спрашивать.

С ветки вспорхнула синичка, и огромный пласт снега, потревоженный этим движением, мягко рухнул с дерева в высокий сугроб. «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...». Роман замедлил шаг, спрашивая себя, зачем он сегодня вообще пошёл в школу? Его раздумья нарушили приглушённые расстоянием голоса и смех. По дорожке навстречу ему шли двое мужчин. В одном из них Роман ещё издали узнал своего тренера по каратэ.

— Здравствуй, Князев. Прогуливаешь? — подмигнул он, поравнявшись с мальчиком.

— Князев? — высокий мужчина в чёрном пальто, шедший рядом с тренером, прищурился, разглядывая Романа. — Твоего отца случайно не Аркадий Вениаминович зовут?

— Аркадий Вениаминович.

— Он МАИ закончил?

— Верно, — Роман пристально посмотрел в глаза незнакомца и сразу пожалел об этом. Ему показалось, будто его вскрывают, как консервную банку. Вне всякого сомнения, этот человек видел его насквозь совсем не в переносном смысле слова и сейчас он безо всяких церемоний копался в его мозгу.

— Ты на папу очень похож, я имею в виду, внешне, и без фамилии не ошибёшься, — усмехнулся мужчина и протянул Роме руку. — Меня зовут Андрей Константинович. Руднев. Мы с твоим отцом учились вместе в институте.

— Очень приятно. Роман. — Мальчик сдержанно пожал облачённую в чёрную перчатку руку папиного однокурсника, вместе с тем вежливо пытаясь вытеснить его из своего внутреннего пространства.

— Да ты я вижу, боец, — насмешливо заметил Руднев и повернулся к роминому тренеру. — Наверное, подаёт большие надежды?

— А как же! Многим злости не хватает, но не ему! — тренер одобрительно хлопнул Рому по спине.

— Я так и думал. — Руднев на мгновение погрузился в глубокую задумчивость, не отрывая тяжёлого гипнотического взгляда от лица мальчика. Затем он вынул из внутреннего кармана визитку и двумя пальцами протянул её Роману. — Пожалуй, загляну к вам сегодня вечером. Передай отцу, пусть позвонит.

Через минуту Роман снова остался один в пустынном заснеженном дворе школы. Может, не было никакой встречи, померещилось? Однако, вот оно доказательство, у него в руке — тёмно-синяя с золотом визитная карточка, на которой блестят жёлтым металлом буквы: «Руднев Андрей Константинович, кандидат юридических наук, адвокат». Видимо, инженерное образование не удовлетворило Андрея Константиновича, и за почти двадцать лет, прошедшие с момента окончания первого института, он успел стать квалифицированным юристом.

Роман сунул визитку в карман и поспешил к школе. Хм, сначала Аверин, теперь ещё и Руднев. Не многовато ли магов на один квадратный метр за последние сутки? Но он подумает об этом позже — урок должен вот-вот начаться. Роман молнией метнулся в гардероб, потом бросился вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и вместе со звонком едва успел влететь в класс.

===== Глава 5. Предупреждён, значит вооружён =====

— Викентий! Вики, ты где? — Николай Николаевич брёл вокруг избышки в наброшенном на плечи пальто и периодически спотыкался о поленья, валяющиеся на посыпанном опилками снегу. Со своим интеллигентным лицом, аккуратным пробором в седых волосах и запонками на манжетах он имел вид барина, случайно заглянувшего на задний двор.

— Что на этот раз? — дед возник за спиной так тихо и внезапно, что Николай Николаевич вздрогнул.

— Фу, Кеша! Ну почему ты никогда не здороваешься?

Дед по обыкновению ухмыльнулся:

— Чтобы не портить свой имидж.

Николай Николаевич взглянул на него с плохо скрываемой нежностью и покачал головой.

— Я вообще-то пришёл тебя обрадовать.

— Так не тяни.

— Наш клиент уже обрёл благодетеля! — торжественно провозгласил он.

Дед, казалось, был озадачен:

— Так быстро?

— Вот именно, — укоризненно сказал Аверин и пытливо посмотрел на товарища. — Твои пророчества начинают сбываться с пугающей скоростью.

— Так. Пойдём в дом, а то замёрзнешь. — Дед подхватил его под локоть и потащил за собой. — И нечего фантазировать. Я просто оказался прав, — сердито добавил он.

— Ты даже не представляешь себе насколько, — спотыкаясь в очередной раз, подтвердил Аверин.

Дед резко затормозил и крепко схватил за плечи продолжавшего по инерции лететь вперёд Николая Николаевича, удерживая его, таким образом, от неминуемого падения.

— Выкладывай, — сурово потребовал он.

Николай Николаевич хитро улыбнулся:

— Он потрясающе выглядит, Вики. Такой зловещий, элегантный и пальцы унизаны перстнями. Мальчику будет с кого взять пример.

Через секунду они оба захохотали так, что целая туча ворон, облепившая ближайшее дерево, разом взвилась в воздух и ещё долго кружила над ними, опасаясь вернуться на прежнее место.

Николай Николаевич стоял, привалившись плечом к печке, и отогревал у огня замёрзшие руки.

— Ник, малиновое варенье доставать? — басовито донеслось откуда-то снизу, и из подпола показался дед, прижимающий к себе пузатые банки.

— Буду очень признателен, Кешенька, — любезно откликнулся Николай Николаевич.

Дед снова исчез в люке и через пару минут вернулся с банкой малинового варенья.

Аверин добрёл до стола и опустился на лавку.

— Ну-с, и что мы теперь станем делать? — рассеянно спросил он.

— Предупреждён, значит, вооружён, — бодро ответил дед, гремя посудой.

— Да, если бы ты знал, чем этот Руднев занимается!

— Приворотами и порчей? «Сто процентов верну любимого...»

— Тебе всё шуточки!

— Ники, не переживай. — Дед бросил на колени Аверину вышитое полотенце. — Возьми, а то брюки закапаешь. И пиджак сними. — Он забрал пиджак и, заботливо расправив его на плечиках, повесил на торчащий за печкой крючок. — Не переживай. Вспомни, что нам удалось прошлой ночью из Павлуши вытрясти.

Николай Николаевич закрыл лицо руками и тихо засмеялся:

— По-моему, он обиделся, когда ты его Павликом Морозовым назвал.

— А зачем он тебя обижал? И потом — я не называл. Я только сказал: «Похоже, мы вырастили Павлика Морозова».

Плечи Аверина продолжали трястись от беззвучного смеха.

— А что? Сколько мы сил потратили, чтобы его на журфак запихнуть! А кто с ним английским занимался? И после этого он будет с нами в партизан играть!..

Николай Николаевич глубоко вздохнул, успокаиваясь.

— Ладно, активируй мне Джокера, раз Павлуша соизволил нам о его существовании поведать.

— Как скажешь, — с готовностью согласился дед. — За какую ниточку будем тянуть?

— За зеленую потяни. Я думаю, это будет правильно. У нас теперь нет времени ждать, пока он сам проснётся. Учитывая, в каком темпе развиваются события, у парня практически нет шансов избежать того прекрасного будущего, что ты ему предначертал.

— Ник! — с укором воскликнул дед.

— Не скромничай, Викентий. Ты и сам прекрасно знаешь, что рыльце у тебя в пушку. Я, например, до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю, как по твоей милости пять лет в

третьесортном ВУЗе маялся. А всё потому, что Викентию Сигизмундовичу вздумалось пошутить на тему метания бисера перед свиньями. «Страдания доктора Аверина» — так, кажется, твой пасквиль назывался?

— По-моему, я уже извинялся, — широко улыбаясь, пожал плечами дед. Видно было, что он не испытывает ни малейшего раскаяния. — И потом, ты же знаешь — я не хотел...

— Как говорится, нехотя поп индюшку съел, — хмыкнул Николай Николаевич. — Но поскольку переделать тебя нельзя, — добавил он, задумчиво потирая руки, — будем тебя использовать...

===== Глава 6. Полезное знакомство =====

Каждый заметил бы, что Юлия Соломоновна — мама Ромы Князева — не только симпатичная женщина с блестящими чёрными глазами и непокорными кудряшками цвета воронова крыла, но и отличная хозяйка. Посреди стола, распространяя соблазнительнейший аромат, возвышалась гора золотистых пирожков, собственноручно связанные ею белоснежные кружевные салфеточки и вышитые крестиком подушечки создавали в доме атмосферу уюта и благополучия.

Зловещий чёрный силуэт Руднева абсолютно не вписывался в этот обывательский интерьер. С его появлением вся обстановка комнаты сразу как-то поблёкла, стала пошлой, мещанской и старомодной, как будто она уже просуществовала в неизменном виде лет двадцать. Только никто, кроме Романа, этой катастрофической несовместимости Андрея Константиновича с домом и его хозяевами почему-то не замечал. Со стороны вообще казалось, будто оживлённо беседуют старые добрые друзья. При этом Руднев почти и рта не открывал, но разговор за столом каким-то волшебным образом не прекращался.

Наблюдая за гостем, Роман всё больше убеждался, что его отец никогда не дружил с Рудневым, и знакомство их было весьма поверхностным. Тем не менее, едва получив от сына визитку, тот немедленно позвонил бывшему однокурснику и пригласил его прийти в тот же вечер в гости. Почему? Конечно, отец был очень податлив и с помощью лёгкого внушения Роман всегда добивался от него желаемого, будь то велосипед или разрешение не ходить в школу. Руднев как-то воздействовал на него? На подобные мысли Романа наталкивало воспоминание о том, с какой уверенностью он заявил «зайду, мол, вечером». Похоже, Руднев не сомневался в том, что его позовут. Оставалось непонятным, зачем ему вообще понадобилось являться к ним в дом. Ему что-то нужно от отца? Непохоже. Хотя, кто ж его разберёт?

Роман и рад был бы вытащить из Руднева ответы на все эти вопросы. Он попытался гостя «прощупать», но в присутствии господина адвоката его способности сразу как будто притупились. Он чувствовал себя так, словно его обернули толстым слоем ваты. Роман быстро сообразил, что Андрей Константинович недоступен его внутреннему зрению и слуху. Подавив лёгкую панику, он втянул обратно все свои щупальца и оставил гостя в покое. В конце концов, до вчерашнего дня сталкиваться с живыми магами ему не приходилось. С ними, конечно, всё должно быть не так, как с обычными людьми. Поэтому Роману пришлось довольствоваться банальным визуальным наблюдением, чтобы составить хоть какое-то представление о загадочном папином однокурснике.

Роман вынужден был признаться себе, что Андрей Константинович притягивает его необычайно. В отличие от Аверина в нём определённо было нечто родственное и, вне всякого сомнения, с Рудневым они бы непременно нашли общий язык. У Романа накопилось так много вопросов! И кто же, как не человек, явно сведущий в таких нетривиальных вещах,

как манипуляция человеческим сознанием, а возможно, и во многом другом, столь же захватывающе интересном, может на эти вопросы внятно ответить?

Только как же к нему подступиться? Пользоваться для этого своими способностями Роман, как внезапно выяснилось, не мог, да теперь, честно говоря, и опасался. Уже попробовал с Авериным. Хватит. У него слишком мало опыта для подобных экспериментов. К тому же Руднев выглядит мрачновато. Правда, пока он Роману ничего плохого не сделал, только покопался немного в его мозгах. Ну, так и сам Роман никогда не отказывал себе в подобном удовольствии. Что тут такого? На то и глаза, чтоб смотреть. Не Руднев же вчера на уроке истории чуть не вышиб из него дух одним своим появлением. Еще неизвестно, кто из них опаснее. Эти два безобидных с виду «старичка», (Романа передёрнуло от одного воспоминания о хозяине избушки), что-то с ним определённо делали, и ещё неизвестно, что именно, и какими будут последствия их подозрительных манипуляций. Вот уж к кому он точно больше не сунется! Не хотите дружить и не надо! И им подступиться ближе, чем на пушечный выстрел он больше не позволит. Хотя и любопытно, чего ж они от него хотели... Но ведь не подойдёшь, не спросишь. Вдруг Аверин покрутит пальцем у виска и за ручку в школьный медпункт отведёт? Ох, и подозрительно это — откуда они вдруг все взялись? За пятнадцать лет ни одного не встретил, а тут — пожалуйста — на любой вкус...

Как? Руднев уже уходит? Просто так? Андрей Константинович протянул на прощание руку и на его указательном пальце мрачно блеснул массивный перстень с чёрным камнем. Роман смотрел на гостя со злостью и отчаянием. Руднев перехватил его взгляд и усмехнулся. Взрослые переместились в прихожую. Пара дежурных вежливых фраз и дверь захлопнулась. А Роман так и остался стоять на пороге комнаты.

На плечо легла рука отца.

— Чего такой грустный? — без особого интереса спросил он. Впрочем, отец всегда так разговаривал с ним — равнодушно и надменно.

Не дождавшись ответа, он устало плюхнулся на диван и потянулся за газетой.

— Да, — спохватился он, заметив, что Роман собрался уходить. — Я надеюсь, у тебя нет завтра тренировки или ещё чего-нибудь... Я пообещал Андрею, что ты подъедешь к нему завтра вечером. Мне нужно кое-что передать...

Роман с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Конечно, он передаст. Охотно. Можете не беспокоиться.

Всю ночь Роман промучился без сна, размышляя о том, как пройдёт встреча с Рудневым и примет ли тот его под своё крыло. Забывшись утром в зыбком подобии успокоения, он увидел отцовского приятеля в своей комнате. Они стояли плечом к плечу около окна и разговаривали почему-то шёпотом. Роман даже чувствовал прикосновение шершавой ткани рудневского пиджака к своей руке, ощущал его тепло и горьковатый запах его парфюма. Предрасветные сумерки не позволяли разглядеть гостя как следует. К тому же гладкие иссиня-чёрные волосы, словно завеса, скрывали верхнюю часть его лица всякий раз, когда он наклонялся.

В руках Андрей Константинович держал кольцо — простенькое на первый взгляд колечко. Но когда Руднев поворачивал его в руках, на гладкой поверхности предмета вспыхивали загадочные знаки. По внутренней стороне кольца, как огненные змейки, извивались, скользя друг за другом, надписи. Андрей Константинович объяснял их значение и возможности, которые они открывают обладателю этой вещи. Его таинственный шёпот

отдавался щекоткой где-то в печени, заставляя Романа напрягаться, когда тот слишком близко наклонялся к его уху.

Кольцо легло в раскрытую ладонь Романа. Сначала оно показалось невесомым, но потом вдруг налилось такой тяжестью, что пришлось удерживать его двумя руками. Уронить кольцо он не хотел. И почему-то боялся обжечься. Но вопреки здравому смыслу он крепко сжал его в ладони, впитывая исходящую от странной вещи силу. Когда он разжал пальцы, на руке остался круглый чёрный отпечаток, похожий на ожог. Само кольцо вдруг превратилось в маленькую змейку, которая блеснув маслянистой спинкой, юркнула к нему в рукав. Андрей Константинович поднял голову и беззвучно рассмеялся, и Роман наконец-то поймал его острый, как бритва, холодный взгляд. Что-то ему не понравилось в этом взгляде. Довольно быстро Роман сообразил: в нём не было никакого человеческого чувства, но зато столько неприкрытого чистого цинизма! Хотел бы Роман сам так безжалостно смотреть на всех представителей рода человеческого. В душе неожиданно и совершенно нелогично шевельнулась симпатия к человеку, который обладает такой внутренней силой, что может позволить себе наплевать на всех. Руднев, казалось, прочитал его мысли. Он снова наклонился к самому уху Романа, но почему-то не прошептал, а отчётливо произнёс, заставив подростка вздрогнуть: «Я вижу, у нас много общего. Надеюсь, мы будем друг другу полезны».

===== Глава 7. Джокер =====

День ясный и очень морозный. Кажется, даже воздух звенит, как хрустальный. Небо такое синее, такое бесконечно высокое, что дух захватывает. Снег искрится и переливается — глаз не отвести. Ничто, сделанное человеческими руками, не сравнится с этой красотой, потому что она — живая.

По столу пляшут солнечные зайчики. Солнечный прибор оmyвает класс и кажется, что парты тихо колышутся на его золотых волнах. Все сегодня такие счастливые, кроме подопечного номер один, который с вызовом глядит на учителя из своего угла, мрачно сверкая глазами. Его присутствие действует, как зубная боль, но приходится терпеть и ласково улыбаться, чтобы сохранить свой безупречный имидж Человека, Которому Можно Бесконечно Доверять.

Николай Николаевич, словно мудрый Каа перед бандерлогами: завораживает учеников плавными взмахами рук, гипнотизирует их взглядом, очаровывает бархатным голосом. Мальчишка за первой партой преданно таращится на учителя фантастически голубыми глазами. У него такое честное лицо, что становится страшно за его дальнейшую судьбу. Как его фамилия? Бергер, кажется. Николай Николаевич вдруг спотыкается на полуслове. Нет, ошибиться он не мог. То, что он сейчас видит, может значить только одно. Вот он — Джокер. «Ничего не буду делать, — твёрдо обещает себе Николай Николаевич. — Если сам не придёт, всё, что я ни сделаю, будет бессмысленно». Он продолжает кружить по классу, как сказочная сладкоголосая птица, которая навеивает сны, такие яркие, что просыпаться не хочется. Звонок пронзительно дребезжит в полной тишине. Даже после этого все молчат, никто не спешит стряхивать умело сотканые им чары.

Наконец, все расходятся — притихшие и задумчивые. Определённо, это успех. Николай Николаевич вздыхает и опускается на стул. Опустевший класс тонет в солнечных волнах. Тишина оседает на парты, как древняя пыль.

— Простите, — раздаётся над ухом взволнованный голос. — Я хотел спросить...

— Да, Кирилл, что ты хотел спросить? — доброжелательно вопрошает Николай

Николаевич, не поднимая головы на восторженного обладателя честных глаз.

— Почему Гегель подменяет становление духа развитием абстрактной свободы? Разве может быть безграничная свобода — смыслом истории?

Давненько не приходилось терять дара речи. Такого Николай Николаевич даже не ожидал. Он с суеверным страхом смотрит на это пытлиное создание. Наверное, так выглядел Давид, когда стоял с пращой против Голиафа, совершенно не понимая, чего все вокруг так переполошились.

— Ты читаешь Гегеля? — осторожно спрашивает учитель.

— Вчера дочитал. И я не понял... — юное дарование смущается и слегка краснеет.

— Да? — подбадривает его невероятно заинтересованный Николай Николаевич.

— Гегель говорит, что история — это процесс становления Духа. Ну, здесь мне всё понятно...

Николай Николаевич чуть не прослезился, услышав это.

— Чудесно... Продолжай.

— И в то же время он утверждает, что история — это процесс развития свободы и прочей либеральной ерунды. Во-первых, где он в истории увидел прогресс разума и свободы? А, во-вторых, разве можно так предвзято подбирать исторические факты?..

Они проговорили всю перемену. Если бы было можно, Николай Николаевич задержал бы это чудо ещё на пару часов. К сожалению, это было крайне неразумно. На прощание условились, что Кирилл сделает как-нибудь доклад. Николай Николаевич обещал любознательному подростку свою помощь и содействие в его историософских изысканиях, а также обязался снабдить его всей необходимой литературой. Расстались оба абсолютно счастливыми, мысленно воздавая хвалу судьбе за такой щедрый подарок, которым они явились друг для друга. Только Николай Николаевич торжествовал гораздо больше, поскольку в состоянии был осознать истинные масштабы того фантастического везения, которое обрушилось на его седую голову. Хорошо спланированного везения, честно говоря...

— Викентий! Да где же ты опять?! — Николай Николаевич ворвался в маленькую комнатку под крышей, где дед, нацепив на нос очки, сурово хмурился над какими-то бумагами, которыми был завален весь внушительных размеров письменный стол. Целая туча пыли роилась над ним в ярких лучах солнечного света.

— Не ори, — строго сказал он, потом всё-таки поднял голову и с удивлением взглянул на Аверина. — Ты чего такой лохматый?

Николай Николаевич, обычно щеголявший с аккуратным пробором в седых волосах, теперь действительно был взъерошен, как воробей.

— Подрался что ли с кем-то? — дед вынул из нагрудного кармана расчёску и двинулся приводить друга в порядок.

— Спятил? Я, вообще, никогда ни с кем не дрался. Физически... — счастливо смеялся Николай Николаевич, отводя его руку.

— Тогда чего? Наш подающий надежды чернокнижник раскаялся и обратился к свету? — искренне недоумевал дед.

— Что ты! — Николай Николаевич махнул рукой. — Он ещё никуда обратиться не успел. Ни туда, ни сюда.

— Ладно. Садись, рассказывай. — Дед с досадой толкнул Аверина на диван, снял очки и, сев обратно на стул, мрачно уставился на гостя.

Николай Николаевич несколько секунд зачарованно наблюдал, как в воздухе кружится пыль, взметнувшаяся при его падении на диван. Это было похоже на маленькую рукотворную метель. Дед терпеливо ждал рассказа.

— А чем ты занимаешься? — вдруг спросил Аверин.

Дед удивлённо поднял брови.

— Чем я могу заниматься? Целыми днями только сижу и жду, когда ты придёшь снова пудрить мне мозги. В этом смысл моей жизни...

Николай Николаевич мгновенно изменился в лице, как будто получил оплеуху. Сразу как-то выпрямился. Глаза потемнели. Губы, как у трагической маски, изогнулись подковкой, уголками вниз.

— Извини. Если я не вовремя, зайду в другой раз, — холодно пробормотал он, опуская взгляд. Потом быстро поднялся и стремительно вышел за дверь. Благо она была рядом.

Дед некоторое время с изумлением смотрел ему вслед, затем раздражённо отшвырнул тетрадку, свалившуюся со стола ему на колени, нехотя встал и направился вниз по лестнице.

Аверин уже успел одеться и даже выйти из дома. Дед едва успел поймать его за шиворот.

— По-моему, у тебя совсем крыша съехала! — заорал он на Николая Николаевича, который, сжав зубы, изо всех сил пытался вырваться. — Обиделся он! Ты ещё заплачь! Если у тебя такая нестабильная эмоциональная конфигурация, нечего тебе делать на этой нервной работе! — Он потащил Аверина обратно к крыльцу и втолкнул его в дом. — Я тебя предупреждал, чтобы ты не выкладывался, как последний идиот, на этих дурацких уроках?! Но ведь мы же не можем удержаться! Не так ли?!!

Николай Николаевич как-то внезапно сник, стянул пальто, бросил его на лавку и сам понуро опустился рядом.

— Ну вот. Так-то лучше, — мгновенно смягчился дед. Он подошёл к Аверину и стал гладить его по волосам. — Успокойся. Всё нормально. Тебе просто надо отдохнуть. — Он наклонился и пристально взглянул ему в глаза. Аверин заморгал и покачулся. — Вот-вот, спи давай, филантроп несчастный... — Он аккуратно уложил его на лавку, под щеку подsunул валявшуюся на сундуке маленькую диванную подушку и сверху набросил пальто. — А Павлуше я голову оторву, — шёпотом пообещал он и, оглядываясь, тихо направился обратно к лестнице.

— Коль, ну прости, — басил дед, хмуро глядя на Николая Николаевича, который лежал теперь на диванчике в той самой маленькой комнатке под крышей. На лбу у Аверина был компресс, в комнате пахло лекарствами, и отблески свечей загадочно мерцали, отражаясь в склянках и пузырьках, которыми был уставлен маленький столик в изголовье. — Откуда мне было знать, что этот Джокер окажется так близко с тобой связан? Я сделал всё, как мы с тобой договаривались. Потянул... А Павлушу убить мало с его секретами.

— Ты сам его так воспитал, — глухо отозвался Аверин, не открывая глаз. — Если уж на то пошло, он твоя точная копия.

— А этот Бергер, судя по всему — твоя точная копия. Не случайно тебя лет эдак на сорок сразу в развитии отбросило.

— Ха-ха-ха... — бесцветно произнёс Николай Николаевич. — Извини, по-настоящему смеяться не могу — сил нет.

Дед улыбнулся.

— Я когда увидел тебя в таком разобранном состоянии, просто глазам не поверил. Я уже так привык к твоей... безмятежности. Что твой дух навсегда слился с гармонией высших сфер и глупые вибрации человеческих эмоций гаснут, едва с ним соприкасаясь. И тут — такое разочарование...

— Как ты мог так подумать! — поморщился Аверин, стаскивая со лба компресс.

— Да я и подумать не успел! Как говорится, опыт не пропьёшь. Всё на автопилоте. Как в старые добрые времена, — мечтательно протянул дед. — Потом. Ты связан с Бергером, а я — с тобой. Ты сдвинулся и меня за собой потащил.

— Вообще-то это ты потащил. Нас всех.

— Я не знал, что всех. Я воздействовал только на Джокера.

— А Павлуша знал.

— Да. И ничего не сказал.

— Пойдём, превратим его в крысу! — с чувством воскликнул Аверин.

Дед уронил голову на руки и захохотал.

— Прекрати сейчас же! — всхлипывал он. — Ты не представляешь... как было трудно... тебя зафиксировать!.. А ты опять в детство впадаешь! — Всё ещё постанывая от смеха, он пересел на диван и забрал у Николая Николаевича компресс. Погрузил его в миску на столике, отжал и стал вытирать Аверину лоб. Потом зачерпнул почти прозрачную мазь из плоской широкой склянки и принялся пальцами втирать её в виски, в какие-то точки на лбу и над скулами. — В глаза мне смотри, — тихо приказал он.

Аверин с трудом разлепил веки и недовольно уставился на деда. Тот загадочно усмехнулся и глубоким чарующим баритоном начал негромко, нараспев декламировать:

Климат здесь сухой, весь край наш солнцем раскалён.

Он же — с севера, и нежен по натуре он.

Нам возвышенное место надо отыскать,

Нам его в прохладе горной надо содержать,

Где бы северный лелеял тело ветерок,

Где бы отдых был приятен, сон ночной глубок,

Чтобы в климате хорошем рос он, как орёл,

Чтобы крылья он и перья крепкие обрёл,

Чтобы запятнать природу шаха не могли

Этот зной и сухость праха, дым и пыль земли.

Продолжать дальше не было смысла. Аверин отключился. Голова его тихо склонилась на бок. Лицо без всегдашней мимической игры стало простым и почему-то скорбным. Дед постоял над ним немного, поправил относительно чистым мизинцем прядь его лёгких седых волос, затем устало задул свечу и, вздыхая, отправился вниз, отмывать руки от пахучей мази.

===== Глава 8. Преступный сговор фатального с неизбежным =====

Миллион снежинок в секунду. Без передышки. Невозможно нащупать момент затишья, чтобы разлепить глаза. И чтобы глубоко вдохнуть, а не глотать воздух урывками открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Казалось, сама природа взялась помешать Роману добраться сегодня до офиса Андрея Константиновича Руднева.

А каким ясным было утро! Лёгкая сухощавая фигура Аверина почти таяла в солнечных лучах, когда он, с горящим взором стоял перед классом и вдохновенно опутывал своими речами наивных подростков — просто сирена! Отгородившись от пьянящих аверинских чар прочным щитом, Роман пытался понять, вызывает ли у него мысль об учителе что-нибудь,

кроме раздражения. Пока он подбирал синонимы к словам «злость» и «неприязнь», он пропустил, похоже, нечто важное. Всё, что он успел заметить: отблеск зелёного пламени над головой кого-то из сидевших недалеко от учительского стола. Аверин явно с трудом заставил себя отвести взгляд от источника неожиданной иллюминации. Роман заинтересовался этим фактом, и некоторое время ждал развития событий, но ничего не произошло. Урок закончился.

В звенящей тишине, внезапно посеревший, измотанный Аверин резко разорвал наброшенную на учеников золотистую сеть, которая с тихим дрожанием медленно истаяла в воздухе. Роману показалось, что учителю стало плохо, и он хотел было задержаться, чтобы предложить свою помощь. Ведь, несмотря на свою обиду, он так до конца и не решил, как ему относиться к Аверину. Но тут вклинился тихоня Бергер: полез к историку со своими дурацкими вопросами. Видит ведь, что человек даже головы поднять не может! Впрочем, возможно, он и ошибся. Потому что, когда Аверин взглянул, наконец, на приставучего ботаника, Романа едва не сшибло с ног волной его избыточной и совершенно безумной энергетике. Тут уж нехорошо стало самому Роману, и он тихо ретировался, проклиная сквозь зубы нестабильных и взбалмошных магов, которые не в состоянии контролировать свою, судя по всему, излишне стихийную натуру.

Теперь солнечное утро казалось сном. Задыхаясь от ураганного ветра, Роман едва дополз до порога рудневского офиса — точно в назначенное время, между прочим. На волосах у него таял снег. Он так продрог, что не хотелось расставаться с верхней одеждой. Пока он, пошатываясь, пытался отдышаться и привыкал к тому, что больше не надо прилагать усилий, чтобы оставаться на месте и не быть унесённым в ночь безумным снежным вихрем, перед ним незаметно нарисовались два невыносимо элегантных ботинка. Заставив себя поднять голову, Роман встретил тот самый холодный, пристальный взгляд, который так поразил его во сне. Ну, надо же, подумалось ему, волосы как уголь чёрные, а глаза серые, да ещё такие яркие! Генетический урод. Какой-то сбой в наследственности, не иначе, потому что так не бывает.

Андрей Константинович, ответно препарировав его своим острым взглядом, непонятно чему ухмыльнулся и, прищёлкнув пальцами, покрутил в воздухе рукой, поторапливая его раздеться. Аккуратно стряхнув с романовой куртки снег, он собственноручно повесил её в шкаф. Затем любезно проводил гостя в свой кабинет и усадил на мягкий кожаный диван — такой приятный на ощупь, что его хотелось погладить. Оказаться там, где метель не вытряхивает из брэнного тела душу, было так приятно, что Роман боялся задремать в охватившем его тепле. Окончательно растечься тёплой лужицей по дивану ему не давало только присутствие Руднева, от которого исходило явное ощущение угрозы. Роман не мог избавиться от стимулирующего мощный выброс адреналина чувства, что за спиной у господина адвоката всё время кто-то стоит: тёмный и опасный.

— Кофе молодому человеку: крепкий, чёрный и без сахара, — уверенно велел Руднев секретарше и только потом повернулся к Роману. — Всё верно?

Тот сдержанно кивнул: если кто-то в этом кабинете и заговорит о чём-то выходящем за рамки обыденности, пусть это будет Руднев. Нарываться на преждевременные объяснения, вежливо удивляясь, как это Андрей Константинович догадался о его предпочтениях, Роман не станет.

— Извини, что не присоединяюсь, — весело продолжал тем временем господин адвокат. — Если бы ты знал, сколько чашек кофе я уже выпил с клиентами за сегодняшний

день, ты бы меня простил.

Роман позволил себе усмехнуться. Молча, опять-таки.

Пока секретарша ловко составляла на стол теснившиеся на её подносе предметы сервировки, он воспользовался паузой, чтобы осмотреться. Это не офис. Это кабинет царского министра. Антикварная мебель, бронзовые люстры на украшенном лепниной потолке, картины на стенах — в очень скромных рамах, но от этого не менее ценные. И множество книг — на английском, немецком, ну и, само собой, на русском. Ровные корешки фолиантов, сдержанно блистающих золотым тиснением: исследования по римскому праву, своды законов, монографии по истории юриспруденции... И, наконец, сам хозяин кабинета. Роман во все глаза глядел на Андрея Константиновича и удивлялся, как это он умудряется не выглядеть глупо, будучи таким франтом: почему костюм с иголки не делает его похожим на манекен, а обилие украшений — пародией на графа Калиостро.

Руднев не мешал гостю знакомиться с обстановкой своего кабинета. Он, как и предполагалось, абсолютно не заинтересовался тем свёртком, который принёс ему сын бывшего однокурсника. Зато очень внимательно, прищурившись, смотрел на самого Романа.

— Я вчера весь вечер размышлял над твоей просьбой, — неожиданно просто сказал он. Вот так вот огорошил безо всяких предисловий. «Просьбой?! С каких пор робкие невысказанные надежды стали именоваться просьбами?». — Я не беру учеников.

Роман замер, потом нервно отодвинул от себя чашку, порываясь встать.

— Я не закончил, — усмехнулся Андрей Константинович. — Мне, как я уже сказал, не нужен ученик — у меня нет ни желания, ни сил этим заниматься. Да и фантазии такой, честно говоря, у меня никогда не было. Но мне нужен... помощник. Согласись, что ничто, кроме практики, не может обнаружить наших действительно слабых мест, и только она даёт возможность отточить своё мастерство. Мы можем договориться так: ты выполняешь мои поручения, я помогаю тебе советами. Такой вариант тебя устроит?

— Почему Вы думаете, что я в состоянии справиться с Вашими поручениями? — Роман хотел конкретизировать свои сомнения, но запнулся.

— Потому что я не слепой, — снова усмехнулся Руднев. — Расскажешь мне — что там? Не открывая... — он с улыбкой подтолкнул в его сторону ничем не примечательный конверт в обход расставленных на столе чашек и вазочек.

Экзамен? Ладно. С абсолютно непроницаемым лицом Роман взял конверт, подержал между ладонями, затем положил его перед собой на стол и сверху накрыл рукой. Прядь тёмных волос упала на его прочерченный вертикальной складкой лоб.

— Там фотография, — уверенно заговорил он, сосредоточенно глядя куда-то в пространство. — Мужчина. Средних лет. Тёмные волосы. Не очень высокий. Белые кроссовки, джинсы и спортивная куртка. Красная. Вокруг скалы, сосны. Сзади вода: то ли море, то ли озеро... Здесь ещё деньги лежат. Довольно крупная сумма. Это не рубли. Доллары — купюры зелёные. Я вижу человека, который даёт Вам этот конверт — здесь, в этом кабинете: плешивый, пузатый дяденька лет пятидесяти. (Руднев с трудом сдержал улыбку). Мужчина на фотографии моложе. Это его партнёр по бизнесу. Он хочет, чтобы Вы...

— Достаточно, — спокойно прервал его Руднев, протягивая руку за конвертом.

Роман выпрямился и настороженно посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты молодец, — успокоил его Андрей Константинович. — Всё сказал абсолютно верно. И понял всё правильно, — негромко добавил он. — Пей кофе — остынет...

Боясь сказать в ответ что-нибудь лишнее, из-за чего всё пойдёт не так, Роман, согреть пальцы, взял чашку обеими руками, и одним глотком быстро допил горькую жидкость.

— Переверни чашку на блюде. Кверху дном, — предложил пристально следивший за ним Руднев. — Уверен, ты не подозреваешь, сколько пользы можно извлечь из твоей любви к кофе.

Вот тут-то Роман и забыл обо всём. Руднев оказался вовсе не снобом. Он быстро развеселил Романа предсказаниями о грядущих контрольных, найдя вполне достоверные толкования тем знакам, в которые сложились подтёки на стенках его чашки. И даже почти убедил его, что в кофейных разводах отчётливо видна цифра «пять», обозначающая оценку, которую он несомненно за них получит. Роман хохотал, как сумасшедший. И не переставал улыбаться, когда Руднев объяснил, что важны не символы, сверхъестественным образом явленные в кофейной гуще, а способность использовать насыщенный информацией предмет, как вход в человека. Потом плавно перешёл на гадание по руке и, глянув вскользь на ладонь Романа, сделал несколько очень точных замечаний о его жизни. Рассказал много занимательного о знаках, толковании снов и гипнозе. Причём, получалось как-то так, что он касался в разговоре именно тех предметов, которые Роману больше всего хотелось прояснить. Благодаря чему вся беседа с Рудневым превращалась в одно сплошное открытие и дарила приятное ощущение вдохновенного полёта в неизведанное.

Их увлекательное общение было прервано секретаршей, которая сообщила об ожидающем в приёмной клиенте. Заметив, с какой досадой Роман поморщился, поняв, что его сейчас выставят за порог, Руднев усмехнулся и, задумчиво очертив взглядом контуры его чеканного профиля, вдруг предложил:

— А ты заставь его уйти. Сможешь?

Роман надменно поднял бровь и без лишних слов поднялся со своего места. Оставив дверь в кабинет открытой, он подошёл к секретарше и вежливо поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, у Вас есть старый телефонный справочник?

— Где-то был, — удивлённо глянув на мальчика, с недоумением пробормотала она, но с готовностью принялась копаться в окружавших её стол тумбах и ящиках. Когда рыжая макушка секретарши совсем скрылась за столешницей, Роман повернулся к ней спиной и оказался напротив уныло созерцающего свои башмаки человека.

— Ой, простите, Вы испачкались, — радостно воскликнул Роман, заставляя мужчину нервно вздрогнуть и поднять на него глаза.

— Где? — затравленно уточнил посетитель.

Роман неопределённо помахал рукой возле лица, с застывшей улыбкой впиваясь в него жутким взглядом голодной змеи.

— Показалось, — холодно, но довольно учтиво ответил он пару секунд спустя и отвернулся к столу секретарши. — Просто свет так падает.

Ещё через мгновение за спиной у Романа послышался сдавленный стон и мужчина, рывком стаскивая с вешалки свою дублёнку, ринулся прочь, чертыхаясь и одеваясь на ходу. Секретарша, вынырнув из-под стола, растерянно поглядела ему вслед.

— Ладно. Не ищите, — вежливо улыбнулся ей Роман. — Я дома посмотрю. У меня точно есть. — И он вернулся в кабинет, аккуратно притворив за собой дверь.

— Что ты с ним сделал? — сдержанно посмеиваясь, поинтересовался Руднев, внимательно наблюдавший за сценой в приёмной. Роману польстило, как одобрительно блестяли при этом глаза господина адвоката.

— Сообщил ему, что он забыл выключить дома утюг, — небрежно дёрнул плечом Роман.

— Вообще-то ты напугал его до полусмерти, — захохотал Андрей Константинович, вытирая слёзы. — Готов поспорить, в школе от тебя все разбегаются, как тараканы от тапка. Ты хоть знаешь, какой агрессивный у тебя двойник? Ты его вообще контролируешь?

Роман с искренним недоумением таращился на Руднева.

— Кстати, хочу тебя предупредить, — весело продолжал тот, — чёрный цвет излишне усиливает твою нетривиальную энергетику. Поэтому я бы тебе посоветовал вот так вот — во всё чёрное, как сейчас — не одеваться. Если, конечно, ты не ставишь перед собой цель напугать обывателей до икоты...

— Спасибо, я учту, — хмыкнул Роман.

— Однако мы заговорились, — опомнился Андрей Константинович, бросая взгляд на часы. — Час-то уже поздний. Могу подбросить тебя до дома.

— На улице метель, — слегка удивлённо заметил Роман. — Вы хоть представляете, какие сейчас пробки? Вы до утра до дома не доберётесь.

— Ну, с приятным собеседником и в пробке постоять приятно...

— Уговорили...

===== Глава 9. Детали =====

— Слушай, ты Панарина знаешь? — задумчиво спросил дед, протирая посуду.

— Наслышан. Лично никогда не встречался. — Аверин снова попытался заставить концы галстука сплестись в правильный узел и раздражённо опустил руки. — Кеш, пожалуйста, помоги завязать галстук! — жалобно позвал он, недовольно глядя на себя в зеркало.

Дед, ухмыляясь, повесил полотенце на плечо, и, подойдя, развернул Аверина к себе.

— А вот Руднев умеет завязывать галстук, — ехидно заметил он, ловко справляясь с коварной полоской ткани и опуская воротничок аверинской рубашки.

— Причём тут Руднев? — нахмурился Николай Николаевич, одёргивая пиджак.

— Ну как же! Выходит, у него есть преимущество!

— У немцев в сорок первом тоже было преимущество, — строго и прочувствованно ответил ему Аверин, чем мгновенно довёл деда почти до истерики.

Пожав плечами, Николай Николаевич обогнул корчащегося от смеха товарища и, сняв с вешалки пальто, принялся критически его осматривать.

— Я его почистил, — подал голос едва живой от смеха дед.

— Спасибо, — буркнул Николай Николаевич. — Может ты, заодно, и портфель мой найдёшь?

— За печкой твой портфель. И удостоверение не забудь.

Аверин залез во внутренний карман пиджака и проверил, там ли документы.

— Так ты почему про Панарина спросил? — поинтересовался он, надевая пальто.

— Я вчера заметил кое-что, когда за нашим подопечным наблюдал, — дед вытер слезящиеся от смеха глаза и, стянув с плеча полотенце, вернулся к оставленной на столе посуде. — Похоже, не я один вчерашней встречей интересовался.

— Любопытно, — Аверин накинул на шею шарф и задумался. — Кеш, ты думаешь то же, что и я?

Дед согласно кивнул:

— Не удивлюсь, если это он на нас Князева повесил.

— Всё интереснее и интереснее, — пробормотал Аверин, забирая из-за печки портфель. — Насколько я знаю, чёрные маги — не его профиль... А где ты с ним познакомился?

— В монастыре. Вместе дрова пилили.

— А потом?

— Нет, больше мы не встречались.

— Ладно, разберёмся. — Николай Николаевич обернулся на пороге. — К тебе домой заглянуть?

— Только если почтовый ящик проверить... Нет! — Дед тут же замахал руками. — Лучше побыстрее возвращайся. Пора уже ту вещицу владельцу отдавать. Мы должны разобраться с ней как можно скорее. Вот сегодня и займёмся.

Николай Николаевич вздохнул и потянул на себя дверь.

— Только, пожалуйста, возвращайся в нормальном состоянии, — насмешливо бросил дед ему в спину. — Если ты опять впорхнёшь ко мне безумным светлячком, как вчера, я могу этого не пережить.

— Ну, знаешь! — опешил Аверин. — Как будто это не ты вчера сотворил!

— Есть масса способов достичь того же эффекта и без моего вмешательства, — уклончиво ответил дед. — Ну, ладно, ладно! Я пошутил. Не задерживайся, в общем. У вас же сегодня нет заседания? Так что чаю с коллегами попьёшь — и назад.

«Международный форум: Россия и мир — XXI век» значится на указателе. Красная стрелочка сообщает, что надо подняться вверх по лестнице. В холле, оформленном в синевелых тонах, участники мероприятия оживлённо толпятся перед столами регистрации.

У стены вполоборота, внимательно слушая собеседника, стоит мужчина: довольно молодой, русые кудри, лицо, как вдохновенный набросок художника (брови вразлёт, гордый взмах ресниц, тонкая линия носа и красиво очерченные губы). На нём джинсы и бежевый пиджак, которые ловко сидят на его спортивной фигуре. Взгляд холодных со стальным отблеском голубых глаз оставляет ощущение, что тебя аккуратно вскрывают скальпелем.

Парень оборачивается и замечает самодовольного, холёного господина, который движется в его направлении, гордо рассекая толпу. Молодой человек, лавируя между чьими-то спинами, пробирается ему навстречу. Тот важно протягивает руку:

— Паша! Рад тебя видеть...

— Взаимно, Юрий Александрович, — улыбается молодой человек, почтительно пожимая протянутую руку, и тихо добавляет. — Вы отлично поработали над образом! Чиновник такого ранга не может иметь столь человеческое и интеллектуальное лицо, которое было у Вас раньше. Это настораживало.

Юрий Александрович снисходительно смеётся. Его очки поблёскивают, отражая синие стены и силуэты людей в холле.

— Я тебя тоже хочу похвалить. Видел твой последний репортаж. Очень тонко. Всё-таки Ближний Восток — сложная тема. А ты молодец. Видна аверинская школа. И твёрдая рука Викентия Сигизмундовича.

— Да уж. Им я обязан всем.

— Как продвигается наше дело — с мальчиком Ромой?

— Как по маслу. Можете не сомневаться.

— Даже и в мыслях не было! Что и говорить, Вики и Ники великолепно работают в

паре. Смотри только, не проколись!

— Знаю. Креплюсь изо всех сил. Но они ведь тоже не дураки. Приходили недавно. Всю душу вытрясли.

— И как ты выкрутился?

— А я изначально не дал им вообще никакой информации. А когда они пришли меня пытаться, честно выложил оставшуюся инструкцию. Почти всю...

— Ты страшный человек. Почти как сам Радзинский.

— Каков учитель, таков и ученик.

— Болтун. А как тебе удалось Аверина уговорить? Он же ненавидит преподавать.

— Ну, сначала Николай Николаевич был ужасно недоволен... Но я знаю один секрет. Если он слышит знакомые интонации Викентия Сигизмундовича, мгновенно становится более покладистым. Мне повезло, что я могу так удачно их имитировать.

— Ты пугаешь меня всё больше. Ладно. Помни, упустить этого мальчика мы ни в коем случае не должны. Возможность осуществления его миссии должна быть пресечена в самом начале. Если не справимся, то лет через тридцать нас всех ждут большие проблемы. Держи меня в курсе, если возникнут какие-то сложности. Информацию о нём мы закрыли. Так что, если не проболтаешься, некоторая фора у нас будет. А теперь извини, мы подозрительно долго с тобой общаемся.

— А может, я сын какого-нибудь важного человека и Вам что-то от меня нужно? Или от моего папочки.

— Не импровизируй. Передавай нижайший поклон Ники и Вики.

— Передам. Как только увижу. Я теперь стараюсь им лишний раз о себе не напоминать. Завтра уезжаю в Сирию, потом на полтора месяца в Ливан.

— Тогда, будь осторожен. Удачи. Кланяйся от меня Фархаду и Ихнему Высочеству. Да, и жене привет передавай! Сколько вашей Мусе уже?

— Три года.

— Как время-то летит! Ну, будь здоров!

— Спасибо. До встречи!

Они разошлись в разные стороны и оба мгновенно растворились в толпе.

===== Глава 10. Разведка =====

Ласковый язычок пламени всё пригибался, вытягиваясь и трепеща, как будто хотел лизнуть металлический диск, лежащий на столе поверх смятой тяжёлой бархатной ткани.

— Ну что, поехали? — напряжённо спросил Радзинский. В глазах его застыла тревога. Сидевший напротив Аверин рассеянно кивнул. В неустойчивом свете единственной свечи его лицо, очерченное резкими тенями, выглядело ещё более осунувшимся, чем всегда. — Помни, я тебя вытащу. — Дед беспокойным взглядом ощупывал витавшего в облаках товарища. — Только не заходи слишком далеко. Нам всего лишь нужно знать направление.

Аверин, казалось, его не слушал. Он закрыл глаза и осторожно кончиками пальцев прикоснулся к лежавшему между ними предмету.

— Рассказывай то, что видишь, — негромко велел дед слегка осипшим от волнения голосом.

— Ани роцэ левакеш...(1) — взволнованно пробормотал в это время Аверин, не открывая глаз. Брови его поползли вверх. — О-о-о! — удивлённо протянул он, — Тов (2), ему не нужно этого знать...

1 Я хочу попросить (иврит).

2 Хорошо (иврит).

Он продолжал выдавать обрывочные фразы. Радзинский терпеливо ждал. Видно было, что он уже успокоился и прислушивается к сбивчивой речи Аверина с ничем не омрачённым интересом.

— Зот адэрэх шело(3). Я понимаю. Мы не должны были сомневаться.

3 Это его путь (иврит).

Радзинский не отрывая взгляда от друга, тихонько потащил на себя ткань и пальцы Аверина соскользнули с металлической поверхности.

— Возвращайся, — настойчиво произнёс он. Потом приложил свою ладонь к груди Аверина и медленно вытянул из его тела пульсирующую голубую нить. Намотал её на указательный палец и слегка дёрнул. Аверин вздрогнул и распахнул глаза. Радзинский стряхнул нить, и она растаяла в воздухе.

— Аколь бесэдэр(4)? — насмешливо поинтересовался он, подвигая Аверину кружку. — Пей, — сердито сказал он, глядя, как Николай Николаевич задумчиво зажал её между ладонями. — А то я вылью её содержимое тебе на голову.

4 Всё в порядке? (иврит).

Аверин снова вздрогнул и с недоумением уставился на кружку. Машинально поднёс её ко рту и сделал глоток.

— Я был прав? Это проводник?

Николай Николаевич покивал головой, явно не торопясь возвращаться в этот мир.

— Ни-ик, очнись! — ласково позвал дед. Он встал со своего места и, подхватив лёгкого, как мальчишка, Аверина под мышки, поставил его на ноги. Подталкивая Николая Николаевича в спину, дед заставил его двигаться к выходу, хотя мог бы, наверное, легко перекинуть его через плечо и понести: он был на целую голову выше и намного мощнее своего сублильного приятеля. Когда он распахнул дверь, в лицо им вместе с холодным ветром полетели колючие снежинки. — Ну как, бодрит? — усмехнулся Радзинский.

Николай Николаевич встряхнулся, как вылезшая из воды собака и поёжился.

— Ты бы ещё в сугроб меня кинул! — вяло обиделся он, обхватывая себя руками.

— А что, это мысль! — дед вышел на крыльцо, сгрёб с перил снег и смерил Аверина многообещающим взглядом. Тот с ужасом отшатнулся и, шагнув за порог, захлопнул перед носом Радзинского дверь. Дед хмыкнул, приложил снежок ко лбу, потом закинул его подальше. Потянув носом остро пахнувший морозный воздух, он вернулся в дом. Аверин как раз ставил на огонь чайник.

— Ну, рассказывай, — дед уселся на сундук и вытянул свои длинные ноги, приготовившись слушать. Его глаза блеснули в полумраке янтарными кошачьими огнями.

Николай Николаевич отвернулся от плиты и послушно опустился на табуретку около печки. Волосы упали ему на лоб, и он поправил их каким-то ужасно беззащитным жестом.

— Эта вещь помогает настроиться на определённые вибрации. Всё как ты сказал, — устало заговорил он, разглядывая свои сцепленные в замок пальцы. — Как ты прекрасно знаешь, в тонких слоях различные сообщества обитают в определённых местах. У них своя география. Но даже с подробным описанием в руках, ты всё равно не сможешь там разгуливать, где пожелаешь. Поэтому проводник настроен на излучения конкретного места и эта связь добровольно и сознательно поддерживается его обитателями. Не одну сотню лет, между прочим...

— Я уже понял: вещь настроена на определённого человека, — нетерпеливо прервал его

дед. — Так?

— Так, — нервно кивнул Аверин. Он ещё немного помялся, а потом разом выдохнул. — Это наш подопечный.

— Вот тебе бабушка и... — Радзинский резво вскочил и принялся мерить комнату широкими шагами. — Но это же всё меняет! — В это время чайник на плите начал плеваться кипятком. Дед подхватил его полотенцем и отнёс на стол. — Чашку мою захвати, — кивнул он в сторону шкафчика.

Аверин вздохнул и занялся сервировкой.

— И как же ты туда попал, позволь полюбопытствовать? — размешивая сахар, мрачно поинтересовался дед, когда Аверин устроился по обыкновению напротив.

— Видимо, нас пустили, поскольку мы ему вроде как не чужие.

— Ник, зачем ты врёшь?! — разозлился вдруг дед и грохнул ладонью по столу, отчего его чайная ложка, подпрыгнув, с глухим стуком упала на половик.

— Я не вру, — бесстрастно парировал Аверин, спокойно пробуя свой чай. — Я скрываю от тебя информацию, в которой сам ещё до конца не разобрался. Ты же не дал мне возможности побыть там подольше.

— А ну как я эту информацию сейчас из тебя вытрясу?! — угрожающе прорычал дед.

— Попробуй, — холодно взглянул на него Аверин.

— И что ты мне сделаешь? — вкрадчиво поинтересовался Радзинский. — Дай угадаю... — он изобразил задумчивость. — А-а, превратишь меня в крысу!

— Угу, — развеселился Николай Николаевич.

Дед внезапно расслабился.

— Дурак ты, Коля.

Аверин поднял на него насмешливый взгляд, прикусил губу и спрятал улыбку за кружкой.

— Кеш, ты злишься? — Аверин, до самых ушей закутанный в пёстрый, откровенно восточного происхождения шарф Радзинского, подпрыгивал, чтобы не замёрзнуть, на расчищенном участке дорожки. На руках у него красовались огромные меховые варежки, принадлежавшие, вне всякого сомнения, тому же хозяину, что и шарф.

Дед в расстёгнутом тулупе неспешно продвигался вперёд, методично отбрасывая со своего пути снежные завалы внушительных размеров лопатой. Разноцветные солнечные искры радостно вспыхивали в завихрениях лёгкого сыпучего снега.

— Николенька, ты обалдел? — Радзинский резко остановился и хмуро глянул через плечо. — Мы вроде не первый день знакомы.

— Н-не первый, — охотно согласился Аверин, зябко поводя плечами. — Но с годами — и я не могу этого не отметить — ты стал заметно сдержаннее в проявлении своих негативных эмоций.

Дед обречённо вздохнул и с силой воткнул лопату в снег.

— Ты себя видел? — снисходительно поинтересовался он, поворачиваясь к съёжившемуся от холода приятелю.

— Допустим, — нахмурился Николай Николаевич, пряча нос в шарф, который сразу покрылся инеем от его дыхания.

— Это надо себя не уважать, чтобы на тебя злиться, — всё тем же снисходительным тоном выдал Радзинский. — Но я так понимаю, — поспешно продолжил он, пока его не

прервали каким-нибудь гневным возгласом, — что ты хочешь поделиться со мной последними новостями.

— Ты заметил? — с интересом блеснул глазами Аверин, сразу забывая о своём возмущении.

— Бог мой! Конечно же я заметил, — глубокий баритон Радзинского зазвучал особо чувственными бархатистыми нотами. — Я замечаю всё, что происходит под крышей этого дома. И твои астральные прогулки слишком фонят, чтобы их не засечь. Судя по тому, что в этот раз тебе даже не потребовался диск, я услышу сейчас много интересного?

— Нет. — Аверин выпростал подбородок из шарфа и вежливо улыбнулся. — Я согласен рассказывать только в тепле и только при условии, что у тебя завалилась лишняя плитка шоколада.

— Горький подойдёт?

— Пожалуй.

— Тогда иди и поставь чайник. Закончу тут и приду тебя послушать. Я, между прочим, ещё не завтракал.

— Ага, — Николай Николаевич молниеносно размотал шарф и накинул его на шею Радзинскому. — Жду, — и он стремительно взлетел по ступенькам на крыльцо. Тяжёлая дверь глухо стукнула.

Радзинский не торопился. Расчистив дорожку до самой калитки, он полюбовался дивным зимним пейзажем — покрытые белоснежным инеем деревья на фоне умопомрачительно голубого неба были чудо как хороши! — потом наведаясь в дровяной сарай и прихватил там десяток поленьев. Когда он скинул, наконец, тулуп и валенки, умылся и не спеша уселся за стол, Николай Николаевич подвинул ему тарелку с заботливо приготовленными сэндвичами и несколько раздражённо поинтересовался:

— Ты нарочно копался?

— Аверин, нельзя быть таким мнительным, — ухмыльнулся дед.

— Ну, извини, если я не прав, — Аверин налил себе чаю и зашуршал серебристой шоколадной обёрткой.

— Итак?.. — вопросительно начал Радзинский.

Николай Николаевич с готовностью кивнул и облизнулся, пряча дольку шоколада за щекой.

— Всё бесконечно сложнее, чем мы думали. И проще одновременно — ну, это как всегда!.. В общем, у Ромы нашего есть солидный такой шанс выбрать себе новую жизнь. И кое-кто готов даже умереть, чтобы предоставить ему эту возможность.

Николай Николаевич отломил ещё один кусочек шоколада и задумчиво зажал его между зубами.

— Коль, не засыпай, — нетерпеливо одёрнул его Радзинский.

Николай Николаевич коротко вздохнул и сделал большой глоток из своей кружки.

— Прости. Но так тяжело возвращаться... Хочется, знаешь... навсегда остаться там... — его зрачки расширились, как будто он глядел в темноту.

— Коль, не начинай. — Радзинский замер, не донеся сэндвич до рта. — Всему своё время. Сначала сделай то, что должен.

— Я понимаю. Прости...

— Хватит извиняться. Рассказывай лучше дальше. — Радзинский заставил себя откусить и проглотить кусочек сэндвича.

Николай Николаевич широко улыбнулся и взгляд его, направленный на деда заметно потеплел:

— Всё-таки без твоей опеки меня бы давно уже унесло в открытый океан без руля и без ветрил...

— Не скромничай, Коля. Эта метафора не соответствует истинному масштабу твоего безумия.

Они рассмеялись — немного грустно, но вполне искренне.

— Так что там с диском? — напомнил Радзинский, пощипывая хлеб, ибо аппетит у него вдруг пропал совершенно.

— С диском всё сложно. В принципе ты прав: изначально проводник был заточен под чёрную магию. — Аверин снова замолчал, кусая губы. — Ты знал, что можно изменить направление?

— Я не представляю, у кого бы хватило на это энергии, — покачал головой Радзинский. Он своей внушительной пятернёй откинул назад длинные волосы и шумно вздохнул. — Единственное, что приходит мне на ум — такое количество энергии может освободить только смерть, добровольная жертва безвинного человека. Я так понимаю, мы пришли к тому же, с чего начали?

— Пожалуй... — задумчиво протянул Аверин. — Ты представляешь, сколько всего Павлуша нам «недосказал»?

— Выпорю паршивца, — мрачно пробасил Радзинский.

— А я предлагаю ответно посадить его на информационную диету. Пусть пострадает!

— Аверин, ты просто зверь! — захохотал дед.

— А ты думал! Необходимо восполнить оставленный тобой пробел в его воспитании и это будет лучший способ.

— Лады. А к диску ниточку прицепим. Зелёную. Кэн (5)?

— Яффэ(6)!

5 Да? (иврит).

6 Прекрасно! (иврит).

===== Глава 11. Пополнение =====

— Как вы меня нашли?

На фоне яркого светлого окна белый врачебный халат играл приглушёнными серыми и голубыми тенями и больше не слепил глаза своей алебастровой чистотой.

— Это так важно, Панарин? — снисходительно поинтересовался дед, развалившийся на стуле посреди ординаторской в весьма вызывающей позе: нога в высоком ботинке лежит на колене, локоть на спинке стула.

— Мы нашли Вас через коллег Комаровского, — поспешно заговорил Аверин извиняющимся тоном. — Вы ведь были его лучшим учеником? — Николай Николаевич подошёл поближе и встал у Радзинского за спиной, лёгким движением стряхивая с мягкого вельветового пиджака деда несуществующую пылинку.

— Вовсе нет. Просто мы с ним сумели стать друзьями. — Панарин с нескрываемым интересом рассматривал расположившийся перед ним тандем: мощный, напоминающий варварского короля Радзинский с небрежно собранными в хвост длинными седыми волосами и тонкий, интеллигентный Аверин, скромно застывший за его спиной, словно паж.

Сам Панарин по комплекции походил на Николая Николаевича, но в его фигуре не было аверинской хрупкости: он производил впечатление сильного, гибкого, грациозного хищника

из породы кошачьих. Необычный, резкий, почти азиатский разрез карих глаз, высокие скулы — такое лицо сложно не заметить, даже мельком. Волосы у него были каштановые, мягкие, с медным отливом. Они крупными кольцами ложились на лоб и красиво вились по всей длине. Белозубая улыбка сверкала в покрывающей щёки тёмной бороде, освобождающей доктора от неприятной необходимости бриться во время неизбежных дежурств.

— Ты ничего не хочешь нам сказать? — ласково спросил его дед.

— Рад вас видеть, — немного подумав, вежливо ответил Панарин.

— А ещё? — тихо свирепел Радзинский.

— Ещё чаю могу предложить. Или предпочитаете медицинский спирт? — не слишком весело усмехнулся доктор.

Радзинский встал во весь свой громадный рост и навис над Панариным.

— Ты дурака-то не валяй, Айболит, — тихо и внушительно сказал он. — Я хочу понять, какого чёрта я должен решать твои проблемы, да ещё практически наощупь.

— Вы о Руди? — Панарин блеснул своими тёмными, как вишни, влажными глазами.

— И о нём тоже. Мальчик Рома с какого перепугу оказался среди наших клиентов?

— Понятия не имею, — помрачнел Панарин. — Я до его визита в контору ничего о нём не знал.

— Вот как? — Радзинский переглянулся с Авериным. — Садись, рассказывай, — он подтолкнул доктора к потёртому дивану и сел рядом с ним. Николай Николаевич переставил к дивану освобождённый дедом стул.

Панарин выглядел не то чтобы испуганным, но несколько зажатым: плечи опущены, руки в карманах халата. На собеседников он не смотрел — тоскливо изучал свои ботинки.

— Что вы хотите узнать? — сухо поинтересовался он.

— Всё о человеке, которого ты так трогательно называешь «Руди», и причину, по которой ты путаешься у нас под ногами, — любезно ответил Радзинский.

— С... Андреем я не общался почти десять лет, — холодно отчеканил Панарин и вызывающе посмотрел Радзинскому прямо в глаза. — Про мальчика вашего я тоже ничего не знаю, кроме того, что увидел на этой встрече — это маленький монстр, который безнадежен настолько же, насколько ужасен.

— Красиво говоришь, — хмыкнул Радзинский, — но ты не ответил ни на один мой вопрос.

— А я и не хочу отвечать, — Панарин закинул ногу на ногу и холодно глянул на деда.

— Панарин, тебе сколько лет? — снисходительно спросил Радзинский.

— Скоро сорок будет, — учтиво ответил доктор.

— Вот. А ведёшь себя, как ребёнок. Знаешь, что я вижу? Что вы с Рудневым не просто одной верёвочкой повязаны, а прямо-таки скованы между собой кандалами железными. Ты думаешь, из дела вышел и всё — свободный человек? Я тебе сейчас сам расскажу, что ты в конторе делал. Ты и вправду давно на приятеля своего наплевал с самой высокой точки горы Эверест, и думать о нём забыл. Но — вот ведь незадача! — притянуло тебя внезапно, как в песне поётся: «через годы, через расстоянья». А знаешь, почему? Потому что хотел ты в своё время его за собой потянуть, да не вышло, а узелок белый завязался. Так что должок теперь за тобой, Панарин. Впредь будешь соображать прежде чем пожелать чего-нибудь с такой-то силой!

— Даже если так — вам что за дело? — ожесточённо бросил Панарин и глаза его заметно увлажнились.

— Женя, — вступил в разговор Аверин. — Простите, можно я буду Вас так называть? — Панарин напряжённо кивнул и он продолжил, — Женя, я вижу, что мы друг друга не понимаем. Вы ведь ни с кем контакты не поддерживаете? — Панарин с недоумением пожал плечами. — Ясно. Значит, Вы никогда и не знали про нашу скромную компанию.

— Что за компания? — сухо спросил Панарин и скользнул неприязненным взглядом по склонившейся к нему фигуре в сером костюме. Николай Николаевич заметил это и быстро отодвинулся, мысленно ругая себя за то, что самым непростительным образом нарушил чужое личное пространство.

— Вы никогда не задумывались над тем, что люди со способностями, подобными Вашим, могут принести огромную пользу остальным — тем, кто ещё не достиг Вашего уровня сознания и бытия?

— Допустим. Но я никогда не мечтал оказаться на службе у государства, — скривил губы Панарин.

— Ну, значит, мы друг друга всё-таки поймём, — улыбнулся Аверин и, поймав удивлённый взгляд доктора, вынул из кармана карамельку и «за хвостик» протянул ему. — Вы, кажется, предлагали выпить чаю? По-моему, сейчас самое время.

Панарин прищурился оценивающе, а потом решительно взял конфету.

— Прошу, — он сделал широкий приглашающий жест и проследовал в тот угол ординаторской, где на белой офисной тумбе стоял электрический чайник. — Так чем же ваша компания занимается? — грубовато спросил он, доставая из ящика разномастные кружки и упаковку чая в пакетиках.

— Мы просто стараемся держаться вместе, чтобы помогать друг другу, — пожал плечами Аверин. Он подошёл, огляделся, высматривая, куда бы сесть, и с некоторым сомнением опустился на пуфик возле журнального столика. Радзинский на этом игрушечном предмете мебели точно бы не поместился.

— Игра в бисер? — насмешливо бросил Панарин.

Радзинский захохотал, вальяжно откидываясь на спинку дивана:

— Ты бы согласился? Всю жизнь играть?

— Я — нет. Потому и спрашиваю. — Из самого нижнего ящика доктор вынул не распакованную коробку конфет и вручил её Николаю Николаевичу. — Для меня чтение Гессе было пыткой, — признался он. — В его книге не хватает четвёртого измерения. И пятого. И сто двадцать пятого. Бога не хватает. Какая-то жизнь в закрытой коробочке, которую он изображает как высшее наслаждение...

Дед резко посерьёзnel и кивнул одобрително:

— Я сразу понял, что ты наш. Было бы здорово, чтобы ты тоже это понял.

— А Вы постарайтесь меня убедить, — усмехнулся Панарин и с весёлым недоумением покосился на Аверина, который всё это время сосредоточенно пытался вскрыть запаянную в прозрачную плёнку коробку шоколадных конфет. Николай Николаевич, хмурясь, ковырял полиэтилен, но всё никак не мог подцепить ногтем заклеенные конвертиком края. Панарин понаблюдал за его мучениями, а потом просто провёл над торцом коробки ладонью — клей словно испарился, и плёнка непокорно встопорщилась, распечатываясь сама по себе.

— Супер! — радостно воскликнул дед. — Женя, давай к нам. Мы тебя не обидим!

— Надеюсь в вашей организации не нужно платить членские взносы, — хмыкнул доктор. — Если нет, я почти согласен...

===== Глава 12. Уроки =====

— Значит, миры расположены, как слои у луковицы? — уточнил Кирилл, не сводя с Николая Николаевича своих невозможных голубых глаз. Усевшись на диване по-турецки, он умудрялся одновременно с аппетитом поглощать пирожное, увлечённо листать лежавшую на коленях книгу и с неослабевающим интересом расспрашивать Аверина.

— Скажем так: это одно из правдивых описаний. — Николай Николаевич, набравший на компьютере текст своей статьи, предназначенной для одного симпатичного ему православного издания, сдержанно зашипел, обнаружив, что снова пропустил сноску. Неслышно ступая по толстому ковру, он направился к книжному шкафу в поисках нужной для составления сноски книги.

— А почему нельзя составить одно исчерпывающее описание? — не отставал Кирилл, неотступно следя за учителем. Светловолосая голова повернулась за Авериним, как одуванчик за солнцем.

— Потому что, Кир, каждый видит в меру своей ограниченности. — Николай Николаевич вытянул нужный фолиант и сразу чихнул. — Фу, никак руки не доходят пропылесосить! — с досадой пробормотал он.

— Значит, ни одно описание не может быть верным? — не унимался юный следопыт. Аверин присел на подлокотник кресла напротив Кирилла и нахмурился, подбирая слова.

— Метафора или образ часто могут передать гораздо больше, чем сухое академическое определение. Например: мир — это тело Бога. Это описание сразу активизирует целую цепочку ассоциаций. Тело — это организм, значит, нечто живое, функционирующее по определённым законам, развивающееся, наконец. Тело — это определённая форма, это материальность, проявленность. Этоместилище Духа, потенция преобразования. Тело состоит из множества частей, взаимозависимых и действующих, согласно воле человека, которому оно принадлежит. Тело — это косная материя, несознательная и пассивно сопротивляющаяся направляющему её Духу. Тело может быть подвержено различным болезням, и когда страдает один орган, это отражается на всём организме. Можно продолжить этот ряд подобий и дальше, и все они будут глубоко верны, потому что непостижимым образом эта поэтическая метафора правдива.

Кирилл так глубоко задумался, что не заметил, как испачкал шоколадным кремом кончик носа и щёку. Николай Николаевич сдерживая смех, взял со столика салфетку и аккуратно стёр с его лица эти неожиданные следы интеллектуальной деятельности.

— А... — начал было очнувшийся от раздумий Кирилл.

— Я тебе Сведенборга дам почитать, — сразу перебил его Аверин.

— А кто это? — у Кирилла мгновенно загорелся взгляд.

— Прочтёшь и узнаешь.

— А потом?

— А потом видно будет.

— А...

— Чтобы составить правильное представление об устройстве мира, нужно иметь верное представление о структуре человека. — Николай Николаевич постучал ногтем по лежавшей на коленях Кирилла книжке с маленькой золотой розочкой на обложке. — Это знание — ключ ко всей истории человечества и к судьбе каждого отдельного человека.

— О! Я, кажется, понимаю...

— Конечно, Кир. Если бы тебе нечем было понимать, наше общение не имело бы

никакого смысла.

Кирилл замер, доверчиво распахнув глаза, а потом вдруг звонко расхохотался, сверкая своими белыми зубами. Аверин, глядя на него, несколько секунд крепился, а потом тоже залился смехом, как мальчик. И трудно сказать, кто из этих двоих в данный момент больше походил на подростка.

— Ещё чаю? — отсмеявшись, предложил Николай Николаевич. И Кирилл радостно закивал — с учителем он готов был общаться бесконечно. Он бы вообще с ним не расставался — слушал бы и слушал, жадно впитывал бы каждое слово. Как астматик, припавший к кислородной подушке, боится оторваться от источника живительной свежести, так и Кирилл нуждался уже в учителе, азартно откликающемся на все кирилловы «как» и «почему». Один с таким упоением рассказывал, а другой с таким упоением слушал, что у стороннего наблюдателя не осталось бы никаких сомнений — эти двое совпали идеально.

— Тебе его не жалко? — спросил вдруг Руднев, рассеянно наблюдая, как струйка сизого дыма от погасшей чёрной свечи грязно-серой ленточкой закручивается вверх.

Роман поднял на него непонимающий взгляд:

— Нет, конечно.

— Почему «конечно»? — усмехнулся Руднев.

— Потому что его нет. Так — пустая оболочка. Я же его просмотрел сначала. У него на уме только деньги, деньги, деньги... Красивая жизнь... Я, честно говоря, ещё не встречал человека, которого мне было бы жалко. Их всех просто не существует. Только оболочки. Жалкие марионетки, которые верят, что это их чувства, их мысли, их желания...

— Я понял. — Руднев устало стянул со стола свои часы и застегнул их на запястье. — Мне было интересно, осознаёшь ли ты это, или просто по недомыслию такой крутой. Ну что, кофе?

Роман кивнул, с недоумением рассматривая босса. Его бровь при этом надменно изогнулась вверх, а уголок рта брезгливо дёрнулся вниз, отчего лицо его приобрело крайне неприятное выражение. Руднев, заметив это, перегнулся к нему через стол и, явно потешаясь, сказал:

— Рома, не обязательно всем знать, какая ты сволочь. Немедленно сделай нормальное лицо. — От злости лицо Романа исказилось ещё больше, и Руднев махнул рукой. — Ты безнадежен. — Он достал из-под стола лакированный ящик и принялся складывать туда чёрные свечи, ритуальный кинжал и прочие жутковатые предметы. Заперев ящик в шкафу, он подошёл к двери, повернул в замке ключ и выглянул в приёмную. — Надюша, принесите нам кофе, пожалуйста.

Секретарша появилась как всегда быстро и неслышно, аккуратно составила всё с подноса на стол и исчезла. Руднев фыркнул ей вслед:

— Она совершенно не умеет одеваться. Как можно надеть этот унылый серый костюм? К тому же он абсолютно не сочетается с рыжими волосами.

— Она к Вам равнодушна, — мстительно заметил Роман.

— Знаю, — ухмыльнулся босс. — Честно говоря, когда я брал её на работу, я не думал, что её симпатия ко мне примет такие угрожающие размеры.

— Зачем же было выбирать такую невзрачную особу?

Голос Руднева стал ледяным.

— Ни один уважающий себя бизнесмен не посадит в приёмной длинноногую девицу в

мини-юбке, которая будет компрометировать его своим внешним видом и давать повод подозревать его в сомнительных связях.

— Запомню. На будущее, — ядовито улыбнулся Роман, отпивая кофе.

— А, кстати, как ты себе представляешь своё будущее? — босс перестал вычерчивать ложкой на пенке цветочки и с интересом взглянул на своего компаньона.

Роман напрягся и невольно сжал зубы. Глядя, как он бессмысленно скользит пальцем по ободку чашки, Руднев пожал плечами:

— Не хочешь — не говори. Я просто так спросил. — Он уже вернулся к своему занятию, как Роман вдруг подал голос:

— Если б Вы знали, как мне здесь всё осточертело, — с ненавистью процедил он. — Какое может быть будущее в этом убогом мире? — Чашка, которую он сжимал в ладонях, задрожала, кофе поднялся шапкой и полился через край.

— Т-ш-ш, т-ш-ш, Роман Аркадьич, успокойся. — Руднев от неожиданности не сразу сообразил, что делать. Схватив его руку через стол, он заставил подростка разжать пальцы и забрал чашку, брезгливо стряхивая чёрные капли и наскоро промакивая их бумажной салфеткой. Потом быстро пересел на диван рядом с Романом и по-отечески обнял его за плечи. — Припадочный ты, оказывается, — он через силу заставил себя улыбнуться. — Не понимаешь, разве, что, чтобы вырваться из этого мира, нужна сила. Законы никто не отменял. Каждую секунду ты задеваешь какую-нибудь невидимую ниточку, поворачивается очередная шестерёнка — механизм работает. Можешь психовать дальше, но это не поможет тебе избежать общей участи — просто умереть, как все.

— Я знаю, — равнодушно ответил Роман. Он вынул из кармана платок и принялся тщательно вытирать руки. — Но я не собираюсь умирать, как все.

— Чудесно, — язвительно заметил Руднев, отодвигаясь. — Надеюсь, у тебя в запасе имеется что-нибудь ещё, кроме решимости. И не смей больше устраивать истерик в моём присутствии, — добавил он раздражённо.

— Постараюсь.

— Да уж, будь любезен. Я, знаешь ли, не выношу психопатов.

— А я не психопат. Я маньяк, — неожиданно широко улыбнулся Роман.

— Ты идиот, — вставая, пробормотал Руднев. Но это вышло у него как-то уж совсем добродушно.

Роман, посмеиваясь, вытер кофейную лужицу на столе своим платком и безжалостно отправил его в урну.

— Я же говорю — идиот, — обречённо вздохнул Андрей Константинович, глядя на него с подчёркнутой жалостью. — На нём столько твоей информации! И ты беспечно бросаешь его в моём кабинете...

— Вот именно. Я думаю, что в Вашем кабинете можно.

— Как раз в моём кабинете и нельзя, болван. Потому что я-то точно смогу использовать его против тебя.

Роман с сомнением посмотрел в сторону урны.

— Но Вы же не станете? Или станете?

— А уж это, как будешь себя вести, — зловеще усмехнулся Руднев.

— Приму к сведению, — нахально улыбнулся в ответ Роман и с сожалением заглянул в чашку. — Пойду, подружусь с Вашей секретаршей. Иметь своего человека в тылу врага всегда полезно.

Чрезвычайно довольный собой он отправился в приёмную, спиной чувствуя, как босс прожигает его злобным взглядом.

— Ваш шеф, Надежда Сергеевна, редкостный сухарь, — разорвался Роман, пока секретарша, зябко кутаясь в цветастую павловскую шаль, апатично нажимала кнопки кофемашины. У неё были худенькие плечики и тоненькие, почти прозрачные руки с выступающими на запястьях косточками. — Рабочий день давно уже закончился, а Вы всё в приёмной сидите! И я уверен, его не волнует, как Вы будете домой добираться!

— Ваш кофе, — учтиво сказала Наденька, поднимая на бесцеремонного подростка усталый взгляд. И Роман осёкся: у неё были практически кошачьи глаза — золотистые с прозеленью. А главное, смотрела она очень пронизательно и трезво. Очевидно, что романова попытка манипуляции бесславно провалилась.

— Спасибо, — Роман любезно расшаркался перед нею и поспешно ретировался.

Руднев встретил своего компаньона злорадной понимающей ухмылкой. Уж кто в этой ситуации развлёкся, так это он. Поскольку в преданности своей секретарши Андрей Константинович не сомневался.

===== Глава 13. Инспекция =====

— Это просто чума какая-то, а не парень! — почти с восхищением воскликнул Викентий Сигизмундович, тряхнув длинными седыми волосами. В ярко освещённой аверинской кухне он выглядел совсем иначе, чем в избушке — эдакий богемный прожигатель жизни. — Ты знаешь, что он сейчас делает?

— Что? — Николай Николаевич глянул поверх очков в тонкой золочёной оправе и отложил очередной лист рецензируемой им рукописи про гностицизм-синкретизм-эллинизм-неоплатонизм. — Эй! — окликнул он деда, погружившегося в созерцание чего-то неведомого, и забывшего обо всём на свете. — Что там делает это кошмарное недоразумение?

Радзинский хохотнул и глотнул чаю.

— Он решил вызвать Помощника.

— Господи, помилуй! — Аверин поморщился, как от зубной боли, и перекрестился. — Явился к нему кто-нибудь?

— Какая-то гадость явилась.

— Так сразу?

— Я же говорю — талантливый парень!

Николай Николаевич придвинул к себе сахар и задумчиво окунул кусок рафинада в чай.

— А ритуал? Он что — один справился? — осторожно поинтересовался он.

— У этого паршивца очень практический подход. Он отлично ухватывает самую суть и отсекает всё лишнее. Если так пойдёт дальше, он сможет написать учебник «Практическая магия: эффективные решения для современного искателя острых ощущений».

— А чего он хочет?

— Руднев поручил ему запугать какого-то правдолюбца. Заставить отказаться от иска.

— И он решил, что это самый простой способ?

— Не совсем. Я думаю, ему просто интересно. По ощущениям для него это, как прыжок с парашютом. Экстремал!

— Лучше бы он на горных лыжах катался. — Николай Николаевич подпёр щеку кулаком и горько вздохнул. — Как же мы с тобой попали, Вики! Ведь это только начало!

— Тебе грех жаловаться. Через этого чернокнижника малохольного ты на своего

Бергера вышел. Тебе мало?

— Ну что ты, Вики! Я счастлив безмерно! — сразу оживился Аверин. — Если бы ты знал, какой это замечательный мальчик! Он всё схватывает на лету. Его ничему не надо учить. Он уже сейчас мог бы принести огромную пользу делу. И, главное, он так хочет знать! Огромное удовольствие просто с ним разговаривать. Это удивительно светлая душа, в нём столько стремления служить людям, такая жажда знания! Потрясающе острый ум. И никакого высокомерия! Он добрый — понимаешь, Вики? Я рядом с ним просто отдыхаю душой. И потом — чего стоит только тот факт, что он не просто крещён — он воцерковлён. Его не надо наставлять с азов. Он уже понимает множество сложных вещей, потому что он этим живёт. Да я готов терпеть князевские выходки до конца жизни, ради того, чтобы помочь Кириллу!

— Вот ты сам к правильному выводу и вырулил. Хотел себе преемника — терпи теперь. Ходи в школу, учи детишек, паси Князева. Меня, например, Ромка особо не раздражает. Я к нему привык даже. Павлуша-то не лучше был, помнишь — такой упёртый! А Павлуша, сам знаешь, теперь до безобразия самостоятельный стал. А тут — такое развлечение! Невольно вспомнишь молодость...

— Вот только про молодость не надо, — ужаснулся Николай Николаевич и предостерегающе поднял руку.

Радзинский насмешливо посмотрел на его до смерти перепуганное лицо и оглушительно захохотал. Аверин взглянул на него обиженно, пожал плечами и вернулся к своей работе.

— Дурак, ты, Коля! — нежно сказал дед.

— Сам дурак, — буркнул Николай Николаевич, не поднимая глаз от рукописи.

Высокие белые колонны, золотые нимбы и светлые лики святых в разноцветном мерцании лампадок. Всюду дрожит и переливается, как живое, золото свечей. Кирилл стоит сбоку от раскрытых Царских врат. На нём длинный сиреневый стихарь, в руках — массивная восковая свеча, источающая тёплый аромат мёда. Маленькое трепетное пламя кротко кланяется и выпрямляется от его дыхания. Солнечный свет причудливо преломляется в сладком облаке кадильного дыма, который окутывает его с ног до головы.

Николай Николаевич внимательно смотрит на спокойное фиолетовое сияние, которое окружает мальчика. Оно пронизано синими и зелёными лучами, идущими из центра ауры.

— Знаешь, Вики, — шепчет он склонившемуся к нему деду, — мне иногда кажется, что мы с тобой в этой истории лишние. Посмотри сам — его и без нас ведут. Мне даже совестно вмешиваться.

— Да ну? А Ромочку ты не берёшь в расчёт? Вот он-то вмешается без зазрения совести. Может твой Бергер и ангел во плоти, но ведь ему никогда не приходилось сталкиваться с вещами, которые поставили бы его перед настоящим выбором. Он абсолютно неискушён в этой жизни. А ты ведь понимаешь, как это опасно: близкий контакт со всякой заразой без соответствующей прививки. Так что подожди ещё — скоро тебе придётся нырять за ним на самое дно. — Дед многозначительно хлопывает Аверина по руке.

Николай Николаевич задумчиво смотрит на дверь, за которой исчез в алтаре Кирилл, потом на усмехающегося Радзинского и вздыхает:

— Тебе всё это нравится, да?

— Безумно! Вспомни себя — такого же прекрасного. Если б не я со своими порочными

наклонностями, ты бы и сейчас благодушно полагал, что зло можно победить простым усилием воли. А грехи, как и грязные руки, бывают только у тех, кто поленился помыться. Потому что, согласно твоему личному духовному опыту, так оно и было. И без меня ты бы до сих пор не знал о себе много интересного.

Николай Николаевич нащупывает руку Радзинского и крепко её сжимает.

— Замолчи, — недовольно шепчет он, — я всё помню. Но я не считаю, что всем обязательно учиться таким жестоким способом. Т-с-с, — прикладывает он палец к губам, заметив, что Радзинский, ухмыляясь, собирается ответить, — хватит болтать во время службы.

Ветхая старушка в цветастом платке косится на них осуждающе и отворачивается. Николай Николаевич изо всех сил старается придать своему лицу подобающе сосредоточенное выражение, а Радзинский толкает его в бок и откровенно смеётся.

— Думаешь, твой Бергер хуже тебя? Беззаветная любовь к ближнему и жгучее стремление к самопожертвованию бьют в нём ключом. Тебе ли не знать, к чему это приводит?

— Не будь таким злым, Вики, — умоляюще шепчет Аверин и дёргает его за рукав.

— Извини. Ты так забавно реагируешь, что я не удержался. Всё-всё — молчу... — натолкнувшись на его мрачный взгляд, сдаётся Радзинский. Улыбка исчезает с его лица, он опускает голову и замирает. Но изредка он всё-таки поглядывает на Аверина и усмехается: «Эх, Ники, ты никогда не станешь взрослым...».

— Что?!!

— Да так. Ничего...

— Ну тебя!..

===== Глава 14. Карта =====

Дверь была очень тяжёлой. Массивной. Заметно стёршейся там, где её постоянно касались рукой. Несмотря на то, что это был сон, Роман физически чувствовал, с каким трудом она подаётся перед тем, как натужно распахнуться перед ним. В комнате, полной слепящего золотого света, льющегося из забранных узорчатыми решётками окон, на маленьком изящном столике лежал этот предмет: диск размером с блюдце. Тусклые тающие блики вспыхивали и гасли на драгоценной металлической поверхности.

Роман с волнением провёл пальцем по выпуклым буквам и знакам. Он знал, что это Карта. Он не очень хорошо понимал, что это значит. Но он до дрожи хотел оказаться там, внутри. Он знал, что там его ждёт Ключ.

Роман во сне совершенно чётко сознавал, что без этого Ключа он уязвим и беспомощен, как ребёнок. Что его сила — его подлинная сила — почему-то недоступна ему без Ключа. У него было смутное ощущение, что когда-то давно он сам так распорядился и добровольно запер своё безграничное могущество внутри этой штуки. И что это как-то охраняет его — от чего-то невыразимо ужасного, кошмарного и леденящего душу. Смутные воспоминания, пробивающиеся из тёмных глубин памяти, были слишком размыты, но и этих неясных образов было достаточно для того, чтобы содрогнуться. Чьё-то живое тепло, чьи-то отчаяние и боль пульсировали в его мозгу, когда он пытался вспомнить.

Проснулся Роман в слезах и долго смотрел в потолок — взволнованный и притихший. Испуганный своей неожиданной чувствительностью. В голове металась обрывки растерзанных слов. Их ускользающее эхо приводило Романа в отчаяние. Если бы можно было зацепиться хоть за краешек смысла — он бы всё вспомнил.

С младых ногтей Роман от всей души ненавидел реальность, данную нам в ощущениях. Когда ему было лет шесть-семь, он искренне не мог понять, почему какие-то вещи он может — например, одним взглядом столкнуть с лестницы зарвавшегося одноклассника или мысленно запретить учительнице вызывать себя к доске, а что-то — к примеру, превращение ненавистной манной каши в мороженое — ему не по зубам, хоть убейся. Потом Роман понял, что всё дело в силе, которой ты обладаешь. Чем больше её у тебя, тем грандиозней твои возможности. Вот с тех самых пор он стал охотником за силой. Но собирать её по крупицам было слишком расточительно с точки зрения существа, увы, смертного, каковым он покамест являлся. Роман верил, что должен существовать источник, позволяющий черпать чистую беспримесную энергию в неограниченном количестве. Его-то он и искал, хотя объяснить причину странной уверенности в том, что он непременно где-то должен быть, он не смог бы даже самому себе.

Этот сон явился своеобразным ответом на все его нелепые попытки приблизиться к разгадке проблемы. Роман уже давно не верил в волшебников и в чудодейственные артефакты, но приснившийся диск явно был не сказочным гаджетом, который механически выполнял свою работу в любых руках. Он был наполнен магией — самой настоящей в высшей степени рациональной магией. Чтобы владеть и пользоваться им, требовался определённый уровень магического совершенства и весьма специфических знаний. Это была Карта, которая обещала привести к источнику вожаделенной силы.

Роман и сам не заметил, как просто помешался на этой загадочной вещи. Да и трудно отмахнуться от сна, который повторяется каждую ночь на протяжении месяца. Непонятно откуда, но он твёрдо знал, что Карта существует на самом деле. Он перетряхнул все доступные ему книги, но ничего подобного ни в одной из них не упоминалось. Нужно спросить у Руднева. Он всё знает.

===== Глава 15. Операция =====

Руднев появился в самый разгар тренировки. Возник как чёрная тень в дверном проёме, нашёл глазами Романа, пошептался с тренером и исчез.

— Князев! На выход. На сегодня свободен, — тренер указал ему в сторону двери.

Роман удивился, но, разумеется, подчинился. Правда напоследок он ещё раз точным ударом ноги в живот, (точнее в щит, удерживаемый на уровне живота), отправил в полёт того громилу, с которым в паре отрабатывал удары и, повернувшись уходить, с удовлетворением услышал за спиной испуганное «псих».

Через десять минут он уже стоял внизу, в холле, со спортивной сумкой через плечо и оглядывался по сторонам. Руднев незаметно подошёл сзади и цепко взял его за локоть. На пальцах босса блеснули перстни: уже знакомый — с чёрным камнем, потом скромная золотая печатка с выгравированным на ней загадочным знаком, ещё вспыхнул огненными искрами крупный рубин цвета красного вина.

— Извини, Рома, что сорвал тебя с тренировки, но мне нужна твоя помощь именно сейчас, — наклонившись к самому уху, доверительно обратился он к мальчику.

— Я Вас внимательно слушаю.

— Давай, по дороге поговорим, — ласково предложил Руднев. Роману не оставалось ничего другого, как согласиться.

Они сели в машину — оба на заднее сиденье. За рулём оказался незнакомый парень неприветливой наружности, который даже не повернул головы, чтобы поздороваться.

— Слушай меня внимательно, — довольно жёстко заговорил Руднев, когда они выехали

со двора.

Роман с интересом взглянул на Андрея Константиновича. Его несколько не пугала такая перемена тона, скорее, наоборот, она сулила нечто захватывающее. Это была далеко не первая их встреча, и Роман уже прекрасно изучил все замашки господина адвоката.

— Пойдёшь с Максом. — Руднев указал на водителя. — Можешь полностью положиться на него. Он за тебя головой отвечает. Не обращай внимания ни на что. Пусть ничто тебя не смущает. А теперь сосредоточься: ты должен принести мне вещь, которая заговорит с тобой. Я понимаю, что для тебя все вещи говорят, но это будет другое... Понятно?

Роман пожал плечами:

— Понятно.

Руднев посмотрел на него недоверчиво:

— Тебе действительно всё понятно?

— Да, — сухо подтвердил Роман. Занудство Руднева выводило его из себя.

— Всё-таки ты феномен, — приподнимая бровь, возмущённо пробормотал босс.

— Может быть, — равнодушно ответил Роман.

Последнее время они стали видеться с Рудневым слишком часто. Если Роман в течение недели не объявлялся сам, Андрей Константинович звонил отцу и под каким-нибудь предлогом просил прислать мальчика в контору — так он любовно называл свой офис. Руднев повсюду таскал его за собой. Ничего от него не скрывал, во всяком случае, очень старался, чтобы у него сложилось такое впечатление. Он, как и договаривались, давал своему юному компаньону небольшие поручения: за кем-то присмотреть, кому-то помочь принять «правильное» решение, кого-то вывести из игры. Так что Роман довольно скоро имел непредвзятое представление о том, как именно Руднев ведёт свои дела.

Роману безумно нравилась эта новая жизнь. Он получал подлинное удовольствие от участия в рудневских аферах, и воспринимал это как часть своего обучения. Он очень серьёзно и даже торжественно относился к тому факту, что он — Ученик, а Руднев — его Наставник. В общем, всё было замечательно. Роман искренне восхищался тем, что Андрей Константинович знает, а ещё больше тем, что он умеет. Но всего этого было утомительно много. Роману хотелось закрыться в комнате, по меньшей мере, на месяц, чтобы разобраться с тем обилием информации, счастливым обладателем которой он уже стал. Вне всякого сомнения, по истечении этого срока он бы сам жаждал снова увидеть Руднева и жадно глотал бы каждое его слово, как это было вначале их знакомства, и засыпал бы его вопросами... А тут эта непонятно откуда взявшаяся повинность...

Самым неприятным во всей этой истории было то, что Роман не находил в себе сил отказать Рудневу. Он злился, но всё равно собирался и ехал к нему, сам не зная, почему он это делает. Он появлялся у Руднева раздражённый и недовольный, несколько не заботясь о том, чтобы скрыть своё плохое настроение, но тот смотрел на подобные демонстрации сквозь пальцы. Даже из вежливости не трудился поинтересоваться, что беспокоит его юного друга.

Однако за такое приключение, как сейчас, Роман готов был простить Рудневу многое. Он уже давно понял, что деятельность Андрея Константиновича носит не то чтобы криминальный, но несколько незаконный характер. То есть внешне она подпадала под описание преступной, но, по сути, преследовала столь нетривиальные цели, что к обывательскому законодательству просто не должна была бы иметь никакого отношения.

Принимать участие в этих криминально-мистических операциях — это был такой драйв, такой восторг, ради которого стоило жить. Как ни странно, при этом Роман чувствовал себя в полной безопасности. Можно даже сказать, что ощущение безнаказанности выросло в нём за последнее время до пугающих размеров.

Они остановились у ограды какого-то парка. Когда вышли из машины, Руднев снова прицепился с наставлениями к Роману, который в ответ только недовольно поводит плечами и морщился.

— Почему бы Вам самому не пойти? — внезапно поинтересовался он.

— Не хватало мне в мои-то годы! Несolidно как-то уже, — снисходительно прищурился Руднев.

— То есть: Вы и без меня бы справились, но на случай, если мы вдруг спалимся, я буду уместней смотреться в роли задержанного? Так что ли?

— Отлично соображаешь! — одарил его Руднев издевательским комплиментом. — За что и ценю. А если серьёзно — до тебя там уже побывали. И ничего не нашли. Хотя, я уверен — вещь лежит на самом видном месте.

Вот это уже интересно!

— С чего Вы решили, что у меня получится?

— Есть у меня кое-какие соображения на твой счёт. Заодно и проверим... — туманно ответил босс.

Роман не стал допытываться, что это за соображения, потому что внезапно услышал зов таинственного артефакта и озадаченно посмотрел на Руднева. Тот, прищурившись, глядел на него так, будто знал, что творится сейчас в его голове.

— Ещё вопросы?

Роман в ответ смерил его таким высокомерным взглядом, что господин адвокат едва не поперхнулся и молча покачал головой, дивясь его наглости.

Парень, с которым Роман должен был вдвоём отправиться дальше, сонно смотрел куда-то вдаль, пока случайно не скользнул взглядом по фигурам своих пассажиров. Открытие, которое он сделал, заставило его вздрогнуть. Руднев и мальчишка были похожи как две капли воды: ворон и воронёнок, лица — как зеркальное отражение — одинаково искажены ненавистью, с которой они смотрят друг на друга. Даже стоят одинаково — немного ссутулившись, сунув руки в карманы, и покачиваясь на каблуках. Несчастному захотелось перекреститься, но он не решился сделать это открыто, а может, просто не умел.

Роман совершенно безразлично наблюдал, как его сопровождающий, осторожно оглядевшись, ловко вскрывает дверь квартиры. С гораздо большим интересом он разглядывал лепнину на потолке, широкую мраморную лестницу, которая водопадом обрывалась вниз у его ног, и витиеватый узор чугунных перил.

Спутник легонько тронул его за локоть: можно заходить. Роман шагнул в квартиру и напрямик направился в кабинет. Он почему-то знал, что нужно идти именно туда и даже заранее видел, как выглядит обстановка комнаты.

Парень замешкался в прихожей — кажется, отключал сигнализацию. Когда он нашёл Романа, тот стоял посреди комнаты с закрытыми глазами и, раскинув руки, слегка шевелил пальцами, как будто трогал невидимую паутину. Лицо его было пугающе мёртвым — даже тени движения не было на нём заметно.

— побыстрее, — грубовато буркнул парень, с опаской озираясь вокруг.

— Идиот! — заорал Роман, «отмирая». — Неужели нельзя просто помолчать! — он в ярости швырнул в несчастного первым, что попало под руку. Кажется, это был стул. — Убирайся отсюда!!!

Парень здорово испугался. Очевидно, он знал, что Романа следует опасаться. Он как-то сжался и, попятившись, шагнул за порог. Дверь за ним тихонько притворилась.

Роман раздражённо запустил ему вслед тяжёлую пепельницу и с чувством пнул журнальный столик со стеклянной столешницей. Столик отлетел к стене и перевернулся — стекло треснуло. Это принесло Роману некоторое удовлетворение. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и нервно сжал руки.

И тут все мысли сами разом вылетели из его головы. Он услышал. Обещание. Дать Ключ. Который откроет путь к источнику силы... Его собственной силы... Вернёт то, что принадлежит ему по праву... Теперь Роман понял, что имел в виду Руднев: эта вещь действительно говорила, она обращалась прямо к нему. Это не был обычный поток информации, который вторгался в сознание сразу целыми блоками. Это был голос, манящее нащёптывание, которое как магнит притягивало его к стоящему в углу шкафу.

Роман подошёл и опустился на колени. Открыл нижнюю дверцу и увидел лежащий на полке на самом виду металлический диск размером с блюдце, покрытый до боли знакомыми письменами и таинственными узорами. Он, как уже много раз в своём сне, потянулся, чтобы прикоснуться к нему, но рука вдруг непроизвольно дёрнулась, как будто он был марионеткой, и его потянули за ниточку. Роман озадаченно посмотрел на загадочный предмет, потом огляделся. Заметил рассыпанные на диване подушки. Вытряхнул одну из них, а в наволочку, осторожно помогая себе взятой тут же на полке книгой, столкнул диск. После этого он быстро поднялся и, не оглядываясь, стремительно пошёл прочь из квартиры.

===== Глава 16. Яблоко раздора =====

— Нашёл? — Руднев вышел из машины Роману навстречу. Ледяной ветер трепал его чёрные глянцевые волосы и раздувал, как парус полы пальто. — Молодец. Я в тебе не сомневался. — Шеф забрал у компаньона наволочку и с любопытством заглянул в неё. Видно было, что он очень доволен.

— Почему ты не сказал, что его нельзя трогать руками? — зло спросил Роман, не замечая, что обращается к боссу на «ты».

Рудневу это не понравилось. Он окинул его ледяным взглядом:

— Я полагаю, это ясно любому дураку.

— Я не любой дурак! И мне не ясно!

— Ты трогал эту вещь?

— Нет!!!

— Тогда о чём вообще речь?

Роман чувствовал, что от бессильной ярости раскалется просто добела. Он попробовал что-то сказать, что-нибудь настолько обидное, чтобы Руднев тоже взвился, но вместо этого круто развернулся на каблуках и бросился прочь, вглубь погружённого в серые сумерки парка.

Сначала он летел так быстро, как будто за ним гналась свора собак. Потом разбитой походкой медленно брёл по пустынной унылой аллее. Наконец, опустился на заснеженную скамейку и поднял воротник: ледяной холод сразу принял его в свои объятия, чтобы постепенно вытянуть из него тепло и жизнь. Жизнь, которую он готов был сейчас отдать за возможность совершить путешествие за бесценным знанием. О себе. О своей собственной

силе. Чтобы получить Ключ. Эта вещь должна принадлежать ему!!!

Через некоторое время рядом сел Руднев. Как трогательно!

— Что тебя так расстроило? Ты считаешь, что я тебя использую и ничего не даю тебе взамен?

Роман упорно молчал. Он не хотел рассказывать Рудневу, что не сам догадался, насколько опасна эта штука, за которой его послали, и что его практически оттащили, когда он собирался схватить её голыми руками. Что он видел ту ниточку, за которую его потянули. Белую ниточку. И он точно знает, кто ему помог. А Руднев его подставил. Хотя, чего от него ещё ожидать-то? Он никогда и не пытался прикидываться хорошим. Первый раз за всё время их знакомства Роману это не понравилось.

— Хорошо. Чего именно ты хочешь?

— Отдай мне диск.

Руднев некоторое время переваривал услышанное, затем усмехнулся:

— Зачем тебе? Ты же не знаешь, что это такое.

— Знаю, — без особого выражения проговорил Роман. — Это Карта.

Можно было побиться об заклад, что Руднев не ожидал этого услышать. Но к его чести он быстро справился с потрясением от такого неожиданного открытия.

— Не рано тебе... туда? — насмешливо спросил он.

Роман не удостоил его ответом.

— Рома, у тебя не хватит денег на эту штуку.

— Брать деньги за эту штуку, всё равно, что продавать воздух. Не так ли?

Руднев захохотал.

— Признаюсь, я тебя недооценил! Пожалуй, ты заслуживаешь того, чтобы быть в доле. Двадцать процентов. И не смей со мной торговаться!

— Двадцать пять.

— Вот паршивец! — восхитился Руднев. — Хорошо, двадцать пять. Сегодня же открою счёт на твоё имя. Ну, ты доволен?

— Всё относительно, Андрей Константинович, — дерзко ответил Роман, откидываясь на спинку скамейки и устало закрывая глаза.

Пусть Руднев продаст диск. Не нужно будет иметь дело с ним. А у новых владельцев он его сам... заберёт. Для них это просто кусок металла. И они не имеют на него никаких прав, сколько бы они не заплатили. Идиоты.

Руднев сидел на полу, опираясь спиной о диван: рубашка расстёгнута, манжеты подвёрнуты. Ботинки валяются посреди комнаты, прямо на белоснежном ковре, пиджак — на диване. Руки у Андрея Константиновича заметно дрожали, да и дыхание было не слишком ровным. Он с отвращением и страхом глядел на лежащий перед ним на журнальном столике диск. Как же он ненавидел этот запах: тяжёлый, сладкий, обжигающий горло, склеивающий лёгкие... Холодный пот выступил у него на лбу, когда он вспомнил, с каким ужасом выпутывался из паутины того мира, который, словно мокрая ткань, облепил его с головы до ног, и парализовал, и не давал дышать...

Было множество неприятных запахов: запахи страха, смерти, лжи, похоти, зависти и отчаяния, но все они одновременно с этим были острыми и волнующими. А этот запах просто убивал. Затекал раскалённым свинцом в глотку и душил. Поэтому Руднев никогда не заходил в храм. В любой.

Как-то, будучи ещё школьником, он поехал с классом на экскурсию в Питер. Их водили по городу и, наконец, привели в Казанский Собор. Андрей издали почувствовал этот запах, а когда шагнул за порог, чуть не задохнулся. Ощущения были очень схожими с теми, что он испытал сегодня. Тогда он ещё успел заметить, как в него со всех сторон полетели огненные стрелы. Он сам не помнил, как выскочил вон, и его ещё долго выворачивало на ступеньках и трясло от слабости. Учительница решила, конечно, что он отравился, и его отправили в гостиницу с одной из сопровождающих мамаш, отдыхать и лечиться. Чему он был несказанно рад.

Запахи преследовали Руднева с самого рождения. И он всегда знал, что означает тот или иной из них. И любого человека он легко узнавал по запаху. И всегда мог определить, кто из знакомых побывал до него в помещении, или прошёл мимо него по улице. И найти по запаху мог любого легко. У зданий и у всякого места на карте тоже был свой собственный аромат. Если Андрея Константиновича просили разыскать пропавшего человека, он сначала чувствовал запахи и только потом видел картинку.

И невыносимым педантом Руднев был по той же причине. Бытовые запахи он не переносил, окна тоже старался не открывать: и дома и в офисе у него были установлены кондиционеры, которые тщательно отфильтровывали воздух.

А вот аромат хорошей одежды и дорогого парфюма, наоборот, успокаивал. Особенно Рудневу нравился запах драгоценных камней — холодный, освежающий и словно наэлектризованный. Всё вместе это создавало вокруг него благоухающее облако, которое позволяло ему с комфортом перемещаться по городу и спокойно воспринимать запахи, несущие важную информацию.

Иногда Рудневу казалось, что он всё это себе напридумывал, чтобы оправдать свой отвратительный снобизм и жалкое пижонство, но стоило распахнуть окно, или попытаться надеть старую рубашку, как тут же накатывала тошнота, и все его сомнения в правильности собственного образа жизни мгновенно улетучивались.

Сейчас, задыхаясь и судорожно сглатывая, чтобы не стошнило, он мечтал только об одном — поскорее избавиться от этого диска, распространяющего одуряющий, тяжёлый аромат. Было больно до слёз. Сколько он искал эту штуку? Пятнадцать лет? Больше? Да он всю жизнь поставил на эту карту! И... неужели проиграл? Руднев устало закрыл лицо руками. Перстни слабо блеснули в полутьме и скрылись под завесой чёрных гладких волос. Полоска жёлтого электрического света, тянущаяся из прихожей, была такой безвкусно-яркой и неуместной, но не было сил, чтобы пойти и выключить лампу.

Оставалась слабая надежда, что этот предмет не единственный в своём роде. Что он когда-нибудь найдёт правильный... Необходимо убедить себя в этом как можно скорее. Иначе можно сразу идти и вешаться.

Мягко затрелил телефон. Его экран светился в кармане брошенного на диван пиджака. — Андрей Константинович? Это Шнеерзон. Я слышал, Вы интересуетесь старинными ритуальными предметами? Мне кажется есть, что Вам предложить... Да, диск: сплав золота и меди, диаметр тридцать сантиметров, с каббалистической и астрологической символикой. Пока не выяснил, насколько древний. Но в любом случае он обойдётся Вам недёшево, поскольку он обнаружился в Латинской Америке... Я рад, что Вас это не смущает. Тогда нам нужно как можно скорее встретиться и обсудить детали... Очень хорошо. Да, меня это устраивает. В таком случае, до завтра...

Руднев аккуратно отложил телефон в сторону. Потом принялся методично снимать

кольца..., но тут тщательно сдерживаемый припадок истерического смеха таки настиг его и он дико захохотал, вцепившись себе в волосы, колотя кулаками по столу, вытирая слёзы и задыхаясь. Всё-таки хорошо, что он не успел повеситься! Это было бы так нелепо...

==== Глава 17. Головоломка ====

С гулко бьющимся сердцем Роман рассматривал своё сокровище. Его чёрные глаза сверкали, а горделиво очерченный профиль ещё больше, чем всегда, напоминал благородно изогнутый клюв. Он нависал над своей желанной добычей, как хищная птица над жертвой. Его длинным бледным пальцам, напряжённо замершим в воздухе, не хватало лишь остро отточенных когтей, чтобы довершить их сходство со скрюченными птичьими лапами.

Роман в который раз мысленно похвалил себя за безупречно выполненную операцию. Кто сказал, что гипноз — это преступление? И, пожалуйста, вот он — диск — лежит сейчас на его письменном столе. Но почему-то кажется, что во сне он выглядел как-то ярче и... реальнее. Более того — во сне он был живым. Наполненным энергией и силой. Да что там — во сне он просто искрился информацией!

Что делать дальше, Роман не знал. И во сне, и при их первой встрече, диск сам обращался к нему. Попробовать уснуть? Наверное, по здравом размышлении эта мысль показалась бы ему глупой, но он в таких случаях не размышлял — просто подчинялся импульсу — и никогда об этом не жалел.

Роман решительно вытянулся на кровати, стремясь как можно скорее погрузиться в тонкое, неустойчивое состояние между сном и явью. Ему показалось, что уже через секунду он поднялся и, не глядя на своё оцепеневшее на постели тело, скользнул к столу. Он был абсолютно прав. Теперь диск ожил и словно приглашал побеседовать. Роман взволнованно коснулся пальцами рельефной поверхности предмета. Что дальше? Почему во сне у него всегда было чёткое ощущение, что диск имеет прямое отношение конкретно к нему? И даже, скорее, что это он сам имеет непосредственное отношение к данному предмету. Этот момент интриговал его больше всего.

Роман попробовал сосредоточить своё внимание на намерении диска и немедленно получил ответ: перед ним Карта. Назначение Карты? Карта ведёт по пути силы, но чтобы воспользоваться ею, необходимо иметь Ключ. Зачем нужен Ключ? Ключ — проводник и хранитель силы. Где взять Ключ? И тут на Романа обрушился поток информации, которая находилась в совершенно недоступном для его восприятия диапазоне. Никак иначе он не смог бы описать это странное мелькание образов и знаков, которые он совершенно не мог интерпретировать. При этом ощущение того, что ответ получен, было абсолютно достоверным. Какая-то часть его существа, несомненно, получила ответ. Но, похоже, он был с этой частью себя пока незнаком.

Тут Роман заметил, что от диска идёт яркая зелёная ниточка, похожая на лучик. Потянув за неё, он ощутил внезапную боль в сердце. Удивился. Зачем-то потянул ещё. Почувствовал ответную боль где-то там, на другом конце этой нити. Озадачился этим странным фактом. А нить пульсировала и наливалась светом. С каждым мгновением она становилась всё ярче, всё горячее. Одна из надписей вспыхнула слепящим зелёным светом. В какой-то миг Роману показалось, что кто-то держит его за руку и тянет за собой. Он запаниковал... и проснулся. Перед глазами плавали зелёные круги и яркие жёлтые следы вспышек. Как это всё понимать? Господи, ну, хоть кто-нибудь подсказал бы!

В тоске Роман сначала пожалел, что не может обратиться за помощью к Рудневу. Уж он-то точно знал, что это за штука и как с нею обращаться. Во всяком случае, у Романа

сложилось такое впечатление. Но тут он сообразил, что, похоже, есть ещё кое-кто, кто, вероятно, осведомлён об этом никак не меньше босса. Только как же добраться до того, кто дёргает за ниточки?

Руднев вертел в руках запотевший стакан минералки, холодной, как хмурый февральский вид за окном.

— Может, всё-таки чаю? — осторожно спросил сидевший напротив эксперт.

Руднев посмотрел куда-то сквозь него и отрицательно покачал головой. Он никогда не понимал этих людей: пропускать через свои руки такие сокровища и не постичь их истинного предназначения. Вместо этого описывать дурацкие внешние признаки, определять их материальную и историческую ценность, присваивать им инвентаризационный номер — какая глупость!

Дверь открылась, и вошёл хозяин кабинета в нелепом клетчатом пиджаке, который на нём почему-то выглядел отлично.

— Андрюш, всё в лучшем виде!.. Ещё пару минут, и все формальности будут закончены. Ты как — доволен?

— Пока не знаю. — Руднев рассеянно взглянул на его полное круглое лицо с седыми усами щёткой, которые делали его похожим на моржа и, наконец, отставил в сторону надоевший стакан, от которого так ужасно замёрзли руки.

— Ну вот, я же говорил! — воскликнул гостеприимный обладатель клетчатого пиджака, и к Рудневу переключалась папка с экспертным заключением, доставленным сотрудником музея. Руднев сдержанно поблагодарил, кивнул, обменялся с усатым доброжелателем рукопожатием и со вздохом облегчения покинул кабинет.

Решительным шагом направляясь к выходу, он заметил двигавшегося в том же направлении Романа.

— Какая встреча! — Руднев нагнал компаньона и цапнул его за локоть. — И что мы здесь делаем? — зловеще поинтересовался он.

— Просвещаемся, — по возможности вежливо ответил Роман. — Музей Востока — публичное заведение и я имею полное право здесь находиться. — Он оторвался от созерцания идеально начищенных рудневских ботинок, которые были явно зачарованы от воздействия февральской слякоти, и поднял на шефа нарочито скучающий взгляд.

— Ты слушал эти околокаббалистические бредни? — глаза Андрея Константиновича весело блеснули.

— Да, я слушал лекцию по истории Каббалы, — вспыхнул Роман, плотно сжимая зубы.

— И как тебе? — Руднев повлёк своего юного компаньона по направлению к гардеробу.

— Очень познавательно, — уже практически прошипел Роман.

— Ты меня удивляешь, Роман Аркадьич. — Руднев кинул номерок на стойку. — Уровень лектора выступающего в подобном месте априори может быть только ниже среднего. Или я не прав?

— У меня весьма ограниченный выбор источников информации, — холодно парировал Роман.

— Это камешек в мой огород? — Руднев перекинул пальто через руку и пристально взглянул на мальчика.

— Заметьте, это сказал не я. — Роман отвернулся, забирая свою куртку, и яростно дёрнул молнию, застёгиваясь.

Руднев вопросительно изогнул бровь, но ничего не ответил.

— Подвезти? — задумчиво разглядывая подростка, предложил он. Роман только дёрнул плечом.

В машине Андрей Константинович долго молчал, изредка кидая изучающие взгляды на своего пассажира.

— Я не хочу знать, зачем тебе понадобилась Каббала, — наконец осторожно заговорил он. — Предположим, что это проявление похвальной любознательности. Однако должен заметить, что тебе не следует ходить на подобные сборища. Во всяком случае, без меня.

— Почему? — Роман явно злился.

— Ты сам не заметил, сколько в зале было разного сброда? На такие мероприятия охотно приходит всякая шваль. Несмотря ни на что, ты ребёнок и потому для них — лакомый кусок. Сделать тебе гадость, просто ради развлечения — обычное дело для подобной публики.

— А куда же мне ходить? В школьную библиотеку?!

— Потихе, Роман Аркадьич, — поморщился Руднев. — Зачем такие крайности? Ты всегда можешь спросить у меня.

— Ни черта Вы не расскажете! — в сердцах бросил Роман.

Руднев сделал несколько глубоких вдохов, чтобы не сорваться.

— Я хоть раз не ответил на твой вопрос? — Он немного подождал. — Я слушаю тебя... Ладно, я уже понял, что тебя интересует нечто, о чём ты по неведомой причине не хочешь меня спрашивать. Я также осмелюсь предположить, что это связано с так впечатлившим тебя по непонятной причине диском. Ты разобрался — неясно, правда, как и когда — что надписи на диске сделаны на древнееврейском языке и сделал вполне логичное предположение, что предмет имеет отношение к каббалистической практике. Отвечаю на твой незаданный вопрос: нет. Хотя искушение провести параллели между занятиями учеников, скажем, рабби Акибы и назначением Карты весьма велико. Однако между ними — пропасть. Но это не главное. Главное, чтобы ты перестал маяться дурью и выкинул всякие мысли об этой штуке из своей упрямой головы. Предупреждаю пока по-хорошему: забудь об этом диске. Он тебе не нужен. Он тебе ни к чему. Он для тебя бесполезен. Я ясно выражаюсь? — Руднев повернул голову к Роману и успел заметить на его лице безграничное удивление, которое быстро сменилось презрительной гримасой.

— Занятная версия, — холодно протянул он и больше до самого дома не проронил ни слова.

— Чего такой скучный? Ты часом не заболел? — Руднев попытался просканировать сгорбившегося в кресле Романа и от удивления даже забыл, что искал в ящике своего письменного стола. — Закрывать научился? Ну что ж, молодец...

Роман никак не отреагировал на эту попытку босса завязать с ним беседу и продолжал тупо смотреть в одну точку. У него не было сил. Вообще. Ни ответить, ни пошевелиться. Мама сказала, что это, наверное, авитаминоз — уже апрель, а весна всё не наступает. Организму не хватает солнца — бла-бла-бла... Мамы, они ведь всегда всё точно знают.

А он, честно говоря, просто устал. Каждую ночь он обнаруживал себя рядом с проклятым диском. Ему уже хотелось расплющить эту штуку чем-нибудь тяжёлым, но даже во сне он понимал, что это ничего бы не изменило. Карта каждый раз монотонно сообщала ему, что он должен найти Ключ. Потом, следуя Карте, пройти весь путь до конца. Обрести

вожделенную силу иначе никаким образом не получится.

Эх, не надо было сопротивляться, когда его пытались туда втянуть. Нужно было позволить вести себя. И чего он тогда испугался? Не сам ли говорил, что маньяк? Куда там! Он образец благоразумия! Где теперь найти этот самый Ключ? Как? Помолиться что ли? «Господи, пошли мне Ключ». Эта мысль показалась ему настолько дикой, что он решил, что пора завязывать с этой штукой, пока она окончательно не свела его с ума.

На следующую ночь, отчаянно сопротивляясь притяжению диска, он сдуру махнул проведать Руднева — почему-то подумалось в этот момент только о нём. Едва он приблизился к боссу, как его выбило из астрала с такой силой, что потом целый день болели все внутренности. Даже дышать было больно. А Руднев был злой, как чёрт, но ничего не сказал.

— Что Вы делаете? — вдруг рявкнул Роман. Он резко обернулся, поняв, что Руднев стоит позади кресла и довольно ощутимо на него воздействует.

— А ну, тихо! — цыкнул босс. — И вообще, встань! — Он медленно водил рукой вдоль спины Романа на расстоянии примерно полуметра от его тела. От его ладоней исходило приятная прохлада. — Сейчас мы тебя подлатаем, Роман Аркадьич, — еле слышно шептал он. — Негоже портить своё имущество...

— Что?! — Роман подпрыгнул вторично.

— Что слышал, — зло прищурился Руднев. — Я не думал, что ты такой дурак. И полезешь ко мне без приглашения. А ещё мы такие гордые — жаловаться мы не станем. Мы лучше сдохнем. Или ты такой тупой, что не понял, что я пробил твою оболочку? Я даже не знаю, какой вариант хуже!

Руднев встряхнул кистями рук и вернулся за свой стол. Достал из ящика свечку, зажёл и стал водить над ней ладонями. Задув свечу, он снова тряхнул руками и принялся надевать свои перстни, которые, оказывается, успел когда-то снять.

Роман всё ещё стоял посреди кабинета, чувствуя себя невыразимо глупо, и злился. Руднев подошёл, встал прямо перед ним. В правой руке он держал свой перстень с сапфиром.

— Смотри на меня, — прошипел он. Роман почему-то не осмелился спорить. Он как загипнотизированный уставился боссу прямо в глаза.

Руднев начал медленно двигать руку с камнем вверх и Роману показалось, что синхронно с этим движением по его телу разливается огонь. Когда жар добрался до головы, комната начала вращаться вокруг Романа, и он непроизвольно закрыл глаза. Руднев толкнул его в кресло и, судя по звукам, ушёл обратно к письменному столу.

— Почему ты всё время думаешь об этом диске, — раздался его бесстрастный голос с другого конца кабинета.

Роман даже не пошевелился.

— Хочу и думаю, — прошептал он.

— Что ты там бормочешь? — Похоже, Руднев снова навис над его креслом.

— Я хочу знать, как он работает, — решительно произнёс Роман, открывая глаза и сразу наталкиваясь на колючий взгляд шефа.

— Поверь мне, от этой вещи тебе не будет никакой пользы, — отчеканил Руднев, упираясь в подлокотники кресла и наклоняясь чуть ли ни к самому лицу Романа. — Так что — забудь. Иначе блок тебе поставлю, — убедительно пригрозил он.

— А по-человечески объяснить нельзя? — холодно поинтересовался Роман.

— Боюсь, что нет. У меня такое ощущение, что тебе часть мозга отрезали и в холодильник спрятали. Или, если так тебе будет понятнее — ты в собственном доме не хозяин. Пару комнаток тебе оставили, а остальное заперли и ключ забрали.

Роман вздрогнул.

— И где мне взять ключ? — осторожно спросил он.

— Если бы я знал... Одевайся. — Андрей Константинович вернулся, уже застёгивая пальто. — Отвезу тебя домой, к маме. В школу завтра не ходи. Всё равно будешь спать весь день. Это я тебе обещаю.

Руднев не обманул: Роман уснул ещё в машине и плохо помнил, как добрался до своей тёплой и мягкой постели.

===== Глава 18. Ботаник =====

Сначала на парту упала чья-то тень. Кто-то стоял за спиной и уходить не собирался, но Кирилл всё равно не поднял головы — он был полностью поглощён чтением очередного безумно интересного фолианта из библиотеки Николая Николаевича. Но когда на стол с грохотом полетела пренебрежительно брошенная сумка, он вздрогнул и невольно отвлёкся от книги. Вынырнув из мира грёз, но ещё не до конца стабилизировавшись в реальности плотных физических феноменов, он напряжённо, как бы издалека, смотрел на нависшего над ним Князева, созерцая очертания его величественного носа и плотно сжатых губ.

Роман, холодно глядя на Кирилла сверху вниз, принялся доставать из сумки всё необходимое для урока.

— Привет, ботаник, — высокомерно бросил он.

— Моя фамилия Бергер, — простодушно заметил Кирилл.

Князев засмеялся, потом уселся за парту и весело блеснул глазами, беззастенчиво разглядывая своего соседа.

— Здесь вообще-то занято... — неуверенно протянул Кирилл, лихорадочно пытаюсь вспомнить, с кем же он сидел последние месяцы за одной партой. Вроде, какая-то девочка... А может и нет... Вероятнее всего, это были разные девочки...

— Правильно — занято. Мной. — Отрезал Князев. — Со зрением, знаешь, что-то плоховато стало. Вот я и решил за первую парту перебраться. Ты ведь не против?

— Да мне всё равно, — искренне удивился Кирилл и мгновенно отключился, снова погружившись в чтение.

— Вот и славно, — устало пробормотал Роман.

Он давно уже заметил, что Аверин зачем-то взял в оборот этого простодушного ботаника — Киру Бергера. Все перемены, а частенько и после уроков, Бергер пропадал в кабинете истории. Насколько можно было понять, эти двое активно общались не только в школе. Они что-то оживлённо обсуждали, смеялись, как давние приятели, постоянно обменивались толстенными книгами со скучнейшими названиями. Однажды Роман с удивлением заметил в руках у Бергера учебник древнегреческого языка. Может, Аверин просто даёт ему уроки?

С Бергером они учились вместе с первого класса, и ничего особенного Роман никогда в нём не замечал. Как, впрочем, и в других своих одноклассниках. Ни один из них не стоил внимания. Совершенно никакого. Однако сейчас этот доверчивый книголюб мог быть ему полезен. Ведь он общался с Авериным. А тот, в свою очередь, с дедом. Отчаявшись узнать о Карте что-нибудь у Руднева, который недвусмысленно дал ему понять, что эта тема — табу, Роман уяснил, что именно дед теперь его единственная надежда. Белая ниточка, за которую

его потянули, уберегая от опрометчивого поступка, свидетельствовала об этом довольно красноречиво. Однако просто подойти и расспросить Аверина, особенно после того, как диск Роман, прямо скажем, украл — такой вариант он даже не рассматривал. Оставался Бергер, как наиболее доступное звено этой информационной цепи.

Естественно, первым делом Роман попытался Бергера просто просканировать, залезть в его мозги и, таким образом, использовать его в качестве источника информации об учителе и его загадочном друге, а вот когда не получилось, то задумался, уж ни Аверин ли так надёжно его прикрыл. Если да, то зачем? Было бы что прятать!

Помучившись немного над этим вопросом, Роман решил немедленно всё выяснить и прямо на следующем уроке пересел к Бергеру. Он был заинтригован и, хотя не представлял себе, как разговаривать этого умника на нужную тему, надеялся на удачу. Надо же с чего-то начинать!

— Что это у тебя? — Бергер, оказывается, уже отложил книгу и с искренним удивлением смотрел на раскрытую ладонь Романа. Пока, застигнутый врасплох этим неожиданным вопросом Князев, соображал, о чём идёт речь, сосед по парте схватил его за запястье и самым натуральным образом вытянул прямо из его ладони какую-то длинную чёрную гадость, брезгливо взглянул на неё и отбросил в сторону. Роман остолбенел.

— Что это было?

Бергер очень внимательно посмотрел ему в глаза:

— Тебе лучше знать...

Как раз в этот момент прозвенел звонок, и в класс, как ураган, ворвалась учительница химии. Разговор пришлось прекратить.

Роман тупо смотрел в парту, пытаясь собраться с мыслями. Эта козьявка Бергер — маг?! Вот и узнал, что хотел. Только вопросов от этого не убавилось. Тут он почувствовал, что Бергер толкает его под столом ногой. «К доске? Этого ещё не хватало!». Он медленно встал из-за парты, с трудом соображая, чего от него хочет учительница. Уже стоя у доски с мелом в руке, он вдруг отчётливо услышал у себя в голове голос Бергера, диктующий условие задачи, и автоматически принялся его записывать. Так же, не напрягаясь, записал и решение.

— Посмотрим-посмотрим... — проворковала химичка. — Ну, что же ты, Князев. Такая грубая ошибка! Ладно, садись — четыре... — и она склонилась над журналом.

— Извини, — прошептал сияющий Бергер, когда Роман вернулся на своё место, — У меня с химией не очень...

Роман метнул в него злобный взгляд и процедил сквозь зубы:

— Я тебя вообще ни о чём не просил.

Бергер пожал плечами и уткнулся в учебник. Видно было, что он по-настоящему обиделся. Ну и пусть.

После звонка Бергер всё ещё продолжал дуться. Выглядело это очень смешно. Он демонстративно не замечал Романа, старательно хмурился и чуть не плакал, тщетно пытаясь сложить в сумку школьные принадлежности, которые поочерёдно валялись у него из рук. Это душераздирающее зрелище смягчило даже чёрствое сердце Князева, который злился-то на себя, а не на этого тихоню. Ну, сорвался... Чего обижаться-то?

Он догнал Бергера в коридоре и потянул сзади за сумку.

— Торопишься к своему Санта-Клаусу? — усмехнулся Роман.

— Кому? — тон такой холодный и смотрит, как на пустое место.

Роман понял, что ляпнул лишнее. Не рассказывать же ему теперь про «Деда Мороза».

— Ну представь: очки ему, парик, бороду... Будет вылитый Санта-Клаус.

Бергер ещё больше нахмурился, а потом неожиданно расхохотался. Причём смеялся он таким счастливым смехом и так по-детски, что Князев мгновенно ему всё простил.

— Ты знаешь, он читает в очках, — всхлипывал Кирилл, — Дальnozоркость, наверное... Правда, похож. Надо будет ему колпачок подарить.

— А тебе — медаль. За спасение утопающих. Точнее, за попытку... — подольстился Роман.

— Ну, я же ботаник, а не химик, — сдержанно ответил Кирилл.

Теперь засмеялись уже оба: захохотали на весь коридор, согнувшись от смеха пополам. Когда на них стали оглядываться, Роман оттащил Бергера к окну. Отдышавшись, он по какому-то вдохновению вдруг похлопал Кирилла по плечу и прямо спросил:

— Ну, а теперь колись, дружок. Чего Аверин от тебя хочет?

— А я откуда знаю?

— Будем делать из меня дурака?

Бергер молчал и с большим интересом его разглядывал. Глаза у него были такие синие-синие и, казалось, светились, как два рентгеновских луча.

— Я могу у него спросить. Специально для тебя, — улыбаясь, сказал он. — Раз уж ты сам боишься.

— Это он тебе сказал? — вскинулся Роман.

— Это ты сказал.

Когда до Романа дошёл смысл этих слов, он просто взорвался.

— Знаешь, я ведь тоже могу у тебя в мозгах покопаться! — прошипел он.

— Да не копался я нигде! Просто слушал... — удивился Бергер.

— А есть разница?

— Залезу я в твою сумку без разрешения или ты сам мне что-нибудь оттуда вынешь и отдашь. Есть разница или нет?

— Допустим... И что я тебе ещё... говорил? — как можно небрежнее спросил Роман.

Кирилл ответил не сразу. Поулыбался.

— Да всё больше ругался.

Роман не нашёлся, что на это ответить, но почему-то поверил и поэтому промолчал.

— Пойдём? На урок. — Прервал молчание Бергер.

— А может, продолжим наш интересный разговор? По-моему, нам есть о чём побеседовать.

— Ты что?! Уроки я прогуливать не стану!

— Что ж ты такой... правильный?

Кирилл не ответил и спокойно ждал продолжения.

— Ладно, значит, ты запрещаешь мне прогуливать урок?

— Не запрещаю, а советую...

— Хорошо. Я последую твоему «совету». Но после уроков ты расскажешь мне всё, о чём я тебя спрошу.

— Прямо всё-всё?

— О себе и об Аверине.

— Хорошо, обещаю, что после уроков я расскажу тебе всё, что ты захочешь узнать по

заявленной проблеме.

— Что ж, — вздохнул Роман, сознавая, что вряд ли после такого потрясения сумеет сосредоточиться на алгебре, — тогда пойдём. Кстати, ты по математике тоже «не очень», как я понимаю? Хорошо бы знать заранее.

— Пожалуй.

— Гуманитарий... — презрительно бросил Князев.

— Ты можно подумать энциклопедист...

— Я, между прочим, отличник!

— Знаю я, за счёт чего ты отличник...

Роман притормозил:

— А тебе не кажется, что это опасно для жизни — так много знать?

— Только сунься!

— И что ты мне сделаешь?

— Превращу тебя в крысу...

===== Глава 19. Контакт =====

Сразу после уроков пообщаться не получилось. Бергер Романа просто кинул. Виновато глядя на него своими ясными глазами, сказал, что дал своё обещание, не подумав, и если он задержится после занятий в школе, то мама очень рассердится. Так и сказал почтительно — «рассердится», вызвав этим в душе Романа бурю невнятных эмоций от изумления до возмущения. А поскольку идти им нужно было в разные стороны, даже по дороге домой поговорить они не могли. Не провожать же Бергера, как девицу!

Роман очень разозлился. Хотел гордо уйти, предварительно пнув что-нибудь из школьного имущества, однако чудовищным усилием воли сдержался и любезно спросил, не пожалует ли господин Бергер к нему в гости ближе к вечеру. На что получил честный ответ: «Постараюсь». На том и расстались.

В ожидании звонка от своего благонамеренного одноклассника Роман так волновался, что не мог ни есть, ни пить, ни тем более делать домашнее задание. Столько лет почти каждый день он проходил мимо возможности пообщаться с себе подобным и — подумать только! — не замечал этого! Это просто не умещается в голове. Прости, Бергер! И приходи, пожалуйста, побыстрее!

О, Боже! — Роман мерил комнату широкими шагами — да если им с Бергером удастся найти общий язык, возможно, Роман решится и покажет ему диск. Он сам уже узнал об этой вещи, наверное, всё, что мог, и в данный момент явно зашёл в тупик. Но, кто знает, может быть, Бергеру удастся получить ещё какую-нибудь информацию. Они настолько непохожи. Трудно даже представить, какими ещё, помимо уже обнаруженных, талантами обладает этот тихий мальчик.

К счастью, Кирилл позвонил довольно скоро и также быстро явился. От предложенного чая отказался, покорно сел в кресло и зачем-то прижал к себе лежавшую там же подушку, обхватив её обеими руками. Создавалось впечатление, что он защищается. Против обыкновения, он даже не улыбался и глядел на Романа несчастными глазами.

— У тебя что-то случилось? — Роман подтащил поближе к креслу пуфик и уселся, как на допросе, прямо напротив Бергера.

Кирилл помотал головой.

— Нет? Тогда чего такой печальный?

— Рома, ты не мог бы, не так активно на меня нападать? — собравшись с духом выдал

он.

— Я на тебя нападаю? — искренне удивился Роман.

— Ты мне просто мозг выносишь, — признался Бергер. — Я уже узнал о себе столько нового... Нелицеприятного... И потом, у тебя столько вопросов! И все не по делу.

— То есть?!..

— Ты беспрестанно спрашиваешь про второго, а я ничего о нём не знаю. А с Николаем Николаевичем мы просто дружим. И он ничего от меня не хочет. И от тебя, насколько я знаю, тоже. Он вообще никогда при мне не упоминал твоего имени. Потом, ты постоянно жалуешься на какого-то Руднева... (Можно я опущу эпитеты, которыми ты его награждаешь?) Говоришь, что он тебя использует, что ты от него устал, и одновременно возмущаешься, что он мало уделяет тебе внимания. Вообще, ты постоянно чем-то недоволен: и мной, и своим Рудневым, и погодой, и тем, что время медленно движется, и тем, что телефон слишком громко звонит, и тем, что шнурки не завязываются, и что чай слишком горячий, а ветер слишком холодный. И всё это пересыпано самой изощрённой бранью, которую я не могу больше выносить.

Роман ошеломлённо молчал, обуреваемый невероятным количеством самых противоречивых мыслей и чувств. Он хотел что-нибудь сказать и боялся сказать лишнее. Он вообще не знал, надо ли теперь говорить и как перестать думать. Каким образом остановить этот поток сознания, который бессвязными образами затопил его мозг, и он теперь не был уверен, что только его собственный. Ощущение было такое, будто он распался на молекулы и никак не может вынырнуть из первобытного хаоса.

— Давай уже поговорим, — терпеливо сказал Кирилл. — Вслух. Иначе мой мозг сейчас взорвётся.

Но Романа словно заклинило. Он, сжав зубы, смотрел на Бергера так, будто тот пытался заставить его выдать государственную тайну.

— Хорошо, — великодушно пришёл ему на помощь Кирилл. — Я буду говорить, а ты — внимательно меня слушать. Когда ты слушаешь, ты, по крайней мере, молчишь.

— ?!

— Я не хотел тебя обидеть. Ты мне не надоел. Просто я устал. Нет, не от тебя. Какой же ты обидчивый! Да тебя задевает буквально всё... Хватит. Хватит выяснять отношения. Да замолчи же ты, наконец! — не выдержал Бергер. Он спрятал лицо в подушку. — Извини. Никогда такого со мной не было. Я обычно слышу людей, которые рядом. Тех, кто непосредственно ко мне обращается. Или кого я сам спрашиваю. С кем-то из близких я, разумеется, общаюсь и на расстоянии. Они, конечно, не подозревают об этом. Просто подсознательно обращаются ко мне... Обычно, спросишь что-нибудь у человека, он тебе ответит — и разошлись. Или кто-нибудь тебе улыбается, а про себя всякие гадости о тебе говорит. Послушаешь, сделаешь выводы. Или у человека неприятности, он не может ни о чём другом думать и начинает тебе жаловаться. Посочувствуешь, он уходит. Но ты просто поселился у меня в голове. Причём я слышу тебя на любом расстоянии. Постоянно. Ты не замолкаешь ни на минуту. Такое впечатление, что тебе вообще больше не с кем разговаривать.

Не передать, как Романа задела последние слова. Главным образом потому, что они попали в самую точку. Роман никогда не считал себя сумасшедшим. Ему нравилось, что он особенный, что он может менять реальность, манипулировать людьми, видеть и слышать такое, что недоступно всем прочим. Но разве с кем-нибудь об этом поговоришь? Разве что с

психиатром. И кто бы знал, насколько тягостно всегда не договаривать, бояться сказать лишнее, изо всех сил стараться не показаться странным и всё равно замечать, как кто-нибудь, кивая в твою сторону, крутит пальцем у виска. Каждое столкновение с реальностью, точнее с людьми, которые эту «реальность» олицетворяли, сколько Роман себя помнил, вызывало у него боль и ярость, которые он благоразумно пытался в себе подавлять. Но это была жалкая попытка запереть атомный взрыв в спичечном коробке. Не удивительно, что мало кто находил Романа приятным в общении.

Да, ему не с кем было поговорить. Всегда. И не только об этом. Но даже о самых простых вещах. Просто потому, что не было рядом человека, с которым ему захотелось бы своими мыслями делиться. Сначала он надеялся, что Руднев станет таким человеком. Но Андрея Константиновича богатый внутренний мир компаньона несколько не интересовал. О родителях и речи нет. Они жили своей «взрослой» жизнью. И никогда не интересовались, чем он дышит. Не доставляет хлопот — и ладно. Роман потому и старался изо всех сил быть отличником, спортсменом и вообще молодцом, чтоб они к нему в душу и дальше не лезли. И так, он, по большому счёту, никогда никому не был нужен. И этот умник с ангельской физиономией сейчас примется его жалеть. От этой мысли Романа просто переключило. А в таком состоянии он плохо соображал, что делает.

— Это всё? — с холодной яростью спросил он. — Мне очень жаль, что я доставил тебе столько неудобств. Полагаю, это просто недоразумение. Постараюсь его исправить. Если это всё, что ты хотел сказать, тогда тебе, наверное, пора. Извини, что отнял у тебя время.

Бергер посмотрел на Романа так, будто он его ударил, и глаза его наполнились слезами.

— Я не хотел. Тебя обидеть, — с трудом произнёс он, и губы его дёрнулись. — Пожалуй, я, правда, пойду, — прошептал он и решительно встал, откладывая подушку.

Именно в этот момент Роман услышал, как открывается входная дверь. Кто-то из родителей вернулся. Не хватало ещё, чтобы они увидели, как из его комнаты выбегает заплаканный мальчик. Что он потом будет придумывать, чтобы объяснить этот подозрительный факт?

— Сидеть. — Тихо приказал он Бергеру. — И не вздумай реветь.

Он быстро пошёл к двери. Оттуда обернулся и погрозил Кириллу кулаком. Тот закусил губу и отвернулся.

— Привет, мам, — Роман буднично кивнул матери, забирая у неё пальто и вешая его в шкаф. — Мы с приятелем готовим проект по физике. Не отвлекай нас — ладно?

— Конечно. Занимайтесь. — Она поправила перед зеркалом волосы, потрепала его по щеке (ладно, потерпим), и ушла к себе.

Роман вдохнул поглубже и шагнул обратно в комнату так отчаянно, словно бросался в холодную воду, боясь увидеть там горько плачущего Бергера. Однако Кирилл просто сидел в обнимку всё с той же подушкой и покусывал костяшки пальцев.

— Кто тебе мог привязку сделать? — задумчиво спросил он, как будто и не собирался пять минут назад зарыдать от горя.

— Что сделать? — не понял Роман. Он никак не мог поверить, что бурной сцены со слезами удалось избежать.

— Это привязка была. Помнишь? На ладони. Я спросил у Николая Николаевича.

Роман вспомнил. Да. Загадочная чёрная гадость, от которой его с такой лёгкостью избавил Бергер. Но ему очень не понравилось, что этот доброхот обсуждает его дела с Авериным. Без его на то согласия.

— Когда ж ты успел? Посоветоваться? — язвительно поинтересовался он.

— Позвонил после школы.

— Ты ему каждый шаг свой докладываешь?

— Хватит уже цепляться. Я просто хотел узнать, что это могло быть.

— А почему ты у него спрашиваешь о таких вещах? Разве он что-то в этом понимает?

Скромный учитель истории... Ты же сказал, что вы «просто дружите».

— Ты пытаешься обвинить меня во лжи?

«Ух ты, какое личико-то у нас стало недоброе, а глазки-то как потемнели. Не такой уж ты, Бергер, святой».

— Я никогда не называл себя святым.

— Неважно, — насмешливо ответил Роман. — Я корректирую собственное представление о тебе.

А в невербальном общении есть своя прелесть. Можно быть по-настоящему откровенным. Всегда ведь есть вещи, которые ты не решаешься озвучить. А тут... Как удобно! И всегда можно сослаться на то, что ты этого не говорил. Мало ли, какая шальная мысль в голове мелькнула. Может, я с ней категорически не согласен?

— Николай Николаевич очень хороший человек.

— А заниматься магией может только очень нехороший человек. Так? И своими намёками я бросаю тень на безупречную репутацию примерного христианина...

«Что — зацепило? Не нравится? «Мы просто дружим». И на какую же тему вы так крепко дружите? Книжки вместе читаете? Ну-ну...».

— Это не магия, — очень тихо ответил Бергер. — Это знание.

— Как удобно! «Это не магия». И мы сразу такие чистенькие. Тебе не кажется, что это весьма убогий способ усыпить свою совесть?

Однако, против ожидания, Бергер ничуть не смутился. Он наклонился к сидевшему напротив него Роману и поглядел ему прямо в глаза. Взгляд его давил почти физически.

— Ты не видишь разницы, Рома, потому что ты моральный урод, — веско произнёс он.

Нет, обидно конечно это слышать, но такой Бергер нравился Роману гораздо больше. Значит, обижаться будем потом.

— Из чего такие смелые выводы? — весело спросил он.

— А я давно за тобой наблюдаю.

«Вот это уже интересно. Наблюдаешь, значит? Это даже приятно, когда ты кому-то интересен. А то одиноко как-то в этом мире. Без присмотра».

— Поделишься? Наблюдениями?

— Охотно, — видно было, что Бергер как-то по-своему, без ненависти, но разозлился. Наверное, именно это называется «праведным гневом». — То, чем ты занимаешься, подразумевает полную атрофию совести. Я, прости, не только «слышу», но кое-что и «вижу». И то, что я вижу — про тебя — мне совсем не нравится. Ты никогда не пытался поставить себя на место тех людей, чью жизнь ты превращаешь в кошмар, просто потому, что твоему боссу за это заплатили? А привязку тебе твой Руднев сделал, — неожиданно безо всякого перехода заявил он. — Я сейчас видел. Когда он на ладонь твою взглянул — вот в этот момент и сделал. Чтоб ты был более покладистым, полагаю, — ответил он на немой вопрос Романа.

— Ладно. Это, положим, тебя вообще не касается, — как можно спокойнее сказал Роман, когда снова обрёл дар речи. Он сразу вспомнил тот сон, когда Руднев впервые

пришёл к нему. И чёрный след от рудневского кольца на ладони.

— Разумеется. Ты ведь совсем не злишься на него за это. Потому что ты сам бы так поступил. Ты абсолютно такой же, как он. Только ты намного глупее. То, что я сейчас вижу... Ты просто ненормальный, если действительно полагаешь, что я стану тебе в этом помогать. А про Николая Николаевича я тебе ничего рассказывать не буду. Даже не надейся.

— Да я уже всё про вас понял. Вы просто дружите. Он ничему тебя не учит. Вы прекрасно понимаете друг друга без слов. И нет ничего более естественного, чем спрашивать школьного учителя истории о разных видах порчи.

— Всё?

— Как-то так...

— Тогда, до свидания. — Бергер спокойно встал и вышел в коридор.

Вот гад! Снова кинул! Ничего толком не рассказал. Пришёл, поскандалил, и — до свидания! Ну, и кто он после этого?!

— Как? Твой товарищ уже уходит? — раздался из прихожей голос матери. — Может быть, Вы останетесь и выпьете чаю? — это уже Бергеру.

Роману, чтобы соблюсти приличия, пришлось идти следом за своим гостем.

— Большое спасибо, но у меня совсем нет времени, — вежливо благодарил Кирилл, застёгивая куртку. — До свидания, — он учтиво склонил голову. Заметив Романа, который, полыхая гневом, появился в этот момент в дверях, сдержанно махнул ему рукой — Пока!.. — А мысленно добавил: «Лучше на этом наше знакомство закончить. Тебе налево, мне — направо. Прощай».

===== Глава 20. Профилактика =====

— Тихо, Рома. Зачем так пугаться?

Викентий Сигизмундович, присев на край князевской постели, аккуратно придерживал подростка за плечи. Роман, осознав, наконец, что это не кошмарный сон, вырываться перестал. Дед сразу отпустил его, и Князев смог сесть: взъерошенный и злой.

— Что вам нужно?

— Навестить тебя пришёл.

Дед взял его руку и провёл кончиками пальцев по запястью. Там как по волшебству проявился браслет из ниток.

— Ох, Рома, весело с тобой... — пробормотал дед, внимательно разглядывая своё творение. Потом достал из кармана золотую нитку и неуловимым движением вддел её посередине узора. Прижал пальцем. Через секунду золотистая строчка пунктирной линией шла уже через весь рисунок, змейкой обвиваясь вокруг руки. Роману показалось, что браслет нагрелся.

— Как вы это делаете? — не сдержался он.

Дед ухмыльнулся:

— Вот когда вместо «как» ты будешь спрашивать «зачем», тогда я, возможно, тебе объясню.

— Я хотел Вас поблагодарить, — вдруг вспомнил Роман.

— Так благодари, — довольно хмыкнул дед.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Дед смотрел на него с усмешкой.

Роман подождал немного и недоверчиво спросил:

— Вы не собираетесь меня ругать?

— Это не входит в мою компетенцию. Но у меня есть к тебе небольшая просьба. — Дед помолчал, пристально глядя на Романа, — Твой Руднев не должен узнать ни про меня, ни про Николая Николаевича, ни тем более про Кирилла. Это в твоих же интересах.

— Догадываюсь, — мрачно ответил Князев и, набравшись смелости, добавил, — А почему мне нельзя к вам приходиться?

— Уж больно ты заметный. — Дед покачал головой. — Но если очень будет надо, тогда приходи... Только без дела не являйся!

— Спасибо.

— Какой ты сегодня вежливый, — ехидно заметил дед. — Ну, спрашивай, чего ты там ещё хотел?

Роман немного смутился, но собравшись с духом, задал так мучивший его вопрос:

— Разве магия — это не знание?

— Знание, Рома, для тех, кто лежит во прахе и не смеет головы поднять. Ты можешь представить себе такого скромного мага? Я — нет.

— Но почему...

— Давай, ты самостоятельно над этим поразмыслишь. Я хотел тебя предупредить — если Руднев заметит, что ты избавился от той гадости, которую он тебе сделал, скажи, что убрал её сам. Скажем, во сне. Увидел и вынул. Пусть опасается с такими вещами к тебе соваться.

— Хорошо, — кивнул Роман.

— И ещё. Ты нашего Кира, пожалуйста, не обижай. Не то Николай Николаевич тебе голову оторвёт. Это в лучшем случае. В худшем — расщепит на молекулы. Ясно?

Роман оскорбился:

— Не нужен мне ваш Бергер! И не собирался я его обижать! — но сердце всё-таки заныло от свежей раны, нанесённой чувствительным столкновением с этим подлым, коварным ботаником.

— А вот это ты зря. Это ты ему не нужен, а он тебе нужен, да ещё как!

— А Вам я зачем нужен? — зло поинтересовался Роман. — Что вы со мной возитесь?

— Хотел бы я сам это знать, Рома, почему я должен с тобой, непутёвым, нянчиться. Ох, чувствую, наплачемся мы ещё с тобой. А теперь спи. Завтра в школу. — Дед легонько хлопнул его по лбу и поднялся. Роман, закрыв глаза, медленно стал заваливаться назад, но ещё успел сонным голосом спросить:

— А как Вас зовут? — «Что за чушь? Про диск ведь хотел...».

— Дедушка Мороз, — шепнул ему на ухо Викентий Сигизмундович.

===== Глава 21. Предупредительный выстрел =====

День выдался какой-то хмурый, безрадостный. На улицах хлюпала грязь. Валил мокрый снег, который залеплял прохожим глаза (и это в апреле!). Ничего в этой каше не разберёшь. Всё это ужасно раздражало. Роман медленно выкладывал из сумки свои вещи, озабоченно размышляя о том, куда делся Бергер и что он с этим ботаником сделает, когда тот всё-таки явится.

Ему ужасно не понравилось, как вчера сложился разговор. Как вчера вообще всё сложилось. С самого начала. Как-то так получалось, что он постоянно оставался в дураках. Хотел узнать про Аверина — неожиданно выяснил, что безобидный Кира Бергер неслабый такой маг. Хотел с ним подружиться — получил от ворот поворот. Да ещё ему и намекнули, что он не слишком хорош для этого. А вопросов осталось множество. И о диске не

поговорили. Потом Дед уверенно заявил, что Бергер ему, видите ли, нужен, а он Бергеру — нет. Ну, это мы ещё посмотрим! Хорошо хоть он теперь может и без Аверина, и без этого ботаника выйти в случае надобности на деда, который его больше всего интересовал. Раньше. Потому что теперь все его мысли занимал всё-таки Бергер.

Как ловко он вчера от него сбежал! А почему? Да потому, что сумел сбить его с толку. Потому, что весь день успешно ставил Романа в тупик. Тот оказался не готов ни к одному из тех выражений, которые так уверенно закладывал вчера этот тихоня. Инициатива постоянно оставалась в его руках. К подобному раскладу Роман не привык. Но он возьмёт реванш. Сегодня. Это теперь дело принципа. Кроме того, Бергер подлежит тщательному изучению. И уж, безусловно, использованию. На благо Романа. Потом доберёмся и до Аверина. Разузнаем, что он за фрукт такой. И вообще, обидно, когда с тобой так поступают! Так что, Бергер, не надейся, что ты будешь в этой истории дирижировать. Я сам решу — исчерпало себя наше знакомство или нет.

Как раз в этот момент он почувствовал... Роман резко обернулся. Так и есть. Пока он, как дурак, поджидает зарвавшегося ботаника за первой партой, этот умник устроился на его месте — на самой последней парте в самом дальнем углу, с которой так удобно было наблюдать за всем классом. Роман просидел там без малого восемь лет — с самого первого дня своего пребывания в школе. Совсем один. И никто ни разу не посмел пересадить его на другое место. А теперь там сидит Бергер и смотрит на него вызывающе. Хочет таким наивным способом избавиться от его общества? Не выйдет.

Роман сгрёб в охапку всё, что успел выложить из сумки, и, подойдя к Бергеру, невозмутимо высыпал свои вещи на парту. Бергер в ответ посмотрел на него с каким-то оскорбительным недоумением, потом с показным равнодушием пожал плечами и принялся перелистывать учебник.

— Что я тебе сделал? — тихо спросил Роман, усаживаясь на стул. Только чудовищным усилием воли он сдерживался, чтобы не стукнуть хорошенько этого святошу, который корчит из себя, Бог знает что.

Бергер упорно делал вид, что не слышит его. Тогда Роман собрал все свои невысказанные эмоции и мысленно направил ему такое послание, от которого взорвался бы и камень. Бергер обеими руками схватился за голову и тихо зашипел от боли.

— Извини, — безмятежно сказал Роман. — Не сдержался.

Зато Бергер наконец-то на него посмотрел. С ужасом.

— Ну что ты за человек? — испуганно прошептал он.

— Видимо настолько ничтожный, что не заслуживаю даже того, чтобы мне ответили.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Разве не ясно?

— Почему?

— Потому, что мне тошно от одной только мысли о том, чем ты занимаешься.

— Это тебя не касается.

— Тогда отстань.

— Не могу.

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты со мной поговорил.

— Сказка про белого бычка. Нам не о чем разговаривать.

— Есть. Во-первых, ты мне ничего так и не рассказал из того, что обещал. Во-вторых, я хочу знать, что ты там увидел такое обо мне, что сразу сбежал.

— Ты сам это прекрасно знаешь.

— Скажем так — догадываюсь. Но у меня есть веские причины интересоваться тем, что увидел именно ты.

— Тебе не понравится.

— Ничего. Как-нибудь переживу.

Бергер развернулся к нему всем корпусом. В его взгляде была такая усталость, что Роману на мгновение даже стало его жалко. Но он решительно прогнал от себя этот мимолётный призрак слабости и твёрдо посмотрел в голубые глаза своего соседа, которые укоризненно светились на его осунувшемся за ночь лице.

— Ну конечно. Ты не можешь упустить возможности поговорить о себе. Это ведь самый интересный предмет на свете! Правда? И теперь ты нашёл с кем можно себя любимого бесконечно обсуждать. Во всех неприглядных подробностях.

— Не ерепенся, — весело сказал Роман. — Я всё равно от тебя не отстану. — Он мог бы поклясться, что при этих словах в глазах Бергера мелькнул ужас.

На этой оптимистической ноте прозвенел звонок. В класс вошёл Николай Николаевич. С неподдельным интересом взглянул на них. Настроение у него явно было прекрасное.

— Здравствуйте, друзья! — радостно воскликнул он, когда все расселись, — Кто расскажет нам о славянофилах? — Он дружелюбным взглядом обвёл класс и как бы невзначай остановился на Романе. — Князев! Я ведь давно Вас не спрашивал! — Он склонился над журналом. — Ну, так и есть! Пожалуйте к доске!

Бергер немного повеселел, и была-таки доля злорадства в его взгляде, которым он провожал Романа, пока тот шёл между рядами.

Николай Николаевич стоял у своего стола и улыбался Князеву ласково и лучезарно.

— Прошу Вас, Рома, начинайте.

Роман привычно настроился считать и воспроизвести вслух нужную информацию. Он уже открыл было рот, чтобы начать рассказывать, как неожиданно связь с источником оборвалась. В голове стало тихо и пусто. В принципе, Роману понравилось это состояние. Абсолютная безмятежность и ясность. Ему только не нравилось, что он стоит при этом, как дурак, перед всем классом и не может сказать ни слова.

Николай Николаевич улыбался, но взгляд его был безжалостен.

— В чём дело, Рома? Вы не готовы к уроку?

Роман покачал головой так неуверенно, что осталось непонятным, означало это движение отрицание или согласие.

— Не пугайте меня, Князев. Вы же отличник! Я не верю, что Вы ничего не знаете о славянофилах.

Роман вопросительно взглянул на учителя: «Может, отпустите?». Николай Николаевич насмешливо склонил голову набок:

«Слушай тишину, мой мальчик, —

Море зыбкого безмолвья.

В тишине плывут долины

И блуждают отголоски.

Тишина склоняет лица

До земли...».

Роман начал смеяться. Не отводя взгляда от сверкающих, как два стальных клинка, глаз Аверина, он кусал губы, чтобы не захохотать в полный голос.

— Я вижу движение мысли на Вашем лице. Ну же, Роман, не стесняйтесь. — Тихо и властно, словно заклинатель змей, увещевал его Николай Николаевич.

«Чего Вы от меня хотите?»

«Не смей обижать Кирилла. Никогда. Ты причинил ему боль. Это недопустимо».

«Больше не буду. Честно».

— Ну что ж, Роман, как мне ни жаль, но я вынужден поставить Вам двойку.

Князев, по-прежнему смеясь, развёл руками.

— Ступайте, мой друг. Надеюсь, больше такого не повторится, — великодушно отпустил его учитель.

===== Глава 22. Легенда =====

Итак, теперь расклад ясен: Бергера опекают, как наследного принца. Какой переполох устроили только из-за того, что Роман решил с ним познакомиться! Ночью один явился, сейчас второй ему пальчиком погрозил. «Интересно, а что ж им от меня-то было надо? Тогда, ещё до того, как они взялись за бедняжку Бергера? Непонятно...» — размышлял Роман.

— Рита, прошу Вас, передайте, пожалуйста, Ольге Анатольевне, что я забираю Бергера на этот урок. Она знает. Пусть не отмечает его, — наставлял Николай Николаевич старосту, вручая ей классный журнал.

Роман, услышав это, остановился в дверях. Он твёрдо намеревался уйти отсюда только вместе с Кириллом, чтобы «дожать» его, а тут такой сюрприз. Они что — собираются Бергера теперь от него прятать?

— Рома, выйди, пожалуйста. Нам с Кириллом надо поговорить, — вежливо попросил его Аверин, когда из класса ушли уже все остальные ученики, и только он один упорно торчал у входа.

Роман, разозлившись, уже повернулся, чтобы выйти, но вдруг из чистого упрямства остановился и обратился к Николаю Николаевичу:

— Я хотел Вас спросить: как зовут Вашего друга?

— А он не сказал тебе? — удивился Аверин.

— Нет.

— Значит, не хотел. Ступай. При следующей встрече сам спросишь.

— А можно узнать...

— Потом, Рома, потом, — перебил его учитель. — Можешь подойти ко мне в любое другое время, и я с удовольствием отвечу на все твои вопросы. Но в ближайший час я занят. Не обижайся, пожалуйста, — с досадой добавил он, заметив, как Князев помрачнел после этих слов.

Когда дверь за ним, наконец, закрылась, Николай Николаевич усадил Бергера напротив себя и внимательно на него посмотрел.

— Ты плохо выглядишь, — озабоченно сказал он.

Кирилл молча поднял на него измождённый взгляд и тяжело вздохнул. Чудовищная усталость на его детском доверчивом лице пробудила бы в душе любого справедливое негодование: кто посмел так замучить ребёнка!

— Ну, в чём дело, рассказывай, — мягко велел Аверин.

— Николай Николаевич, я, кажется, сделал чудовищную глупость, — запинаясь, начал Кирилл. — Даже не знаю, как так получилось... Я Вам уже говорил вчера... про Князева... Из-за него я не спал сегодня всю ночь... Он говорит со мной постоянно. И ещё на меня

высыпается огромное количество информации, связанной с ним. Бесперывно. Как будто плотину прорвало. Это ужасно. Я узнал о нём столько кошмарных вещей, что меня уже просто трясёт. А во сне он намного активней, чем днём. Явился ко мне ночью и принялся изводить меня рассуждениями на тему, кто здесь главный и как мало я из себя представляю без вашей опеки. Вообще, он был очень зол. Сказал, что никуда я от него не денусь. Представляете?! Он твёрдо решил меня «приручить». У него, видите ли, научный интерес! Ему хочется знать, как я устроен — будто я машина! Какие у меня возможности, какие «технические характеристики». Он даже прикидывает, как меня можно использовать! Он хочет, чтобы я что-то для него сделал... То есть, известно что... Я, наверное, не очень связно изъясняюсь... Но я так устал! Короче, он меня пугает. И я не хочу иметь с ним ничего общего. Пожалуйста, Николай Николаевич, помогите мне от него закрыться. Это ведь возможно?

— Нет, — твёрдо ответил учитель. Кирилл воззрился на него удивлённо и испуганно. — Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. — Николай Николаевич переставил свой стул поближе к Бергеру и взял его за руку, сверху накрыв её другой ладонью. — Как ты думаешь, два таких, мягко скажем, необычных мальчика могли случайно оказаться в одном классе? Ты никогда не задавал себе вопрос — зачем? Ведь я же знаю, что ты наблюдаешь за ним. С самой первой вашей встречи. И что ты помогал ему уже не раз. И умудрился делать это так, что он до сих пор об этом не знает. А вчера не смог. Думаешь, это случайность? Или в пересечении ваших жизненных путей всё-таки есть какой-то особый смысл? То, что он тебя заметил, означает, что ваши судьбы пришли, наконец, в соприкосновение. Может быть, слишком рано — поэтому так много шероховатостей в ваших отношениях. Но, поверь, это необходимо. Скажем так, жизненно необходимо. Мне очень жаль, Кир, но с Князевым ты связан на всю свою жизнь. А может быть и больше. В принципе, ты можешь этим знанием пренебречь и попытаться избавиться от этого неприятного симбиоза, но ничем хорошим для тебя это не кончится.

— Вы не шутите? — Кирилл был просто в отчаянии.

— Конечно, нет. Знаешь что, давай выпьем чаю, и я постараюсь всё тебе объяснить. — Аверин достал из шкафчика электрический чайник, посуду, коробку конфет, которую с улыбкой поставил перед Кириллом. — Сладкое тебе сейчас просто необходимо.

Глядя, как уныло Бергер болтает чайным пакетиком в кипятке, Николай Николаевич покачал головой и начал свой рассказ:

— Чтобы тебе было понятнее, я расскажу тебе... одну Легенду. Очень давно в Персии жил человек, который всеми силами своей души стремился познать Истину. Он хотел узнать, как устроен этот мир и в чём смысл нашего существования. Он хотел знать всё и ради этого готов был пожертвовать тоже всем, что представляется ценным для обычного человеческого существа: всеми жизненными благами и даже самой жизнью. В поисках ответов на терзавшие его вопросы он обошёл полмира, прочитал столько книг, что из них можно было бы сложить пирамиду, подобную гробницам египетских фараонов. Он приходил к каждому, кого молва называла мудрецом, и жадно расспрашивал этих людей, что они знают о вселенной. Он научился очень многому, приобщился к тайному знанию, подчинил себе силу естества, но и будучи человеком уже немолодым, он всё ещё не был удовлетворён, потому что так и не сумел сложить все детали конструкции в единое стройное здание. Не хватало какого-то существенного элемента. Ключа.

Как-то раз ему пришлось заночевать в пустыне, прямо под звёздами. Было очень

холодно. Он укрылся плащом и пытался уснуть у потухшего костра, когда услышал над головой странный звон и увидел на краю пустыни Ангела. Он был огромным и, казалось, упирался головой в небесный свод. Ангел простёр к нему руку и велел идти следом. Они вознеслись в горный мир: лучезарный и великолепный. Ангел подвёл его к воротам прекрасного дворца и сказал, что за этими дверями скрыты все тайны мира, Ключ к сущности всех вещей. Но есть особое знание, которое он должен сперва сообщить всякому, кто достиг этого порога. Если, приобщившись ему, человек всё-таки пожелает войти внутрь, он может беспрепятственно это сделать. Человек с радостью согласился. Тогда Ангел протянул ему нитку сверкающих бус и сказал: «Люди не приходят в этот мир поодиночке. Ещё до рождения они уже крепко связаны с определёнными душами нитью общей судьбы. Когда приходит им время родиться на Земле, они словно бусины рассыпаются по всему свету. Но они остаются связанными между собой невидимым образом. Каждый человек изначально окружён цепью связанных с ним душ — тех, с кем он встретится в жизни, и кто станет ему родными, друзьями или врагами. Они могут идти вместе, расходиться и встречаться в веках. Терять друг друга. Но, в конце концов, их пути всегда пересекаются. По невежеству своему они могут смертельно друг друга ненавидеть, но и тогда им никуда друг от друга не деться. Пока они не осознают своей неразрывной связи и не примут её как должное, жизни их суждено длиться. Выполнить своё предназначение они могут только вместе. И только вместе они могут идти навстречу вечности».

Когда Ангел закончил свою речь, он увидел, что человек плачет и перед его мысленным взором, словно призраки, проходят вереницей те люди, которых он оставил на Земле. Всё ещё заливаясь слезами, человек спросил Ангела, захотел ли кто-нибудь, хоть однажды, остаться во дворце? Ангел ответил: «Нет. Никто. Ни один человек не пожелал переступить этот порог, после того, как узнавал правду». «И я не стану», — сказал искатель Истины и без сожаления ушёл отсюда и вернулся на Землю. Всю оставшуюся жизнь он посвятил служению людям: помогал советом и делом, лечил, учил, взывал к милосердию правителей и к совести преступников и не уставал говорить всякому, кто желал его слушать, что люди едины, как лепестки одного цветка и не могут стать счастливыми поодиночке. Когда он был уже ветхим старцем, он был удостоен ещё одного видения, ещё более грандиозного, чем первое. Но это уже совсем другая история...

Рассказ был окончен. Кирилл смотрел на Николая Николаевича широко распахнутыми глазами. Блестящий фантик от конфеты, который он теребил в руках всё это время, уже превратился в туго свёрнутую ниточку. В тишине дробно стучали по стеклу капли дождя.

— Вы ведь ещё не всё сказали? Верно? — тихо спросил Кирилл.

Николай Николаевич кивнул.

— Ты и Князев — не просто из одной связки, как, например мы с тобой, или те люди, с которыми тесно связан я, но о которых ты пока ещё ничего не знаешь. Ваша связь идёт из прошлого. И ваши жизни уже давно так спаяны, что вы практически одна большая причудливая бусина.

— Я поэтому постоянно слышу его?

— Конечно. И будешь слышать всегда.

— Это ужасно. — Кирилл со стуком уронил голову на парту и обхватил её руками. — За те сутки, что он знает о моём существовании, он почти свёл меня с ума своей болтовнёй.

— Не бойся. Ему просто надо выговориться. Представь, что он пятнадцать лет провёл на необитаемом острове и вдруг встретил живое человеческое существо. Со временем он будет

докучать тебе меньше. Не забывай, что он тоже не простой мальчик. Здесь важно не только то, что ты можешь слышать, но и то, что он может направить мысленное послание даже человеку, который не обладает твоими способностями. А уж тебя ему вообще легко достать. Побольше общайся с ним вербально. Когда у него не будет такого количества неразрешённых вопросов, он, разумеется, поутихнет.

— Это не может быть правдой, — помолчав, с отчаянием воскликнул Кирилл.

— Ты не обязан мне верить. И ты можешь поступать как тебе угодно.

— А у Вас есть человек, с которым Вы так тесно связаны?

— К счастью, есть.

— Князев про него Вас спрашивал?

— Да.

— И Вы также ненавидели его когда-то?

— Нет! Что ты! Мы с самого начала были друзья — не разлей вода! Да ты же видел его в воскресенье в храме. Мы вместе стояли у колонны. Он такой высокий. С могучим торсом.

— У него ещё были длинные волосы. Собраны в хвост. Я подумал, что он артист. На оперного певца похож.

— Артист? Пожалуй. Он и по жизни ещё тот артист. Можешь мне поверить. На самом деле он филолог. Специалист по древним восточным языкам. И новым тоже. Он их, наверное, с десятков знает.

— Здорово... Николай Николаевич, я его ненавижу.

— Кого? Князева? Ну что ты, Кир! Это и не по-христиански.

— Вы не понимаете. От него такие... нехорошие импульсы исходят. Меня всего передёргивает. Так гадко становится на душе! Он связан с такими жуткими вещами, что у меня внутри всё сжимается, когда я через него с этим соприкасаюсь. Я скоро параноиком стану. — На лице Кирилла отразилось настоящее страдание.

— А перед нами не стоит задача спрятаться от всех негативных факторов. Мы должны сделать себя недоступными для их воздействия. Съешь конфетку. Помогает. От стресса.

Кирилл взял конфету. Потом ещё одну.

— Я что — должен с ним дружить? — нервно спросил он, скатывая шарики из фольги.

— Необязательно. Пусть всё идёт своим чередом. Я просто предупредил тебя, чтобы ты понимал, что происходит. Он ведь от тебя не отстанет.

— Он так и сказал. Теми же самыми словами.

— Кир, ну не надо так расстраиваться, — Николай Николаевич потрепал его по волосам. — Я тоже сначала пришёл в ужас, когда его увидел.

— А потом?

— А потом судьба послала мне бонус... В твоём лице. Если я сумею передать тебе всё, что знаю сам — моя жизнь будет прожита не зря.

— Правда?

— Конечно, правда.

— А можно я сейчас домой пойду?

— Чтобы не встречаться сегодня с Князевым? Не выйдет, Кир. Он, как отсюда вышел, так сразу уселся на подоконник напротив этого кабинета, и весь урок там просидел. И в данный момент он находится там же. Так что — только если через окно... Но третий этаж — всё-таки высокогато. Ты не находишь?

— Он прогулял урок? Зачем?

— Ты же сам сказал: он хочет, чтобы ты кое-что для него сделал. И он от тебя не отстанет. Он потрясающий практик. Сам не знает, что делает, да и зачем — тоже, но всегда — именно то, что нужно. — Николай Николаевич с улыбкой взглянул на Кирилла. — Перестань смотреть на меня так затравленно. Он тебя не съест. Да! Совсем забыл. По легенде мы с тобой обсуждали здесь твоё участие в конкурсе юных историков. Я пришлю тебе информацию по электронной почте.

Кирилл смотрел на Аверина с тоской и молчал.

— Кир, не раскисай. Я не позволю ему тебя обидеть. Звонок уже. Слышишь? И у меня сейчас будет урок. Тебе нужно идти. И конфеты забери. Чтобы снять стресс, тебе придётся съесть всю коробку.

===== Глава 23. Точка пересечения =====

Роман соскочил с подоконника и подошёл к Кириллу сразу, как только тот покинул спасительные стены кабинета истории.

— Ну что? Аверину удалось объяснить тебе, насколько я неподходящая компания для такого примерного мальчика, как ты? Наверное, запретил со мной общаться?

Бергер поглядел на него в замешательстве. Смутные тени множества противоречивых мыслей в одно мгновение промелькнули в его озадаченном взгляде. После короткой борьбы с собой, он зачем-то сказал слова, о которых ему многократно пришлось сожалеть впоследствии:

— Не бойся. Я тебя не брошу. — И кто его за язык тянул! Может без этого дурацкого обещания всё бы обошлось?

— Я тронут. — Роман окинул его с ног до головы оценивающим взглядом. — Честно говоря, не ожидал.

До кабинета литературы дошли в молчании. Роман остановился в дверях, с любопытством наблюдая, куда теперь отправится Кирилл. Но тот, даже не подняв головы, пошёл к князевской последней парте.

За окнами было темно. Там метались чёрные ветви деревьев. По стёклам хлестал дождь. Кирилл, подперев голову руками, бессмысленно смотрел в учебник, чувствуя, что после бессонной ночи у него слипаются глаза. Вскоре, удивлённый Роман увидел, как у Бергера разъезжаются локти, и едва успел подставить свою ладонь, чтобы не дать ему со всего размаху ткнуться лбом в стол.

Кирилл проспал два урока подряд. Во сне какой-то очень молодой и энергичный Аверин, смеясь, усердно потчевал его тортом. Торт был огромный и красивый — настоящее произведение искусства. Но у Кирилла отчего-то совершенно не было аппетита. Он смотрел на это кондитерское чудо, как на нечто несъедобное и не испытывал ни малейшего желания даже попробовать его.

Чай в богато украшенной золотом фарфоровой чашке был очень крепким и обжигающим. Кирилл поднёс его к губам и дёрнулся, пролив на стол кипяток. Из-за спины появился загадочный друг Николая Николаевича и, промакнув стол салфеткой, пробасил ему в ухо: «А вот Ники никогда не капризничает, если я его угощаю». «Но я не смогу съесть всё это один», — виновато ответил Кирилл. «И не надо. Поделишься с кем-нибудь», — подмигнул ему артистичный филолог. Кирилл сразу повеселел, отведал торта и нашёл его необычайно вкусным. «Только я орехи не люблю. И варенье», — пожаловался он. «Да кто же их любит!» — расхохотался тот, подсовывая ему следующий кусок.

Кирилл и не заметил, как, его стараниями, съел почти половину этого кулинарного шедевра. На душе отчего-то стало легко и спокойно. И он определённо чувствовал, что к нему вернулись силы. Аверин загадочно улыбался и молчал, глядя на него через стол. «Тебе пора», — снова раздался над ухом уже знакомый голос. «Жаль», — Кирилл обернулся к гостеприимному товарищу Николая Николаевича. «Спасибо вам», — он перевёл взгляд с одного на второго. «На здоровье», — весело ответил приятель Аверина. А Николай Николаевич просто кивнул.

Что это? Солнце? Золотистая рябь на стене. И небо такое голубое, такое... умытое. Кирилл, щурясь от яркого света, с удивлением уставился в окно. Сидящий рядом Князев усердно делал вид, что внимательно слушает учительницу. Кирилл посмотрел на большие круглые часы над доской и сообразил, что подходит к концу уже второй урок литературы. Момент озарения совпал с радостным дребезжанием звонка. Все зашевелились, вставая, и один за другим потянулись к выходу.

— Почему ты меня не разбудил? — сдержанно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, изумился Кирилл, лихорадочно приводя себя в порядок. Правда, с отпечатком рукава на своей щеке он ничего не мог поделать.

— А зачем? — Роман, не глядя на него, пренебрежительно кидал в сумку свои вещи.

— Разве... никто ничего не заметил?

— Ты меня всё-таки недооцениваешь...

Кирилл сообразил, что такой глупый вопрос он, действительно, мог бы и не задавать. Ему, правда, не нравились методы, с помощью которых Князев обычно добивался желаемого, но в бутылку лезть из-за этого не стал. — Спасибо, — серьёзно сказал он.

Роман усмехнулся и наконец-то взглянул на него:

— Я думал, ты мне будешь мораль читать...

— Боюсь, это не входит в мою компетенцию, — грустно ответил Кирилл.

При этих словах Роман дёрнулся и как-то подозрительно на него покосился.

— Скажи, Бергер, — ни с того ни с сего спросил он, когда они вышли в коридор, — А почему у тебя такая фамилия непатриотичная?

— Думаешь, я еврей? — быстро сообразил Кирилл. — Как ты? Мальчик с «патриотичной» фамилией...

— С ума сойти! Ты антисемит? — натянуто улыбнулся Князев.

— Упаси меня, Боже, от подобного несчастья! Но я всё равно не еврей. Не надейся.

— Значит, всё-таки немцы поучаствовали?

— Ещё до революции кто-то из предков осел в России. За столько лет наш род обрусел давно. Только фамилия осталась.

— Понятно.

Они брели рядом по коридору, преодолевая хаотичное движение толпы. Бергер периодически придерживал Князева за рукав, чтобы он не терялся в этом людском водовороте.

— Скажи, — Роман задумчиво разглядывал глянецовые носки своих ботинок, наблюдая, как при каждом шаге на них вспыхивали и гасли солнечные искры, — А ты принципиально никогда не пользуешься своими, хм... возможностями?

Кирилл ответил не сразу. Рассеянно глядя в пространство, он пару раз столкнулся с шедшими навстречу учениками. Потёр ушибленное при этом плечо и неохотно проговорил:

— Я считаю, что те скромные способности, которые у меня есть, достались мне не для развлечения. Самое правильное — использовать их для собственного развития, а не для удовлетворения своих желаний. А если хочешь кому-то помочь, можно сделать это незаметно. Ты, конечно, не в счёт. Ты не мог не увидеть, что я делаю. А я не подумал о последствиях и теперь вот расплачиваюсь...

— Жалеешь?

— Раскаиваюсь. Если бы ты знал как!..

— Хочешь меня обидеть? — вкрадчиво спросил Роман.

— Как ни прискорбно в этом признаваться — да, — честно ответил Кирилл.

Они обменялись ироничными взглядами и одновременно прыснули со смеху. Лёд был растоплен.

Кирилл после этого сразу повеселел. Пребывание в состоянии конфликта действовало на него угнетающе. Он почувствовал огромное облегчение, избавившись одновременно и от чудовищного напряжения, которое вызывала в нём непонятно откуда взявшаяся ненависть к Роману, и от чувства вины, которое осознание этой ненависти в нём порождало.

Ну, зачем, в самом деле, им ссориться? Чего делить? Если хорошенько подумать, пересечение их путей действительно было неизбежно. Даже странно, что этого не произошло раньше. Но разве это накладывает на него какие-нибудь обязательства? Всё осталось по-прежнему: и Николай Николаевич, с которым так безумно интересно и так спокойно, и уходящие в бесконечность ряды непрочитанных книг, которыми можно всё так же упиваться, забыв обо всём на свете, и ждущие открытия истины — одна светлей и грандиозней другой. Есть ли среди этого многообещающего великолепия место для Ромы Князева? Посмотрим. Скорей всего, он сам в ближайшем будущем потеряет к нему интерес. Ему не нужны ни книги, ни истины. Он, словно одурманенная сивилла, бредёт, не приходя в сознание, сам не знает куда, на какой-то жуткий пугающий зов, который притягивает его со страшной силой. Что у них общего? Парта, которую они теперь между собой делят? Пожалуй. Они, как две параллельные линии, могут всю жизнь идти рядом, никогда не пересекаясь. Если бы не Николай Николаевич, так заинтересовавший Князева, этот зазнайка никогда и не узнал бы, что учился в одном классе с тем, кто имел возможность за ним наблюдать.

Размышляя в таком ключе, Кирилл быстро пришёл в норму, и на первый этаж к кабинету биологии спустился уже прежний безмятежно смеющийся Кира Бергер, с восторгом и счастливым замиранием сердца глядящий на этот мир. А Роман, незаметно наблюдая за ним, чувствовал какую-то непонятную тоску и страх, как будто свершилось что-то неотвратимое. Будто всё прежнее внезапно стало лишь призрачным воспоминанием, до которого не дотронуться, к которому не вернуться...

===== Глава 24. Общий язык =====

— Я знаю, о чём ты хочешь поговорить, — Кирилл остановился на ступеньках школьного крыльца в распахнутой куртке, с восхищением глядя на огромные, гладкие, как зеркало, лужи, в которые бескрайнее небо пролилось яркими каплями ослепительно голубой эмали. — Пойдём ко мне? — внезапно предложил он.

— Пойдём, — устало согласился Роман, которого едва не взлетающий от непонятного счастья Бергер немного выводил из себя.

— Нет, я не настаиваю... — смеясь, прищурился Кирилл.

— Пойдём. — Роман, хмурясь, подхватил его под локоть и заставил спуститься вниз.

Всю дорогу до дома Бергер разве что только не пел. Он с упоением вдыхал весенний воздух, читал стихи и непрерывно восторгался природой. Роман тихо дивился про себя, но вежливо молчал.

— Рома? Приятно видеть тебя в нашем доме, — сердечно поприветствовала гостя мать Кирилла — Катерина Сергеевна. (Вот что значит правильная репутация — отличник и всё такое — все двери перед тобой открыты!..).

Роман с первого же взгляда понял, что Кирилл похож явно не на маму. Она оказалась темноволосой, аскетичной и строгой дамой. Что-то общее, конечно, было у неё с сыном в чертах лица, но не более того. Гладко причёсанные волосы, стянутые узлом на затылке, длинная юбка, аккуратный передничек — всё это было родом даже не из прошлого, а из позапрошлого века. — Немедленно обедать, — не терпящим возражений тоном сказала она. — Надеюсь, против постной пищи Роман ничего не имеет?

— Нет, мама, для него главное, чтобы всё было кошерным, — почтительно ответил на это Кирилл, придав своему лицу самое серьёзное выражение.

— Кирилл шутит, — холодно ответил Роман, испытывая огромное желание, дать Бергеру затрещину.

Катерина Сергеевна смерила сына осуждающим взглядом и скрылась в кухне.

— Хватит резвиться, — прошипел Роман умирающему от смеха Бергеру.

— Но я же должен был обозначить твою этно-конфессиональную принадлежность, — Кирилл сделал большие глаза и прошептал, — Во избежание недоразумений...

— Кстати, как девичья фамилия твоей матери? — поинтересовался Бергер, когда они уже сидели за столом, и Катерина Сергеевна вышла из кухни, оставив их одних.

— Шойфет, — мрачно ответил Роман, с ожесточением протыкая вилкой шляпку гриба.

— О-о-о! — с уважением протянул Кирилл. — Ты, случайно, не от Судей Израилевых ведёшь свой род (1)?

1 Эта фамилия происходит от еврейского «шофЭт» — судья.

— Всё может быть, — ещё мрачнее отозвался Роман, потом, сообразив что-то, с удивлением поднял взгляд на Кирилла. — Ты что — знаешь иврит?

— Конечно, — довольно улыбнулся тот, — но только библейский. До современного я пока не добрался.

— Зачем тебе?

— Вопрос выдаёт в тебе невежду, Рома Шойфет, — осуждающе покачал головой Кирилл. — Я учу иврит, чтобы читать текст Священного Писания, конечно, — назидательно сказал он и, пока Роман не успел ничего на это ответить, добавил, — Как представитель славного сословия шофтим (2) ты, разумеется, должен понимать, что кража чужого имущества — со взломом или без — или присвоение его любым другим способом, например, с помощью гипноза, является уголовно наказуемым деянием, а также, что гораздо серьёзнее — нарушением восьмой заповеди.

2 Множественное число от слова «судья» (иврит).

Роман аккуратно положил вилку на край тарелки и, сверкнув глазами, с яростью уставился на Бергера. Кирилл не испугался и взгляда не отвёл: «Хочешь поспорить?»

«Эта вещь — моя», — гневно парировал он.

«Она сама тебе это сказала?»

«Представь себе — да!»

«Тяжёлый случай. Как ты считаешь, свидетельские показания украденной вещи будут засчитаны в суде?».

— Ну? Ты же сам хотел об этом поговорить, — мягко упрекнул его Бергер.

— Не об этом, — процедил Роман.

— Наверное. Но обсуждать вопрос использования этого предмета, вообще полное безумие. Я отказываюсь серьёзно говорить на эту тему.

— Да потому что ты ничего и не знаешь об этом!

— Возможно, — с готовностью согласился Кирилл. — Тебе чай с сахаром или без?

— Без.

— Ты знаешь, я тоже пью чай без сахара. Сахар совершенно убивает вкус этого благородного напитка.

— Бергер, хватит придуриваться! — не выдержал Роман.

Кирилл замолчал и поставил заварочный чайник обратно на стол.

— Я в этом участвовать не буду, — наконец твёрдо сказал он.

— Я могу уходить?

— Нет, — всё так же серьёзно ответил Бергер, — пока ты не съешь всё до последней крошки, ты из-за стола не выйдешь. А потом — за уроки!

Оценить этот своеобразный юмор Роман смог буквально через секунду, когда в кухню вернулась Катерина Сергеевна и на заявление Кирилла, что они уже пообедали, дала ему ответ в абсолютно тех же выражениях и тем же самым непререкаемым тоном.

«Сурово!» — только и смог вымолвить Роман.

«Это ещё цветочки!» — весело отозвался Бергер.

— Я благословляю тот день, когда родилась младшая сестра, — смеясь, рассказывал Кирилл, когда им, наконец, удалось уединиться в комнате. — Теперь она просто физически не может контролировать каждый мой шаг, как это было раньше. Поверь, старший брат до сих пор вздрагивает, когда слышит её голос!

— У тебя есть старший брат?

— Да. И старшая сестра.

— И все — родные?..

— Роднее не бывает. Слушай, Шойфет, давай сделаем уроки!

— Перестань меня так называть.

— Ну уж нет! Теперь ты для меня всегда будешь Шойфет. Или так, или прощай навсегда. Ну, подумай сам — какой ты Князев? Ты — Шойфет. Это звучит благороднее и веселей. И потом — тебе идёт!

Роман снисходительно дёрнул плечом — спорить в данном случае себе дороже. Но вот делать уроки — это совсем не входило в его планы.

— Знаешь что, Бергер, давай мы поговорим с тобой о деле, а когда я уйду, ты займёшься уроками и вообще всем, чем захочешь, — как можно вежливее сказал он.

— Рома, ну, пожалуйста! — умоляюще прошептал Бергер. — Я ненавижу математику, не выношу физику и терпеть не могу химию и геометрию. Цифры меня убивают. Один час мы потратим на уроки, которые тебе, кстати, тоже всё равно придётся делать, зато потом я готов рассмотреть твоё безумное предложение относительно Карты.

Нет, надо это прекращать. Этот гад понимает, как важно для него поговорить о диске и беззастенчиво пользуется этим. Но колебался Роман всего мгновение. Потом без лишних слов достал из сумки учебники и уселся за стол.

— Только попробуй опять меня кинуть! — зло прошипел он довольному Бергеру. — В этом случае я сделаю с тобой что-нибудь очень нехорошее. Обещаю.

— Верю, Рома, верю, — живо откликнулся Бергер, садясь рядом, и ослепительно ему улыбнулся.

===== Глава 25. Поехали! =====

Диск лежал на табурете, покрытом тканью, в которую ранее был завёрнут. Кирилл стоял перед ним на коленях и внимательно разглядывал идущие по кругу древнееврейские надписи. Честно выполняя условия соглашения, он согласился помочь с переводом, а также пообещал подстраховать Романа, когда тот решит, наконец, воспользоваться Картой, и присутствовать при этом, чтобы в случае какой-либо угрозы быть начеку и вывести его из транса.

Роман пристально за Кириллом наблюдал, сидя неподалёку в кресле. На его взгляд, с Бергером творилось что-то странное. Чем дальше Кирилл смотрел на диск, тем больше пустел его взгляд. Вот он встряхнул головой, как будто отгоняя сон или какое-то видение. Дыхание его стало слишком частым. Всё последующее произошло стремительно: глаза у Бергера сами собой закрылись, он покачнулся и стал падать вперёд, прямо на диск.

Роман и сам не понял, как он сумел так быстро подскочить и оттащить Кирилла от табуретки. Он прислонил его к креслу, в котором только что сидел сам, и легонько похлопал по щекам. Никакой реакции. Перепуганный Роман бросился на кухню, набрал полный стакан воды и весь его выплеснул Бергеру в лицо. Слава Богу, тот пошевелился. Роман вынул платок и дрожащей рукой принялся Кирилла вытирать. Единственной мыслью было почему-то: «Аверин меня убьёт».

— Ну же, Бергер, не дури, — бормотал он охрипшим от волнения голосом, принимаясь трясти его за плечи и, наконец, заорал в полном отчаянии, — Открывай глаза, сволочь! — и начал изо всех сил хлестать его по щекам.

Кирилл испуганно распахнул глаза. Взгляд его стал вполне осмысленным.

— Там была дорога, — пролепетал он, проводя рукой по лицу и с удивлением разглядывая мокрые пальцы. — Я по ней пошёл. Я видел... Карту...

— Убить тебя мало, — тяжело дыша, еле выговорил Роман. Ладони его горели от тех чудовищных оплеух, которые он так щедро только что отвесил Бергеру. — Вставай, — он поднялся на ноги и попытался привести в вертикальное положение безвольное тело Кирилла. — Что ж ты такой тяжёлый! — прохрипел он. — Ну! Держись, что ли, за меня!

Кирилл послушно уцепился за Романа и с его помощью всё-таки встал. Роман без промедления, практически на себе, как раненого, поволок его на кухню. Усадив Кирилла на диванчик, и поминутно оглядываясь, чтобы убедиться, что его подопечный не свалился под стол, зажёл газ и принялся варить кофе, щедро просыпая его на плиту и на пол. Бергер выглядел слабым и бледным, но вполне вменяемым. Наконец, Роман перелил кофе в чашку и сунул её в руки Кириллу:

— Пей.

Бергер отхлебнул и сморщился:

— А можно сахару? — жалобно спросил он.

— Да, ради Бога! — Роман бухнул в чашку чуть не половину сахарницы.

— И воды...

— Сколько угодно!..

Он сидел напротив Бергера, который, мотая головой, зажмуриваясь и обжигаясь,

послушно глотал зверски концентрированный кофе, запивая его, словно гадкую микстуру, водой, и смотрел на это невинное создание полными ужаса глазами. Когда Кирилл поставил пустую чашку на стол и вопросительно взглянул на него, Роман решительно сказал:

— Наш договор отменяется.

— Один ты не сможешь, — сочувственно глядя на него, ответил Кирилл.

— Значит, всё отменяется.

— Зачем врать? Никогда не поверю, что ты откажешься от этой возможности.

Догадливый! Смотрит так понимающе...

— Что ты предлагаешь?

— Николай Николаевич, наверное, уже знает...

Роман и сам об этом думал. Вот сейчас явится, отберёт всё и руки поотрывает, чтобы впредь неповадно было. Возможно, это был единственный шанс. Упущенный.

— Нужно сделать это прямо сейчас, — мягко подсказал Кирилл.

Ах ты, тихоня! Злоупотреблять доверием Учителя! И это после всего того, что уже с тобой из-за этой шутки случилось!.. И кто здесь маньяк?

— Мы пойдём вместе, — вдохновенно предложил Кирилл. — Остаться ты не захочешь, а я — не смогу. Меня эта штука затягивает. Да одного я тебя и не пущу. Значит — вместе.

— И как мы вернёмся, умник?

— Из того, что я видел, я понял, что путешествие закончится, если мы достигнем конечной точки пути.

— Кстати, подробнее, что ты там вообще видел?..

— Я сразу увидел дорогу. И пошёл по ней. Потом я увидел всё сверху. Это была Карта. Я был в самом начале пути, а дорога шла по спирали к центру.

— С чего ты взял, что, если мы доберёмся до центра, мы сразу вернёмся?

— Ну, она так устроена — эта вещь. В этом и смысл. Ты можешь застрять по пути, но если ты дошёл до конца — тебе больше нечего там делать, и ты возвращаешься. Как в компьютерной игре: «Game over».

Роман рассеянно смотрел перед собой и кусал губы. Сердце его колотилось так, будто хотело выскочить из груди. Похоже, Бергеру можно верить. Соблазн был велик. Но и риск — тоже. Ведь они не успели как следует подготовиться к этому путешествию. Роман сцепил ставшие ледяными пальцы и тут наткнулся взглядом на чашку, из которой пил Бергер. Медленно взяв чашку в руки, он принялся рассматривать чёрные подтёки на стенках: вот спираль — у него даже закружилась голова, с такой скоростью она пронеслась у него перед глазами, что-то тёмное несётся навстречу — ещё, ещё, ещё... Роман потрянул головой. Что-то тёплое, как солнце, огромное, яркий свет... Да, пожалуй, Бергер вернётся... Ну что ж — остальное неважно. Ведь за себя Роман отвечает сам.

— Пойдём, — Роман решительно поднялся и протянул руку Бергеру. Тот доверчиво положил на неё свою ладонь и широко улыбнулся:

— Жил-был у бабушки серенький козлик...

Он ещё и смеётся!

— При чём тут козлик?

— Вздумалось козлику в лес погуляти... — невинно уточнил Бергер и, пристально глядя в сверкающие каким-то совершенно безумным огнём глаза Романа, добавил со вздохом, — Ave, Caesar, morituri te salutant (3)!

3 Радуйся, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (лат.) — Эту фразу

произносили гладиаторы, выходя на арену сражаться.

===== Глава 26. Начало пути =====

Да, с Бергером всё оказалось проще и эффектнее. Он моментально впал в транс и сразу увидел дорогу. Роману оставалось только последовать за ним. Их тотчас ослепило яркое солнце. Белая пыль на каменистой дороге хранила отпечатки колёс проехавшей по ней когда-то повозки. Было безветренно, жарко и очень тихо. Выцветшее голубое небо низко нависало над этой абсолютно плоской равниной, покрытой чахлыми кустиками.

Не перемолвившись ни единым словом, они целеустремлённо зашагали вперёд. С гулко бьющимся сердцем Роман почти летел по дороге, нисколько не сомневаясь, что легко преодолеет все препятствия и получит то, ради чего пришёл сюда. Хотя, куда — сюда? Скорее уж Бергер понимал, где они оказались. Самого Романа это мало волновало, равно как и цена, которую ему придётся заплатить за Ключ. Он готов был на всё с того самого момента, как безграничная свобода, о которой можно было только мечтать, таинственно подмигнула ему из глубины испещрённого древними знаками драгоценного артефакта. Не зря он столько таскался за этим ботаником. А ведь это было довольно унижительно! Зато теперь, благодаря Бергеру, он избежал многих сложностей и оказался здесь вообще безо всяких ритуалов, заклинаний и особых усилий.

Роман оглянулся на Бергера и подивился произошедшим с ним переменам. Кирилл выглядел на удивление... безжалостным. Детские черты его лица освещала улыбка, но глаза при этом были совершенно холодными и излучали такую сумасшедшую энергию, что его взгляд оставлял ощущение уверенного прикосновения.

— Ещё немного, и там впереди будет деревня, — успокоил его Кирилл.

— Когда ты успел снять ботинки? — Роман с удивлением уставился на босые запылённые ноги одноклассника. Сами ботинки, связанные шнурками, болтались у него на шее.

— В самом начале, — пожал плечами Бергер. — Жарко ведь...

Роман подумал, не стоит ли поступить также, но махнул рукой и не стал останавливаться из-за такого пустяка. Возможно, цель уже близко, и их путешествие закончится, едва начавшись. Он почему-то очень верил в это.

Вскоре, как и обещал Кирилл, впереди показалось крохотное селение — всего несколько домов. Они остановились под высоким деревом, которое поникшими от жары листьями нависало над узким каменным колодцем. Вдвоём они сняли с колодца тяжёлую крышку. Роман заглянул внутрь и содрогнулся: вода показалась ему тёмной, неподвижной — жуткая завораживающая бездна, которая тихо и ненавязчиво поманила его к себе. К счастью, в этот момент Бергер отстранил его и опустил вниз большой глиняный кувшин, привязанный тут же выдавшей виды верёвкой к вбитому между камнями заржавленному кольцу.

— Майим, — задумчиво сказал Кирилл, поливая воду Роману на руки, чтобы он мог умыться.

— Что? — стряхивая капли, переспросил тот.

— Вода на иврите будет «майим».

Слово похожее на всплеск. И какой же у неё потрясающий вкус... При чём тут иврит? Почему Бергер заговорил об этом? Надо будет спросить. Не забыть...

Роман сел прямо на землю и прислонился к прохладным камням колодца спиной. Он закрыл глаза, чувствуя затылком шершавую поверхность каменной кладки. Древний камень. Какая тёмная и неподвижная у него сердцевина... Как там внутри спокойно... Чудесно,

наверное, быть камнем. Лежать на берегу реки. Ничего не бояться, ни о чём не думать, ничего не хотеть. Просто чувствовать. Воспринимать. И хранить потом в себе. Бесконечно впитывать в себя ощущения. Беречь внутри себя эти крохотные сверкающие кристаллы. Вода лениво плещется у него под боком. Солнечная рябь тонкой сеточкой дрожит на его поверхности. Руки. Тепло рук, заботливо укладывающих его в круг... Шершавые и такие живые ладони — сколько из них сочтется чувств и воспоминаний. Какие яркие картины мелькают перед глазами. Ветер треплет край навеса. Сколько хватает взгляда — равнина и над нею небо. Солнце слепит глаза. Блеянье овец. Улыбающееся лицо мужчины, который наклоняется над ним. У него чёрная курчавая борода. Такая жёсткая на ощупь. Мужчина смеётся, отцепляет маленькие пальчики, которые дёргают его за бороду. И подкидывает его вверх. Ух, как захватывает дух!..

Бергер? Почему у него такое испуганное лицо? Чего он хочет? Наверное, надо открыть глаза. Господи, как же трудно открыть глаза! Ощущение, будто тело соскальзывает. Летит и не за что ухватиться. Кругом вода. Которая оказалась ледяной. И очень страшной.

Чёрная жидкость мгновенно поглотила его, сомкнувшись у него над головой. Но он не тонул. Он как будто висел в пустоте. Вода текла сквозь него, словно между молекулами его тела было достаточное расстояние, чтобы она могла свободно сквозь него просачиваться. Соприкосновение с нею было омерзительным. Ненависть, ярость, гнев, боль струились внутри его тела, жала его подобно разрядам электрического тока. Казалось, это чудовищное напряжение невозможно вынести. Ещё немного и — конец, он просто взорвётся. Но чем большее страдание причиняли Роману эти прикосновения, тем яростнее становились атаки этой слепой, злобной, бездушной субстанции.

Сознание начало слабеть. Роману было уже всё равно, только бы прекратилась эта нечеловеческая пытка. Внезапно в памяти, совершенно неуместно, всплыл насмешливый аверинский голос: «В тишине плывут долины / И блуждают отголоски...». Блаженное ощущение покоя и безмятежности — это воспоминание испытанного когда-то состояния тёплой волной заполнило его изнутри. Перед глазами мелькнула золотая ниточка. Может, показалось? Но Роман увидел, что вода отступает от него, как если бы он был теперь окружён некой защитной сферой. В ту же секунду голова его оказалась на поверхности. Над ним склонились незнакомые обеспокоенные люди с такими же чёрными курчавыми бородами, как у пастуха во сне. Они переговариваются на непонятном языке, который почему-то очень нравится Роману. Он разобрал слово «майим». Вот оно что. Бергер опять что-то такое понял раньше, чем он.

Романа завернули в толстое одеяло. Запах мокрой шерсти показался таким уютным, а простота и сердечность окруживших его людей так грели душу после жутких объятий чёрного колодезного кошмара, что Роман чуть не заплакал. Его отвели в шатёр, заботливо устроили у огня, принялись потчевать чем-то горячим и вкусно пахнущим. Перестав сосредотачиваться на словах, Роман внезапно стал понимать смысл их речи. Есть другой источник. В нём хорошая вода. К источнику с плохой водой никто не подходит. Никто в здравом уме не станет даже заглядывать туда. Зачем? Хорошо и плохо — такие простые понятия. Они ясны даже ребёнку. Чёрный колодец нельзя убрать. Он есть. Как напоминание. Зачем стремиться к тому, что плохо? Из любопытства? — Они смеются и качают головами. — Безумие — вот как это называется. Среди них нет сумасшедших.

За откинутым занавесом Роман видит окрестности и вдруг понимает, что нет вокруг никакого второго колодца. Он вопросительно смотрит на гостеприимных пастухов. Они

снова смеются: конечно, нет. Левав — сердце — вот единственный источник. Они ударяют себя в грудь: левав...

У Романа нет сил, чтобы поймать ускользающий от него смысл. Он засыпает. Во сне он бредёт по пустыне. Неподвижно висит в небе жгучее белое солнце. До самого горизонта застывшими волнами лежит один только песок. Так странно... Песок, камни, воздух, солнце и небо — всё это пульсирует, осознаёт, живёт. Наблюдает за ним. Он словно стоит на гигантской ладони под пристальным взглядом кого-то Неведомого.

Роман открывает глаза. Что-то здесь не так. Песок и камни не могут быть живыми. Как? — удивляются пастухи — Весь мир живой. Кому, как не Роману, это знать? Ведь он говорит с предметами? «С неживыми предметами», — поправляет Роман. Всё вокруг хранит в себе информацию. И камни тоже, да.

Руах — Дух — вот что наполняет собой все вещи в мире, — возражают пастухи. — Без Него любая вещь превращается в ничто...

Руах? Если Он пронизывает собой всё, почему Роман до сих пор не заметил его присутствия? «Ты лукавишь», — вокруг неодобрительно цокают языками. Как это? «Если бы ты признался себе, что знаешь о Нём, ты бы не смог больше делать всё, что тебе хочется. Поэтому ты закрывал глаза, чтобы не видеть». Серьёзное обвинение! Роман заволновался: он обманывал самого себя, чтобы иметь возможность делать всё, что ему хочется? Так что ли?! Пастухи печально кивают головами.

Роман отворачивается и смотрит на огонь. Если нельзя использовать свою же собственную силу как тебе хочется — зачем тогда она вообще нужна? «Ты хочешь отказаться от своей силы?». Роман вздрагивает. Отказаться? Нет! Никогда!!!

Все вокруг понимают, как он испугался. И молчат. Роман плотнее заворачивается в одеяло. Он не хочет ничего плохого. Кому он может причинить вред? Ему не нужна власть. Ему не нужны несметные богатства. Его вообще не интересуют люди. Ему нужно только, чтобы его не трогали. Не принуждали жить интересами этого убогого мира. Ему нужна свобода. Безграничные возможности, которые сделают его полностью независимым от повседневного маразма физической реальности. Если эта сила всё равно по праву принадлежит ему, почему он не может получить к ней Ключ?

«Ты ищешь Ключ?». Да. Что в этом такого забавного? Почему они так понимающе глядят на него и улыбаются? «Тогда тебе просто надо вернуться». Куда? «Туда, откуда ты пришёл». Они встают и, один за другим, направляются к выходу. Что это значит? Ему только что намекнули, что Ключа он не получит? Или, наоборот, что Ключ получить так легко, что для этого надо всего лишь вернуться? Кажется, Бергер говорил, что нужно просто дойти до конца и вернуться. Они об этом? «Тебе нужно немного отдохнуть. Спи». Каждый останавливается и обнимает его, или просто похлопывает по спине. Все смеются, желают ему удачи. «Не бойся», — они видят его смятение. — «Ты получишь Ключ». Роман с облегчением выдыхает и провожает их благодарным взглядом. Эти люди просты и добродетельны. Впервые добродетель не кажется Роману чем-то пресным. В ней, несомненно, есть сила. Он подумает об этом. Потом.

Его оставляют одного. Роман лежит, заботливо укрытый шерстяными одеялами, и глядит на огонь, который ни секунды не остаётся в покое: танцует и трепещет, и машет перед ним красным платком. Глаза невольно смыкаются и Роман снова засыпает.

Во сне он оказывается в зелёной долине. Солнце уже склоняется к горизонту и тёплые, янтарного цвета лучи стелются так низко, что напоминают натянутые над землёй струны.

Они просвечивают насквозь каждую травинку. Вся лужайка объята мягким зеленовато-золотистым сиянием. Овцы с протяжным блеяньем шарахаются от него живой пахучей волной.

— Что ты ищешь? — раздаётся за спиной. Старческий такой голос. Тихий.

Роман оборачивается. Под деревом в длинной светлой одежде стоит старец с поразительно величественной, благородной осанкой. Его одеяние и волосы того же цвета, что и пыль на выбеленной солнцем дороге, по которой когда-то, очень давно, Роман пришёл сюда.

— Я ищу Ключ, — уверенно отвечает он.

— Подойди, — приглашает старик и идёт к костру, огненные всполохи которого мечутся за густыми ветвями деревьев.

Старец, скрестив ноги в мягких вышитых туфлях, сидит у огня. Лицо его выглядит светлым и безмятежным. Орлиный нос, несомненно, делает его облик более величавым, как и благообразная белая борода, сбегаящая до пояса.

— Ключ — всего лишь слово. Чего на самом деле ты хочешь? — неторопливо спрашивает он, когда Роман опускается напротив.

— Чего я хочу? — Роман задумывается так глубоко, что любой другой собеседник давно забеспокоился бы, не уснул ли он. — Хочу, чтобы для меня не было ничего невозможного, — отвечает он, наконец, и сам ужасается своим запросам.

— Когда ребёнок вырастает настолько, что легко может взять с полки горшочек с мёдом, до которого прежде не мог дотянуться, ему, как правило, сладкого уже не хочется. Надеюсь, когда ты достигнешь того, к чему стремишься, это уже не будет казаться тебе таким привлекательным, как сейчас.

— Это плохо — то, чего я хочу?

— Это неразумно. Все призваны быть богами. Но становятся ими только те, чьи руки добровольно связаны.

— Чем связаны?

— Любовью. Любовью к людям.

— Но я и сейчас не желаю зла никому!

— Да, конечно. Тебе просто ни до кого нет дела. И ты не останавливаешься перед тем, чтобы причинить зло людям, которые встают на твоём пути.

— Неправда! Всё, что я делал — это... не чувствительней, чем укус комара!

— Даже укус комара оставляет след. Твои действия гораздо более серьёзны по своим последствиям. В первую очередь для тебя.

— Значит, Ключ я не получу? — злится Роман.

— Твой Ключ будет ждать тебя на вершине вон той горы, — старик указывает в сторону востока, где уже сгущаются сумерки и загораются первые звёзды. — Ты не ошибёшься — там ничего больше не будет. Не удивляйся, когда увидишь его. И поверь — он откроет тебе путь к безграничным возможностям.

— Спасибо, — Роману становится стыдно за свою несдержанность. Он смотрит на смутно темнеющую вдалеке громаду и тяжко вздыхает.

— Тебе не обязательно проделывать весь этот путь ногами, — понимающе говорит старец. — Можешь просто подумать о своей цели...

Как же всё просто... Может, старик его обманывает?

— Не держи в голове глупых мыслей. Не ставь меня в один ряд с теми сущностями,

которые обманывают людей и порабащают души. Если тебе кажется, что ты слишком легко получил то, что другим достаётся как награда за тяжкий подвиг, благодари за это тех людей, которые вели тебя всё время твоего пребывания здесь. Без их помощи ты остался бы здесь на годы — пока не расплатился бы со всеми долгами и не сразился бы со всеми силами тьмы, которые властвуют над твоей душой. В этот раз ты ничего не должен, потому что ты уже имел то, зачем сюда пришёл. В следующий раз будь осмотрительнее со своими желаниями...

Роман смотрит на него ошеломлённо, лихорадочно соображая, что же именно так смутило его в словах старца. Когда он поднимает голову, чтобы задать созревший, наконец, вопрос, то стоит уже у подножия горы. Вдалеке виднеется небольшая роща, отблески костра между деревьев и на его фоне фигурка в светлой одежде. Но Роман мог бы поклясться, что на том месте, где только что был старец, теперь стоит маленький кудрявый мальчик и машет ему рукой.

===== Глава 27. Ключ =====

На пологой вершине Роман оказался настолько быстро, что не удержал равновесие и, нелепо взмахнув руками, повалился вперёд. Он сильно ободрал при этом ладони и ушиб коленку. На мгновение боль отвлекла его от мыслей о Ключе. Но уже в следующую секунду ему показалось, будто его дополнительно огрели по голове чем-то очень тяжёлым и твёрдым. Прихрамывая, он пошёл вперёд, отказываясь верить своим глазам и оглядываясь, чтобы удостовериться, что ничего не пропустил. Но старик не обманул: тут, действительно, ничего больше не было, кроме бескрайнего неба, огромных ярких звёзд над головой и этой фигурки, одиноко сидевшей в темноте прямо на земле, подтянув колени к подбородку.

Шойфет! — звонко крикнул Кирилл. Он бросился навстречу Роману, обвинил его шею руками и... зарыдал. Потерявший дар речи Роман попытался оторвать от себя Бергера, однако в результате был перемазан слезами и оставил эти бесплодные попытки.

Бергер — ключ? Как с ним теперь быть — в карман положить? Если это правда, то получается, что вместо того, чтобы обрести безграничную свободу, он попал в абсолютное рабство. К Бергеру. Он хотел точно не этого. Это же приговор. Пожизненный. За что ж такое наказание-то?!

Интересно, а можно отказаться от ключа? Как-нибудь переиграть финал? Договориться, в конце концов?.. Увы, ответ Роман и сам уже знал. Что там сказал старик? Ты уже имел то, за чем сюда пришёл... И пастухи не зря над ним смеялись, когда узнали, что он ищет. А Дед что ему сказал: «Тебе Бергер нужен, а ты ему — нет». Знал, значит. Весь путь был бессмысленным. Столько усилий и всё напрасно!

В полном смятении смотрел он на языки пламени, на лёгкие красно-оранжевые тени, трепещущие в тесном кирпичном плену. Огонь? Откуда здесь печь? И... Аверин? Николай Николаевич укоризненно глядит на него, забирает у него Бергера и, бережно прижимая к себе, уводит, шепча всхлипывающему Кириллу что-то утешительное и ласково глядя его по волосам. В углу ухмыляется дед. Он не спеша встаёт, подходит к Роману и щёлкает у него перед носом пальцами:

— Эй, Шойфет, очнись, приехали... — ехидно произносит он. Дед оказывается, такой высокий. Роман едва достаёт ему до плеча, а ведь он сам роста не маленького. Для своего возраста, разумеется. — Обрёл сказочное могущество, колдун несчастный? — хохочет дед.

— Где диск? — хрипло спрашивает Роман и прокашливается.

— Какой ты практичный! Сразу о деле заговорил... Конфисковал я его. Вернул владельцу. Ты ведь и так — по проторённой-то дорожке — при желании сможешь туда

прогуляться. Там ведь ещё столько интересного! Мне особенно понравилось, как решительно ты тонул. Я предлагал Коле бросить тебя на этом этапе, чтоб ты ни с чем вернулся, но этому любителю поэзии Бергера стало жалко — уж больно тот переживал!

— Викентий Сигизмундович! — из-за стола поднимается незнакомый парень и, встряхивая кудрями, энергичной походкой приближается к деду. — Давайте с ним полегче. — Он озабоченно окидывает Романа по-рудневски острым взглядом холодных голубых глаз. — Он нужен нам живым.

— А с тобой вообще отдельный разговор будет, пижон несчастный, — сдержанно обещает дед.

— Может, я лучше сразу пойду и сто земных поклонов сделаю? — сверкнув белозубой улыбкой, вежливо интересуется незнакомец. — Или сто пятьдесят раз отжаться?

— Сто пятьдесят раз о печку головой удариться. Если ты не хочешь, чтобы я сам тебя об неё приложил. За то, что ты Колю мне чуть не угробил, — мрачно говорит дед.

Парень недовольно хмурится, не сводя с Радзинского уязвлённого взгляда:

— Ром, заткни уши. Сейчас Викентий Сигизмундович будет вдохновенно оскорблять великий могучий русский язык, — с лёгкой обидой в голосе восклицает он.

— Отстань от него, — Радзинский наклоняется и заглядывает Роману в глаза. — Он сейчас в обморок упадёт.

— Да ладно! А почему только сейчас?

— Да он бы уже давно упал. Ему гордость не позволяет. Правда, Шойфет? Хочешь, я тебе помогу? Давай: на счёт «три». Раз, два...

===== Глава 28. Разбор полётов =====

Очнулся Роман в своей постели. Вот даже не сомневался... Больным притворяться совсем не пришлось — так плохо ему давно уже не было. Вызванный на дом врач уверенно опознал в романовом недомогании банальный грипп, и теперь он мог, по крайней мере, неделю валяться в постели, отказываться от еды, требовать полной тишины и не позволять открывать шторы. Таблетки приходилось выбрасывать в форточку. Ещё терпеть визиты врача, поскольку «выздоровление» затянулось на полных две недели.

Бергера видеть не хотелось. Совершенно. И думать о нём не хотелось, потому что от одной только мысли об этом подарке судьбы настроение падало до уровня клинической депрессии. Руднев звонил. Но не был допущен до беседы с ним в виду исключительной слабости пациента. Сочувствовал. Желал скорейшего выздоровления.

Во сне Роман теперь неизменно оказывался в зелёной долине среди задумчиво блеющих овец и жизнерадостных пастухов с курчавыми бородами. Они вели неторопливые беседы у костра, или в тени шатров. Гортанные звуки их речи успокаивали Романа. Он наслаждался звучанием этих похожих на халву слов, сладко заполняющих рот. И постепенно запоминал их: эрец, хайим, руах, Элохим...(1) Лех леха меарцеах умибейт авиха...(2) Ему нравилось, как просто живут эти люди. И он постепенно проникался бесхитростной мудростью, с которой они отвергали любое зло, которое могло омрачить их души. Как будто прогоняли нечистого на руку торговца: «Нет, нам это не нужно. Мы не станем даже смотреть». Роман теперь удивлялся, насколько он сам был всегда неразборчив: с одинаковым безразличием глотал сладкое и горькое и искренне не видел разницы. Был бы умнее, может и не застрял бы здесь, среди зелёных холмов, а шагал бы сейчас вперёд по ослепительно белой дороге и перед ним и реки бы расступились, и дороги бы расстелились и, наверное, даже овцы бы с ним заговорили — дали бы какой-нибудь полезный совет...

1 Земля, жизнь, дух, Бог — (древнеевр).

2 «Ступай из земли твоей и из дома отца твоего» — Быт. 12, 1. Эти слова сказал Бог Аврааму, когда побуждал его идти в Землю Обетованную (древнеевр).

Какая-то часть его существа, умиротворённая открытием радости безгрешного бытия, просто наслаждалась возможностью пребывания в этом счастливом бесконфликтном состоянии духа. Но он никогда не мог полностью забыть, что совсем не это было его целью. Что путешествие отнюдь не закончено. Что он ещё только в самом начале пути. Ведь он так и не получил свою силу. А что он получил? Ключ? Снова эта загадка...

«Ключ не только открывает, он охраняет», — услышал он в одну из звёздных ночей у костра. Охраняет? Что? От кого?

«Ты должен вспомнить».

Вспомнить... Как это сделать, если любая попытка нащупать хотя бы намёк на смысл в тех бессвязных видениях, которые выплёскивала на него Карта, сразу вышибала его из колеи? Он чувствовал такую тревогу, что переставал вообще что-либо соображать. Хотелось только поскорее стряхнуть с себя липкую паутину этих пугающих прикосновений прошлого.

На исходе второй недели Роман, наконец, понял, чего он хочет. Он даже особо не напрягался — просто закрыл глаза и сразу оказался в избушке. И дверь, и окна там были распахнуты. Сладкий весенний воздух гулял по дому. Птичий щебет волнами накатывал из распахнутых окон. Яркие солнечные пятна на полу приятным теплом ласкали босые ступни.

Викентий Сигизмундович, задрав голову вверх, скептически наблюдал за тем незнакомым парнем, который заступался за Романа во время их предыдущей встречи. Дед крепко держал шаткую деревянную лестницу, а парень стоял на самой верхней перекладине и ожесточённо ковырял закреплённый под потолком провод. Его кудрявые волосы взмокли от пота и колечками прилипли ко лбу.

— Зачем мы меняем проводку? Вы же всё равно электричеством почти не пользуетесь, — недовольно бормотал он.

— Не твоего ума дело. Не отвлекайся... А, Шойфет! Классная пижама, — ничуть не удивившись, радостно поприветствовал дед своего гостя.

— Шалом алейхем (3), — с вызовом ответил Роман на его язвительный намёк насчёт своей национальной принадлежности.

3 Традиционное приветствие на иврите. Переводится буквально как «мир вам».

— Шалом. Барух аба (4). — Парень, с интересом поглядев на него сверху, ловко спрыгнул с лестницы и, вытерев ладони о джинсы, протянул ему руку. — Ливанов. Павел Петрович. Будем знакомы.

4 Благословен входящий — (иврит). Что-то вроде «добро пожаловать».

Слава Богу! Хоть кто-то здесь считает нужным представляться.

— Роман. — Ладонь у Ливанова сухая и тёплая. Надёжная такая ладонь.

— Что-то ты похудел с нашей последней встречи, — широко улыбнулся Ливанов. — Твоё приключение никак тебя не отпускает?

— Да я так понимаю, что оно успешно продолжается, — понимающе хмыкнул Радзинский.

Роман гневно сверкнул глазами:

— Это моё личное дело. Не так ли?

— У тебя ещё остались иллюзии по этому поводу? — захохотал дед. — Впрочем, как тебе будет угодно... — развёл он руками. — Ладно. Пойдём, — он обнял Романа за плечи и

повёл к столу. — Надо тебя покормить, а то ты и вправду какой-то бледный. Паш, сбегай наверх, принеси плед, а то наш отважный покоритель иноматериальных слоёв простудится в своей пижаме.

— Если Вы контролируете всё, что я делаю, почему Вы не остановили меня? — сбрасывая его руку, со злостью спросил Роман.

— Потому что по невероятному стечению обстоятельств ты двигался в правильном направлении, — спокойно ответил дед. — Хотя... такими увлекательными зигзагами!.. — восхищённо добавил он, опуская свою тяжёлую руку ему на голову.

— Ух ты!.. Вы знаете, как «правильно»?!

Но дед явно не принимал его всерьёз, что, разумеется, бесило Романа ещё больше.

— Шойфет! — примирительно сказал он. — Ты что, пришёл права качать? Или всё-таки — посидеть со старыми друзьями, выпить по маленькой... Я имею в виду — чашечке кофе! Я знаю, что ты любишь крепкий, чёрный и без сахара, — издевательски заметил он.

— Очень хорошо, что Вы это знаете, — прошипел Роман. — Да, я пришёл посидеть и, если хотите, выпить с Вами — чашечку кофе, как Вы верно изволили заметить. И я не уйду, пока Вы мне всё не объясните. Все Ваши манипуляции. А также, по какому праву Вы их себе позволяете в отношении меня. Я понятно изъясняюсь?

— Остынь, парень, — с лёгкой угрозой в голосе произнёс Радзинский, и у него получилось это очень весомо. — А то, как бы тебе не пришлось объясняться. Я не твой босс, если ты ещё не понял. Меня твои «шалости» отнюдь не умиляют.

Сзади тихо появился Ливанов и набросил Роману на плечи плед. Очень вовремя, потому что тот по обыкновению уже пришёл в бешенство и готов был наговорить Радзинскому кучу всяких гадостей.

— Ты хотел о чём-то спросить? — заботливо поинтересовался Ливанов. И столько человеческого участия было в его голосе, что Роман моментально проникся к нему доверием и, слово за слово, (метнув предварительно в сторону деда исполненный ненависти и презрения взгляд), начал рассказывать ему про свои путешествия, про долгие беседы у костра, о зелёных долинах и сладком притяжении незнакомых слов... Ливанов слушал серьёзно и сосредоточенно, энергично кивал и незаметно подвигал Роману то бифштекс, то салат, то пирожное. Радзинский, скрестив руки на своей могучей груди, взирал на них снисходительно, как на детей.

— Я очень хорошо тебя понимаю, — проникновенно говорил Ливанов. — Я сам с детства просто бредил Востоком: арабские сказки, мудрые суфии, таинственные путешествия и прекрасные дворцы... Но по-настоящему я проникся этой культурой, когда начал учить языки. Это поистине волшебное средство — впитываешь в себя чужую речь и сразу оказываешься в другом измерении, где по-другому живут, по-другому думают, где другие запахи и вкусы... Правда, потом понимаешь, что человек — это категория универсальная. И именно человечность образует основы любой культуры.

Обаяние Ливанова, его спокойный, уверенный голос, исключительно позитивное отношение к жизни подействовали на Романа тонизирующе. Как-то сразу всё сошлось, всё стало просто и ясно.

— Возможно, тебе просто следует начать учить язык, и это подскажет тебе, что делать дальше, — предположил Ливанов.

Роман внутренне согласился с этой мыслью. Карта явно давала ему ниточку. Надо за неё держаться. Настораживало только направление, которое уже угадывалось по этим первым

шагам. Что там у нас написано на древнееврейском языке? Вот именно... А религиозные искания никогда не привлекали Романа. И всё же он не мог противиться желанию с головой погрузиться в своё новое безумное увлечение.

— Пожалуй, сейчас это единственное, чего я на самом деле хочу — учить иврит, чтобы... Неважно... — Роман смутился, что было для него совершенно несвойственно.

— Так в чём же дело? С удовольствием дам тебе несколько уроков. У меня в данный момент есть такая возможность, — неожиданно предложил Ливанов.

— Вы? Правда? — Роман посмотрел на него почти с восторгом. Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Так не бывает. Или бывает?

— Зачем мне тебя обманывать? — Ливанов вынул из заднего кармана джинсов маленький блокнот и карандаш и черкнул на листочке несколько строк. — Вот, держи. Здесь мой адрес и телефон. Позвонишь, когда сможешь. У тебя, как я понимаю, скоро уже и каникулы начнутся? Ну, да это неважно. Ни к чему ждать каникул.

Запиликал мобильник.

— Это у меня? — Ливанов стал хлопать себя по карманам. Но Радзинский уже торопливо выбирался из-за стола, приложив трубку к уху.

— Да. Здравствуй, дорогой... Коль, неужели так трудно было позвонить вчера вечером?.. А вот я, представь, всё равно волновался!.. — Он вышел на крыльцо, и слов уже стало не разобрать.

— Это «Ники», — улыбаясь, прошептал Ливанов, многозначительно округляя глаза. — Если Викентий Сигизмундович не расстанется с телефоном, значит Николай Николаевич в отъезде.

— Как в отъезде? А школа? Занятия ведь ещё не закончились! — Роман насторожился.

— Насколько я знаю, он твоего Бергера куда-то повёз, — мягко сказал Ливанов, вертя в пальцах карандаш.

— Моего?!

— Я сказал «своего», — очень натурально обиделся Ливанов. — Со школой он всё утряс: Бергера досрочно аттестовали по всем предметам, так что до осени, ты его, наверное, и не увидишь. Впрочем, тебе это, скорей всего, не интересно — вы ведь почти не общались. Верно?

— В общем, да, — опуская глаза, пробормотал Роман.

— Тебе пора, — помолчав, подсказал Ливанов. — Викентию Сигизмундовичу сейчас не до тебя. Когда Аверина нет, он скучный и злой, — усмехнулся он.

— Спасибо Вам. Я обязательно позвоню. Завтра можно?

— Конечно, можно.

— А Вы, — Роман впери́л в него пытли́вый взгляд, — объясните мне всё?

— Постараюсь, — честно ответил Ливанов. — Приятно было познакомиться с тобой, Рома.

Роман хотел ответить, что тоже очень рад их встрече, но перед глазами по обыкновению всё стало расплываться и погасло.

Ливанов вышел на крыльцо и сел на ступеньку рядом с Радзинским. Тот, молча, подставил ему ладонь и Ливанов звонко по ней шлёпнул.

— Молодец. Ставлю тебе высший балл, — одобрительно покосился на него дед. — Быстро. Точно. И аккуратно.

Ливанов смущённо улыбнулся и небрежно тряхнул кудрями:

— Я могу теперь ехать?

— Конечно, можешь. А то я за эти две недели замучился тебя развлекать. Хорошо, этот колдун малолетний не через месяц явился.

— Так, стоп. Что значит, «замучились развлекать»? Вы хотите сказать, что всё, что я тут делал, было всё-таки никому не нужно?!

— Ну почему — никому? Тебе вот было приятно чувствовать себя полезным...

— Вы когда-нибудь перестанете надо мной издеваться, Викентий Сигизмундович?

— Я же любя, Паш, — Радзинский ткнул его кулаком в плечо. — И потом, ты такой... активный... Если тебя к делу не приставить, ты кого угодно со свету сживёшь. Отжиматься-то тебя теперь не заставишь.

Ливанов не мог удержаться от улыбки.

— Хорошо, что Вы так считаете... — пробормотал он, глядя себе под ноги, чем вызвал у деда приступ оглушительного хохота.

Уезжать на самом деле никуда не хотелось. Всё-таки Радзинского много не бывает. Жаль, что прошли те времена, когда он был никому ничего не должен и мог бесконечно пропадать в этом доме: целыми днями таскаться хвостиком за Викентием Сигизмундовичем, разинув рот, слушать колдовские речи Аверина и зачарованно наблюдать, как они вдвоём сплетают очередную захватывающую историю.

Ветер принёс такой головокружительный запах сирени, что оба невольно замолчали, вдыхая этот сказочный аромат.

— Стоп. — Радзинский вдруг насторожился и напрягся, словно прислушиваясь к чему-то. — Ну почему этот парень вечно во что-нибудь вляпается?! — в сердцах воскликнул он. Закрыв глаза и подняв кисти рук, дед глубоко вздохнул и заработал пальцами, словно свивая и вытягивая из воздуха невидимую нить. Ливанов, затаив дыхание, наблюдал: красная, жёлтая... и...чёрная?.. Натянулись, дрожат в воздухе. Интересно, что там приключилось с мальчиком по прозвищу Шойфет?..

===== Глава 29. Предупреждение =====

Открыв глаза, Роман чуть не заработал инфаркт — так он испугался. В упор, не мигая, на него смотрел Руднев. Вполне реальный себе, во плоти, сидел у него на кровати как всегда элегантно, и глядел со своим обычным злым прищуром.

— Где был? — зловеще спросил он.

— Гулял, — не слишком вежливо ответил Роман, снова закрывая глаза.

— На меня смотри, — зло процедил Руднев.

«Ага, щас, разбежался...»

— Отстаньте, а? — скривился Роман и закрыл лицо руками.

— Ты как со мной разговариваешь? — поразился Андрей Константинович.

— Как хочу, так и разговариваю. Вы мне кто — отец родной или начальник? — Роман уже справился с волнением и сел в постели, лениво глядя на неожиданного визитёра. Тот попытался сдержать улыбку, и, казалось, никак не мог решить разозлиться ему или уж не стоит...

— Ты зачем диск спёр? — ласково спросил он.

— Я его вернул, — дёрнул плечом Роман и мысленно поблагодарил Викентия Сигизмундовича.

— Это поразило меня больше всего... — Руднев ощупывал его взглядом, словно

надеялся зацепить какую-нибудь улику. Роман слишком поздно сообразил, что из нагрудного кармана пижамы у него торчит листок с ливановскими координатами. Руднев молниеносно выхватил записку, но не успел развернуть, как она вспыхнула у него в руке и он, чертыхаясь, бросил горящую бумажку на одеяло.

— Спятил? Ты так весь дом спалишь, — раздражённо поглядел он на Романа.

— Извините. Рефлекс, — пробормотал тот. Поспешно схватив подушку, Роман затушил ею тлеющий костерок. Это занятие позволило мальчику скрыть собственное замешательство, поскольку он совершенно точно не имел к происшедшему никакого отношения, и был поражён ничуть не меньше Андрея Константиновича. Но Рудневу знать об этом было необязательно. — Жаль. Теперь не увидимся. А такая эффектная была девушка... — изображая сожаление, вздохнул Роман, и бросил на Руднева насмешливый взгляд.

— Так это ты с девушками таким оригинальным способом знакомишься? — фыркнул тот. Видно было, что он несколько в эту историю не поверил. — Ты уверен, что в реале она не окажется чем-то очень неприятным с длинными острыми клыками, или с рогами и копытами?

— Я вижу у Вас богатый опыт...

— Да уж немаленький, — жёстко ответил тот, переставая разыгрывать добренького дяденьку. Пребольно схватив Романа за руку, он наклонился к нему и злобно зашипел, — Я не знаю, с кем ты там спутался — в принципе, это неважно — но менястораживает результат. Я не договорил! — заорал он, потрянув Романа и не давая ему вставить слово. — Эти слюняйские затеи — с Картами и путешествиями с целью познания самого себя — только для слабоумных идиотов. Не успеешь оглянуться, и превратишься в блаженного пацифиста, пускающего слюни при виде цветочков и котят. По-хорошему тебя предупреждаю — либо ты сам с подобными экспериментами завязываешь, либо я эту дурь у тебя из головы выбью такими методами, которые тебе очень не понравятся!!!

— Хватит меня трясти! Меня сейчас стошнит, — поморщился Роман, недовольный такой постановкой вопроса. Разве он давал шефу присягу на верность? Что за претензии? С какой стати он взял на себя роль его опекуна?

— Хватит мне хамить! — в бешенстве рявкнул Руднев и в мозг Романа словно вонзились раскалённые иглы.

Это было уже слишком. Разозлённый Роман в долгу не остался. И уже через секунду яростный взгляд Руднева странно застыл, он судорожно схватился за сердце, и, похоже, забыл, как дышать. Губы его посинели, краска схлынула с лица. Неплохой результат. А то ведь отрабатывать энергетические удары Роману было практически не на ком. А тут — такая редкая возможность. И Руднев напал первым.

— У Вас валидол есть? Или нитроглицерин? — не слишком натурально забеспокоился Роман, и попытался залезть в карманы шикарного рудневского пиджака.

— Идиот... Какой нитроглицерин... Ещё раз так сделаешь — я тебя... убью... — прохрипел тот, отталкивая его.

В ту же секунду Роман с ужасом ощутил, как на него наваливается что-то огромное, чёрное, смрадное и сжимает ему горло. Но испугаться по-настоящему он не успел. Заметил только, что Руднев оттаскивает от него эту жуть, как взбесившуюся комнатную собачонку за шкуру. Схватившись за шею, он сделал пару коротких вдохов, стараясь отогнать тошноту. Надо же быть таким дураком! Не подумать о том, что у шефа, вне всякого сомнения, должна

быть защита...

— Андрей Константинович, нужно на солнечное сплетение... рукой... — сокрушено пробормотал он.

— Знаю. Гадёныш... — с чувством прошипел Руднев. — Воды дай.

Бутылка с водой стояла на тумбочке возле кровати, чтобы Роман со всеми удобствами мог принимать прописанные врачом лекарства. Он протянул Рудневу полный стакан и помог ему выпить, потому что руки у того дрожали.

— Сволочь. Мразь. Маленькая злобная тварь, — ожесточенно сквозь зубы цедил Руднев, с отвращением отпихивая от себя Романа, когда тот кинулся поддерживать его, помогая встать и дойти до кресла, возле которого так недавно лежал практически бездыханный Бергер. Карма что ли такая — постоянно кого-нибудь откачивать?

— Андрей Константинович, я ведь могу обидеться, — уныло бросил Роман, подкладывая ему под спину подушку. Руднев не ответил: закрыв глаза, он дышал по какой-то неведомой Роману системе. Не научит ведь теперь...

Роман отошёл к окну. Потом присел на кровать. Вот уверен: Руднев и вполтину не такой злодей, каким хочет казаться. Почему-то не дал его сейчас прикончить, хотя Роман и заслужил. А какой же он на самом деле? Ещё в самом начале Роман был приятно удивлён несоответствием его пугающего имиджа и тем, каким простым и даже доброжелательным он оказался в общении. Его корыстный интерес ко всему, что попадало в поле его зрения, а также стремление давить и подчинять несколько не пугали Романа, поскольку были ему абсолютно понятны и даже близки. Но вот сейчас боль на мгновение обнажила в Рудневе что-то уж совсем неожиданное. Роман никак не мог подобрать для этого чего-то подходящего слова.

— Зачем ты туда попёрся — в эти туманные дали — а, Ром? — заговорил вдруг Руднев. Глаза его по-прежнему были закрыты, и он практически лежал в кресле, крепко прижав левую руку к животу в области солнечного сплетения. — Чего тебе не хватало? Хочешь быть круче всех? Так не бывает. Всегда найдётся кто-нибудь, кто об тебя ноги вытрет. Если бы ты знал, как я ненавижу нашу братию — их всех, всех до одного... Шакалы...

— И меня?

— Тебя пока не сильно. Потому что ты ещё ничего из себя не представляешь.

Роман только улыбнулся. Отомстил, Андрей Константинович? Как-то уж очень по-детски.

— Рассказать тебе, что с тобой дальше будет? — Руднев повернул к нему голову, но ответа не дождался. — Вот сейчас у тебя есть сила. И отнять её у тебя нельзя — только позавидовать. Скажи, тебе кто-нибудь ставил какие-либо условия, когда этой силой наделял? Может, ты контракт какой подписывал? Нет? Так какого чёрта, Рома, тебе ещё надо?! Когда у тебя уже есть то, о чём другие могут только мечтать?!.. — разозлившись, Руднев перешёл на крик, но тут же осёкся, согнувшись от боли.

— Я что-то не пойму: Вы обо мне так заботитесь? — вежливо поинтересовался Роман, почему-то с жалостью наблюдая, как шеф пытается отдышаться.

— Да наплевать мне на тебя. Вот, честно. — Руднев прижал унизанную перстнями руку к груди. — Но, я заинтересован в том, чтобы ты был в рабочем состоянии и всякой ерундой голову себе не забивал. Как от шофёра требуют, чтобы он не пил... — Босс помотал головой, усмехаясь своим грустным мыслям. — Самое смешное, Рома, я на твой счёт нисколечко не сомневался. Ну, вот ни капельки. Такой практичный мальчик! Не мыслитель какой-нибудь.

Чего ни скажешь, всё сделает, дурацких вопросов не задаёт, твёрдо знает, что ему надо... Остановись, Рома. Ты потеряешь всё. Безо всякого смысла. Кому ты тогда будешь нужен? Ты даже себе не будешь нужен.

— Да с чего Вы взяли-то?! — не выдержал Роман.

— Опыт, мой мальчик. Суровый жизненный опыт.

— Может, поделитесь — опытом?

— А что я сейчас делаю?

— Хотелось бы на конкретном примере.

Руднев поднял голову и поглядел на него с такой... тоской.

— Примера хочешь? Был у меня один... знакомый. Талантливый такой парень. Много всякого мог. По сравнению с ним ты, Рома, даже не маг, а так — гипнотизёр. Что — не нравится? — злорадно усмехнулся он. — Ну, извини. Говорю, как есть. Так вот, заскучал он от силы своей великой, затосковал. Ну, и как водится: «Не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою»!.. Стал докапываться, что за рыбка подобные желания выполняет и нельзя ли, заодно уж, стать круче этой самой рыбки. Докопался... И так эта рыбка его заморозила, что бросил он всё и отправился за нею и сгинул в океане-море. И по сей день, небось, всё хороводы на дне морском водит вокруг рыбки своей золотой.

— Так что же он всё-таки сделал — я так и не понял? — осторожно поинтересовался Роман, чувствуя явное несоответствие между туманной обтекаемостью изложения и той горечью, с которой Руднев всё это произнёс.

— Что сделал? — взгляд Руднева стал вдруг таким непривычно беззащитным и уязвимым, что Роман поспешил отвести глаза. — Он добровольно отказался от всех своих возможностей. Просто от всей души пожелал, чтоб не было у него больше ни проблеска магии. И всё исчезло, как сон. Там, — Руднев зло усмехнулся, — очень чутко реагируют на наши пожелания...

Роман внутренне содрогнулся: рассказ произвёл на него тягостное впечатление. Особенно когда он вспомнил, как у него спрашивали, не хочет ли он отказаться от своей силы? Хорошо, хоть хватило ума заорать «нет».

— И что с ним было дальше? — с замиранием сердца спросил он.

Руднев скривился, как от очередного спазма:

— Он в монахи подался. Душу свою спасать.

Это Роману мало что говорило. Так сказать: ни уму, ни сердцу. Он понял только, что отказался этот тип действительно ото всего. Не только от магии, но и от обычного мира тоже.

— Но должна же быть причина, почему он захотел стать ничем? — подумал он вслух.

— Да дурак он просто. Всегда был... — выдавил из себя босс. Видно было, что разговор этот даётся ему с трудом.

— Вы считаете, что он Вас предал? — ляпнул Роман, поскольку внезапно понял, что же именно сумел разглядеть сквозь пробитую им брешь в самой глубине рудневской души: Руднев был обижен. Ужасно обижен. На весь мир.

— Да причём здесь я? — устало возмутился босс. — Ты лучше о себе подумай, бестолочь...

— А я, значит, причём! — обозлился вдруг Роман. — Я не такой дурак, как этот ваш приятель!

— А, по-моему, ты идиот!!! Я ведь, кажется, запретил тебе даже думать об этом

треклятом диске!!! — Руднев встал и с досадой швырнул через всю комнату подушку. Потом, кажется, сообразил, что не солидно как-то — подушками кидаться, и очень спокойно, таким леденящим душу голосом, от которого мороз по коже, сказал Роману, — Ты не в состоянии понять, о чём я тебе толкую? Тогда просто запомни: если я узнаю, что ты имеешь дело с кем-то ещё, кроме меня, убью, не задумываясь. В своей конторе тараканов разводить я не позволю. Так — доходчивей? Всё. В понедельник жду тебя вечером. И в последний раз предупреждаю: забудь об этой дурацкой штуковине или сильно пожалеешь. — Руднев снова схватился за сердце и поморщился.

— Простите, что я Вас... так... — непроизвольно вырвалось у Романа.

— А не надо извиняться, Рома. Я тебе всё равно при случае это припомню. Вот можешь даже не сомневаться. Поверь, тебе будет больнее...

Уже взявшись за ручку двери, он вдруг задумался и добавил, — Чтобы у тебя не возникало глупых вопросов, с какой стати ты должен считать себя обязанным выполнять мои требования, я тебе заранее отвечаю: попробуй — не выполни, и сам всё поймёшь. Ты пришёл ко мне, значит, ты уже выбрал. Я так это понял и доверил тебе слишком много, чтобы теперь позволить просто помахать мне ручкой. Назад дороги нет. Чао, мой мальчик! — Руднев послал ему воздушный поцелуй и аккуратно закрыл за собой дверь.

===== Глава 30. Сомнения =====

Ливанов с Радзинским всё ещё сидели на крыльце. Теперь на самом солнцепёке, потому что укрывавшая их тень переместилась, раскинувшись кружевной арабской вязью на раскалённой до ослепительной белизны дорожке перед домом.

— Ну что? — с тревогой спросил Ливанов, вытирая пот со лба, когда дед наконец-то встряхнул руками и опустил их на колени.

— Ничего, — Радзинский равнодушно пожал плечами. — Дядя Руди нас вычислил. Как говорится, явка провалена. Ну, почти...

— Вот гад! — не сдержался Павлуша.

Радзинский хмыкнул:

— А ты думал, он дурак?

Ливанов сорвал пробившийся рядом с крыльцом одуванчик и расстроено принялся его ощипывать.

— Я думал, всё получится.

— Так всё получится. Уверяю тебя. Против Бергера Андрюше не выстоять. Он уже знаешь, сколько времени упустил! Не зря он так растерялся.

— Руднев? Растерялся? — недоверчиво фыркнул Ливанов.

— А что? Считаешь, он такой весь из себя крутой... — развеселился Радзинский. — Так это он только с виду такой трезвомыслящий, а как слетит с катушек, так чисто дитя становится.

— Хотел бы я на это посмотреть...

— Я думаю, тебе скоро представится такая возможность.

Ливанов поднял голову и пытливо посмотрел на Радзинского — совсем как Шойфет полчаса назад глядел на него самого.

— Па-а-аш, — поразился дед и встряхнул Ливанова, обнимая его за плечи. — Немедленно выбрось эту чушь из головы! Шёлк не рвётся, булат не гнётся...

— Викентий Радзинский не сдаётся, — подхватил, приунывший было Павлуша, и усмехнулся — правда, как-то невесело.

— Вот-вот. Поверь мне: Руднев был на грани истерики. Я думал, что он сейчас проговорится. Слышал бы ты, какую пургу он гнал — Шойфету капитально мозги припорошило. Бедный парень, честно говоря, и раньше не слишком хорошо соображал, а теперь и вовсе, как после контузии!

— Нужно срочно вернуть Бергера. Без него риск слишком велик.

— Пинка ему хорошего, а не Бергера, — мрачно процедил дед. — Ну что ты зубы-то скалишь? Вот только скажи что-нибудь! — пригрозил раздосадованный Радзинский, нехотя встал и направился в дом. — Боже-Боже-Боже-Боже, какой любопытный персонаж! Надо будет вытянуть его непременно! М-м-м, надо за чёрную его и вытянуть... — бормотал он себе под нос. Тут он резко затормозил и с удивлением посмотрел на идущего за ним по пятам Ливанова. — Ты Князеву-то позвони, а то он весь испереживается. Скажи, что вынужден немедленно уехать по делам. На Иван Иваныча его спихни. — И он потопал вверх, оставив обеспокоенного Павлушу у подножия лестницы.

После ухода Руднева Роман упал на кровать лицом в подушку, и некоторое время лежал так, не шевелясь. Слабый запах лаванды от наволочки успокаивал, напоминал ему, что он дома, привязывал его, как якорь, к обыденной реальности, в которой нет злых и коварных магов, и ничего потустороннего, где он просто мальчик Рома — предмет неустанной заботы своей мамы. «Значит, так бывает. Значит, можно лишиться магии. Не важно, как. Но это возможно», — крутилось у него в голове. Всё-таки Рудневу удалось здорово его напугать. Стать обычным человеком Роман не хотел. Наоборот, всеми фибрами своей души он желал, чтобы сила его стала безграничной. Но этот рудневский приятель — он тоже этого хотел. Сначала. А потом вдруг не захотел ничего. Странно как-то. И страшно. Может, к лучшему, что ливановский телефон безвозвратно утрачен? До Романа только сейчас по-настоящему дошло, что именно сказал ему Радзинский: «Ты двигался в правильном направлении»... Так, может, Руднев прав? Может его умело и ненавязчиво направляют? Дёргают за ниточки и веселятся от души — кукловоды чёртовы! С другой стороны, всё — начиная со снов, и заканчивая обретением Ключа (о, Боже, это надо будет ещё осмыслить!) — не могло быть сплошной фальсификацией. Роман был абсолютно уверен, что Карта нашла бы его помимо всех этих обстоятельств. Он чувствовал свою связь с этой вещью, идущую из действительного, а не придуманного кем-то прошлого (если бы только получилось вспомнить!). А, значит, он всё равно проделал бы этот путь, независимо от того, одобряет это Радзинский или нет. Если случайно оказалось, что им по пути, ну что ж — такова судьба! А раз так, то на Руднева Роман обиделся. Не доверять ему?! Считать его настолько слабоумным, что серьёзно беспокоиться насчёт его экспериментов? Угрожать? Можно подумать, Роман не добровольно и не сознательно выбрал Руднева в качестве наставника!

Да, разумеется, между тем, чему учил его Андрей Константинович, и тем, к чему вела его Карта, было очевидное, заметное невооружённым глазом, противоречие. Но Роман был так уникально устроен, что его это несколько не смущало. Он искренне верил, что можно отбросить всё «словесное», идейное и, как ему казалось — наносное и останется некая универсальная основа, метод, который позволит ему получить желаемое. В его мире не было добра и зла — только сила. А сила не может быть ни хорошей, ни плохой, но её все видят и все ей покоряются.

И Руднева бросать Роман не собирался. Зря шеф так разнервничался. С чего он решил, что невинное хобби Романа повредит бизнесу? Чушь какая! Просто хочет держать его на

коротком поводке. И попробуй, поспорь! Доигрался, идиот. Нашёл, кому довериться! «Узнаю — убью». Если бы Роман чуть хуже знал Руднева, пропустил бы эти слова мимо ушей. Но в том-то и дело, что Андрей Константинович мог. Умел. Не пачкая при этом руки. А за что?! За то, что у него есть своя жизнь? А тот факт, что Роман целиком и полностью разделял его взгляды, и никакое слюнтяйство его никогда не привлекало — неважно? Хоть бы спросил сначала. Рудневское беспокойство он полностью приписывал неверию в его — Романа — здравомыслие. Из-за чего и обижался. Вот не станет он ничего менять. Его всё устраивает. Пусть босс сначала докажет, что Роман его обманывает! Радзинский не хочет, чтобы Руднев про их компанию проведал, вот пусть и суется! Самому даже делать ничего не придётся. Кстати, Радзинский ему никаких условий не ставит! Ну да, просто за ниточки дёргает... Чёрт! Совсем запутался! Жаль, что нельзя пообщаться с тем загадочным приятелем Руднева, который так жестоко кинул Андрея Константиновича. Он бы, наверное, сумел объяснить, отчего босса так трясёт при одном упоминании о поисках источника безграничного могущества. Да и просто посмотреть на него было бы любопытно: отказался от силы? Добровольно? Значит, он из тех, чьи руки связаны Любовью? Ещё интереснее!.. И тут Романа осенило. И как раньше ему не пришло это в голову: надо расспросить отца! Вот кто наверняка знает с кем Руднев водил дружбу! Хоть какую-то зацепку он даст. Может, удастся его найти, поглядеть на этого уникального чародея. Дверь тихонько скрипнула. «Ромочка, ты не спишь?» — прошептала Юлия Соломоновна. Роман нехотя приподнялся. «Тебя к телефону. Сейчас я принесу. Не вставай!». Услышав в трубке ливановский голос, Роман к немалому своему удивлению был очень обрадован. — Можешь ничего не говорить, — голос у Ливанова был грустный и немного виноватый. — Я, конечно, продиктую тебе мои координаты снова. Но я должен тебя огорчить: мне необходимо срочно уехать на пару месяцев. Понимаешь, я журналист. Иногда приходится вот так вот срываться с места и внезапно куда-то ехать. Но ты не беспокойся. Я понимаю, как тебе важны эти занятия. Я сделаю всё возможное, чтобы ты не терял из-за меня времени. Я обязательно найду себе замену. Обещаю. У меня уже есть на примете один очень знающий человек. Надеюсь, он согласится позаниматься с тобой, пока я буду в отъезде. — Я даже не знаю, что сказать, — Роман был ужасно растроган. — Я так Вам благодарен! Правда. Мне очень жаль, что Вы уезжаете... — Поверь мне — мы обязательно встретимся, когда я приеду. И сможем обо всём поговорить. Мне бы этого очень хотелось...

===== Глава 31. Бездна =====

— Т-ш-ш, тише-тише, Кирюш. Всё хорошо. Это просто сон. Просыпайся. — Николай Николаевич прижимал к груди мокрого взъерошенного Кирилла и покачивал его, как заботливая мама.

Бергер выглядел как летучая мышь, вырвавшаяся из ада. Его тело сотрясала мелкая дрожь, и зубы выбивали отчётливую дробь о край стакана, который Аверин поднёс к его губам, уговаривая выпить воды. Отворачиваясь, Кирилл со свистом тяжело дышал сквозь крепко стиснутые зубы. Его пальцы намертво вцепились в аверинскую рубашку, и разжать их не было никакой возможности.

Всё ещё отсутствующим взглядом Кирилл блуждал по стенам, бессознательно отмечая, что мир, сократившийся до размеров тесной кельи, выглядит надёжным и безопасным. Что запах нагретого дерева от бревенчатых стен смешивается с благоуханием жасмина, ветви которого, усыпанные крупными белыми цветами, покачиваются у самого окна. Что деревянные половицы золотятся на солнце, будто пропитанные мёдом, а разноцветная

вязаная дорожка, ведущая к распахнутой в сени двери, радует глаз чередой радужных полос. И, слава Богу, ничего чёрного, багрового, лилового... И тишина — благословенная, уютная. И сладостно-беззвучно копошатся в солнечном луче пылинки...

Николай Николаевич снова притянул Кирилла к себе, положил руку ему на голову и что-то монотонно зашептал. По телу потекло приятное тепло. От ладони Аверина исходило что-то вроде слабых разрядов электрического тока, щекоткой прокатывающихся по позвоночнику и заканчивающихся мелким покалыванием в кончиках пальцев. Сквозь ресницы Бергер заметил, что в руке у Аверина мелькнула кисточка, обильно смоченная маслом, которой он провёл по его макушке, по лбу, по закрытым векам, по губам, по ямке над ключицей, по груди, а потом одним плавным движением вдоль всего позвоночника по спине. Келью заполнил терпкий аромат кипариса. Кирилл потихоньку начал успокаиваться и задышал ровнее. Аверин побаюкал его ещё немного, потом осторожно уложил на подушку и заботливо укрыл одеялом. Сам он отошёл к аналою, стоявшему в красном углу под иконами, раскрыл ветхий потрепанный молитвослов, перекрестился и шёпотом начал читать акафист.

Кирилл наконец окончательно стряхнул с себя остатки кошмара и расслабился. Он всё ещё дрожал, натягивая одеяло до самого подбородка, но знал, что это скоро пройдёт. Надо только немного потерпеть.

Самыми ужасными были первые видения, начавшиеся сразу после их с Шойфетом незабываемого совместного путешествия. Как только стало ясно, что это всерьёз и надолго, Радзинский решительно закинул их с Авериним в автомобиль и отвёз в этот монастырь.

Кстати, довериться Шойфету оказалось не так страшно, как быть пассажиром Радзинского. Викентий Сигизмундович ужасно лихачил, и Кирилл едва не поседел, пока под визг тормозов на поворотах они с реактивной скоростью мчались к месту назначения.

Даже сейчас, отходя понемногу от пережитого кошмара, никакого сожаления по поводу своего самовольного поступка Кирилл не испытывал. Да и реакция «старших товарищей», которой он так боялся, убедила его в том, что, ввязавшись в авантюру с Картой, он сделал всё правильно.

В тот вечер, как только Шойфет был благополучно отправлен домой, Викентий Сигизмундович подошёл к ним с Николаем Николаевичем, сгрёб их обоих в охапку и весело так Аверину сказал: «Ну, я тебе обещал, что вещица будет занятная?». И они долго потом смеялись. До слёз. Кирилл, правда, так и не понял, над чем. Он вообще в тот момент плохо соображал.

И никто Кирилла не ругал. Радовались все. Хвалили. Сочувствовали. Павел Петрович всё извинялся за что-то. На корточки присел перед ним и в лицо заглядывал. Но у Кирилла в голове такой звон стоял — он не уловил, о чём толкует ему Ливанов. Викентий Сигизмундович всё его тормозил и смеялся. Потом зашикал на всех, а Кириллу велел спать. И он отключился. И, наверное, сутки проспал. А, может, и больше. Точно — больше. И всё никак не мог глаза открыть. Вынырнет — голоса доносятся, тени какие-то мелькают — и опять проваливается.

В конце концов, Кирилл почувствовал — куда-то его несут. Викентий Сигизмундович говорит: «Ну, Бергер, держись!». И — ух! — холодной водой его окатили. Кирилл сразу очухался. Травка вокруг зелёная, листочки, птички. Ливанов его укутывает, а сам тоже весь мокрый — Радзинский щедро так плеснул. Тут Николай Николаевич прибежал. Возмущается: «Вы бы хоть одежду с него сняли! Деятели!».

Потом с шутками-прибаутками сушили его у печки, отпаивали горячим чаем, кормили — с ложечки, приговаривая, что нужно восстанавливать силы.

— Николай Николаевич, мне сказали, что я Ключ, — послушно проглатывая кусок рыбы, которую настойчиво запихивал в него Радзинский, тихо сказал Кирилл. Он не мог видеть встревоженного лица Аверина, но почувствовал, как тот напрягся: Николай Николаевич сидел сзади, обнимая его обеими руками — в одной была тарелка, в другой ложка.

— Что это значит, Кирюш? — тёплое дыхание Аверина щекотало ему ухо. Прижимаясь спиной к его груди, Кирилл очень хорошо почувствовал, как сильно забилося у учителя сердце.

— Это значит, что Шойфет меня прикончит, когда в себя придёт, — закрывая глаза, пробормотал Кирилл.

— Эй-эй, не спи! — захохотал Радзинский, снова впихивая ему в рот очередной кусок рыбы. Готовил Викентий Сигизмундович, надо сказать, отменно — рыба получилась удивительно нежной и просто таяла на языке.

— Спасибо, очень вкусно, — вполне искренно поблагодарил Кирилл, одаривая его голубым светом своих честных глаз, но, незаметно повернув голову к Аверину, с мольбой в голосе прошептал, — Николай Николаевич, я больше не хочу!..

Гомерический хохот всех присутствующих свидетельствовал, что он был услышан. Радзинский ослабил свой напор, не прекращая, однако, громогласных рассуждений на тему необходимости полноценного питания для растущего организма. Кирилл пригрелся в заботливых объятиях Аверина, и с какой-то плюшкой в руке снова уснул.

Сначала снилось что-то приятное: горячее солнце, синее небо, непривычная южная растительность и чёрные, словно нарисованные углём резные тени от листьев на ослепительно белой стене. На коленях лежала старинная потрёпанная книга, и Кирилл нетерпеливо переворачивал страницы, не в силах оторваться от интересного чтения. Потом заметил, что рука у него какая-то незнакомая, чужая — слишком узкая, с невероятно длинными пальцами, а тонкое хрупкое запястье обхватывает белая кружевная манжета. От нехорошего предчувствия сразу заныло сердце, и он отправился почти бегом — сначала по дорожке, затем по ступенькам, потом по коридору. Распахнул какую-то дверь... Едва он шагнул внутрь, как пространство вокруг него трансформировалось в огромную чёрную воронку, которая затянула его в чудовищной силы вихрь.

Проваливаясь навстречу жадной тьме, Кирилл ощущал дикий, животный страх, но почему-то не за себя, а за кого-то, как ему казалось, беззащитного и бесконечно дорогого. Омерзительные лапы хватали, опутывали, тянули его в отвратительное чавкающее болото, от смрадных испарений которого к горлу подкатывала тошнота. Содрогаясь от обращённых на него алчных взглядов нечеловеческих красных глаз, горящих в темноте, Кирилл понимал, что это последнее, что он в своей жизни видит. Что для этих жутких тварей он просто источник энергии — они выпьют его жизненную силу и его сознание, и тогда его не станет. Но он практически не сопротивлялся — надеялся, что это спасёт жизнь тому, другому. И он покорно умирал.

А потом начинались его скитания. Кирилл не задумывался о том, почему он снова жив. Он просто брёл по чёрной, как уголь земле — голой и бесплодной, тускло светившейся в темноте то багровыми, то лиловыми всполохами. А над головой — ни проблеска света. Только километры черноты.

По этому миру Кирилл блуждал часами. Хотя казалось, что годами, настолько это выматывало и морально и физически. Сама атмосфера там была настолько плотной и вязкой, что продвигаться вперёд можно было только с огромным усилием, как если бы приходилось идти по колено в жидкой грязи. Средоточием этого мира была дыра — жуткий провал, излучающий силу настолько враждебную всему человеческому, всему живому, что он никак не мог к нему приблизиться — его выталкивало оттуда, как пузырёк воздуха на поверхность океана. Но Кирилл не мог позволить себе сдаться. Мысль о том, что дорогой ему человек находится там, внизу, придавала ему такую силу, что, сконцентрировавшись, он обращался в сгусток чистой энергии и, как молния, пронзал пространство, отделяющее его от следующего слоя.

Он сразу видел его: того, за кем сюда спустился. Человек, который лежал перед ним на земле, больше походил на истерзанную тряпичную куклу — в жалких лохмотьях вместо одежды, весь как будто изломанный и растоптанный, с лицом, весьма отдалённо напоминавшим человеческое. Он, наверное, мог лежать так целую вечность, но в какой-то момент незнакомец (а вместе с ним и Кирилл) вдруг понимал, что в этом страшном мире он не один. Что вокруг лежат — раздавленные и лишённые всякой надежды — другие страдальцы. И далеко не все из них считают свои мучения заслуженными. Их истерические попытки освободиться от чудовищного давления inferнальной материальности только усиливали их терзания. Они кричали, не в состоянии остановиться, и тогда вырывавшееся из бездны пламя безжалостно пожирало их.

Смотреть на это было невыносимо. Сострадание, подобно раскалённому пруту, пронзало сердце этого человека — Кирилл непостижимым образом чувствовал это. Незнакомец с ужасом осознавал, что видеть чужую боль несравненно страшнее, чем мучиться самому. Он в панике хотел бы отгородиться от этого знания, не пустить его в себя, но оно холодной змеей проскальзывало внутрь, заставляя содрогаться от непрекращающихся воплей. Теряя контроль над собой, и с беспощадной ясностью замечая, как сознание неотвратимо затапливает безумие, он в отчаянии дёргался и в ту же секунду ощущал яростные прикосновения палящего огня. Крик, исторгавшийся из его груди в этот момент, был таким нечеловечески страшным, что у Кирилла волосы вставали дыбом. Он сам готов был закричать, но не мог издать ни звука. А несчастный страдалец всё проваливался и проваливался в пылающую бездну, бесконечно устремляясь к несравненно более жуткому нечто, равнодушно поджидающему очередную жертву.

Дальнейшее было так ужасно, что, просыпаясь, Кирилл не мог вспомнить ни одной подробности. Наверное в этот момент Николай Николаевич и слышал его леденящий душу крик, потому что Кирилл чувствовал, как кто-то хватал его за руку, и осторожно поднимал оттуда к безмятежной солнечной реальности, обратно — в тихую келью с пахнущими смолой бревенчатыми стенами.

Кирилл твёрдо решил разобраться со своими видениями. И начать он решил с книги: что же он прочёл в ней такого, что со всех ног ринулся какого-то незнакомца спасать?

Кириллу никогда не составляло труда вернуться в тот сон, который был ему нужен. И побродить там, рассматривая подробности. А порой, и изменить что-нибудь. Но в данном конкретном случае поправить ничего было нельзя — Кирилл ясно понимал, что это прошлое, которое уже не изменишь.

И вот Кирилл снова в саду. И снова у него на коленях лежит громоздкая тяжёлая книга.

Текст на латыни. Причём на средневековой зубодробительной латыни, в которой нет уже классической простоты и ясности.

«Какой-то ботанический справочник», — решил Кирилл. На каждой странице имелись иллюстрации, во всех подробностях изображающие растения — с корнями, цветами, плодами и семенами. Даже во сне Кирилл подавился смешком: «Всё-таки я ботаник — Шойфет в точку попал».

Однако ничего пугающего Кирилл в книге не находил. Он уже отвлёкся от своей первоначальной цели и погрузился в чтение, поскольку заметил, что речь в справочнике идёт не о каких попало, а о лекарственных растениях. Совершенно забывшись, он переворачивал страницы, пока не наткнулся на вложенный между ними листок.

В глазах почему-то сразу потемнело и сердце забилось так часто, что в груди стало больно. Кирилл сразу понял, что уже не раз видел эти загадочные знаки, покрывающие поверхность нарисованного диска. Только теперь привычная схема была развёрнута и дополнена начальными фразами заклинаний, из которых следовало, что учитель (так вот, кем был для Кирилла из прошлого таинственный незнакомец!), что учитель решил продать душу дьяволу. Причём выгодно продать — в обмен на физическое бессмертие.

Но разве можно верить отцу лжи (1)?! Так подумал тот Кирилл. А Кирилл нынешний увидел отвратительную в своей простоте правду: незнакомец, которого он в прошлой жизни считал своим учителем, был весьма продвинутым чёрным магом. И не собирался он ничего продавать. Он выступал в этой сделке не как жалкий проситель, а как сознательный и полноправный партнёр.

1. «Диавол» в переводе с древнегреческого означает «клеветник».

===== Глава 32. Долги =====

Ночь самое мистическое время. Роман предпочитал поспать несколько часов днём, чтобы потом располагать этим ценным временем от заката до рассвета. Даже когда приходилось вставать по утрам в школу, он раньше трёх часов ночи никогда не ложился. Конечно, здесь, в городе, тишина была весьма относительной. Её периодически взрывали то рёв мотора несущейся на полной скорости машины, то пьяные повизгивания расшалившейся молодёжи, то завывания автомобильной сигнализации. Если бы не Руднев, сидел бы Роман сейчас на даче у тётки, и в открытое окно тянуло бы острым волнующим запахом ночи и отстранённое стрекотание цикад ласкало бы его слух.

На столе перед ним лежала Тора, раскрытая на самой первой главе. Все последние беседы с пастухами вертелись вокруг первых строчек Книги Бытия. Отделить свет от тьмы... Роман был законченным циником — практичным до мозга костей. Он не собирался обманывать любимого себя. Он чётко осознавал, что, принимая условия Карты, он попадает в отлаженную систему. Ему открывают Путь. Но чтобы встать на этот Путь, не говоря уже о том, чтобы продвинуться по нему к заветной цели, надо начать делать. Предполагается, что для этого он должен в своей повседневной жизни отделить Добро от Зла, то есть решительно ничего плохого не делать сознательно. Оценить все явления жизни с этой точки зрения и не позволять себе закрывать на это новое знание глаза. Это и есть первая ступень. Только первая ступень!

Роман не собирался делать вид, что не понимает, какие именно вещи в библейской традиции именуется злом. Тем более что в Торе это разъяснялось недвусмысленно и весьма подробно. Но он не был готов к подобным жертвам. Знания и умения получаемые от Руднева несомненно были тем самым, чего он и хотел. И они, с точки зрения Торы, были

беспорным злом. Тупик... Или всё-таки можно как-то обойти эти жёсткие условия? Вдруг он сумеет пройти по Пути, не принимая его?..

Тело внезапно напряглось. Оно, как хороший сторожевой пёс, всегда предупреждало своего хозяина о потенциальной опасности. Роман медленно оглянулся в сторону кресла, откуда шёл тревожный сигнал и едва не подскочил от неожиданности.

— Бергер?!..

Знакомая фигура не шевелилась. Бергер, слегка ссутулившись, смотрел на него долгим тоскливым взглядом, полным непонятной горечи и печали. Сплетённые в замок пальцы неподвижно лежали на коленях.

Потеряв дар речи, Роман, как околдованный, смотрел во влажно мерцающие в полутьме голубые глаза, и ему казалось, что своим взглядом Бергер самым натуральным образом вытягивает из него душу. Романа охватила паника. Наверное так чувствует себя человек при обыске, когда чужие руки в присутствии посторонних людей вываливают на всеобщее обозрение твоё исподнее, сугубо личное и всё то, что не предназначено для чьих-то взоров. Когда Бергер, наконец, отвёл глаза, Роман почувствовал себя опустошённым. Но самого Бергера соприкосновение с Романом, кажется, отравило ещё больше. Он совсем поник, мерцание, окружавшее его силуэт, стало безжизненным и тусклым.

— Бергер? — почему-то шёпотом позвал Роман, со всё возрастающей тревогой всматриваясь в призрачное видение. Но в кресле уже никого не было.

Аккуратной стопкой сложив потёртые ноты, Кирилл направился вниз. С хоров приходилось спускаться по винтовой лестнице, которая подрагивала при каждом шаге, заставляя его мёртвой хваткой вцепляться в перила. Кроме того, Кирилл просто боялся высоты, и промежутки между ступенями пугали его своими зияющими провалами до такой степени, что он предпочитал шагать вниз наощупь, крепко зажмурился.

— Ты так когда-нибудь навернёшься, — где-то близко пробасил Радзинский, снимая его со ступенек.

Кирилл перевёл дух и сердечно поблагодарил деда. Тот усмехнулся:

— Ещё немного и нас по твоей милости так просто отсюда не выпустят. Сегодня настоятель уговаривал Аверина оставить тебя здесь на всё лето. И надо было тебе продемонстрировать ещё и свои певческие таланты!

Бергер и в самом деле прижился в монастыре. Ему были рады и в библиотеке, и в кухне, и на клиросе. А с недавнего времени он аккуратно ходил на все службы: пел, читал, помогал в алтаре, где и попался на глаза настоятелю. Ангельский вид Бергера умилил отца архимандрита, а посыпавшиеся со всех сторон похвалы разнообразным кирилловым достоинствам привлекли к нему самое пристальное настоятельское внимание.

— Пусть Николай Николаевич передаст отцу Дионисию, что лично я готов хоть завтра постричься в монахи и остаться здесь навсегда, — совершенно серьёзно ответил Кирилл.

Радзинский нахмурился:

— Не валяй дурака, Кирюха! Это не твоя стезя.

— Почему это не моя? — обиделся Кирилл. — Мне здесь нравится. Ничего больше не хочу.

Радзинский со вздохом закатил глаза:

— Жаль, что Коля не отвёз тебя в Диснейленд. Там бы тебе тоже понравилось, но проблем было бы меньше.

— Диснейленд? — удивлённо переспросил подошедший Аверин. — Кто из вас впал в детство?

— Викентий Сигизмундович считает, что монаха из меня не выйдет, — пожаловался Бергер.

— Ну почему же, — терпеливо ответил ему Радзинский. — Монах из тебя выйдет. Очень хороший монах. Но ты — не монах. Ясно?

— Нет, не ясно, — губы Бергера искривились, как будто он собирался заплакать, и взгляд его стал ужасно жалким. — Возьму и останусь, — прошептал он.

Радзинский скрестил руки на груди.

— Я, кажется, догадываюсь, — насмешливо протянул он, — откуда такое жгучее желание «забыться и заснуть». Ты опять навещал этого самовлюблённого пингвина! — Потому, как Кирилл опустил глаза, стало ясно, что дед прав. — Когда ты уже поймёшь: не надо ждать от людей благодарности. Просто делай то, что должен.

— Я ничего ему не должен! — неожиданно гневно выкрикнул Кирилл. Николай Николаевич, успокаивая, сочувственно взял его сзади за плечи.

— Верно. Не должен, — зло сощурился дед, да так, что Бергер под его взглядом съёжился и спиной вжался в Аверина. — Ему.

Бергер потерянно заморгал заметно увлажнившимися глазами. Возразить ему, похоже, было нечего.

Радзинский удовлетворённо хмыкнул, довольный произведённым эффектом, но голос его сразу заметно смягчился:

— Когда в процессе раскаяния дойдёшь до последней стадии самоуничтожения, с удовольствием отскребу тебя от пола.

— Перестань, — шепнул Кириллу на ухо, стоявший позади него Аверин, и легонько встряхнул мальчика за плечи. — Не хватало нам ещё затяжной депрессии на фоне обострившегося комплекса неполноценности. Он тебя просто дразнит. Разве ты не видишь?

— Ничего подобного, — язвительно заметил Радзинский. — Наш благородный герой сам просил меня не проявлять к нему никакого снисхождения, буде какая блажь взбредёт ему в голову. И велел вправить ему мозги, если он вдруг начнёт сомневаться. К сожалению, критический момент настал, и я обязан выполнить своё обещание. Так ведь? — он наклонился к Кириллу. Тот встретил его взгляд безропотным и обречённым молчаливым согласием. — Так что, Коля, оставь свою неуместную жалость при себе. — Дед, бесконечно довольный собой, снова выпрямился с монументально скрещёнными на груди руками.

— Могу я, наконец, узнать, из-за чего вы сцепились? — смиренно спросил Аверин.

— Кирюша решил податься в монахи, — ехидно протянул Радзинский. — Видимо, подумал, что он один такой умный, чтобы догадаться прожить свою жизнь набело, и нам с тобой просто не хватило в своё время духу отречься от мирских соблазнов.

— Я ничего такого не думал, — быстро возразил Кирилл. — И вообще, я всё понял. Хватит уже.

Радзинский усмехнулся.

— Ну, понял, так понял. Пошли. Расскажешь потом, как там дела у Шойфета. А я тебе от Павла Петровича информацию солью.

— Вик! — возмутился Николай Николаевич.

— Что? Я просто называю вещи своими именами! — дед подмигнул немного повеселевшему Кириллу и гордо пошагал к выходу.

Практически сразу Кирилл наотрез отказался ложиться спать ночью. Во-первых, чтобы Николаю Николаевичу не приходилось из-за него бодрствовать в неурочное время. Во-вторых, чтобы, открывая глаза, видеть не дрожащие по углам тени, а жизнеутверждающий свет солнца.

Он выпросил у отца Иллариона — хозяина этой кельи — благословение на длинное молитвенное правило, и, вернувшись после Всенощной и добровольного послушания в трапезной, начинал вычитывать его сразу после полуночи. А когда оно заканчивалось, по собственному почину прибавлял ещё пару кафизм из Псалтыри.

Часа в четыре утра, в предрассветных сумерках он выходил на крыльцо, садился на ступеньку и с наслаждением вдыхал свежий прохладный воздух, по вкусу достойный соперничать с нектаром обитателей Олимпа.

В этот невнятный час, когда цвета и звуки ещё не проявились, приглушённые зелёным полумраком уходящей ночи, Кирилл каждый раз переживал чувство волнующей причастности к таинственному моменту сотворения мира. С каждым разом он всё острее ощущал слитность всего существующего и себя — вплавленным в это прекрасное действо под названием жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В один из таких моментов это осознание достигло в нём такой кристальной ясности, что он непостижимым образом растворился в окружающем пейзаже и в течение долгих бесконечно прекрасных минут покачивался на волнах дивной гармонии. Вся природа в этот миг была его телом. Он чувствовал происходящее на многие километры вокруг. Такой полноты бытия он не испытывал ещё никогда. Всё его существо словно заполнили звуки пасхального благовеста. Этот торжественный, ликующий звон не утихал потом в его душе в течение целого дня. Он летал словно на крыльях. Глаза его излучали свет. И он не мог заставить себя уснуть. А когда сон всё-таки незаметно подкрался к нему, кошмары ему не снились. Вместо этого волны чудесного лазурного света укачивали и омывали его, бережно и ласково, радостно и бесконечно нежно.

Кирилл надеялся, что после этого счастливого события ему будет ничто уже не страшно, однако через некоторое время видения вернулись. Правда, иначе.

Обычно, дождавшись момента, когда жемчуг рассвета превратится в золото полноценного утра, он падал в постель и засыпал как убитый. Просыпался он теперь от глухих, сдавленных рыданий и, напряжённо вглядываясь в темноту, различал перед собой скорчившуюся на полу фигуру. Было больно смотреть, как незнакомец рвал на себе волосы и бился головой о каменную стену, но несравненно большее было видеть его перекошенное страданием лицо в паре сантиметров от собственного. Человек тянулся к нему рукой и силился что-то сказать, но здесь Кирилл всегда просыпался: срабатывал какой-то предохранительный клапан и слова незнакомца беззвучно растворялись в глухой, ватной тишине.

Если же человеку удавалось дотронуться до Кирилла своей ледяной безжизненной рукой, то он с криком просыпался, и его после этого его ещё долго трясло от невыразимого ужаса.

Кажется, Кирилл задремал, потому что совершенно точно не видел, как в их келье появился Радзинский. Судя по джинсам, клетчатой рубашке и собранным в хвост волосам,

он приехал на машине, а не просто соткался из воздуха, чтобы их проведать. Тихонько позвякивая чашками, они с Авериным сидели за столом у распахнутого в садик окна, откуда тянуло уже вечерней прохладой, и разговаривали вполголоса.

— Мы не можем изолировать их друг от друга, — недовольно ворчал дед. — Да, Шойфет вытаскивает из него всё самое тёмное. Но это неизбежно. Кстати, последствия пока самые невинные: Шойфет лишь потревожил его глубинную память, и в дневное сознание просачивается то, что ему не надо помнить. Но не сравнить с тем, куда он на самом деле может его утащить!..

— Надо что-то делать с Князевым, чтобы их контакты не кончались каждый раз такой катастрофой, — устало шептал в ответ Николай Николаевич.

— Сделаем, — скрестив руки на груди, дед закрыл глаза и прислонился затылком к стене.

Кирилл подумал, что на месте Шойфета, услышав это многообещающее «сделаем», он бы тихо скончался от ужаса.

— Который час? — неожиданно звонко спросил он.

— Кирюша! Проснулся! — уже в полный голос радостно воскликнул дед, протягивая руки ему навстречу. Он подошёл и крепко его обнял, уколол щёку жёсткой бородой. Он него пахло солнцем, дорогой и — слегка — ладаном. — Ну и видок у тебя, парень, — подивился он, приглаживая его чёлку. — Я так полагаю, это на твоём лице не бледность, а лунный загар?

Бергер заулыбался. А дед неожиданно наклонился и понюхал его волосы:

— Коля тебя лечил? — хмыкнул он. — После него всегда кипарисом пахнет. А у тебя, интересно, какой запах получается?

— Карамель, — смущённо признался Кирилл, вспомнив, как впервые увидел у себя в руках кисточку, блестящую от масла, когда младшая сестра ободрала об асфальт коленку.

Дед почему-то даже не улыбнулся. Задумчиво погладил его по волосам, потом крепко прижал к груди и поцеловал в висок.

— Одевайтесь оба, — решительно скомандовал он. — Ребёнку, Коля, необходимы Sonne, Wind und Wasser(2). Тебе, правда, тоже, — добавил он, присмотревшись, какие выразительные синяки под глазами украшают осунувшееся лицо Аверина. — И не надейтесь от меня избавиться. Я остаюсь, и буду выгуливать вас каждый день, невзирая на погоду.

— А как же Шойфет? — робко спросил Кирилл.

— А за Шойфета не беспокойся, — ухмыльнулся Радзинский. — Я оставил его в надёжных руках...

2. Солнце, воздух и вода — (нем.).

===== Глава 34. Тора или Диета для Шойфета =====

У этого ветхого старичка был такой огромный нос, что, казалось, он тянет его вперёд, из-за чего Исаак Израилевич и ходит таким согбенным. Брови на его подвижном лице жили своей отдельной и очень активной жизнью, делая Мюнцера похожим на умненькую, любознательную обезьянку, а живые чёрные глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, и жёсткий ёжик коротко стриженных седых волос довершали это сходство.

— Обратите внимание, молодой человек, — строго говорил Исаак Израилевич дребезжащим голосом. — Эти глаголы могут одновременно спрягаться и по одному, и по другому типу. Постарайтесь не путать их в имперфекте с глаголами, у которых первый корневой — нун. Редупликация в данном случае не указывает на потерю корневого

согласного.

Роман почтительно кивал и уверенно принимался спрягать глагол «савав». Он вообще вёл себя с Мюнцером крайне аккуратно и подчёркнуто вежливо. Во-первых, из-за его ветхости — Роману казалось, что при недостаточно бережном обращении тот рассыплется. Во-вторых, он Мюнцера просто опасался — Исаак Израилевич при всей своей старческой немощи был весьма суров и деспотичен. И Роману вовсе не хотелось заработать какое-нибудь унижительное доисторическое наказание, с длинным списком которых господин Мюнцер ознакомил его в самом начале их сотрудничества.

Всякое мелкое рукоприкладство было для Исаака Израилевича в порядке вещей. Схлопотать по губам можно было, всего лишь указав в качестве огласовки патах вместо камац. А за употребление глагола «бара» вместо «аса» можно было запросто получить пощёчину.

Роман, до дрожи ненавидевший любую фамильярность в отношении себя, готов был испепелить этого дряхлого инквизитора, и с трудом удерживался от того, чтобы сделать ему в ответ какую-нибудь фантастическую гадость в рудневском духе. Останавливал его не столько древний возраст Исаака Израилевича и даже не его безусловная ценность, как специалиста, но, в первую очередь, уважение к Ливанову, которому немалых трудов стоило уломать этого старикашку взяться за обучение Романа. Подвести Павла Петровича, который так искренне переживал, что не сможет сам давать ему уроки, который так ответственно отнёсся к своему обещанию, очень не хотелось. Ведь Ливанов был настолько внимателен, что помимо всего прочего оставил ему у Мюнцера в подарок учебник древнееврейского языка, словарь и Тору на иврите. В прилагавшейся к свёртку краткой записке он просил принять всё это в качестве неустойки за невыполнение взятых на себя обязательств.

После этого Ливанов и вовсе показался Роману чем-то вроде доброй феи-крёстной, и его намерение во что бы то ни стало вытерпеть самодурство Мюнцера стало просто железобетонным.

Про себя Роман усмехался: горечь смирения — а ведь раньше он бы назвал это унижением — стала для него слаще пустой и бесплодной гордости. О, да! Он полюбил это ощущение свободы от глупых, выпивающих все душевные соки эмоций, замешанных на пустых амбициях. Он смирился даже с тем, что оказался в положении благодетельствуемого: он ни копейки не платил Исааку Израилевичу. Обсуждать эту тему Ливанов почему-то сразу наотрез отказался.

Что касается языка, то Роман с первого взгляда влюбился в еврейские буквы, каждая из которых была особенной, шпучной, в отличие от безликих закорючек латинского алфавита. А открывать книгу с конца и читать справа налево вообще показалось самым естественным делом на свете. Мюнцеру, честно говоря, и не к чему было так свирепствовать. Придя домой, Роман и без дополнительных стимулов, как одержимый, слонялся по комнате, повторяя парадигмы и зазубривая слова. Мать робко радовалась внезапному интересу сына к родному языку, чего нельзя было сказать об отце, который с подозрением относился к его новому увлечению. Романа же вопрос о его национальной, а уж тем более религиозной принадлежности не волновал вовсе, и он не вступал в родительские разборки по этому поводу. Он просто твёрдо держался за ниточку, которую дала ему Карта. Но ведь им этого не объяснишь...

«Шма, Исраэль! Адонай элохейну — Адонай эхад!» (1) — твердил он, ходя из угла в угол. «Ашрей хайш, ашер ло халах баацат решаим...» (2). Все эти тексты, которые он

заучивал к урокам Мюнцера, по духу своему абсолютно совпадали с бесхитростной праведностью так полюбившихся ему пастухов. Добро — зло, свет — тьма, правда — ложь... Тот, кто поступает хорошо — блажен, кто творит зло — погибнет.

1. «Слушай, Израиль! Господь Бог твой — Бог Единственный» — (древнеевр.). Слова которыми начинаются в Ветхом Завете десять заповедей.

2. «Блажен человек, который не идёт по пути нечестивых» — (древнеевр.). Начало первого псалма.

«Это первая ступень», — услышал он в один из вечеров у костра. — «Когда Бог сотворил мир, Он первым делом отделил свет от тьмы». Ну, да — бейн хаор увейн ахоших...

(3) Так это — о нём самом? «Это о каждом, кто вступает на Путь». Какой Путь? «Духовный Путь. Путь каждого человека». Так уж и каждого?

3. Между светом и между тьмой — (древнеевр.)

— Не отвлекайтесь, молодой человек, — Мюнцер чувствительно щёлкнул его по лбу. — Где Вы потеряли артикль?..

Роман вдохнул поглубже, не позволяя себе ответного всплеска негативных эмоций. Если бы инициатива этих занятий исходила не от Ливанова, Роман решил бы, что Мюнцер в качестве учителя — это такая тонкая месть Радзинского за его собственное несносное поведение. Викентий Сигизмундович вполне мог бы так пошутить. Выдержка и смирение в качестве бонуса в придачу к знанию иврита — подарок совершенно в его духе.

===== Глава 35. Меж двух огней =====

Если изучение иврита проходило весьма успешно и бодро, то постижение магической премудрости под нечутким руководством Руднева отчаянно пробуксовывало, и постепенно, с точки зрения Романа, начало терять всякий смысл. После злополучного рудневского визита, когда босс застукал Романа во время преступных сношений с идеологическим противником, прошло уже довольно много времени, в течение которого Роман аккуратно посещал контору, но неизменно встречал там со стороны Андрея Константиновича вежливый и равнодушный саботаж своих наставнических обязанностей.

Роман, конечно, злился на такое пренебрежение к своей персоне, но благоразумно решил не нарываться и молча принял новые условия игры. Он пунктуально являлся в контору, когда шеф этого хотел, выполнял пару ерундовых поручений и безропотно отбывал восвояси. В конце концов, можно считать, что Руднев устроил ему каникулы. Хотя каникулы можно было бы проводить и веселее. Буйно разросшаяся за окном конторы зелень скрывала, конечно, все прелести городского лета, но только визуально. Стоило открыть окно и в кабинет врывались пыль, грохот и смрад большого города. Поэтому босс предпочитал, поплотнее задраив дубовые рамы английских окон, включать кондиционер. Зачем он обрекал себя на это добровольное заключение и почему не отпускал Романа, понять было нельзя.

Сегодня шеф был рассеян, как никогда. Покачивая ногой в щёгольском ботинке, он давно уже безо всякого дела сидел за своим столом и невероятно раздражающе постукивал ногтями по ручке кресла. На указательном пальце у него красовался перстень, который больше всего нравился Роману — с огромным сапфиром восхитительно глубокого синего цвета. Оправа была не вульгарно-золотой, а из какого-то благородного неброского металла. Роман сильно подозревал, что это платина. В светлом летнем костюме вид у шефа был совершенно нерабочий, да и настроение, судя по всему тоже.

Роман, растворившись в мягких объятиях дивана, без особого удовольствия, просто от

скуки, осваивал виртуальные гонки в рудневском айфоне. Никогда ещё он не проводил время так бездарно. К тому же дурацкая надпись «game over» появлялась на экране каждый раз слишком быстро.

— Может, я домой уже пойду? — раздражённо поинтересовался он.

— Иди вон за тот стол, — Руднев показал в самый дальний угол. — Будешь там за компьютером сидеть. Бумагами только слишком усердно не шурши.

— А семечки грызть можно? — Роман не удержался, чтобы не намекнуть шефу на откровенную ничтожность поручения.

— Глазами моргать можно!!! И, будь любезен, не проморгай чего-нибудь важного!

Похоже, босс над ним издевался. Ну, зачем, скажите на милость, приглядывать за типом, который должен сейчас заявиться в контору, если господин адвокат и сам прекрасно видит насквозь любого?

Тем не менее, Роман послушно отправился, куда ему было велено. Включил компьютер для достоверности. Нагромоздил стопки бумаг повыше. Проверил, не рухнут ли они в самый ответственный момент. Вроде, не должны. Поглядывая на погрузившегося в глубокую задумчивость Руднева, Роман заскучал и принялся делать из разноцветных канцелярских скрепок цепочку. И так увлёкся этим нехитрым занятием, что аж подпрыгнул, услышав обращённый к нему вопрос:

— Тебе фамилия Радзинский что-нибудь говорит?

Роман вздрогнул слишком очевидно, чтобы можно было понять, что — да, говорит. Однако язык сам за него ответил довольно безразлично и даже нагло:

— Это писатель такой? С писклявым голосом?

Руднев молчал и глядел на него изучающе. Романа так и подмывало спросить, что же шеф знает про деда, но позволить себе этого не мог. В конце концов, Бергер — его Ключ, что бы это ни значило. Подставить кого-нибудь из той компании, значило остаться без Ключа. К тому же Роман твёрдо решил вести двойную игру. Эта идея уже успела ему понравиться. Раз уж босс так жёстко предъявил на него свои права, он по-любому заслуживает за это наказания. Роман теперь просто из принципа не бросит своих занятий с Мюнцером, и вообще, будет делать всё, что предлагает ему Карта.

Руднев поманил его пальцем и Роман, неохотно выбравшись из-за компьютера, покорно вернулся к столу шефа.

— Я, помнится, сказал тебе, что меня не волнует, с кем ты там спутался, — приторно ласково заговорил он, когда Роман подвинул стул и сел напротив. — Я был неправ. Похоже, дело именно в том, с кем ты спутался. Видишь ли, Рома, — Руднев перестал, наконец, барабанить пальцами и принялся бесцельно перекидывать бумаги на столе, — когда я навестить тебя пришёл, я увидел, что ты весь опутан нитками, как паутиной. Можешь себе представить, как я был зол! Ведь я ещё тогда, когда ты диск мне принёс, заметил, что от шуки этой ниточки тянутся. Но пока не узнал про Радзинского, не мог понять, что бы это значило.

— А как Вы узнали? Про этого, ну — Радзинского? — Несмотря на потрясение от того факта, что босс докопался до деда, Роман старательно продолжал делать вид, что не знает, о ком идёт речь. — И что, собственно, Вы узнали?

— Проверил я того человечка, у которого мы тогда диск увели. И оказалось, что незадолго перед этим искал он эксперта, который поработал бы с этой вещью. И, в конце концов, обратился к Радзинскому. Викентию Сигизмундовичу. Этот тип давно уже нигде не

светился, но достаточно было узнать, с чем он работал раньше. У него прозвище очень говорящее: Карабас Барабас. Понимаешь, да?

— Он марионеток за ниточки дёргает? — равнодушно спросил Роман.

— Вот именно. Только марионеткой в его руках может стать любой. Поверь мне, Рома — Радзинский очень сильный маг. Говорю это, как на духу, хотя он и не наш.

— А я — ваш? — зачем-то спросил Роман.

— Ты — наш, — усмехнулся Руднев. — Более чем. Поэтому я так и озабочен твоим в высшей степени странным поведением. Ведь когда я про Радзинского узнал, стало мне понятно, что ты что-то от меня скрываешь, что-то очень серьёзное. Потому что не мог ты не заметить такого сильного воздействия, как вмешательство Радзинского в твою жизнь.

Босс смотрел на него безотрывно, и взгляд его был непривычно человеческим, открытым и искренним. Он как будто приглашал Романа заглянуть прямиком в душу и убедиться в чистоте своих намерений. Однако Роман не поддался.

— Подумаешь! Вы же мне привязку сделали! — он небрежно повёл плечом. — И я не заметил.

Руднев немного смутился? Нет, показалось. Только криво улыбнулся, разглядывая его.

— Но ты ведь не обиделся?

— Нет, конечно. Я бы сам так поступил на Вашем месте. — Эти слова показались Роману смутно знакомыми, как будто кто-то уже произносил их раньше. Неважно.

— Хорошо. Пусть не заметил, — подозрительно легко согласился Руднев. — Могу это допустить. Но теперь-то ты объяснишь мне, что с тобой происходит?

— Да ничего ужасного на самом деле, — вяло оборонялся Роман, холодея от внезапного осознания, в какую ловушку он сам себя загнал. Ведь Руднев-то в отличие от Карты не предлагал ему выбрать. Он потребовал. Более того, он считает, что выбор уже сделан, раз Роман пришёл к нему. И он тысячу раз прав! Тупик...

— А подробнее?

— Да не о чем тут говорить! Как ко мне диск попал, Вы отлично знаете. Единственное, чего я не сказал — я уже видел его раньше. Во сне. Несколько раз. И ни Карабас Барабас, ни прочие персонажи «Золотого Ключика» тут ни при чём. Так что... — Роман развёл руками. — А Вы, кстати, мне так и не объяснили, почему отправили за диском именно меня.

— А почему я вообще тебя в контору пригласил, ты не задумывался?

— Потому что Вы увидели, что сможете меня использовать, — без запинки ответил Роман.

Руднев, удивлённо распахнув глаза, расхохотался, чуть не падая на стол:

— Я тебя просто обожаю, Рома! Тебя не смущает даже это! Кажется, я опять тебя недооценил.

Какое-то время босс просто смотрел на него с совершенно дурацкой ухмылкой, потом поднялся и, направляясь к дивану, поманил его за собой.

— Диск твой, — начал он, когда Роман опустился рядом, — Диск твой — дрянь. Я надеюсь, ты знаешь, для чего такие вещи делаются? Нет? Тогда ты вдвойне дурак: хвататься за вещь, которая не ведаешь, для чего предназначена. Что там тебе приснилось?

— Комната. В ней лежал диск. Я подходил, рассматривал его. Я знал, что это Карта. Всё. Э-э, то есть, я ещё твёрдо знал, что диск существует на самом деле. Теперь точно всё. — (Пожалуй, хватит с шефа и этой информации).

С Руднева почему-то слетело всё веселье. Он больше не смотрел на Романа. Сняв с

пальца кольцо, он задумчиво вертел его в руках, как будто не знал, что сказать.

— Честно говоря, ты меня озадачил. — Андрей Константинович, наконец, заставил себя поднять глаза на сидящего напротив подростка. — Ты и эта вещь друг с другом не стыкуетесь. Или я чего-то не знаю...

— А что с ней не так? — Роман затаил дыхание.

— Такую вещь может изготовить только очень сильный маг. Незаурядный. С её помощью он спускается в другие миры и черпает в них силу, которая в разы превосходит своей мощью то, что возможно получить с помощью обычных практик.

— Вы сказали — спускается?..

— Точно, — пристальный взгляд Руднева обрёл какую-то особую силу и вес. — Ты же знаешь: настоящая сила спит внизу. Чем плотнее миры, тем разрушительнее сила, которую ты можешь получить. Но твоя Карта — я потому без особого сожаления её и отдал — ведёт в противоположную сторону. — Шеф многозначительно помолчал. — Ты мне действительно всё рассказал?

Роман отрешённо кивнул. Он был настолько поражён услышанным, что ему не пришлось напрягаться, чтобы быть убедительным. Вот как! Оказывается, может быть другая Карта, которая не предложит выбирать, потому что её направление будет совпадать с его собственным стремлением и с интересами босса! Всё-таки Руднев — ценнейший человек! Коротко и ясно всё объяснил. Надо только это ещё осмыслить.

— А что значат мои сны?

Видно было, что Руднев не хочет отвечать.

— Возможно, ты видел эту вещь раньше, — скупое обронил он, вставая. — Ты, давай-ка, ступай обратно. Клиент с минуты на минуту будет здесь.

— Когда — раньше? — не отставал Роман, поднимаясь вслед за боссом.

— Напряги извилины, Роман Аркадьич. Если ты в этой жизни про диск даже не слышал, когда ты мог его увидеть?

— Ясно. Стойте. Вы мне не рассказали, в чём хотели убедиться, когда посылали меня за диском.

— Потом, Рома. Ты ведь мне тоже не всё рассказал. Так что разговор наш в любом случае не закончен. Только — на будущее, — поморщился он, — врать мне больше не надо. Хотя местами у тебя неплохо получается.

Руднев смерил его тяжёлым взглядом, быстро повернулся и вышел в приёмную, встречать клиента.

===== Глава 36. Доброй ночи, мой мальчик =====

Даже в джинсах, в рубашке с закатанными рукавами и босиком Руднев не утратил своего неповторимого стиля. Кольца были сняты, но пальцы украшал такой идеальный пижонский маникюр, что их отсутствие по сути ничего не меняло. Причёска, правда, лишилась своего небрежно-продуманного модельного вида, поскольку, запустив в неё пальцы, Андрей Константинович варварски разрушил её обманчиво-простую архитектуру.

Вцепившись в свои иссиня-чёрные волосы и закрыв глаза, Руднев, по-турецки сидевший на диване, покачивался взад и вперёд, как человек в последней стадии то ли отчаяния, то ли нечеловеческой усталости. На журнальном столике перед ним в творческом беспорядке были разбросаны пестреющие красными и синими линиями аспекты натальных карт, астрологические таблицы и расчёты. На экране ноутбука светился всё тот же зодиакальный круг, разделённый на двенадцать неравномерных домов и пересечённый контрастными

обозначениями текущих планетных соотношений.

Поднявшись так резко, как будто его вытолкнуло пружиной, Руднев принялся бесцельно бродить по периметру белоснежного пушистого ковра. Пару раз он останавливался и раздражённо ударял кулаком в стену.

Как можно было не заметить такого явного указания?! Как можно было так расслабиться и пропустить такую идеальную кандидатуру?! Кретин! На что ты потратил последние полгода?!!

Устав метаться по комнате, Руднев тяжело опустился в кресло и отчаянно пожалел, что в доме нет секретарши, которой можно щёлкнуть пальцами и небрежно крикнуть «кофе!». Кофе пришлось сварить самому: вытерпеть зубодробительный вой кофемолки и всю ту череду раздражающе монотонных действий, которые были бесконечно ему ненавистны, и под занавес — не позволить себе бросить в мойке грязную посуду.

Пожалуй, можно плеснуть в кофе коньяку. Ничего серьёзного делать сегодня уже не придётся. Но сначала нужно убрать с глаз долой все бумаги, особенно эту карту, помеченную в углу «Кн. Р.», к которой всё время приклеивается взгляд, напоминая о собственном позорном промахе.

Удивительно, ведь в тот самый момент, когда он впервые увидел этого мальчишку, он уже тогда всё знал! Он начал приручать его с конкретной целью! А потом... Словно глаза отвели... Хотя, чего уж там — так всё и было. И даже известно, кто постарался сбить его со следа. Радзинский — патлатая сволочь! Единственный раз довелось с ним столкнуться — много лет назад. Проклятый Карабас, наверно, его и не запомнил. Но почему-то уже тогда Руднев возненавидел этот снисходительный взгляд, эти небрежно подобранные резинкой длинные седые волосы и шейный платок вместо галстука под воротником рубашки.

Нехорошее чувство, что Радзинский неспроста позволил ему, наконец, узреть очевидное, вызывало интенсивное разлитие желчи и предчувствие грядущего чудовищного унижения. Если бы он не ждал так долго! Возможно, тогда не оказался бы в таком глубоком нокауте. Похоже, опцию «осторожность» следовало отключить давным-давно. Столько лет он был — до отвращения к себе — умеренным, рассудительным и трезвомыслящим. Странно, что маньяк внутри него до сих пор не умер от такого сурового поста. Руднев усмехнулся: может, это означает, что хватит издеваться над собой? Кто спросит с него за неосторожные клятвы? Ведь он давал их самому себе...

Он с сожалением взглянул на остывающий кофе: вероятно, капля алкоголя не повредит, но зачем рисковать... Со вздохом потянулся он к телефону. Уже за полночь, но мальчишка не спит, это точно. Он такой же ненормальный, как и его «босс».

— Доброй ночи, мой мальчик. Не мог бы ты подсказать мне поточнее, на какой части тела господин Радзинский свои ниточки у тебя закрепил?

Молчание. Как приятно застать противника врасплох!..

— Я ...не знаю. Я ведь Вам уже говорил...

Врёт. Очевидно, подарок Радзинского пришёлся ему по вкусу. Скорее всего, так он чувствует себя защищённым. Но именно это и не устраивает твоего босса в данный момент, Роман Аркадьич...

— Очень жаль. Это облегчило бы мне задачу. Ну что ж, попробую сам поискать. Надо же, наконец, освободить тебя из этой паутины!

Как же мы заволновались! Ну-ну, давай же, покажи мне. Ах, браслетик! Чудесно...

— Вы собираетесь заочно это сделать? Может, когда я в контору приеду...

— Да нет, не беспокойся, Роман Аркадьич, я так справлюсь. Ну, извини, что от дела тебя оторвал. Я вижу, ты пытаешься вспомнить, что на твоём диске было начертано. Честно говоря, мне непонятно, зачем столько мучиться, если у меня можно спросить. Обратился бы ко мне, я бы тебе всё в подробностях рассказал... У меня и схемка сохранилась. Но не смею навязываться. Спокойной ночи, мой дорогой.

М-да, Рома. Как об стенку горох. Не можешь ты перестать думать об этой гадкой штуке. Впрочем, как и предполагалось. Ну, ничего, я знаю, чем тебя поманить так, что ты всё на свете забудешь! И Радзинский не сможет тебя удержать, потому что голос крови сильнее занудного зова разума. Особенно, если разум этот чужой, а в твоей собственной голове при этом томительно плещется безумие.

Итак, приступим. Нитки закреплены на правой руке. Сейчас мы их аккуратненько разрежем и снимем эту гадость. Ух ты! Симпатичный браслетик! Со вкусом так сделан. Правда, в этническом стиле... Прости, Рома, но фолк — это не твоё. Тебе бы пошло что-нибудь готическое. С твоей-то энергетикой... Чёрт! Эта штука завязана на кого-то ещё! Кого-то очень сильного. М-м-м, как же больно! Похоже, это ожёг. Так, спокойно. Перчатки. Кто же так яростно тебя защищает, Рома? Ведь это точно не Радзинский. Его я за сотню вёрст почую. Давай, будь хорошим мальчиком и помоги своему боссу. Я же должен избавить тебя от этой вещицы. Хотя уже и не надо. Та-а-ак, вот за эту ниточку подцепим и...

Руднев с удовлетворением наблюдал, как оказавшиеся на свободе нити рассыпались в воздухе и медленно растаяли мерцающими волокнами света. Придётся пока забыть про горящую от ожога ладонь, уже покрывшуюся не слишком эстетичными волдырями. Пока Радзинский не очухался, нужно ещё кое-что предпринять. Проверить свою догадку. Когда ещё удастся добраться до самой сердцевины твоего существа, Роман Аркадьич...

Руднев собрался и совершенно безжалостно вторгся в сознание ошутимо растерянного и временно беззащитного подростка.

Перед ним змеился лабиринт коридоров и сотни надёжно запертых крепких дверей. «Вот оно что! Кто же это так над тобой поработал?» — искренне удивился Руднев. И решительно обратился к своему компаньону: «Послушай меня, Рома. Я хочу помочь тебе. Не бойся. Открой мне свой разум. Смотри: я срываю удерживающие тебя печати — одну за другой. Тебе позволено всё. Кто-то сказал тебе, что это не так? Забудь». Он начал методично срывать тяжёлые, прочные замки. В какой-то момент Руднев почувствовал, что Роман внутренне дрогнул, но сопротивляться не стал. Хороший мальчик. Посмотрим, как теперь твои самозванные опекуны, Рома, с тобой справятся. Руднев удовлетворённо вздохнул и вынырнул на поверхность.

А сейчас пора заняться своей рукой. Кажется, в аптечке был спрей от ожогов. И потом можно будет выпить. И не кофе, а просто выпить. Чего-нибудь очень-очень-очень крепкого.

===== Глава 37. Обещание =====

Склонившись над освещённым лампой столом, Роман пытался — в который уже раз! — по памяти зарисовать все надписи и знаки, что были на диске. К сожалению, воспоминания оказались очень скудными. Ну да, он же тогда не знал иврита, и экзотические буквы ничего ему не говорили. Обидно. И почему он не скопировал эти символы, пока диск был ещё у него? Расслабился. Не предусмотрел...

Интересно, а Бергер что-нибудь помнит? Успел он тогда хоть что-то перевести? Вот Радзинский наверняка досконально изучил диск, пока с ним, как выяснилось, «работал». Сходить что ли к нему? Поскандалить? И на Руднева заодно пожаловаться...

Господи, как странно жизнь-то повернулась! Ещё полгода назад он был предоставлен самому себе. Мечтал о невозможном. Чувствовал себя королём. И за такой короткий промежуток времени он умудрился: попасть в рабство к Рудневу (причём по собственной инициативе), окончательно запутаться в паутине Радзинского и толстой цепью приковать себя к совершенно чужому и ненужному человеку (кто ж знал, что Ключом окажется Бергер!). Воистину: пока не потеряешь, не оценишь! Куда теперь деваться? Единственный выход — довести дело до конца. Во что бы то ни стало добраться до конечной точки маршрута. Тогда можно будет сразу всем сделать ручкой. «Чао!», как говорит шеф.

Мелодичный звонок забытого в сумке мобильного заставил его вздрогнуть. Уже час ночи! Кто может в такое время ему звонить? Может, Бергер? А что — если он приходит к нему по ночам, то почему не может вдруг позвонить? Роман внезапно понял, что хотел бы, чтобы это был именно он — нелепый, неуловимый ботаник с обманчиво наивным взглядом. Оказалось, шеф.

От его медового голоса у Романа холод пробежал по позвоночнику. Глупо было надеяться обмануть этого змея. Он всё, разумеется, знал: и про вполне добровольные контакты с Радзинским, и про то, что не послушался Роман своего босса и не выкинул Карту из головы.

Роман обречённо смотрел, как «браслет» вспыхнул у него перед глазами и рассыпался на сотни светящихся пылинок. Но он никак не ожидал того, что случилось потом.

Пока Роман приходил в себя после «шефского» вмешательства, прямо из воздуха перед ним соткался Радзинский. Не здороваясь, да и вообще не обращая особого внимания на Романа, он быстро просканировал его с головы до ног бесстрастным взглядом, потом опустился перед ним на одно колено, схватил за запястье и, тряхнув кисть его руки, заставил растопырить пальцы. Приложив свою ладонь к ладони подростка, как будто намереваясь сыграть с ним в «ладушки», он начал медленно и напряжённо её отстранять и Роман увидел, что из кончиков его собственных пальцев тянутся разноцветные нити света. Радзинский вытянул их на достаточную длину, потом резко намотал себе на руку, зажал образовавшийся пучок в кулаке, после чего так же быстро безо всяких объяснений исчез.

И в ту же секунду Роман словно сошёл с ума. Он слышал, что говорил ему Руднев, и видел перед собой его злые, холодные глаза. Его змеиный взгляд околдовывал и подчинял. Он заставил Романа увидеть бесконечные коридоры и сотни массивных дверей, с которых он срывал потемневшие от времени засовы.

С каждым ударом у Романа темнело в глазах, прерывалось дыхание и... становилось легче. Он просыпался. С удивлением разглядывал свои светящиеся руки, шевелил пальцами, расправлял плечи, ощущал свою силу. Хотелось пустить её в ход. Ни с чем ни сравнимая ясность заполнила собой его сознание.

Неожиданно перед ним вновь нарисовался Радзинский. Он спокойно подошёл, уверенно расправил ладонь и стал легонько поглаживать Романа по голове, на самом деле даже не прикасаясь к нему. Навалилась сонливость. Ощущение было такое, словно в черепе была огромная дырка и теперь она постепенно затягивается. Роман закрыл глаза. Мерцающий туман окутал его тёплым приятно покалывающим одеялом. Он чувствовал, что становится всё меньше, меньше — щелчок — и он снова в уютной темноте погружается в привычный сон. Боль утихает, сознание гаснет, воспоминания улетучиваются. Какое блаженство...

Руднев пришёл во сне. Склонился над Романом, пристально разглядывая его в темноте.

Криво и зло усмехнулся, и легко провёл рукой по романовым волосам — к ладони Андрея Константиновича прилипли разноцветные нити, которые он стряхнул брезгливо и покачал головой.

— Пойдём, — велел он Роману. И тот привычно послушался: встал и отправился вслед за боссом.

На пороге незнакомой комнаты он остановился. Тяжёлая массивная мебель и тёмные бархатные портьеры, освещаемые лишь красноватыми отблесками огня в камине, выглядели внушительно и мрачно. На низком столике посреди комнаты лежали аккуратно, как в музейной витрине, размещённые предметы.

Взгляд Романа сразу приклеился к металлическому диску, лежащему в центре — новому диску. Сердце тотчас забилося где-то в горле, дыхание перехватило. Не стесняясь постороннего присутствия, Роман бухнулся перед диском на колени и, едва дыша, склонился над ним, бормоча что-то нечленораздельное. Кусая губы, он разговаривал сам с собой, и в голосе его слышалось удивление и сомнение. «Не может быть... Похоже... Да как же это..». Запустив пальцы в волосы, он застыл, словно змей перед факиром. Рука вдруг сама потянулась к лежавшему рядом кинжалу. Поддавшись внезапному порыву, Роман полоснул лезвием по раскрытой ладони и, слегка морщась от боли, провёл рукой по поверхности диска. Окрасившись красным, диск зловеще вспыхнул и замерцал багровым светом.

Руднев смотрел на него, усмехаясь, и в глазах его то ли отражались огненные всполохи, то ли, действительно, бушевало яростное пламя.

— Я не могу. Я обещал, — опомнился вдруг Роман и отшатнулся от стола. Голос у него был хриплый, чужой. Кровь продолжала капать с дрожащей ладони. Она не впитывалась в плотную джинсовую ткань, а скатывалась на ворсинки ковра и яркими алыми каплями скапливалась у его ног.

— Обещал? Что? Кому? — усмехался шеф.

— Не помню, — честно ответил Роман.

— Забудь. Ты никому ничего не должен, — небрежно заверил его Руднев и опустился рядом с ним на колени. — Твоя мечта может исполниться прямо сейчас, — шепнул он.

— Могу я ...подумать?

— Отчего же нет? Думай. Только с ответом не затягивай. — Босс явно был разочарован. Он резко поднялся с колен, смерил Романа презрительным взглядом и повернулся, чтобы уйти. — Только себя не обманывай, Рома, — насмешливо бросил он через плечо и вышел, оставив Романа наедине с его сладким безумием, неясными страхами и томительным желанием начертить на полу знакомые линии, положить в центр фигуры диск и позволить тьме поглотить себя. Разве не этого он всегда хотел?

На следующий день Андрей Константинович прислал эсэмэску, в которой сообщал, что уезжает и несколько дней его не будет. Роман невольно вздохнул с облегчением. Он пока не был готов обсуждать с Рудневым последние события. Хотя очень хотелось разобраться: это паранойя или диски действительно множатся в геометрической прогрессии?

Ночью он торчал возле рудневского проводника до умопомрачения, мучая себя болезненными размышлениями об абсолютной доступности мечты. Почему он сказал, что обещал не касаться проводника? Действительно — кому? Он знал, что всегда может сюда вернуться и это его немного успокаивало. Но какой смысл возвращаться, если он не может заставить себя переступить через данное кому-то неведомому неизвестно когда обещание?

Вспоминая подробности ночного визита господина адвоката, Роман с замиранием сердца отметил, как ловко он обошёлся с рудневским диском: как будто точно знал, что с ним делать! Может, не случайно эти загадочные предметы сыплются на него, как из рога изобилия? Тут по спине пробежал холодок: они не из воздуха появляются — Руднев целенаправленно ищет эти штуки. И они не случайно с Андреем Константиновичем встретились. Благодаря боссу, он получил свой диск. Который лично ему подарил его персональный Ключ. А для Руднева этот диск оказался бесполезной железкой. Тогда почему же рудневский диск так охотно подчинился другому человеку?

Романа вдруг охватило страстное желание закатить грандиозный скандал: Радзинскому, Аверину, шефу. Похоже, все они знали о нём гораздо больше, чем он сам. Но эта светлая мысль осталась без продолжения, потому что Роман внезапно понял, чем он займётся, пока господин адвокат в отъезде.

==== Глава 38. Руди и Киса =====

Роман сидел на диване в гостиной и под уютный шум дождя перебирал старые фотографии времён студенческой юности отца. Воспользовавшись отсутствием босса, он решил постараться раскопать какую-нибудь информацию о его злосчастном приятеле, добровольно отказавшемся от своей силы.

Ага. Вот он — Руднев. Трудно не узнать этот презрительный взгляд. Гладкие чёрные волосы блестят на солнце. Роман умилился: даже в простой светлой рубашке босс умудрялся выглядеть зловеще. Лет двадцать ему здесь, наверное: какой-то он непривычно тонкий, хрупкий. С кем же он тогда мог дружить? Роман скользил взглядом по лицам отцовских однокурсников и не видел ни одной прочной связи. Руднев со всеми этими людьми имел только поверхностные контакты.

— Узнаёшь? — рядом на диван сел отец (ловушка сработала). — Это дядя Витя, — он указал мизинцем на паренька рядом с собой. — Эх, надо будет позвонить ему. Что-то я совсем закрутился. Даже не помню, когда мы в последний раз встречались... А это Руднев, кстати.

— Андрей Константинович? Похож, — Роман изобразил на своём лице интерес. — А что это он как будто не рад вашей компании?

— Да у него, вроде как, своя компания была. Точнее, приятель у него был. Не из наших. Постой-ка, я тебе его сейчас покажу!

Что — вот так сразу?! Сердце Романа пропустило пару ударов, пока отец искал нужный снимок.

— Вот он. Гляди.

На колени Роману легла выцветшая любительская фотография. Снимали очевидно на чьей-то квартире. Какая-то студенческая вечеринка. На переднем плане отец, приветственно поднимающий бокал. Жест явно был адресован тому, кто снимал. А на заднем плане Руднев поглощённый беседой с взъерошенным мальчишкой, который выглядел лет на семнадцать, не больше.

— Они, вроде как, на этом дне рождения и познакомились. То ли этот парень просто с кем-то пришёл, то ли он чей-то родственник... — пальцы отца продолжали выуживать остальные фотографии, относящиеся к тому же вечеру. — Как же его звали?.. Точно — Женья! В отличие от Руднева, весёлый был такой парень! Правда, пил здорово. Но на ногах, тем не менее, держался. Я помню, когда он уже порядочно набрался, фокусы стал нам показывать. Свечку перед собой поставил, щёлкнул пальцами — она загорелась, ещё

щёлкнул — погасла. Я до сих пор не понимаю, как он это делал. Все ахают, а он смеётся, как сумасшедший и всё к бутылке прикладывается.

Потом что-то ещё выделявал невообразимое... А, вспомнил! Будильник взял с комода — ну, знаешь, раньше такие были механические, огромные — рукой над ним поводил. Тот как начал трезвонить — все уши позатыкали. Стрелки вертятся, как пропеллер. Потом — дзынь — что-то там оторвалось, он хрюкнул и замолк. Отобрали у него будильник. Он ещё облака разгонял. Да-да! Без дураков! На балконе — как будто мел со школьной доски стирал... Потом какие-то фокусы с картами показывал. Долго его не отпускали, всем хотелось попробовать его подловить, но — не вышло. В конце хозяин принёс бутылку шампанского — из холодильника, между прочим, так что рвануть сама она не могла — так этот Женя просто поглядел на неё, руками взмахнул, сказал «пуфф» и — пробка в потолок. Но самое интересное: рядом стояла бутылка вина, уже открытая, так она ни с того ни с сего взорвалась и осколки по всей комнате разлетелись. Ты знаешь, мне только сейчас в голову пришло, что на фокусы это как-то совсем не похоже...

На это замечание Роман только усмехнулся и с интересом покосился на отца: «А за столько лет неужели не возникло никаких сомнений? Боже мой, до чего же люди боятся всего, что выходит за рамки обыденности! Они готовы проглотить какие угодно неправдоподобные объяснения, лишь бы только спокойно жить дальше!».

Перебирая снимки, Роман с восторгом выудил тот, на котором загадочный Женя глядел прямо в объектив: скуластое лицо, очень выразительный резкий восточный разрез глаз, взъерошенные волосы, демонстрирующие полное пренебрежение к внешности. С удивлением Роман осознал, что с Рудневым они практически ровесники. Просто этот Женя вёл себя, скорее, как трудный подросток, чем как взрослый человек. Потому и выглядел несолидно. Да и роста он был небольшого.

Взгляд у рудневского приятеля был очень тяжёлый. Но не потому, что он намеренно фокусировал в нём свою силу, а потому, что в его глазах плескался безумный внутренний хаос. Его взгляд подавлял и завораживал, как зрелище разбушевавшейся стихии. Видно было, что этого паренька терзают совершенно нечеловеческие страсти, которые делают его неуправляемым маргиналом.

Перед глазами почти сразу поплыли картины: тот самый будильник, жалобно звякнувший перед тем, как окончательно умереть. Брызги стекла от рванувшей вдруг бутылки и выплёскивающееся на скатерть красное вино: по белой ткани стремительно расплзается пятно вишнёвого цвета...

А вот и Руднев, который ужасно злится, выволакивая нового знакомого из квартиры. Ни слова не говоря, босс мрачно тащит его за собой по улице, не обращая внимания, что ноги у парня заплетаются, и он спотыкается на каждом шагу. Руднев внезапно останавливается и, приперев своего нового знакомого к стенке, проводит рукой перед его лицом, как будто снимает невидимое покрывало. Тот сразу трезвеет. Ощущение не из приятных. Парень чувствует, как на него наваливается жуткая тоска и отвращение ко всему на свете. А Руднев вдруг начинает на него орать.

— Аплодисментов захотелось?! Скучно тебе, урод?! В цирк работать иди!!! Ненавижу таких самовлюблённых кретинов! Шут гороховый! Если ты не можешь элементарно не высываться, нечего тогда и ныть! «Ах, я так больше не могу. Не знаю, зачем мне всё это. Бессмысленность моего существования сводит меня с ума...». Если бесценные трактаты использовать для того, чтоб ножки стола ими подпирать, тогда конечно — нелепость бытия

прёт из всех щелей! Ты ничего не сделал, чтобы в твоей жизни появился смысл! Тебе нравится жалеть себя, напиваться, как свинья, и зевак потешать!..

Внезапно отрезвевший Женечка долго не может понять, кто он, где он, и что, вообще, происходит. Но заметно, что смотреть на Руднева ему приятно. И слушать интересно. А, главное (Роман остро почувствовал это вместе с Женей) рудневское общество дарит ему стойкое ощущение внезапно обретённого душевного равновесия, завершённости, целостности и полноты бытия. Поэтому уйти Рудневу будущий доктор не дал, увязался за ним, и до утра бродили они по спящему городу, увлечённые беседой, полной захватывающих открытий.

До слуха доносится голос отца, продолжающего свой рассказ:

— В общем, прикипели они друг к другу. Я потом часто видел их вместе. Честно говоря, до сих пор не могу понять, что же их связывало. Руднев — такой педант, сдержанный, ужасно скрытный и помешан на своей внешности. А Женя этот был просто какой-то псих. Он мог вытворить, что угодно, например: искупаться в фонтане прямо в одежде, отдать все свои деньги первому встречному, который об этом попросит, или сказать в лоб какую-нибудь гадость. А уж на то, как он выглядит, ему было откровенно наплевать. Руднев его, вроде как, опекал и сдерживал. Понятия не имею, где он учился. Может, и в нашем институте, только на другом факультете? Не знаю. Ну а после института я их обоих из виду потерял...

Когда отцу, наконец, наскучило перебирать воспоминания о своих студенческих годах, Роман, незаметно прихватив наиболее удачные снимки, закрылся в своей комнате.

Созерцая жутковатое мерцание в глазах рудневского подопечного, он, в отличие от отца, прекрасно понимал, что этих двоих между собой связывало. Он чётко увидел это, когда наблюдал их перепалку в тёмном переулке. Они просто узнали друг друга. Ничего рассудочного, никаких соображений вроде «мы с тобой одной крови, значит должны держаться вместе». Поглядели и поняли, что знают друг друга уже тысячу лет.

Итак, Руднев этого психопата опекал. Очень на босса похоже. Любит он кому-нибудь покровительствовать. Нет сомнений, что Андрей Константинович и в двадцать лет был разумен и осторожен. Здесь Роман был полностью на стороне босса. Вон отец до сих пор не подозревает, что в его однокурснике есть что-то необычное. Что-нибудь, что можно было бы расценить, как ненормальное. А этот парень настойчиво подставлялся, демонстрируя свои таланты первым встречным. Напивался и вот так вот запросто зажигал пальцем свечи. Ему повезло, что никто ничего не понял. Что он не нарвался на кого-нибудь, кто захотел бы его использовать. Поэтому Руднев на него и наорал. И правильно сделал.

Внезапно Роман так разволновался, что аж во рту пересохло: сейчас он узнает, что там на самом деле случилось с этим парнем! Не то, чтобы он не доверял рассказу шефа... Нет, он отлично понял, что Женя был именно таким: придурком, который может выйти на Красную площадь и крикнуть во весь голос, что хочет быть сирым и убогим, как все, и с безумным блеском в глазах наблюдать потом, как магия вытекает из него по капле и растворяется в воздухе. Но всё же отчаянно хотелось узнать причину столь неадекватного поступка. Интуиция подсказывала Роману, что если бы столь нелепая просьба была высказана Женечкой, к примеру, по пьяни, её бы никто не услышал.

Роман погладил пальцем фотографию, с облегчением ощущая идущий от неё жар: значит, этот психопат жив. Очень хочется посмотреть, где он, и что с ним сейчас. Но это

подожждёт. Сначала самое важное.

Роман позволил своему сознанию скользнуть глубже, в прошлое. Он с удивлением узнал, что Женя учился в медицинском институте. И неплохо учился... Надо ли говорить, что у него были ярко выраженные целительские способности?

Вот городская больница, куда его отправили работать после учёбы — унылое заведение, обшарпанное изнутри и снаружи. Тоска. Периодически возникает Руднев, внешне ведущий жизнь скромного инженера — ему необходимо отработать три года по специальности. Но Руднев при этом весь опутан какими-то таинственными контактами, нагружен отпечатанными на машинке затёртыми рукописями, занят посещением загадочных мероприятий.

— Держи. — Руднев весело щурится и выгружает на стол невероятно потрёпанную рукопись. Пижонская чёлка падает ему на глаза, и он небрежно встряхивает головой, отводя волосы рукой. Конечно же он в костюме, который сидит на нём идеально, и, разумеется, под пиджаком безукоризненно белая рубашка и аккуратно повязанный галстук.

— Что это? — уныло вздыхает Женечка. Белый врачебный халат делает его взрослее и ответственнее и очень ему идёт.

— Какие-то аюрведические трактаты. На три дня выпросил. Специально для тебя.

— Руди, ты спятил? Как я за три дня с этим разберусь?

— Ты же на дежурстве! Значит, спать тебе всё равно не полагается...

Женечка, пробежав глазами пару строк, настолько погружается в чтение, что под утро Рудневу приходится отбирать у него машинописные листки силой, чтобы заставить приятеля поесть.

А вот набитый людьми школьный спортзал. На столе (чтобы всем было видно) мужчина с обнажённым торсом — роскошная шевелюра с проседью, фигура греческого бога — показывает йоговские асаны.

— Мне нужен доброволец, — он внимательно оглядывает зал, и взгляд его останавливается, как ни странно, на рудневском приятеле, которого в такой толпе и заметить-то трудно из-за его невысокого роста...

— Вам, Женя, нужно научиться контролировать свои энергии, пока они не разорвали Вас на части, — серьёзно говорит Комаровский и внимательно смотрит на молодого доктора. Все уже разошлись. Женя и йогин беседуют вдвоём в пустом зале. Причём Женя с лёгкостью копирует позу лотоса, в которой непринуждённо сидит Комаровский. Он вообще оказался очень гибким, а его сомнамбулическое сознание словно создано для медитаций. Комаровский всё это прекрасно видит и старается донести до Женечки мысль, что йога ему жизненно необходима.

Краем сознания Роман улавливает, что Руднев всё это время ждёт приятеля на школьном крыльце. Подняв воротник плаща, он поёживается от холода и морщится от стывших брызг осеннего дождя, которые долетают до него, несмотря на то, что он прячется под бетонным козырьком почти у самой стены...

Через некоторое время можно заметить, как сильно этот Женя изменился. Отрастил свои волнистые волосы и собирает их в хвост. Двигается он теперь очень грациозно и уверенно, как хищная кошка. И малиновый пиджак сидит на нём отлично. Правда Руднева этот цвет выводит из себя, и он безмолвно страдает, когда приходится выгуливать сей безвкусный прикид.

Женя с самого начала зовёт Руднева «Руди» и тот послушно откликается. Руднев, в свою

очередь, называет приятеля... «Кисой».

Здесь Роман не удержался и долго, жизнерадостно хохотал.

«Киса, оставь свои бандитские замашки! Ты же давал клятву Гиппократа!», — раздражённо цедит Руднев, когда Женечка направляет на него дуло пистолета. Доктор прищуривается, нехорошо усмехаясь, и сдвинув прицел немного в сторону, нажимает на курок. «Придурок!» — орёт белый, как полотно, Руднев, отнимая у него пистолет. — «Я тебя когда-нибудь в Кащенко сдам!!!».

М-да, весёлая у шефа была жизнь. И приятель — весёлый такой...

Тут Романа ощутимо потрянуло: он увидел, как Женечка читает Евангелие. Вот она — точка отсчёта. Что там Андрей Константинович говорил про слюнтяйство?

В комнате полумрак — только светильник на стене над диваном освещает тонкие страницы из рисовой бумаги. Длинные тёмные волосы свешиваются на лицо, но Женечка не удосуживается их убрать. Он подавлен. Он в отчаянии. Ему страшно.

Услышав шаги в коридоре, Женечка поспешно прячет маленький томик под подушку.

— Киса, хватит хандрить, — брезгливо морщится Руднев, заходя в комнату. Он делает шаг вперёд, но внезапно останавливается, поднося руку ко рту, как будто пытаясь сдержать тошноту. — Я же просил, — сдавленно произносит он, с ненавистью глядя на приятеля.

— Дыши глубже, — спокойно советует ему доктор. Он поднимается с дивана, подходит поближе. Скрестив руки на груди, он смотрит на Руднева бесстрастным взглядом, впрочем, с лёгким оттенком жалости. — Тебя это не настораживает? — неприязненно интересуется он.

— Меня настораживает твоё прогрессирующее слабоумие, — отрывисто выдыхает побледневший босс.

— Не в твоей компетенции ставить мне диагноз, — прохладно отвечает Женечка. — Давай, дыши: вдох-выдох, вдох-выдох... — Он поднимает руку и в такт своим словам взмахивает ладонью: вверх-вниз, вверх-вниз.

Руднев безотрывно глядит ему прямо в глаза и почти засыпает стоя. Доктор берёт его за руку и подводит к дивану.

— Тебя могут от этого избавить. Нужно только попросить, — мягко убеждает приятеля Женечка, помогая ему сесть. — Тихо-тихо, — он придерживает за плечи встрепенувшегося на мгновение Руднева и садится рядом. — Поверь, лучше лишиться такого сомнительного дара, чем позволить ему распоряжаться своей жизнью. Тебе не обидно чувствовать себя марионеткой? — Руднев молча закрывает глаза и откидывается на спинку дивана. Женечка вздыхает и качает головой. — Руди, мне тошно даже просто находится рядом с тобой. Почему ты не хочешь признать очевидного? То, что ты чувствуешь — это не твои ощущения. И они красноречиво свидетельствуют, что за сущность в тебе обитает. — Он старается сдержать короткий смешок. — Или ты серьёзно думаешь, что, избавившись от подселения, ты сразу лишишься всех своих способностей? Я тебя уверяю, твои тонкие тела сформированы и частично просветлены. И твои способности — лишь следствие твоего духовного развития. Так сказать, сопутствующий фактор. Они никуда не могут деться. В этом вся соль. Духовное развитие — закономерный процесс, просто духовные законы не всем очевидны.

В комнате воцаряется тишина. Руднев то ли спит, то ли всё ещё пребывает в трансе.

— Моя бабка была ведьмой, — не открывая глаз, бесцветно роняет он. — Пока она не передала мне свои способности, я ничего не мог.

— Сколько тебе было лет?

— Восемь.

— Чушь. В восемь лет я тоже ничего не мог. Точнее, просто не подозревал, что могу. Твоя бабка сдала тебя в аренду тем нехорошим сущностям, которые мучают тебя до сих пор. Их вторжение в твоё сознание пробудило тебя от спячки. Только и всего. Конечно, она могла ещё насильно открыть какие-то центры, но это ничего не меняет.

— Я устал, — еле слышно произносит Руднев.

Женечка, обречённо покосившись на него, вздыхает и поднимается на ноги. Руднев прямо в ботинках вытягивается на диване. Но едва его голова касается подушки, его подбрасывает, словно он дотронулся до оголённых проводов. Доктор, закусив губу, быстро разворачивается и уходит.

Роман какое-то время бездумно глядит перед собой. В голове хаос. Руднев намеренно всё переврал или история ещё не окончена? Он взял со стола фотографию, всматриваясь в упрямое лицо будущего доктора. В этот момент как будто весь воздух внезапно выбили у него из лёгких. Роман согнулся, обхватив себя руками. Резкая боль в животе обожгла внутренности.

О, Боже! Руднев, разумеется, почувствовал, что Роман копается в его прошлом, и он в ярости!

Облегчения эта мысль ему не принесла. Вспышки боли сплелись в раскалённый стальной канат, который скрутил его так, что Роман малодушно пожелал умереть. Он безвольно стёк на пол и отключился. Перед тем, как потерять сознание, он успел увидеть, как над ним склоняется Аверин: красиво очерченные губы скорбно изогнуты, а в мудрых серых глазах такая печаль...

===== Глава 39. Час расплаты =====

Утро началось с нетерпеливого рудневского звонка.

— Приедешь?

— Как скажете...

Роман с трудом разлепил глаза и сунул мобильник под подушку. Стоп. Когда это он успел перебраться на кровать? Ах, да: Аверин. Хоть бы записочку оставил, сколько он теперь ему должен за визит и оказание первой медицинской помощи...

Впрочем, с благодарностью он, похоже, поторопился. Голова раскалывается так, будто он бился ею о стены. Приходится признать, что до сей поры он, по сути, и не знал, что такое головная боль. Если Бергеру было в своё время так же несладко, когда он устроил ему небольшую демонстрацию своей силы, неудивительно, что легкоранимый ботаник после этого не горел желанием с ним общаться. Ну, ничего, сейчас шеф его убьёт и тем самым избавит от тяжких мучений.

Дорога запомнилась, как череда бесконечных препятствий: во дворе всё перекопано, не сразу и сообразишь, как это безобразие обойти; потом авария — столкнувшиеся машины загородили проезжую часть и троллейбусы не ходят, выстроились друг за другом, как вагоны поезда; в метро народ столпился вокруг бригады скорой помощи: потерявшего сознание человека бережно укладывают на носилки. По-хорошему, внимая всем этим знакам, следовало бы вернуться домой, запереться на все замки и сказаться тяжело больным, чтобы Руднев отстал и занялся бы кем-то, кого не жалко. С другой стороны, знаки можно воспринимать, как констатацию неизбежного факта: Роман крепко попал, и отвертеться от заслуженного наказания ему не удастся.

Руднев сидел за своим столом, когда Роман вошёл в кабинет. Шеф поднял на него глаза,

и тотчас скучающее выражение на его лице сменилось самой настоящей яростью. Его губы побелели и сжались узкой полосой. Он подлетел к Роману и впился жгучим взглядом в его затуманенные болью глаза. От этого сразу стало ещё хуже.

— Ну что Вам от меня надо? — страдальчески простонал Роман, закрываясь от босса ладонью.

Руднев злобно отдернул его руку и зашипел:

— Интересно было? Ты развлёкся? Надеюсь, десерт тебе тоже понравился. Жалею, что, вообще, оставил тебя в живых. Ты ничтожество, на которое я безо всякого толку потратил полгода своей жизни! Но ты не ценишь моих усилий! Ты настолько туп, что не в состоянии даже понять, что я для тебя делаю! Думаешь, у меня тут богадельня и я буду нянчиться с тобой до скончания века?!!

— Не орите на меня!!! — вдруг рявкнул Роман, что было сил. Все лампочки в люстре, под которой они стояли, при этом разлетелись на кусочки, и на них посыпался дождь из осколков.

Руднев, стиснув зубы и тяжело дыша, ещё некоторое время прожигал Романа яростным взглядом. Наконец, спустя десяток долгих секунд, он поднял слегка дрожавшие руки и взял побледневшего подростка за плечи.

— Извини, — не очень уверенно сказал он. — Я сорвался. Это, конечно, не повод... Стой! — он удержал Романа, который хотел опуститься на диван. — У тебя в волосах осколки, — объяснил он, — и за воротником...

— У Вас тоже, — хрипло ответил Роман.

Они молча принялись собирать друг с друга кусочки стекла, стараясь не встречаться при этом взглядом.

— Вроде всё, — выдохнул Руднев. — Голову наклони, — он поворошил волосы Романа пальцами. — Можешь сесть пока за мой стол. — Он махнул рукой в сторону своего кресла. — Здесь... Поранишься ещё...

Мрачно поглядев мальчику вслед, Руднев снял пиджак, аккуратно встряхнул его, потряс головой, пропуская свои гладкие волосы сквозь пальцы, снова оделся и подошёл к двери.

— Надюша, возьмите в кладовке у уборщицы пылесос и идите сюда. У нас здесь небольшое ЧП.

Роман, добравшись до рудневского кресла, уронил свою тяжёлую, как чугун, голову на стол и обхватил её руками. Словно сквозь туман он наблюдал, как шеф забирает пылесос у секретарши — «Нет, такая насадка не годится, поищите что-нибудь более подходящее», — а затем самолично, с редкостной педантичностью очищает ковёр, диван и кресла.

— Посчитайте, пожалуйста, сколько нужно лампочек и позовите электрика, — бросил Руднев почтительно ждущей распоряжений рыжеволосой Надежде.

Та послушно удалилась, как упирающуюся псину на поводке, увозя за собой пылесос. Роман собрался с силами, и пролепетал с ехидной усмешкой:

— Вы отлично смотрите вместе. Она Вас оттеняет.

Руднев даже не взглянул на него.

Быстро явился электрик в синем рабочем комбинезоне. Долго цокал языком, пытался завязать беседу, но Руднев живо пресёк его попытки использовать рабочее время не по назначению. Оскорблённый в лучших чувствах, мужик влез на стремянку и долго пыхтел, выковыривая опасно ощерившиеся острыми краями патроны и вворачивая новые лампочки.

Но в конце концов ушёл и электрик, и они снова остались наедине. Роман тяжело

вздохнул и обхватил голову руками, словно прикрываясь от воздушной атаки.

— Иди сюда, — холодно сказал Руднев, указывая на диван.

Роман подчинился.

— А можно, я лягу? — апатично пробормотал он.

— С чего бы это? — безо всякого намёка на сочувствие поинтересовался босс.

— Хорошо, я постою! — тут же разозлился Роман. — Из Вашей страстной речи я понял, что, вообще, не ценнее лабораторной крысы, на которой испытывают яды!

— Я уже сказал, что погорячился, — ровным голосом ответил Руднев, с ненавистью глядя при этом на компаньона.

— Точнее, сгоряча выдали то, что на самом деле думаете?

— Оставь свои глупые фантазии при себе. Если ты заткнёшься, я, так и быть, поделюсь своими соображениями по поводу тебя. Можешь лечь, если это тебе действительно нужно.

Роман не заставил себя уговаривать. Он скинул ботинки и со вздохом облегчения вытянулся на диване. Правда, подлокотник был слишком высоким и Роману никак не удавалось найти удобное положение для своей несчастной головы, внутри которой ухали тамтамы и десятки воинственно настроенных туземцев энергично исполняли свой ритуальный танец.

Руднев пару секунд понаблюдал за его мучениями, затем снял пиджак и, плотно скатав его, подсунул ему под голову.

— Спасибо, — смутился Роман.

— На здоровье, — неласково отозвался шеф, направляясь к выходу. — Надюша! — он распахнул дверь в приёмную, — У Вас есть пенталгин или что-нибудь ещё от головной боли? — Он вскоре вернулся с таблеткой и стаканом воды. — Пей, — он безо всяких церемоний затолкал таблетку Роману в рот, так что тот едва не подавился. — А теперь слушай. И не вздумай перебивать! — он забрал у Романа стакан и сел в кресло, закинув ногу на ногу. — Я уже много раз пожалел, что связался с тобой. Дело даже не в том, что мне приходится тратить на тебя своё драгоценное время, а в том, что это не приносит нужного результата. — Роман издал протестующий возглас, и Руднев гневно выпрямился в кресле. — Я просил не перебивать!.. — Он глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. — Мало того, что ты позволяешь каждому делать с собой, что угодно: мне, Радзинскому, вообще, любому, кому это понадобится. — Пальцы Руднева так сжимали злосчастный стакан, что Роман догадался, насколько страстно босс желает его задушить. — Так ты ещё держишь меня за дурака! Мне надоело изображать из себя идиота, раз за разом плотая твою ложь!!! — Он неожиданно встал и навис над Романом. — Быстро — рассказывай, где и когда ты познакомился с Радзинским.

— Я никогда с ним не встречался, — упрямо процедил Роман.

— Хватит мне врать!!! Я спросил: где и когда. Ну? Я жду...

— Это было ещё до Вас.

— Вот как?

— И я правда никогда с ним не встречался. Он сам пришёл ко мне. Во сне.

— Как романтично!.. В тот раз, когда я тебя навещал, ты тоже был у него?

— Да, — глухо ответил Роман.

— Что он от тебя хотел?

— Ничего. Он никогда от меня ничего не хотел.

— Чудесно. Вы о погоде что ли говорили?

— О пустяках всяких. Он проверял ...эту штуку на моей руке. Иногда новые нитки в узор вплетал.

— И ничего не объяснял?

— Нет.

— И ты, конечно же, не спрашивал?

— Спрашивал. Он всегда уходил от ответа.

Руднев раздражённо прошёлся по кабинету.

— Ты, как я понимаю, сумел воспользоваться Картой? — сухо спросил он, глядя на Романа сверху вниз.

— С чего Вы взяли?

— Отвечай.

— Не знаю. Мне не удалось далеко продвинуться.

— Подробнее.

— Да нечего даже рассказать. Там только пастухи, овечки, мудрые старцы и философские разговоры...

— А ты чего хотел? Я ведь сразу предупредил тебя, что от этой штуки тебе пользы не будет.

— Вы ничего мне толком не объяснили!

— Моего слова тебе недостаточно?

— Разумеется, нет!

— Пошёл вон!!! — рассвирепел вдруг Руднев.

Смертельно обиженный Роман вскочил, засовывая ноги в ботинки, и тут же охнул, хватаясь за голову:

— Сволочь бездушная... — прошипел он, косясь на шефа.

— Заткнись и сядь на место, — Руднев в два шага оказался рядом и надавил Роману на плечо, заставляя снова опуститься на диван. Губы его злобно дёргались и, казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не придушить своего компаньона.

— Опять погорячились? — язвительно поинтересовался Роман.

— Пока нет. Иначе ты был бы уже в реанимации. — Босс опустил в кресло, нервно проводя пальцами по губам. — Ты должен помочь мне разделаться с Радзинским, — неожиданно заявил он. — Иначе я ничего не смогу сделать для тебя.

— Разделаться — это как? — похолодел Роман.

— Не бойся. Крепить бомбу к днищу его автомобиля тебе не придётся, — съязвил Руднев. — И поджидать его на крыше с оптической винтовкой в руках — тоже. И имей в виду: отныне шаг вправо, шаг влево от меня будут считаться за побег. Расстрел на месте. Мне надоели твои игры и то, что ты считаешь меня за дурака.

— Чем он Вам так помешал? — изумился Роман.

— Не твоё дело, мальчик. — Руднев наклонился, забирая с дивана свой пиджак, и брезгливо встряхнул его, расправляя. — Он помешал мне, а значит — и тебе. Мы ведь в одной лодке? Не так ли? — и босс с мученическим выражением на лице натянул пиджак, оглядывая себя так, будто ему пришлось надеть вещь, вынутую из помойки.

— Вообще-то, Вы обращаетесь со мной как куклуксклановец с негром, — возмутился Роман, вставая вслед за шефом.

— Не нравится — отправляйся к Радзинскому. Он сводит тебя в зоопарк, угостит мороженым, сопли тебе вытрет.

— Ревнуете? Знаете, что Вас-то любить не за... — начал было Роман и осёкся от звонкой пощёчины. Впрочем, другой рукой Руднев тотчас притянул его к себе, так что лбом Роман уткнулся в его плечо.

— Детский сад, — пробормотал Руднев, пару раз проведя по его волосам, и тут же отстранил Романа от себя. — На день рождения подарю тебе робота-трансформера, — через силу усмехнулся он. — Или лучше щеночка?

— Автомат Калашникова. И патронов побольше, — мрачно отозвался Роман.

Руднев вполне добродушно рассмеялся.

— Убивать-то кого будешь? Меня? Или прохожих с чердака мочить?

— А это как будете себя вести...

— Ну ты и нахал! — уже радостно восхитился босс и пошёл к двери, за локоток волоча за собой Романа. — Через два часа у меня самолёт, — весело сообщил он. — Так что до дома как-нибудь сам доберёшься. Из-за тебя мне пришлось прервать свою поездку, между прочим. — Он окинул мальчика оценивающим взглядом. — А ты живучий, — прищурился он. — А я-то торопился, боялся, что мне придётся тебя по частям собирать. Не думал, что ты на своих двоих сегодня ко мне доберёшься. Или тебе помогли?

— Помогли, — с вызовом ответил Роман.

— Ах, вот оно что! Теперь понятно, чего ты так надулся. Чужие дяденьки проявили сострадание, и моё бессердечие на этом фоне выглядит чудовищным злодейством. Вот так потихоньку слюняйская философия и проникает в твою кровь...

— Когда Вы вернётесь? — нахмурился Роман, старательно пропуская мимо ушей рудневскую колкость.

— А вот как закончу все дела, так и вернусь. А ты без меня веди себя хорошо: злому волку дверь не открывай, куда тебя не просили, не заглядывай. А займись лучше делом. Помнишь — про моё предложение? Думай, Рома, думай. Ты ведь обещал подумать — про диск. — И Руднев выпихнул Романа за дверь, не давая ему опомниться. — Чао, мой мальчик! — Он вышел следом и запер за собой дверь в кабинет. — Надюша! — Открыв свой портфель, босс неожиданно вынул оттуда розу. — Извините, что лишил Вас законного выходного. Но, согласитесь, что мы очень плодотворно поработали! Не правда ли? — С любезной улыбкой положив цветок на стол, господин адвокат помахал всем ручкой и лёгкой походкой вышел из конторы.

Оставшиеся в приёмной Наденька и Роман некоторое время с одинаковым недоумением молча глядели на прекрасную кремовую розу, потом встретились глазами... и Роман захохотал.

— Как мило! — воскликнул он, с трудом разгибаясь и вытирая слёзы. — Шикарная компенсация!

— Завидовать нехорошо, молодой человек, — вежливо улыбнулась секретарша. — А выход там. — Она указала рукой на дверь.

===== Глава 40. Попытка =====

«Ты должен вспомнить», — твёрдо повторил старец. Они сидели под деревом и наблюдали, как струи дождя сверкают на солнце, рассыпаясь разноцветными искрами по траве. Над горой, где когда-то Роман обрёл Ключ, засветилась радуга. Она была такой яркой — почти осязаемой. При виде этого цветного великолепия почему-то подумалось, что Радзинский никогда не надевает ничего чёрного. И Аверин тоже. Ну, разве что ботинки. Вспомнив свой гардероб в мрачный тонах, Роман тяжело вздохнул — его мироощущение

слишком сильно отличается от светлого оптимизма бергеровской компании.

— А если я умру, я сюда попаду? — почему-то спросил вдруг Роман.

— Вряд ли, — улыбнулся старец. — Ну, может, только в том случае, если твой наставник убьёт тебя с особой жестокостью. Хотя твоё место всё-таки не здесь.

— А можно лишиться магии? — снова невпопад ляпнул Роман.

— Какой ты сегодня рассеянный, — удивлённо покосился на него старик и погладил свою бороду. — Что ты называешь магией?

Роман только открыл рот и закрыл его обратно.

— Ясно, — понимающе покивал старец. — Ты говоришь о своих способностях.

— Да! — горячо подтвердил Роман.

— Скажи, ты можешь снова стать младенцем?

— Нет, конечно!

— Тогда о чём ты спрашиваешь? Твой духовный возраст нельзя изменить.

— Я не совсем понял...

— Ты должен вспомнить. Думай об этом.

— Как? Что я должен сделать, чтобы вспомнить?

— Ты должен сделать всё возможное.

— И невозможное тоже?

— Да, — засмеялся старец.

— А как Вас зовут?

— А как тебя зовут?

— Я... не помню?

— Верно.

Ливень прекратился. Деревья замерли неподвижно, красуясь алмазными брызгами. Долина превратилась в изумрудное покрывало, сплошь усыпанное сияющими на солнце драгоценностями.

— Я не хочу возвращаться.

— Ты хочешь вспомнить. И для этого ты должен вернуться.

Роман засмеялся и подставил горячим прикосновениям солнца свой великолепный профиль, словно созданный для того, чтобы его чеканили на монетах.

— Вы никак не собираетесь мне помогать? — прищурился он от яркого света.

— Ты уже получил всё, что нужно, — пожал плечами старец.

— Ключ?! — взволнованно воскликнул Роман, подскакивая на месте. — И как долго Вы собирались морочить мне голову?!

— В прошлой жизни ты был сообразительнее... — старец покачал головой.

— Я уже устал обижаться, — Роман махнул рукой. — Все кому не лень с удовольствием пеняют мне на мою тупость.

— Так потихоньку и станешь святым, — старец, посмеиваясь, протянул ему половину ароматной лепёшки. — Смирение — ключ к совершенству.

«Бергер, сволочь, ответь мне немедленно!!!» — мысленно зывал Роман, пронзая взглядом ночную тьму. — «Ну, пожалуйста. Я же знаю, что ты меня слышишь!». — Но строптивый ботаник не откликнулся. Роман устало закрыл глаза и тут же увидел Бергера.

Кирилл сидел на крыльце бревенчатого домика. Вековые деревья вокруг тёмными силуэтами упирались в ночное небо, угрожающе покачивая ветвями. Глухой шум ветра в

листве — великаны пришли в движение, завздохали, замахали гигантскими лапами.

Кирилл смотрел на гостя, привалившись боком к перилам, и молчал. Роман сделал шаг навстречу. Бергер заметно напрягся. Роман нахмурился.

— Я должен вспомнить, — требовательно заявил он. — Ты обязан мне помочь.

За спиной Романа раздался басовитый смешок.

— Горазд же ты, Шойфет, свою работу на других переключивать! — ехидно протянул дед.

Роман резко обернулся. Радзинский, скрестив руки на груди, стоял так близко к нему, что Роман даже отшатнулся и, возможно, упал бы, если бы с другой стороны его не подхватил под локоть Аверин. Отпустив Романа, учитель придержал сползающую с плеч куртку, которая явно была ему ужасно велика.

— Мальчик у вас немой? — зло прошипел раздосадованный Роман.

— Мальчик у нас не твой, — загоготал Радзинский.

— Дурацкие у Вас шутки!

— Какой гость, такие и шутки!

Тут раздался звонкий смех: Кирилл, закрыв лицо руками, самозабвенно захохотал, низко склонившись к коленям. Николай Николаевич тоже не выдержал и прыснул со смеху. Тут же покотился со смеху и Радзинский.

Роман в бессильной злобе сжал кулаки и от всей души пожелал немедленно оказаться подальше отсюда. Желание его исполнилось без промедления.

===== Глава 41. Вспомнить всё =====

— В целом я Вами доволен, — удовлетворённо проскрипел Исаак Израилевич, когда Роман убирал свои книжки и тетрадки со стола. Он выглядел сегодня на удивление бодро и молодо — глаза его сияли и (невероятно!) он улыбался. — Надеюсь, Вы тоже удовлетворены нашими занятиями?

Роман с трудом сдержал приступ истерического смеха, но вынужден был признать, что Мюнцер, действительно, за месяц сумел вложить в его голову такой объём знаний, который с другим преподавателем он мусолил бы целый год. Поэтому он с чистым сердцем поблагодарил Исаака Израилевича и, поскольку его дифирамбы в адрес преподавателя были приняты благосклонно, Роман вдруг подумал, а не воспользоваться ли моментом внезапно обозначившегося нормального человеческого контакта и не дерзнуть ли озвучить одно из своих пожеланий.

— Простите, а не могли бы мы в качестве учебного текста использовать «Сефер Йецира» (1)? — сдержанно спросил Роман, внутренне готовый к гневной отповеди со стороны Исаака Израилевича. Но Мюнцер, как ни странно, отреагировал на удивление спокойно.

1 «Книга Творения» — каббалистический трактат.

— Вас интересует Каббала? — на лице его было написано неподдельное удивление. — Чего только на свете не бывает! — фыркнул он.

— А почему меня не может интересовать Каббала? — нахмурившись, мрачно поинтересовался Роман.

— Да от Вас же чёрной магией — я извиняюсь, молодой человек — за версту несёт! — Мюнцер по-птичьему склонил голову набок и моргнул, как любопытный какаду. Глаза его при этом лукаво блеснули.

Роман растерялся. Он словно с налёту наскочил на преграду. Эффект тот же: искры

перед глазами и ощущение того, что выглядишь как полный дурак.

— Чушь всё это, — не сдержавшись, воскликнул он, — ни чёрной, ни белой, ни серой, ни розовой магии не существует. Магия есть магия!

Мюнцер снова фыркнул. Похоже, сегодня он был в отличном расположении духа.

— Может, Вы просто дальтоник? — весело спросил он.

Роман стиснул зубы:

— Значит, нет?

— Ну почему сразу нет? — Мюнцеру явно нравилось выводить его из себя. — Вы присядьте, молодой человек. Или Вы торопитесь?

Роман никуда не спешил, пусть Мюнцер не рассчитывает так просто от него избавиться.

— Так чего именно Вы хотите, молодой человек? Мне почему-то кажется, что Вами движет отнюдь не научный интерес.

Поддаваясь внезапному порыву, Роман откровенно признался:

— Меня интересует техника вспоминания. Так что Вы абсолютно правы — цель у меня сугубо практическая. Но если окажется, что для получения результата мне понадобится продирается сквозь все эти дебри сфирот, парцуфим и Божественных Имён — я готов сутками сидеть, чтобы усвоить всё, что необходимо.

— А как насчёт шаббата, законов кашрута, соблюдения заповедей, обрезания, наконец? — лукаво спросил Мюнцер.

Роман густо покраснел. Он даже не предполагал, что может так заливаться румянцем.

— При чём тут это? — разозлился он.

— Не притворяйтесь, что Вы не понимаете. Но если Вам неприятно даже думать об этом, то почему бы Вам не заняться, к примеру, йогой? Тоже, говорят, помогает... — очень ехидно пропел Мюнцер.

— Йогой так йогой, — вконец рассвирепел Роман. — Мне без разницы. Лишь бы результат был!

— Я так и думал, — ядовито прокомментировал Мюнцер.

— Я так понимаю, что могу убираться ко всем чертям? — О, как хотелось Роману быть невозмутимым и бесстрастным, но разве у него когда-нибудь это получалось?!

— Вы безусловно можете делать всё, что Вам угодно, молодой человек. Я только не понимаю, что Вас так рассердило? Неужто Вы никогда не задумывались над тем, что любое религиозное учение неотделимо от культовой практики? Что, если Вы, например, захотите достичь высот христианской святости, то Вам придётся принять Крещение, прибегнуть к Таинствам, соединить свой дух с молитвой настолько, чтобы она стала такой же естественной для Вас, как дыхание или биение сердца. Распятую свою плоть «со страстями и похотьюми». На деле, а не на словах стать смиренным и проявить любовь к ближним и врагам реальными поступками, а не высокопарными заявлениями. И недостаточно просто прочитать Евангелие и сказать: «Мне нравится всё, что там написано!». Почему соблюдение Субботы или обрезание кажутся Вам необязательными условиями для постижения тайн Каббалы?

— Потому что я точно знаю, что они необязательны! — твёрдо ответил Роман.

— Интересно, почему Вы так в этом уверены?

— Потому что за всей этой мишурой скрываются вполне универсальные вещи. Потому что обрезание и Суббота — это символы, понимание которых важнее, чем тупое исполнение их на практике, — выпалил Роман и сам удивился — он что, действительно такой умный?

Вот уж не ожидал сам от себя!..

— Смело. Назвать мишурой то, что столетиями приводит людей к искомому духовному результату... Но в чём-то Вы безусловно правы. В каждой религии есть внутреннее ядро, содержание которого, по сути, идентично — что в исламе, что в христианстве. У иудеев есть Каббала, у мусульман — суфизм, у христиан — исихазм и мистика преподобного Серафима Саровского, Симеона Нового Богослова и Григория Паламы, у индуистов — Рамакришна Вивекананда и Шри Ауробиндо. Но, заметьте, все эти учения ценны тем, что дают ключ к давно забытому и утерянному смыслу тех самых действенных ритуалов и практик, которые Вы так решительно обозвали мишурой. Разве можете Вы без Причастия достичь полноты соединения со Христом? Или Вы в состоянии достичь Нирваны без медитации?

— А с чего Вы решили, что мне всё это нужно — нирвана, просветление, обоЖение?

— Действительно! Вот уж глупость-то я сморозил! Вы же у нас маг! И Вам нужна только сила. И что с нею делать Вы ещё не решили. Скорее всего, будете просто упиваться ею. Как наркоман...

— С какой стати Вы меня оскорбляете?

— Да что Вы! Я ещё не начинал!.. — заверил его Мюнцер. — Где Ваша Тора? — внезапно спросил он. — Дайте-ка её сюда! Я Вам кое-что покажу...

Роман послушно протянул ему свою книгу.

Раскрыв Тору, Мюнцер внезапно заговорил так быстро, что Роман автоматически переключился на другую скорость восприятия, на которой он, как диктофон просто фиксировал услышанное безо всякого критического осмысления материала. А Мюнцер всё давил своим внезапно окрепшим голосом, всё нагнетал обстановку, повышая и повышая тон, как вошедший в раж сектантский проповедник.

— Смотрите, смотрите, мой юный друг, ведь это же всё про Вас: «вэхаарец хайта тоху вавоху, вэхоших аль-пнэй техом» (2)... Посмотрите, ведь это же всё про Вас! Это Вы изгнаны из Рая. Вы жаждали стать «как Боги» и вместо этого обрели смерть. Это Вы не можете отличить Добро от Зла. Вы вместо того, чтобы с сынами Сифовыми призвать Имя Божие строите городские укрепления и создаёте различные хитрые орудия, которые безо всякого Божественного вмешательства увеличивают Вашу силу. Вы ненавидите брата Вашего Авеля за то, что его жертва приятнее Богу, чем Ваша. Вы строите Вавилонскую башню. Это Вам в данный момент грозит потоп. И как далеко ещё Вам до Исхода, до Пасхи, до освобождения из рабства! Как же должен быть сокрушён Ваш дух, чтобы Вы смиренно подставили свою шею под ярмо закона, чтобы Вы приняли Тору! Чтобы Вы жили по заповедям, а не как Ваша левая пятка захочет! Вы думаете, что первый гордо шагаете по этому пути? Вам не приходило в голову поинтересоваться, что стало с теми, кто проторил эту дорожку? Где они теперь? Почему наш мир не наводнён Богами, равнодушно попирающими прочих смертных? Ах, да! Наверное, есть миры и получше!

2 «И земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною» — Быт. 1, 2 (древнеевр.).

Сквозь странный гул в голове Роман слышал чей-то до боли знакомый голос. Он не мог разобрать слов. Стало так тошно. Паника волнами накатывала на него. Хотелось закричать, чтобы Мюнцер прекратил свои шаманские камлания. Когда это состояние достигло своей критической точки, внезапно всё оборвалось. Вспыхнуло видение...

Диск лежал посреди комнаты на маленьком изящном столике с высокими изогнутыми ножками. За узорчатыми решётками проглядывало голубое небо, яркое, как кусочки слюды в витраже. Кроме неба отсюда, из башни, не видно вообще ничего. Так и кажется, что здесь ты

один в целом мире посреди этой прохладной синевы. Но, если подойти к окну, можно увидеть внизу замощённый плитами тихий внутренний дворик с маленьким фонтаном, обведённый по периметру галереей с ослепительно белыми на солнце колоннами.

На подставке возле одного из идущих по кругу окон у распахнутой решётки стоит телескоп. Роман видит свои руки на рычажках агрегата. Он ничего не делает, просто рассеянно поглаживает блестящий металл.

— Завтра солнечное затмение, — говорит кто-то за спиной. От этого голоса почему-то переворачивается всё внутри. Это его Роман слышал всё время, когда пытался вспомнить.

Завтра затмение. Завтра...

В этом видении Роман ощущал себя очень взрослым — ну, примерно, как Руднев — уверенным в себе и властным. А тот, чей голос раздавался за спиной, был очень молод, наивен и доброжелателен. Почему-то именно эти качества говорящего пробуждали в душе лёгкое чувство вины, которое Роман безжалостно давил в зародыше. Всё должно работать и приносить пользу. Тем более чья-то преданность. А то, что этот юнец безгранично ему предан, Роман почему-то знал наверняка.

— Хочешь отказаться? — довольно грубо спрашивает он.

Раздаётся обиженное сопение.

— Тогда помолчи. — Он оглядывается, но никого уже нет. Только торопливые дробные шаги по лестнице, ведущей вниз.

Он усмехается и подходит к столику. Диск блестит на солнце — какой-то новенький и... пустой. Роман берёт его в руки. (Внезапно его кольнуло: совсем другие надписи и знаки — незнакомые). Всё получится, — удовлетворённо говорит он себе. Жаль, что не обойтись без этого молокососа. С ним столько хлопот! Как же сложно иметь дело с людьми, которым ничего от тебя не надо! С такими вот бескорыстными трепетными душами, которые впадают в чёрную меланхолию от любого не слишком приветливого слова.

Ещё раз погладив диск, он уходит. Спускается по крутой винтовой лестнице, идёт по тёмному коридору, заглядывая по дороге в сонные тихие комнаты. Обиженное юное создание обнаруживается в библиотеке. Он совсем ещё ребёнок — худой, угловатый, с чёрными, как смоль, волосами. Замер, уткнувшись в книгу. Не надо быть прозорливцем, чтобы понять, что он ничего в ней не видит. Сидит и наверняка глотает слёзы.

Роман проходит мимо, не глядя на него. Достает из выдвинутого ящика кусок желтоватого камня с вкраплениями маленьких круглых ракушек.

— Смотри, это песчаник, — он протягивает камень надувшемуся в углу подростку. — Красивый, правда?

Господи, как же просто манипулировать этим легкомысленным существом! Вот, у него уже и глаза загорелись. Как жадно глотает он каждое слово! Похоже, он считает Романа чем-то вроде божества. Мальчишка счастлив думать, что он его ученик. Роман его не разубеждает — пусть себе радуется! Но иногда ему становится совестно за свой бездушный обман. Особенно, когда он видит, с каким благоговением подросток берёт в руки книги, с каким увлечением выполняет его самые пустяковые задания, вроде просьбы вымыть колбы в лаборатории...

От непонятной жалости у Романа перехватило дыхание. Чувство ужасной вины скрутило внутренности жутким спазмом. Воспоминание сразу скомкалось и стало невнятным. Роман вынырнул в настоящее и открыл глаза. Над ним нависал внушительный нос Мюнцера.

— Ну, что? Вспомнил? — с любопытством моргнул Исаак Израилевич.

Не в силах даже пошевелить языком, Роман слабо кивнул, хотя и не был уверен, что тот обрывок прошлой жизни, который он сейчас увидел, может считаться полноценным воспоминанием.

— Вот, и слава Богу! Всегда рад помочь. Обращайтесь, — с ехидным смешком сказал Мюнцер. — Только Вы, молодой человек, в следующий раз сразу на мягкое падайте. А то мне тяжело в мои девяносто четыре года всяких глупых мальчишек от пола отскребать.

— Спасибо, — с трудом прошептал Роман.

— Да что там! Не стоит благодарности, — отмахнулся Мюнцер и прошаркал к буфету, откуда вернулся с бутылкой коньяка и маленькой рюмкой.

— Выпейте, молодой человек, а то что-то Вы совсем расклеились. — Он плеснул в рюмку немного янтарной жидкости. — Только никому не говорите, а то пойдёт обо мне слава, что я подростков спаиваю, и моя педагогическая карьера будет навеки загублена! — зафыркал он.

Роман залпом опрокинул в себя всё содержимое рюмки и чуть не задохнулся. Но в голове сразу прояснилось. Он даже смог самостоятельно подняться и сесть. Мюнцер окинул его оценивающим взглядом и сочувственно предложил:

— Давайте я вызову Вам такси. Ваш немощный вид внушает мне серьёзные опасения.

Роман изо всех сил замотал головой.

— Нет-нет-нет, не надо. Я лучше прогуляюсь! Мне... надо подумать, — смутился он.

— Понимаю. В таком случае будьте любезны позвонить мне, когда всё-таки доберётесь до дома. Чтобы я точно знал, что на свете не стало одним бестолковым подростком меньше. Я могу надеяться, что Вы выполните мою просьбу?

Роман от души рассмеялся, впервые с такой искренней благодарностью глядя на этого невыносимого старика.

— Обещаю. И если я не сдержу своего слова, на следующем занятии можете бить меня по голове указкой.

— Великолепно! — вдохновился Мюнцер. — Указку я заготовлю!

Воспоминания сыпались на Романа, как рождественские подарки из бездонного мешка Санта-Клауса. Как ни странно, все они относились к гораздо более раннему периоду, чем то, что он увидел под воздействием Мюнцера. Древняя земля нынешнего Ирана оказалась родной не меньше, чем впоследствии Палестина. Вообще, этот относительно небольшой, но необыкновенно насыщенный жизнью участок земли, именуемый в научной литературе Плодородным Полумесяцем, напоминал передовую на фронте. Жить там значило очутиться в самой гуще сражения.

Пока всё остальное человечество, расплывшее по лицу Земли, наслаждалось блаженством бурной безответственной юности, здесь происходили битвы планетарного масштаба. Оставаться при этом в стороне значило признать свою никчемность. Поэтому Роман активно участвовал в этой войне. На чьей стороне? Роман всегда выбирал себя.

Он с тоской мысленно созерцал своё былое могущество. Тайные знания, накопленные столетиями, сделали его носителем нескольких тёмных миссий и подарили ему невероятные возможности. Тот Роман беседовал с умершими, читал судьбу по звёздам, повелевал духам — и они открывали ему прошедшее и будущее, спускался в иные миры, откуда черпал силу, позволяющую управлять стихиями и насыпать болезни и прочие бедствия на целые города.

Роман поймал себя на мысли, что многое бы отдал, чтобы вернуть себе всё это богатство. Стало понятно, что заставляет его так маниакально желать СИЛЫ. Стремление найти путь к источнику этой силы, таким образом, получило вполне рациональное объяснение: он подсознательно знал о проторённой туда дорожке. А Карта должна была бы вести именно туда — разве, нет? Почему она уводит совсем в другую сторону? И какой цели служит тот — второй — рудневский проводник?

Мысль о диске, который показал ему босс, превратилась для Романа в болезненное наваждение. Есть ли смысл выполнять указания Карты, если можно просто воспользоваться проводником, который, судя по всему, приведёт его к знакомому «водопою»? И который утолит нечеловеческую жажду его страдающего духа...

===== Глава 42. Что говорят карты =====

Руднев задумчиво перетасовал карты и снова начал их раскладывать. Роману всегда нравилось смотреть, как босс это делает. Его украшенные перстнями пальцы двигались при этом ловко и уверенно, как у фокусника. Роман подумал, что Руднев, наверняка, неплохо смотрелся бы в роли карточного афериста. Но говорить ему об этом Роман не стал. Знал, что он ответит: «Разве я похож на дурака?».

Руднев не любил полагаться на удачу, и тяга Романа к бессмысленному риску ничего, кроме презрения в его душе не вызывала. Он называл это «суицидальным синдромом».

Как-то раз Андрей Константинович обмолвился, что сам он такой благоразумный, потому что у него были «хорошие учителя» и, увидев, как Роман при этом восторженно, с усмешкой добавил: жаль, что малиновые пиджаки и толстые золотые цепи на шее вышли из моды — у Романа был бы шанс получить пару уроков в школе здравомыслия. Продолжить эту тему он отказался, и Роману пришлось самостоятельно окунуться в изучение истории «лихих девяностых». Очень скоро его уже начало тошнить при одном только виде людей в спортивных костюмах, не говоря уже о малиновом цвете в принципе — не только в качестве расцветки мужских пиджаков. Он от души пожалел Руднева, которому пришлось иметь с этим дело. И совсем нехорошо ему стало, когда он сообразил, что Руднев, скорее всего, был вовсе не невинной жертвой бандитского террора, а полноправным участником этой жутковатой кадрили.

— Хочешь, на тебя раскинем? — Руднев заметил его пристальное внимание и пригласил пересест поближе. Он никогда не говорил «погадаем». «Цыганки гадают», — презрительно усмехался он.

Роману не очень-то хотелось, чтобы Руднев узнал о нём что-то лишнее. Особенно теперь. Босс виртуозно умел обращаться с картами — и с обычными, и с картами Таро, которые держал сейчас в руках — и никогда не ошибался.

— Испугался?

— Просто не хочу.

— Да ну? Иди-иди. Ты не хочешь — я хочу.

— Что ещё за новости?! — возмутился Роман. — Снова проверять меня вздумали?

— Тебе по-прежнему есть что скрывать? — заинтересовался Андрей Константинович.

— Хорошо. Давай. — Роман сел возле рудневского стола, скрестив руки на груди.

— Тебе это не поможет, — тасуя колоду, язвительно заметил босс по поводу его скрещённых рук. — Что будем смотреть?

— Что хотите, то и смотрите, — презрительно бросил в ответ Роман.

— Да? Вот спасибо! — Руднев сказал это таким довольным тоном, что Романа прошиб

холодный пот. «Идиот!» — обругал он себя. Впрочем, босс и так при желании посмотрел бы всё, что хотел. — Снимай карту, — сосредоточенно сказал Руднев и, усмехнувшись, добавил, — и не пытайся меня сбить.

— Ну, попытка — не пытка, — огрызнулся Роман, нарочно вытягивая не ту карту, какую отчаянно хотелось взять.

Руднев только ещё больше развеселился и, запихнув протянутую Романом карту обратно в колоду, сам вытащил другую, отмеченную глупым подростком. Роман в ответ испепелил его взглядом, что искренне порадовало Андрея Константиновича.

— Так, посмотрим. Что тут у нас на сердце? М-м-м... Какой-то ...блондин?.. украл твой покой... — Руднев несколько секунд озадаченно глядел на Романа, а потом расхохотался так, что чуть не смахнул весь расклад, раскачиваясь над столом в приступе смеха. — Рома, ты воистину неистощимый источник сюрпризов! — едва смог выговорить он, вытирая слёзы. — Я даже боюсь дальше смотреть.

— А Вы и не смотрите, — обиженно процедил Роман. — Вы сегодня явно не в ударе.

— А, по-моему, мне сегодня на редкость везёт. Узнать о тебе такое! Хочу тебя предупредить: мальчиком этим кто-то управляет. У него очень жёсткая внутренняя зависимость. Против своего Хозяина он ни при каких обстоятельствах не пойдёт. — Руднев смерил его насмешливым взглядом, словно приглашая поинтересоваться подробностями. Но Роман покрепче сжал зубы, чтобы не кинуться расспрашивать его о причудливых изгибах бергеровской души (и вовсе он не блондин — русые у него волосы!).

— Вам самому не смешно? — окатил он босса волной презрения.

— Очень смешно, Рома, — охотно согласился Руднев. — Я же говорил, что ты дурак. Предупреждал тебя. Теперь имею право повеселиться.

Роман пренебрежительно пожал плечами, хотя на душе у него кошки скребли.

— Вернёмся к нашим... блондинам, — Андрей Константинович, отчаянно веселясь, продолжал переворачивать карты. — На уме у нашего Романа Аркадьича забота. Шизофрения, как и было сказано... Ты Булгакова-то читал?

— Читал.

— Ну, так это про тебя. А ведь я тебя предупреждал, Рома, чтобы ты в эти игры не играл, — и Руднев помахал в воздухе картой с изображением ангела с двумя чашами в руках.

— И в мыслях не было, — на лице у Романа не дрогнул ни один мускул.

— Не было. А теперь есть, — ледяным тоном припечатал Руднев. — Картам я в любом случае больше верю.

— Что я должен на это ответить? — искренне изумился Роман.

— Ты должен упасть передо мной на колени и слёзно молить о прощении, болван! — вполне серьёзно ответил на это Андрей Константинович. — Значит так: или ты сейчас же всё — слышишь, ВСЁ — мне рассказываешь, или можешь считать этот момент официальным объявлением войны. И, уверяю тебя, даже бронированная камера тебя не спасёт, если я захочу тебя достать!

Если бы Роман и решил сейчас что-нибудь сказать, он бы всё равно не смог, потому что у него перехватило дыхание, и голос самым предательским образом пропал.

— Я жду, Рома, — терпеливо напомнил ему Руднев. — Рассказывай уже, во что ты вляпался.

— Ни во что, — хрипло ответил Роман и прокашлялся.

— Не испытывай моё терпение, — пригрозил босс.

— Я ни во что не вляпался, — твёрдо стоял на своём Роман. — Я просто хотел вспомнить. Своё прошлое.

— С чего бы это?

— Карта сказала, что я должен вспомнить.

— А для чего — не сказала? — зло прищурился Руднев.

Роман помотал головой.

— А какое отношение к этому имеет твой голубоглазый приятель? — усмехнулся босс. — Нечего на меня тарашиться. Видел я его, — сладко пропел Андрей Константинович.

— Видели? Где? — сердце у Романа внезапно перестало биться.

— У тебя в голове, придурок. Ты сам мне его сейчас показал. Ну?

Роман молчал и пульс, казалось, вёл обратный отсчёт до момента его личного апокалипсиса: десять, девять, восемь, семь... Нет сомнений, если босс доберётся до Бергера — наивного, доверчивого, беззащитного Бергера — он ему не коробку конфет пошлёт, чтобы завязать приятное знакомство. «Господин Радзинский! Что ж Вас нету, когда по-настоящему надо!» — мысленно завопил он. Не выдержав напряжения, он вскочил и пнул стул, на котором сидел.

— Не смейте его трогать! Он мне нужен! — заорал он, сметая со стола карты, — И совсем не в том смысле, что Вы тут намекаете!

— Вау! — восхитился Руднев, откинувшись в кресле. — Да ещё как нужен, как я погляжу. Рома, не стоило давать мне такие козыри в руки!

— Да какие там козыри! — начав орать, Роман уже не мог остановиться. — Что Вы там себе нафантазировали! Да я сам, собственными руками придушил бы этого уroda, так он меня достал!!! — Он схватил с рудневского стола тяжеленную статуэтку Фемиды и ухнул её об стену.

— Ремонт конторы за твой счёт. Только стёкла не бей — сигнализация сработает, — деловым тоном предупредил Руднев.

— Хватит мне указывать!!! — Роман с чувством запустил в окно чугунную пепельницу для посетителей, но немного промахнулся, и она шмякнулась об стену. Тогда он принялся расшвыривать папки с документами и сбрасывать с полок дурацкие своды законов.

— У меня ещё ствол есть, — неприязненно процедил Руднев. — Хочешь? Палить по лампочкам тоже очень приятно.

Роман плюхнулся на диван и закинул ногу на ногу:

— Не бойтесь, что я по Вам промахнусь? — зло спросил он.

— Отпусти меня, Роман-царевич, я тебе ещё пригожусь, — склонив голову на бок, елеиным голоском протянул Руднев. Получилось очень смешно и Роман, не выдержав, прыснул от смеха.

— Ладно, — сказал он. — Извините.

— Извинений мало, Роман Аркадьич. Придётся возместить причинённый ущерб. А ещё кто-то должен разобрать документы...

— Вот уж от этого увольте. Деньги можете снять с моего счёта, а с бумажками, хоть убейте, я возиться не стану, — решительно заявил Роман.

— Ошибаешься, — зловеще протянул Руднев и поднялся со своего места. — Ещё как станешь! И бумажки разбирать, и вообще делать всё, что я тебе скажу... — Он неторопливо пошёл к дивану, стараясь при этом не наступать на рассыпанные по полу бумаги. — Мальчик этот — как, бишь, его зовут? Кирилл? — очаровательный ребёнок! Но у него есть

огромный недостаток — он нереально добрый! Такой отзывчивый... Как ты думаешь, он откажется вызволить из беды своего бестолкового приятеля?

Роман только сейчас понял, что вдохнуть-то он вдохнул, а вот выдохнуть забыл. Руднев стоял перед ним, улыбаясь одними губами, и глядел на него страшными, потемневшими глазами.

— Чего Вы хотите? — прямо спросил Роман, решив, что лучше сразу выяснить, чего босс от него добивается.

— Я думаю, наши желания совпадают. — Глаза Руднева сузились. — Мне не нужна твоя помощь, как ты мог бы подумать. Мне нужно, чтобы ты просто пошёл со мной.

— Зачем? — нервно сглотнул Роман, сразу сообразив, что речь идёт о новом диске.

— Странно тебя заставлять, но, похоже, ты окончательно отравлен влиянием шайки Радзинского. Я ничего не стану тебе объяснять. Либо ты отправишься со мной, либо я возьму в попутчики твоего очаровательного приятеля. Вот и всё.

Роман даже не разозлился на этот откровенный шантаж. Он просто почувствовал себя ужасно уставшим.

— А что это Вы стоите? Присаживайтесь, Андрей Константинович, — с вымученным радушием предложил он.

— Опять хамишь? — с интересом оглядел его Руднев, усаживаясь в кресло напротив.

— А, по-моему, я очень даже вежлив, — кисло улыбнулся Роман. — Так Вы собираетесь воспользоваться проводником, который недавно мне показывали? Я правильно понимаю?

— Абсолютно верно. И мне нужен попутчик.

— Зачем?

— А вот это, Рома, тебе знать необязательно.

— Ах, ну да! У меня же нет выбора! — понимающе усмехнулся Роман. — А с чего Вы взяли, что ради какого-то непонятого приятеля я готов рисковать своей драгоценной шкуркой? Ведь если Вам не нужна моя помощь, значит, Вы просто собираетесь меня использовать. Уж не знаю, в каком качестве...

— В такие моменты, Рома, я начинаю верить, что мучаюсь с тобой не зря, — почти без иронии ответил Руднев. — Вот только происходит это нечасто.

— Вы не ответили...

— А я и не собирался. Я предупредил тебя, что намерен сделать, если ты откажешься. Хочешь прикинуться, что тебе всё равно? Давай, поиграем.

Роман низко опустил голову.

— Хорошо, я подумаю, — тусклым голосом ответил он после небольшой паузы.

— Нет, мой дорогой. Ты всё-таки не понял, — покачал головой Руднев. — Думать тебе не о чем. В ближайшие дни я разберусь со своими делами и сообщу тебе, когда приехать. Не явишься — пеняй на себя...

— Где ж Вы раньше-то были, Андрей Константинович? — с ненавистью бросил Роман. — Предложили бы полгода назад, я бы Вам ещё спасибо сказал...

— Тебя подвезти? — вместо ответа поинтересовался Руднев.

— Подвезите, — вздохнул Роман, поднимаясь и обводя взглядом разгромленный кабинет.

Руднев заметил это и усмехнулся.

— Заставить бы тебя разгребать всё это — да без толку. Мой опыт общения с психопатами подсказывает, что это только подольёт масла в огонь. Пойдём, — он

неожиданно обнял мальчика за плечи. Хотел добавить что-то, но только крепче сжал пальцами его плечо и повёл своего компаньона к выходу.

===== Глава 43. Ключик золотой =====

По пустынному, словно вымершему переулку, в котором жил Мюнцер, Роман вышел на улицу, ведущую к метро. Обычно он ходил, свободно расправив плечи, уверенной пружинящей походкой и прожигал взглядом своих непроницаемо-чёрных глаз тех беспечных прохожих, которые имели неосторожность на него взглянуть. Сейчас, потупив очи долу, он шёл так медленно, что имел возможность рассмотреть каждую трещинку на асфальте. Мимо проносились машины, взметая пыль и свалывшийся комками тополиный пух. После двух часов напряжённого вчитывания в мелкие точки и чёрточки ивритских огласовок солнечный свет больно резал глаза.

Расставшись накануне с боссом, Роман, как по волшебству, сразу перестал думать обо всём, что случилось в тот день в конторе. Руднев, похоже, что-то выключил в его мозгу, и он был теперь неспособен сосредоточиться ни на чём серьёзном. Например, сегодня он очень тепло пообщался с Мюнцером, который неожиданно оставил свои инквизиторские замашки и сразу превратился в бесконечно интересного, умного собеседника, от которого просто невозможно было оторваться. Но Исаак Израилевич, словно почувствовав его состояние, ни словом не обмолвился о том, что произошло на прошлом занятии, за что Роман был несказанно ему благодарен.

Он так и дошёл бы до дома, пребывая в состоянии лёгкой, и чем-то даже приятной прострации, как вдруг что-то знакомое мелькнуло в толпе... Боже мой, неужели Бергер? Который по легенде до осени якобы для него недоступен? Ну, сейчас разберёмся... У кого — рыбка золотая, а у кого — ключик. Не пришла ли пора выяснить, как этот Ключик работает? Да и воспользоваться уже, наконец! Грех такими подарками разбрасываться! И, слегка усмехнувшись, поскольку припомнил вдруг рудневское высказывание насчёт «блондина, который украл его покой», Роман ринулся Бергеру наперерез.

Кирилл до того был поглощён разговором с каким-то неизвестным парнем — то ли китайцем, то ли корейцем (в таких тонкостях Роман не разбирался) — что по обыкновению не видел ничего вокруг. Роман просто встал у него на пути и подождал, пока Бергер врежется в него с налёту и начнёт извиняться, медленно соображая, кого же это он только что чуть не сшиб с ног. Роман, тем временем, молниеносно, используя своё преимущество внезапного нападения, просканировал бергеровского спутника. «Спортсмен? Странная компания для ботаника»...

— Познакомься, это Алексей, мой друг, — лепетал в это время Бергер, — Алексей, это Роман, мой одноклассник...

Значит, он — друг, а я — одноклассник? Ох, и доиграешься ты, Бергер!..

— Давно ты в Москве? — не давая Кириллу опомниться, начал допрашивать Роман. (С китайцем потом разберёмся).

— Да нет. Недавно... — Бергер растерялся немного под его напором. Хлопает своими честными глазами. А китаец глядит безо всякого выражения. Как будто облака сквозь него созерцает.

— Где был?

Тут Бергер самым нахальным образом заулыбался:

— Где был, там меня нет.

Роман настолько очевидно пришёл в бешенство от этого ответа, что Бергер изменился в

лице и поспешно предложил:

— Ром, давай, пешком прогуляемся, а потом в трамвай сядем? Ты ведь сейчас домой? — Не давая Роману ответить, он повернулся к «китайцу» и, прижимая руку к сердцу, душевно с ним попрощался, выражая надежду на скорую встречу. Тот с абсолютно непроницаемым лицом вежливо поклонился и исчез в толпе, которая нескончаемым потоком вливалась в двери метрополитена. С укором взглянув на слегка пристыженного Романа, Кирилл взял его за руку и потащил за собой прочь от метро.

А он загорел. Не сильно, правда. И волосы выгорели. Где-то на свежем воздухе ты время проводил, Бергер.

— Некрасиво ты, Кир, поступил. Уехал. Ни слова не сказал. А ведь мы с тобой компаньоны. Ты же понимаешь, как я жду твоего рассказа о нашем совместном предприятии...

Кирилл почему-то остановился. Глядит на него, щурясь от солнца, которое светит ему прямо в глаза. Закрывается от слепящего света рукой.

— Вообще-то, я хотел позвонить тебе перед отъездом, — подозрительно сухо начал он. — Беспокоился, знаешь, как ты там, после таких приключений...

Замолчал. Рассматривает. На мне узоров нет, дорогой!

— Так чего ж не позвонил?

— А ты обложил меня матом — я не преувеличиваю! — и велел мне убираться из твоей жизни навсегда. Что-то в этом роде... Я, разумеется, не стал навязываться...

Так вот оно что! Верю. Настроение тогда было ни к чёрту. А ты, значит, обиделся!

— Кир, да я об этом даже не подозревал! Честно! Но я готов извиниться за того придурка, который позволил себе такую грубость в твой адрес. Я думаю, он был несколько не в себе, если ты понимаешь...

— А когда ты бываешь «в себе»? Ты всегда «вне себя», — махнул рукой Бергер, смерил его презрительным взглядом и пошёл в сторону видневшейся вдалеке трамвайной остановки.

Бедный мальчик! Оскорбили в лучших чувствах! Надо как-то затушевать это неприятное впечатление. Но сначала надо догнать...

— Бергер, ты мороженое любишь?

Улыбается.

— Может быть.

— Да я точно знаю, что ты до безумия любишь сладкое. Пойдём ко мне! Я тебя угощу. Если хочешь, мы по дороге ещё и торт купим — самый большой и самый вкусный! Заодно и поговорим о моём сложном и противоречивом внутреннем мире.

— Ты думаешь так дешево меня купить?

— Так назови свою цену. Я торговаться не стану.

— Разоришься, Шойфет. По миру пойдёшь.

— У тебя неверные представления о моей кредитоспособности.

— Это ты сейчас о чём? О своём духовном потенциале или о своём с Рудневым бизнесе?

Так. Куда-то не в ту сторону разговор уклонился. Ни к чему тебе, Бергер, такими недетскими вопросами голову себе забивать.

— Кирюш, ты от темы-то не уходи... Мои извинения приняты?

Вздыхает.

— Приняты.

Тут кстати трамвай подошёл — совершенно пустой. Тихо позванивая, медленно покатился по рельсам. В лето. В обласканный солнцем город — погружённый в грёзы, перебирающий горячие золотые лучи, как ребёнок — разноцветные камешки на морском берегу.

— Кир, а почему ты согласился на эту авантюру?

Отвечает крайне неохотно:

— Я же пытался тебя отговорить.

— Это я понял. А согласился-то ты почему?

— Ну не бросать же тебя в такой ситуации! Я же знал, что ты всё равно это сделаешь — со мной или без меня...

— Пожалел, значит?

— Слушай, Шойфет, ну что ты пристал! Ну, согласился и согласился! Ты ведь не это хочешь узнать! Спрашивай уж прямо: где у меня кнопка, чтоб в следующий раз время на уговоры не тратить!

— Хорошо... Так где у тебя кнопка?

Слава Богу! Оттаял, кажется. Развеселился...

— Попало тебе — от Аверина?

Головой мотает.

— Н-нет...

— Что, даже не пожурили?

— Даже не пожурили...

Замолчал. В воспоминания свои погрузился.

— Так. А где же ты всё-таки был?

Краснеет. Неужто такой страшный секрет?

— Мы с Николаем Николаевичем в монастырь ездили.

— В монастырь?!

Хм... Неожиданно. Мысли всякие дурацкие сразу в голову лезут.

— Зачем?

— Ну зачем в монастырь ездят!

— Откуда я знаю?

— Ну не знаешь и не надо.

Ладно. Похоже, рассказывать об этом он сейчас не расположен. Что ж — проявим деликатность, давить не станем.

— Вы что же — целый месяц там были?

— Да.

Занервничал. Да успокойся ты, Бергер! Не стану я тебя пытаться! Пока...

— Постой. А родители? Они вот так запросто тебя с незнакомыми дяденьками отпустили?

Усмехается. Плечами пожимает.

— О! Это отдельная история! Мой старший брат в этом году закончил семинарию и поступает в Духовную академию. Священником хочет стать. А Аверин с Радзинским там преподают. Меня с ними без разговоров отпускают. Хоть на край света.

— Погоди. Ну, Аверин, понятное дело, историю преподаёт. А Викентий Сигизмундович?

— Он же филолог. Тоже, кстати, доктор наук. Он древние языки преподаёт.

— А конкретнее?

Хотя всё и так уже ясно. Если я сейчас услышу «древнееврейский», разнесу этот трамвай вдребезги.

— Древнееврейский. И не надо так злиться! Он не смог бы тебе уроки давать. Он очень занят. Николай Николаевич так сказал. И ты же сам хотел с Ливановым заниматься!

— Так ты и о моих занятиях всё знаешь!

— Конечно. Наслышан о твоих успехах.

— Чудесно. Что ж я-то ни о чём не наслышан?!

— Может, потому, что ты ничем кроме себя не интересуешься?

Осторожно так спрашивает. Щас как дам в зубы! Умник... Похоже, услышал. Обиделся.

— Ладно. Проехали. А Ливанов — дай угадаю — ученик Радзинского.

— Точно. Викентий Сигизмундович тогда в ИСАА преподавал и, как он говорит, «поймал Ливанова за шиворот».

— Как это?

— Он шёл за ним следом, а Ливанов задумался и чуть в открытый люк не шагнул. Радзинский едва успел его за шиворот схватить. Правда, он на пару месяцев раньше его заметил. Ливанов был тогда на первом курсе — семнадцать лет ему было, он сам говорил — и стал ходить к Радзинскому на семинар. Очень любознательный был. А семинар был для третьего курса. Но Викентий Сигизмундович прогонять его не стал. Сделал вид, что не заметил. Но запомнил.

Как же всё интересно-то... Приметил, завлёл... А для чего? А ещё говорили, что каждый приходит к ним сам...

— А что у тебя за дела с этим китайцем?

— Он не китаец, он русский.

— Ну, я тогда тоже русский.

— А я и не спорю!

— Ох, Бергер... Так на какую же тему вы дружите с этим русским китайцем?

— На тему здорового образа жизни для ботаников.

— Самокритично.

— Николай Николаевич сказал, что я слишком хлипкий. И ещё одно такое приключение меня добьёт. Велел заниматься. Познакомил с Алексеем. Может достаточно меня допрашивать?

— Вообще-то техника ведения допроса предполагает в таких случаях усиление давления на подсудимого с целью окончательно сломить его волю и вытянуть из него побольше. И потом — ты так интересно рассказываешь! Слушал бы тебя и слушал... Но мы действительно уклонились от темы. А то ведь опять пропадёшь на целый месяц, знаю я тебя, и я рискую остаться без важной информации. Поэтому вернёмся к нашим хм... овечкам. Пока я не забыл. Ты надписи-то успел тогда прочитать на диске?

— Только одну успел. И то только потому, что она уже знакомой оказалась.

— Знакомой?

— Ну да. Это цитата была. Из «Шир хаширим» (1).

1 «Песнь Песней» — (древнеевр.). Название одной из библейских книг.

— Интересно. И что же это было?

— «Ани йешена велибби эр» (2). Дай тетрадь...

2 «Я сплю, а сердце моё бодрствует» — (древнеевр.). Песнь Песней 5, 2.

Карябает скорописью прямо на обложке. Ох, и разозлится же Мюнцер!..

— Постой, я сам... «Я сплю, а сердце моё...»

— Пробудилось. Или бодрствует. Ур — это пробуждаться...

— Почему женский род?

— Вот только не говори, что ты «Песнь песней» не читал!

Ну, не читал я. Чего сразу за голову хвататься, как будто я кастрюлю на плите забыл, или ключ от дома потерял?

— Держи, чернокнижник!

Так, интересно. Библия. Синодальный перевод. Почему синодальный? Надо будет потом спросить, что это за зверь такой...

— Читай-читай! Она небольшая...

И, правда, несколько страничек всего.

Хм... Неожиданно. Нетривиально так для канонического текста. В голове лёгкий звон, как будто само пространство и время изменились. Словно в другой мир окунулся и сразу вынырнул. И не узнаёшь ничего вокруг. Бергер так обычно смотрит, когда от книги его отрывает: как через стекло на тебя глядит...

А в трамвай так никто и не зашёл. Как будто он заколдован.

— Э-э-эм... Честно говоря, не знаю, что и сказать... Как-то всё это... далеко от духовности...

— Рот закрой.

Хорошо. Уже закрыл. Чего так нервничать? Господи, как же он на Аверина стал похож! Просто одно лицо! А взглядом так и прищипливает — чувствуешь себя бабочкой, которую булавкой проткнули.

— Почти вся любовная лирика Востока — это метафора. Духовных исканий. Возлюбленный — это Бог. И все перипетии духовного пути имеют соответствующие, скажем так, романтические аналогии. Но для тебя это — пустой звук. Насколько я понимаю...

— Ну, если так...

— Нам пора выходить.

И точно — приехали.

===== Глава 44. Разобрать или разобраться =====

Роман подошёл к изготовлению десерта для Бергера со всей ответственностью, но и с некоторой долей иронии, которая выразилась в едва заметном глазу излишестве и вычурности: разноцветные шарики мороженого он полил сиропом, сверху посыпал тёртым шоколадом и всё это украсил ягодами вишни и листиками мяты. Бергер, когда увидел всё это великолепие, просто покатился со смеху.

— Похоже на подношение для божества! Спасибо, Рома! — сердечно поблагодарил он, откладывая в сторону своё чтение.

Ну конечно, он тут времени даром не терял. Выудил откуда-то «Священную Книгу Тота» и с интересом её изучал. Устроился он почему-то на кровати: сел по-турецки, обложился книгами — в общем, за какие-нибудь десять минут полностью в романовых апартаментах обжился. Причём так ненавязчиво, что у хозяина комнаты это в общем-то не вызвало никакого протеста.

— Извини, в кресле твоём мне стало как-то нехорошо, — всё-таки счёл нужным объясниться он. — Такое ощущение было, будто кол в сердце воткнули. Еле отдышался.

Роман предпочёл это никак не комментировать, но настроение сразу испортилось.

Кирилл искоса взглянул на него, но тоже больше ничего не добавил. Ну, и слава Богу! Роман с чашкой кофе уселся на другой конец кровати, удобно устроил под локоть подушку и погрузился в меланхолическую задумчивость.

— Я вижу, что ты часто так по ночам сидишь. А кофе пьёшь чёрный и без сахара. Б-р-р, — поёжился Кирилл.

— Бергер, а почему я про тебя ничего не вижу? — вдруг зло спросил Роман. — И не надо отвечать: «А я откуда знаю?».

— Ром, но я, правда, не знаю! Ты — это ты, а я — это я. Вот и всё.

— Нет, дорогой, не всё. Давай, по порядку. Вот, был ты маленьким мальчиком... и?

— Что — и?

— Рассказывай, давай. Выкладывай о себе всю подноготную! И только попробуй что-нибудь утаить — я сразу замечу! — раздражение Романа всё нарастало.

— Но я так не могу — это слишком личное... — напрягся Кирилл.

— Забудь. Нет в твоей жизни больше ничего личного, — жёстко приказал Роман. Он затаил дыхание и сосредоточился.

— С какой это стати?

— С такой. Я так сказал. Рассказывай.

Кирилл открыл было рот, чтобы возразить, но почему-то не стал, а вздохнул и уже послушно собрался «выкладывать о себе всю подноготную», но вдруг замер, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, потом потряс головой и неуверенно засмеялся:

— Фу-у, у тебя почти получилось, Шойфет! — он посмотрел на Романа с опаской. — Ты меня почти что заставил... А я-то попался, как дурак! Знаешь что, я, пожалуй, пойду...

— Сидеть. — Роман разве что не искрился от злости. Подумать только — сорвалось! Первый раз ему удалось так плотно подобраться к этому вечно ускользающему умнику и — сорвалось! Он вскочил на ноги, отставляя чашку на прикроватную тумбочку, и посмотрел на несчастного Бергера так, что стало понятно — выйти ему отсюда просто так не удастся.

— Тише, Рома, тише. Успокойся. Я никуда не уйду, — мягко согласился Кирилл, покорно поднимая руки.

— Конечно, не уходишь. Потому что я тебя не отпускаю, — с яростью заявил Роман. — Ты без вариантов мне всё расскажешь. Мне надоело бродить на ощупь в тумане, который ты постоянно вокруг себя напускаешь! Я тебя на винтики разберу, — зловеще пообещал он. — Не выношу, знаешь ли, неясности...

— Ну, тогда у тебя будут большие проблемы, — попробовал пошутить Кирилл. — Потому что есть вещи...

— Хватит!!! — заорал Роман так, что Бергер вздрогнул. — Хватит мне зубы заговаривать!!! В этот раз тебе не удастся отвертеться!

Бергер поморщился:

— Ром, тебе кофе пить нельзя. И вообще ничего тонизирующего. Только воду. Ты такой... возбудимый...

— Я сказал, хватит!!! — Роман забрал у Бергера креманку из-под мороженого и швырнул ее на стол. — Отвечать будешь только на мои вопросы. — Он подвинул к себе стул и уселся на него верхом прямо напротив Бергера. — И в глаза мне смотри!..

Бергер усмехнулся:

— В глаза? Ну, ты сам попросил...

Николай Николаевич сидел под деревом, опираясь спиной о его мощный ствол. Глаза у него были синие-синие, как у Бергера. Наверное потому, что в них отражалось небо. Ветер перебирал его седые волосы и упавшие на лоб пряди делали его похожим на мальчишку. В его сухощавой фигуре была такая лёгкость, что никого не удивило бы, если бы он сейчас вскочил и прошёлся бы колесом. Он с улыбкой наблюдал, как Роман пытается сфокусироваться и вспомнить кто он и откуда.

— Эй-эй! Не уплывай! — добродушно усмехнулся Аверин. — Ты сказал, что не любишь неясности. Это замечательно. Но ясность достигается расширением и просветлением сознания. А ты ничего не делаешь для этого.

Романа это высказывание так задело, что внутри сразу что-то щёлкнуло, и он в один миг словно протрезвел.

— Не надо меня агитировать, — холодно сказал он, встряхивая головой. — Я догадываюсь, что Вы можете мне предложить: аскезу, покаяние и смирение. Я не поклонник подобных методов достижения цели.

— Какой там цели? Ты хоть сам понимаешь, к чему стремишься?

— А Вы полагаете, что я идиот?

— Ну что ты, Рома! Ты очень умный и талантливый мальчик. Но ты практически одновременно делаешь взаимоисключающие вещи. На мой взгляд, это говорит о том, что ты всё-таки не очень хорошо понимаешь, каким должен быть результат твоих усилий.

Наверное больше всего на свете — после повседневной рутины и наглого вторжения в своё личное пространство — Роман ненавидел философские разговоры. Он сжал кулаки и злобно процедил:

— Без Вас разберусь. Просто — отстаньте.

Аверин как-то сразу погрузнел. Пожал плечами.

— Извини. Я действительно лезу не в своё дело...

Порыв ветра пронёсся над травой, заставив её зыбиться волнами, как поверхность моря.

— Вы мне пальчиком хотели погрозить. Чтоб я Вашего бесценного Кирюшу не обижал и не пугал, — с издёвкой напомнил ему Роман.

Аверин засмеялся.

— А ты бы хотел каждый раз, когда переступаешь грань, корчиться от боли? Да, это было бы эффективней. Ты бы сразу меня зауважал, наверно. Не переживай — Андрей Константинович доставит тебе это удовольствие за нас обоих!

— А Вы Андрея Константиновича не трогайте. В отличие от Вас он меня многому научил. А Вы? В каком году Ключук-Кайнарджийский мирный договор был заключён?

Аверин секунду удивлённо смотрел на него, а потом захохотал. Он смеялся так легко и счастливо, что Роман от всей души его возненавидел.

— Рома, ты меня просто уничтожил! — потешался Николай Николаевич. — Я раздавлен!..

— Аудиенция окончена? — зло спросил Роман.

Аверин, наконец, успокоился и, вздыхая, сочувственно посмотрел на него:

— Буквально два слова — и я тебя отпущу. Поскольку насилие в моём арсенале отсутствует, а мои увещания не оказывают на тебя должного воздействия, у меня остаётся только одно средство защитить Кирилла от агрессии с твоей стороны. Если ты, ещё хоть раз, обидишь его, или по твоей вине он будет подвергаться опасности, ты его больше не увидишь. Никогда. Просто забудешь, что есть такой человек на свете. Ясно? Я не шучу.

Роман онемел — от обиды, от злости, от собственного бессилия.

— Вы... С чего Вы взяли, что можете им распоряжаться? Может у меня больше прав на него, чем у Вас? — опрометчиво выкрикнул он.

Николай Николаевич наклонился поближе, с изумлением рассматривая его:

— Ты что, решил, что тебе его... подарили? — тихо засмеялся он.

— А Вы, конечно, хотите поспорить?!

— Хочу. Ты что же вообразил, что настолько ценен для мироздания, что другого человека тебе предоставили в качестве средства для достижения твоих личных целей? Ты так это понял?

Роману стало настолько тошно, что он закрыл лицо руками и склонился почти до самой земли, так что прохладная трава щекотала его пальцы.

— Как же я Вас ненавижу, — с ожесточением сказал он, разгибаясь. — И Бергера Вашего.

— А его-то за что? — сочувственно поинтересовался Аверин.

— За компанию. Запудрили ему мозги. Пользуетесь тем, что он такой... блаженный. Нравится, что он без Вас шагу ступить не может? Ведь это он Вас сейчас позвал? А?

Николай Николаевич охотно кивнул.

— Конечно.

— Вот за это и ненавижу.

— Описанные тобой симптомы больше похожи на ревность, — понимающе усмехнулся Аверин.

Роман аж язык прикусил с досады — настолько это было верно. После того, как он узнал, что Бергер его Ключ, он действительно уже считал злосчастного ботаника чем-то вроде своей личной вещи. И Аверина в данном контексте воспринимал как конкурента. Особенно после того, что сказал ему Руднев — про Хозяина. Роман с большим трудом подавил в себе очередной взрыв негодования, отлично понимая, что учитель видит его насквозь. И показать, насколько это его задело, значило признать, что тот прав.

— Не нужен мне Ваш Бергер! Понимаете? — с отчаянием воскликнул он. — Мне нужен был Ключ!

— Я понимаю, — серьёзно кивнул Аверин. — Вот только ты ничего не понимаешь. Меня удивляет твоя неспособность трезво мыслить и сопоставлять факты. Всё, что с тобой происходит последние полгода, ты принимаешь как должное. И на всё ты говоришь себе: я подумаю об этом после. Только это «после» никогда не наступает... Руднев, криминал, чёрная магия — отлично! Тора, Мюнцер, духовный путь — замечательно! Загадочный артефакт, который знает тебя — чудесно! Одноклассник, которого восемь лет не замечал, а он, оказывается, твой Ключ — здорово! Когда, Рома, ты уже начнёшь думать?

На скулах у Романа выступил яркий румянец. Но возражать он не стал — глупо спорить с очевидным. Николай Николаевич отвлёк от него гневный взгляд, откинулся назад, и, прислонившись затылком к дереву, напряжённо уставился в небо.

— Может, тогда расскажете мне всё, — мучительно выдавил из себя Роман, — раз уж Вы сами начали...

— И не надейся, — спокойно ответил Аверин.

Роман отказался поверить своим ушам:

— Мне что — на коленях Вас упрашивать?! Ну — говорите, что я должен сделать?!!

— Ты должен вспомнить. Ты ведь и сам это знаешь — не так ли?

Роман чуть не задохнулся от ярости. В бешенстве сжав кулак, он вырвал из земли приличный клочок травы и с раздражением отбросил его в сторону.

— Это не ответ. Вам просто нравится надо мной издеваться! Я давно это заметил! Вы...

— Ты всё понимаешь так, как тебе захочется, — сухо прервал его Аверин.

— А как я должен Вас понимать?!

— Твоя жизнь висит на волоске, а ты до сих пор не вспомнил самое важное. Жизненно важное.

— Для чего Вы затеяли этот разговор?! Что ещё я должен вспомнить?

— Вот ты мне и расскажешь. Если Андрей Константинович позволит тебе задержаться на этом свете.

Роман несколько секунд приходил в себя, невидящим взглядом уставившись в потолок. Затем вдруг резко поднялся с постели. Не глядя на Бергера, который, уткнувшись в книгу, старательно делал вид, что читает (ну надо же, не сбежал!), он подошёл к письменному столу, рывком отодвинул стул, с треском вырвал из первой попавшейся под руку тетради лист, и крупно, с нажимом, написал: «Бергер, я тебя ненавижу» и поставил три восклицательных знака. Потом подумал и поставил ещё — сколько поместилось на строчке. «Я сообщил бы это тебе лично, но твоя нянька считает, что ты этого не переживёшь», — дописал он внизу. Аккуратно сложив лист вчетверо, и с особой тщательностью проведя ногтем по сгибу, Роман, скрипя зубами от злости, поднялся и, подойдя к Кириллу, вручил ему своё послание.

Кирилл с удивлением поглядел на взбешённого приятеля и развернул записку. Роман отошёл к окну.

— Хочешь что-то сказать? — с нехорошей усмешкой поинтересовался он через плечо.

— Почерк у тебя хороший, — грустно ответил Кирилл.

Роман подлетел к Бергеру, выхватил у него листок и с ожесточением порвал его на очень-очень-очень мелкие кусочки. Глядя, как бумажный фейерверк кружится между ними и оседает на ковёр, Роман подумал, что на самом деле с огромным удовольствием проделал бы всё это с самим Бергером.

Кирилл наморщил нос и неожиданно широко улыбнулся:

— Ром, ты чего?

===== Глава 45. Мир, дружба и чай с мятой =====

Чай с мятой оказался не такой уж гадостью, как Роман привык думать. Густого янтарного цвета жидкость успокаивала уже одним своим видом. Таинственное преломление солнечных лучей в золотой глубине и игра бликов на поверхности странным образом завораживали и усыпляли. Он поймал себя на мысли: вот для чего на самом деле нужен Бергер! Чтобы сочувствовать и утешать. А ещё Роман с удовлетворением отметил, что понял теперь, где у Бергера кнопка. Он не удержался и хмыкнул.

— Ты что-то сказал? — Бергер поднял затуманенный мыслью взор от груды сваленных на полу книг. Роман поспешно спрятал ухмылку в чашке и молча помотал головой.

Когда Бергер, осыпаясь клочками злосчастной записки, задал свой бесхитрый вопрос и Роман со всей ясностью осознал, что с этого самого момента по милости Аверина он теперь больше никогда не сможет в ответ надавать этому умнику по физиономии или хотя бы наорать на него, его просто переключило — от злости, обиды и отчаяния. И тогда он опустил на пол и закрыл лицо руками.

Вот тут-то и выяснилось, что главной слабостью Бергера является его безграничная доброта. Он не мог спокойно смотреть, как в его присутствии кто-то столь сильно мучается. Хотя бы и от ненависти к нему самому. И как Роман догадался потом, чем недостойней был объект, тем сильнее воспламенялась в сердце Бергера жалость и стремление помочь страдальцу. А если бы удалось ещё и зарыдать, податливость Бергера автоматически увеличилась бы вдвое.

— Почему ты прямо не сказал, чего ты от меня хочешь? — укорял приятеля Бергер, когда размякший от дружеских объятий Роман признался, по какой нетривиальной причине собирался разобрать его на составные части. — Тебе не пришло в голову, что я тоже всё знаю? И мне тоже непросто с этим знанием смириться. Но я же не бросаюсь на тебя с кулаками! Ты хоть понимаешь, что это значит для меня? — Он помолчал, видимо прокручивая в голове печальные перспективы своего дальнейшего существования в качестве чьего-то Ключа.

Они так и сидели на ковре. Рука Бергера лежала у Романа на плече, и во время разговора он настойчиво пытался заглянуть собеседнику в глаза, но тот неизменно отворачивался, потому что это было выше его сил — смотреть Кириллу в глаза после того, как устроил такую безобразную сцену.

Единственное, что могло хоть как-то утешить Романа в этой ситуации — у Бергера теперь не нужно было выпытывать что-либо — он всё рассказывал сам. Правда Роман просто кожей чувствовал, что Кирилл, как обычно, недоговаривает. Но впервые у него мелькнула мысль, что у одноклассника, возможно, есть на это веские причины.

— Я практически завидую тебе, — задумчиво покачивал головой Бергер, пустым взглядом уставившись в пространство, — барашки и беседы у костра... А я целый месяц просто боялся уснуть... Слава Богу, Николай Николаевич всё-таки сумел мне помочь. Этот человек... он всегда сидел в кромешной тьме и рыдал так, что сердце разрывалось. Я не знаю, как его описать. Лица его я не мог как следует разглядеть, но когда он поднимал голову, видно было профиль... такой выразительный, — Бергер усмехнулся и неожиданно потрогал кончик носа Романа. — Я точно знаю, что он был не старый — лет сорок, может быть. В старинной одежде. В темноте видны были белые кружевные манжеты. Мне всегда становилось так холодно, словно я умер, — Кирилл мучительно скривился и замолчал. Почему-то не хотелось рассказывать, что самым ужасным был момент, когда незнакомец бросался к нему и начинал порывисто его обнимать. И о том, какие ледяные у него были руки. И как его слёзы капали прямо на лицо. А ещё от него пахло чем-то таким... химическим. Медицинским, может быть... Но очень знакомым. Почти родным. И как хотелось что-то ему сказать, как-то утешить — так его жалко было — но язык не слушался. А когда удавалось проснуться — точнее, Николай Николаевич вытаскивал его каждый раз из этого кошмара — ещё целый час после этого его трясло так, что зуб на зуб не попадал. — И так каждую ночь, — бодро закончил Кирилл и зачем-то щёлкнул Романа по носу.

Роман удивлённо потёр кончик носа.

— Ты мог бы заставить его говорить, — хмурясь, сказал он.

— Не знаю. Это был фантом. Не реальная сущность. Понимаешь?

— Как это связано с Картой? Что Аверин сказал?

— Сказал, что это привет из прошлого. Что через этого человека я связан с тобой и с Картой.

— Со мной?

— А я тебе не говорил? — Кирилл с искренним удивлением похлопал глазами. — Николай Николаевич в тот день, когда мы совершили наш безумный вояж, сообщил мне — пока ты на подоконнике меня караулил — чтобы я не пытался от тебя отвязаться, потому что это также глупо, как делать самому себе хирургическую операцию с целью избавиться от жизненно важных внутренних органов.

— Так и сказал? — опешил Роман.

— Я передаю тебе суть, — улыбнулся Бергер.

— То есть, он сказал тебе, что ты — Ключ, ещё до того, как я отправился на поиски?!

— Нет, — засмеялся Кирилл. — Он сказал намного больше. Про Ключ тогда никто ничего не знал. Это частный аспект нашего симбиоза, понимаешь? Мы с тобой и без этой Карты в тугой узелок завязаны.

Это было уже слишком. Роман вскочил и принялся нервно кружить по комнате. Причин не верить словам Аверина у него не было. Тем более что предназначались они не ему, а горячо любимому и тщательно опекаемому Кирюше. Он едва успел привыкнуть к мысли, что придётся продвигаться по пути, волоча за собой столь громоздкий, упрямый и своенравный Ключ, как выясняется, что дело обстоит ещё хуже: они с Бергером что-то вроде сиамских близнецов и операция по их разделению совершенно невозможна. А идти-то им — в разные стороны. Получается, кто кого перетянет? Так что ли?

— Скажи, когда ты заглянул в колодец, какая там была вода? — резко спросил он, снова опускаясь на пол рядом с Бергером.

— Какая? — задумался Кирилл, вспоминая. — Она была, как хрустальная: чистая, прозрачная. И небо в ней отражалось. Голубое. А что?

— Ничего. Так. — Скрипнул зубами Роман. — Ты не рассказал, что было с тобой — там, у колодца... — прогоняя мрачные мысли, он заставил себя вернуться к выяснению всех обстоятельств этого в высшей степени печального дела.

Да, действительно, — задумчиво кивнул Кирилл, как-то подозрительно приклеившись взглядом к его лицу. Роман занервничал: что он там видит? Или слышит?

— Ты не помнишь или в чём проблема? — сухо поинтересовался он.

Кирилл вздохнул и опустил глаза.

— Проблема? Нет, никакой проблемы нет, — и Бергер тряхнул головой, возвращаясь к действительности. — Когда ты прислонился к колодцу и закрыл глаза, я почувствовал, что происходит что-то странное и понял, что надо тебя вытаскивать. Лицо у тебя было такое... страдальческое, что сомневаться не приходилось. Не успел я это сообразить, как ты начал попросту таять прямо у меня на глазах. Таким образом, у меня оставался один единственный шанс не потерять тебя из виду — это последовать за тобой. Я зацепился и... вынырнул. Перед этим я увидел Аверина. Он тащил тебя из воды... — не могу объяснить...

— Я тонул. В колодце, — меланхолично пояснил Роман.

— Тогда понятно, — покладисто кивнул Кирилл. — Ну вот. Я увидел, как тебя окружили пастухи. Детишки с большим интересом на тебя таращились. Женщины принесли одеяло. Тебя закутали и повели в шатёр.

— Не было там никаких детишек! И женщин тоже не было! — ошалело воскликнул Роман.

— Хм... — Кирилл скользнул по нему озадаченным взглядом. — Были, уверяю тебя. Возможно, ты как летучая мышь, воспринимаешь только то, на что направлен твой локатор...

— Может, обойдётся без оскорблений?! — немедленно вскипел Роман.

— Ну, прости, прости, — Кирилл с виноватым видом притянул его к себе и с чувством чмокнул в макушку.

— Спятил? — зашипел Роман, в панике высвобождаясь из его объятий. Бергера это, похоже, ужасно развеселило.

— Извини. Совершенно упустил из виду, что у тебя нет пятилетней сестры, которая постоянно трепала бы тебя, как плюшевого медведя.

— Я в любом случае не твоя пятилетняя сестра, ясно?

— Нужно быть слепым, чтобы вас спутать. Так что — да, ясно.

— Давай к делу уже! — раздражённо воскликнул Роман. Ему ужасно хотелось отсесть от Бергера подальше, но он боялся, что это будет выглядеть, как позорное бегство. Поэтому, обхватив колени руками, он вперил в своего мучителя испепеляющий взгляд, всем своим видом давая понять, что легкомысленные и глупые выходки Бергера совершенно неуместны. Может, тому станет стыдно?

Не тут-то было. Кирилл весело фыркнул и одарил его таким понимающим взглядом, что Роману захотелось провалиться сквозь землю. К счастью, Бергер вернулся к своему рассказу:

— Так вот. Тебя увели. Я размышлял, не последовать ли за тобой, но тут ко мне подошёл старец с длинной белой бородой...

— И с орлиным носом.

— М-да, — охотно согласился Бергер. И со смешком добавил, — Похоже, в этой истории другие носы и не встречаются... — Значит, я пошёл за ним. Он привёл меня в высокий белый шатёр. Там было так здорово! Светло, просторно. Полог над входом красиво развивался от ветра. Солнце просвечивало сквозь ткань — такой эффект замечательный! Я бы там навсегда остался!

«Я бы тоже», — мрачно подумал Роман.

— Старец так уважительно меня усадил, — продолжал тем временем Бергер. — Принялся угощать. Но мне, честно говоря, кусок в горло не лез, потому что я о тебе беспокоился. Тогда он сказал, что с тобой всё хорошо. Что мне не о чем волноваться... — Тут Кирилл вдруг замаялся. — На самом деле мы долго с ним разговаривали. Давай, я не буду дословно всё пересказывать, а сразу суть изложу. А?

— А если я скажу, нет?

— Ну, поверь, что в этом нет никакого смысла! Ты ничего не потеряешь, — заторопился Кирилл. — В общем, слушай. Он сказал, что ты должен был туда прийти, но это произошло слишком рано. Что ты ничего не понимаешь и ничего не помнишь, поэтому тебе придётся пройти весь путь с самого начала. Он сказал, что рисунок Карты ты придумал сам. Потому что спираль будет приближать тебя к цели постепенно и не позволит раньше времени получить то, что в противном случае тебя погубит.

Роман слушал, затаив дыхание. Он с трудом сдерживался, чтобы не вскочить и не начать метаться по комнате, биясь головой о стены. Почему, ну почему именно Бергеру рассказали всё самое важное, а с ним вели какие-то назидательные беседы?! Значит, его ощущения были верными — он сам сделал эту вещь. Проклятый Радзинский! Как он посмел забрать у него диск!

— И ты хочешь сказать, — гневно сверкнул глазами Роман, — Что за эти десять секунд, что ты потратил сейчас на пересказ вашего «длинного», как ты сам признался, разговора, ты рассказал мне всё?!

Роману не давала покоя мысль, что Бергер скрыл в этот раз от него преступно много. Помнится, когда они встретились на финише, Бергер рыдал у него на груди. Видимо, от счастья? Или это были слёзы благодарности за незабываемое путешествие? Произносить всё это вслух совершенно не хотелось, поэтому каждый свой вопрос Роман с чувством вколотил Бергеру прямо в мозг.

Кирилл слегка поморщился:

— Ром, поверь, всё остальное касалось только меня... — пробормотал он, не поднимая головы.

— Да ты что! А я так понял, что у нас теперь всё общее!

— Ещё чего, — попытался усмехнуться Бергер. — Я за твои подвиги в тюрьме сидеть не собираюсь.

— Вообще-то и я не собираюсь!

— Все так говорят...

— Так, стоп. Ты опять мне зубы заговариваешь? — мгновенно воспламенился Роман. Но разойтись, как следует, он не успел. Бергер вдруг придвинулся к нему поближе, схватил его за плечо и горячо зашептал, избегая смотреть ему в глаза:

— Ром, я тебя очень прошу, не спрашивай меня об этом. Ну, пожалуйста... Мне просто не хочется об этом вспоминать. Там одни эмоции, никакой конкретной информации. Не заставляй меня всё это ворошить...

— Тогда покажи, — безжалостно потребовал Роман.

Кирилл слегка отстранился и нерешительно переспросил:

— Показать?

— Именно. Если ты позволишь мне заглянуть в твоё сознание, — и Роман упёрся указательным пальцем Бергеру в лоб, — тебе не придётся утруждать себя объяснениями — я сам всё увижу. Ну, так как?

Видно было, что вечно погружённому в уютный туман Бергеру это предложение было сильно не по душе.

— Как я могу быть уверен, что ты не увидишь ничего лишнего?

— Тебе придётся положиться на моё благородство, — хмыкнул Роман, выразительно приподнимая бровь. Бергер испуганно сглотнул. Роман тут же поспешно сменил тактику. — Могу дать слово, что посмотрю только то, что касается твоей беседы с тем стариком, — серьёзно заверил он.

— Ладно, — вяло пролепетал Бергер. — Давай попробуем. Всё равно сам рассказать тебе это я не смогу. — Он встал и направился к креслу. — Николай Николаевич меня убьёт, — шептал он, нервно елозя затылком по кресельной обивке, пытаясь найти наиболее удобное положение для головы.

— Если узнает, — весело сказал Роман, подвигая стул и садясь на него верхом. — А теперь, мой друг, — нежно промурлыкал он, — открываем глазки...

===== Глава 46. Разговор =====

В первую очередь Романа поразило, до какой невероятной степени искренним, бескорыстным и бесконечно готовым помочь оказался Бергер в самой глубине своего существа. Это Романа настолько потрясло, что он чуть было не отправился и дальше исследовать этот уникальный феномен под названием «Кирилл Бергер». Но вовремя остановился, здраво рассудив, что глупо будет обмануть доверие трепетного ботаника именно тогда, когда он наверняка этого ждёт. Сначала надо его приручить. А уж потом

обманывать.

Честность Бергера превосходила, с точки зрения Романа, всякое воображение. Когда он говорил, что волновался за Романа так, что ему кусок в горло не лез, он ничуть не преувеличивал. Роман не поверил, а зря. Кирилл, действительно, смотрел на старца, будто сквозь туман и никак не мог сосредоточиться на том, что тот ему предлагал, пока не услышал от него заверений, что Роману ничто не грозит. Переживать так за другого человека! Крайняя расточительность!

— Я знаю, что тебя беспокоит, — звучал в сознании Бергера уже знакомый Роману спокойный тихий голос старца. — Не терзай себя — ты поступил правильно. Без тебя твой друг не смог бы сюда попасть. И найти то, за чем пришёл. Ты ведь знаешь, что он ищет Ключ?

«Конечно же он не знает! Отстань от бедного мальчика!»

А старик ещё и усмехается:

— Он тебе не сказал? Ну, конечно: он король, ты — пешка. Нелегко ему придётся, когда всё переменится...

«С чего бы это?»

— Я знаю, что мы связаны нашим прошлым, — нерешительно начинает Кирилл, и Роман, которому сейчас благодаря доброй воле наивного приятеля ясно видны его подлинные чувства, становится неловко от того, что он понимает: Бергер искренне боится спросить лишнее! — Я помню, но не всё...

«Боже мой, какая бессмысленная скромность!»

— И хорошо. Сейчас кроме лишних страданий эти воспоминания ничего тебе не принесут. Достаточно того, что твоя душа помнит.

— Я знаю, да... У меня всегда за него душа болит. Мне иногда кажется, что я бы за него даже умер, — почти шепчет Кирилл. И Роман чувствует, как у Бергера перехватывает дыхание.

Вот это сюрприз! От осознания того, что услышанное сейчас — чистейшая правда, Роману стало сильно не по себе. «Бергер, подлец, только не вздумай прослезиться! А то ведь я тоже... не сдержусь и растеряю последние остатки самоуважения. Как же я буду после этого тебя ненавидеть!».

— Ты уже сделал это один раз, — спокойно отвечает старец, и Романа словно обожгло изнутри: «Как это понимать?!». — Предоставь ему возможность теперь самому пройти этот Путь. Ты уже сделал всё, что мог. Благодаря тебе, он изменил первоначальное намерение Карты и сделал тебя Ключом своей силы.

«Господи, Бергер, сколько у тебя ещё тузов в рукаве?!»

— Он не захочет идти по Пути. — По щекам Бергера вдруг скатываются крупные слёзы. Старец садится рядом, притягивает Кирилла к себе и тот порывисто прячет лицо у него на груди.

Роману приходится наблюдать, как Кирилл молча давится слезами, а старец гладит его по волосам. От этой сцены Роман внутренне корчится, как червяк, насаженный на крючок.

— Помни, что он сам придумал рисунок Карты. Он знает себя лучше, чем ты. Если он не захочет вступить на Путь, он не получит назад свою силу. Ему придётся изменить себя. Ради желанного приза он заставит себя пройти весь этот путь шаг за шагом, постепенно приближаясь по спирали к центру. В этом случае его дар уже не сможет его погубить. Ему придётся сделать выбор. И он заранее знал, что именно выберет. Так что не плачь.

— Но он ничего не помнит, — всхлипывает Кирилл.

— Зато ты прекрасно осознаёшь свою задачу. И ты сможешь ему вспомнить. Это заставит его принять собственный вызов. Только ему надо поторопиться. Потому что у него может не хватить времени. Судьба толкает его к повторению прежней ситуации, только теперь он в ней — жертва.

Роман был настолько обескуражен этой информацией, что побоялся даже начать её обдумывать, так что она просто тихо проскользнула мимо его рассудка, не всколыхнув даже незначительной ряби на зеркально гладкой поверхности его сознания.

— Но ведь этого можно избежать! Правда?! — требовательно воззрился на старца Бергер.

Тот усмехнулся — столько пыла, столько наивной страсти было в этом вопросе:

— Предоставь его самому себе. Это его битва.

Роман почувствовал, как резануло Бергера острое ощущение бессилия.

— Но какой же тогда смысл в моей нынешней жизни?! — с тоской воскликнул он.

— Твоя жизнь тебе не принадлежит. Тебе незачем было возвращаться. Ты добровольно принял эту ношу, поэтому твой вопрос звучит в высшей степени малодушно, — без намёка на сочувствие ответил на это старец.

«Эй, полегче! Если ты опять доведёшь его сейчас до слёз, я за себя не отвечаю!».

Но Кирилл на удивление спокойно принял этот упрёк и не сказал в ответ вообще ничего.

— Всё должно было произойти иначе? Да? — вместо этого спросил он.

— Вы предполагали, что он будет зрелым человеком, — согласно кивнул старец. — Что у него будут необходимые знания. К сожалению, в данный момент он не понимает вообще ничего. И не пытается понять. Его интересует только результат. Свою новую жизнь он начал с того, что стремительно принялся восполнять объём своих утраченных специфических навыков.

— О, да! Он просто чудовище — правда?

— Правда, — улыбнулся старец.

«Ах вы, гады!» — возмутился Роман, но в глубине души остался почему-то доволен данным ему определением.

— Ему придётся пройти всё с самого начала?

— Придётся.

— Но у него ведь нет на это времени!

— Если он сделает правильный выбор, время у него будет.

Помолчали. Старец терпеливо ждал, пока Бергер соберётся с мыслями.

— Вы сказали, что я — Ключ.

— Верно.

— Почему я?

— Само Провидение подвело вас к этому решению. Всё сходилась именно на тебе.

— Он мне что-то доверил? — осторожно интересуется Кирилл.

— Он доверил тебе свою душу. Свою силу. И самого себя со всеми потрохами. В самом искреннем порыве и совершенно добровольно.

Чувства, которые захлестнули в этот момент Бергера, было довольно трудно описать. Во-первых, Роман ощутил, как горячая волна радости согрела сердце Кирилла — он был счастлив! Во-вторых, какой-то иррациональный страх — всё у него внутри замерло, как при

прыжке в воду — он боялся обрушившейся на него ответственности. И, наконец — ожидание неведомого и ужас от ощущения, почти реального видения, как что-то тёмное, беспощадное и жуткое обступает его со всех сторон, алчно протягивая щупальца к драгоценному кладу, хранителем которого он стал.

— Значит, он ждёт меня? — радостно встрепенулся Кирилл.

— Он ждёт Ключ, — охладил его пыл старец. — Не думаю, что в данный момент он будет рад узнать, что Ключ — это ты.

— Неважно, — улыбается Кирилл. — Главное, что я всё равно смогу ему помочь. Верно?

— Верно, — улыбается в ответ старец. — Пойдём, я провожу тебя туда, где он будет тебя ждать.

Кирилл бодро поднимается, он заметно воодушевлён. Но, когда они выходят из шатра в знойный простор раскалённой долины, он вдруг сникает и спрашивает негромко:

— А если он... не успеет?

— Если он умрёт, вы начнёте всё сначала, — обнимает его старец.

Роман почёл за благо закончить на этом своё путешествие в сознание Бергера и спешно покинул знакомую долину, поскольку не хотел заново переживать свою встречу с Ключом на вершине горы. И ещё меньше хотел знать, о чём думал Бергер, пока ждал его там. Он боялся, что попросту не вынесет того всплеска эмоций, которые захлестнули Бергера при его появлении среди таинственного мерцания задумчивых звёзд.

===== Глава 47. Господин в чёрном =====

— Какая же ты сволочь, Бергер, — потирая пальцами лоб, медленно выговорил Роман. — Ты ведь знал, что если просто расскажешь мне это, твои слова останутся для меня пустым звуком. Поэтому захотел, чтобы я сам всё увидел. Пытаешься мной манипулировать? На что ты рассчитывал? Что я расчувствуюсь и искренне захочу стать белым и пушистым?

Кирилл безо всякого выражения смотрел в пространство перед собой и, похоже, совсем не слушал ядовитых речей Романа. Повисла очень неприятная тишина.

— Может, удостоишь меня ответом? Или хотя бы взглядом...

«Сейчас он встанет и преспокойно удалится», — меланхолично подумал Роман. И точно — Бергер тихо встал и, не глядя на него, направился к выходу. «Интересно, заплачет или нет?».

— Стоять, — будничным тоном сказал Роман. У него почему-то не было сил повышать на Бергера голос. И даже когда Кирилл абсолютно проигнорировал его приказ и как лунатик прошёл мимо него в коридор, он не нашёл в себе сил заорать как обычно и хорошенько встряхнуть за грудки этого своенравного ботаника. Пришлось просто встать и преградить Бергеру путь, прислонившись спиной к входной двери.

— Если хочешь знать, то я помню, что изначально у меня была совсем другая цель. И эта Карта с самого начала казалась мне странной: вроде моя, но что-то не то. Как чудесно всё разъяснилось! Оказывается, это ты влез со своими благодеяниями! И что теперь? Я твой вечный должник?

— Ты ничего мне не должен, — бесцветным голосом ответил Кирилл.

— Отрадно это слышать. Однако должок, как я понимаю, за мной помимо твоего благородного бескорыстия образовался.

— А где твои родители? — неожиданно спросил Бергер.

Роман был настолько сбит с толку неуместностью этого вопроса, что машинально

ответил:

— Уехали. На море.

— А ты почему не с ними?

— О-о! Планировалось, конечно, что я тоже поеду. Но я устроил грандиозный скандал с битьём посуды, и меня сочли за благо оставить там, где я хочу. То есть, дома.

— Представляю себе, — грустно усмехнулся Бергер.

— Вряд ли. Ты ещё не испытал на себе и десятой доли моего гнева. И перестань на меня так смотреть.

— Как?

— Как побитый щенок.

Кирилл сделал слабую попытку улыбнуться.

— А можно мне где-нибудь присесть? — жалобно спросил он.

— Разумеется. А что случилось-то? — заволновался Роман.

— Кажется, я зря позволил тебе... — Бергер покрутил рукой вокруг головы. — Похоже, всё вернулось. В общем, я снова его слышу, — тут глаза Кирилла из голубых вдруг сделались чёрными — так расширились его зрачки. — Ты только не оборачивайся, — через силу прошептал он. Но Роман, конечно же, сразу дёрнулся и взглянул туда, куда с таким ужасом уставился Кирилл.

В самом тёмном углу прихожей стоял мужчина в чёрном бархатном камзоле. Длинный плащ искусно задрапирован на левом плече. Из-под плаща выглядывают высокие, отделанные кружевом манжеты. Высокомерное лицо в обрамлении вьющихся чёрных волос, небольшая борода, сверкающие тёмные глаза. Он властным жестом поднимает руку с зажатými в ней перчатками и что-то нетерпеливо говорит Кириллу.

— Это что-то новенькое, — шепчет Бергер и начинает тихонько истерично смеяться. — Он требует, чтобы я принёс ему какую-то там соль и обозвал меня безмозглым мальчишкой. — Кирилл глубоко вздохнул и расслабился. — Ну, хоть не заливает меня слезами, — глаза его счастливо блеснули. — Можешь познакомиться с моим персональным кошмаром, Рома.

Незнакомец в это время смерил Кирилла надменным взглядом, резко повернулся, взмахнув плащом, и исчез, как будто скрылся за невидимой дверью.

Роман, который привык лицеизреть и не такое, повернулся к Бергеру и, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно, спросил:

— Ну, и что в нём такого страшного?

— Теперь ничего, — с облегчением выдохнул Кирилл, прислоняясь к шкафу. И блаженно улыбнулся в ответ. — Странно. Я его почти люблю, — задумчиво пробормотал он.

Роман почему-то обиделся, хотя ему незнакомец тоже показался странно притягательным:

— Да ты всех любишь!

Кирилл только хмыкнул.

— И, кстати, почему ты решил, что это из-за меня он вернулся?

— Ну, это всегда так бывает. На тебе столько информации грязной. Я тебя пустил, а ты за собой всю эту грязь притащил. Хорошо, чего похуже не привязалось. И о чём я только думал? — Бергер поёжился. — Если ночью всё начнётся по новой, мне придётся сказать Николаю Николаевичу...

— Оставайся.

— Чего?

— Оставайся у меня ночевать, — терпеливо растолковал Роман.

— Мама не разрешит, — неохотно протянул Кирилл. — Да и зачем?

— Как, зачем? Мамошка что ли тебе поможет, если ты ночью начнёшь рыдать от ужаса?

Да она поседет, когда увидит тебя в таком состоянии!

— Не преувеличивай, — нахмурился Бергер, но задумался. — А ты чем поможешь?

— Ну, во-первых, я не испугаюсь. Ко мне по ночам не невинные фантомы обычно приходят, а вполне реальные покойники, или что похуже, как ты изволил выразиться. А во-вторых, я с тобой церемониться не стану: за шиворот и головой под холодную воду. Ты у меня живо в норму придёшь!

— Заманчивая перспектива, — уныло протянул Кирилл. — Ладно. Где телефон?

Испытывать романо́во терпение Бергер начал практически сразу. Во-первых, он категорически запретил ему пить на ночь кофе. Любовно погладив обрётённый на кухне пучок свежей мелиссы, который не так давно послужил Роману для украшения мороженого, он заявил, что не задержится в его доме ни секунды, если Роман посмеет отказать от чая с этим чудесным по своим свойствам растением. Пришлось подчиниться.

Во-вторых, Бергер вытащил из Романовых тайников все бережно хранимые им от чужих глаз книги и небрежно свалил их на полу.

— Так. Это я посмотрю, — бормотал он, подвигая к себе внушительную стопку фолиантов. — Это я вообще бы сжёг, — он брезгливо ткнул пальцем в кучу книг, сгрудившуюся в отдалении. — А это можешь обратно убирать, — и он небрежно подтолкнул в сторону ошалевшего одноклассника неустойчиво-высокую «башню» из пыльных томов (и как она не рухнула?).

Роман и здесь сдержался и терпеливо принялся рассовывать книги по местам, периодически спотыкаясь о Бергера, устроившегося со своим чтением на ковре прямо посередине комнаты. Но он не смог скрыть своего недовольства, когда ближе к полуночи Бергер вдруг заявил, что не ляжет спать в соседней комнате, и Роману, который к тому времени уже усиленно зевал и с трудом держал открытыми слипающиеся глаза (чудеса! — неужели это мята так волшебна на него подействовала?), пришлось тащить из гостиной застревающее в дверях раскладное кресло-кровать, чертыхаясь, разбираться с этим чудом инженерной мысли, а потом ещё помогать Бергеру устилать постель, потому что в одиночку справиться с пододеяльником этот ботаник никак не мог!

Напоследок Кирилл совершил глубоко возмущившее его открытие: дескать, нет у Романа в доме ни одной иконы (кто бы мог подумать?!) и как он будет читать вечерние молитвы? Хорошо, хоть карманный молитвослов это привередливое недоразумение зачем-то всегда носило с собой, а то ведь и это стало бы заботой гостеприимного хозяина. Собрав в кулак остатки терпения, Роман нашёл энциклопедию живописи и ткнул Бергера носом в репродукцию занимавшей целый лист Богородичной иконы. После чего тот, наконец, успокоился и замолчал. Поколдовав над ней немного, (коммерческий характер издания, видите ли, искажил энергетику священного изображения), он установил энциклопедию на письменном столе Романа и, нетерпеливо махнув рукой, чтобы тот отвернулся, погрузился в чтение вечернего правила.

Роман, конечно, отвернулся к стенке и закрыл глаза, но он и затылком прекрасно видел, как безобразные сущности, наполнявшие его комнату, словно мячики отскакивали от

Бергера, когда он отмахивался от них, как от надоедливых насекомых.

Когда Кирилл последний раз перекрестился и поднялся с колен, он вздрогнул и сдавленно вскрикнул, встретившись взглядом с Романом, который, приподнявшись на локте, с большим интересом разглядывал его в упор.

— С ума сошёл! Я думал, ты спишь давно. И я просил не таращиться на меня!

Не позволив сказать больше ни слова, Кирилл погасил свет, быстро скинул одежду и забрался в постель.

— Спокойной ночи, Шойфет, — сонно пробормотал он, зевая.

— Спокойной ночи, — ухмыльнулся в ответ Роман. — Приятных сновидений.

===== Глава 48. Все части пазла =====

Проснулся Роман оттого, что Бергер осторожно, но довольно настойчиво тряс его за плечо. Заметив, что он открыл глаза, Кирилл прижал палец к губам и потянул его за собой. Плохо соображая спросонья и не слишком хорошо ориентируясь в окружавших их сумерках, Роман позволил Бергеру вести себя, куда тому заблагорассудится. Сон окончательно слетел с него, когда они остановились перед знакомой массивной дверью и Бергер надавил на неё, заставляя распахнуться перед ними.

Диск, как и прежде, лежал на столике посередине. Только разглядеть его теперь было непросто, потому что сейчас здесь была ночь. Тысячью глаз с угольно-чёрного южного неба смотрели крупные, как алмазы, звёзды. Роману захотелось устроиться за телескопом, привычным жестом покрутить рычажки и забыть обо всём, созерцая эту красоту. Но тут он почувствовал, что продрог. Чёрт! Опять он босиком и в пижаме! Холодные каменные плиты, которыми был вымощен пол в башне, крайне навязчиво напомнили Роману об этом факте. К счастью Бергер как раз схватил его за рукав и потянул к винтовой лестнице, ведущей вниз.

В коридоре было темно и тихо. Если здесь и были люди, они явно спали. Нет, из-под одной двери всё-таки пробивается свет. Роман хотел открыть её, чтобы заглянуть внутрь, но Бергер остановил его, воздевая руки к потолку и делая большие глаза, словно был крайне поражён его глупостью. Он крепко схватил Романа за руку и через мгновение они уже оказались внутри.

В камине горел огонь. В комнате никого не было. Точнее сначала Роману так показалось, но потом он заметил, что на высокой лестнице, прислонённой к уходящим под самый потолок книжным полкам, кто-то сидит, почти не шевелясь, как зачарованный над книгой, и только иногда коротко вздыхает, когда приходится переворачивать страницу. Уже знакомая паника волнами начала захлёстывать Романа. Хотя рядом с неизвестным стоял на полке фонарь, Роман никак не мог разглядеть не то что лицо, но даже его фигуру. Он опять обнаружил, что, непонятно почему, слёзы застилают ему глаза, и нездешняя тоска сдавливает сердце. Некоторое время Роман боролся с нахлынувшей на него болью, но вскоре всё вокруг расплылось, скрытое туманной завесой солёной влаги.

Однако Бергер не позволил ему, как обычно отступить и проснуться. Он сильно встряхнул Романа и зачем-то подул в его мокрое от слёз лицо. Странно, но в голове сразу прояснилось, как будто этим дуновением Бергер поделился с приятелем своей энергией. Роман увидел, что на лестнице с книгой на коленях сидит тот самый подросток, которого в прошлый раз ему помог увидеть Мюнцер. И тут Роман вспомнил всё. А самое главное — как работает Карта. И для чего ему нужен был этот ребёнок. И понял, зачем Руднев собирается взять его с собой.

Чтобы беспрепятственно спуститься вниз и вернуться обратно, нужно заплатить. Нужен

человек с высоким уровнем магической силы, но при этом достаточно наивный, чтобы его можно было туда заманить. И оставить. В качестве платы.

Роман предсказуемо проснулся весь в слезах и уставился в потолок, пытаясь вернуть себе душевное равновесие самым простым способом, который приходил ему при этом в голову: вдох-выдох, вдох-выдох — и не думать больше ни о чём. Весь ужас некогда содеянного просто раздавил его. Стало понятно, почему что-то внутри него так не желало вспоминать. Почему было так больно от этого доброжелательного детского голоса. А ещё стало ужасно тошно от рудневского предательства — не то чтобы он его в чём-то обвинял... Ведь он бы сам точно также поступил на его месте. Верно?..

Бергер сидел на своей постели, завернувшись в одеяло, и глядел на Романа совершенно больными глазами.

— Почему ты не спишь? — вяло поинтересовался Роман.

— Ты звал меня, — твёрдо ответил Кирилл.

— Ясно. — Спорить совсем не хотелось.

— И давно тебе это снится? — тихо спросил Бергер.

— Ты... тоже видел? — поразился Роман.

— Видел. Я тебя туда и отвёл. Если ты помнишь.

— Погоди, — Роман поднялся и ушёл в ванную. Некоторое время он просто стоял, склонившись над струёй воды, потом умылся и вернулся в комнату.

Бергер уже оделся и теперь пытался сложить кресло, борясь с непослушным механизмом. Роман подошёл и молча помог ему.

— Ну, рассказывай, — потребовал Кирилл, когда бездушное устройство совместными усилиями было побеждено.

— Отстань, — с тоской попросил Роман.

— Не отстану. Это же не просто сон. Это воспоминание. Это мостик к нашему прошлому — общему, между прочим.

Эта мысль почему-то до сих пор не приходила Роману в голову. Ведь прошлое-то, выходит, у них с Бергером действительно — общее. Именно оно их и связывает. Хотя без бергеровской подсказки он много чего ещё не смог самостоятельно сообразить. Например, снова отправиться в тот сон, где впервые увидел диск. Или не торчать, как дурак, всё время в башне, а просто взять и спуститься по лестнице.

— Сначала напои, накорми, а потом и расспрашивай, — вспомнилась присказка, которой всякие царевичи обычно отвечали надоедливой Бабе-Яге. — Надеюсь, ты не забыл, где кухня?

— А ты не спутал меня со своей мамой? А, Шойфет?

— Моя мама и без дополнительных вербальных стимулов кудахчет вокруг меня день-деньской, так что не знаешь куда деваться. Поэтому ответ отрицательный. И не вздумай сварить на завтрак овсянку — я вылью её тебе на голову.

— Ты просто хам, — мрачно констатировал Бергер, решительным шагом направляясь в сторону кухни.

На столе Романа ждал дымящийся посыпанный зеленью омлет, горячий тост с сыром и — Бергер сварил ему кофе! С ума сойти — как будто мама приехала...

Бергер всё ещё был обижен, но произведённым эффектом остался доволен. Наливая себе чай, он признался-таки:

— Я просто у тебя спросил, чего ты хочешь. Так что — никакой мистики...

Роман, взявшийся было за вилку, дико расхохотался.

— Ты сам-то себя слышишь — «никакой мистики»... Ты хоть представляешь, как обычные люди живут? Мы с тобой для них мутанты!

— Спасибо за «мы с тобой», но... Я должен сказать тебе одну вещь, Рома, которую, как я вижу, ты не очень хорошо понимаешь. Мы все «обычные». Других людей не бывает.

Роман поморщился, как от зубной боли:

— М-м-м, Кира, я тебя умоляю! Эти амёбы с зачаточным сознанием, которых ты пытаешься мне в компанию навязать, не вызывают у меня ничего, кроме омерзения. Я с этими уродами должен брататься? Не дождёшься. И... просто, оставим эту тему!.. — и Роман мрачно принялся за еду.

— Не слишком любишь думать? Да? — искоса взглянул Кирилл. — И всё-таки: твои родители — они кто? Тоже «уроды»?

Роман чуть не подавился:

— Ты же меня понял! Это подло с твоей стороны!

— Не можешь ответить?

— Ладно, — сдался Роман. — Отвечаю. Общение с близкими людьми — я имею в виду формально близкими — со временем порождает иллюзию их частичной сознательности. Которая, правда, рушится, стоит посильнее надавить. Но чувство самосохранения и здоровый эгоизм удерживают нас от этого неразумного шага.

Кирилл погрузился и ничего не ответил. Так что Роман смог спокойно доесть свой завтрак, радуясь про себя, что так успешно нейтрализовал приставучего ботаника.

— А посуду мыть будешь ты, — с вызовом заявил Бергер, когда с завтраком было покончено.

— Да ради Бога! Я не гордый, — пренебрежительно фыркнул Роман.

Бергер с возмущением уставился на него, но сдержал рвущийся с языка язвительный ответ, и вместо этого принялся грызть яблоко.

— Давай поговорим, наконец, откровенно, — вздохнув, предложил он, когда Роман вытер руки и убрал посуду в шкаф.

— Не могу поверить! — ехидно воскликнул Роман. — Градус доверия неуклонно ползёт вверх?

Кирилл недовольно поморщился, но промолчал, задумчиво покачивая за веточку идеально обточенный его ровными белыми зубами огрызок. Роман не выдержал и, выхватив останки яблока из кирилловых пальцев, раздражённо отправил их в помойку.

— Я так понимаю, заставить меня вспомнить ты мог и месяц назад? С той же лёгкостью. Правда? — сдержанно поинтересовался он, снова ополаскивая руки.

— Наверное. Я не знаю, Ром, — пожал плечами Кирилл, поднимая на него свои ясные глаза.

Вот и попробуй тут усомниться в честности обладателя такого кристально чистого взгляда.

— Допустим. Допустим, что мы оба пешки. Тогда — другой вопрос: какие инструкции дали тебе относительно моей персоны Аверин с Радзинским?

— Инструкции? Ты что, с ума сошёл? — изумился Кирилл. — Мы что здесь — в шпионов играем?

— Хорошо, — терпеливо сжал зубы Роман. — Зайдём с другой стороны. Они ведь

говорили с тобой обо мне? Так? И что же именно они тебе обо мне говорили?

— Да ничего особенного...

— Бергер, лапочка, — с чувством прошипел Роман, нависая над испуганным Кириллом и хватая его за грудки. — Ты ведь сейчас пошутил?! Да?!

— Ты мне рубашку порвёшь, — сдавленно прошептал Кирилл, до глубины души потрясённый применением к себе грубой физической силы.

Роман, опомнившись, поспешно разжал пальцы и даже пригладил руками смявшуюся ткань. В висках стучало, и липкий страх тихонько заполз за воротник: он только что нарушил аверинское условие и возможно в следующую секунду о существовании Ключа у него не останется даже воспоминаний.

— Извини, погорячился, — усмехнулся он, усаживаясь рядом с Бергером на диванчик и довольно фамильярно обнимая его за плечи. И даже заботливо поправил смятый воротничок. — Ты только не обижайся, ладно? — И он изо всех сил постарался ласково улыбнуться, но, к сожалению, тот злобещий оскал, что он в результате изобразил, не обманул бы даже самого доверчивого ботаника на свете.

— Ладно, — тем не менее, покладисто согласился Кирилл, не сводя с него глаз.

— Вот что ты сейчас делаешь?! — рявкнул Роман, осознав, что Бергер не просто разглядывает его.

— Слушаю. — Кирилл удивился так, будто речь шла об очевидном. — Так проще, Ром. Про себя ты яснее выражаешь свои мысли. Не фильтруешь, что сказать, не хитришь.

Первым порывом Романа было вскочить и закатить дикую истерику, переколотив в процессе всю посуду на кухне, но Бергер приложил палец к губам и серьёзно сказал «т-с-с», и вся злость вдруг куда-то испарилась. И он остался смиренно сидеть рядом с Кириллом, покорно глядя в его правдивые голубые глаза.

Наконец, Бергер, нахмурившись, опустил голову. А потом вдруг положил свою ладонь поверх руки Романа всё ещё лежавшей на его плече.

— Шойфет, — проникновенно сказал он, пытливо вглядываясь в его драматически напряжённое лицо, словно вылепленное излишне страстным и нервным ваятелем, — Шойфет, ты ведь не пойдёшь к этому маньяку?

— Ты что не понял? — глухо спросил Роман. — Если я не пойду, он тебя заберёт.

— Глупости, Рома. Я не вещь, чтобы меня забирать. Это примитивный шантаж. Ты показал ему, чем тебя можно зацепить, вот он на этом теперь и играет.

— Он не играет, — покачал головой Роман, и чёрные глаза его опасно блеснули. — Он всю жизнь посвятил поискам этого проводника. И он на всё пойдёт — даже убьёт, не задумываясь — ради достижения своей цели. Поверь, я видел Руднева в работе. Я знаю, что он за человек.

Кирилл задумчиво прикусил губу. И вдруг ахнул так, что у Романа чуть сердце не остановилось.

— Это же тебя я весь месяц видел! Шойфет! Этот господин с выразительным профилем — это же ты!.. — выкрикнул он, хватая его за плечи. — Я вспомнил, потому что... Я же видел себя с книгой! И коридор, по которому мы шли — я по нему бежал! И библиотека эта...

Роман осторожно попытался освободиться из бергерова захвата, но только сильнее оказался стиснут впившимися в него пальцами Кирилла. Бергер смотрел на него безумным взглядом и всё продолжал трясти, поскольку слов для выражения своих мыслей он явно не

находил. А через мгновение и самому Роману стало всё равно — трясут его или нет, потому что он тоже внезапно понял, что за открытие так подкосило Бергера.

— Ты хочешь сказать, что ты и этот ребёнок... что это тебя я... убил? — с усилием выдавил он, отказываясь верить в такой поворот дела.

— Да не убил! Какой же ты бестолковый! Ты... не успел. Я сам воспользовался проводником, без тебя! Чтобы изменить направление! Я знал, что ты собираешься сделать! Я знал — понимаешь? А ты не догадывался! — Бергер замолчал, задохнувшись от накативших на него чувств, а потом вдруг принялся гладить обалдевшего Романа по волосам и по лицу, а затем и вовсе притянул к себе, сжав до хруста в костях.

— Бергер... — сдавленно прохрипел Роман, выворачиваясь. Погибнуть от удушения в объятиях внезапно сошедшего с ума одноклассника ему не хотелось. — Ты всё-таки ненормальный... Чему ты радуешься? — хрипло спросил он, глотая слёзы и обещая себе, что этой сцены он Бергеру никогда не простит.

— Так странно видеть тебя ...живым, — всхлипнул вдруг Кирилл и Роман понял, что они сейчас разрыдаются — оба.

— Бергер... — предостерегающе начал он, но по лицу Кирилла уже катились крупные слёзы. А через секунду он рыдал у Романа на плече, а тот изо всех сил крепился, чтобы не разреветься самым позорным образом. Но получалось плохо. Точнее, совсем не получалось...

Бергер оживлённо щебетал и счастливо смотрел на Романа сияющими голубыми глазами. Роман вяло следил за его перемещениями по кухне и всё пытался совместить в сознании два одинаково пугающих образа: Бергера — с недавних пор кошмара всей своей жизни и того мальчика, каждое воспоминание о котором сопровождалось виртуальным ударом под дых. И Роман уже знал, что в ближайшем будущем его ждёт: он не сделает ни малейшей попытки помешать Рудневу использовать себя в качестве расходного материала. Надо только нейтрализовать Бергера — с его-то энтузиазмом!..

— А китайцы чай выдерживают годами, — радостно вещал между тем Кирилл, наливая в заварочный чайник кипяток. — Эти прессованные брикеты они хранят десятилетиями, приберегая для какого-нибудь важного случая. Например, в качестве приданого к свадьбе дочери. Шойфет, а ты бы обрадовался, если бы у тебя появилась сестрёнка? — ослепительно улыбнулся он, ставя перед Романом чашку.

— Ты это сейчас к чему? — с трудом разлепил губы Роман. Он был совершенно опустошён тем эмоциональным взрывом, который практически разнёс его на молекулы полчаса назад.

— Ну, я полагаю, что где-то через полгода твоя жизнь круто изменится, и ты больше не будешь центром Вселенной для своей мамы, — уклончиво ответил Кирилл, с иронией наблюдая, как у Романа от удивления округляются глаза. — Когда мы прошлый раз столкнулись с ней в коридоре, я увидел...

— И ты до сих пор молчал?! — изумился Роман.

— Хм... Шойфет... Как-то не до этого было. Ты не находишь?

— Ладно. Проехали, — пробормотал Роман, закрывая лицо руками и бессильно роняя голову на стол.

— Ну что ты, Рома, — Кирилл немедленно уселся рядом и принялся гладить его по волосам. — Всё к лучшему. Вот увидишь...

— Я НЕ сомневаюсь, — раздражённо ответил Роман, распрямляясь. — У меня к тебе будет одна просьба...

— Конечно, Ром. Говори.

— Исчезни, а? Из моей жизни. Навсегда. Видеть тебя не могу...

Отличный удар! Бергер замер, как будто ему в спину вонзили кинжал и, с трудом справляясь с мимикой — казалось, что все мышцы его лица вдруг разом вышли из-под контроля — не с первого раза, но сумел-таки выговорить:

— Как хочешь... — он хотел ещё что-то добавить, но у него не получалось справиться с непослушно прыгающими губами, он только бестолково жестикулировал, потом зачем-то нервно поставил свою чистую чашку в мойку и, спотыкаясь, вышел из кухни, а через секунду и из квартиры.

Роман уговаривал себя не двигаться с места. Он внушал себе, что избавиться от Бергера необходимо. Для его же блага. Что если Кирилл не прогнать, он смешает все карты. Что это не человек — а стихийное бедствие... Бросаясь следом за этим ходячим недоразумением, он твердил себе, что совершает большую ошибку. И пока он искал ключи, которые не помнил, куда бросил вчера, и когда никак не мог попасть ногами в кроссовки, и когда запирали за собой дверь, он убеждал себя, что пожалеет, о том, что так быстро сломался.

Когда он, наконец, выбежал на улицу, он просто остолбенел: Бергер сел в машину к Рудневу. Босс захлопнул дверцу со своей стороны, и машина резко тронулась с места.

«Мы столкнулись на лестнице», — услышал он спокойный голос Бергера у себя в голове. «Не делай ничего. Вернись в квартиру и жди. Пожалуйста».

===== Глава 49. Развязка роковая =====

Резкий стук двери заставил вздрогнуть гулкую тишину подъезда. Даже зелёный лиственный полумрак за окнами встрепнулся от этого бесцеремонного грохота. Бергер, глотая слёзы, полетел по лестнице так, что дробный стук его шагов не поспевал за ним. С разбегу ткнувшись в шедшего навстречу человека — твёрдые пуговицы на рубашке чувствительно резанули инстинктивно выставленную вперёд ладонь — он зарделся от стыда и поспешно пробормотал слова извинения. Но когда он хотел сделать шаг в сторону, чтобы пропустить вперёд жертву своей невольной грубости, он ощутил, как две сильных мужских руки крепко схватили его за плечи.

— Кирилл, если не ошибаюсь?

Натолкнувшись на острый взгляд зло прищуренных глаз, Кирилл мгновенно провалился в объятия безмятежности — так любая агрессия не могла его достать. Николай Николаевич был в своё время очень обрадован, обнаружив у него эту естественную способность погружаться во внутреннее безмолвие практически без усилий.

— Мне кажется, мы незнакомы, — ровным голосом ответил Кирилл, обдавая собеседника синим пламенем своего честного взгляда.

Мужчина усмехнулся:

— Чистой воды недоразумение. Нас просто забыли друг другу представить. — Тут он поглядел поверх бергеровой головы и прислушался. — Пожалуй, нам лучше найти более удобное место для разговора. Ты как считаешь?

— Извините, я спешу.

— И я бы на твоём месте спешил, — криво улыбнулся тот. — У твоего друга осталось очень мало времени...

Кирилл размышлял всего пару секунд.

— Идём.

Садясь в машину, он успел краем глаза заметить остолбеневшего у подъезда Романа. «Не делай ничего. Вернись в квартиру и жди», — приказал ему Кирилл. И кротко добавил: «Пожалуйста».

— Куда мы едем? — вежливо осведомился Бергер, когда они выехали со двора.

— Ко мне, — весело ответил Руднев, глянув на него поверх солнечных очков. — Я не часто пускаю в дом гостей, но ты — особый случай. Признайся, ты ведь меня узнал!

— Да, Андрей Константинович, я Вас узнал, — неохотно ответил Кирилл, как замороженный наблюдая за россыпью крохотных радужных искр, разлетающихся по салону, когда Руднев поворачивал руль. Похоже, этот золотой перстень с аккуратным бриллиантовым треугольником он выбрал для такого солнечного дня очень удачно.

— Замечательно. — Руднев тряхнул волосами, глянцевито блестящими на солнце, как диковинный текучий чёрный металл. Стала заметна закреплённая на его ухе гарнитура для мобильного телефона.

— Вы зря его там оставили, — Бергер мотнул головой в сторону оставшегося позади дома. — Он сделает какую-нибудь глупость.

— Кто? Ромка? Не беспокойся. Он побоится. Сначала он мне позвонит.

Телефон словно ждал этой реплики.

— Да? Здравствуй, мой мальчик. — Руднев брезгливо сморщился, будто съел лимон, пережидая пока иссякнет поток негативных высказываний в его адрес. — Как ты его терпишь? — прошептал он, бросив сочувственный взгляд в сторону Кирилла, и пробормотал, — Ненавижу психопатов!

Наконец гневный голос затих, и заговорил Руднев:

— Учти, я всё запомнил. Особенно про «самовлюблённого ублюдка» и «бездушную тварь». Теперь послушай меня. Ты знаешь, что мне нужно. Если ты откажешься, тебя заменит твой приятель. Да, я в этом не сомневаюсь. Заткнись. У тебя есть один час. Через час, но не раньше, подъезжай ко мне домой. Опоздаешь — пеняй на себя. Я ждать не буду. Да, в половине двенадцатого. Дыши глубже, мой хороший. Всё. Чао!

— Давайте не будем ждать, — мягко произнёс Кирилл, когда Руднев сбросил звонок. Андрей Константинович даже не взглянул в его сторону. — Пожалуйста. Вам же всё равно. А я готов пойти с Вами. Меня не придётся уговаривать. А он не станет. Потому что он знает всё. Про то, как работает проводник.

— Не будь идиотом. Мне не нужны такие враги, как Радзинский, — раздражённо бросил Руднев. И нельзя было понять, насколько поразила его эта неприятная новость о досадной осведомлённости юного компаньона.

— Если у Вас всё получится, никакой Радзинский Вам будет не страшен, — Кирилл как будто даже улыбнулся, печально следя за своим похитителем кроткими голубыми глазами, словно изливающимися на собеседника тихий прохладный свет.

Они как раз стояли на светофоре, и Руднев имел возможность, вытаращив глаза, секунд тридцать дивиться на чудо под названием «Бергер».

— Ты уговариваешь меня? По-моему, это нонсенс.

— Ничего подобного. Просто Вы не знаете духовных законов.

— Это ты не знаешь, что любой закон можно обойти. Впрочем, ты ещё ребёнок, да и голову тебе задурили основательно...

— Неправда, — азартно возразил Кирилл. — Обойти можно только тот закон, который руководствуется формальными критериями, а их всегда можно фальсифицировать. В духовном мире всё очевидно и возмездие — естественное следствие неправильного использования энергии. Оно не зависит ни от чьего произвола.

— Солнышко, когда ты говоришь о духовном мире, ты забываешь, что он неоднороден. Поверь мне, существует бесчисленное количество миров, куда рука правосудия не дотягивается. И не надо со мной спорить, — Руднев слегка повысил голос, видя, что Кирилл намерен возразить. — Я знаю, о чём говорю, потому что я был там и видел это.

Бергер притих:

— Я тоже видел. Только совсем другое.

— Я не собираюсь подвергать сомнению твой духовный опыт, — снисходительно заметил Руднев. — Просто укажу тебе, что он ограничен. Вот и всё.

Бергер какое-то время сосредоточенно смотрел перед собой, а потом выдал:

— Вы передёргиваете. Творец для всех миров — один. Этого Вы не станете отрицать? А значит и закон — один. Тот факт, что существует ещё и зло, этого не отменяет. Послушайте, — Бергер нетерпеливо взмахнул рукой и поморщился, предупреждая возможные возражения Руднева. — Ваш духовный опыт является частным случаем моего опыта, а никак не наоборот. Моё знание включает в себя Ваше в качестве одного из аспектов, а Ваше знание никак не может на это претендовать. Сказать, почему?

Руднев изумлённо поднял брови, хотел что-то ответить, но только покачал головой и засмеялся.

— Не надо. Мне уже приходилось слышать нечто подобное. И откуда вы только такие берётесь на мою голову! Благодетели...

— О! Я его вижу! Вашего ...хм... «благодетеля», — радостно воскликнул Кирилл. — Это Ваш друг?

— Хватит! — разозлился Руднев. — Это не твоё дело. — Его брови сдвинулись, прочерчивая лоб вертикальной морщиной, а около рта обозначилась глубокая, идущая вниз складка, отчего рудневское лицо сразу постарело лет на десять. — Знаешь, — помолчав, честно признался он, — я бы предпочёл иметь дело с тобой, а не с Князевым, Но на моём пути почему-то всё время встречаются одни лишь безумно талантливые психопаты. Поговорить не с кем, — вздохнул он.

— А Вы со мной поговорите, — серьёзно предложил Кирилл. — Поверьте, мне есть, что Вам сказать. Я вижу все дефекты Ваших оболочек. Я точно могу сказать, в чём Ваша проблема. Вот здесь и здесь, — он неожиданно приподнялся на сиденье и положил одну ладонь Рудневу на грудь, а другую на макушку, отчего тот вздрогнул и дёрнул руль. — Там всё чёрное.

— Пристегнись немедленно, — в бешенстве прошипел Руднев.

— Извините, — Бергер опустил обратно на своё место, торопливо пристёгиваясь ремнём безопасности. — Так вот из-за этого поток не может просочиться дальше вниз, — с опаской поглядывая на Руднева, осторожно продолжил он. — Я даже вижу сущность, которая забирает Вашу энергию. Которая внушает Вам те жуткие мысли и чувства, которыми Вы руководствуетесь.

Руднев нахмурился.

— Можешь не продолжать. Я прекрасно знаю, что это такое. Это мой Помощник.

Бергер ахнул:

— Так Вы сами подключили себя к нему? Андрей Константинович! Вы же взрослый человек! Как Вы можете называть его помощником?! Он же живёт за счёт Вас. Он Вами манипулирует. И Вы не в состоянии это осознать именно потому, что Вам не хватает на это энергии.

— Чтобы что-то получить, надо что-то отдать. Разве нет?

— Он заберёт Вашу душу. Как только Вы окажетесь там. Вы же не верите в бескорыстную привязанность этих существ?

— С сожалением должен констатировать, что ты, золотце, ничего в этом не смыслишь. Он зависим от меня в гораздо большей степени, чем я от него. Точнее, я от него вообще никак не завишу. Я его Хозяин. И хватит об этом.

— Но ведь Вы же не видите, а я это вижу, — рассердился вдруг Бергер. — Там у Вас, — он показал пальцем на грудь Руднева — просто дыра. — Он отвернулся и хмуро уставился в окно.

— Ты что — обиделся? — недоверчиво спросил Руднев, спустя пару минут холодного молчания.

— Нет, — сухо ответил Бергер, но головы не повернул.

— А, по-моему, обиделся.

— Нет. Я никогда этого не делаю. Обижаться, значит желать человеку зла. А это не в моих правилах, — отрезал Кирилл.

— Да ты просто Ангел, как я погляжу, — хмыкнул Руднев. — А вид у тебя всё равно обиженный.

— Какая Вам разница, какой у меня вид? — огрызнулся тот.

— И то, правда! — ехидно согласился Руднев. — Сиди себе, дуйся. Не лопни только.

Кирилл некоторое время держался, но всё-таки прыснул от смеха. Потом благодарно блеснул глазами:

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Рудневу было приятно, что напряжение так быстро развеялось. А чтобы Бергеру не взбрело в голову продолжить обсуждение щекотливой темы, он решил немного его отвлечь. — Ты не против, если я музыку включу? Сразу предупреждаю, что предпочитаю джаз. Так что, если у тебя другие вкусы...

— Нет-нет, я тоже могу слушать музыку часами. Несмотря на то, что окончил музыкальную школу, — засмеялся Кирилл.

— Фортепьяно? — понимающе усмехнулся Андрей Константинович.

— Оно самое.

Руднев немного помолчал. На губах его появилась лёгкая улыбка, возвращая лицу прежний цветущий вид.

— Сочувствую. Я тоже прошёл через этот кошмар. Только моя история гораздо драматичней: моя мама была учительницей музыки. До сих пор не могу заставить себя прикоснуться к инструменту.

— А зря. У Вас определённо есть способности, — внимательно взглянул на него Кирилл. — И внешность у Вас такая ...артистическая. Вы бы имели успех.

— Эй-эй! — возмутился Руднев. — Не смей копаться у меня внутри!..

— Простите, — густо покраснел Кирилл. — Это как-то само получилось. Я стараюсь не делать этого специально. Смотрю только то, что мне показывают...

— Да я уже отметил твою неземную скромность, — снова усмехнулся Андрей

Константинович. — Боишься шагу ступить без благословения? Как это знакомо...

— Боюсь, — серьёзно ответил Кирилл. — Потому что я точно знаю, что Промысел всегда мудрее и предпочитаю быть безупречным орудием в его руках.

— Чтобы «не навредить»?

— Чтобы не навредить...

Остаток пути салон наполняли чудесные звуки джазовой музыки — отстранённой, летящей, пронзительной и неровной. Кирилл закрыл глаза. Перед ним неотступно стоял жуткий образ рудневского ручного беса. Кирилл чувствовал, как ненависть и злоба этой сущности концентрируются на нём самом. Что она воспринимает его как угрозу. Кирилл напрягся. Когда он понял, что эта гадость намерена ревниво кинуться на него, «оберегая» Хозяина от неподобающего соседства, он инстинктивно выбросил в неё недюжинный заряд энергии и призвал свою защиту. Увидев, что Руднев при этом коротко вздохнул, как будто ему всадили нож в сердце, и ткнулся лбом в руль, он сделал то единственное, что пришло в этот момент в голову: как следует размахнулся и рассёк соединявшую Руднева с помощником толстую чёрную нить. Уродливая тварь с завыванием провалилась в тёмную бездну. А мгновение спустя автомобиль налетел на препятствие. Бергер запомнил, как ремень, которым он так своевременно, благодаря Андрею Константиновичу, пристегнулся, с силой вжал его тело в сиденье, и как с громким хлопком, по-боксёрски больно захватив в челюсть, раскрылись подушки безопасности, осыпая его подозрительным порошком, после чего с размаху ударился затылком о спинку кресла и благополучно отключился.

===== Глава 50. Сколько лет, сколько... =====

— Ру-уди-и...

Хм... Похоже, это сон. Знакомый голос слишком строго и даже требовательно, без привычного веселья, вытягивает его на поверхность незнакомой реальности: вокруг тихо пищат и мигают непонятные приборы, и боль такая, что невозможно вздохнуть...

— Руди, хватит упрямиться. На меня посмотри!..

Перед удивлённо распахнутыми глазами возникает лицо, которое нельзя спутать ни с каким другим. И немного безумные глаза такие... как вишни... влажно блестят совсем близко.

— Да, это я. И я с бородой. Спасибо, я знаю, что мне идёт. Да не дёргайся ты! У тебя два ребра сломано!

— Кис...

— Вообще-то — Евгений Алексеевич, но тебе, так и быть, я разрешаю подзывать меня, как домашнего питомца. Цени мою доброту.

— Где...

— В реанимации. Ты забыл, что я высококвалифицированный реаниматолог? Представляешь, я только месяц назад перевёлся в эту больницу, а тут такая потрясающая встреча! Ты лучше расскажи, как ты до инфаркта докатился... Эй! Отвечать не обязательно! Это был риторический вопрос!

— Мальчик...

— Всё в порядке с твоим мальчиком! Ну, почти... Сотрясение мозга, гематомы, вывих челюсти, по-моему... Он, кстати, уже приходил тебя навестить — из палаты сбежал, представляешь?! — и много интересного мне поведал... Что это мы так нахмурились? Не парься. Никаких новых компрометирующих твою блистательную персону фактов он мне не добавил. Просто честно признался, что стал невольной причиной дорожно-транспортного

происшествия. Поскольку именно из-за его решительных действий ты потерял сознание за рулём. Не начинай! У меня от твоего занудства аж скулы сводит. Я и сам прекрасно знаю, как аккуратно ты водишь, и что по твоей вине никогда бы ничего подобного не случилось. Кстати, было приятно, что мальчик меня узнал. Оказывается, ты всё-таки обо мне помнишь... Да! Тут ещё один мальчик прибежал — злой, как чёрт. Всё убить тебя порывался. (С ним я тоже заочно оказался знаком). Но я резонно ему заметил, что в бессознательном состоянии ты вряд ли получишь удовольствие от процесса. Договорились, что сначала я тебя на ноги поставлю, а потом уже он будет тебя убивать.

— Телефон...

— Обойдётся. И кому это ты собрался звонить? Секретарше что ли своей? Так я её уже оповестил. На визитке был номер. Я, честно говоря, думал, что ты на работу ехал, вот и решил предупредить... И потом, я же знаю, что у тебя больше нет никого... Приходила, плакала тут в уголочке. Я ей валерьянки накапал и домой отправил... Ну всё! Хватит болтать! Пора заняться твоим лечением. И запомни: ещё хоть один звук, и я заклю тебе рот пластырем! Ферштейн? Ну вот и отлично!..

===== Глава 51. Дом, в котором... =====

— Ну что, ты убедился, что он спит? — устало спросил Аверин.

Роман мрачно смотрел на ангельскую физиономию мирно спящего Бергера и не знал, плакать ему или смеяться. Взгляд его остановился на огромном кровоподтёке, который красовался на шее Кирилла.

— Это от ремня безопасности, — пояснил Николай Николаевич. — Под одеждой не видно, а так он целиком отпечатался. Жуткое зрелище — можешь мне поверить. Зато рёбра целы...

Роман глотнул ртом воздух, чувствуя себя невыносимо жалким, сентиментальным идиотом, который — не первый уже раз за этот день! — готов разрыдаться в присутствии свидетелей.

— Ба! Шойфет! — раздался за их спинами низкий бархатный голос Радзинского. — А что это мы так расклеились? Губы белые, руки дрожат... Нет, голубчик, так не пойдёт. Коль, я заберу этого страдальца? — шепнул он, наклоняясь к Николаю Николаевичу через плечо.

— Буду очень тебе благодарен, Викентий, — усмехнулся Аверин, бережно отводя в сторону свесившиеся ему на лицо длинные волосы Радзинского. — И денька хотя бы три из дома его не выпускай, ладно?

— Как скажешь, Николенька! — как-то хищно хмыкнул Радзинский. — Три, так три...

Он развернул к себе Романа, хлопнул перед его лицом в ладоши, отчего между ними словно взорвался фейерверк. Пока Роман без единой мысли в голове наблюдал, как перед глазами кружатся и опадают разноцветные ленты серпантина, Радзинский ловко поймал три розовых ленточки, молниеносно заплёл их в косичку, придерживая кончики зубами, и осторожно повязал эту верёвочку вокруг головы Романа. Потом успел подхватить ещё одну, неуловимыми движениями пальцев придав ей форму цветка, и аккуратно прижал раскрытой ладонью к его груди — как раз напротив сердца.

— Гламурненько, — хохотнул он, любуясь плодами своих трудов. Аверин, схватившись за его рубашку, тихо загибался от смеха рядом.

— Чего?! — не выдержал Роман, переводя с одного на другого непонимающий взгляд.

— Да отлично всё! Не паникуй! — Радзинский провёл рукой у него над головой, скрывая следы своего творчества. — Всё просто супер, Ромашка! Жизнь прекрасна! Так,

Николаша?

Роман шагнул в крепко настоявшуюся тишину и полумрак, прорезанный почти осязаемыми солнечными лучами, и замер. С каждым глотком здешнего воздуха в него вливалось небывалое умиротворение. Блаженное, правда совершенно бездоказательное ощущение, что все вокруг его бесконечно любят, согрело истерзанное сердце и прочно поселилось в душе непреложной истиной. Мелькнула, правда, напоследок мыслишка, что опять он, похоже, спит, а вовсе не наяву стоит сейчас в знакомой избушке напротив остывшей и безмолвной на этот раз печки, чья поверхность расписана горячими солнечными пятнами, которые не хуже увеличительного стекла проявляют все неровности шершавой побелки. А охвативший его иррациональный восторг, что уж тут скрывать, как-то подозрительно связывался в сознании с теми розовыми ленточками, что так ловко нацепил на него Радзинский. Он даже видел розовое сияние у себя в груди — именно от него было так тепло и сладко — и розовые всполохи перед глазами. Но какое всё это имело значение, когда на душе так хорошо и спокойно?

— Вы здесь на самом деле живёте? — с интересом спросил Роман.

Радзинский, который, поигрывая ключами, всё это время очень внимательно за ним наблюдал, перестал, наконец, его рассматривать и отправился открывать окна.

— Это дом моего Учителя. Я с ним много времени здесь провёл. Подолгу жил тут. А теперь окончательно сюда перебрался. Для моей работы в городе слишком много помех: столько информации в воздухе толчётся! Электромагнитные поля там всякие, а я, как ты понимаешь, имею дело с очень тонкими материями... Да не стой ты в дверях! — прикрикнул на него дед, скидывая свои ботинки. — Сейчас умоемся и обед будем готовить. Ты кроме бутерброда что-нибудь съедобное можешь изготовить?

— Да я и бутерброд-то, наверное, не сумею, — хмыкнул Роман.

— Да ну? Классический маменькин сынок, значит, — хохотнул дед. — Ничего, Ромашка, сейчас мы это исправим! Запомни: приготовление пищи — это самая настоящая магия. А ты ведь у нас практик! Так что у тебя точно получится...

Через некоторое время Роман в симпатичном фартучке в голубой горошек довольно ловко резал кольцами лук — в точности так, как показал ему Радзинский — и с трудом сдерживал смех, слушая рассказы деда о забавных случаях из его богатой переводческой практики. Здесь в пристройке на летней кухне, где ленивый ветерок приятно обвевал разгорячённое близостью плиты лицо, все кулинарные запахи приобретали особую сочность и какой-то новый вкус. Вне всякого сомнения — Роману тут нравилось!

— ...и тогда, изнывающий от непривычной жары архиепископ, купил себе сандалии и сразу повеселел. Являемся мы на встречу. Всё, вроде, хорошо. Владыка ведёт себя с редким достоинством, поражает всех своей эрудицией, очаровывает смирением и мудростью. Все договорённости, так сказать, достигнуты... Прощаемся. И тут наклоняется к нему секретарь и, указывая на сандалии, ехидно так говорит: «Считаю своим долгом предупредить Вас, Владыко, что у нас в такой обуви ходят только сутенёры». Епископ смотрит на меня — мол, переводи! Я делаю самое серьёзное лицо и говорю: «Завидует. Он-то упарился уже в ботинках!». Владыка, естественно, самым невинным образом рассмеялся и ласково отвечает: «Завидовать нехорошо». Что я с чистым сердцем и перевожу. Можешь себе представить выражение лица этого доброхота!..

Роман хохотал, одновременно смагивая с ресниц слёзы, выступившие на глазах от

едкого лукового запаха. Словно и не было сегодня утром жутких открытий, страшных хладнокровных решений, напрочь сносящих крышу переживаний и бурных истерик напоследок.

— А почему мы так много готовим? Кто-то ещё придет? — блаженно прищуриваясь на солнце, поинтересовался Роман.

Он сидел в плетёном кресле под уже отцветающими липами, и тонкий, сладкий запах липового цвета оведал его с каждым легчайшим дуновением ветерка. Радзинский настаивал, чтобы после обеда Роман отправился в дом отдыхать, или устроился бы с книжкой в саду, но тот был непреклонен и теперь под руководством деда старательно заворачивал фарш в виноградные листья и плотно укладывал долму в огромный железный казан.

Радзинский одобрительно окинул взглядом ровные ряды аккуратных зелёных комочков и рассеянно кивнул:

— Приедет-приедет...

Сам он, водрузив на огонь тонкий металлический лист, до черноты обугливал на нём целые баклажаны, потом ловко снимал с них горелую шкурку и мелко рубил оставшуюся мякоть. Своей очереди на экзекуцию дожидались помидоры и сладкий перец.

— Зачем это? — удивился Роман.

— Она обязательно должна пахнуть дымом, — сосредоточенно разделявая очередной «синенький», охотно откликнулся Радзинский.

— Она?

— Сырая икра. Тебе понравится. Это Николая у нас к острому равнодушен...

— Да мне кажется, что он вообще к еде равнодушен, — добродушно хмыкнул Роман.

— Вот здесь ты прав! — от души захохотал Радзинский. — Постоянно приходится следить, чтобы он «не забыл» поесть. Знал бы ты, как он ловко зубы заговаривает по утрам! Не успеешь оглянуться, а Коля уже у двери одетый стоит: «А я позавтракал...». Ага! Чаю без сахара выпил...

— Давно вы знакомы? — любопытствовал Роман.

— Лет тридцать, наверное... Нет, больше! — мгновенно посерьёзnel Радзинский.

— А... Вы ведь старше? — стрельнул Роман любопытным взглядом.

— На семь лет.

— Значит, вряд ли вы вместе учились, — вслух прикинул Роман.

— Хочешь узнать, как мы познакомились? — понимающе ухмыльнулся Радзинский.

— И как же?

— Зима в том году очень снежная была, — Радзинский покончил с баклажанами и, пока помидоры шипели и лопались на раскалённом железе, принялся мелко крошить лук. — И когда всё это начало таять, улицы превратились в реки. Ну, дальше всё просто: мчался я на своём «москвиче», Коля — не знаю, откуда он выскочил — но обдало его водой из-под колёс с головы до ног. Я сдаю назад, выскакиваю прямо в лужу — весь такой смущённый и виноватый, а Коля стоит посреди тротуара и во все свои тридцать два зуба лучезарно мне улыбается — счастливый такой! И это притом, что у него и с волос капает, и пальто насквозь водой пропиталось.

— А дальше? — настойчиво потребовал Роман, когда, спустя пару минут, понял, что продолжения не последует.

— Дальше? — поразился его наглости дед. — Ну, ты и любопытный, Ромашечка!

Дальше — закрытая информация. — И он отправил измельчённые помидоры в миску с баклажанами.

— Не доверяете, значит, — скорбно прошептал Роман, всем своим видом демонстрируя горькое разочарование.

Радзинский, судя по всему, его актёрскими талантами не впечатлился.

— Причём тут доверие? Ты про деликатность что-нибудь слышал, парень? Хотя, о чём это я, — ехидно хмыкнул он, косясь на Романа. — Нашёл, кого спрашивать... Ладно. Дальше у нас нашлось множество общих интересов. У Коли защита была на носу, а я к тому времени давно уже кандидатскую защитил. Хотя он историк, а я филолог, всё равно я многое мог ему подсказать. Нам нравились одни и те же книги, нас волновали одни и те же вопросы... Подружились мы. Доволен?

Роман молча кивнул, хотя его несколько не удовлетворили эти общие слова. Просто в голове у него уже вспыхнула картинка: тихая узкая улица (или двор?), сумасшедшее весеннее солнце, безумно галдящие в кустах воробьи, грязный, подтаявший снег на газонах, и повсюду вода — гладкая, как зеркало — а в ней — угол белой пятиэтажки, опрокинутые деревья с голыми пока ещё ветками и синее небо в просветах между ними. Неприлично молодой, можно сказать — юный, аспирант Аверин с весёлым недоумением оглядывает щедро забрызганное грязью пальто и свои мокрые пальцы, с которых стекает вода. А лицо у него при этом такое одухотворённое — глаза сияют...

Аверин доверчиво позволяет снять с себя пальто, которое отправляется на заднее сиденье автомобиля. Оживлённо кивает, с благодарностью принимая чистый платок... Но что-то жёсткое, стальное мелькает в глубине его глаз, когда он уже в машине окидывает изучающим взглядом своего нового знакомого. Когда он через силу улыбается, морщась от сигаретного дыма и задумчиво пытаясь разогнать его рукой.

— Вы курите?! — не поверил Роман. И тут же чуть не прикусил язык, поняв, что проговорился.

Но Радзинский не разозлился, как ни странно. Только вскинул голову и рассеянно глянул на Романа, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Тогда же и бросил вскоре: Коля не выносит табачного дыма...

— Э-э-э... Ясно.

— За неимением мацони будем использовать в качестве основы кефир, — спокойно продолжил тем временем Радзинский, принимаясь крошить чеснок и зелень для соуса. — Где холодильник, помнишь?

— В смысле — кефир принести?

— В сообразительности тебе не откажешь...

Роман не стал препираться: с рекордной скоростью выполнил поручение и выжидательно уставился на деда. Тот, посмеиваясь, покачал головой.

— Ну чего ты ещё от меня ждёшь?

— А дальше? Больше ничего не расскажете?

— Нет. Что увидишь — всё твоё, — ехидно прищурился дед и, залив долму водой, водрузил казан на плиту.

===== Глава 52. Товарищество с безграничной ответственностью =====

Ближе к вечеру дом и сад начали потихоньку заполняться людьми. Сначала на дорожке, ведущей к калитке, появился Аверин: уставший, рассеянный, тихий. Радзинский перехватил друга на полпути к дому и повёл к крыльцу, заботливо поглаживая его по спине. До Романа

донеслись низкие раскаты дедовского смеха и его радостный голос, вещающий приятелю что-то неразборчивое. Пока Роман со смутным чувством тревоги глядел им вслед, сзади незаметно подошёл Ливанов, нагруженный какими-то свёртками и пакетами.

— Шалом. — Взгляд у него был виноватый, но улыбка — слишком лукавая. — Поможешь? — Ливанов кивком головы указал Роману на свою ношу.

Роман нахмурился и безразлично пожал плечами.

— Муван (1). Просто выложи всё на стол. Я мигом: переоденусь, и мы разберёмся со всем этим. — Ливанов бодрой, энергичной походкой направился к крыльцу, взлетел по ступенькам и скрылся за дверью.

1 Понятно — (иврит).

Вернулся он и правда очень быстро, ловко повязал фартук и принялся уверенно отдавать Роману чёткие команды. Весь последующий час Роман то мыл в десяти водах виноград, то старательно тёр сыр и измельчал орехи, которые затем тщательно распределял по поверхности тонкого армянского лаваша, чтобы посыпать всё это сверху мелко нарезанной зеленью. Рулет Ливанов, оторвавшись ради этого от мангала, скатал сам, нарезал его на кусочки и отправил ненадолго в духовку.

— Может, ещё фаршмак сделаем? — подмигнул он, встряхивая кудрями.

— Ненавижу рыбу, — мрачно отозвался Роман.

— Слушай, Шойфет, а на кого ты не обижен? — вдруг широко улыбнулся Ливанов.

Роман от неожиданности чуть не отхватил себе полпальца: он чистил картошку — первый раз в своей жизни — и любые волнения в таком тонком и важном деле были сейчас для него лишними. Он яростно сверкнул чёрными глазами и, гордо подняв свой царственный нос, надменно отчеканил:

— Вас не должно это волновать. Я думаю, будет правильно, если Вы сосредоточитесь на тех конкретных проблемах, которые касаются непосредственно нас двоих.

— Потрясающе, Шойфет! — восхитился Ливанов. — А на «бис» сможешь?

— Вы меня кинули, — игнорируя насмешку, припечатал Роман обвиняющим тоном.

— Да, брось! — Ливанов покровительственно потрепал его по волосам. — Есть же у тебя совесть! Я думаю, ты прекрасно понимаешь, что отсутствие полной информации не может позволить тебе сделать правильный вывод относительно моих поступков.

— И по чьей же милости я практически ничего не знаю? — прошипел Роман.

— Ром, — Ливанов взял его за плечи и проникновенно заглянул в глаза, — ну я же обещал, что, как только мы встретимся, я тебе всё расскажу! Я не виноват, что ожидание затянулось. Босса своего слишком догадливого благодари.

При упоминании о Рудневе Роман помрачнел и опустил голову. Он так и не разобрался до сих пор, зачем рвался утром в реанимационное отделение: то ли убить шефа, то ли убедиться, что с ним всё в порядке.

— Здравствуйте, молодой человек! Искренне рад Вас видеть, — раздался за спиной надтреснутый голос Мюнцера.

Роман вскочил с табуретки и поспешно вытер руки о фартук.

— И я очень рад, — чистосердечно заверил он, пожимая тонкую старческую руку. — Когда Вы приехали? Я не видел, как Вы входили.

— А вот, мальчик нас с Колей привёз, — Мюнцер ласково улыбнулся Ливанову. — Я Вас, честно говоря, тоже тогда не заметил. Мне только сейчас Викентий сказал, где Вас искать. Однако не буду вас отвлекать, молодые люди! Вы в отличие от меня тут делом

заняты... — И Мюнцер неторопливо удалился по направлению к террасе.

— Мальчик?! — тихо фыркнул Роман, с недоумением глядя древнееврейскому чуду вслед.

— Да для него и Николай Николаевич — мальчик, — старательно сдерживая смех, прошептал в ответ Ливанов. — Он только так у Радзинского и справляется: «как там наш мальчик?» — об Аверине.

— А как же он меня тогда называет? — поразился Роман.

— Ребёнок. «Как там дела у ребёнка?»...

Роман не выдержал и захохотал. Ливанов с удовольствием разделил его веселье. Пока они дружно всхлипывали от истерического смеха, у калитки остановилась солидная чёрная машина, из которой вышел сурового вида дяденька в строгом костюме. Внимательно оглядевшись по сторонам, он открыл заднюю дверцу и помог выбраться на свет Божий какому-то важному, холённому господину в очках.

— Ба! Гоша! Чего ж без мигалки-то?! — раздался насмешливый голос Радзинского: Викентий Сигизмундович вальяжно шагал по дорожке навстречу гостю.

— Да тут мигалкой только гусей пугать! — махнул рукой чиновный господин, обнимая подошедшего деда.

Пока они дружески похлопывали друг друга по спине, подъехала ещё одна машина. Подтянутый мужчина с коротко стриженными седыми волосами присоединился к тёплой компании у калитки. Следом за ним из того же автомобиля, зевая и протирая сонные глаза, выбрался Женечка Панарин.

Роман вздрогнул и с тревогой взглянул на Ливанова.

— Всё в порядке, — заверил тот. — Вот этот, седой — он главврач той больницы, где Панарин теперь работает. Они с Радзинским, по-моему, ещё со школы знакомы.

А народ у калитки всё прибывал. Откуда-то подошли две женщины: одна — маленькая и тоненькая — в длинной-предлинной юбке и тщательно повязанном платке, из-под которого выбивались волнистые седые волосы; другая — высокая, в светлом брючном костюме, с короткой, но при этом женственной стрижкой. Они пришли под руку, как будто гуляли и случайно проходили мимо.

Радзинский любезно целовал дамам ручки, распахивая перед ними калитку, когда рядом заворчало такси. Как из волшебного сундука — не хватало только клубов бутафорского дыма — из него появился худой и мрачный тип в расстёгнутой на груди чёрной рубашке. Смуглое лицо с тонким, хищным носом и густые чёрные волосы выдавали в нём кавказца. Он сделал знак шофёру и тот извлёк из багажника целый ящик вина. Бутылки солидно звякнули, развеселив окружающих.

Как среди гостей появился почтительный и сдержанный «китаец» Алексей, Роман пропустил. И откуда взялась смешливая темноглазая женщина с целой корзинкой пирогов он тоже не заметил. И ещё с десятков незнакомых колоритных личностей просочились в сад совершенно незаметно. Откуда-то принесли столы и стулья, развесили на ветках китайские фонарики и спрятали матовые светильники в траве. Правда, было ещё светло, и вся эта иллюминация ждала своего послезакатного часа.

От присутствия всех этих людей было странное ощущение — как будто воздух вокруг сгустился. Роман закрыл глаза: в голове гудело, сильно давило на виски, сердце словно стиснула горячая ладонь. Кто-то заботливо подвинул ему кресло, взял его за руку и стал нежно поглаживать большим пальцем запястье.

- Сейчас пройдёт, — уверенно шепнул ливановский голос.
- Пройдёт — что? — мрачно поинтересовался Роман.
- Избыток энергии на тебя давит. Скоро привыкнешь.
- А надо? — попробовал пошутить Роман.
- Ну, это тебе решать! — серьёзно ответил Павел Петрович.

Когда исчез Ливанов, сунув ему в руки стакан с минералкой, Роман не заметил. Но долго скучать в одиночестве ему не пришлось.

— Привет. Меня зовут Чика. Чингиз. — Перед креслом остановился тот самый «факир», который так эффектно подкатил с ящиком вина на такси. Он был старше Ливанова: жилистый, не улыбочивый и слегка опасный. Глядя на него, Роман ощутил бодрящий выброс адреналина.

— Роман. — Он встал, чтобы пожать протянутую руку, но едва их ладони соприкоснулись — рывок — и они вдвоём стоят перед невысокой кирпичной стеной.

— Я просто хочу тебе показать, — намётанным глазом быстро оценив степень готовой к применению романовой агрессии, примирительно сказал Чингиз. — Смотри.

Роман проследил за движением его руки и увидел простирающийся за оградой сад. Поблизости не было высоких деревьев: вдоль вымощенной белыми плитами дорожки росли сотни розовых кустов — преимущественно алых. Через секунду Роман обнаружил, что они уже идут по направлению к белоснежному мраморному павильону, в центре которого журчит золотой фонтан в виде чашечки какого-то красивого цветка — то ли лотоса, то ли всё той же розы.

Ступив под своды этого сооружения, Роман засмотрелся: разноцветные, похожие на северное сияние всполохи скользили по гладким белым стенам, высоким колоннам, отражались в хрустальных струях тихо поющей воды.

— Что скажешь?

— Чего-то не хватает, — пробормотал Роман и тут же снова увидел под ногами траву, позлащённую вечерним солнцем, и покачивающийся перед самым носом красный китайский фонарик.

— Извини. Я должен был убедиться, — лаконично объяснился Чингиз и мгновенно ретировался.

— Он тебя не напугал? — Сзади тихо возник Аверин и участливо приобнял Романа за талию. Глаза учителя вдохновенно сияли совсем как в том воспоминании, которое Роману удалось подсмотреть в голове у Радзинского. Роман даже загляделся: такое одухотворённое было сейчас у Аверина лицо, и каждая чёрточка как будто тонкой кисточкой прописана, как на иконах.

— Скорее разозлил, — сдержанно ответил Роман.

Аверин тихонько фыркнул:

— Рудневская школа!.. — и отпил чего-то искрящегося из высокого бокала.

— Может, Вы объясните, чего он от меня хотел?

— Скорее всего, он предлагал тебе своё знание. Я краем уха слышал, что тебе оно показалось недостаточным? Ничего удивительного! Суфийский путь не для тебя...

— Он суфий?

— Он ученик. Очень преданный ученик. Кешу с наставником Чингиза связывают давние и крепкие дружеские отношения. У него вообще довольно много друзей среди мусульман:

арабов, иранцев, сирийцев, кавказцев... Я думаю, тебе, как и Ливанову, следует уделить особое внимание этому направлению. Пойдём к столу! — он потянул Романа туда, где раздавались голоса и весёлый смех.

Роман послушно последовал за ним, попутно отмечая, как необыкновенно молодо выглядит этим вечером Аверин: в белых брюках и синем приталенном пиджаке, без галстука, с вольно расстёгнутым воротничком рубашки он смотрелся вообще юношей. Внезапно Роман понял: на Аверина тоже влияет скопление в одном месте ...хм ...кого — магов? экстрасенсов? Только он, в отличие от Романа, купается в этом ощущении, как дельфин в водах ласкового моря и никакой избыток энергии на него не давит.

— А все эти люди... что именно их связывает? — подал голос Роман.

Аверин беззаботно рассмеялся.

— Если бы это было так легко объяснить! — Он остановился под вишней, в листве которой прятались мелкие зелёные ещё ягоды, и помолчал немного, поглаживая пальцем бокал. Лицо Аверина в бронзовых бликах заходящего солнца завораживало своей скульптурностью. — Когда мы с Кешей познакомились, — с улыбкой продолжил учитель, внимательно изучая при этом взглядом каждую чёрточку лица собеседника, — нам казалось, что мы с ним одни такие в целом свете. Мы, знаешь, как друг за друга держались! Я бы скорее согласился, чтобы мне руку отрезали, лишь бы его не потерять!..

Роман слушал, боясь лишний раз выдохнуть, чтобы не спугнуть непривычную откровенность Аверина — или он всегда был такой? Просто Роман и не общался с ним толком...

— Рано или поздно духовная практика подводит человека к порогу, переступив который, он обнаруживает сотни, тысячи таких, как он, — светясь от ничем не замутнённого счастья, продолжал Николай Николаевич. — Вот ты спрашиваешь, что нас всех связывает. И, наверное, подразумеваешь существование некой организации. Увы! Ничего, что напоминало бы масонскую ложу или тайный орден... Понимаешь, любая организация имеет тенденцию вырождаться. Всегда. Но сознательным людям не нужны внешние стимулы и формальные рамки, чтобы выполнять свою работу.

— Какую работу?

— Есть Промысел. Понимаешь? Чем безупречнее мы его выполняем, тем чище результат. Достигший определённого развития человек уже не делает ничего по своему почину. Каждый действует в рамках своей миссии, выполняя свою жизненную задачу. Но от того, справится ли он, зависит и общий итог.

— А как узнать, какой он — Промысел?

— Расти, Рома, — тихо засмеялся Аверин. — И всё узнаешь. Я имею в виду духовный рост, конечно.

— Ну вот! Только всё стало проясняться, как Вы опять начинаете нагонять туману! — с досадой воскликнул Роман.

— Извини, Рома. Я просто устал, — душевно улыбнулся ему Аверин, снова прикладываясь к бокалу. — И потом: чтобы получить нужные ответы, необходимо задавать нужные вопросы. Потому что, если ты не в состоянии задать правильный вопрос, ты не сможешь вместить ответ.

— Я чувствую себя Алисой в Стране Чудес, — недовольно пробормотал Роман.

Николай Николаевич звонко расхохотался.

Откуда-то из-за кустов вынырнул Радзинский.

— Коля! — он подхватил Аверина под локоть. — Этот чернокнижник тебя обижает? — нахмурился он и сурово зыркнул в сторону Романа. — Хочешь, я ему настроение испорчу?

— Нет, Викентий. Я хочу, чтобы ты крепко взял его за руку, усадил рядом с собой и хорошенько бы за ним присматривал, — строго ответил Николай Николаевич и тут же засмеялся. — Что это? — он погладил, висящий на шее Радзинского длинный шёлковый шарф с необыкновенно тонкой изящной вышивкой. — Наверняка Аделаида тебя осчастливила? И — вне всякого сомнения — ручная работа. Кашмирская? Пенджабская? Мумбайская?.. Как ей удаётся делать покупки, не выходя из Нирваны? Ты не спрашивал?

— Коля! — укоризненно пробасил дед. — Ну почему ты так предвзято к ней относишься? — И он осуждающе поцокал языком, умело скрывая рвущийся наружу смех.

— А как мне ещё относиться к человеку, который уже больше десяти лет упорно называет тебя Иннокентием? А уж после того, как она явилась на защиту моей докторской босиком и в какой-то пижаме «дизайнерской» работы, я имею полное право озвереть.

Радзинский крепко прижал Аверина к себе и расхохотался-таки, всхлипывая ему в макушку.

— Но шарфик-то всё-таки красивый! — отсмеявшись, расправил он злосчастный подарок.

— И крепкий, — согласился, смахивая слёзы, полузадушенный, покрасневшийся Аверин, впечатанный в широкую грудь Радзинского. — Я буду им тебя к стулу привязывать, когда ты в очередной раз попытаешься вытрясти из меня лишнюю информацию...

Продолжая от души веселиться, они с двух сторон подхватили Романа под руки и повлекли вглубь сада, где под звуки гитарных струн мирно общались их загадочные гости.

За столом Радзинский увлечённо любезничал с дамами, сыпал анекдотами, тостами и комплиментами, не переставая при этом усердно потчевать Романа и отвечать на ехидные замечания Аверина по поводу его завидной активности. Роман, который обнаружил, что и в правду уже проголодался, не препятствовал Радзинскому терроризировать себя с гипертрофированным «демяновским» гостеприимством. Он, не торопясь, пробовал всё, что дед подкладывал ему в тарелку и хищно поглядывал в сторону Панарина, с которым ему ужасно хотелось побеседовать.

День, между тем, кончался. В небе таяла алая полоска заката, а над ней проплывали розовые облака в сиреновом небе. Оглушительный стрёкот кузнечиков торжественно сопровождал неторопливый ход небесной феерии. Молчать в надвигающихся сумерках было очень уютно, хорошо и как-то правильно. И Роман молчал. Наблюдал безмолвно, как гаснут в небе все оттенки цвета нежных цветочных лепестков и облака становятся похожи на серый пепел прогоревшего костра. Вот уже зажглись тёплым красным светом китайские фонарики в листве, а среди травы глазами испуганной глубоководной рыбы вытаращились круглые, белые светильники. Роман решил, что пора выходить на охоту и незаметно выскользнул из-за стола.

===== Глава 53. Вино, танцы, скандал =====

Панарин очень удачно сидел за небольшим отдельным столиком, практически полностью скрытым густой лиственной тенью. Все его соседи куда-то разбрелись и он, оставшись в одиночестве, меланхолично созерцал огонёк плавающей в широком бокале ароматической свечи.

— А Вы правда можете пальцем свечи зажигать? — вкрадчиво поинтересовался незаметно подошедший сзади Роман.

— Пальцем? — переспросил Панарин. В глазах его сверкнул безумный огонёк, когда он увидел того, кто задал ему этот вопрос. Он совершенно по-пиратски оскалил свои белые зубы в некоем подобии улыбки, которая зловеще блеснула в обрамлении его тёмной бороды.

— А разве нет? — Роман, не дожидаясь приглашения, сел.

— Это делается в четвёртом измерении. Мысленно помещаешь предмет туда и производишь с ним требуемые действия. Вот, смотри. — Он взял со стола оставленную кем-то пачку сигарет и зажигалку. — Если ты хочешь склеить между собой два этих предмета, переносишь их в четвёртое измерение — капелька клея, прижать посильнее и — voilà! — Доктор потряс сигаретной упаковкой, с которой, казалось, намертво сплавилась тяжёлая металлическая вещьца. Понял?

— Нет! — засмеялся Роман.

— Вот и Руди никогда не понимал, хотя талантливый вроде человек... — сокрушённо вздохнул Панарин и развёл руками.

Роман, продолжая ухмыляться, выудил свечку из бокала, задул её и поставил перед собой.

— В четвёртом измерении, значит, — шепнул он, примагничиваясь к свечке взглядом. И она вдруг вспыхнула, заставив Романа вздрогнуть. — От объяснений мой мозг впадает в спячку. Вот наглядная демонстрация — другое дело! — торжествующе сказал он.

Панарин оглядел его с интересом.

— Так Руди, как я понимаю, и не утруждал себя объяснениями...

Роман сразу перестал улыбаться.

— Вы тоже в курсе, что он держал меня за рождественского поросёнка?

— Мне очень жаль, Рома, — снова вздохнул Панарин, наливая себе вина. — Но Руди был просто сдвинут на этой идее. О существовании проводника ему ещё в детстве рассказала бабка. А потом ему стал являться во сне какой-то мрачный тип в плаще и требовать, чтобы он нашёл эту штуку. Руди совершенно спятил, поверь мне. О чём угодно он рассуждал абсолютно здраво, но едва речь заходила о диске, он просто слетал с катушек! Я никогда не верил в существование этого предмета. И мне было непонятно, как можно хотеть черпать энергию из этого источника. Ведь это означало бы перестать быть человеком! Но Руди это вполне устраивало. Мне кажется, что в этом вопросе он находился под полным влиянием тех жутких сущностей, которые обретались у него «в услужении». Я не знаю, что будет дальше, но твой Бергер — не спрашивай, как он меня уговорил! — с завидным энтузиазмом освободил нашего Руди ото всех его арендаторов и завязал его на меня, на случай если они вздумают вернуться. Судя по тому, что я чувствую себя, как выпотрошенная селёдка, Рудичке сейчас должно быть хреново...

Роман чуть не задохнулся от возмущения:

— Да что он себе позволяет! — судорожно сминая скатерть, рявкнул он. — Вместо того чтобы смиренно лежать в койке, этот доброхот развернул бурную благотворительную деятельность! И Вы его поощряете! — Роман вскочил. — И мне непонятно, что делал в это время Аверин!!!

— Доктор! Срочно — какой-нибудь успокоительный укольчик нашему VIP клиенту! — раздался за спиной бархатный смешок Радзинского.

— Я не могу ему указывать, Рома. Когда ты уже поймёшь! — вздохнул над ухом Николай Николаевич.

— А что Вы можете?! — развернулся к ним Роман. — Делать ставки: выживет — не

выживет?! Вы недостаточно за мой счёт развлеклись?! Ах, ну да! Вы никогда не вмешиваетесь без дополнительных указаний!!!

— М-да... Этому больше не наливать, — раздался в темноте чей-то голос. С другой стороны послышался ответный смешок. Роман понял, что стоит в окружении незнакомых людей, которые с любопытством его разглядывают, ожидая, судя по всему, эффектного продолжения. Но это только подстегнуло его.

— Чёрт возьми!!! — Роман резким движением опрокинул столик, так что Панарин едва успел вскочить со своего места, с весёлым смехом роняя стул. Пнув попавшийся под ноги бокал, Роман рывкнул со всей дури — Хватит!!! Мне надоело быть подопытным кроликом!!! Отстаньте от меня все!! И Бергера оставьте в покое! Он вам не мул, чтобы на него всю работу сваливать!!!

Грянул дружный смех, и только какая-то черноволосая женщина в длинном текучем платье грустно сказала волнующе низким хриплым голосом:

— Хватит ржать. Бедный ребёнок устал. Перенервничал. Он переживает за своего друга. Ему нужно всего лишь немного сочувствия. — Она шагнула вперёд, уверенно положила Роману руку на затылок и притянула его к своей груди. В первую секунду Роман просто задохнулся, затем почувствовал, как в горле стало ужасно горячо, а потом горько разревелся, как ребёнок, которого несправедливо наказали любимые родители. Такого позора он вынести, разумеется, не мог, а потому жестокой реальности предпочёл спасительный глубокий обморок (ну, или что там вместо него было!).

===== Глава 54. Подслушивать нехорошо, но полезно =====

Открыв глаза, Роман не сразу понял, что он не в своей квартире, и долго таращился на деревянный потолок, вдыхая совершенно особый запах деревенского дома. Через некоторое время он был уже абсолютно уверен, что лежит сейчас в мягкой и уютной постели Аверина. Никаких сомнений — это была аверинская комната. Здесь всё пропиталось его энергетикой. Бережное дуновение свежего морского бриза в жаркий летний полдень — вот какие ассоциации рождались у Романа от соприкосновения с аверинскими вещами.

С каких это пор?!

Часы на тумбочке возле кровати показывали без десяти минут два. Судя по тому, что за окном всюду светило солнце — два часа дня. Беглый осмотр вещицы показал, что корпус часов вырезан из лунного камня: крутая волна, огибающая циферблат, и белый с золотом эмалированный кораблик на высоком гребне. Мило.

Роман сел в постели и огляделся. Спинка кровати покрыта красивой тонкой резьбой, также как и шкаф, из которого выглядывает рукав знакомого серого пиджака и прищемленный конец полосатого синего галстука. Стены отделаны деревянными панелями. На полу — сине-белый ковёр с витиеватым восточным рисунком. У окна — аккуратный письменный стол, на котором расположились стопка книг и ноутбук. Занавесок нет: на окнах — белые жалюзи. Ещё множество икон: над кроватью, на тумбочке, на полочке над столом, на самом столе...

Свою одежду Роман увидел на пуфике возле кровати — Радзинский вчера настоял, чтобы по дороге из больницы Роман заскочил к себе домой за вещами. Смутно припоминая, где находятся ванная и туалет, а также не очень ясно представляя, в какой части дома он сейчас находится, Роман решил выяснить это опытным путём. Дверь комнаты выходила в небольшой коридорчик, заканчивающийся лестницей. Справа располагались ещё две двери: в торце коридора и рядом со входом в аверинскую комнату.

Роман заглянул в торцевую и был вознаграждён за свою пытливость: за этой дверью скрывалась крохотная уборная. Из зеркала над умывальником на него глянуло сонное лицо Аверина, который водил по щеке электробритвой, стараясь не открывать при этом глаза. Это немного повеселило Романа, хотя в гораздо большей степени он проникся к учителю самым горячим сочувствием: утренние вставания для него самого были сущей мукой.

А через секунду Роман вздрогнул, встретив пронзительный взгляд на этот раз вполне бодрого, но задумчивого Николая Николаевича, нерешительно теребившего узел голубого галстука. Ну конечно: этот галстук не подходит — слишком светлый!

Ладно, пора выбираться отсюда. Приведя себя в порядок, Роман решительно спустился по лестнице, забыв даже взглянуть, что за помещение находится за третьей дверью.

Практически сразу он услышал знакомые голоса: чувственный страстный баритон и лёгкий, как звон колокольчика на ветру, тенор.

— Может, вызовем такси? Павлуша не обязан меня возить...

— Аверин, ты меня раздражаешь своей щепетильностью! Ещё один вздох и я сам сяду за руль! И пусть это чудовище остаётся в доме в полном одиночестве!

— Незачем так орать!

— Я не орал. Просто повысил голос. И не надо глядеть на меня глазами бездомного котёнка! Чего ты смеёшься?

— Котёнка жалко...

Самозабвенный аверинский смех стих только через пару минут. А ещё через минуту раздалось задумчивое аверинское:

— Кеш, а ведь ты знал, что он подобный номер выкинет...

— Может и знал. Ну и что?

— И зачем ты это устроил?

— Что значит — устроил? Да я сделал всё, чтобы в ближайшие дни мы созерцали исключительно адекватного, уравновешенного, вменяемого мальчика!

— Викусик, не лги мне! — противным голосом сварливой жены потребовал Николай Николаевич.

— Я и не лгу! Я просто скрываю от тебя информацию, с которой... Эй! Ты бы ещё кочергой в меня кинул!

— Я бы не стал сравнивать этот скромный фолиант с кочергой! Так ты будешь говорить или мне допросить тебя с пристрастием?

— Конечно, допросить! Конечно, с пристрастием, Ники!.. Ну ладно, ладно! Чего ты сразу надулся-то, как мышь на крупу? Коля! Ты что — пешком в Москву идти собрался? Хорошо — сдаюсь. Вернись и сядь на место, тогда расскажу. Детский сад — штаны на лямках... Что? Тебе послышалось... Не перебивай меня, когда я рассказываю! Значит, так. Ты сам лично был свидетелем того, как я отдал этому неблагодарному, мягко говоря, отроку изрядное количество своей собственной энергии. Это на некоторое время создало иллюзию душевного равновесия и внутреннего благополучия нашего клиента. Но проблема в том, что я не мог быстро распутать ту паклю, в которую сваялись его энергетические волокна. Сам понимаешь: тянешь за ниточку — узелок затягивается! Получается только хуже. В общем, для реального результата нужна кропотливая ручная работа и вагон времени.

— И ты решил довериться силе катарсиса — очищающего переживания.

— Коля, я уже говорил, что я тебя люблю?

— Говорил. Много раз.

— Вношу поправку: я тебя обожаю! Так вот, как ты верно заметил, благородное негодование, несколько подпорченное, правда, другими — не столь красивыми эмоциями — выплёскиваясь наружу, разметало этот гордиев узел в радиусе десяти метров. Мне пришлось всё это потом собирать и разглаживать, чтобы он мог втянуть их обратно. Короче, пришлось повозиться. Ну, ты же сам видел, как я по кустам ползал!

— И как его дела обстоят сейчас?

— Ещё десять раз по столько же и с ним можно будет нормально разговаривать без риска получить пулю в печень.

— Почему в печень, Викуся?

— Он такой психопат, что выстрелит прежде, чем успеет поднять руку...

— Подслушиваем? — послышался жаркий шёпот в ухо. За спиной с понимающей улыбкой стоял Ливанов. Роман огляделся и понял свой просчёт: лестница, по которой он спустился, привела его в сени, и он стоял теперь как раз напротив входной двери. А та дверь, из-за которой слышались голоса, вела в знакомую комнату с печкой.

— А Вы бы удержались? — несколько не смутившись, ухмыльнулся Роман.

— Я бы не удержался, — честно признался Ливанов. — Но мы оба знаем человека, который, оказавшись в подобной ситуации, поспешил бы заявить о своём присутствии. Например, громко, но деликатно покашлять.

— Это Бергер что ли? Так мы оба знаем, что ему и нет нужды подслушивать. Он на тебя внимательно так посмотрит, покивает — и уже знает о тебе такое, что и подслушать-то невозможно, потому что ты не станешь такие вещи никому рассказывать.

— Один-один, — сдался Ливанов. — Прошу!.. — и он хотел распахнуть дверь.

— Стойте! Подождите, — остановил его Роман. — Скажите, что было вчера после того, как я отключился? — Выговорить это было не просто, но Роман сумел придавить ненадолго свою гордость.

Понимающая улыбка Ливанова стала ещё шире и теплее.

— Да ничего особенного. Все обменялись впечатлениями и отправились на террасу чай пить.

— То есть я не испортил ...праздник?

— Какой праздник? Все на тебя посмотреть собрались. Ты что — не понял? Так сказать — выездной консилиум. Ты же у нас персона важная! Надо сказать, ты не подкачал: показал себя во всей красе... В общем каждый оставил своё заключение, и мы до утра их разбирали и совещались.

Роман был даже не обижен: потерял, раздавлен!..

— Отвезите меня домой, — тихо, но уверенно сказал он и взглянул большими, печальными глазами.

— Ещё чего! — хохотнул Ливанов и ловко втолкнул его в «печной зал».

===== Глава 55. Очень плохой парень =====

Аверин явно куда-то опаздывал, потому что, завидев Ливанова, он сразу выволок его за собой из дома. На Романа он даже не взглянул.

Оставшись наедине с дедом, Роман внезапно почувствовал себя несчастным, разбитым и больным. Он стоял посреди комнаты, низко опустив голову, и готовился к очень неприятному разговору. И был весьма удивлён, когда Радзинский, подойдя, тепло обнял его и погладил по голове.

— Ну что, Ромашка? Как ты себя чувствуешь? — в голосе деда не было никакой издёвки

— он смотрел обеспокоенно и сочувственно.

— Нормально, — прокашлявшись, бесцветно ответил Роман.

— Вот и хорошо. Хочешь в саду позавтракать? Погода чудесная...

Роман кивнул и его повели к знакомому столику под липами, придвинули плетёное кресло.

— Кофе не предлагаю, — твёрдо заявил дед. — Я думаю, тебе лучше окончательно перейти на чай.

— Вы серьёзно? — потерянно спросил Роман.

— Серьёзно. Разве Бергер тебе не говорил?

— Говорил...

— И что мы тогда обсуждаем?

— Но я не могу...

— Ромашечка! — дед перегнулся к нему через стол, требовательно заглядывая в глаза. — Я меньше пачки сигарет в день не выкуривал. Больше десяти лет. Как ты думаешь: тянет это на зависимость? Но я просто бросил и всё. И тебе советую. — И Радзинский подвинул ему тарелку, полную пышных, ещё тёплых оладий.

Роман задумчиво поливал оладьи вареньем и всё никак не находил в себе сил спросить то, что его так волновало. Наконец, он решился:

— Могу я ознакомиться с протоколом собрания? — небрежно поинтересовался он. — Я так понимаю, резолюция имеет ко мне непосредственное отношение...

— Что? Какая... — дед удивлённо поднял голову от рукописи, в которой периодически что-то черкал. — Ох уж этот Павлуша! — быстро сообразил он. — Сорока просто! Журналистская душа!..

— Ну, так как?

— Не было никакой резолюции, — снова погружаясь в работу, отстранённо пробормотал дед.

— Вы издеваетесь надо мной, что ли?

Радзинский поморщился.

— До чего же ты гордый, Ромашечка! Всё-то тебя задевает! Если я сказал, не было, значит, не было. И придётся тебе мне поверить. Ну, поговорили немножко о тебе. Все сошлись на том, что ты очень милый непосредственный мальчик, который в сложившихся обстоятельствах ни для кого, кроме себя никакой опасности не представляет.

На этом высказывании Роман подавился и закашлялся. Дед проворно вскочил и уверенно двинул ему под дых, после чего дыхание быстро восстановилось.

— Спасибо, — выдавил побагровевший от натуги Роман.

— На здоровье, — любезно буркнул Радзинский, внимательно следя, чтобы Роман не подавился теперь чаем. — Ты Гошу запомнил? — небрежно поинтересовался он, возвращаясь на место.

— Это который гусей пугать не хотел?

— Точно, — хмыкнул Радзинский. — Юрий Александрович у нас большая шишка в аппарате правительства. Но нам важно другое: чистота его сознания такова, что он имеет постоянную прямую связь... — дед многозначительно показал пальцем наверх. — Ты хоть осознаёшь, что то, что происходит здесь — только отражение и продолжение того, что уже произошло там?

— Я много раз этим пользовался, — хмуро подтвердил Роман. — Если мне что-то не

наверное из того, что произошло со мной...хм ...во сне, я возвращался туда и всё исправлял, как мне было надо.

— Ну, примерно так. — Дед закинул ногу на ногу и потряхнул головой, откидывая волосы назад. — Только масштаб, соответственно, иной. — Его глаза тёплого янтарного цвета оценивающе прищурились, оглядывая Романа. — Так вот, Гоша — наш, можно сказать, связной. Если нужно что-то серьёзное спросить, мы всегда к нему обращаемся. И ему всегда отвечают. Но месяцев так девять тому назад ему и безо всякого запроса сообщили, что прямо под носом у нас тихо тикает бомба замедленного действия. При других обстоятельствах нам бы оставалось только принять это к сведению... Ну, ты понимаешь — предупреждён, значит вооружён! Но неожиданно у нас появилась возможность эту бомбу — то есть тебя — обезвредить...

— Меня?!

— А о ком же мы сейчас говорим? Конечно тебя. Не прибедряйся, Рома, ты не просто плохой, ты — очень плохой парень!

Роману показалось, что его только что выпихнули из уютного тёплого гнёздышка в чужой и жестокий мир. Пинком.

— Зачем Вы мне это сейчас рассказываете? — ледяным тоном спросил он.

— Ага. Значит, ты и сам прекрасно понимаешь, что доверять тебе в данный момент, по крайней мере, глупо. Но я исхожу из того, что ты уже преодолел ряд критических точек и к исходной позиции вряд ли вернёшься. Ведь если ты не избавился от Бергера сейчас, едва ли ты сделаешь это в дальнейшем. Я не имею в виду сентиментальный аспект ваших отношений. Просто с каждым днём обыграть Бергера тебе будет всё сложнее и сложнее. Ты же сам убедился — даже Руднев не смог с ним справиться!

— А избавиться, в смысле...

— Да, Рома. В смысле отправить на тот свет, — спокойно подтвердил Радзинский, протягивая Роману салфетку, чтобы он мог вытереть перепачканные маслом руки. — Неужели ты сомневаешься, что, если бы не Карта, благодаря которой ты узнал, что Бергер твой Ключ, ты колебался бы хоть секунду? Руднев выполнил свою часть задачи — нашёл тебе проводник (я сейчас второй диск имею в виду, потому что первый ему подсунули мы). Ты активировал бы его с помощью доверчивого одноклассника и стал бы тем, кем планировалось. Главная угроза твоей миссии — Бергер и трансформированная Карта, которая увела бы тебя в сторону, были бы устранены. И у тебя был бы такой превосходный подручный, как Руднев.

— Стойте! Но Карта сказала мне, что я не получу свою силу, пока не пройду весь Путь до конца! Даже Руднев злился, что я какой-то ущербный!

— Ромашечка, если бы ты безо всяких колебаний уничтожил Ключ, всё бы сразу к тебе вернулось! А после того, как с помощью обрётённого источника энергии ты трансформировал бы свои тела, твоя сила возросла бы многократно!

Как же всё просто! И логично. Роману внезапно стало очень, очень холодно. Жаркое солнце больше не грело его. Его била дрожь. Заледеневшие пальцы сами собой сжимались в кулаки, и посиневшие ногти впились в ладонь.

— А Руднев — знал? — отрывисто спросил он.

— Что-то знал, чего-то не знал — мутная история. Как ты думаешь, кто терроризировал его сознание с раннего детства? Панарин сказал тебе, что за господин еженощно внушал ему, что он должен найти Карту? Конечно, это был не совсем ты, а некая сущность, которая

принимала твой облик — твой прежний облик...

— Я всё равно не понимаю, если всё было так здорово спланировано, то почему всё пошло наперекосяк?

— Никогда не надо недооценивать противника, Ромаша! — Радзинский, вздыхая, налил ему свежего чаю, выплеснув остатки холодного на траву. — Руднев в качестве сопровождения получил в своё время Панарина. А у Бергера есть мы! Бергер наш — понимаешь? Из нашей связки. Он прямой Колин приемник. И, хотя формально Коля пришёл за тобой, на деле он пришёл — за Бергером. А ты — его громоздкое и опасное приданое. Вот мы с тобой и возимся.

— Как же вы узнали про «отформатированную» Бергером Карту?

— А Карту нам буквально на дом доставили. Промысел. Принесли и под нос положили. Как раз в тот день, когда ты на моём горизонте нарисовался. Таким вот образом, и пошло у вас с Рудневым всё наперекосяк...

Роман взял в руки чашку, согревая потерявшие чувствительность пальцы.

— А теперь что? — тусклым голосом поинтересовался он.

— А теперь — тебе решать! — дед смотрел на него участливо, но не делал никакой попытки помочь Роману выкарабкаться из неприятной ситуации.

— А у меня есть выбор? — с горечью произнес Роман.

— Выбор есть всегда, — заверил его Радзинский.

— Например? Замочить бедняжку Бергера?

Дед расхохотался.

— Ну, если это для тебя не вариант, тогда другое дело! Тогда остаётся — Карта. Сомневаюсь, что ты захочешь отказаться от собственной силы. Значит, придётся пройти весь Путь до конца.

— Фанфары. Хеппи энд, — скривился Роман.

— Дурак ты, Ромашка, — ласково и с неожиданной теплотой глянул на него дед и похлопал рукой по спинке стоящего рядом кресла. — Иди сюда, я тебя обниму.

— Это часть какого-то ритуала? — ворчливо поинтересовался Роман, в следующую секунду прижатый щекой к широкой груди Радзинского.

— Не хорохорься, — добродушно усмехнулся дед, похлопывая его, как младенца, по спине. — Считай, что я тебя усыновил.

— Вы бы так не шутили. А то я поверю... — умиротворённо пробормотал Роман, прикрывая глаза.

— А я и не шучу. Я вообще человек серьёзный и во всех отношениях положительный.

— А я — отрицательный.

— И что? Разве любят за что-то? Просто любят и всё. Так что — не парься. Скушай лучше конфетку. — Радзинский сунул ему под нос что-то в блестящей обёртке. — Нет? А я съем. Представляешь, у Коли повсюду конфеты — россыпью. Вот эту я вытряс сегодня утром из его пиджака. Там ещё три карамельки было. Можешь не сомневаться, он бы с успехом заменил этим обед. Пришлось упаковать ему с собой несколько пирожков — это единственная пища, способная заинтересовать его помимо сладкого. Ах, ну да! Он ещё пьёт молоко! Может быть это и спасает от гибели его зубную эмаль? Хотя, скорее всего, здесь главную роль играет хорошая наследственность...

Слушая нарочито легкомысленную болтовню Радзинского, Роман блаженно улыбался. Он прекрасно видел, как хитрый дед вытягивал из него противную на вид чёрную ленточку.

Оп! Она полыхнула в воздухе и пропала — даже пепла не осталось. Пригревшись на мерно вздымающейся груди Радзинского, Роман расслабился и, в конце концов — вполне предсказуемо — доверчиво уснул под деловитое гудение пчёл слетевшихся на оставленное на столе варенье. Солнце пригревало Роману макушку, птицы высвистывали что-то усыпляющее, а лёгкий ветерок и вовсе, поглаживая его по щеке, лукаво нашёптывал слова колыбельной. Если бы так было всегда...

===== Глава 56. Замочить бедняжку Бергера =====

— Так Вы считаете, что Элис Китлер была-таки ведьмой? — знакомый звонкий голос отчётливо раздавался в больничном коридоре, несмотря на закрытую дверь палаты. Роман замедлил шаг и нерешительно остановился, не веря своим ушам. Может он перепутал этажи? Но в ответ раздался спокойный голос босса:

— Женщина с такой сумасшедшей энергетикой, да ещё при условии, что она живёт за счёт энергии низших центров — по определению ведьма. Разумеется, я употребляю здесь это слово исключительно в обывательском значении. Потому что по-хорошему ведьма — это та, которая ведаёт, то есть обладает специфическим знанием. В данном случае речь об этом, скорее всего, не идёт. Но даже если Китлер не имела никаких специальных знаний — а я сильно сомневаюсь, что она действительно натиралась мазью из мозгов умерших детей и летала на палке, как свидетельствовала её служанка — даже в этом случае страстное сосредоточение на намерении, позволяло ей устраивать свою судьбу. А четыре официальных брака — причём последний раз она вышла замуж почти в шестьдесят лет — только подтверждают это. Мужчины явно подсаживались на её энергетику. И, заметь, сколько у неё всегда находилось покровителей. Даже деверь встал на её сторону, когда пасынки обвиняли мачеху в том, что она присвоила их деньги. И наказания она успешно избежала, хотя служанку сожгли за колдовство. Правда, здесь есть и чисто астрологический момент...

Роман не выдержал и толкнул дверь. Ну, так и есть! Никакой ошибки: взерошенный, улыбающийся Бергер совершенно спокойно сидит на постели у Руднева, привычно скрестив ноги по-турецки, и мирно беседует со своим похитителем. Заложив книгу пальцем, чтобы не потерять страницу, Кирилл с неподдельным интересом слушал как всегда элегантного — облачённого в чёрную шёлковую пижаму — Андрея Константиновича, на лбу которого красовался аккуратно приклеенный пластырь.

Роман не верил своим глазам. В мозгу вспыхнула мысль, что замочить бедняжку Бергера ему захочется ещё не раз. Он задохнулся от гнева и, сделав шаг вперёд, впился в Бергера таким горящим взглядом, что, казалось, ещё немного и у бедняги вспыхнут волосы. Кирилл, мгновенно оценив его состояние, одним прыжком покинул рудневскую постель и бросился Роману на шею.

— Рома! Как хорошо, что ты приехал! А то я так волновался... — с виноватым видом пролепетал он.

— Ты волновался?! — рявкнул Роман, но тут дверь за его спиной отворилась, и вошёл Радзинский. Он был в свободных белых брюках, седые волосы рассыпаны по плечам, на руку намотаны чётки — если бы не маленький крестик, покачивающийся на шёлковой кисточке между тёмных бусин, можно было бы принять его за мусульманина.

— Что вы оба здесь делаете? Живо в коридор! — решительно скомандовал он.

— Эй, я же в пижаме! — слегка обиделся Бергер.

— Ничего, — усмехнулся Радзинский, окидывая его внимательным взглядом. — Вон, Шойфет в гости не стесняется в пижаме ходить. Бери с него пример. И, вообще, отправляйся

в свою палату. Оттуда же ты пришёл в таком виде?

Роман гневно сверкнул глазами в сторону гадко усмехающегося Руднева и потянул Бергера к выходу.

— Что ты вытворяешь? А?! — зашипел он, когда дверь за ними закрылась. — Думаешь, я не понимаю, что ты собирался сделать? Это такой изощрённый способ мести: пожертвовать собой, чтобы я потом всю жизнь мучился от угрызений совести? Да?

— А ты думаешь, я не понимаю, зачем ты меня прогнал? Боялся, что я помешаю тебе совершить торжественный акт самоубийства? — обиженно прошептал в ответ Кирилл, пытаясь отцепить от своих предплечий романовы пальцы. — Да отпусти же! Синяки останутся!

— Да тебе было бы полезно синяков наставить, чтобы ты помнил, как не следует с людьми поступать!

— Не трясись! У меня и так сотрясение мозга, — жалобно пролепетал Кирилл, хватаясь за голову.

Роман сразу растерял весь свой пыл и сочувственно уставился на страдальчески поджавшего губы приятеля.

— Тебе, наверное, лечь надо? — забеспокоился он.

— Ага, — еле слышно шепнул Бергер, и, пользуясь растерянностью Романа, уткнулся лбом ему в плечо. Тот инстинктивно обнял несчастного и погладил по голове. — Мы, вообще-то, с твоим боссом легко отделались, — полусонно пробормотал Кирилл. — У него, правда, два ребра сломаны, левая нога и запястье. Да и головой об руль он хорошо приложился, но могло быть и хуже...

— Ну конечно! Один на один с самым безжалостным киллером страны — это он и, правда, легко отделался!

— Ты... Зачем ты так? У него был сердечный приступ! — недовольно выдохнул Кирилл ему в рубашку.

— У босса не было никаких проблем с сердцем! — усмехнулся Роман.

— Значит, появились, — буркнул Бергер, щекоча тёплым дыханием шею.

— Ты мне всю жизнь врать будешь? — разозлился Роман, резко отстраняя его от себя.

Бергер надул губы.

— Почему сразу «врать»? — обиделся он.

— Потому что я привык называть вещи своими именами! Скажи ещё, что не знаешь, почему вдруг абсолютно здоровый человек ни с того, ни с сего чуть не сыграл в ящик!

— По-моему, тебе велели проводить меня до палаты... — сухо проговорил Кирилл, глядя на него исподлобья.

— Да? Вообще-то, не припомню такого. Но если ты настаиваешь... — Роман подхватил Бергера под локоть и учтиво подвёл к лестнице. — Ты мне скажи, какого хрена, ты вообще сюда припёрся?

— Фу, Рома! Давай обойдёмся без грубостей...

— Не слышу ответа.

— Если я могу человеку помочь, я это делаю...

— Ах, да! Я забыл — ты же у нас всех любишь! Пожалел? Руднева? Которому не надо ни мармелада, ни шоколада, а только маленьких детей? Который закусил бы тобою, не поморщившись?

— Не преувеличивай. Он ничего не собирался со мной делать. Хотя я пытался его

убедить, чтобы он на тебя не рассчитывал и уговаривал...

— Уговаривал?! — ахнул Роман. — Ну, Бергер!.. Если бы ты знал, как мне сейчас хочется тебя придушить!..

— Валерьяночки выпей, — вконец разобиделся Кирилл.

— Вот только не надо мне хамить!

Аверин, внезапно обнаружившийся у них на пути, только покачал головой.

— Где ты ходишь? — мягко упрекнул он Кирилла.

— Он Руднева беседой развлекал, — мстительно заложил товарища Роман.

— Ой, а я книжку там забыл, — спохватился Бергер, явно для того, чтобы перевести стрелки.

— Ничего. Не пропадёт твоя книжка, — усмехнулся Николай Николаевич, привлекая его к себе, отчего Кирилл сразу расслабился и облегчённо вздохнул, уткнувшись носом в его рубашку. Свободной рукой учитель сжал запястье Романа. — Пойдёмте. Тебе, Кир, надо прилечь. А тебе, Рома, пора домой. Викентий чуть попозже тебя отвезёт.

— Сначала я поговорю с Рудневым, — спокойно обронил Роман, покорно позволяя Аверину вести себя за руку: приятное тёплое покалывание от его пальцев успокаивало и грело не хуже летнего солнца.

— В другой раз, — мягко ответил учитель. Он улыбнулся как-то одними губами, и Роман поёжился под внимательным взглядом его стальных глаз.

— Почему? — вежливо поинтересовался он.

— Ему сейчас не до разговоров.

— А меня это не волнует, — холодно прищурился Роман.

— А тебя сейчас вообще ничего не будет волновать, — бесстрастно пообещал Аверин.

Роман ухмыльнулся.

— Начинается... А я-то всё жду: когда мне на моё место укажут?

— Можно подумать, ты знаешь, где твоё место.

«Ром, просто помолчи», — раздался в голове голос Бергера. «Пока Руднев в больнице, ты всё равно не сможешь с ним пообщаться. За ним тут куча народа присматривает!».

Роман прикусил губу, чтобы удержать расплывающуюся по губам идиотскую ухмылку и преданным честным взглядом уставился на Аверина, на плече которого с самым невинным видом скромно примостился Бергер.

— Я всё понял, — заверил учителя Роман. — Домой, так домой, — покладисто согласился он.

===== Глава 57. Учиться, учиться и ещё раз учиться =====

До приезда родителей оставалось совсем немного времени, и Роман поначалу думал просто насладиться эти несколько дней одиночеством. Но очень скоро он понял, что элементарно не знает, куда себя деть.

В первый момент, когда он только переступил порог квартиры, на него навалилась вдруг такая тоска, что он чуть не бросился со всех ног обратно к Радзинскому, который наверняка не успел к тому времени далеко отъехать от дома. Но — гордость не позволила.

Он прошёлся по комнатам: кресло-кровать так и стояло, забытое, на самой дороге. В кухне на столе тихо зацветал заваренный Бергером чай, а в мойке сиротливо стояла брошенная им же в расстройстве чашка. Роман, ссутулившись, сел на диванчик и огляделся: всё какое-то далёкое, смутное — словно из прошлой жизни.

От погружения в полноценную депрессию, его удержала врождённая душевная

чёрствость: копаться в переживаниях, воспоминаниях и эмоциях ему было не интересно. И барахтаться в сентиментальных соплях — противно.

Телефончик Ливанова нашёлся быстро.

— А, ребёнок! Здравствуй! — радостно поприветствовал Романа Павел Петрович. — Скучаешь? Так и быть — приезжай. Жена с дочкой как раз на дачу уехали.

Роман долго ждать себя не заставил — прилетел, как на крыльях. Перед выходом ещё успел позвонить Мюнцеру: прощупать почву насчёт продолжения занятий. Исаак Израилевич попросил несколько недель отпуска, ибо собирался в ближайшие дни посетить историческую родину.

Ливанов встретил его с распростёртыми объятиями. Затянутый в свои любимые джинсы он выглядел необыкновенно энергично, как будто прямо в данную минуту собирался, по крайней мере, покорить Эверест. Его кипучая энергия, требовавшая, по-видимому, от своего хозяина постоянных жертв, побудила его затеять в доме грандиозную уборку: в комнате гудел пылесос, на распахнутом окне висела мокрая тряпка, шторы бодро полоскались в стиральной машине. А в кухне обиженно мяукал кот, которого заперли там во избежание несчастного случая — чтобы бестолковое животное не сигануло бы в открытое окно за какой-нибудь пичужкой.

— Лучше предсказуемая неприятность, чем, к примеру, неожиданная травма, — охотно делился своими соображениями Ливанов, протирая плафоны в люстре. Он пытался объяснить Роману мотивы своего добровольного энтузиазма в деле наведения чистоты и порядка. — Знание — очень практичная вещь, Рома. Астрология — прекрасный тому пример. Есть энергия — есть событие, нет энергии — нет события...

— А Вы разбираетесь в астрологии? — осторожно спросил Роман. Ему давно хотелось познакомиться с этим предметом поближе.

— Вообще-то я дипломированный астролог. — Ливанов спрыгнул со стула и кинул тряпку в ведро.

— Научите? — мгновенно загорелся Роман, чем несказанно удивил хозяйственного журналиста.

— Разве Руднев тебя не научил?

— А разве Руднев астролог?

— Он очень хороший астролог, Рома. Можешь мне поверить. — Ливанов сел на подлокотник кресла и с интересом поглядел на подростка.

— Отлично! Буду иметь в виду, — бодро улыбнулся Роман. Но, поскольку Ливанов продолжал гипнотизировать его любопытным взглядом, уже раздражённо добавил, — Перестаньте меня жалеть. Андрей Константинович не брал меня в ученики. У нас сразу был уговор: я выполняю его поручения, он отвечает на мои вопросы. Всё.

— Я-ясно, — задумчиво протянул Павел Петрович, насмешливо блестя глазами.

Под его рентгеновским взглядом Роману стало как-то неуютно.

— Вы мне не ответили, — сухо напомнил он.

— Какие могут быть разговоры? — Ливанов сразу вскочил и по-молодецки встряхнул своей кудрявой шевелюрой. — Конечно, научу! Сейчас я с уборкой закончу и приступим!

Вдохновлённый открывшейся вдруг радужной перспективой Роман вызвался своему благодетелю помочь, о чём изо всех сил старался потом не жалеть, потому что ещё целый час ему пришлось протирать зеркала, пылесосить книги, а напоследок — стирать пыль с листьев огромного фикуса, у которого этих самых листочков было наверное тысяча, никак не

меньше.

Уже поздний вечер, а Роман всё ещё корпит над расчётами: Ливанов заставил его вручную вычерчивать свою натальную карту и самостоятельно высчитывать аспекты. Роман не в претензии — ему хочется детально разобраться в процессе составления гороскопа. Компьютерная астрологическая программа хороша для того, кто отлично понимает какие операции остались «за кадром» между введением в память компьютера необходимых данных и мгновенным появлением на экране монитора готового результата.

Ливанов подсаживается к столу, за которым расположился Роман и глядит с интересом, но не на карту, а на него самого. Роман отвечает ему вопросительным взглядом.

Ливанов улыбается лукаво:

— Ты так увлёкся, — хмыкает он. — Вокруг тебя уже воздух искрит. Сразу видно — человек дорвался до того, о чём страстно мечтал.

— А я и не скрываю. — Роман небрежно поводит плечом. — Жутко затягивает. А что — домой пора?

— Да ладно уж! Оставайся, — широко улыбается Ливанов.

— Здорово, — счастливо выдыхает Роман. — Спасибо.

— Но, по-моему, пора перекусить, — безжалостно добавляет Павел Петрович и Роман вздыхает.

— А можно, я сначала закончу? Ну, всего полчаса!

— Да какие полчаса? Здесь до рассвета работы! — хохочет Ливанов. — Всё-всё — пойдём. — Он отбирает у Романа ручку, закрывает эфемериды и тянет его за собой на кухню.

В кухне светло, уютно. Фарфоровые тарелочки на стенах — с нежными, тающими пейзажами светящимися почти акварельной прозрачностью. Небольшой круглый стол уже накрыт и Роман усмехается:

— Перекусить? — Перед ним стоит тарелка, доверху наполненная пловом. И огромная миска овощного салата недвусмысленно возвышается в середине стола. — Признайтесь — Вы внебрачный сын Радзинского...

Ливанов от души хохочет:

— Не стану отрицать — мы родственные души. Но абсолютно похожих людей, увы, не бывает.

— М-да? А чем, например, Бергер отличается от Аверина? Меня иногда пугает их... м-м-м... идентичность, — осторожно интересуется Роман.

— Аверин более нестабильный. Депрессивный. За ним, как говорится, нужен глаз да глаз, — охотно делится информацией Ливанов.

— Вы серьёзно? — изумляется Роман. — А мне казалось, что Аверин совершенно лишён каких-либо эмоций. Он такой... бесстрастный и... безжалостный.

— Он много лет потратил, чтобы решить эту проблему. Теперь он, как мы шутим, Мастер Безмятежности. Но я помню другие времена...

— А давно Вы его знаете?

— Их обоих — уже семнадцать лет.

— Вам тридцать четыре года! — торжествующе восклицает Роман, мгновенно совершив в уме необходимые вычисления. — Бергер сказал, что Вам было семнадцать лет, когда Вы на Радзинского напали.

Ливанов чуть не падает со стула от смеха.

— Нарываются на неприятности, Рома, а Викентий Сигизмундович для меня — Подарок Судьбы!..

Роман вздыхает и заметно мрачнеет. Он молча ест, погружившись в свои невесёлые мысли.

— О чём грустишь? — выдёргивает его из меланхолии голос Ливанова.

— Так. О Рудневе вспомнил, — сдержанно отвечает Роман, не поднимая головы.

— Тогда понятно. Есть от чего загрустить. — Похоже, Ливанов не настроен, поддерживать беседу на эту тему. Пауза затягивается. Роман возит вилкой по тарелке. Наконец, решается:

— Я хотел спросить... Вмешательство Бергера предполагает какие-то последствия для босса?

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаете, он боялся, что его способности исчезнут, если он лишится связи с Помощниками. Я видел... Ну, в общем, неважно... Так, что с ним?

— Насколько я знаю, никуда его способности не делись. Во всяком случае, Викентию Сигизмундовичу пришлось немало потрудиться, чтобы его хотя бы временно нейтрализовать. У босса твоего достаточно редкие есть способности — ты в курсе, вообще? — Наткнувшись на романово непонимание, Ливанов машет рукой, — Ладно-ладно, я понял, что он тебя на расстоянии держал. Так вот, Помощники — это в первую очередь была его защита. Мы оба знаем, чем он занимался. Без надёжной защиты он бы не выжил. Во-вторых, эти сущности выполняли его поручения. Ну, об этом ты побольше моего рассказать можешь — я-то этим никогда не баловался... Ну, и как ты сам прекрасно понимаешь, за всё приходится платить: он, со своей стороны, был в полном распоряжении тех сил, которые все эти услуги ему предоставляли. В частности, он должен был найти проводник и тебя. Нельзя сказать, что он не выполнил свои условия контракта...

— А Панарин... — Роман отчаянно краснеет. — Шеф говорил, что он отказался от своих способностей сам...

— Ну, с его точки зрения — наверное... Панарин одно время был намного опаснее Руднева. Твой босс — человек осторожный, а напарник его был совершенно неуправляем. Он в гневе или от скуки мог такого наворотить, что — волосы дыбом. В общем, когда у него в голове прояснилось, Панарин просто запретил себе пользоваться теми своими силами, которые выходили за пределы обычных человеческих возможностей. Не знаю, что он там Рудневу наплёл — может, и правда, заставил его поверить, что лишился способностей. Я только знаю, что расстались они очень нехорошо: Руднев его чуть ли не проклял... Могу ещё сказать, что несколько лет после этого он прожил в монастыре в качестве послушника — Радзинский там с ним познакомился. Хотел принять постриг, но, видно, не его это была стезя. Последнее время он занимался только целительством. И то — особо это не афишировал и никому своих услуг не предлагал. Работает человек в реанимации и никому в голову не приходит, что он каким-то не тем способом своих пациентов на ноги ставит.

— Что с ним дальше будет — с шефом? — тихо спрашивает Роман.

— Посмотрим, Рома. У него, как и у тебя, теперь есть шанс начать новую жизнь. Захочет ли он этим воспользоваться? Как знать...

— У Вашей жены тоже есть ясновидение, — невпопад говорит вдруг Роман.

— Что?

— Она сейчас на меня смотрит.

— Привет ей передавай, — смеётся Ливанов.

— Ушла, — бормочет Роман.

Здоровенный рыжий котик прыгает Ливанову на колени.

— Ну чего тебе, животное? — ласково спрашивает тот и треплет пушистый загривок. Кот мурлычет громко, как трактор, и трётся о рубашку хозяина, оставляя на ней множество медно-красных волос. Роман глядит на кота с тоской: зверь доволен жизнью, он счастлив. Ему не надо выбирать, не надо решать. Может лечь на дно? Как Панарин. Стать обычным подростком. О чём там они мечтают? Фу-у-у!.. Вот где настоящая тоска! Нет уж, свои увлекательные муки я ни на что не променяю, решает Роман. Торопливо допивает чай и выжидательно глядит на Ливанова:

— Я пойду, а? Хочу закончить сегодня...

— Иди-иди, — усмехается Ливанов. — Посуду помою и посмотрю, что там у тебя получилось.

«А обычные люди по ночам спят», — торжествующе напоминает себе Роман, — «И не строят натальных карт. Разве это жизнь? Пожалуй, вопрос с выбором можно окончательно закрыть». Кот смотрит на него одобрительно и неожиданно подмигивает. Показалось?..

===== Глава 58. Дружба не ржавеет =====

Это был, кажется, первый день в жизни Руднева, когда Андрей Константинович забыл побриться. Точнее, не забыл, а просто не нашёл в себе сил и желания выполнить эту простую процедуру. Было видно, что господин адвокат совсем потерял вкус к жизни. Он смотрел в окно, за которым гроыхало пыльное лето, и испытывал отвращение к каждому явлению, которое навязчиво беспокоило его органы чувств: резкий дневной свет, тоскливый больничный запах, хриплое дыхание и периодическое покашливание соседа по палате — грузного отставного генерала. Поэтому вполне закономерно, что первыми словами, которые услышал поутру доктор Панарин, зашедший проведать старого приятеля, были:

— Киса, заberi меня отсюда, — произнесённые глухим, надтреснутым голосом.

Оценив большой отсутствующий взгляд, которым Руднев упирался в этот момент в потолок, а также общий — отнюдь не цветущий — вид господина адвоката, Женечка азартно, по-разбойничьи сверкнул глазами и, задумчиво погладив бороду, как-то недобро ухмыльнулся. После чего исчез, пробормотав что-то вроде «шас!».

Вернулся он с ворохом рудневских вещей, на ходу надиктовывая что-то медсестричке. Поставил в бумагах свою размашистую подпись, со всеми предосторожностями усадил Руднева в постели, затем ловко и бережно его передел, так что Андрей Константинович всего только пару раз и поморщился. Когда он сосредоточенно зашнуровывал рудневские ботинки, позвонил таксист, докладывая, что уже прибыл и ждёт.

— Рудичка, — решительно сдвинув брови, тихо сказал Панарин. — Теперь ты должен мне помочь. Сделаешь? — Руднев сосредоточенно кивнул. — Тогда слушай меня внимательно: тебя нет — ты ничего не чувствуешь и ничего не боишься. В твоей голове нет никаких мыслей, никаких образов: только пустота. Ты слышишь только мой голос и выполняешь только мои команды. Согласен? Вот и хорошо. Обопрись на моё плечо и встань. Сейчас мы спокойно выйдем из палаты, пройдем по коридору, спустимся в лифте на первый этаж, пройдем по аллее и сядем в машину. Я буду держать тебя за руку. Вперёд.

Оставшийся в палате генерал, спал в это время на редкость крепко, без снов, а когда, как по команде, через полчаса пробудился, то ничего не помнил из утренних событий и

решительно отрицал, что когда-либо видел импозантного чернявого адвоката, якобы долгое время бывшего его соседом по палате. Из-за этого едва не вышел скандал: генерал побагровел и раскричался, возмущаясь, что его держат за сумасшедшего. Спорить с ним никто не решился, хотя согласно бумагам адвокат всё-таки был.

Олег Иванович — главврач — ознакомившись с документами, подписанными доктором Панариным, ничего не сказал, только загадочно переглянулся с высоким и мощным, похожим на старого льва, мужчиной с длинными седыми волосами, пришедшим навестить мифического пациента.

Сам же доктор Панарин, как оказалось, покинул больницу вполне законно, отбыв на службе своё очередное дежурство.

— Жень, мне надо исчезнуть. — Слегка захмелевший Руднев уронил голову на подушку и на ощупь опустил на пол пустой бокал — на самом деле просто разжал пальцы, не особо заботясь о последствиях. Чёрная щетина на бледных ввалившихся щеках и прилипшие ко лбу длинные пряди волос приносили в его облик элемент болезненного романтизма: сразу вспоминалось о благородных и несчастных узниках, вроде графа Монте-Кристо, несгибаемых декабристов и прочих обаятельных страдальцах.

Панарин молча блестел глазами из своего кресла и пил вино маленькими глотками, как будто нарочно тянул время, чтобы не отвечать.

Руднев слегка поморщился, пытаясь сесть в постели повыше. Ему уже начало казаться, что панический страх потревожить движением переломанное тело не покинет его теперь никогда.

— Он загнал меня в угол, — с отчаянием в голосе говорил господин адвокат. — В маленький и тесный такой уголок. Меня уже начинает мучить клаустрофобия. — Руднев скривился растерянно, пытаясь изобразить усмешку, и устремил на Панарина удивлённый и недоверчивый взгляд, словно искал у него подтверждения того, что так не бывает. — Никогда не думал, что моя жизнь окончится подобным образом...

— Успокойся, Руди. Я не дам тебя в обиду. Хотя ты, конечно, ни разу не прав. — Женечка вздохнул и потянулся, закинув руки за голову. Бокал у его ног упал и покатился по полу. Панарин сделал плавный жест рукой, как будто притягивая его обратно: бокал послушно покатился назад. — Благодаря этим людям, Руди, я наконец-то нашёл достойное применение для своей силы. Я теперь спокоен, как удав. Ни йога, ни целительская практика не приносили мне такого глубокого удовлетворения, как эта работа. Я, в кои-то веки счастлив и сплю спокойно. Ты знаешь, что такое счастье, Рудичка? — Доктор подобрал оба бокала и сгрузил их на журнальный столик. — Счастье — это своя часть. Когда ты, наконец, получил всё, что тебе полагается, нашёл себя, занял свою нишу и тебе больше ничего не надо. Потому что всё, чего у тебя нет — лишнее и чужое, чьё-то ещё. А чужое счастье не греет. — Он присел на край постели, поправил завернувшийся воротничок рудневской пижамы и улыбнулся, глядя на кислое и скептическое выражение лица Андрея Константиновича. — Но тебя это, конечно же, не устроит. Тебе весь мир подавай! Что ты с ним делать-то будешь — с миром?

— Не переживай. Что-нибудь придумаю.

— Дурачок ты, Руди. Ты сам и есть целый мир. Сначала нужно освоить собственное внутреннее пространство, а уже потом обращать свой взор на то, что снаружи. Только тебе жизни не хватит на две сверхзадачи разом.

— Вечно ты всё с ног на голову перевернёшь, Киса, — брезгливо поморщился Руднев. — Не хочу я с тобой препираться. Давай лучше вернёмся к нашим баранам. Пока не поссорились.

— Давай, — легко согласился Панарин. — Только сразу замечу, что ты неверно ставишь задачу. Тебе же нужно не просто исчезнуть, а исчезнуть для Радзинского. Как ты это себе представляешь? Для этого тебе придётся перестать существовать навсегда, а не только на те полчаса, которые мы потратили на дорогу до моего дома. Это нереально, Руди. Исчезнуть на полчаса, чтобы Радзинский не смог помешать тебе покинуть больницу — можно, но исчезнуть совсем... Мне погрузить тебя в анабиоз до лучших времён?

— Тогда убей меня! — раздражённо бросил Руднев.

— Ну вот, начинается... — тяжело вздохнул Панарин. — Капризы, истерики... — он отошёл от кровати на несколько шагов и вдруг сделал стойку на руках. — Ты не меняешься! — воскликнул он, снова становясь на ноги. — Правда, пыль в глаза пускать ты умеешь мастерски. Глядя на тебя, невозможно догадаться, какой ты на самом деле трепетный и ранимый.

— Ты нарываешься, — зловеще процедил Руднев.

— Ага. — Панарин уселся в позе лотоса прямо на пол и несколько раз глубоко вдохнул. — Ох, Руди! Вот закрываю я глаза... и что же я вижу? Грязь по каналам течёт... м-м-м, как всё запущено! Плюнул бы ты уже на сферу обслуживания и занялся бы лучше собой. Подумать только: почти двадцать лет ты пахал на этого сопляка! В итоге: парень в шоколаде, а ты, извиняюсь...

— Хватит! — сквозь зубы прошипел Руднев. Его уже ощутимо потряхивало от ярости. Даже рука подрагивала на одеяле.

— Ты всегда так сдержанно страдаешь! — умилился Панарин. — Я чувствую себя последней свиньёй, когда тебя довожу. Особенно, когда у тебя начинают дрожать губы и глаза наполняются слезами...

— Сволочь ты, — прошептал Андрей Константинович, закрывая глаза и стараясь успокоиться.

— Наверное. Жена тоже так говорила, — вздохнул Женечка, вставая с пола.

— Ты женат? — изумился Руднев, и даже злиться сразу забыл.

— Развёлся. Два года уже как. Обидчивая слишком оказалась. От самых невинных шуток впадала в форменную истерику... — Панарин снова присел к Рудневу на кровать, сияя широкой улыбкой. — Вот если бы я твой мобильник в окно выкинул, ты бы дал мне по морде и заставил бы новый купить. Так? Инцидент исчерпан — все довольны. А эта несчастная жертва обывательской морали визжала, как будто я живого человека с крыши скинул. Или: если бы я щедро полил твой новый костюм шампанским, ты пошипел бы и успокоился. А эта дама сочла себя смертельно оскорблённой, несмотря на то, что я предварительно три раза (!) попросил её заткнуться и не мешать мне думать. Тем более, что дурацкий корпоратив, на который она меня притащила — потому что все, видите ли, будут там со своими вторыми половинами — был самым тухлым мероприятием на свете...

Руднев вдруг накрылся с головой одеялом и дико захохотал. Он стонал и всхлипывал, стучал кулаком по кровати и силился что-то сказать, и всё никак не мог успокоиться. Женечка взирал на его истерику благосклонно и, добродушно усмехаясь, ждал, когда исчерпается рудневский восторг, вызванный его незатейливым рассказом.

Наконец, Руднев высунул нос из-под одеяла: яркие серые глаза блестели, ресницы

слиплись от слёз, а бледные прежде щёки пылали румянцем.

— Можно тебя попросить водички принести? — как можно ласковее обратился он к другу.

— Отчего же нет, Рудичка? Конечно, можно, — также нежно ответил Панарин.

— Тогда — будь так любезен...

Проводив Женечку дурацкой ухмылкой на пол-лица, Руднев снова натянул на себя одеяло и, судя по трясущимся плечам, опять предался необузданному веселью. За коим занятием и застал его вернувшийся с кухни друг.

Выпив, не отрываясь, полный стакан воды, Руднев смерил Женечку жизнерадостным взглядом и подрагивающим от смеха голосом, наконец, изрёк:

— Ну и дебил же ты, Панарин!

— Согласен, — хмыкнул доктор.

===== Глава 59. В чём подвох? =====

В кабинете главврача было тихо. Только ветер шуршал полосками тканевых жалюзи, которые рассеивали солнечный свет и окрашивали его в призрачный зеленоватый оттенок. Панарин, спрятав руки в карманы халата, с отсутствующим видом покачивал носком ботинка, сидевший напротив него Радзинский задумчиво перебирал чётки, а хозяин кабинета — Олег Иванович — в замешательстве переводил взгляд с одного на другого.

— Ну, хотите — консилиум созовём? — решил он наконец.

— Да, — сказал Радзинский.

— Нет, — сказал Панарин.

Олег Иванович схватился за голову:

— Боже, дай мне терпения! Знаете что — я сейчас покончу со всем этим кошмаром своим волевым решением! Будем тянуть жребий!

— Давай, — согласился Радзинский.

— Нет, — сказал Панарин.

— Да что же это такое! Евгений Алексеевич! Долго мы будем ещё препираться?!

— Я и в пять лет всегда вытаскивал тот жребий, который хотел. Да и Викентий Сигизмундович на простачка не похож. Вы бы ещё предложили мне с вами в карты сыграть, — хмыкнул Панарин.

Радзинский ухмыльнулся, не поднимая головы.

— Ладно, — Олег Иванович призвал на помощь всю свою выдержку. — Как насчёт испытательного срока?

— Согласен, — сказал Панарин.

— Нет, — сказал Радзинский.

Почтенный доктор просто взвыл.

— Разбирайтесь сами! — решительно заявил он и вылетел вон из кабинета.

— Угрожать будете? — сразу спросил Панарин, как только они остались с Радзинским наедине.

— А смысл? — пожал плечами Викентий Сигизмундович. Он поднял руку, как будто поправляя рубашку на груди, и незаметно сделал мизинцем движение, словно зацепил что-то и потянул на себя. В воздухе между ними мелькнула зелёная ниточка, обвилась вокруг пальца Радзинского и тут же пропала.

Женечка настороженно поднял голову, но потом вздохнул и с досадой щёлкнул по уху пушистого зайчика, сидящего на письменном столе главврача между телефоном и откидным

календарём.

— Руди — человек, а не морская свинка! — в отчаянии воскликнул он.

— Да уж, на свинку он не похож, — хмыкнул Радзинский.

— Почему Вы не хотите отдать его мне на поруки?!

— Потому что он обведёт тебя вокруг пальца, — рассудительно заметил на это Радзинский. — Ты спрашивал у него, что он намерен сделать с диском?

— Спрашивал, — обречённо вздохнул Женечка. — Он сказал, что дождётся, когда этот Ваш жуткий мальчик явится, чтобы выторговать у него эту штуку, и тогда расквитается с ним по полной программе.

— Я думаю, он точно знает, о чём говорит, — подтвердил Радзинский.

— Так вправьте вашему мальчику мозги! Если он сам не полезет на рожон, то ничего с ним и не случится!

— Давай будем реалистами, — примирительно сказал Викентий Сигизмундович. — Мы оба прекрасно знаем, что Руднев не просто так считает, что мальчик к нему непременно придёт. Он знает это наверняка. Мы можем только предполагать, какие инструкции этот самый «мальчик» выдал твоему драгоценному приятелю, когда понял, что план провалился. Князевская миссия слишком важна для тех сил, которые пестовали его на протяжении столетий, чтобы просто так отступить при первой же неудаче. То, что я делаю, я делаю не для себя. И где я не прав?

— Да во всём Вы правы! Но я считаю, что это можно сделать по-другому. Не давить при этом человека асфальтовым катком! — горячился Панарин.

— Мне нужен результат, — внушительно произнёс Радзинский. — Руднев никогда не согласится ни на одно из моих условий, если не окажется в абсолютно безвыходном положении.

— И Вам не капельки его не жалко?! — ужаснулся Женечка.

— Я не сентиментален, — снисходительно заверил его Радзинский.

— Ладно. Как хотите, но Руди я Вам не отдам. — Панарин с непримиримым видом скрестил руки на груди.

— И не надо. Он сам придёт, — уверенно заявил вдруг Радзинский.

— С чего Вы взяли? — насторожился Женечка.

Радзинский только усмехнулся.

— Иди, Панарин. Работай. — Он не спеша поднялся и взял со стола свои ключи и мобильник.

— Пойдите! Вы... что Вы задумали? Отвечайте немедленно!

— Ещё чего! — развеселился Радзинский, рассовывая вещи по карманам.

— Но я не позволю Вам Руди в блин раскатывать! — Панарин вскочил.

Радзинский возвышался над ним на целую голову, но доктор, сжав кулаки, бесстрашно сверкал влажными карими глазами и вид у него при этом был совсем не беспомощный.

— Уважаю благородных людей, Панарин. — Радзинский вдруг обнял доктора одной рукой за плечи, а другую запустил ему в волосы и нежно погладил большим пальцем его висок. Женечка оторопел. Пользуясь его замешательством, дед, насмешливо глядя растерянному доктору в глаза, пропустил его каштановые волосы сквозь пальцы, оставляя в них золотистые и розовые нити. — Повезло Рудневу, что у него такой преданный друг. Если есть на этом свете вещи, ради которых стоит на всё закрывать глаза, так это любовь. Согласен? — низкий бархатный голос Радзинского звучал как тихий шёпот морской волны, с

отстранённым шелестом набегающей на прибрежный песок. — А настоящая любовь может быть только одна — христианская. Всё остальное — подпорченные грязными вибрациями суррогаты.

— И в чём подвох? — уже вполне мирно поинтересовался Женечка.

— Да расслабься! Подвох он ищет... — Радзинский крепко обнял Панарина уже обеими руками и нежно чмокнул в макушку. — Просто скажи мне, Женя, где бы ты был сейчас, если бы десять лет назад оказался таким же непринципиальным? Сколько сотен загубленных душ висело бы ныне на твоей совести, если бы из братской солидарности ты остался бы с Рудневым, а не порвал с ним, чтобы пойти по другому пути?

— Сейчас — другое дело, — глухо отозвался Панарин, не поднимая головы.

— Ага. — Радзинский, неспешно ведя левой рукой по спине доктора, незаметно крепил к его позвоночнику разноцветные нити, которые светящимися струйками вытекали из его пальцев и сразу впитывались: синяя — к синему, зелёная — к зелёному, жёлтая — к жёлтому... — Теперь ты неуязвим. Теперь на тебе броня... Сверкающие доспехи Истины, которые уберегут твоё добродетельное сердце от искушений, — с иронией кивал он.

— Вы что, во мне сомневаетесь? — Панарин недовольно отстранился. Лицо у него при этом было такое, как будто его не до конца разбудили.

— Господь с тобою! — ласково усмехнулся Радзинский. — Я даже в Рудневе не сомневаюсь, а уж в тебе... — И он принялся гладить Панарина по голове и по плечам. — Не бросай своего друга, Женечка. Я верю — ты сумеешь его вытянуть. Никто не сможет, а ты — сможешь. Потому что любовь — величайшая сила. Я знаю, ты приведёшь его ко мне...

Нерешительно заглянувший в кабинет Олег Иванович только головой покачал, глядя на довольного Радзинского и на сомнамбулически пошатывающегося перед ним Панарина, над которым дед колдовал уже совершенно беззастенчиво и открыто.

— Ты молодец, Евгений, — шептал он, упираясь указательным пальцем ему в лоб. — У тебя чистые мысли, благородное сердце, негибаемая воля, — он поводил пальцем по часовой стрелке, потом приложил ко лбу ладонь. Когда он отодвинул её, между его рукой и лбом Панарина сияла голубая светящаяся сфера. — Руди мальчик внимательный — ниточки он сразу заметит. А мы ему не покажем... Правда, Жень? — Рука Радзинского спустилась ниже, и теперь его палец упирался Женечке в горло. Манипуляция повторилась. Между ключицами зажглась синяя сфера, и рука Радзинского двинулась к груди. Напротив сердца засветился зелёный шар, в районе солнечного сплетения — жёлтый. На этом Радзинский остановился.

Олег Иванович с нескрываемым восхищением глядел на цветные пульсирующие огни энергетических вихрей на теле Панарина.

— Жень, вдохни поглубже, — шепнул Радзинский и подул по очереди на каждый шарик. Панарин делал одновременно с его дуновением вдох, и светящаяся сфера исчезала, как будто втягивалась вглубь его тела. — Ну, вот и хорошо, — с облегчением выдохнул Радзинский. — А ты утверждал — не договоримся...

Панарин открыл глаза, и некоторое время смотрел в пол, потом цепко взглянул на Радзинского.

— Значит — договорились? — недоверчиво спросил он.

— Да, — просто ответил Радзинский. — Теперь Андрей Константинович Руднев — полностью твоя забота. Как ты и хотел. Олежек, извини за то, что нервы тебе потрепали, — обернулся он к хозяину кабинета. — Сам понимаешь — вопрос был не из лёгких... Жень,

проводишь меня?

— А? — вышел из задумчивости Панарин. — Да, конечно! — Он последовал за Радзинским, налетев в дверях на главврача. — Извините, — смущённо пробормотал он.

— Пустяки, — до странности добродушно ответил этот замкнутый, сурового вида человек, почти невесомо касаясь его локтя.

Радзинский крепко обнял старого приятеля.

— Не расслабляйся, — шепнул он другу на ухо, похлопывая по спине.

— Понял, — так же шёпотом ответил тот.

===== Глава 60. Меньше пудры =====

— Коль, ты где? — сев в машину, Радзинский первым делом позвонил напарнику. — В смысле — дома? Ах, у себя дома... Я подъеду? Ты куда не уходишь? Вот, и ладно...

Несколько секунд он сидел с низко опущенной головой, потом положил руки на руль, словно собираясь с силами, и, наконец, завёл мотор. Ехал Викентий Сигизмундович, что называется, «на автопилоте». Но каким-то чудом он добрался-таки до тихого аверинского дома целым и невредимым.

Войдя в гостеприимно распахнутую заранее дверь квартиры, Радзинский даже не взглянул на её хозяина. Вяло махнув рукой, и неразборчиво пробормотав «привет», он напрямик направился в спальню, по дороге сбрасывая ботинки, оставляя на первой же подвернувшейся поверхности часы и прочие предметы, наполнявшие его карманы, вынимая ремень из брюк, который бросил прямо на пол. Добравшись до кровати, он просто рухнул на неё, лицом вниз, и спрятал голову под подушкой.

— Шторы закрой, — невнятно пробурчал он вопросительно застывшему у постели Николаю Николаевичу. — И окно. И дверь. Хочу, чтобы было тихо. И темно... — Он перевернулся на спину, с тоской во взгляде встречая укоризненное аверинское:

— Это то, о чём я думаю?

— Коль, отстань. В смысле — перестань! — он требовательно схватил за руку, повернувшегося, чтобы уйти Аверина. — Немедленно иди сюда! — приказал он раздражённо.

Аверин покорно сел на постель, а после секундного колебания, забрался в неё с ногами. Радзинский удовлетворённо вздохнул и положил голову ему на колени.

— Ни слова, — предостерегающе сказал он Николаю Николаевичу. — Ни слова, если ты не хочешь, чтобы меня хватил апоплексический удар!.. — И одобрительно замычал, когда Аверин начал гладить его по голове, нежно перебирая пальцами волосы. Обхватив руками аверинские колени, он уснул необыкновенно быстро. Так быстро, как умеют, наверное, только коты.

Николай Николаевич, откинувшись на подушки, продолжал кончиками пальцев осторожно массировать его голову. Прикрыв глаза, он увидел залитый солнечным светом луг и себя — сидящего, прислонившись спиной к дереву. Радзинский, растянувшись на спине, лежал рядом. Голова его всё так же покоилась у друга на коленях. Волосы у Викентия Сигизмундовича сейчас были тёмные, с золотистым отливом, густые и — не то чтоб длинные — но именно такие, которые обычно называют львиной гривой. Безбородое лицо Радзинского поражало своей кинематографичностью. Мужественный подбородок, высокие скулы, решительный профиль и красивый лоб: так выглядят, как правило, «киношные» благородные герои. «У них нет шансов!» — смеялся всегда Аверин, имея в виду мгновенно тающих рядом с Викентием представительниц слабого пола.

Радзинский вдруг открыл свои янтарные кошачьи глаза и поцеловал Аверину руку, поймав её на лету.

Аверин тихонько рассмеялся:

— Рано ещё. И целовать ты мне будешь не руки, а ноги. Упрямое ты животное!

— Ваше Святейшество! Простите, не признал. С восторгом облобызаю Вашу туфлю, — насмешливо пробормотал Радзинский, снова закрывая глаза.

В руках у Аверина блеснул флакон. Со звонким хлопком вынув пробку, Николай Николаевич перевернул пузырёк над головой Радзинского, и на лоб ему полилось ароматное тёплое масло. Оно стекало по вискам, струилось по лицу, заливало блестящими дорожками волосы. Казалось, что у этого скромного по размерам сосуда нет дна.

Аверин, прикрыв глаза, шептал что-то монотонно и успокаивающе, и подушечками пальцев чертил на скользкой от масла коже непонятные знаки.

— Руки, — тихо сказал он.

Радзинский, не глядя, протянул ему обе руки ладонями вверх. Аверин наполнил их маслом и принялся колдовать над каждым пальцем отдельно: проводил по всей длине маслянистую линию, шептал что-то и ударял по самому кончику пальца, от чего тот дёргался, и капля масла падала вниз, на траву. Проделав всё это с каждым из десяти пальцев, Аверин бесцеремонно спихнул голову Радзинского на землю и переместился к его ногам. Положив босую ступню драгоценного Вики себе на колени, он плеснул на неё масла и снова зашептал еле слышно, поглаживая при этом каждый бугорок и разминая каждый палец.

Радзинский, закинув руки за голову, блаженно улыбался и иногда дёргал ногой, когда было щекотно. У самого его лица покачивались ромашки. Их пряный лекарственный запах приятным теплом заполнял лёгкие. Ощущение было такое, будто развязались внутри туго затянутые замызганные узелки, и всё плохое вдруг вылилось на землю, и дышать стало необыкновенно легко. Он с наслаждением потянулся всем телом и тут же получил от Аверина шлепок по лодыжке.

— Лежи смирно.

Радзинский счастливо усмехнулся и закрыл глаза. От горячих прикосновений солнца сонная истома разливалась по телу. В груди расслабленно трепыхалось умиротворённое, довольное сердце. Казалось, чистая ключевая вода, вливаясь через макушку, струится внутри свежими потоками, вымывая скопившуюся грязь, и вытекает через пальцы ног, унося с собой всё неприятное и ненужное.

— Спасибо, Аверин, — прошептал Радзинский, погружаясь в глубокий сладкий сон.

Когда он проснулся, было уже два часа ночи. От переизбытка сил хотелось выпрыгнуть из кровати, распахнуть окно и прокричать на всю улицу что-нибудь глупое, молодецкое. Обнаружив, что всё это время он так и спал на коленях у Аверина, Радзинский осторожно поднял голову и грациозно, по-кошачьи потянулся. Почувявший свободу Николай Николаевич тут же повернулся на бок и крепко обнял подушку. Посмеиваясь, Викентий Сигизмундович погладил его по голове и благодарно чмокнул в висок. Укрыв Аверина одеялом, он ушёл на кухню, где под уютное пение чайника принялся увлечённо набирать что-то на ноутбуке и не отрывался от этого занятия до самого рассвета.

Несмотря на распахнутые настежь окна, в кухне было невыносимо жарко. Солнце, в ясную погоду всегда заглядывавшее сюда по утрам, отражалось ото всех гладких поверхностей: смесителя, чайника, белой эмалированной мойки — и нещадно слепило

глаза. Становилась видна каждая трещинка на посуде — самая тоненькая и незаметная прежде. В таком интенсивном солнечном свете всё выглядело задумчивым и потусторонним, как на старых картинах: мебель и стены, щедро облитые горячим солнечным сиропом, иконы, на окладах которых горели ослепительные крохотные искры, яблоки, из еды сразу превратившиеся в произведение искусства.

Но жарко этим утром здесь было отнюдь не от солнца: от раскалённой плиты поднималось дрожащее марево, но зато оттуда же неслись соблазнительные запахи печёных яблок и корицы. Аромат этот исходил от яблочного пирога, который Викентий Сигизмундович только что вынул из духовки. Потыкав пирог деревянной зубочисткой, Радзинский удовлетворённо замурлыкал себе под нос какую-то лирическую мелодию и обернулся, чтобы взять блюдо, на которое собирался выложить свой кулинарный шедевр. Тут он и заметил, что на пороге кухни, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к косяку, стоит заспанный хмурый Аверин и смотрит на довольного товарища как-то уж очень холодно и неприветливо.

— Коленька! — Радзинский, ни капельки не смущённый его ледяным взглядом, сияя, пошёл с распахнутыми объятиями навстречу, но Николай Николаевич поднырнул под его руку и с независимым видом уселся на стул, расположенный в самом недоступном углу кухни.

Викентий Сигизмундович еле удержался от смеха, с умилением глядя на взъерошенного Аверина, мрачно нахохлившегося по другую сторону стола. Но сегодня решительно ничто не могло испортить радужного настроения Радзинского. Он уверенно двинул стол в сторону и сумел впихнуть в образовавшуюся щель второй стул. Теперь Николай Николаевич оказался практически зажат в своём углу.

— Никуся, — покровительственно приобняв спинку аверинского стула, проворковал Радзинский. Он попытался придать своему голосу самое покаянное звучание, на которое только был способен. — Никусечка, я безмозглый пижон — я признаю. Я злой Карабас, коварный манипулятор. Но я готов пообещать, что больше я так не буду. Только не сердись, дорогой... — Он подпустил ещё больше шёлку и сладости в свою напевную речь.

— Ты это уже обещал, — сухо прервал его Аверин.

— Никуся, я вчера...

— Я видел уже ночью что, где и с кем ты вчера... — злым голосом перебил Николай Николаевич. Он рывком развернул к себе ноутбук и мрачно поглядел на экран. Внезапно заинтересовавшись, он прокрутил документ к началу и принялся читать, с каждой строчкой увлекаясь всё больше. Радзинский, ухмыляясь, незаметно подсунул ему чашку чая и кусок пирога, от души посыпанный сахарной пудрой. Машинально расправившись с пирогом, Аверин лизнул сладкие пальцы и сразу с досадой вспомнил о хороших манерах. Он хмуро взглянул на Радзинского и тот заботливо подал ему салфетку.

— Это ...здорово, — слегка севшим голосом признался через некоторое время Аверин. — Сразу видно, что тебя посетило вдохновение. — Он рассеянно заглянул в опустевшую чашку и смущённо пролепетал «не надо», когда Радзинский бросился наливать ему ещё чаю.

— Значит, ты одобряешь?.. — осторожно поинтересовался Викентий Сигизмундович.

Николай Николаевич вздохнул и надолго припал к чашке.

— Ты придумал всё идеально. Аж дух захватывает. Вики, я очень расстроюсь, если хоть что-то из твоих установок не сбудется.

— Может, я в таком случае попадаю под амнистию? — лукаво намекнул Радзинский.

— Кто я такой, чтобы прощать или не прощать тебя? — вздохнул Аверин. — Я могу только надеяться, что с тебя за это не спросят. И что обо мне ты будешь вспоминать не только после, но и до того, как наступит очередной «крайний случай». И не надо оправдываться. Я прекрасно знаю, что ты скажешь. Что Панарин слишком силён, чтобы воздействовать на него другим способом, что князевское дело слишком значительно, чтобы пускать всё на самотёк, что Руднев чересчур опасен, чтобы оставить его без присмотра... Но объясни мне, зачем после этого ты сел за руль?! Да ещё имел наглость позвонить мне и ничего не сказать! Что — трудно было попросить приехать за тобой?!!

— Эм-м... Коль, я знал, что доеду. Поверь мне. И я не мог ждать. Так что...

— Ну да. Конечно. Опять ты кругом прав, а я — только зря истерики устраиваю! — обиженно отвернулся Николай Николаевич.

— Я этого не говорил! — поспешно открестился Радзинский, придвигаясь к другу поближе. — Наоборот, мне очень приятно, что ты за меня так переживаешь. — Он бережно взял хрупкую аверинскую руку и нежно её погладил. — Ты вообще единственный человек на всём белом свете, который обо мне беспокоится. Все остальные считают, что я такой крутой — чего волноваться за супермена? — хмыкнул он.

— Пирог очень вкусный. Только пудры столько не надо, — печально ответил на это Аверин.

Радзинский с облегчением расхохотался. Он закрыл ноутбук и отодвинул его подальше.

— Понял. — Он энергично принялся накрывать на стол. — Коль, мне, правда, очень стыдно, — лукаво поглядывая на друга, оживлённо говорил он. — Прямо сквозь землю хочется провалиться — честное слово! Я тут подумал: заездили мы тебя. Может нам махнуть куда-нибудь на недельку-другую? Отдохнуть. Туда, где море... В Грецию, например?

— Я же просил — меньше пудры, — сухо ответил Николай Николаевич. — Мои мозги — не пирог. Я прекрасно знаю, что Костас звонил тебе позавчера и в панике умолял тебя приехать. Наверняка курьер уже билеты доставил.

— Коленька! Ну, какая же ты лапочка, когда дуешься! — умилился Радзинский и со смехом потрепал Николая Николаевича за щёку. — Ну, просто прелесть! — он стиснул друга в объятиях и взъерошил своей огромной лапой седые аверинские волосы.

— Хватит меня тискать, — яростно прошипел Аверин, выворачиваясь. — Я от этого добрее не стану! — И, вопреки собственным словам, добрея прямо на глазах, снисходительно добавил, — С тебя десять плиток шоколада.

— Колюнечка, ну куда тебе столько? — радостно ужаснулся Радзинский. — Ведь это же... вредно...

— Не вреднее, чем безответственное поведение за рулём, — сурово припечатал Николай Николаевич. — Когда самолёт?

===== Глава 61. Киллер =====

Бергер был ужасно задумчив и непривычно неразговорчив. Прислонившись плечом к холодильнику, он с абсолютно отсутствующим видом пронзал пространство над головой Романа холодным светом своих синих глаз. На столе перед ним совершенно нетронутой остывала чашка крепкого чая. Это был первый день пребывания Кирилла дома после больничного заключения. Но, ни этот факт, ни апатичное настроение приятеля нисколько Романа не смущали. Он молча пил чай и беззастенчиво разглядывал слегка похудевшего и побледневшего в больничных стенах товарища.

Роман безо всякого приглашения явился к Бергерам практически в тот самый момент, когда Кирилл только переступил порог своего дома. Для такой настойчивости была причина.

— Я завтра уезжаю на дачу к тётке. До конца каникул, — сообщил Роман, отвечая на вопрос Катерины Сергеевны о своих дальнейших планах на лето. — Вы Кирилла со мной отпустите? — Было приятно почувствовать, наконец, пристальное внимание со стороны безучастного до этой минуты ботаника: взгляд Бергера не испепелял — нет — он давил — весомо и вполне ощутимо.

— Мне кажется, что это не совсем удобно... — неуверенно начала Катерина Сергеевна.

— Ну что Вы! Мои родители будут только рады! И Лидия Вениаминовна — тоже. У неё огромный дом и она живёт в нём совсем одна. Муж умер — он был художником и это, кстати, его дом. Детей у них не было. А Кириллу, мне кажется, просто необходимо поправить здоровье на свежем воздухе.

— Ты прямо-таки коммивояжёр — так завлекательно всё расписываешь! — поддела его Катерина Сергеевна. Она была довольно остра на язык, и даже супруг не всегда решался с нею спорить.

— А у меня своя корысть — довольно цинично признался Роман. — Отправляться в ссылку в такую глушь в одиночестве — приятного мало. Общаться там практически не с кем, а мне уже не пять лет, чтобы от рассвета до заката плескаться в озере, или ловить кузнечиков. А сидеть круглые сутки за компьютером можно и в Москве. Какой смысл тогда уезжать?

Как Роман и предполагал, мнение Кирилла в этом вопросе совершенно не учитывалось. Как мама скажет, так и будет. Это Роман ясно увидел, когда готовился к сегодняшнему визиту. Данный факт ужасно его обрадовал. Ведь уговорить самого Бергера поехать с ним шансов было мало. Да ещё за такой короткий срок. А договориться с бергеровой родительницей — авторитарной и беззастенчиво помыкающей своим кротким и покладистым сыном — элементарно. Поэтому участь несчастного ботаника была заранее решена. Даже «помогать» Катерине Сергеевне принять правильное решение практически не потребовалось. Практически. Ну а Бергер переживёт. Как говорится: назвался груздем — полезай в кузов. То есть в данном случае назвался Ключом... Ну, да это неважно!..

Вечером позвонил Радзинский. Поздравил.

— С чем? — аккуратно поинтересовался Роман.

— С успешно проведённой операцией, — охотно пояснил Викентий Сигизмундович. — Молодец, — похвалил он. — Всё просчитал. Нигде не ошибся. Стопроцентный результат. Такие люди нам нужны. Впрочем, я в твоих талантах никогда не сомневался. Я тут даже подумал... Может нам из тебя президента вырастить? Ну, или там премьер-министра... Израиль подойдёт в качестве плацдарма?

Роман ответил не сразу. Поразмыслил...

— Нет.

— Почему? — искренне огорчился Радзинский.

— Там как-то всё запущено, — честно признался Роман.

— Понимаю. Ну, да не беда! Время ещё есть. Подберём тебе более подходящее местечко. Но лёгкой жизни в любом случае не жди. Сам понимаешь — регион сложный, проблем море...

— Я не совсем понял — это что сейчас было? — насторожился Роман.

— Это — невесомый поцелуй грядущего, Ромашечка. Пройти Карту до конца — не самоцель. Сила нужна тебе для чего-то. Помни об этом. Ты так жёстко взял в оборот бедняжку Бергера, что даже мне не по себе стало. Ослабь свою хватку. Обрати внимание на мир вокруг. Ты всё так буквально понимаешь — насчёт Ключа — это настораживает. Поверь, если ты не будешь так крепко держать Бергера за горло, он, возможно, сумеет сообщить тебе то, чего ты от него так ждёшь. И, вообще, не мучай мальчика. Он, знаешь, сколько сил на твоего босса угрохал! Если уж ты решил вывести его на природу, то, будь любезен, позаботься о том, чтобы он хорошо отдохнул.

— Э-э-э...

— Вот именно. Я вижу, мы друг друга поняли. В таком случае — салют, Ромашка! И постарайся не напортачить, раз уж ты такой самостоятельный.

— У тебя что там — кирпичи? — весело поинтересовался Роман, когда по скрипучей лестнице с деревянными витыми столбиками и потёртыми лакированными перилами нёс бергеровы сумки на второй этаж.

— Почему — кирпичи? Книги... — вяло отозвался Кирилл. Всю дорогу в машине он проспал: плеер в уши и отключился. Роман потом полубопытствовал: остороженько вынул один наушник и послушал. Оказалось, лекция по истории древней Церкви — нуднятина! Как тут не уснуть!

— Может, я сам? — Бергер сделал слабую попытку снова отнять у Романа одну из сумок.

Тот довольно обидно засмеялся:

— Это было бы жестоко с моей стороны! — Поймав в ответ неожиданно жёсткий взгляд, в котором мелькнула смертоносная сталь, он поспешил оправдаться, — Радзинский мне голову открутит, если ты надорвёшься. Он мне крепко-накрепко наказал, чтобы я с тебя пылинки сдувал.

Возмущённый Бергер проводил Романа подозрительным взглядом и тут, словно в наказание, едва не споткнулся, налетев на белого пушистого кота, который по-хозяйски раскинулся посреди коридора.

— Ой! Кисонька, извини. Я не хотел. — Кирилл присел на корточки и принялся тискать довольную бестию. — Какой ты красивый... — умилился он, поглаживая мягкую шёрстку. — Ух ты! У тебя глаза голубые! Первый раз вижу кота с голубыми глазами! И как нас зовут?..

— Киллер. — Роман поставил сумки на пол и насмешливо поглядел сверху вниз на шокированного Кирилла.

— Что?!

— Что слышал. А ласково Килькой кличут.

— Бедный котик... — Кирилл не решился далее озвучить свои мысли по этому поводу и только осуждающе покачал головой. Подхватив на руки разомлевшее от ласки животное, он решительно поднялся. — Куда теперь?

Роман оглянулся, и сразу закашлялся, чтобы скрыть смущение: две пары голубых глаз смотрели на него одинаково строго и изучающе.

— Следующая дверь, — пробормотал он, ускоряя шаг.

«Ну надо же!», — поражался он про себя. — «Феноменальное сходство!». И вспомнил, как позапрошлым летом неизвестно откуда взявшийся белый котёнок уверенно запрыгнул к

нему на колени, свернулся клубочком и преспокойно уснул. Лидия Вениаминовна, которая вышла через некоторое время в сад, чтобы позвать любимого племянника обедать, просто растаяла при виде этого ангельского создания и, недолго думая, решила оставить его себе.

С именем получилось и того проще. Вежливо полакав предложенного молока, котёнок уселся на соседний с Романом стул и принялся терпеливо ждать, пока избранный им хранитель его белой и пушистой шкурки закончит свою трапезу. Он был сама невинность, но ровно до тех пор, пока мимо не пролетела муха. Совершив молниеносный бросок, котёнок эффективным, отточенным движением прижал насекомое лапой. Раздался недвусмысленный хруст, и трупик мухи был небрежно сброшен на пол. «Киллер!» — хором воскликнули потрясённые свидетели происшествия. Так это трогательное существо с ангельской внешностью и холодными глазами убийцы было избавлено от участи именоваться банальным Пушком или Снежком.

«И почему я раньше не понял, кого Бергер мне так сильно напоминает!» — удивлялся Роман про себя. — «Вот же он — его двойник — белый, пушистый и безжалостный. И тоже гуляет сам по себе — не очень-то я ему и нужен».

Это совпадение явно пахло мистикой. Спускаясь по лестнице за своими вещами, Роман с нервным смешком покосился на дверь, за которой находилось теперь целых два киллера. Руднев бы оценил иронию ситуации. Эх, босс, где-то ты теперь?..

В первый же день Роман усвоил, что пообщаться с Бергером, если он того не хочет, практически невозможно. Он ускользал так безукоризненно невинно — в смысле полной своей непричастности к развитию событий, что придраться было не к чему.

Не успел Роман представить Бергера тётке, как легко сходящийся с людьми не в меру коммуникабельный ботаник уже помогал ей на кухне. За обедом они, не замечая Романа, увлечённо беседовали о варикозном расширении вен, о преимуществах засолки перед маринованием и даже о льготах на оплату электроэнергии. На этом этапе Роман пока ещё благодушно позволял этим двоим себя игнорировать. Как ни крути — Кирилл ведёт себя безупречно. И избавляет своего товарища от необходимости вести пустую светскую беседу.

Но после обеда тётка повела Бергера осматривать дом и сад, и вот тогда они — уже окончательно — застряли на огороде. Часа через два после их ухода Роман начал терять терпение. Он отправился на поиски уже ощутимо взвинченный и злой.

Тётка возвышалась среди грядок — высокая и худая, как палка. На первый взгляд она казалась гордой и неприступной. Семейный князевский профиль — вопиюще неженственный — всегда внушал окружающим невольный трепет и почтение. Но образ суровой и воинственной еврейской девы на самом деле не соответствовал действительности. Лидия Вениаминовна была тихой и созерцательной натурой. Её тонкая девичья шейка, похожая на стебелёк, трогательно заправленные за ушки пряди седых волос, и мечтательный взгляд могли принадлежать только стеснительной, восторженной институтке, но никак не железной леди с крутым нравом.

Бергер — счастливый, в перемазанной землёй рубашке и грязных хлопчатобумажных перчатках, прижимающий к груди охапку собственноручно выдернутых из земли сорняков — с интересом выслушивал увлечённые тёткины рассуждения о нравах клубники и прихотях огуречной рассады. Ветер развеивал длинный тёткин сарафан, открывающий солнцу худые, загорелые плечи и ласково трепал русые волосы Бергера. Оба они посмотрели на возникшего перед ними Романа, как на пустое место, и тут же дружно отвернулись, продолжив свой

интересный разговор.

— Тёточка Лидочка, — вкрадчиво начал Роман, опасно сверкнув глазами, — Разве я не говорил Вам, что мой друг только вчера выписался из больницы? Ему противопоказаны физические нагрузки, с которыми, несомненно, связана работа на огороде...

Бергер испуганно прижал траву к груди и с тревогой посмотрел на Лидию Вениаминовну. Она с таким же смятением взглянула на Кирилла.

— А что это мы, в самом деле... — неуверенно заговорила она. И вдруг обрадовалась, — Мы же собирались к Серафиме Витальевне на чай! Она заждалась нас уже...

И, оживлённо переговариваясь, эти двое поспешно удалились на соседний участок, совершенно забыв про взбешённого и очень злого Романа.

Потом был ужин на террасе — с порхающими вокруг лампы мотыльками, бешено стрекочущими в ночи кузнечиками и таинственно мерцающим в вазочке земляничным вареньем. Ещё была задумчивая Лидия Вениаминовна, зевающий, трогательно клюющий носом Кирилл и терпеливый Киллер, бесстрастно таращившийся на Романа до тех пор, пока Бергер не подхватил его на руки, пробормотав всем «спокойной ночи».

Оставшийся в одиночестве Роман думал недолго и очень быстро пришёл к выводу, что такое положение вещей его не устраивает. Бергер здесь для того, чтобы он — Роман — разобрался, наконец, как работает это прихотливое устройство под названием «Ключ». Зависеть от случайностей Роман не собирался. А значит, завтра день должен сложиться совсем по-другому.

===== Глава 62. Romanus Vulgaris =====

Когда было нужно, Роман умел просыпаться рано. Не дав будильнику даже пикнуть, он вскочил ровно в восемь утра. Одевшись, умывшись и не спеша позавтракав, снова поднялся на второй этаж и вежливо постучал в дверь комнаты Бергера. Не получив никакого ответа, он для приличия стукнул ещё пару раз и решительно взялся за дверную ручку — беспечный ботаник, конечно же, не потрудился запереть на ночь дверь. За что сейчас и поплатится...

— Подъём, — холодно отчеканил Роман, бестрепетной рукой рывком раскрывая шторы.

— Не сегодня, — не открывая глаз, пролепетал Кирилл. — Подождём, может ему самому удастся и нам не придётся вмешиваться...

Роман застыл. Потом осторожно приблизился, присел на корточки, так что лицо Кирилла оказалось практически напротив, и с интересом оглядел свежий младенческий румянец мирно спящего ботаника.

— Удастся — что? — чётко спросил он.

— Кофе! — воскликнул Бергер, внезапно открывая глаза.

— Что — кофе? — опешил Роман.

— Ты пил сейчас кофе! — Бергер приподнялся на локте и, обвиняющим, абсолютно ясным взглядом уставился на Романа. Из-под одеяла выполз Киллер и, потянувшись, принялся старательно вылизывать свой белоснежный мех.

Трудно сказать, что поразило Романа больше: добровольно спящий под (!) одеялом Киллер или суровое обвинение Бергера.

— Ну да, я сварил себе на завтрак кофе... В чём криминал? — сухо поинтересовался Роман, (а как ещё, интересно, заставить себя проснуться в такую рань?).

— Который час? — вместо ответа спросил вдруг Кирилл.

— Половина девятого.

— Ясно. Тогда я ещё посплю. — И преспокойно отвернувшись к стене, непостижимый ботаник безмятежно уснул.

Роман в полном недоумении постоял над ним пару минут. Потом задумчиво покусал губы и, в конце концов, махнув рукой на гордость, уселся с книжкой в кресло, твёрдо намереваясь дожидаться пробуждения Кирилла и продолжить кропотливую работу по приручению своевольного инструмента.

Ждать Роману пришлось долго. Он сам едва не уснул к тому времени, когда Бергер соизволил, наконец, открыть глаза.

— Уже почти двенадцать? — Кирилл, потягиваясь и зевая, недоверчиво взглянул на лежавшие на тумбочке наручные часы. — Почему ты не разбудил меня пораньше? — укоризненно бросил он утомлённому долгим ожиданием приятелю.

Роман поднял на него удивлённые глаза, а потом расхохотался — это была настоящая истерика — он сложился в кресле пополам и, уткнувшись в книжку своим благородным носом, весело хрюкал и всхлипывал до умопомрачения.

— Я рад, что у тебя хорошее настроение, — покосился на него Кирилл, застёгивая рубашку. — Но караулить меня больше не надо. Я никуда не денусь.

Роман мгновенно пришёл в чувство.

— Да? А вчера — что тогда было? — холодно спросил он.

— Ничего, — безразлично пожал плечами Кирилл. — Одному Богу известно, что тебе показалось.

— Ну, хорошо. — Роман внезапно почувствовал себя полным дураком. — Я просто хотел убедиться, что ты не улизнёшь с утра пораньше с тёткой на огород или к соседским старушкам чай пить. Сегодня мы идём с тобой на озеро — возражения не принимаются.

— Как скажешь, Рома, — сдержанно ответил Бергер. — На озеро — так на озеро.

Роман на мгновение устыдился своего деспотизма, но быстренько придушил в себе зарождающееся раскаяние. Гордо хлопнув дверью, он ушёл на террасу. Если Бергер захочет его кинуть, он это сделает в любом случае. Поэтому ничего не остаётся, как просто ждать.

Кирилл появился примерно через полчаса в сопровождении тётки, в руках у которой была приличных размеров корзинка для пикника и огромный пляжный зонт.

— Это что? — враждебно поинтересовался Роман.

— Я вам бутербродов положила и холодный чай. Яблоки вот ещё и печенье...

— Зачем? — тихо свирепея, уточнил Роман.

— На свежем воздухе Вы обязательно проголодаетесь, — строго сказала Лидия Вениаминовна. — Кирюша не позавтракал как следует...

— Кирюша, ты почему не позавтракал как следует? — Бергер был награждён мрачным неприязненным взглядом.

— Торопился, — спокойно пожал плечами Кирилл. Похоже, его эта сцена забавляла.

— Ладно. Хорошо. Это мы возьмём. — Роман забрал у тётки корзинку. Только переложи всё в рюкзак. — А это зачем? — он показал на зонт.

— Чтобы не сидеть на солнцепёке... Ой! Надо же ещё покрывало вам дать!

— Нет! — рявкнул Роман. — Я не сумасшедший — переть за собой целый обоз!!! Следующим пунктом ты предложишь нам мебель, подушки и телевизор?!!

— Телевизор? — растерялась тётка. — Ну и фантазия же у тебя, Роман. — Лидия Вениаминовна всегда называла племянника полным именем. — Но у меня есть складные шезлонги...

— Нет! — теряя терпение, заорал Роман. — Нам не нужны шезлонги! Мы просто идём ГУЛЯТЬ!!! — и он вылетел на крыльцо, пнув по дороге попавшийся под ноги стул.

Кирилл с тёткой понимающе переглянулись и молча принялись перекладывать провизию в лёгкий матерчатый рюкзак.

Когда спустя десять минут Бергер подошёл к калитке, Роман раздражённо забрал у него поклажу, закинул её на плечо и, не оглядываясь, пошёл по дороге к виднеющемуся впереди лесу.

— Ром, — жалобно позвал Бергер, едва они углубились в чащу. — Давай присядем. Я уже отвык от дальних прогулок. Да ещё в таком темпе. Всё-таки мне последнее время всё больше лежать приходилось...

Внезапно проснувшаяся совесть доставила Роману несколько неприятных мгновений. Он мельком взглянул на изрядно порозовевшего, запыхавшегося Кирилла, на мелкие капли пота, блестящие у него на лбу, и резко остановился. Оглядевшись вокруг, шагнул с дороги и присел на оцетинившееся обломками сучьев поваленное дерево, за которым начиналась маленькая укромная полянка. Бергер прошёл чуть дальше и со вздохом облегчения вытянулся прямо на траве.

Впереди высились стройные меднотелые сосны. От покрытых солнечной мозаикой стволов рябило в глазах. Терпкий запах смолы стоял в нагретом воздухе густым благоуханным коктейлем, разбавленным травянистым настоем и пряным ароматом луговых цветов. Разомлевшие от жары бабочки лениво трепетали крыльями почти над самой землёй.

— А почему ты хотел пойти именно на озеро? — спросил Кирилл, переворачиваясь на живот и с интересом наблюдая за нарядной божьей коровкой, ползущей по травинке.

— Просто хотел показать тебе это место, — мрачно отозвался Роман. — Там красиво, и я всегда хожу именно туда.

— Люблю воду. Мы сейчас отдохнём немного и обязательно туда отправимся. — Бергер уронил голову на скрещённые руки и затих.

Роман подождал немного, потом подошёл поближе, сгрузил рюкзак в траву и сел с ним рядом. Кирилл лениво шевельнулся, приподнимая голову.

— Ты забросил Карту, — неожиданно заметил он.

— В смысле — забросил? — напрягся Роман.

— Скажешь, нет? Когда ты в последний раз там был? Не можешь даже и вспомнить...

Роман надменно выгнул бровь, готовясь достойно ответить, но Бергер опередил его, протянув руку ладонью вверх.

— Что? — не понял Роман.

— Держись.

Ничего не предпринимая, Роман подозрительно смотрел на раскрытую перед ним ладонь, пока потерявший терпение Бергер не схватил его с обречённым вздохом за руку сам. В следующее мгновение Роман увидел себя сидящим на берегу реки. Довольно широкой. И глубокой. Она медленно катила свои светлые воды по пёстрым гладким камням. Журча, омывала по пути корни деревьев. Вон они какие — раскидистые, высокие...

Бергер сидел рядом, спиной опираясь о могучий древесный ствол. Глаза его сияли от восторга.

— Ты понимаешь разницу между метафорой и соответствием? — он с наслаждением вдохнул полной грудью свежий запах речной воды и, широко улыбаясь, повернул голову в сторону Романа. — Ты понял, почему мы именно здесь?

Роман, всё ещё с удивлением озирающийся по сторонам, услышав этот вопрос, недовольно поморщился:

— Поменьше умных слов, Бергер. Где мы?

— Вода, — сверкая белоснежной улыбкой, Кирилл указал рукой в сторону блистающей на солнце реки. — Источник. В этом твоя проблема.

— Ты умеешь по-человечески изъясняться? — раздражённо прервал его Роман.

— Шойфет, ты ведь начал с Ливановым астрологией заниматься? — уточнил Кирилл.

— Причём тут астрология?

— Нептун. Это не только водная стихия, но и эмоции. Так вот: вода — эта не метафора, это соответствие...

— Бергер, я на тебя Радзинскому пожелаю, — зловеще посулил Роман. — И он сделает выговор Аверину. Возможно, они поссорятся на этой почве... Тебе своего учителя не жалко?

— Да я уже понял, что интриги и манипуляции — твой конёк, — сухо ответил на это Бергер.

— Обиделся — да? — усмехнулся Роман. — За то, что тебе придётся торчать в этой глуши всё лето...

— Нет, — нахмурился Бергер. — Но было бы неплохо, если бы предварительно ты потрудились спросить моего мнения по этому вопросу.

— Я же говорю — обиделся, — желчно заметил Роман. И, не дожидаясь, пока Бергер, уже открывший рот, осчастливит его ответом, стянул кроссовки и босиком пошёл к воде. — Ты плавать умеешь? — крикнул он, снимая футболку и джинсы — одежда была брошена среди группы живописных камней.

— Умею, — с досадой пробурчал Кирилл себе под нос, наблюдая, как Шойфет заходит на глубину и уверенно плывёт на другую сторону реки.

Выбравшись на берег, Роман, тяжело дыша, вскарабкался на громадный гладкий валун и разлёгся там, закинув руки за голову. Лёгкие белые облачка, проплывавшие над ним, незаметно начали менять форму. Бергер пристально смотрел, как одно облако трансформировалось в раскрытую ладонь, на которой вместо привычных линий жизни, сердца и ума, была ясно видна спираль. Она вдруг вспыхнула золотом, просвеченная насквозь солнечными лучами. Но облака двигались слишком быстро и уже в следующее мгновение другое — более тёмное, почти синее — облако наползло на белоснежную клубящуюся массу с очертаниями руки, сминая золотистую спираль угрожающим острием.

Кириллу это ужасно не понравилось. Властным жестом он отодвинул синее облако, а затем щелчком отправил его в свободный полёт за линию горизонта. Потом указательным пальцем аккуратно провёл по спирали, возвращая ей прежний идеально ровный вид. Увлёкшись, следующее облако он превратил в солнышко с забавными лучами-ресничками. Ещё одно — в цветок. И тут обнаружил, что облака закончились.

— Так-так-так, — раздалось внезапно над ухом. — Развлекаемся, значит? — Роман стоял над ним, пытаясь натянуть футболку на мокрое тело. — Работаешь исключительно в стиле примитивизма?

Кирилл вздрогнул и опустил руки. Он ничего не ответил, молча наблюдая, как со слипшихся от воды романовых волос падают тяжёлые капли, оставляя на камнях тёмные, расплывающиеся следы.

— Слушай, Бергер, — внезапно замаявшись, сказал Роман, и сел рядом на выступающий

из земли корень дерева. — Я всё никак не могу понять, как ты ко мне относишься...

— К которому из вас? — ехидно уточнил Кирилл.

— Объяснись, пожалуйста, — серьёзно попросил Роман. — Не выводи меня из терпения.

Кирилл взглянул на него слегка насмешливо:

— Если ты о том Князеве, который частенько донимает меня по ночам, снисходительно рассуждая о том, какой я своенравный и несамостоятельный, и не проще ли было бы совсем от меня избавиться, чтобы не заморачиваться с моими капризами — то его я предпочитаю не замечать.

— Я не мог такого сказать, — стиснул зубы Роман.

— Почему же — не мог? Если ты так думаешь?

— Я так не думаю.

— Ну, обманывай себя дальше. — Бергер встал, отряхнулся, явно собираясь уйти, но Роман не дал ему этого сделать: схватил за руку и резко дёрнул вниз. Бергер не удержался на ногах и, ойкнув, с размаху шлёпнулся обратно.

— Хорошо, я понял, — с трудом сдерживая гнев, заверил Роман. — Руднев тоже говорил, что я не контролирую своего двойника — я даже не понял тогда, о чём он толкует... К своему однокласснику — Роме Князеву, который сидит здесь сейчас рядом с тобой — ты как относишься?

Кирилл поморщился и потёр ушибленное бедро.

— Ну, начнём с того, что, согласно моей условной классификации, рядом со мной сейчас сидит Рома Шойфет — пожалуй, наиболее симпатичный мне из всех представителей вида *Romanus Vulgaris*, — весело начал он. Роман, зло прищурившись, слушал его, не перебивая: пусть разгулявшийся ботаник выскажется, окоротить его мы всегда успеем. — Шойфет определённо безумен, — увлечённо продолжал Кирилл, — но при этом охвачен неподдельной жаждой знания и временами довольно мил. Человеческого в нём гораздо больше, чем во всех прочих представителях данного рода и вида. Рома же Князев — наименее приятный в общении (даже по сравнению с Господином в чёрном) индивид. Контакт с ним по ощущениям больше всего напоминает сильную зубную боль. И если уж выбирать: получасовую беседу с этим чванливым, раздражительным, абсолютно бесчувственным уродом или бессонную ночь в обнимку с пачкой обезболивающего, то я бы предпочёл... Стой! Куда же ты? Ты ведь не дослушал! — Кирилл со смехом обеими руками ухватился за князевскую футболку. — Я бы предпочёл беседу с Князевым, потому что я ужасно боюсь зубных врачей!.. — и он самозабвенно захохотал, не выпуская из рук уже изрядно помятой ткани.

— Футболку не рви. Умник. — Роман сдержанно дёрнул плечом. — Если ты уже закончил веселиться, то, может, ответишь теперь серьёзно?

— В каждой шутке... — назидательно начал Бергер.

Но Роман его одёрнул:

— ...есть доля шутки — я знаю. Ну?

Кирилл сразу поскуцнел и вздохнул — тяжело и печально.

— Рома, сказать по совести — мы же с тобой не друзья. Ни в каком смысле. Ты озабочен мыслью, как бы меня наиболее рационально использовать. А я всё жду, когда же ты, наконец, перестанешь биться в стекло и обратишь внимание на то, что рядом окно нараспашку открыто. Грустно мне, Рома. Понимаешь?

— Наверное, да, — прищурился Роман. — Но, думаешь, мне веселее? Мы, как я понимаю, оба в безвыходной ситуации. Поэтому давай договоримся.

— Договор кровью будем скреплять? — мгновенно заледеневшим голосом поинтересовался Кирилл. Лицо его застыло бесстрастной маской. Роман даже и не понял: Бергер разозлился или, скорее, обиделся? Но он никогда ещё не видел мягкотелого ботаника таким разъярённым. Казалось, воздух вокруг него уже трещит от сухих электрических разрядов.

Опасаясь, что неверно сформулированный и не тем тоном заданный вопрос только усугубит ситуацию, Роман сперва растерялся: как же себя вести, чтобы окончательно всё не испортить? Но в следующее мгновение он очень кстати вспомнил хитреца Радзинского — поди, разберись, то ли он и правда искренней отеческой любовью к тебе проникся, то ли задумал чего. Но ведь как приятно, когда он тебя к сердцу прижимает! Определённо, сейчас отличный повод опробовать дедовскую методику!

Роман улыбнулся так широко, как только мог, и уверенно обнял Кирилла за плечи. — Дурак ты, Кирюха, — ласково сказал он, проникновенно глядя ему в глаза. — Напридумывал себе непонятно чего... — Он крепко прижал его голову к своей груди и, ухмыляясь, энергично взъерошил его светлые волосы, как если бы это был не Бергер, а пушистая бестия Киллер.

Кирилл слегка отстранился и с удивлением глянул на него. Через секунду губы его растянулись в понимающей улыбке, а ещё через мгновение он звонко расхохотался, уткнувшись лицом в футболку на груди незадачливого приятеля.

— Ро-рома, — вытирая слёзы, простонал он, продолжая всхлипывать от смеха. — Если бы я не слышал, я бы купился — честное слово! Но я всё равно тронут, — он, в свою очередь, обеими руками обхватил голову Романа и с чувством поцеловал его в лоб. — Ты невероятно убедителен. Такая достоверная иллюзия живого человеческого чувства! Викентий Сигизмундович может тобой гордиться. Он и так всё время повторяет: мол, Шойфет, по моим стопам пойдёт, каналья он эдакая!

— Так и говорит? — небрежно переспросил польщённый этим сомнительным комплиментом Роман.

— Д-да... — продолжал ухохатываться Бергер. — Он в полном восторге от твоей сволочной натуры! Он так восхищается, когда за твоими подвигами наблюдает! Прямо прослезиться готов от умиления! Вот, говорит, послал-таки Господь приемничка! А то Ливанов, дескать, слишком уж совестливый для такой грязной работы!..

Роман снисходительно щурился, лениво наблюдая за весельем товарища, и, как говорится, мотал на ус: может, Радзинский и шутит, но ведь в каждой шутке, есть доля шутки...

===== Глава 63. Живая вода =====

Роман проснулся посреди ночи со странным ощущением тревоги. Внутри словно скрёбся кто-то тоненькими коготками: сердце неприятно замирало, и противный холодок полз по позвоночнику. Путаясь в одеяле, Роман торопливо выбрался из постели и рванул в комнату Бергера. Он почему-то не сомневался, что какая-то опасность угрожает именно злосчастному ботанику. У Романа хватило выдержки открыть дверь в его комнату без лишнего шума и также тихо затворить её за собой. Он постоял немного, привыкая к темноте и прислушиваясь: никаких подозрительных звуков, только собственное дыхание и грохот сердцебиения в ушах. Подкравшись на цыпочках к кровати, на которой должен был спать

Кирилл, Роман вздрогнул, внезапно встретившись с ним глазами. Завернувшись в одеяло, Бергер забился в угол и глядел на него оттуда с непередаваемым выражением обречённости на лице.

Роман не придумал ничего умнее, как спросить:

— Ты чего?

Бергер не ответил. И в следующее мгновение Роман понял, почему: Кирилла трясло так, что зуб на зуб не попадал, и он вряд ли мог произнести хоть слово без риска прикусить себе язык.

— Тебе что-то приснилось? — Роман сел к Бергеру на постель и зачем-то пощупал его лоб. — М-да... — Выражение «покрылся холодным потом» можно было применить к Кириллу отнюдь не фигурально. Вытерев влажную ладонь о пододеяльник, Роман решительно обнял Бергера за плечи, и слегка встряхнул. — Вставай. Тебе надо умыться. Водички выпить...

Как был — в одеяле — Кирилл послушно побрёл за Романом. В ванной он со стоном закрылся локтем от резко вспыхнувшего яркого света, но покорно шагнул на шум бегущей в умывальнике воды. А в следующую секунду Кирилл едва не захлебнулся: Роман безжалостно сунул его голову под кран, предварительно позаботившись, чтобы вода была как можно холоднее. Он не отпускал Бергера по крайней мере минуту, пока тот в панике, но что удивительно — молча — задыхался и барахтался под ледяной водой. Когда Роман позволил ему, наконец, разогнуться, Кирилл был уже весь мокрый и дрожал теперь, похоже, от холода. Роман стоял с полотенцем наготове и тут же принялся энергично вытирать Бергеру волосы: не хватало ещё, чтобы это недоразумение простудилось. Мокрое насквозь одеяло было брошено на пол, а взъерошенный продрогший ботаник — за ручку отведён на кухню, где был заботливо укутан тёплым шерстяным пледом и получил чашку свежесваренного крепкого чая и блюдечко с мёдом.

— Спасибо, — с благодарностью пролепетал Кирилл, когда чай был выпит, и его, наконец, немного отпустило.

— Так что это было? — требовательно спросил Роман.

Бергер, немного поколебавшись, выпростал левую руку из пледа и не слишком охотно протянул её Роману. Через всю ладонь шёл глубокий воспалённый разрез. Роман ахнул и метнулся к аптечке. Дрожащей от волнения рукой он вылил на рану чуть ли не весь флакон перекиси водорода. Шипя и пузырясь, окрасившаяся розовым жидкость полилась на стол.

— Бергер, только не говори, что ты ниндзя или секретный агент, выполняющий по ночам особо опасные задания! — в сердцах воскликнул он, осторожно залепляя порез широким листом бактерицидного пластыря.

— Что? — не понял Кирилл. — Н-нет. Твой патрон пытался меня убить, — устало пробормотал он.

— Кто?! — опешил Роман. — Руднев, что ли?!

— Почему Руднев? — растерялся Кирилл. — Нет. Твой ...инфернальный босс — который Руднева терроризировал. До него он добратся теперь не может — там Панарин... А здесь я первую ночь один оказался. Он, как ты понимаешь, зол на меня...

— И он пытался тебя ...зарезать?

— Условно говоря, да, — неохотно откликнулся Кирилл.

— Но ты, конечно же, не лыком шит... — почему-то разозлился Роман.

— У меня есть защита, — нахмурившись, лаконично ответил Бергер и отвернулся.

Роман не совсем понимал, что именно его так раздражает: явное нежелание Бергера откровенно говорить о происшедшем, собственное бессилие в этой ситуации (неизвестно что бы он делал, если бы пришёл чуть раньше), или просто пережитый стресс просился наружу.

— Что же он меня-то не навестил? — язвительно поинтересовался Роман.

— Не шути так, — поморщился Бергер. — Да и зачем ты ему сейчас нужен?

— То есть?! — опешил Роман.

— Радзинский надёжно тебя закрыл. Этой гадости пока до тебя не добраться.

Роман устало провёл ладонью по лицу.

— Вы все... Мне хочется перебить вас поодиночке! Почему никто не считает нужным ставить меня в известность о таких вещах?

— Ты же не считаешь нужным спросить, хочу ли я провести в твоём обществе полтора месяца...

Это был удар ниже пояса. Роман аж задохнулся. Нечестно, Бергер. Неспортивно.

— Можешь хоть сейчас уезжать, — всё ещё сдерживая раздражение, гневно сверкнул он глазами.

— Спасибо. За разрешение, — прошептал Кирилл, прикусывая дрожащую губу.

— Вот только не надо слёз! — зло прикрикнул на него Роман, пытаясь скрыть охватившую его панику. — Бергер, слышишь, не смей рыдать в моём присутствии! — сдавленно проорал он. Но Кирилл уже всхлипнул и поспешно вскочил, намереваясь сбежать и предаться печали в одиночестве. Однако, запутавшись в пледе, он споткнулся и повалился прямо в объятия Романа.

— Ну что за манера такая: чуть что — сразу бежать! — возмутился Роман, без особых усилий подхватывая неуклюжего ботаника. — Чего ты ревёшь всё время, как девчонка? — Он посадил судорожно всхлипывающего Кирилла обратно на диванчик и поднял с пола плед. — Испугался, наверное? — запоздало посочувствовал он.

— Н-нет, — упрямо мотнул головой Кирилл. И Роман вдруг явственно ощутил, что Бергер говорит правду: нет в нём страха. Вообще. Он издалека задумчиво наблюдает за всем, что происходит здесь, на земле с его телом, и нисколько не беспокоится за исход событий. Как будто он этот фильм уже смотрел и точно знает, чем дело кончится.

Роман ощутил вдруг прилив — нет, не жалости — а самого горячего сочувствия. Настоящего со-чувствия. И Бергер сразу перестал быть чужим. Все его душевные движения неожиданно стали доступны Роману. Он даже дыхание затаил, боясь спугнуть нарождающееся... доверие?

Как так получилось? Но сомнений быть не могло: он мог просматривать Бергера, проникать в его сознание, читать его мысли и чувства. Понял ли это сам Бергер? Похоже, да. Вон как внимательно смотрит опухшими от слёз глазами. Такой несчастный. Сам себе не верит.

— У меня глаза слипаются, — говорит он устало. Ну, конечно — у него нет сил, сейчас с этим разбираться. Может, в этом всё дело: Бергер ослаблен и только благодаря этому Роман получил доступ к его сознанию?

— Хочешь, я лягу в твоей комнате? — сочувственно спрашивает Роман.

— Нет, — мотает головой Кирилл. — Это будет... странно.

— Меня это как-то мало волнует, — откровенно признаётся Роман.

— Всё равно — нет, — решительно отказывается Бергер. — Я возьму этот плед? А тс

моё одеяло...

— Конечно, о чём речь! Да и одеяло я тебе сейчас другое принесу.

— Не надо. Я вырублюсь прямо тут, если немедленно не окажусь в постели.

Роман помогает ему подняться, несёт за ним плед. Кирилл, и правда, движется как лунатик. Оказавшись в кровати, он немедленно закрывает глаза и сквозь сон бормочет:

— Открой, пожалуйста, шторы. А то — темно...

Роман укрывает Бергера пледом, отдёргивает гардины и стоит в нерешительности: может, надо всё же остаться?

— Иди, — еле слышно лопочет Кирилл.

Романа вдруг осеняет:

— Ты же можешь меня позвать, если что! Пообещай, что позовёшь, — требует он.

Кирилл кивает:

— Ладно. Только... слишком рано меня не буди... — и засыпает.

Роман уходит к себе и размышляет: почему он проснулся? Бергер его не звал — это точно. Значит, он уже тогда мог чувствовать, что происходит с Кириллом и потеря энергии тут ни при чём...

Ну почему вечно не у кого совета спросить?!!

Роман даже не заснул — не было никакого момента перехода в иное состояние сознания — просто с досадой махнул рукой и пошёл вдоль берега уже знакомой реки.

Вскоре до него донеслось блеяние овец, весёлые голоса пастухов, смех и плеск воды. Барашки, тесня друг друга, живой лавиной устремились к источнику влаги.

— Шалом! — Приветственные объятия со всех сторон, одобрительные возгласы и ободряющие похлопывания. — Ты дошёл до реки! — Живой интерес, легкое вежливое удивление на лицах, недоверчивое цоканье языком.

— Я настолько безнадёжен, что это вызывает удивление? — обречённо спрашивает Роман, украдкой озираясь по сторонам в поисках величественной фигуры в белом. Но старец уже стоит рядом.

— Шалом алейха, — приветливо кивает он. — Ты звал меня?

— В общем, да... — теряется Роман.

— Хочешь поговорить о Ключе?

— Да! — горячо соглашается Роман. — Раньше я не мог проникнуть за его ментальную защиту, а теперь я ощущаю все его мысли и чувства как свои собственные! — торопливо выпаливает он.

— Что же в этом удивительного? — ласково усмехается старец. — Он сам тебе позволил. Привёл сюда и дал возможность погрузиться в эту воду.

— Погрузиться в воду... — бормочет Роман, задумчиво глядя на реку, к которой его теперь тянет, как магнитом.

— Можно сказать, что это его послание тебе, образ его Любви. Ты — вода, которая кипит. Её нельзя пить, ею нельзя умыться — только обжечься. А эта вода — живая. Она очищает, утоляет жажду, приносит удовольствие, в конце концов.

— Насчёт кипятка — это метафора — я понял, — по губам Романа змеится ядовитая улыбка.

— Это — метафора, да, — смеётся старец. — А это, — он указывает в сторону реки, — соответствие...

Они оба смеются — легко и радостно. Роман чувствует, как раздражение отпускает его

— даже дышать становится легче. Они садятся под деревом — кажется, даже под тем же самым, которое днём выбрал Бергер — и долго молчат, наблюдая скольжение белых облаков в синем небе и их подёрнутое рябью отражение — в прозрачной воде.

— Как ты думаешь, откуда берутся мысли? — неторопливо поглаживая бороду, начинает старец.

— Я бы сказал — изнутри, если бы сам точно не видел, как они вторгаются в ментальное поле человека извне.

— Хорошо, — одобрительно кивает старец. — А ты замечал, что они отличаются друг от друга?

— В смысле — есть «плохие», а есть «хорошие»? — ухмыляется Роман.

— Ты не согласен? — с утрированным удивлением глядит на него старик.

Роман вздыхает с тоской.

— Ну, согласитесь, что это по-детски как-то. В действительности всё гораздо сложнее...

— В действительности всё гораздо проще, — настаивает старец. — Источника всего два. Ты принимаешь то, что исходит из одного и отбрасываешь то, что приходит из другого.

— Вы про первую ступень... — с досадой роняет Роман.

— Про неё. Ты должен принять решение. И следовать ему. Не будет усилий с твоей стороны — не будет результата.

— Да понял я, понял... — Роман поднимается и идёт к реке, на ходу сбрасывая одежду. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он с головой погружается в прохладную ласковую воду. Он ныряет и резвится как рыба, потом ложится на спину и медленно дрейфует, позволяя течению нести себя в неизвестном направлении.

Уже никого нет на берегу, а Роман всё плещется в реке, как ребёнок. Разглядывает камушки на дне, приманивает маленьких серебристых рыбок, зарывается пальцами в золотистый песок. Совершенно неведомые прежде чувства теснятся в груди. Их так много и они такие яркие, что, кажется, сердце сейчас разорвётся от безумного восторга, от превосходящей всякую меру Любви ко всему сущему и от полноты бытия.

Вода поглощает Романа со всеми его тревогами и страхами. Она заполняет его чистым беспримесным счастьем, дарит ощущение ни чем ни сравнимой чистоты помыслов, кристальной ясности сознания и безмятежности духа. И всего этого много — слишком много, чтобы можно было здраво рассуждать о происходящем или попытаться остановиться.

В конце концов, у Романа не остаётся сил удерживать эту реальность во всех подробностях. Он чувствует, что засыпает, но это не волнует его и он погружается в сон с улыбкой, зная точно, что вернётся сюда не раз, чтобы задать свои вопросы и получить ответы — без слов — а, значит, наиболее полные, исчерпывающие и всеобъемлющие. Ответы, которые можно бесконечно анализировать, разбирать на составные части, любоваться нюансами и общим сочетанием парадоксальных смыслов. Ответы, которые можно просто вдыхать, впитывать, не пытаясь вникнуть в частности или понять, как они устроены. Потому что есть Источник, который щедро одаривает жаждущий дух знанием настолько полным и глубоким, насколько ты можешь вместить. И потому что есть Бергер, которого язык уже не поворачивается назвать равнодушным безликим словом «Ключ».

===== Глава 64. Катарсис =====

Проснулся Роман на рассвете. Ночью прошёл дождь, и теперь было свежо и тихо. Сонные капли изредка срывались с ветвей и звонко плюхались на мокрую траву, над

которой невесомой периной парил туман. Смотреть на это великолепие из окна было недостаточно. Наспех одевшись, Роман спустился в сад и долго наслаждался безмолвием и интимностью словно для него одного замерших в тумане живых картин.

В душе его и в мыслях царила сейчас удивительная тишина, словно перекрыли бушевавший доселе кран с кипятком, который бурлил и обжигал всё внутри, или выключили, наконец, постоянно орущий радиоприёмник. Роман открыл для себя, что можно любоваться самыми обыденными вещами — вроде золотистых древесных волокон в толще влажных ступенек крыльца, а уж природа оказалась и вовсе неиссякаемым источником восторга. Никогда ещё так долго не добирался он до своей любимой скамейки под липами. Красота мира словно засасывала его, он замирал на каждом шагу и смотрел, смотрел, как загнипнотизированный...

А затем вдруг брызнуло солнце. Это было такое дивное зрелище: бриллиантовая игра света в миллионах капель и вспыхнувший золотом и радужными пятнами туман, что Роман просто задохнулся от восторга. Он понял, что по лицу его текут слёзы, только когда внезапно оказавшийся рядом Радзинский бережно вытер своим платком его мокрые щёки.

— Ай да Шойфет! Ай да молодец! — улыбаясь, негромко пробасил он и принялся аккуратно собирать в огромном количестве прилипшие к одежде Романа разноцветные нитки. Он тщательно расправлял их и складывал вместе, зажимая до поры до времени в кулаке. — Подержи, — скомандовал он, когда все до единого волоконца были сняты с романа облачения. Нити оказались горячими — не обжигающими, просто горячими — и живыми: они пульсировали у него в руке, и от их биения покалывало током пальцы.

Дед начал сосредоточенно сплести широкую узорчатую ленту. Работал он в этот раз неторопливо и Роман успел разглядеть, как из кончиков пальцев Радзинского вытекают радужные нити и свиваются вместе с романовыми в замысловатый орнамент. Лента в этот раз вышла очень длинной и достаточно широкой. Дед довольно хмыкнул и повязал её Роману на талии как пояс.

— Владей, — усмехаясь, сказал он.

— Катарсис? — радостно ухмыльнулся в ответ Роман.

— Соображаешь, Шойфет, — одобрительно хохотнул Радзинский и протянул Роману платок.

— Я скоро буду как Бергер... — Роман промокнул всё ещё мокрые глаза и высморкался.

— И что тебя смущает?

— Буду восторженно ахать при виде птичек и цветочков. Рыдать по любому поводу. Кошмар...

— Чувства — это не слабость, — наставительно сказал Радзинский. — Хотя подлинная эмоция вообще только одна — Любовь. Остальные эмоциональные вибрации только терзают человека как крысы, растаскивая его энергию. Настоящий мужчина — больше, чем мужчина. И настоящая женщина — больше, чем женщина. Чтобы стать ЧЕЛОВЕКОМ, необходимо соединить в себе мужские и женские качества в нужной пропорции. Нет ничего зазорного для мужчины в том, чтобы восхищаться или плакать. Так же как ум и решительность не портят женщину. Мужчина — это знание и мудрость. Женщина — любовь и стремление. Мужчина, в котором нет любви — просто примитивный самец, а женщина, которая не ищет мудрости — пустая кукла. А смысл существования человека любого пола — один — развитие. Постоянное возрастание духа. Расширение сознания. Интеграция всех планов бытия. Смысл жизни — один. Пути могут быть разные: у мужчин и у женщин. Но в любом

случае, они не могут обойтись друг без друга.

— «Вайивра Элохим эт-хаадам... бара ото захар ункева бара отам» (1) — задумчиво процитировал Роман.

1 «И сотворил Бог человека... сотворил ЕГО, мужчину и женщину сотворил ИХ» — (древнеевр.). Быт. 1, 27.

— Точно, Ромашка, — одобрительно кивнул Радзинский. — Цельное существо — только Человек. Порознь — каждый представляет свой пол — половину целого. Если не станет чем-то большим.

— Шефа удар бы хватил, — пробормотал Роман, со счастливым вздохом обхватывая деда руками. — Если бы он увидел, как я сопли тут распускаю...

— Ему сейчас точно не до этого, — весело заметил дед, обнимая его в ответ. Они постояли так немного. — Ну, мне пора, Ромашечка, — вздохнул Радзинский, целуя подростка в растрёпанную макушку. — Дел — невпроворот.

— А, давайте, я Вам помогу, — вдохновенно предложил вдруг Роман.

— Обязательно поможешь. Только чуть позже, — серьёзно заверил его дед. — Куда ж я без тебя? А сейчас у тебя главное дело — ты сам. Чем быстрее ты со своими проблемами разберёшься, тем скорее сможешь делу помочь.

— Какому делу? — не преминул поинтересоваться Роман.

— Важному, — подмигнул Радзинский, ещё раз погладил его по голове и пошёл к калитке.

Роман ринулся было за ним, но за поворотом уже никого не было.

Утро всё ещё было прекрасным, но Роман теперь словно выпал из общего ликования: ему было хорошо и спокойно, но как-то ...пусто. Он побрёл в дом, вспомнив, что ещё не завтракал и впервые сознательно не стал варить себе кофе — не хотелось...

===== Глава 65. Сдаюсь =====

— Проснулся, наконец? — бодро поприветствовал приятеля Роман, едва слышав его шаги на лестнице. И сразу отложил в сторону книгу. — Садись, я за тобой поухаживаю.

Он подвинул заспанному вялому Бергеру стул, обмахнул стол салфеткой, налил ему чаю. Поставив перед ним нарезанный сыр и ветчину, он услышал слабое:

— Вообще-то сегодня постный день...

— И что же мне с тобой делать? — озадачился было Роман. Но довольно быстро нашёлся: разыскал в шкафчике мармелад и печенье, а на плите — горячую ещё сковородку, на которой аппетитно дымилась жареная картошка с грибами — ведь, сказать по совести, было уже время обеда, и Лидия Вениаминовна расстаралась заранее, не зная, когда мальчики имеют привычку вставать с постели.

Понаблюдав, как апатично Кирилл ковыряется вилкой в тарелке, Роман присел рядом, пощупал ему лоб, потом взял пораненную ночью руку и перевернул ладонь вверх.

— Мне кажется, пластырь надо снять, — он вопросительно взглянул на измученного ночными приключениями ботаника. Тот равнодушно пожал плечами. Роман понял, что инициатива полностью отдана ему.

Под пластырем оказался только тоненький, как ниточка, розовый шрам, идущий через всю ладонь.

— Аверин тебя навещал? — усмехнулся Роман. Кирилл согласно кивнул. — Кипарисом пахнет... — Он вдруг, по какому-то наитию, решительно забрал у Бергера вилку и принялся настойчиво его кормить. — Ну, давай: за папу, за маму, за меня, опять за меня, ещё раз за

меня, снова за меня...

Когда Кирилл начал слишком активно сопротивляться и отворачиваться, он, как заправская нянька, вытер его губы салфеткой, подождал, пока тот выпьет чай, и повёл его в сад.

— Смотри, Коко, какой чудесный гамак, — радушно вещал он. И тут же прибавлял заботливо, — Ложись, я тебя покачаю. — Но Кирилл отрицательно помотал головой. — Нет? В таком случае могу предложить шезлонг, — не сдавался Роман. Он был сегодня на редкость терпелив и великодушен. — Тебе на солнышко его поставить или в тень? Опять нет? — Роман со вздохом опустил руки.

Кирилл тем временем прошёлся между деревьев, оглаживая их шершавую кору, выбрал старую сосну и сел под ней прямо на землю, прислонившись спиной к нагретому солнцем стволу. Руки он положил ладонями на траву и замер, прикрыв глаза.

Роману пришлось сесть с ним рядом.

— Скажи, Коко... — деликатно кашлянул он через некоторое время, успев понять, что Бергер явно не здесь. И даже совершенно ясно — где. Но отправляться туда за ним Роману отчего-то сейчас не хотелось.

— Не называй меня этим дурацким именем, — монотонно проговорил Кирилл, не открывая глаз.

— Ну, уж не-ет, — мстительно протянул Роман. — Если я — Шойфет, то ты — Коко.

— По-моему, это уменьшительное от «Николай», — вежливо парировал Бергер.

— Меня это не волнует, — заверил его Роман.

— Я смотрел этот фильм (1). Там всё, кажется, плохо кончилось. Для всех «Коко»...

1 Имеется в виду французский фильм с Жан-Полем Бельмондо в главной роли, который в советском прокате назывался «Частный детектив».

— Бергер, не упрямясь, а не то я придумаю тебе имечко похлеще!

— А с чего ты вообще вдруг взялся придумывать мне прозвище? — Бергер приоткрыл на мгновение один ярко-голубой глаз.

— О-о! Ты зришь прямо в корень, Бергер! Я тут раскопал этимологию твоего имени и понял, что мне не улыбается, обращаясь к тебе, всё время называть тебя «Господин». Греки, вообще-то к Богу обращаются: «Кирие, элеисон» (2)... А я значит буду: «Как дела, Кир», «Увидимся, Кир», «Чего изволите, Кир»...

2 «Господи, помилуй» — греч.

Бергер наконец-то искреннее развеселился. Блеснув белозубой улыбкой, он предположил:

— А, может, так и задумано?

— Кем задумано, солнышко? — зловеще поинтересовался Роман.

Всё ещё не открывая глаз, Кирилл указал пальцем наверх:

— Там...

Роман вдохнул поглубже, с трудом удерживаясь от желания слегка расцарапать ботанику его ангельскую физиономию.

— Ну, если так задумано, то пусть меня об этом оповестят. Оттуда. Коко.

Широко улыбаясь, Кирилл открыл, наконец, глаза и радостно оглядел Романа с ног до головы.

— А жалко, что тебе от маминой внешности только глаза достались, — неожиданно посетовал он.

— А тебе чего бы ещё хотелось? — подозрительно прищурился Роман.

— Было бы здорово, если бы волосы у тебя тоже, как у неё, были — чёрные и кудрявые...

— Ага. И сразу тогда нашивку на рукав: звезда Давида и надпись «Júde».

— Да тогда и нашивки было бы не надо!.. — звонко захохотал Кирилл.

— Спасибо, дорогой. Мне вполне хватает папиного носа, — сдержанно поблагодарил Роман.

— Гулять сегодня пойдём? — безо всякого перехода спросил вдруг Бергер.

— Как скажешь, Коко, — развёл руками Роман, как будто собираясь обнять развесёлого ботаника.

— Значит, пойдём, — обрадовался Кирилл. — Давай, прямо сейчас? А?

— Не ожидал от тебя такой прыти, — Роман скептически поджал губы. — Ещё полчаса назад вид у тебя был довольно квёлый... Ну, пойдём. — Он поднялся и помог встать Кириллу.

Через пару минут они уже шагали по дороге к озеру.

Бергер был в отличном настроении. Он скакал на одной ножке, размахивал руками, что-то даже пел. Роман терпел и смирялся, напоминая себе, что счастливый и радостный ботаник — в тысячу раз лучше, чем унылый, капризный и больной. Ему безумно хотелось задать Кириллу один вопрос, но он боялся испортить ему настроение, поэтому молча шёл рядом и вздыхал.

— Ну, спрашивай уже, — не выдержал Кирилл, останавливаясь.

— Что? — растерялся внезапно вырванный из задумчивости Роман.

— Задавай свой дурацкий вопрос, — терпеливо пояснил Кирилл.

— Почему это он дурацкий? — искренне обиделся Роман.

— Потому что и без вопросов нормальному человеку ясно, что заставляет людей помогать друг другу.

— Помогать? Бергер, то, что ты сделал в своей прошлой... нашей прошлой жизни, явно называется каким-то другим словом, а не банальным «помогать»... И мне непонятно, почему ты это сделал. Что тобой двигало?

— А тебе не приходило в голову заглянуть глубже? — рассеянно глядя куда-то мимо Романа, поинтересовался Кирилл.

— В каком смысле «глубже»?

— Глубже в прошлое, глубже в себя...

— Та-ак... Опять мне что-то важное не досказали...

— А почему кто-то постоянно должен носом тебя тыкать — что тебе делать? Ты сам-то — отчего не поинтересуешься?

— Поинтересуешься чем? Все чего-то от меня хотят, но толком не объясняют — что!!!

— Да проблема не в этом!

— А в чём же, интересно?

— В том, что сам ты хочешь совершенно другого. И если просто предоставить тебя самому себе, ты с завидной активностью двинешься по проторённой дорожке и в два счёта обставишь Руднева с его кровавыми ритуалами. И тебя не надо будет подгонять. Ты живенько всё раскопаешь, всё освоишь, во всём разберёшься!

— Ну, так может, не надо мне мешать?!! — в бешенстве рявкнул Роман.

— Мешать?.. — губы Кирилла искривились в явном намёке на приближающиеся

слёзы. — Я не собираюсь тебе ...мешать... — Бергер развернулся и, низко опустив голову, быстро пошёл назад, к дому.

— Стоять!!! — гаркнул Роман ему вслед. Кирилл только ускорил шаг. — Бергер!!! Да что же это такое?!! — он догнал спотыкающегося ботаника, развернул к себе. Лицо Кирилла было вполне ожидаемо залито слезами. — Прекрати реветь! — в ярости прошипел Роман, но от этого слёзы из глаз Бергера полились ещё обильнее и он уже начал судорожно всхлипывать — совсем, как ночью. Роман скрипнул зубами и с чувством отвесил Бергеру пару хлёстких пощёчин. Тот испуганно распахнул глаза и замер, хватая ртом воздух.

Роману отчего-то вдруг стало так стыдно и так жалко несчастного ботаника — даже сердце заныло.

— Я сдаюсь, — неожиданно для самого себя выпалил он. — Каюсь: мне отчего-то казалось, что раз ты Ключ, значит, тобою можно пользоваться. Нужно только разобраться — как. Мне тебя никогда не понять — я уже убедился. Поэтому: сдаюсь на твою милость, Кир. Надеюсь, ты точно знаешь, что делаешь... Можешь быть уверен: я буду исполнительным и послушным. Потому что у меня нет выхода. Во всяком случае, я его не вижу. Не убивать же тебя в самом деле!.. Поэтому — поступаю в полное твоё распоряжение... Успокоился? — как можно дружелюбнее спросил Роман. — Тогда пойдём. — Он крепко взял Бергера за руку и не спеша повёл прежним маршрутом — к озеру. Кирилл всё ещё всхлипывал, но слёз больше не было. Он покорно брёл за Романом, который время от времени косился на него, каждый раз испытывая при этом жгучее желание побиться головой об стенку. Или как-нибудь ещё наказать себя. И тогда Роман сгоряча пообещал себе, что больше никогда не обидит Кирилла. И никому не позволит. Хай Адонай (3)! Ещё бы не сорваться...

3 «Жив Господь!» — (древнеевр.); часто встречающаяся в Библии клятва.

Когда они дошли, наконец, до озера, Бергер уже еле волочил ноги. Роман отчётливо ощущал его усталость, поэтому очень удивился, когда почувствовал, что открывшийся перед ними вид мгновенно заставил Кирилла забыть обо всём на свете.

— Как красиво! — ахнул он и, отпустив романову руку, пошёл к воде, словно зачарованный.

Покрытые бронзовым загаром стройные сосны сбегали с крутого обрыва к золотистой песчаной полоске пляжа. Озеро лежало перед ними, как драгоценность: золото, лазурь, тёмная зелень хвои и красноватые пятна сосновых стволов — идеальное сочетание.

Сегодня здесь было пустынно. День был не то чтобы пасмурный, но на солнце периодически набегали плотные белые облака и тогда резкий ветер морщил идеально ровную водную гладь. К тому же ночью прошёл дождь. Очевидно, что вода в озере сегодня должна быть холодной.

Роман усмехнулся и, стянув футболку, толкнул Бергера плечом:

— Раздевайся.

— Ты что? — поразился Кирилл, с недоумением уставившись на него. — Хо-холодно же!.. — и он выразительно поёжился.

— Лечить тебя будем, — ласково пояснил Роман. — Раздевайся. — И, не дожидаясь ответа, расстегнул на бергеровой рубашке несколько верхних пуговиц и ловко стянул её через голову.

— В смысле — лечить? — насторожился Кирилл, послушно расстёгивая джинсы.

— Стабилизировать твой эмоциональный фон. Гармонизировать витальную

энергию... — Голос Романа звучал расслабляющее ровно, а его чёрные глаза гипнотически бесстрастно глядели на Бергера, не отрываясь и даже не моргая.

— Хо-хорошо... — Бергер запрыгал на одной ноге, стаскивая обувь. — А с чего ты взял, что это поможет?

— Читал, — коротко ответил Роман.

— Вот так вот: просто где-то прочитал и сразу на живых людях пробовать?! — возмутился Кирилл.

— Обычно я на себе испытываю. Всегда получалось... — Роман с вежливой улыбкой продолжал настойчиво теснить Бергера к воде. — Ты только сразу заходи, — предупредил он. — Тогда будет не холодно, — и вдруг толкнул доверчивого ботаника прямо на глубину.

Кирилл не успел даже завопить от ужаса, потому что сразу захлебнулся и пошёл ко дну. Роман подоспел как раз вовремя, чтобы поддержать его и насладиться произведённым эффектом: глаза у Бергера округлились до размера кофейных блюдец.

— Тихо-тихо-тихо, — успокаивающе пробормотал он, снова гипнотизируя его взглядом. — Ложись на спину, — шепнул он. — Обещаю, что буду крепко тебя держать. — И желчно добавил, — И учти: я всё чувствую. Например, что ты мне не доверяешь...

— Расслабишься тут, — проворчал Кирилл, закрывая глаза. — Ну, что теперь?

— Теперь, Кирюша, позволь воде унести все твои переживания... Ты чувствуешь, как они утекают? — Роман, удерживая Кирилла на вытянутых руках, слегка покачивал его, как ребёнка. — Зелёный свет видишь?

— Вижу.

— Отпусти его. Пусть течёт свободно. А ещё лучше — сделай, чтобы он стал золотистым, потом — белым.

— И всё ты врешь, Шойфет, — не открывая глаз, пробормотал Кирилл. — Не мог ты такого нигде прочитать...

— Какая разница, — ухмыльнулся Роман. — Прочитал, не прочитал... Я точно знаю, что слёзы тебя ослабляют. И я буду окуна́ть тебя в холодную проточную воду до тех пор, пока ты не станешь непошибаемым, как Далай-лама. Так что в твоих же интересах достичь нужного эффекта за максимально короткое время.

— Того же эффекта можно достичь и менее шокирующим способом, — Кирилл немедленно ухватился за спасительную мысль и даже забарахтался, пытаясь освободиться. Но Роман строго шикнул на него и Бергер покорно затих.

— Дыхание?

— Вот именно.

— Так отчего ж ты не воспользуешься таким чудесным методом? Или ты не считаешь свою слезливость проблемой? Вижу, что попал в точку...

— А ты меня не расстраивай, — умиротворённо проговорил Кирилл. Он определённо умел впадать в сомнамбулическое состояние — через пару секунд он совершенно отключился и очень удивился, обнаружив себя стоящим на мелководье.

— Одевайся — замёрзнешь. — Видно было, что Роман от души развлекается, наблюдая за выпавшим из реальности товарищем.

— Здорово, Шойфет! — радостно защебетал Кирилл, потянувшись за рубашкой. — Может, ты будешь мне сказки на ночь рассказывать? — возбуждённо тараторил он, сражаясь с непослушными пуговицами.

— Я только страшные знаю, — насмешливо покосился на него Роман.

— Фу, какой же ты вредный! Вот я бы ради тебя расстарался — разучил бы парочку радужных волшебных историй...

— У тебя что — бессонница?

— Я бы так не сказал... — замялся Кирилл.

— Ну, колись уже, — благодушно прищурился Роман. Он с сомнением поглядел на мокрые волосы Бергера, потом бросил взгляд на свою футболку, которую держал в руках и со вздохом «сопливый ботаник — двойное зло» тщательно вытер кириллову шевелюру. — В следующий раз надо будет полотенце не забыть. Вечно с тобой: сплошные авралы и импровизации...

— А с тобой всё так предсказуемо: сплошная рутина, — съязвил Кирилл, с трудом натягивая джинсы прямо на мокрые плавки. — Б-р-р, мне уже хочется переодеться!

Обуваться Бергер не стал — направился к дому босиком.

— Так что там с твоими снами? — напомнил Роман.

— Честно говоря, язык не поворачивается называть их снами, — вздохнул Кирилл. — Я так устаю иногда... Если бы можно было хоть изредка отключаться, как сейчас, я был бы счастлив! Я чувствую себя так, будто заново родился. Правда, Шойфет! Я так тебе благодарен!

— Вот видишь — уже благодарен, а упирался...

С мокрой футболкой на плече Роман шагал — по примеру Бергера — босиком. Переборыв свою патологическую брезгливость, он с наслаждением загребал тёплую пыль босыми ступнями и чувствовал себя отчего-то невероятно счастливым. «Может, мы с Бергером теперь, как сообщающиеся сосуды?» — подумалось с лёгким оттенком тревоги. «Похоже на то», — подсказал здравый смысл. Однако Роман предпочёл не развивать эту идею: когда не знаешь наверняка — оно как-то спокойнее...

===== Глава 66. Авантюристы =====

— Нет, Руди, — жёстко сказал Панарин. — Ты переедешь к себе только после того, как избавишься от этой штуки.

Руднев в ответ полоснул его острым и злым взглядом до невозможности ярких серых глаз. Прежнего лоска, конечно, не было и в помине, но выглядел Андрей Константинович почти безукоризненно: чисто выбрит, волосы струятся чёрным шёлком, рубашка и джинсы смотрятся новенькими, хрустящими, нереально совершенными, как на рекламной картинке.

— Либо ты отдашь проводник мне, либо поместишь куда-то ещё — хоть в банковскую ячейку — но вынесешь из дома непременно.

— Мне интересно, — желчно процедил господин адвокат, — Почему ты сам его не забрал, когда ездил ко мне домой? Тебе нравится меня наизнанку выворачивать?

— Безумно нравится, — сухо отозвался Панарин, разглядывая свои коротко остриженные ногти. — У меня масса свободного времени, и я умираю от скуки: все развлечения, понимаешь, приелись, только и радости — гнобить оказавшегося от тебя в зависимости старого приятеля.

Руднев резко отвернулся к окну. Внимательный взгляд отметил бы, что в глазах его в этот момент блеснули слёзы.

— Хорошо. Я выбираю банк. У кого будет храниться ключ?

— Отдадим тому, кому доверяем мы оба и кому он точно не нужен.

— Это кому же? — Руднев насмешливо выгнул бровь.

— Подумай, — всё так же сухо бросил Панарин.

Они находились в разных концах комнаты: Панарин сидел на стуле у двери, Руднев стоял у окна. Между ними было пустое пространство и голая поверхность тускло блистающего паркета. К стенам жались составленные друг на друга стулья и перевёрнутый на бок стол с отвинченными ножками. Скатанный в рулон ковёр лежал поперёк придвинутого к противоположной стене дивана.

— Нет такого человека, — с горечью бросил Руднев. — Я не доверяю никому из твоих знакомых, ты — всем, с кем связан я.

— Я доверяю твоей секретарше, — бесстрастно сообщил Панарин.

— Ты идиот? — зло рассмеялся Андрей Константинович. — Для меня она сделает всё! Она отдаст мне этот самый ключ, стоит мне только заикнуться об этом!

— Я бы на твоём месте не был так в этом уверен... — равнодушно откликнулся доктор.

— Ладно. — Руднев нервно хрустнул пальцами. — Мне же лучше. Я принимаю твой выбор.

— Отрадно слышать. — Панарин поднялся со стула и взялся за дверную ручку. — Позвони ей, — бросил он через плечо и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Оставшись один, Руднев стиснул зубы и шарахнул со всей силы кулаком по стеклу. Окно покрылось сеткой трещин, но почему-то не разбилось. Разозлившись, Руднев стукнул ещё раз и осколки стекла водопадом зашелестели вниз, на газон. Слизывая кровь с порезанной руки, Андрей Константинович раздражённо выдернул из кармана мобильник и холодно отчеканил в трубку:

— Здравствуйте, Надюша. У меня есть для Вас поручение...

— Это ты во всём виноват, — ожесточённо цедил Руднев. — Если бы ты не кинул меня тогда, всё, всё было бы иначе. Но тебе было наплевать, что станет со мной и с нашим делом... — Он, заметно прихрамывая, метался по кабинету с перекошенным от злости лицом. Панарин с отсутствующим видом сидел в кресле, в углу, и вертел в руках одно из рудневских колец, которые тот в раздражении стянул перед этим с пальца и швырнул вместе с целой горстью других в никогда не использующуюся по назначению пепельницу. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! — в бешенстве прошипел Руднев бывшему компаньону.

— А не пошёл бы ты... — пренебрежительно отозвался Панарин.

— Не смей так со мной разговаривать! — бессильно выкрикнул Руднев. Он слишком резко развернулся и со всего маху ударился больной ногой о диван. Приглушённый стон и брызнувшие из глаз горячие слёзы красноречиво свидетельствовали о том, какую боль он сейчас испытывает.

Панарин мгновенно оказался рядом. Поглаживая Рудневу по плечу, он помог ему сесть, а сам опустился на колени и стянул с пострадавшей ноги ботинок.

— Ру-у-ди, — насмешливо протянул он, колдуя над несчастной конечностью, — твои носки свежее юной розы. Если мне срочно понадобится что-нибудь стерильное для перевязки, я к тебе обращусь. За твоими носками!

— Заткнись, — простонал Руднев, ослабляя узел галстука. По виску его катилась крупная капля пота. — По-твоему носки должны пахнуть так, чтобы вокруг мухи дохли?

— Ну, зачем же такие крайности! — веселился непонятно чем довольный Панарин. — И вообще — если ты не заметил, то я восхищался этим фактом, а вовсе не издевался над тобой. — Он глянул снизу своими лукавыми полуазиатскими глазами слишком весело,

чтобы можно было принять эти его слова всерьёз.

— Спасибо, что разъяснил. — Андрей Константинович, наконец, выдохнул и расслабил побелевшие от напряжения пальцы, которыми он судорожно цеплялся за подлокотник дивана. — В твоём исполнении между комплиментом и издевательством нет никакой разницы. М-м-м!!! Осторожнее!.. — тут же взвыл господин адвокат.

— Ай! Какая неприятность... — с притворным огорчением покачал головой коварный доктор. — Не расстраивай меня, Руди. Это крайне неблагоприятно в твоём положении!..

— Скотина ты бесчувственная, — добродушно пробурчал в ответ Руднев. — Потому от тебя и жена ушла!

— А ты такой душка, но почему-то до сих пор не женат, — поддел его доктор.

— Это не проблема. — Судя по ледяному тону, Андрей Константинович смертельно оскорбился этим намёком.

— Ну конечно: выйти замуж не напасть — как бы замужем не пропасть... — язвительно пробормотал Панарин.

— Замужем я или нет — в нашей ситуации это ничего не меняет... — с обидой начал Руднев. — Чего ты ржёшь? — изумился он, глядя, как Женечка, сидя на полу, загибается от смеха.

— За-замуж собрался?.. — с трудом выдавил сквозь смех Панарин.

— Тьфу, идиот! — с досадой выругался Руднев, снимая с панаринского колена свою ногу. — Сам же меня запутал! — Он собирался надеть ботинок, когда в дверь вежливо постучали.

— Евгений Алексеевич, там курьер... — заговорщицким шёпотом обратилась к Панарину секретарша, глядя на доктора преданно и с обожанием.

— Иду-иду! Спасибо, Надежда Сергеевна! — Женечка легко вскочил на ноги, поспешно подлетел к ней и любезно поцеловал её ручку. Секретарша зарделась и, потупив взор, скрылась за дверью. Панарин, ухмыляясь, послал Рудневу воздушный поцелуй и исчез вслед за ней.

Андрей Константинович был потрясён этой сценой. Размышляя над тем, что же это он только что наблюдал, господин адвокат медленно зашнуровывал ботинок, и недобрый прищур его серых глаз не предвещал экс-компаньону в ближайшем будущем ничего хорошего.

— Секретаршу мою решил соблазнить? — вкрадчиво поинтересовался он, когда, надёжно прикрыв за собой дверь, Женечка остановился в нескольких шагах от разъярённого приятеля.

— В бою все средства хороши! — цинично хмыкнул Панарин. В глазах его блеснул весёлый разбойничий азарт.

— Мы отдали ей ключ! — зашипел Руднев. — И она должна соблюдать нейтралитет!

— Из твоих уст такие наивные заявления слышать о-очень странно, — издевательски протянул Женечка, подходя поближе. — Если ты серьёзно полагаешься на моё благородство, то ты сильно просчитался, дорогой.

— Значит, мои руки тоже развязаны? — зловеще процедил Руднев. — Уверю тебя, ты пожалеешь, что был так самонадеян...

— Я весь дрожу... — ухмыльнулся Панарин, подходя ещё на шаг.

Руднев только сейчас заметил, что Женечка что-то прячет за спиной.

— Что там у тебя? — холодно спросил он.

— Э-хм... Подарок, — лучезарно улыбнулся доктор, протягивая Рудневу нечто длинное — не меньше метра в длину — в сером бархатном чехле. — Неужели ты думал, что я забуду про твой день рождения? — уже серьёзно сказал он.

Руднев настороженно принял от него презент и аккуратно стянул чехол. В руках у него оказалась элегантная трость чёрного дерева. Серебряная рукоять в виде оскалившейся тигриной морды вызвала у него улыбку. Руднев нежно провёл по ней пальцами.

— Киса... — только и сказал он, усмехнувшись.

— Увы, я не лишён некоторого тщеславия, — хмыкнул в ответ Панарин. — Пройдись, что ли, — попросил он.

Руднев, опираясь на трость и слегка прихрамывая, сделал несколько шагов туда-обратно вдоль дивана.

— Здорово, — восхищённо выдохнул Панарин. — Теперь ты настоящий Мефистофель.

С тростью Андрей Константинович и правда стал выглядеть ещё более сногшибательно, чем прежде. Мало того, что костюм сидел на нём как влитой, и волосы лежали идеально, так ещё и трость вписалась в его образ настолько безупречно, как будто он с ней родился.

— Спасибо. — Руднев остановился напротив старого друга и посмотрел на него задумчиво и пытливо. — Жень, я даже не думал, что ты помнишь... Отметим?

— С удовольствием, — радостно ухмыльнулся Панарин.

Руднев помолчал, явно о чём-то размышляя.

— А ты не против, если нас будет трое? — поинтересовался он вдруг самым невинным тоном.

— Конечно же, нет, Рудичка, — сладким голосом ответил Панарин.

— Чудесно, — ещё более елеинно пропел Андрей Константинович. — В таком случае я, с твоего позволения, попрошу Надюшу украсить наш холостяцкий ужин своим присутствием. Надеюсь, она согласится...

Глядя вслед удаляющемуся в сторону приёмной приятелю, Женечка с трудом удерживался от того, чтобы не расхохотаться в голос. Определённо, вечер обещает быть интересным!..

===== Глава 67. Предложение =====

Когда Руднев вышел в приёмную и увидел свою секретаршу в простом белом платье, плотно облегающем фигуру и перехваченном на талии тонким красным ремешком, в туфлях кораллового цвета идеально совпадающего, как ни странно, с тоном помады, и с тщательно уложенными пышными рыжими локонами, он сказал себе, что Панарин точно нарывается. Но когда он узрел на её рабочем столе огромный букет белых роз, ему пришлось сделать поправку: Панарин уже нарвался. И он получит всё, что ему за такое подлое поведение причитается, сполна.

Она была удивительно умной — Наденька Воронцова — сообразительной, исполнительской, скромной и тактичной. Руднев не раз ловил себя на мысли, что ему не хватает её дома — чтобы выполнять мелкие поручения, конечно! Она и сейчас — в такой двусмысленной ситуации — вела себя безупречно: не кокетничала с откровенно ухаживающим за ней Панариным, не флиртвала — упаси Боже! — с шефом, не напивалась, хотя подлый доктор постоянно ей чего-то подливал, смеялась сдержанно, не болтала глупостей, преданно и восхищённо глядела на шефа, когда тот что-нибудь говорил. Про себя Руднев решил, что выпишет ей за это премию.

А вот премия за то, что секретарша, наконец-то, оделась по-человечески, судя по всему, причиталась Панарину. А ведь Руднева вполне устраивали её безликие костюмы мышинового цвета. И блузки в мелкую пижамную полосочку. И бабушкины брошки, и унылый пучок, в который она неизменно собирала свои пышные волосы и ещё много чего, что Руднев терпеливо сносил уже пять лет, потому что именно такой — невзрачной и незаметной — она и была ему все эти годы нужна.

Годы?! О, Боже! Да они уже несколько лет проводят вместе по восемь, а то и по десять часов в сутки практически ежедневно: ведь Наденька безропотно соглашалась работать и в выходные, и в праздники. Она частенько сопровождала его в поездках. И что теперь? Панарин уведёт у него такую идеальную секретаршу? Которую Руднев подбирал в своё время не менее тщательно, чем галстук к новому костюму! Да Андрей Константинович знал о ней всё: что она читает, о чём думает, с кем живёт под одной крышей, что она любит и что не любит есть, чем обычно болеет и к каким заболеваниям имеет склонность. Знал маршрут, которым она добирается на работу (с двумя пересадками, между прочим!). Знал, что у неё на нижнем коренном зубе справа уже три года стоит пломба (развлекался от скуки, вот и посмотрел). Он даже знал, какого цвета у неё нижнее бельё! Не то, чтобы это особо его волновало...

Андрей Константинович, уверенно орудуя ножом и вилкой, цепко взглянул на секретаршу, намереваясь прощупать её на предмет отношения к Панарину, и чуть не подавился: её сознание было наглухо закрыто! В том, кто выставил такой надёжный экран, сомневаться не приходилось. Вот сволочь! Руднев метнул гневный взгляд на довольного собой Женечку и снова получил в ответ пламенный и совершенно хамский воздушный поцелуй.

— Позвольте пригласить Вас на танец? — Панарин склонился к Наденьке так низко, насколько позволяли приличия. Она подняла вопросительный взгляд (вот умница!) на шефа:

— Вы не возражаете?

— Конечно, нет, — благодушно ответил счастливый именинник, мысленно скрипя при этом зубами. Вот ведь мерзавец! Не побрезговал воспользоваться даже хромотой конкурента! Что и говорить — Женечка умел быть жестоким!

Смотреть, как Панарин нежно обнимает Наденьку за талию, было выше его сил, и Андрей Константинович отвернулся к окну, размышляя, есть ли у него ещё шанс быстро и надёжно прекратить панаринские поползновения в отношении собственной секретарши.

Все эти годы он был абсолютно уверен, что Наденька влюблена в него. Она была достаточно умной, чтобы не навязываться шефу со своими чувствами, за что он был отдельно ей благодарен. Но тут появляется проклятый докторишка, и она сразу надевает туфли на шпильках, распускает волосы и краснеет от слащавых панаринских комплиментов!

То, что Панарин неотразимо действует на женщин, Руднев знал уже давно. Женечка был обаятелен, красив, грациозен, бесшабашен и щедр. Обращался с дамами (пока не переклинит), как истинный джентльмен. Женщины безошибочно угадывали в нём жоака, лидера, авантюриста, революционера, способного покорить, перекроить, разрушить мир или преподнести его своей даме сердца на блюдечке с голубой каёмочкой. О том, что самому Евгению Алексеевичу мир был абсолютно не нужен, они до поры до времени не догадывались.

К Рудневу дамы так беззастенчиво никогда не липли. Шестым чувством понимали, что конкуренцию с его беззаветной любовью к самому себе им не выдержать. Сам Руднев с

брезгливостью относился к физическим контактам и близкие отношения с противоположным полом считал ничем не оправданной колоссальной тратой драгоценной энергии. Поэтому заводить романы не спешил. Всех его любовниц можно было пересчитать по пальцам одной руки. И каждый раз это были длительные, но абсолютно ни к чему не обязывающие отношения с такими же хладнокровными, расчётливыми и самодостаточными особями, как и он сам. Но сейчас был особый случай. Если бы Андрей Константинович мог посмотреть, что творится у Наденьки в голове! Так ведь Панарин предусмотрительно лишил его такой возможности. Придётся рискнуть.

Руднев всегда соображал очень быстро. Молниеносно принимал самые рискованные решения. Танец ещё не кончился, а Андрей Константинович уже беседовал по телефону с ювелиром. Когда Панарин с Наденькой вернулись за стол, Руднев улыбался другу холодно и натянуто. Женечка в ответ нагло ухмылялся: не понял ещё, что задумал господин адвокат. Надюша бросала на шефа встревоженные взгляды. Атмосфера за столом накалялась.

Вскоре у Андрея Константиновича зазвонил телефон. Он извинился и вышел из-за стола. Когда он вернулся, в руках у него была маленькая бархатная коробочка. Что там внутри, было ясно без слов. Руднев щёлкнул замочком и поставил перед Наденькой футляр с роскошным бриллиантовым кольцом.

— Надеюсь, Вы не откажетесь выйти за меня замуж? — зловеще поинтересовался он у испуганной секретарши.

Глаза у Наденьки были светло-карие с прозеленью. Руднев хорошо изучил их, когда — любопытства ради — рассматривал радужную оболочку (отличный способ диагностировать все заболевания клиента). Сейчас они распахнулись так широко, что Андрей Константинович подсадовал, что зря мучился прошлый раз, наблюдая за ней украдкой: надо было сразу её удивить, и разглядел бы всё без проблем.

— Я хотел бы услышать ответ прямо сейчас, — холодно и настойчиво произнёс он.

Наденькина рука, сжимавшая салфетку, начала заметно дрожать.

Руднев, теряя терпение, зло прищурился и с раздражением процедил:

— Я так понимаю, это означает «да»?

Наденька судорожно кивнула.

Руднев с облегчением выдохнул и аккуратно надел ей на палец кольцо, которое — кто бы сомневался! — пришлось ей абсолютно впору. Почтительно целуя руку невесты, Андрей Константинович покосился на Панарина. Женечка глядел на него так, будто такое чудо видел впервые. Настроение у господина адвоката сразу же заметно улучшилось. Он заказал шампанского. Тут же — очень кстати — подоспел посыльный с цветами.

Скептически хмыкнув, Панарин молча отсалютовал им бокалом и залпом выпил шипучий напиток. Руднев невозмутимо положил свою руку на запястье будущей супруги и уверенно погладил его пальцем. Как не странно, Наденька сразу успокоилась и даже робко улыбнулась Андрею Константиновичу.

Панарин же, полюбовавшись на них несколько мгновений, вынул из внутреннего кармана пиджака ручку и написал несколько слов на салфетке. Руднев с интересом взглянул на записку и позеленел от злости. Малоразборчивым «медицинским» почерком на мягкой бумаге было нацарапано: «Ключ она не отдаст даже родной маме. А уж тебе и подавно. Я позаботился об этом. Хочешь проверить?».

— Не вздумайте опоздать завтра на работу, — сухо обронил Андрей Константинович,

захлопывая дверцу автомобиля.

Наденька, прижимая к груди букет, испуганно кивнула. Такси тронулось с места и, набирая скорость, быстро скрылось из виду. Руднев проводил машину взглядом, медленно развернулся и — как же можно было упустить, что, посадив Наденьку в машину, трость он снова взял в левую руку! — с разворота ударил Панарина кулаком в челюсть.

Женечка живописно отлетел, спиной врезался в стоящий позади фورد, и только благодаря этому, удержался на ногах. Руднев подскочил к нему, сгрёб свободной рукой за отворот пиджака и, зловеще нависая над ним, яростно зашипел:

— Ты решил, что я делаю это из-за твоего дурацкого ключа? Ур-род... Я тебя по асфальту размажу, сволочь. Хотя, может, и не стоит руки марать... Мне ведь даже фотография твоя не понадобится, чтобы напомнить тебе, на что я способен в гневе!..

Панарин сначала изумлённо хлопал глазами, но очень быстро взгляд его просветлел, зубы оскалились в широкой улыбке, он обхватил Руднева руками и, спрятав лицо у него на груди, самозабвенно захохотал. Руднев занервничал и дёрнулся, пытаясь освободиться. Но Женечка держал его крепко и, пока не отсмеялся, не отпустил.

— Прости, Руди. Прости, — искренне умолял он, прижав руки к сердцу, когда, шипя, словно разъярённый кот, Руднев вырвался, наконец, из его объятий. — Ты же знаешь, как меня заносит! Я ничего такого не хотел — честное слово!

— Если бы я лично не убедился много раз, что у тебя мозги набекрень, не поверил бы ни единому твоему слову! — судорожно поправляя одежду, процедил Руднев сквозь зубы.

— Не думал, что банальная галантность по отношению к даме с моей стороны так сильно тебя расстроит, — хмыкнул Панарин.

— В твоём исполнении галантность выглядит крайне непристойно! — сверкнул глазами Руднев. — Запомни на будущее: мне не понравилось, как ты на неё смотрел. И как ты её лапал!..

Панарин снова уткнулся лицом в рудневский пиджак и затрясся от смеха.

— Отцепись от меня! — возмущённо пробормотал тот, не делая, впрочем, больше попыток оттолкнуть приятеля.

— Ох, Руди! — насмешливо протянул Панарин, устраиваясь головой на его плече. — Хорошо, что ты перстни свои забыл обратно надеть. А то остался бы я сейчас без зубов...

— Извини, — неожиданно смутился Руднев. — Не подумал даже. Пойдём, погуляем? Здесь до моего дома, в принципе, недалеко...

===== Глава 68. Он не злой. Он заботливый... =====

— Если б ты знал, как меня ломало, — с чувством рассказывал Панарин, медленно шагая в ногу с Рудневым. По мокрому асфальту перед ними разбегались белые искры от фар проезжающих мимо автомобилей. В мелких лужицах неподвижно стоял холодный электрический свет фонарей. Деревья замерли вдоль дороги, мерцая во тьме влажными листьями.

— Если бы не этот старичок, я бы, наверное, с ума сошёл. А когда он умер, я оттуда ушёл. По-настоящему близких отношений у меня больше ни с кем и не сложилось. Даже духовник был — так, формально... Они все косились на меня, как на сумасшедшего. Ну как же! Они ничего не видят, ничего не слышат — значит, я в прелести! Понимаешь, да? А уж лечить! Ишь, куда замахнулся — только святые лечат, старцы. Смиряться и заикаться об этом не смей... Да я и готов был смириться. Понимаешь, я всё готов был сделать: даром получил — чего ж цепляться. Но я не хочу лгать! Я знаю, как устроен человек. Я знаю, как устроен

мир. Не с чьего-то голоса. И моё знание их вере никак не противоречит. Это, в конце концов, и моя вера тоже! Одно утешает: это только здесь, на земле они присвоили себе право судить о том, в чём ни бельмеса не смыслят...

— А этот старичок — привратник, да? — у него своё ясновидение было? — размеренно постукивая тростью, вставил словечко Руднев. Он слушал друга, нахмурившись, и видно было, что этот рассказ производит на него тяжёлое впечатление.

— Могу только догадываться. Я запретил себе к нему в душу лезть. Хотя — дураком надо быть, чтобы не понять. Когда он ласково и ненавязчиво говорит этому дуболому: «Не ходи, брат Афанасий, сегодня за ворота» и брата Афанасия сразу за воротами насмерть сбивает машина... Он мне здорово помог. На своём примере показал, что такое смирение и какую оно даёт силу. Если бы я встретился с ним раньше — до того, как в монастырь попал — я бы совсем иначе себя там вёл. На стенку бы не лез — это точно. Ни полслова бы не сказал никому. Потому что от меня не требуется никому ничего доказывать. Это — не моё дело. «Над собой работай» — он мне говорил. — «Кого к тебе приведут, тому и поможешь. Спасись сам — и вокруг тебя спасутся тысячи»... Но это я сейчас понимаю, что они просто люди. И неплохие, между прочим люди. И не надо требовать от них ничего. Просто любить. Жалеть. А всё остальное — приложится...

— Ты мазохист, Жень, — помолчав, подытожил Руднев. — Мне тебя никогда не понять...

— Надеюсь, что это не так, — тихо ответил Панарин.

До рудневского дома они дошли в молчании.

— Может, останешься сегодня у меня? — с укором спросил Андрей Константинович.

Панарин поёжился.

— У тебя там...

— Что? — мрачно поинтересовался Руднев.

— Да так. Ничего. А можно, я тогда напьюсь? — с тоской спросил он.

— Под моим присмотром, пожалуй, можно. — Руднев окинул его оценивающим взглядом.

— Не-ет, — тихо засмеялся вдруг Панарин. — Расслабься. Пить я не стану.

— Отчего такая внезапная перемена? — с иронией глянул на него господин адвокат.

— Отец Арсений не велит. Головой качает. Осуждающе.

— Так он за тобой присматривает?

Панарин кивнул:

— И помогает.

— А на контакты со мной как он смотрит? — ревниво поинтересовался Руднев.

— Как на неизбежное зло, — захохотал Женечка. — Да шучу я, шучу!

— Да я уже и сам догадался, — недовольно прищурился Андрей Константинович. — Меня он, наверняка, тоже жалеет.

— Точно, Рудичка. Жалеет. Прямо до слёз. — Панарин снова полез обниматься. — Ты же такой бедненький, такой несчастненький — без слёз не взглянешь!

— Уймись, чучело! — благодушно усмехнулся Руднев, отечески похлопывая его по спине. — Нас с тобой могут неправильно понять.

— А когда нас с тобой правильно понимали? Пора бы уже привыкнуть, — философски заметил Панарин.

Облака над их головами внезапно разошлись и на них глянули сверху умытые ясные

звёзды, и оба они, как по команде, уставились на небо. Руднев первый судорожно сглотнул и потряхнул головой:

— Ты... тоже видишь?

— Ага, — зачарованно подтвердил Женечка.

— Ты... понял что-нибудь?

— Не-а... Я думаю, это специально для тебя было. Ты же у нас — астролог.

— Пойдём. Нам надо поговорить. — И Андрей Константинович решительно потянул друга к подъезду.

— А ведь я тебе поверил, — не отрывая взгляд от ноутбука, обронил Руднев.

— Ты о чём? — Женечка приподнял голову. — А-а, — расплылся он в довольной улыбке, — ты поверил, что я всерьёз приударил за твоей секретаршей? Так на то и расчёт был... — Он снова уронил голову на белоснежный рудневский ковёр, на котором лежал, вытянувшись во весь рост, как на пляже. Его скомканный пиджак песочного цвета валялся в кресле, а ботинки — в прихожей.

А вот Андрей Константинович, судя по всему, не нашёл времени даже на то, чтобы развязать галстук. Он уткнулся в эфемериды и с азартом напавшей на след гончей увлечённо щёлкал компьютерной мышкой.

— Спасибо, — деловито бросил он после минутного молчания.

— Всегда, пожалуйста, — кряхтя, сладко потянулся уже изрядно захмелевший Панарин. Он приподнялся, опираясь на локоть. — А за что тогда по морде дал? — С журнального столика доктор стащил свой бокал и снова щедро наполнил его коньяком.

— Захотелось, — коротко ответил Руднев. — Очень. — И после паузы добавил, — За все эти годы — отметить тебя по полной программе...

Панарин, услышав это, сразу затосковал по-чёрному. Глотнув коньяку, он расстегнул ещё пару пуговиц на груди и спросил дрогнувшим голосом:

— Рудь, ты ведь не будешь больше брать эти заказы?

— А что я буду делать? — не отрываясь от своей работы, с интересом осведомился Андрей Константинович.

— Что-нибудь без криминала. И без крови...

— Для этого я слишком кровожаден. И слишком ненавижу людей, — заверил его Руднев.

Женечка закручинился пуще прежнего и одним махом осушил свой бокал до дна.

— Ты бы хоть закусывал, — покосился на него Руднев. — И вообще: кто-то обещал не напиваться...

Панарин сморщился от коньячной горечи и помотал головой.

— Руди, что мне сделать, чтобы ты меня услышал? — с тоской спросил он. — С крыши прыгнуть?

— Только попробуй. Я тебя за одну только фантазию в Кащенко закрою. Будешь там, как растение — на транквилизаторах...

— Злой ты, Руднев, — Женечка с тоской скользнул по стенам уже затуманившимся от алкоголя взглядом.

— Я не злой. Я заботливый, — поправил его Андрей Константинович. Он, вздыхая отложил таблицы и подошёл к Панарину. Присев перед ним на корточки, он окинул пьяного в дым доктора скептическим взглядом и ласково принялся его уговаривать, — Давай я тебя,

Евгений Алексеич, в постельку отведу. Ванну уже и не предлагаю, — хмыкнул он. — Ты ж там утонешь или шею себе свернёшь, алкоголик ты чёртов... — Он положил женечкину руку себе на плечо, обхватил его за талию и заставил подняться.

Панарин упирался, хватая Руднева за галстук:

— Нет, Руди, ты не понимаешь, — горячо шептал он, приблизившись к другу настолько, что практически касался губами его щеки. — Я видел... Ты не можешь так поступить... Мне уже сейчас страшно...

— Что ты видел? От чего тебе страшно? — терпеливо спрашивал Андрей Константинович, снисходительно глядя в лихорадочно блестящие тёмные женечкины глаза. Но добиться от хмельного эскулапа внятного ответа было уже невозможно. Тот только облизывал губы и сонно вздыхал, обдавая товарища коньячным духом. — Ну, ничего, — зловеще шептал Руднев, волоча Панарина в спальню. — Ты ж мне завтра всё-о-о выложишь, конспиратор хренов. Я ж из тебя все твои тайны вытрясу, чучело ты бестолковое.

Уронив уже ничего не соображающего приятеля на покрывало огромной двуспальной кровати, он принялся вытряхивать его из брюк, когда вдруг почувствовал себя крайне скверно. Развязав дрожащей рукой галстук и расстегнув воротничок, побледневший как полотно адвокат присел на край постели. Прямо перед ним, почти касаясь его ног, покачивался край чёрного плаща. Андрей Константинович не спешил поднимать голову. Он крепко сжал пальцы в замок, тряхнул волосами и только потом, прищурившись, холодно взглянул прямо в лицо неожиданного визитёра.

— Верни диск, — хладнокровно приказал Господин в чёрном, яростно сверкая полными непроницаемого мрака глазами. — Зачем ты отдал его? Забери у него ключ. Если надо — убей. — Холодные пальцы коснулись подбородка, не позволяя отвести взгляд. — Ты получишь назад всех твоих слуг. Ты можешь получить всё, что захочешь. Но ты должен исполнить наш договор до конца.

— Боюсь, теперь это невозможно, — бесстрастно ответил Руднев.

— Это моя забота. Сделай, что я сказал. Если нужна моя помощь... — Наводящий ужас господин отпустил Андрея Константиновича и повернулся к раскинувшемуся на кровати Панарину. Он уже протянул к Женечке руку, когда Руднев почувствовал, как его спину опалило жаром. Он оглянулся и сразу же вынужден был закрыться от яркого света ладонью. Незнакомый тихий старичок в монашеской скуфейке и сером подрясничке мирно стоял с другой стороны кровати.

— Убирайся вон! — строго велел он незваному гостю. Того просто перекосило от злости, он зарычал и прямо на глазах начал терять свой человеческий облик. Руднев бестрепетно смотрел, как он корчится, съёживается и исчезает.

— Кто защитит тебя в следующий раз? — Старичок стоял уже напротив смертельно уставшего Андрея Константиновича. Его голос укорял очень мягко, глаза глядели ласково. — Подумай... — Он шагнул к Женечке и положил ладонь ему на лоб. Тот, не просыпаясь, вздохнул и порозовел. Только сейчас Руднев понял, что всё это время доктор выглядел явно не самым лучшим образом. Он и не сообразил, что это совсем не от алкоголя...

Старый монах исчез совершенно незаметно. Руднев некоторое время смотрел в одну точку, потом стянул пиджак и, как сидел, так и упал поперёк кровати. Закрыв глаза, он уговаривал себя, что сейчас соберётся с силами, поднимется, доделает всё, что нужно... Да так и уснул. Женечка сначала пытался положить на него ноги, но потом, найдя эту позу не слишком удобной, переместился Рудневу под бок и, обняв его, успокоился совершенно. Эту

трогательную мирную картину и застал забрезживший через пару часов рассвет. Надо ли уточнять, что на работу эти двое, конечно, проспали?..

===== Глава 69. Бодрое утро =====

— Ты руку мне отлежал, чучело! — морщился Андрей Константинович, спихивая с себя недовольного, сонного Женечку. — Я понял, почему от тебя жена на самом деле ушла, — пробормотал он, со стоном садясь в постели и растирая плечо. — Ты мне всю шею своей бородой исколол. Ни одна женщина такой пытки не вынесет...

— Много ты понимаешь, — хмыкнул Панарин, протирая глаза и с интересом оглядываясь в светлой рудневской спальне. — Ох, мы, кажется, вчера так толком и не поговорили... — припомнил он.

— Ничего, — зловеще пообещал Андрей Константинович, — Сегодня поговорим, — и, хромя, удалился в сторону ванной.

Уже разливая по чашкам кофе, он вдруг вспомнил о чём-то, покосился на дверь и, убедившись, что, судя по звукам, Панарин всё ещё плещется в душе, прохромал в комнату за мобильником.

— Надюша? — без особой нежности в голосе сказал он в трубку. — Не беспокойтесь, я буду позже. Позвоните Филину, скажите, что в его деле появились дополнительные факторы. Если ему удобно, я могу принять его сегодня в три. Если нет, тогда выберите ему время на завтра... Нет, я просто проспал. Как видите и со мной такое бывает... Всё в порядке? Отлично. Тогда — до встречи...

Возвращаясь в кухню, Руднев столкнулся в коридоре с Панариным.

— Ты что надел, негодяй?! — с неподдельным возмущением воскликнул он. — Это же мой халат!

— А что я должен был надеть? — искренне заинтересовался Женечка.

— Ну... не знаю — мог бы в полотенце выйти... — нашёлся Руднев.

— Знал бы — голым бы вышел, — сдержанно ответил Панарин.

— М-м-м... Я... погорячился... — тут же исправился Андрей Константинович. — Тебе очень идёт синий цвет. Носи на здоровье, Кисонька...

Панарин, ухмыляясь, проводил товарища ехидным взглядом и следом за ним направился в кухню.

— А овсянки у тебя не найдётся? — подозрительно оглядывая стол, поинтересовался он.

— Овсянки? — скривился Руднев, хрустя тостом. — Нет, Евгений Алексеич, такой гадости у себя в доме я не держу.

— Эх, Руди, — с укоризной покачал головой доктор. — Такой взрослый, можно сказать, условно сознательный человек — и не понимает важности здорового питания!..

— Человек, который накануне в одиночку вылакал целую бутылку коньяка не будет читать мне лекций о здоровом питании, — осадил его господин адвокат.

Женечка сел за стол и со вздохом потянулся за чашкой.

— Ну уж в этом только ты виноват. Ты меня расстроил...

— Не плачь, Киса. Сейчас я тебя обрадую. Можешь передать своему Карабасу, что я готов с ним встретиться.

Панарин замер с чашкой у самых губ.

— Что случилось? — Голос у него охрип от волнения, и он торопливо сделал пару глотков кофе, не отрывая встревоженного взгляда от рудневского лица.

— Что случилось, то случилось, — философски заметил на это Андрей Константинович, кроша пальцами остатки тоста. — Я теперь человек, которому есть, что терять. Ты вот свалился вдруг на мою голову... — Про Наденьку он почему-то промолчал. — Всё, что меня интересует — это защита и твёрдые гарантии полной моей безопасности. Ферштейн, Евгений Алексеич?

— Руди! — ужаснулся Панарин — Какая же я свинья!

— А я давно это утверждаю, но мне почему-то никто не хочет верить...

— Руди, прости, — Женечка неожиданно встал на колени и снизу заискивающе посмотрел Рудневу в глаза. — Я ж тебя подставил! Он не должен был к тебе подобраться! Если бы я не отключился...

— На место сядь, шут гороховый, — снисходительным взглядом окинул его Руднев. — Передай Радзинскому, что мальчика я готов сдать ему со всеми потрохами. Если бы ты знал, как я его ненавижу! — добавил он, скрипнув зубами.

— Кого? Радзинского? Или мальчика? — не понял Женечка. Вместо того чтобы встать, он устроился на полу у ног Руднева и, стянув с его тарелки второй тост, захрустел им увлечённо, влажно блестя умными карими глазами.

— Их обоих. Но Роман Аркадьича в тысячу раз больше — прям загрыз бы его... — Господин адвокат задумчиво стряхнул на Женечку крошки со своих коленей. — Как же мне убить его хотелось! Да кто ж мне позволит?.. Одно счастье, что, когда я его нашёл, его память была девственно чиста. А не то пришлось бы мне перед этим щенком пресмыкаться. — Руднев горько усмехнулся, вспоминая, — У него проскакивало иногда — на «ты» вдруг ко мне обращался. Я каждый раз вздрагивал: неужто очухался? Повелитель... Хорошо, мне Радзинский глаза отвёл, и я на какое-то время забыл, о том, кто он. Иначе придушил бы сопляка...

— А ты поумнел, — одобрительно заметил Панарин. — Помнишь, с каким восторгом ты говорил о нём лет пятнадцать назад? И про безграничные возможности что-то мне впаривал...

— З-з-заткнись, — поморщившись, простонал Андрей Константинович и, нашарив на столе кусок сыра, сунул его Женечке в зубы. — Ты лучше скажи, что именно ты вчера видел. У подъезда, когда мы домой возвращались.

— Звёзды двигались, — с набитым ртом старательно выговорил доктор. — Медленно. Выстраивались в какие-то фигуры. Я так понял, это было предупреждение. Тебе, в первую очередь.

— Правильно понял, — вздохнул Руднев, протягивая Женечке чашку, чтобы он мог запить свой сыр. — Я посмотрел — всё сходится. Поэтому — возвращаясь к нашим баранам — поскорее организуй мне Радзинского. Можно даже сегодня — после пяти часов.

— Слушаю и повинуюсь, — Женечка положил свою буйную голову Рудневу на колени. Тот, усмехаясь, потрепал его мягкие каштановые волосы.

— Ну почему ты не собака, Панарин? Из тебя бы отличный пёс получился. И воспитывать тебя было бы легче.

— Я бы кого-нибудь укусил, и меня бы усыпили. По решению суда.

— Ты что, Киса! Я бы не позволил. Дал бы взятку ветеринару и увёз бы тебя куда-нибудь подальше.

— Просто «Побег из Алькатраса» какой-то... — польщённо хмыкнул доктор. — Надеюсь, нам с тобой никогда не придётся делать друг для друга что-нибудь подобное...

— Я тоже надеюсь... — прошептал Руднев, заметно мрачнея.

— Эй, Руди, всё будет хорошо! — прикрикнул на него доктор. — Даже не думай сомневаться!

— Да ты что?! — Руднев неожиданно вцепился Женечке в волосы и дёрнул его голову назад, заставляя смотреть себе в глаза. — А кто вчера по пьяни лопотал, что он что-то там видел и ему от этого страшно? — прошипел он зловеще.

— Я... я не могу отвечать за свой пьяный бред, — быстро нашёлся Панарин.

— Колись, сволочь, — зло прищурился Руднев. — Или я вышвырну тебя вон, и знать тебя больше не желаю...

— Ну, хорошо-хорошо! — сдался Панарин, выворачиваясь из рудневского захвата. И отодвинулся обиженно. — И кто после этого из нас психопат?

— Без лирических отступлений, пожалуйста, — холодно процедил Андрей Константинович.

— Как хочешь. — Безразлично пожав плечами, Панарин встал, поплотнее запахнул халат и потуже затянул пояс. Он уселся на подоконник, огляделся вокруг. Увидел в вазочке два мандарина. Наклонился за ними, подхватил и принялся довольно ловко ими жонглировать. — Ты зарываешься, Руди, — беспечно сказал он. — Ты не можешь заставить меня говорить. Только не меня. Я прекрасно знаю, что обманывать тебя бесполезно. Что если я попытаюсь, хоть на йоту исказить смысл того, что я видел, ты немедленно почувствуешь даже эту одну тысячную долю лжи. Но ведь я могу совсем ничего тебе не говорить...

— Тогда убирайся!!! — сдавленно крикнул Руднев.

— Ну-ну! Ты ещё заплачь... — Панарин положил мандарины в карман, вернулся на место. Только на этот раз передвинул стул поближе к разъярённому до крайности приятелю. — Держи. — Он протянул ему один мандарин. — Ешь, я сказал! — цыкнул он на упряма. — Или не скажу ничего — ты меня знаешь! — Убедившись, что Руднев трясущимися от гнева руками снимает с фрукта шкурку, второй мандарин доктор принялся очищать сам. — Я никогда тебя не предаю. Ты же знаешь, Руди. И ты прекрасно понимаешь, что я никогда не стану делать что-то тебе во вред. Тебе не кажется, что своими подозрениями ты меня оскорбляешь? Так, — отвлёкся он. — Почистил. А есть кто будет? Ну-ка, открой ротик... Ам... — Женечка заставил Руднева проглотить одну дольку. — Умница. Так вот. Если я чего-то тебе не рассказываю, значит, так надо. А кому надо? Правильно — Рудичке. Ну, давай, ещё одну дольку... Хороший мальчик. На чём я остановился? Ах, ну да! Но Рудичка топаёт ножками, надувает губки: «Дай, да подай огонь в руки!» И что же дядя Женя должен делать?.. Т-а-ак — капризничать?! Ну-ка быстро разжал зубки! То-то же... В общем — я расскажу тебе, но только после твоей беседы с Радзинским. Договорились?

Руднев покорно проглотил все оставшиеся дольки, а вместе с ними и свою смертельную обиду. И позволил Панарину скормить себе второй мандарин... Ну конечно же он простил это чучело! И даже халата не жалко, если честно...

===== Глава 70. Отец невесты =====

Андрей Константинович, поигрывая тростью, остановился в дверях и с невозмутимым видом разглядывал ножки своей секретарши Наденьки, которая, не подозревая, что за ней наблюдают, скинула туфли и забралась на стол, чтобы полить стоящий высоко на шкафу цветок. Названия вышеозначенного растения господин адвокат не знал, но находил, что оно

довольно симпатично свешивается сверху нарядной изумрудной гирляндой. Но главное достоинство этого зелёного насаждения было, по его мнению, всё-таки в том, что оно — уже не в первый раз — так удачно предоставляло ему возможность любоваться стройными ножками секретарши. Исключительно с эстетической точки зрения, конечно! А Вы что подумали?

Повернувшись, чтобы спуститься, Наденька, разумеется, сразу же заметила высокое начальство и его оценивающий взгляд. Она страшно смутилась и покраснела. Общеизвестно, что у рыжеволосых очень тонкая кожа, поэтому краснеют они быстро, часто и весьма интенсивно. Андрей Константинович, как истинный джентльмен, сделал вид, что не заметил её замешательства, подал ей руку и галантно помог спуститься, как по ступенькам: со стола — на стул, со стула — на пол.

Между тем Наденька так растерялась, что не сразу сообразила обуться. Господин адвокат и тут повёл себя безупречно: усадив девушку на стул, он опустил на одно колено и собственноручно надел на неё туфли.

— Вам не кажется, что мне пора представиться Вашим родителям? — сдержанно поинтересовался он, целуя наденькину ручку. — Я так понимаю — они уже знают? — он провёл пальцем по выразительному бриллиантовому украшению на её руке. Наденька молча кивнула. — Выберите день, когда будет удобно нанести им визит, и сообщите мне. Я могу рассчитывать, что Вы уладите этот вопрос?

— Конечно, — Наденька позволила себе скользнуть по лицу босса изучающим взглядом. — Не знала, что я Вам нравлюсь, — неожиданно выпалила она.

— А Вам и ни к чему было это знать, — криво усмехнулся Руднев и встал, опираясь на трость. Наденька тоже вскочила, но явно поторопилась, потому что босс ещё не успел сделать шаг назад, и она замерла, отчаянно краснея от собственной неуклюжести и упираясь носом в рудневский галстук. Андрей Константинович придержал её за талию, а потом вдруг наклонился и запечатлел на её губах целомудренный поцелуй, с замиранием сердца ощущая при этом, как земля отчего-то уходит у него из-под ног.

— Э-хм... Простите, что прерываю, — раздался сзади неприлично весёлый панаринский голос, и Руднев мысленно добавил ещё один пункт в чёрный список женечкиных прегрешений. — Сегодня в полшестого Великий и Ужасный Доктор кукольных наук готов принять Вас, Андрей Константинович!

Руднев не дрогнул. Руку с талии не убрал и вообще никак не обозначил неловкости ситуации. Невозмутимо поцеловав наденькины пальчики, он абсолютно хладнокровно проводил невесту до её кресла, и только недобрый прищур его серых глаз выдавал тщательно сдерживаемое им негодование.

— В половине шестого? Прекрасно... — он повернулся к Панарину, уничтожая его зловещим взглядом.

Женечка подавился смешком и, умело изображая душевный трепет, добавил:

— А мне, Андрей Константинович, извините, велено всё время находиться при Вас, не оставлять Вас ни на минуту и сопровождать Вас... хм... всюду.

Наденька озадаченно перевела взгляд с шефа на странного доктора и нахмурилась.

— Болтай поменьше! — прошипел Руднев, заталкивая радостно сияющего Женечку в свой кабинет.

— Понял. Виноват, — подобострастно кивал тот, с видимым удовольствием валяя дурака.

Но Рудневу было не до шуток. Приперев Панарина к стенке и со злостью потряхивая его, он яростным шёпотом выкрикнул:

— Что я по твоей милости должен теперь сочинять, чтобы объяснить твои безответственные откровения?! Думай, что говоришь! Чучело...

— Полагаешь, она дура? — обиделся Женечка. — Не понимает, с кем имеет дело? Она, к твоему сведению — выражаясь сухим научным языком — эмпат. Во всех тонкостях чувствует все оттенки твоего настроения и знает, что ты скажешь в следующую минуту.

— Без тебя знаю! И не строй из себя идиота — речь не об этом!..

— Ну, ладно, ладно! — примирительно воскликнул Панарин. — Я, между прочим, всего лишь выполняю инструкцию. Радзинский распорядился ненавязчиво донести до сознания твоей секретарши мысль, что вокруг тебя сложилась некая угрожающая ситуация. По-моему, я прекрасно справился!

Руднев так удивился, что мгновенно Женечку отпустил, ошарашено наблюдая, как жизнерадостный доктор нахально плюхается на его эксклюзивный кожаный диван прямо в ботинках, преспокойно устраивая ноги повыше — на подлокотнике.

— Зачем? — спросил Андрей Константинович непонятно у кого.

— Понятия не имею, — беззаботно пожал плечами Панарин.

Руднев внезапно сорвался с места, распахнул дверь и решительным шагом вышел в приёмную.

— Надюша, — сдержанно обратился он к девушке. — Скажите, пожалуйста, Вы знаете человека по фамилии Радзинский? Викентия Сигизмундовича?

— Да, — безмерно удивилась Наденька. — Это мой отец.

— Кто?! — оторопел Андрей Константинович.

— Папа. — Наденька растерянно встала. — Я сама не знала, пока не закончила школу. Мне было семнадцать лет, когда мама познакомила нас друг с другом. До этого я считала отцом своего отчима. А ... что?

— Ничего. — Руднев нервно ослабил узел галстука. — Когда Вы виделись с ним последний раз?

— На той неделе. Но мы больше по телефону общаемся. А так... в прошлом году он брал меня с собой в Иорданию. Помните, я просила у Вас две недели отпуска?

— Помню, — стиснул зубы Руднев. — Он знает, у кого Вы работаете?

— Нет. Мне кажется, что нет, — тут же поправилась она. — Во всяком случае, я ему не говорила. Рассказала только, что пошла работать секретарём. Ему это не слишком понравилось, он предлагал устроить меня в посольство. Спрашивал, зачем мне эта, как он выразился «рабская» и совершенно бесперспективная должность.

— И что Вы ему ответили?

— Что мне нравится работать с Вами, — мучительно краснея, прошептала Наденька.

— Он, наверное, ужасно веселился, когда это услышал, — зло бросил Андрей Константинович.

— Да, он очень проникателен... — неожиданно смело ответила девушка, твёрдо взглянув шефу в глаза. — Могу я узнать, к чему весь этот разговор?

Руднев мгновенно сник под этим взглядом. Видно было, что ещё немного, и он в тоске начнёт биться головой о стены.

— Поедете вечером с нами, Надежда Викентьевна, — безжизненным голосом произнёс он, не глядя на неё. — Вы же собирались представить меня родителям...

— Вы знакомы с папой? — удивилась Наденька.

— С папой?.. Да, с папой... — Андрей Константинович закрыл руками лицо и не тос зарыдал, не то засмеялся — а, может, и то и другое вместе.

Панарин, который, давясь смехом, с восторгом слушал их диалог, прикусил губу, чтобы унять рвущееся наружу веселье, и сочувственно обнял друга сзади за плечи, успокаивающе поглаживая по спине. Наденька тоже вышла из-за стола и остановилась перед шефом, с тревогой пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Я могу вернуть Вам кольцо, — серьёзно сказала она, тронув его за локоть.

— Что?! — Руднев вздрогнул и опустил руки. — Ни в коем случае! — он притянул девушку к себе и прижался щекой к её макушке. — Глаза папины... Совершенно... Только зеленее чуть-чуть... Какой я дурак! — простонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

Панарин, не в силах больше сдерживаться, захохотал в полный голос, всхлипывая и стелая, как потревоженное привидение. Наденька удивлённо глянула на него из-за рудневского плеча, вздохнула и покрепче обняла своего несчастного, измученного, драгоценного шефа.

===== Глава 71. Аудиенция =====

Андрей Константинович не питал иллюзий по поводу того, куда именно он сейчас направляется — в логово врага, говорил он себе. Помнится, визиты Радзинского в больнице доводили его до белого каления и слились в его воспоминаниях в одну сплошную бесконечную пытку. Жуткий психологический прессинг, паническое ощущение бессилия и физическая боль, к которой Карабас не имел никакого отношения, но которая неизменным фоном сопровождала все их контакты, были теперь неотделимы в его сознании от фамилии Радзинский. Так что ненависть Руднева к гнусному Доктору кукольных наук превышала все мыслимые пределы.

К счастью для себя, Андрей Константинович не мог сейчас сосредоточиться на этом чувстве. Он мужественно боролся в этот момент с лёгкой тошнотой, которую вызывал у него сладковатый казённый запах, буквально въевшийся в интерьер салона везущего их такси, и мечтал о том, что, как только эта кошмарная история с диском закончится, он обязательно отправится в какое-нибудь приличное место за новой машиной и снова сядет за руль. Каких бы физических мук ему это не стоило. В конце концов, Панарин обещал, что рано или поздно нога непременно восстановится полностью.

Положив руки на рукоять трости, Андрей Константинович рассеянно созерцал приглушённое мерцание разноцветных камней, украшающих его пальцы. И почему-то от того, как подмигивали ему оправленные в ценный металл камешки, не становилось, как обычно, легче на душе, а, наоборот — наваливалась такая тяжесть, что нельзя было уже просто так отмахнуться и списать всё на дурное настроение и законное волнение перед важной встречей. Нет — определённо это было предчувствие.

Раньше — до роковой встречи с милым мальчиком по фамилии Бергер — не слишком приятные — зачем же спорить с очевидным! — но очень исполнительные духи уже доложили бы Рудневу диспозицию, сообщили бы обо всех тайных намерениях противника и предложили бы пути решения проблемы. И тут же, получив от Хозяина милостивое дозволение, умчались бы выполнять его поручение с завидным рвением и энтузиазмом. О, какое же это было искушение, когда пресловутый Господин в чёрном пообещал вернуть Андрею Константиновичу всех его слуг! Но зачем же он добавил «убей»?! Кого — Панарина?! Тупое чудовище! Да за него Руднев сам готов был сдохнуть. Кроме того, знал

господин адвокат, что не сможет он теперь выполнить возложенную на него миссию. Не потому что больше не хотел, а потому что познакомился с тем самым милым мальчиком по фамилии Бергер. И понял, что битва проиграна — этот юный голубоглазый терминатор слишком хладнокровен, искусен и слишком заинтересован, чтобы можно было его обставить. Он честно так и сказал: теперь это невозможно — всё, поезд ушёл! Они что — думают иначе?

Панарин помог другу выбраться из машины. Наденька выскочила сама — коза торопливая! Не могла дожидаться, пока жених дохромает до передней дверцы и предложит ей руку!

Руднев без особого интереса огляделся: да, именно этот дом он уже видел утром, когда Панарин сообщил о готовности Радзинского встретиться с ним. Он также знал, что ждёт их внутри: пыль, мебель в чехлах, замотанная целлофаном люстра. Потому что хозяин там давно не живёт. И он не намерен встречаться с господином адвокатом на своей настоящей территории. А почему, интересно? Вот то-то и оно!..

Панарин нажал кнопку звонка и покосился на Руднева: тот смотрел прямо перед собой с таким скучающим и равнодушным видом, как будто посещал Радзинского ежедневно уже в течение года и исключительно по приговору суда, отчего эта процедура давно сидела у него в печёнках.

— Надежда! — слишком памятный низкий и бархатный голос радостно разнёсся по всему подъезду, заставив Руднева нервно вздрогнуть. Викентий Сигизмундович прямо на пороге обнял и горячо поцеловал дочь, слишком хрупкую на фоне его мощной фигуры, и только потом махнул своим гостям, — Входите, господа...

Проследовав за ним через тёмный коридор, они оказались в просторной гостиной, которая выглядела именно так, как предполагал Руднев: отовсюду свисают пыльные драпировки некогда белой ткани и в воздухе стоит затхлый запах давно не проветриваемого помещения.

Радзинский немедленно стащил несколько чехлов: с кресел, с дивана и стульев, распахнул настежь окно. Обстановка сразу стала веселее.

Шепнув, что-то на ушко Наденьке, Викентий Сигизмундович ласково поманил к себе Панарина.

— Жень, можно тебя попросить? — И приобняв его — так фамильярно и так обыденно, что Руднев невольно приревновал к нему своего друга — изложил свою просьбу вполголоса. И подтолкнул их обоих куда-то. В сторону кухни, как догадался господин адвокат.

Удалив лишних свидетелей, Радзинский не стал садиться: непринуждённо прислонился спиной к подоконнику. Руднев понял, что он намеренно отвернулся от света — чтобы гость не мог разглядеть как следует его лица.

— Жениться собрался, Андрей Константинович? — послышался его насмешливый баритон.

— А Вы возражаете? — Руднев, не дожидаясь приглашения, брезгливо присел на краешек стула.

— Конечно, возражаю. Вот Панарину я бы дочь отдал. А тебе...

Руднев снова — как недавно в ресторане — ощутил прилив острой и горячей ревности, но тут же сам себя успокоил: Женечка не станет у него на пути. Никогда.

— Может, саму невесту спросим? — холодно предложил он.

— А чего её спрашивать? Девчонка! Бестолковая ещё.

— Вот именно, — зло усмехнулся Руднев. — Не будем её спрашивать. Давайте, без неё как-нибудь договоримся.

Радзинский одобрительно хмыкнул и всё-таки снизошёл до более тесного общения. Подошёл поближе, поставил стул напротив, сел и окинул гостя ехидным взглядом своих янтарных кошачьих глаз.

— И всё-таки нравишься ты мне, Руднев, — задушевно проговорил он, заглядывая снизу ему в лицо и наклоняясь при этом так, что пряди его длинных седых волос коснулись лежащей на рукояти трости рудневской руки. Андрей Константинович не дрогнул и бровью не повёл: абсолютно спокойно продолжал смотреть ему прямо в глаза. — Интересно, какой же масти у Вас будут дети? — задумчиво продолжил Радзинский и зачарованно прикоснулся к чёрным рудневским волосам.

Выдержка Андрея Константиновича дала трещину: его передёрнуло, и только усилием воли он заставил себя не отпрянуть в панике, не вскочить и не убежать прочь.

— Фантазии не хватает представить? — сухо поинтересовался он, слегка потрянув волосами.

Радзинский вполне предсказуемо захохотал: самозабвенно и жизнерадостно. А Руднев получил небольшую передышку.

Андрей Константинович сам был удивлён тем, что злой Карабас в этот раз совсем не был ему противен. Теперь, когда он выступал в роли папы — он оказался даже интересен. Конечно, он нервировал немного и ощутимо подавлял своей запредельной мощью, но даже запах его — что-то такое авантюрное, настоящее, замешанное на солёных морских брызгах, одуряющем аромате пахучих тропических растений и горьковатом дыме костра — будоражил, а не отталкивал.

— А ведь я помню тебя другим, Андрюш, — отсмеявшись, сказал вдруг Радзинский. — Ты таким трогательным мальчиком был пятнадцать лет назад! Серьёзным таким — никогда не улыбался и всё время в пол сосредоточенно смотрел, а ещё очень нервным — вздрагивал от каждого движения в твою сторону! И прямо на лбу у тебя было напечатано крупными буквами: «СТРЕМЛЮСЬ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ».

— Неужто, Вы меня запомнили? Вот уж не думал... — Руднев хотел съязвить, но в голосе, помимо воли, прозвучала совершенно детская обида. Ведь Андрей Константинович прекрасно помнил, что тогда — на семинаре какого-то целителя, замаскированном под популярную лекцию по физиологии, проводящуюся под эгидой общества «Знание» — крутой, уже знаменитый Радзинский просто скользнул по нему равнодушным и снисходительным взглядом и сразу отвернулся, как будто сидящий рядом парень не стоил ровным счётом никакого его внимания.

— Такое не забывается! — хохотнул Радзинский. — Вокруг тебя всякая гадость целой тучей роилась. Я даже замёрз рядом с тобой. А Колю просто реально затошнило. Он аж позеленел, несчастный, и шепчет мне слабым голосом: «Или мы пересядем, или я за себя не ручаюсь». Так что — как не заметить! Шутишь, что ли? Да и внешность у тебя такая ... броская: волосы чёрные, глаза яркие — ты на меня так зыркнул, будто бритвой полоснул. А уж одет ты был как на картинке журнальной: с таким вызовом, с таким презрением к действительности — я таких мальчиков в реальной жизни и не встречал. Манжеты кипельно-белые — кажется, что хрустеть должны, ботинки сияют, как на витрине, пиджак так идеально сидит, как на манекене, а осанка какая гордая! — спина прямая, плечи расправлены, голова высоко поднята — любо-дорого поглядеть! Даже принцы скромнее

выглядели — честное слово! — мне по долгу службы со всякими людьми приходилось общаться...

В устах Радзинского комплименты рудневской внешности почему-то звучали так оскорбительно, что господину адвокату захотелось поскорее Карабаса заткнуть.

— Вы мне помогать собираетесь, папа? — устало прервал его Андрей Константинович и тут же запоздало сообразил, какого свалял дурака.

— Ну, а зачем же я позвал-то тебя, сынок? — нежно ответил на это Викентий Сигизмундович и, разумеется, крепко обнял своего будущего зятя.

Руднев не умер в тот же миг только потому, что от шока все его жизненные функции автоматически перешли в режим анабиоза. А когда он потихоньку начал оживать, оказалось, что телу его в объятиях Радзинского очень даже комфортно и совсем не страшно. Хотелось положить голову ему на плечо, закрыть глаза и забыться сном — Андрей Константинович только сейчас понял, как сильно он устал.

— А жениться пока не смей, — строго шептал Радзинский ему на ушко, ласково поглаживая обмякшего в его руках адвоката по плечу. — Даже думать забудь. Иначе я тебя собственноручно на мелкие кусочки покрюмсаю. Пять лет не спешил никуда и ещё подождёшь — ничего с тобой не случится.

— Это ещё почему? — недовольно поинтересовался Руднев.

— Как говорит одна моя знакомая: с твоей-то кармой!.. Вот, смотри, — Радзинский немного отстранил от себя Андрея Константиновича и ловко забрался во внутренний карман его пиджака. В руке у него оказался спутанный моток потрёпанных чёрных ниток. — Это следы твоих сомнительных друзей. Оставить? — Руднев содрогнулся от отвращения. — Тот, Андрюша... — Викентий Сигизмундович сдул нитки с ладони, и они мгновенно сгорели в воздухе. — Ты за эти годы столько всего наворотил — думаешь, всё это, как вода, в песок ушло без следа? Нет, мой хороший — всё на тебе висит! И, как пить дать, придётся тебе за всё расплачиваться. Ты хоть понимаешь, что значит — жениться? Это значит — всё у вас будет общее. И долги твои, Андрюша, тоже... Меня это, честно говоря, не устраивает. Думаю и тебя тоже. Ты хоть и злодей, но злодей патологически благородный. Я ведь уже говорил, что ты мне нравишься? — Радзинский с бархатным смешком нежно поцеловал его в висок. — А помочь я тебе помогу, можешь не сомневаться. Хотя бы уже потому, что мы с тобой в одной лодке. Нам с тобой от Ромы Князева никуда обоим не деться. Ты, кстати, в курсе, что я его усыновил?

— Вам своих детей мало? — сонно вздохнул господин адвокат, носом утыкаясь Радзинскому в шею. — Сколько их, кстати, у Вас?

— Кровных? Трое. И пятеро внуков.

— Как же Вы сумели? — вяло поразился Андрей Константинович. — Я наводил о Вас справки — Вы никогда не были женаты.

— М-да, я никогда не был женат, — туманно ответил Радзинский. — Скажем так: по молодости я вёл себя не слишком хорошо...

— А ещё у Вас есть — этот, как его — Ливанов. Я помню его по астрологической Академии. Он всё время с большим интересом на меня косился. Тоже Ваш «сынок»?

— Само собой, — хмыкнул Викентий Сигизмундович. — Я всё хотел спросить: ты от скуки или от злости природной пару раз на него порчу навёл?

— Это Вам был привет, — усмехнулся Руднев. — Ну и чтоб не любопытствовал. Не люблю, когда на меня таращатся.

— Ясно. — Радзинский спокойно и размеренно гладил Руднева по шелковистым волосам своей огромной ладонью, другой рукой крепко прижимая его к груди.

— А Панарин с долгами уже расплатился? Вы поэтому с ним породниться готовы? — после долгого молчания вдруг ревниво спросил господин адвокат.

— Его освободили от долгов. Чувствуешь разницу, Андрюша? Сам бы он вовек не расплатился. Он раскаялся, и долги ему простили. А эту свою глупую ревность ты брось: Панарин тебе не конкурент, хотя бы уже потому, что он женат.

— Он развёлся.

— Не знаю, что он опять тебе наплёл — даже странно, что ты такой доверчивый! — только не разводился он ни через гражданский, ни через церковный суд. Брак-то у них венчанный, церковный. Просто жена разозлилась на него и к маме в Питер укатила. А Женя твой решил воспользоваться ситуацией и отдохнуть немного от тяжких супружеских обязанностей. Вообще, они друг друга стоят, я тебе скажу! Ксюша эта — тот же Женя, только в юбке. Как они друг друга ещё не растерзали — загадка...

— Панарин — сво...

— Тише-тише, — Радзинский предостерегающе приложил палец к его губам. — Не ругайся. Тебе вредно, — хмыкнул он, с трудом удерживаясь от смеха.

Сколько ещё времени они провели так — молча, обнявшись — Андрей Константинович не запомнил. В памяти отложилось, что стоять потом было не то чтобы трудно, но как-то... странно: он чувствовал себя лёгким, как пёрышко, и поэтому периодически пытался за что-нибудь схватиться, чтобы не улететь. Этим «чем-то» всё время оказывался Радзинский, который снисходительно усмеялся и деликатно, но настойчиво отцеплял от своей рубашки рудневские пальцы.

— Т-ш-ш, т-ш-ш, Андрюш. Придётся немного постоять, — говорил он сочувственно и продолжал вытягивать из него нити. Пространство между ними полыхало разными цветами, как северное сияние. Несмотря на своё состояние, Руднев очень внимательно смотрел, что именно Радзинский с ним делает. И запоминал, и даже умудрялся понимать смысл его действий. Сказать, что он был восхищён возможностями и искусством Радзинского, значило бы сильно преуменьшить его истинное впечатление. Ему, правда, не понравилось, когда Викентий Сигизмундович начал соединять его нити со своими, сплетая из них огромный светящийся кокон. Тело Андрея Константиновича, скорее, инстинктивно, чем сознательно отторгало чужеродную энергию. Но Радзинский его уговорил, убедил, успокоил — и всё получилось.

Когда Руднев открыл глаза и увидел перед собой стену панаринской спальни, он поначалу решил, что всё это ему приснилось. Но потом он попробовал на вкус воздух и тихо застонал: запах Радзинского пропитал его насквозь, вьелся в кожу, в волосы, в одежду. Поможет ли в этой ситуации душ? Никакой уверенности...

— Киса! Где тебя носит? — капризно простонал Андрей Константинович и отбросил жаркое одеяло. И только после этого понял, что сейчас глубокая ночь. А он каким-то образом видит всё так же ясно, как днём. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!.

===== Глава 72. Маленькая слабость =====

Темно. Только слабые очертания окна выступают на фоне вязкой, бархатной черноты. И душно до невозможности. Радзинский всё ворочается и вздыхает на диване в гостиной. Двери настежь открыты. В соседней комнате смутно белеет аверинская постель и оттуда не доносится ни шороха, ни звука.

— Коль, ты спишь?

— Нет, конечно. Ты же каждые три минуты меня дёргаешь.

— Ну, извини.

— А если не извиню, то что?

— Не знаю даже. Такого ещё не случилось... Сначала, наверное, не поверю.

— И правильно не поверишь. Ну, говори уже, что там опять тебя торкнуло.

— Коль, ты только не смейся!

— С чего это мне вдруг смеяться?

— Да ты же всегда насмехаешься!

— Тебя послушать, так я просто закоренелый циник какой-то!..

— Циник не циник, но безобидным мальчиком-зайчиком тебя могут считать только дураки.

— Спорить не стану... Кеш, ты опять одеяло на пол сбросил?! — Аверин с возмущённым возгласом приподнимается на локте.

— Оно само!.. — Радзинский пытается изобразить благородное негодование, но быстро сдаётся. — Ну, хорошо! Скажем так — я не стал ему препятствовать. Жарко мне!

— Так открой окно пошире!

— Чтобы ты утром с соплями проснулся? Благодарю покорно!

— Опять я виноват?

— Что значит — опять? Можно подумать я только и делаю, что претензии тебе предъявляю!

— Ладно, — обречённо вздыхает Аверин. — Иди сюда. Подушку только захвати. По пути можешь открыть все окна в квартире. С тобой я точно не замерзну — ты же как печка!.. — и он с тяжким вздохом падает обратно на подушку.

Радзинский бодро стучит в темноте рамами, отдёргивает плотные шторы. В комнате сразу ощущается лёгкое движение прохладного свежего воздуха. Прошлёпав босыми пятками в спальню, Радзинский роняет на постель свою подушку и довольный плюхается на спину рядом с Авериным. Удобно устроившись у него на плече и до подбородка укутавшись одеялом, Николай Николаевич ещё раз вздыхает, закрывает глаза и намеревается уснуть.

— Коль, — виновато шепчет Радзинский.

— Ну что ещё? — недовольно бормочет Аверин, не открывая глаз.

— Коль, пообещай, что не умрёшь раньше меня.

Аверин подскакивает и с изумлением всматривается в блестящие в полумраке глаза Радзинского.

— Кеш, ты спятил? Тебя в той комнате галлюциногенный комар укусил? Или ты по ночам всегда бредишь — я просто не замечал?

— Ты обещал не смеяться... — бархатистым баском упрекает Радзинский.

— Я разве смеюсь? Я в шоке!

— Ты не смеёшься — ты издеваешься. Это одно и то же.

Аверин, опираясь на руки, нависает над ним.

— Это от меня не зависит. Как я могу тебе обещать?

— А ты попроси.

— А сам чего не попросишь?

— Уже попросил.

— Ясно. — Аверин ложится обратно, снова устраиваясь на широкой груди

Радзинского. — Обещаю попросить, — бормочет он.

— Смотри, не забудь!

— Забудешь такое — как же! — бурчит Николай Николаевич себе под нос. — А позже можно? — ворчливо спрашивает он через некоторое время.

— Нет, Коля, я за тебя волноваться буду! — обиженно восклицает Радзинский.

— Так ты, значит, хочешь, как в сказке: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день»?! — Аверин слегка приподнимает голову и тут же роняет её обратно. — Можно тогда одновременно высвободить сознание — и в Nirvanу! Как тебе такой вариант?

— Это слишком на самоубийство смахивает. И потом — не хочу я в Nirvanу! Что я там забыл? Там тоска, наверное...

— Правильно. И Аделаида...

Радзинский начинает сотрясаться от беззвучного смеха. Аверин терпит какое-то время, потом тычет его кулаком под рёбра:

— Перестань. У меня от такой качки начнётся морская болезнь!

— Всё-всё! — заверяет Радзинский, вытирая выступившие от смеха слёзы. Он крепко обхватывает Аверина обеими руками, и закрывает глаза, честно намереваясь уснуть. Но через некоторое время снова раздаётся его сонный голос, — Коль, прекрати моргать. Твои ресницы мне шею щекочут.

— А? Хм... Я тут прикидываю: ты лет тридцать протянешь ещё — до девяноста? — задумчиво откликается Николай Николаевич.

— Ты собираешься ещё и сроки конкретизировать? — поражается Радзинский, сразу распахивая глаза. — По-моему, это хамство!

— А день смерти себе выторговывать — не хамство?

— Нет. У любого человека может быть своя маленькая слабость.

— Это я, что ли, твоя маленькая слабость? — подозрительно уточняет Аверин.

— Ты моё сокровище! — Радзинский целует Николая Николаевича в макушку. — И в архив с утра ты, а не я собирался. Можешь быть уверен — я не стану тебя будить — у меня рука не поднимется...

— И кто ты после этого?!

— Как — кто? Великий и Ужасный Доктор кукольных наук Карабас Барабасович... — фамилию сам придумай. Мне лень.

— По-моему светает уже, а я тут буду всякие глупости придумывать! — обиженно замечает Аверин. — И только попробуй — не разбуди!..

— Надуешься, и целый день будешь делать вид, что меня нет? — вкрадчиво интересуется Радзинский.

— Викентий! Я сейчас кусаться начну! — строго одёргивает его Николай Николаевич. — Быстро: закрыл глаза и уснул!

— Слушаю и повинуюсь, мой господин...

— Не ёрничай!

— А дышать можно?

— Можно. Но только дышать!

— Лейл менуха (1).

1 Спокойной ночи — (иврит).

— Да спи уже! — стонет Аверин.

В комнате, и правда, заметно светлеет. Уже отчётливо видны очертания мебели и

роскошные волосы Радзинского, разметавшиеся по подушке. Он спит, крепко, как любимого плюшевого мишку, прижимая к себе Аверина. Николай Николаевич в полусне делает слабую попытку повернуться на другой бок, но суровая рука Викентия Сигизмундовича мощно фиксирует его на месте: не вздохнуть, ни шевельнуться. Николай Николаевич, смирившись, утыкается в него носом и отключается. Освободиться из собственнических объятий Радзинского у него не получится до самого утра — подтверждено экспериментальным путём...

===== Глава 73. Претензии сторон =====

Дверь скрипнула, и они оба замерли: Роман — на пороге, сжимающий дверную ручку, Руднев — с какими-то бумагами в руках у стола своей секретарши, которой (с ума сойти!) не было на рабочем месте.

— Я ждал тебя, — криво усмехнулся господин адвокат. Он отложил в сторону папку и встал, скрестив руки на груди — совершенно нехарактерная для босса поза, как отметил про себя Роман.

— Ну вот и хорошо, — закрывая за собой дверь, сказал он. Хотел — спокойно, но получилось — зловеще. — В кабинет меня пригласите?

— Отчего же нет? Входите, Роман Аркадьич.

Проходя мимо Руднева, Роман почувствовал, как его опахнула волна концентрированной ненависти и — нет, не страха — а брезгливости, отвращения и тоски, вызванной неотвратимостью предстоящей беседы. Роман скользнул удивлённым взглядом по застывшему лицу шефа: это кто кого должен здесь ненавидеть? Руднев взгляда не отвёл. Прищурился зло и презрительно скривил губы, как будто видел перед собой нечто на редкость омерзительное. Ну, ладно, сейчас разберёмся, чем ты так недоволен, пижон несчастный. Роман в ответ смерил шефа снисходительным взглядом и уверенно шагнул за порог кабинета.

— Я пришёл за диском, — без обиняков начал Роман и по-хозяйски, не дожидаясь приглашения, уселся в любимое рудневское кресло. Он сам не знал, зачем это сделал: внутри вдруг поднялась волна необыкновенной самоуверенности и опьяняющей властности. Он смотрел на стоящего перед ним Руднева, как на провинившегося слугу и не чувствовал при этом никакого душевного дискомфорта.

— Кто бы сомневался! — раздражённо процедил Андрей Константинович, но безропотно сел на диван напротив — туда, где обычно всегда сидел Роман. От него исходили импульсы лёгкого замешательства, непонятого смирения и злости. (Спасибо, Бергер, за этот чудесный дар внимать чужим чувствам!).

— Ну так как? Вы прекрасно знаете, что диск принадлежит мне — я его сделал, я его законный владелец...

— У меня его нет. — Руднев глянул на него равнодушно, и Роман с удивлением обнаружил, что босс, произнося эти слова, испытывает невероятное облегчение. — К Викентию Сигизмундовичу обратись со своей просьбой...

— Вы отдали им диск?! — Роман перегнулся через стол, пронзая шефа яростным взглядом. Он даже не рассматривал такой возможности: босс и Радзинский вместе. В его понимании Руднев всегда должен был оставаться противостоящей стороной, тем самым предоставляя Роману возможности для манёвра.

— У меня не было выбора. Так что — да, я его отдал, мой мальчик...

О, как это было сказано! Мстительно, с наслаждением и так надменно!.. А какой

небрежный и одновременно изящный взмах рукой — определённо в тебе пропадает незаурядный артист, Андрей Константинович!

— Что значит — не было выбора?! — Роман вскочил и в бешенстве просто отшвырнул в сторону стоящий между ними столик. — Может, это Вы выбрали не то, что надо?!!

— Не тебе об этом судить, — холодно парировал Руднев. Он откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу.

— Где диск?! — прорычал Роман, окончательно теряя самообладание. На него страшно было глядеть — такой нечеловеческой яростью исказилось его лицо. Но господина адвоката это зрелище, судя по всему, впечатлило мало.

— Я же тебе сказал — спроси у Радзинского... — скучающе прищурился он.

Шеф был спокоен и абсолютно уверен в себе — это бесило больше всего. Роман подлетел к Рудневу и зашипел, низко нависая над ним:

— Вы всё знали... Радзинский говорит — нет, но я не верю. Ты всё знал и морочил мне голову! Разве не ты должен был помочь мне вспомнить?

Наконец-то удалось его достать! Руднев вскочил, отталкивая от себя обнаглевшего подростка. Теперь он смотрел на Романа сверху вниз. И, можно не сомневаться, смотрел с должной долей презрения и гнева.

— Я делал всё так, как мне говорили, — холодно отчеканил Андрей Константинович, хотя Роман остро чувствовал, что внутри у босса всё кипит. — Я выполнил свою работу безупречно. Я множество раз предупреждал тебя, чтобы ты не играл с огнём. Но ты наплевал на все мои предупреждения! Ты постоянно врал мне — наверное, принимал за идиота?! И ты был попросту невменяем, потому что всеми лапками увяз в сетях своего распрекрасного голубоглазого друга!!! Он очарователен, правда? Просто Ангел! — К концу своей речи Руднев уже кричал, наступая на зарвавшегося компаньона и оттесняя его обратно к креслу.

— Оставьте Бергера в покое! — задохнулся Роман. — Вы меня предали, а не он! Ты предал меня!!!

— Да что ты знаешь?! Что ты можешь об этом знать?! — Видно было, что Рудневу ужасно хотелось схватить мерзкого мальчишку за воротник его замшевой куртки (подумать только — не чёрной!) и потрясти хорошенько. Но он только хищно шевельнул пальцами и сжал их в кулаки. — Я вкалывал на тебя, когда ты ещё не родился, — процедил он сквозь зубы. — Я потратил на тебя двадцать лет своей жизни, и это ТЫ не оправдал моих ожиданий. Это Я вне себя от ярости! ТЫ меня предал!!!

Роман так удивился этому неожиданному повороту разговора, что мгновенно отрезвел и подрастерял свою напористость.

— Чёрт возьми, — пробормотал Роман, растерянно глядя на шефа. — Как же я устал от неясности...

Он вернулся в кресло и плюхнулся на сиденье, безвольно откидываясь назад. Его руки плетями повисли вдоль тела.

— Если Вы действительно были заинтересованы в результате, — вяло заговорил он через некоторое время, глядя в потолок, — наплевали бы на инструкции, посадили бы меня напротив, налили бы мне стакан водки и сказали бы: «Рома, мальчик мой, просто сделай, как я скажу. Поверь — так надо». И я бы всё сделал. Потому что я верил Вам. И не было бы всей этой канители...

— У меня не было диска, — холодно ответил на это Руднев и сел обратно на диван. — Что бы я предложил тебе «сделать»? И я не знал, что был второй проводник. И Радзинского

ты встретил раньше меня. А подростков спаивать не в моих правилах.

— Тогда кофе что ли дайте... — хмыкнул Роман.

— Кофе? Если сможешь мне разобраться с кофеваркой...

— А где же Ваша секретарша? — развеселился Роман и встал, намереваясь вернуть на место кофейный столик. Руднев тоже поднялся, и они вместе перенесли столик обратно.

— Я её сегодня отпустил. Хм... По семейным обстоятельствам...

— Ясно. Если покажете, где чашки, я сделаю нам кофе. Я, в принципе, умею обращаться с кофеваркой. — Роман смотрел теперь на шефа дружелюбно, словно и не бросался на него разъярённой анакондой пять минут назад.

— Пойдём.

Они разворошили наденькино хозяйство, отыскивали всё необходимое. Роман разобрался с хитроумным агрегатом, и вскоре густой кофейный аромат наполнил рудневский кабинет.

— Расскажите мне всё. С самого начала, — сдержанно, но довольно твёрдо попросил Роман, делая первый глоток из синей фарфоровой чашки. — Или боитесь? — Он насмешливо блеснул чёрными глазами, изучая реакцию шефа.

— Кого? Радзинского что ли? — усмехнулся Руднев. — Да он меня ещё и похвалит! А больше мне бояться некого...

— Значит, расскажете?

— Куртку сними. Разговор не на пять минут.

Роман бросил куртку на соседнее кресло и остался в чёрной рубашке. Андрей Константинович усмехнулся, скользнув взглядом по его фигуре.

— Что? — Роман вопросительно выгнул бровь.

— Да так... И — где твои манеры, Роман Аркадьич? До шкафа пройти трудно?

— А! — Роман пренебрежительно махнул рукой. — Хотя Вы не воспитывайте! Я целых полтора месяца был хорошим мальчиком.

— Я смотрю, твой Бергер сумел тебя приручить! Надеюсь, в качестве ответной любезности ты поведаешь мне, чего ты над ним так трясешься?

— Даже не надейтесь! — ухмыльнулся Роман. — Это — абсолютно закрытая информация.

— Не бывает абсолютно закрытой информации, Рома, — вкрадчиво пропел господин адвокат. — Бывают недостаточно умелые хакеры...

— Вот и займитесь, если Вам скучно. Может, чего раскопаете, — поддразнил его Роман.

Руднев вздохнул, отставляя чашку в сторону.

— Рома, хороший мой, если ты думаешь усидеть одновременно на двух стульях, должен тебя огорчить: это удаётся только до поры до времени. Ты хочешь, чтобы я помог тебе вернуть диск? Но в таком случае я должен знать всё. Либо ты сдаёшь мне Бергера, либо я не смогу взяться за это дело. И я хочу знать, что ты намереваешься делать с проводником...

— Это моя вещь. И я хочу, чтобы она была у меня, — отрезал Роман. — Давайте — ближе к делу. Вы обещали рассказать мне всё, что знаете...

— Это когда же это я успел пообещать такую глупость? — почти искренне изумился Руднев.

Роман отодвинул от себя чашку и, поставив локти на стол, наклонился к боссу.

— Андрей Константинович, — терпеливо начал он, — у меня сейчас не то настроение, чтобы хохмить. Давайте, отложим этот детский сад до лучших времён...

Чтобы господин адвокат так смеялся — подобного эти стены ещё не видели! Он хохотал настолько оглушительно — в пору самому Радзинскому. Роман и сам развеселился, глядя на него, и сидел теперь с идиотской улыбкой, ожидая, когда шеф успокоится.

— Может, водички? — сочувственно спросил он.

— Н-нет, — всхлипнул Руднев, прикладываясь к чашке с кофе. — Спасибо за заботу, Роман Аркадьич... А ты вырос за эти два месяца, что мы не виделись, — добавил он, смахивая слёзы с ресниц. — Скоро сравняемся.

— Андрей Константинович!..

— Ладно-ладно! Понял — больше не отвлекаюсь. Слушай, мой дорогой...

===== Глава 74. Встречный иск =====

По словам шефа выходило, что отравлять ему жизнь — пусть и косвенно — Роман Аркадьич начал с самого что ни на есть нежного возраста. Разумеется, посвящать Романа в подробности столь интимных переживаний и рассказывать ему о своём детстве босс не собирался. Но воспоминания эти были для Руднева столь болезненны, они пульсировали такой неизжитой страстью, что Роман без труда проник в них, стоило шефу заикнуться об этом периоде своей жизни.

С волнением созерцал он пугающе серьёзного худенького мальчика, чьи ножки в белых гольфах ещё не доставали до педалей, но который, тем не менее, уже сидел за роялем и бесстрастно воспроизводил навязшие в зубах гаммы. Тоненькие пальчики вышколенными движениями размеренно нажимали нужные клавиши, но каждый пассаж заканчивался ожесточённым ударом всеми пальцами сразу. И каждый раз разделённые безукоризненно ровным пробором чёрные, как смоль, волосы мальчика, взметнувшись, падали ему на глаза. Надув свои пухлые розовые губки и бросая свирепые взгляды из-под длиннющих чёрных ресниц, маленький Андрюша гордым движением головы отбрасывал чёлку назад и невозмутимо начинал всё сначала. Роман едва не ляпнул что-то вроде, «каким же Вы были хорошеньким!», но вовремя вспомнил, что перед ним не благородный и великодушный Радзинский, и прикусил язык.

Рос Андрей Константинович без отца. Воспитывали его мать и бабка — обе по-своему деспотичные и невыносимые особы. Мать Руднева была с виду нежной тургеневской барышней с талией в сорок пять сантиметров и неизменно аккуратно — волосок к волоску — гладко причёсанными длинными чёрными волосами, разделёнными на прямой пробор и безупречно заколотыми на затылке вечными шпильками. Эти шпильки до сих пор снились господину адвокату в страшных снах — как символ мрачного безотрадного детства.

Мать преподавала в музыкальной школе, и ученики ненавидели её за редкую душевную чёрствость и фантастическую придирчивость. Андрей Константинович полностью разделял их чувства — ведь ему-то приходилось терпеть мамочкино бездушие двадцать четыре часа в сутки!

С пяти лет вместо игр и прогулок всё свободное ото сна и прочих неизбежных рутинных занятий — вроде купания и питания — время Андрюша проводил за инструментом. За любые проступки наказание было одно — дополнительные экзерсисы за роялем. Да, в гостиной стоял огромный чёрный рояль! Предмет особой гордости и обожания со стороны Софьи Владиславовны.

Мамап думала и говорила только о высоком — о «низком», то есть, попросту говоря, о насущном заботилась бабка — Анна Леопольдовна — которую Андрюша до смерти боялся. Все соседи знали, что она — ведьма. И никому не приходило в голову с ней ссориться.

Впрочем, к внуку Анна Леопольдовна относилась совсем не плохо — просто ужасно собственнически. Она ревниво следила за всеми его контактами, не позволяла ни с кем сближаться и пугала мальчика странными намёками на его особое предназначение.

Бабка учила Андрюшу страшным вещам, брала с собой ночью на кладбище, поощряла его интерес к призыванию злых духов и беседам с покойниками. Со временем Андрей Константинович стал находить в этих контактах с потусторонним особое мрачное удовольствие. Магия позволяла выплёскивать весь тот негатив, который, благодаря нелёгкой его жизни, копился в мальчике в невероятных количествах. Бедный ребёнок рос издёрганым, замкнутым и нервным, а характер его очень скоро стал на редкость желчным и мстительным.

Одиннадцати лет от роду Андрей Константинович мог с закрытыми глазами сыграть Шопена и без труда навести порчу на одноклассника. Вот тогда-то и состоялось его первое свидание с Господином в чёрном, к которому бабка готовила Андрюшу, чуть ли не с самого рождения.

Увидеть это воспоминание Роману не удалось. Пришлось внимательно слушать шефа.

— Он пришёл ко мне ночью: такой зловещий и эффектный в своём чёрном плаще и бархатном камзоле. Мне нравилось в нём всё: как небрежно он помахивает зажатými в руке перчатками, как сверкает своими чёрными глазами, как он говорит — внушительно и весомо. Но главное, что меня покорило — его осязаемое величие, могущество, сила. Безусловно, я хотел быть таким как он!

Конечно, он мне льстил! Он без усталости говорил, какой я необыкновенный, одарённый сверх всякой меры, что я особенный. Что он выбрал меня потому, что больше никто не достоин исполнить возложенную на меня миссию. За эти слова я готов был для него горы свернуть! И, конечно же, всё, кроме этой новой таинственной жизни, стало для меня неважно. Я сделался невыносимым ребёнком: крайне заносчивым, самоуверенным и неуправляемым. И не без оснований — мой загадочный гость учил меня таким вещам, которых не знала даже моя бабка. К твоему сведению, она была ведьмой...

По ночам наставник брал меня за руку и водил по недоступным простым смертным мирам. Мы всегда спускались вниз: слой за слоем. Иногда сразу оказывались в очередном мрачном месте. Он постоянно внушал мне, что быть человеком — незавидная участь, потому что человек слаб, ничтожен и смертен. Он показывал мне существ, бесконечно превосходящих своими возможностями жалкую людскую натуру. Их интеллект подавлял. Их рассудок был убийственно ясен. Их мысли, казалось, пронзали Вселенную насквозь. Объяснение мироздания, данное ими, было настолько чётким, совершенным и неоспоримым, что ни разу у меня не возникло никаких возражений. Я просто восхищался краткими ёмкими формулами, в которые они отливали свои размышления, и был бесконечно горд, что имею хотя бы косвенное отношение к этим бесстрастным и могущественным созданиям.

Поначалу мой таинственный покровитель ничего от меня не хотел, только намекал на некую важную и почётную миссию, которую я должен буду выполнить в будущем. Через пару лет он рассказал мне, что в своё последнее воплощение, собрав воедино все свои незаурядные знания, сумел сделать проводник — вещь, позволяющую человеку, обладающему сверхъестественными способностями, самостоятельно, по собственному желанию спускаться в те миры, куда он водил меня всё это время. Цель такого путешествия — трансформация уязвимогo человеческого тела в практически бессмертную оболочку,

дарующую за пределы возможности своему счастливому обладателю. Но для этого надо спуститься бесконечно глубже того уровня, где мы побывали до сих пор. Он показал мне издали это место, которое он называл источником силы.

С печалью повелитель поведал мне, что не успел воспользоваться чудесным артефактом и довести свою трансформу до конца. Поэтому он вынужден будет воплотиться снова, чтобы найти проводник и довершить начатое. Ещё он говорил о некоей ошибке, совершённой в прошлой жизни, которая связала его силу. Поэтому, говорил мой Патрон, ему понадобится время, чтобы исправить свою досадную оплошность. Я до сих пор не знаю, что он имел в виду. Меня он попросил помочь: разыскать проводник и встретить его самого, когда он будет в состоянии привести диск в действие. Наставник выражал надежду, что к тому времени уровень моих знаний будет настолько высок, что он сможет объяснить мне принцип устройства проводника. Мне также были обещаны: покровительство и защита, а также столько тайных знаний, сколько я смогу в себя вместить. Его я должен был просто ждать — он обещал сам найти меня.

Мы скрепили наш договор кровью. Отныне я обязан был служить ему до тех пор, пока не выполню все условия нашего контракта.

Ты, наверное, уже заметил, сколько нестыковок и оборванных концов было в рассказе моего Патрона? А вот я тогда не замечал ничего. Даже того, что стал практически рабом.

Хотя, надо сказать, наставник ни разу не дал мне повода пожалеть о моём опрометчивом поступке. Он был необыкновенно щедр: я чувствовал себя избалованным наследником престола — все мои капризы беспрекословно исполнялись, а любопытство немедленно удовлетворялось. Наши ночные путешествия продолжились, а практические занятия стали более интенсивными. Повелитель не уставал повторять, что мне потребуются всё моё искусство, чтобы найти и заполучить проводник. Но он настаивал, чтобы внешне моя жизнь оставалась неизменной...

Роман увидел в этот момент высокомерного замкнутого подростка — высокого и статного, с необыкновенно царственной осанкой, который выходит из-за кулис, с невероятным достоинством садится за рояль и начинает играть что-то изысканно-сложное. Пальцы виртуозно порхают по клавиатуре, глянецовые блики подрагивают на текучих шелковистых чёрных волосах в такт его движениям. В зале все замерли — не слышно ни вдоха. Роман отчётливо ощутил, что будущий господин адвокат вкладывает в своё исполнение магию. Он не играет — он колдует, и это производит неизгладимое впечатление на окружающих.

Роману стало до смерти любопытно: каким ветром талантливого юношу мимо консерватории занесло в авиационный институт? Однако прямо спросить шефа об этом он не мог, поэтому небрежно поинтересовался:

— В МАИ Вам патрон велел поступать? Чтобы оказаться поближе к моему отцу?

Руднев замолк, задумчиво вертя в пальцах одно из своих колец.

— Я поступал ...в другой ВУЗ — так хотела моя мать. Весьма успешно, надо сказать, прошёл конкурс... Но параллельно — сам не знаю зачем — я отнёс документы в МАИ и к собственному изумлению без труда сдал там вступительные экзамены. И тут я понял, что это мой шанс изменить свою судьбу. Освободиться от того, что мне навязывали с детства. Мой патрон одобрил этот шаг. Теперь я думаю, что он сам и вложил в мою пустую голову эту неординарную мысль. Ты, конечно же, понимаешь, с какой целью.

— Почему он прямо не указал Вам на моего отца?

— О! Мы подходим к самому интересному! — горько усмехнулся Руднев. — Он бросил меня. Просто исчез. И появился снова только в тот самый момент, когда я встретил тебя. Я глазам своим не поверил — двадцать лет прошло... Он стоял за твоей спиной и смотрел на меня так пристально... Но почему-то ничего не говорил. Как будто это не он был, а его тень. А потом он положил руку тебе на плечо... Ты ничего не почувствовал?

Роман сдвинул брови, честно пытаюсь вспомнить, и отрицательно покачал головой:

— Н-нет. Я был слишком занят тем, что пытался выдворить Вас за пределы своего сознания.

— Ну да, — усмехнулся Руднев. — Это было забавно... Так вот. Поскольку он ничего не сказал, я решил, что он указывает мне на тебя, как на потенциальную жертву, которую я должен приручить, чтобы он потом смог использовать тебя — для активизации проводника. Ведь его-то я рассчитывал встретить в образе уже зрелого человека, а никак не подростка. Я всю ночь потом ждал — он не появился. Ну, не суть... Заманить тебя оказалось легче лёгкого — тебя тянуло на всё тёмное и запретное, как магнитом. Ты просто пьянел от запаха магии. Я сделал тебе на всякий случай привязку — каюсь. И всё, вроде, шло, как надо, но была какая-то неправильность в тебе, что-то, что меня настораживало... Потом я узнал про Радзинского. Всё запуталось совершенно. Я начал понимать, что ты интересуешь моего патрона совсем не в качестве жертвы. Патрон, кстати, наконец-то явился и велел мне любым способом заставить тебя активизировать проводник, заинтересовать тебя этим предметом, и у меня впервые появилось нехорошее чувство, что разменной монетой могу стать я сам...

Потом на горизонте появился твой голубоглазый приятель, который уже идеально подходил на роль жертвенного агнца, и всё, вроде, стало ясно, кроме одного — зачем ему ты? А потом, в один прекрасный день, патрон велел мне пустить тебя в расход — надоело, видно, ему с тобой возиться. И он «подарил» мне тебя. Сказал, что я могу использовать тебя в качестве платы за билет в страну бессмертия...

Руднев как-то загрустил, вспоминая о своих досадных промахах. Взгляд его стал таким беззащитным, отрешённым, длинные тонкие пальцы неуверенно и нервно перебирали перстни и кольца, то снимая, то надевая их вновь. И Роман совершенно отчётливо вдруг увидел, что перед ним сидит не блестящий, успешный, уверенный в себе господин адвокат, а несчастный, измученный нечеловеческим давлением на психику мальчик, который, собственно, никуда и не делся, просто спрятался от чужих глаз за солидной оболочкой.

— Так это Патрон велел Вам послать меня тогда за диском? — мягко спросил Роман, борясь со жгучим желанием обнять, приласкать и утешить Руднева. Ясно было, что босс не оценит его порыва. Но этот жест — привлечь к себе и обернуть плащом — почему-то упорно казался привычным. Как будто Роману уже много раз приходилось делать это именно для своего шефа.

— Патрон, — отрывисто бросил Руднев, стряхивая с себя неуместную задумчивость. — Твоя одержимость этой вещью как-то входила в его планы. Ты, конечно, легко попался на крючок...

— И Вы никогда не спрашивали его обо мне?

— Я привык подчиняться ему без лишних рассуждений, — пожал плечами босс. — Он знал, что делает, я — нет.

— А когда Вы поняли, что я — это и есть он? — небрежно поинтересовался Роман. И глянул на шефа искоса, чтобы заметить его реакцию на свои слова.

— Ты — это не он, — недобро усмехнулся Руднев. Но сердце его забилося быстрее —

Роман слышал его тревожный пульс на расстоянии.

— Вы... ошибаетесь, — усмехнулся Роман и, избегая настороженного взгляда шефа, поспешно сменил тему. — Я правильно понял, что у Вас ко мне масса претензий?

— Как ты догадываешься, — зло прищурился в ответ Руднев, — я был уверен, что овладевал секретами магии не для того, чтобы потом самому сидеть в архивах, браться с коллекционерами, таскаться по всему миру, изучая содержимое музейных запасников. Я ждал чего-то, скажем так, более захватывающего. Поэтому — ещё раз повторяю — я ненавижу тебя за то, что двадцать лет своей жизни мне пришлось потратить на эту бессмысленную возню.

— Не такую уж и бессмысленную, — обиделся Роман. — Диск-то Вы нашли!

— О, да! А ещё я нашёл тебя: безмозглого, самоуверенного, наивного юнца, который решил поиграть со мной в шпионов... Для меня было жутким потрясением, когда я понял, что делал всё это для тебя, что ты и мой Наставник — совсем не одно и то же лицо! И я никогда не увижу его во плоти. Что он всего лишь фантом, которым управляет какая-то сущность. Я-то ждал встречи с ним: мудрым, заботливым, щедрым покровителем, который... — «Любил меня, как сына», — закончил про себя Руднев, но вслух произнести этого не посмел.

— Могу Вас утешить: в каком-то смысле Вы с ним встретились, — вздохнул Роман. — В прошлой жизни я выглядел именно так.

Андрей Константинович подозрительно взглянул на компаньона:

— Тебе удалось-таки вспомнить?

— Удалось. Но, по-моему, сегодня здесь вопросы задаю я.

— Конечно, мой повелитель... — съязвил Руднев. И добавил с тоской, — Как же я мечтал с тобой встретиться... когда-то...

— Я тоже мечтал. Встретить человека, который меня научит. Который ответит на все мои вопросы.

— Ну, прости — не угодил... — развёл руками господин адвокат.

— Андрей Константинович, — осторожно начал Роман. — А может, начнём всё сначала? Заключим мирный договор... Понимаете, — заторопился он, — я не могу Вам довериться. Я опасюсь быть с Вами откровенным... Вот Вы спрашивали меня про Бергера... Но как я могу быть уверен, что Вы не используете эту информацию против меня? И, по-моему, Вы меня ненавидите. Что делать-то будем?

— А чего ты от меня хочешь? — удивился Руднев.

— Боюсь, Вы единственный, кто в состоянии по-настоящему меня понять, — тщательно подбирая слова, сказал Роман. — Может... возьмёте меня, наконец, в ученики?

— Ты соображаешь, что говоришь? — поразился Андрей Константинович. — Радзинский меня по стенке размажет, если я попытаюсь поделиться с тобой своим знанием. Ты немного опоздал. Я под колпаком. И ты тоже. И мне казалось, что ты уже сделал свой выбор и успокоился на этом.

— Я не собираюсь выбирать. Я считаю, что никакое знание лишним не бывает, — мрачно ответил Роман. Он встал. Прошёлся туда-сюда по кабинету. Остановился перед шефом. — Радзинский не узнает. Я обещаю, — твёрдо сказал он. И опасный блеск его чёрных глаз заставил Руднева содрогнуться.

===== Глава 75. И в огонь, и в воду =====

— У меня это просто в голове не уместится! — беспорядочно жестикулируя,

возмущался Бергер. А поскольку дело было на уроке, выражать свои чувства ему приходилось шёпотом, низко склоняясь над партой. — Ладно — ты, но твой босс — он же взрослый человек! Что ж вы оба дураки-то такие — прости, Господи!

— Это вообще не твоё дело, — раздражённо цедил в ответ Роман. — И нечего за мной шпионить — ты достал уже меня!

— Шпионить?! — Бергер выпрямился и взглянул на своего соседа таким жалким, таким ошаренным взглядом, что Роман с досадой подумал, что Кирилл разревётся прямо на уроке. — Мне бы и в голову не пришло следить за тобой, — холодным шёпотом отчеканил он, мужественно борясь с закипавшими слезами. — Ты сам этой ночью явился ко мне и поделился своими планами — относительно проводника. Ты был до крайности возбуждён и чрезвычайно доволен собой. Ты так беззастенчиво хвастался своим незаурядным интеллектом — я даже растерялся!..

— Бергер! Князев! Мы вам не мешаем? — поинтересовалась математичка, приподнимая очки и всматриваясь в лица нарушителей порядка с противоположного конца кабинета. Как-то само собой получилось, что с начала учебного года Кирилл и Роман прочно обосновались за князевской последней партой. — Может, мне рассадить вас? — угрожающе спросила учительница.

— Простите, Инна Александровна, — Бергер тут же вскочил со своего места. — Это я виноват. Мне плохо видно и всё время приходится у Князева спрашивать, что написано на доске. Можно, я к Филипповой пересяду?

— Конечно, Кира, давно нужно было об этом сказать... — удивилась преподавательница.

— Подлая белобрысая сволочь, — прошипел Роман сквозь зубы, краем глаза наблюдая, как Кирилл торопливо запикивает в сумку свои вещи. — Не смей убежать посреди разговора!..

«Поищи себе других собеседников», — мысленно ответил Бергер, даже не глядя на него. — «Не таких подлых и какой-нибудь другой масти!».

Он невозмутимо вскинул сумку на плечо и спокойно удалился. Перешёл за вторую парту, к окну, где сел рядом с симпатичной девочкой Таней, чьи светлые волосы были собраны в пышный хвост, наподобие лошадиного, который хлестал её по плечам и по спине, когда она вертела своей любопытной головой.

— Любовь прошла — завяли помидоры? — язвительно шепнула она Кириллу, кивая в сторону Князева.

— Он ужасно занудный, — с чувством пожаловался Кирилл. — Хоть один урок от него отдохнуть...

Лицо девочки удивлённо вытянулось, и больше она ни о чём не спрашивала до самого звонка.

По окончании урока, Бергер неспешно собирал свои вещи, спиной чувствуя, как Князев прожигает его спину взглядом. Он мог бы, конечно, молниеносно скрыться сразу, как только началась перемена, но бегать от Романа бесполезно, это он уже уяснил — всё равно поймают, да ещё и наорёт. Это в лучшем случае. Поэтому Кирилл покорно ждал, когда все выйдут из класса и раздражённый Роман получит, наконец, возможность высказать товарищу всё, что накипело у него на душе за последние двадцать пять минут.

Вот он уже стоит за спиной, злобно дышит в затылок.

— Будем изображать из себя невинность?

Ох, врезать бы по этой надменной физиономии — подправить слегка этот благородный еврейский нос!

— Хочешь извиниться? — сухо спрашивает Бергер, поворачиваясь к приятелю.

— Ну конечно! — насмешливо раскланивается Роман. — Примите мои самые искренние извинения! Мне так совестно — честное слово. Я был так груб и несдержан...

— И неправ, — бесстрастно подсказывает Бергер.

— И ужасно, чудовищно неправ! — ехидно соглашается Князев.

— На колени! — невозмутимо командует Бергер.

Роман делает уже движение, чтобы опуститься на одно колено, но быстро приходит в себя:

— Ты зарываешься, Бергер, — сжимая кулаки, угрожающе произносит он. Делает шаг навстречу и недвусмысленно протягивает руки к лацканам форменного кириллова пиджака, но Кирилл ловко шлёпает по ним ладонью.

— На выход, Шойфет. Если хочешь продолжить беседу — нам лучше поторопиться.

Роман стискивает зубы и бредёт за ним к выходу. Бергер быстро, не оглядываясь, шагает по коридору в сторону лестницы. Оба, кажется, думают об одном и том же: «Как жаль, что нельзя хоть разок приложить ЕГО об стену».

— Здравствуйте, — Кирилл с интересом скользнул взглядом по наденькиной фигуре, затянутой в закрытое серое платье с юбкой-колокольчиком, и непонятно чему улыбнулся.

— Здравствуйте. Андрей Константинович ждёт Вас? — доброжелательно спросила Наденька, выжидательно глядя на подростка. Её пышные рыжие волосы были заплетены колоском, который ободком обхватывал голову, оставляя лицо открытым и позволяя медным локонам водопадом сбегать по спине.

— Конечно, ждёт. С нетерпением, — сухо проинформировал её зашедший следом за Бергером Роман, направляясь прямиком в кабинет и подталкивая лучезарно улыбающегося очаровашку-ботаника перед собой.

Увидев входящего в кабинет Кирилла, Руднев едва не выронил толстенный справочник, который листал, стоя возле книжного шкафа.

— Ягнёнок в гостях у волка? Ну, Роман Аркадьич, ты снова меня удивил! — сдержанно воскликнул господин адвокат и, не отрывая от нежданного гостя пристального взгляда, пошёл ему навстречу. — Рад тебя видеть, Кирилл, — он радушно пожал ему руку и, приобняв за плечи, повёл к дивану. — Чай? Кофе? Роман Аркадьич, будь любезен, — он обернулся к компаньону и сделал неопределённый жест рукой. Роман понимающе кивнул и, выглянув в приёмную, сухо велел секретарше принести два чая и кофе.

Глядя, как Роман с невинным видом пай-мальчика благонамеренно пьёт чай, Руднев едва заметно усмехнулся и перевёл взгляд на Кирилла.

— Чем обязан?

Бергер сразу перестал улыбаться и поставил обратно на блюдечко свою чашку, которую не успел даже донести до рта.

— Почему Вы не сказали ему, — он указал на Романа, — каким был последний пункт вашего контракта? — серьёзно спросил он.

Роман наострил уши и с интересом перевёл взгляд с Бергера на шефа и обратно.

Руднев вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он закинул ногу на ногу и, сцепив пальцы в замок, обхватил ими колено.

— Я полагал, что мне уже никогда не придётся возвращаться к договору, который с твоим появлением полностью себя изжил...

— И поэтому Вы с готовностью согласились стать его Наставником? — холодно сверкнул голубыми глазами Бергер.

— Он сам пришёл... — Андрей Константинович, смеясь, развёл руками. — Было бы глупо отказываться от возможности, которая сама плывёт к тебе в руки. Кто знает, когда и как с меня могут взыскать мой долг! Никто не может дать мне гарантий моей полной безопасности...

— Не верите Викентию Сигизмундовичу? — оценивающе прищурился Бергер.

— Я никому не верю, солнышко. — Руднев насмешливо склонил голову набок. — Сегодня Радзинский есть — завтра его нет. И кто мне поможет?

— Вы лукавите. Ну да ладно — пусть это будет на Вашей совести, — с досадой отмахнулся Бергер. — Почему Вы не сказали этому оболтусу, что Ваша секретарша — дочь Викентия Сигизмундовича и, следовательно, он впустую тратит силы, закрывая информацию, которая станет известна Радзинскому, как бы он ни старался скрыть факт возобновления Ваших с ним контактов?

Роман поперхнулся чаем и возмущённо уставился на шефа.

— Она не расскажет, — натянуто улыбнулся Руднев. — Я её попросил.

Кирилл изумлённо распахнул глаза:

— Вы полагаете — этого достаточно? Ему не нужно даже её расспрашивать! Он просто увидит через неё.

— Не увидит, — сухо ответил господин адвокат. — Я об этом позаботился.

Кирилл даже привстал со своего места и наклонился вперёд, как будто хотел как следует рассмотреть Андрея Константиновича.

— Она Вам совсем не нужна? — спросил он что-то, с точки зрения Романа, совершенно бредовое. — Если Викентий Сигизмундович узнает, что Вы позволили себе в отношении неё что-то подобное...

— Это моё дело! — резко оборвал его Руднев. Лицо его исказилось от гнева. Он с раздражением отбросил салфетку и, встав, отошёл к окну. — Эту тему мы обсуждать не будем, — произнёс он ровным, безжизненным голосом, глядя при этом на ярко-жёлтые клёны за стеклом, и только после этого повернулся к своим гостям.

— Вы просто мастер разрушения собственной жизни, — растерянно выдохнул Кирилл.

— Странно слышать подобные слова от столь юного создания, — Руднев размеренным шагом прошёл по кабинету и остановился около своего стола, присев на край столешницы.

— Андрей Константинович, я Вас очень прошу, снимите с неё все Ваши ухищрения! Или, хотите, я это сделаю? — прижимая руки к сердцу, взмолился Кирилл.

— И что дальше? — Руднев рассматривал своего добровольного мецената с неподдельным интересом.

— Я сам позабочусь о том, чтобы вашим занятиям никто не препятствовал, — горячо заверил его Кирилл.

— Тебе-то это зачем? — насторожился Андрей Константинович.

— Позвольте мне об этом умолчать, — голос Бергера был твёрд, а взгляд непреклонен.

Руднев задумчиво повертел в руках скромный золотой перстень с печаткой и надел его вместо указательного на средний палец.

— Допустим, что я согласен — чего ты хочешь от меня?

— Вы будете вести нас обоих. И Вы не станете требовать практического применения получаемых нами от Вас знаний.

— Вот это я понимаю — любовь! — со смехом воскликнул потрясённый просьбой Бергера Андрей Константинович и насмешливо возрился на Романа. — Чувствуешь, Рома, на что твой товарищ готов ради тебя?

Роман только неопределённо пожал плечами и вернулся к прерванному рудневским вопросом чаепитию.

— Не боишься? — господин адвокат посмотрел на Бергера жёстко, словно скользнул лезвием ножа по коже.

— Не бояться только дураки. — Кирилл устало поднялся с дивана. — Так, я могу считать, что мы договорились?

— Только после того, как я получу подтверждение, что нам никто не будет мешать. И — маленькая формальность — если не возражаешь... — Взгляд Андрея Константиновича не обещал ничего хорошего.

Кирилл впился в него долгим взглядом и нахмурился.

— Хорошо, — неохотно кивнул он.

Руднев зловеще усмехнулся и щёлкнул кнопкой селектора:

— Надюша, принесите стакан воды, пожалуйста, — любезно попросил он.

Когда дверь за Наденькой закрылась, Руднев поманил к себе Кирилла и, опасно сверкая глазами, вынул из своего галстука бриллиантовую булавку.

— Обещаешь? — вкрадчиво спросил он.

— Обещаю, — вздохнул Кирилл.

Руднев ловким, почти неуловимым движением проколол Бергеру палец и выдавил каплю его крови в стакан. Густая рубиновая жидкость, медленно расплываясь тончайшими, как волосок младенца, змейками, растворилась в воде, окрасив её слабым розовым цветом. Руднев быстро перевернул руку Кирилла и, цепко взглянув на ладонь, провёл пальцем по тонкой ниточке шрама. Кирилл поспешно выдернул руку и забрал у господина адвоката булавку.

— А Вы — обещаете? — неожиданно жёстко спросил он.

— Обещаю, — ласково улыбнулся Руднев, протягивая ему свою руку. Укол — и капля рудневской крови растворилась в том же стакане. Лизнув ранку, Андрей Константинович вернул булавку на место и, гипнотизируя Бергера взглядом, поднёс стакан к губам. Отпив ровно половину, он отдал стакан Кириллу и тот, набрав в лёгкие побольше воздуха, залпом опрокинул в себя оставшееся содержимое.

— Я дам Вам знать, когда мы сможем навестить Вас в следующий раз. — Кирилл поставил стакан на стол и бесстрашно взглянул на Руднева. — А теперь, если Вы не возражаете, мы пойдём.

Роман, услышав эти слова, поспешно поднялся, стряхивая с колен крошки от печенья, и шагнул к двери.

— Что ты! Какие могут быть возражения? — Андрей Константинович заботливо обхватил Кирилла за плечи и повлёк его к выходу. — Позвольте, я вас провожу...

Едва они сделали пару шагов по улице и завернули за угол дома, Бергер вдруг остановился и лихорадочно принялся стряхивать с рук невидимую липкую паутину. Он снимал её с волос, с лица, с одежды, бормоча при этом со стоном:

— Боже! Боже мой, сколько же там всякой грязи!..

Роман вежливо молчал, терпеливо дожидаясь, когда Кирилл будет в состоянии двигаться дальше. Переведя дух, Бергер с тоской взглянул на Романа и вдруг, шагнув ему навстречу, ткнулся лбом в его плечо. Тому оставалось только покрепче обнять приятеля и ободряюще похлопать его по спине.

— Боже, Рома, меня чуть не стошнило! — жалобно простонал Кирилл. — Как это может нравиться? Как вы с Рудневым можете получать от этого удовольствие? Вы просто извращенцы, маньяки, Вам лечиться надо обоим!..

Роман смиренно закатил глаза и ничего не ответил. Да и что тут скажешь!..

===== Глава 76. Институт благородных девиц =====

— Ну, и зачем ты в это ввязался? Адреналина не хватает? — Панарин попытался заглянуть в лицо господина адвоката, но тот сидел, откинувшись на спинку дивана, и взгляд его был обращён в потолок, так что вальяжно устроившийся головой у него на коленях Женечка заглянуть ему в глаза никак не мог. Сцепив руки замком на животе, по обыкновению расстёгнутый, растрепанный и жизнерадостный доктор, устроив ноги на подлокотнике дивана, умиротворённо вздохнул. — Руди, ты всех нас обвёл вокруг пальца. Как, кстати, Радзинский, меня и предупреждал. Ты продолжаешь делать своё чёрное дело, только теперь никто тебе не препятствует. Умудрился получить охранную грамоту на заведомо противозаконную деятельность — что значит, грамотный юрист!..

— Скажи, Киса, если крещёная только невеста, пару обвенчают?

Женечка мгновенно уселся, поджав под себя ноги, и радостно хрюкнул, уставившись на Рудневу пьяными от веселья глазами.

— Ру-у-ди, никак ты венчаться собрался?.. Да на тебя же купол рухнет, едва ты переступишь порог храма!

— Ты правда так думаешь? — серьёзно взгляделся в его глаза Руднев.

Женечка спрятал лицо в ладонях, и по трясущимся плечам стало понятно, что он смеётся.

— Надо проверить, — изо всех сил стараясь быть серьёзным, сказал он. — Можно прямо сейчас попробовать. — Он спрыгнул с дивана и, что-то напевая (что-то очень весёлое), подобрал с пола свой пиджак и, застёгивая манжеты, попытался одновременно засунуть ногу в ботинок.

Руднев нерешительно поднялся и следил за ним с заметным страхом.

— Ну, что ты стоишь? — Панарин справился, наконец, с ботинками и, подойдя к Андрею Константиновичу, одёрнул его пиджак и поправил ему воротничок. Тут взгляд его наткнулся на золотую галстучную булавку. Он выдернул её и оглядел с любопытством. — Мда, Руди, — протянул он, качая головой, и поглядел на него со смесью сомнения и восхищения. — Зачем ты пугал бедного, доверчивого мальчика Кирилла?

— Из вредности. — Руднев отнял у него булавку и аккуратно вколол её на место. — И никакой он не бедный. И уж никак не доверчивый. С этим ангелочком, знаешь, надо держать ухо востро! Чуть зазеваешься — он тебе сразу что-нибудь жизненно-важное оттяпает!

Панарин прыснул от смеха.

— Спорим, он тебя раскусил?

— Если бы только раскусил, — с досадой процедил Руднев. — Он заставил эту нелепую клятву работать. И теперь у меня не контора, а филиал Института благородных девиц: будем изучать чёрную магию чисто теоретически — строго в рамках утверждённой господином Бергером программы.

Тут уж доктор не стал сдерживаться: уцепившись за рудневский рукав, он согнулся пополам и хохотал до тех пор, пока в боку не закололо.

— А меня пригласишь — в качестве консультанта? — умильно глядя увлажнившимися от восторга глазами, поинтересовался он.

— Да у тебя же манер — никаких, — пристыдил его Руднев. — Тебя к подрастающему поколению на пушечный выстрел нельзя подпускать!

Окинув оценивающим взглядом строгую, безупречно-элегантную фигуру господина адвоката, Женечка согласно закивал, продолжая в то же время похрюкивать от смеха — видимо, представлял своего ненаглядного приятеля в окружении трепетных юных дев в белых форменных фартучках, присевших перед Господином Директором в глубоком почтительном реверансе. Надо признаться, выглядел Андрей Константинович в этой фантазии очень органично. Может, вот оно — предназначение?..

===== Глава 77. Всё под контролем =====

— Коль, я даже не знаю, как тебе сказать... — Радзинский поставил раскрытый зонтик у двери и принялся не спеша расшнуровывать ботинки.

Николай Николаевич показался в дверях кухни, вытирая руки полотенцем.

— Да говори уже, — усмехнулся он. Настроение у Николая Николаевича, судя по всему, было прекрасное.

Радзинский тем временем разулся и направился в ванную — умыться с дороги.

— Ты с Гошей встречался? — пытаюсь перекричать шум льющейся воды, спросил Николай Николаевич. В ответ ему раздалось приглушённое полотенцем «ага». — Что же он тебе такого сообщил — волнительного? — широко улыбнулся Аверин, глядя, как вышедший из ванной Радзинский, пытаясь причесаться, ожесточённо дёргает вниз застрявший в его густых волосах гребень. — Дай, лучше я... — Усадив друга в кухне на стул, Николай Николаевич уверенно разобрал спутавшиеся пряди и любовно расчесал их — волосок к волоску. — Мне нравится, как они у тебя вьются в такую погоду, — мечтательно произнёс он, нежно проводя рукой по седой шевелюре. И со смехом добавил, — Хочешь, я тебе косичку заплету? Или две?

— Но-но, без глупостей! — аккуратно отбирая у Аверина расчёску, предупредил его Викентий Сигизмундович. Он повернулся и как-то сочувственно посмотрел на товарища. — Сядь. — Радзинский кивнул на второй стул.

Николай Николаевич сразу напрягся и улыбаться перестал.

— Что случилось? — сухо спросил он.

Видя, что садиться Аверин не собирается, Викентий Сигизмундович поднялся сам и успокаивающе взял его за плечи.

— Гоша сказал мне, — безотрывно глядя другу в глаза, спокойно произнёс он, — что Кир и Шойфет уже больше месяца постигают под рудневским руководством секреты чёрной магии. Они заключили договор, что Руднев берёт в ученики своего драгоценного Ромочку только вместе с нашим Кирюхой. А тот в качестве ответной любезности закрывает всю связанную с этим информацию.

В лице Аверина, пока Радзинский всё это говорил, не дрогнул ни один мускул, но, дослушав, он сразу опустил голову и сделал решительное движение уйти. Викентий Сигизмундович не позволил: быстренько перехватил его, крепко прижал к груди и принялся размеренно гладить по голове.

— Ну что ты, Никуся, — ласково бормотал он при этом. — Мы же оба знаем, зачем он

это делает. Горячая любовь к ближнему, жгучее стремление к самопожертвованию... Помнишь, мы об этом уже говорили? Могло быть гораздо хуже, поверь мне. А пока ничего плохого ещё и не случилось. Он же от тебя не отрекался! И мы теперь знаем... А раз знаем, значит — присмотрим. Не переживай. — Обхватив обеими руками аверинскую голову, Радзинский отстранил его от себя, глянул было ему в лицо, но тут же быстро прижал к себе обратно — таким невыносимо горьким был изгиб его губ и страдальческим — взгляд. — Николенька, ты, главное, не волнуйся, — продолжил он своё успокоительное бормотание. — Тут ведь даже не виноват никто. Руднев — он как был, так и остался несчастным, безумным мальчиком, страстно влюблённым в свою дикую мечту. Он же себе не принадлежит давно. Но мы и ему пропасть не дадим! Он же теперь тоже — наш. Правильно?

— Что хоть они делают? — глухо спросил Аверин в его рубашку. Он давно уже обхватил Радзинского обеими руками и стоял неподвижно, уткнувшись лбом ему в плечо.

— Да ничего не делают! Слушают. Смотрят. Запоминают. Шойфет — тот, я знаю, тайком практикуется без зазрения совести. При молчаливом попустительстве Наставника. Летает, как на крыльях — паршивец. Он ведь сам к своему боссу вернулся. Пришёл и попросился назад. Ещё потребовал диск ему вернуть. Так что — готовься, Коля. Скоро будет весело!

— Я не хочу — весело, — бесцветно обронил Аверин. — Я хочу, чтоб — мечи на орала и чтоб — лев рядом с ягнёнком... — Рубашка на груди Радзинского стала горячей и мокрой.

— Ко-о-ля, — горячо зашептал Викентий Сигизмундович, покрепче обнимая друга, и несколько раз пылко поцеловал его в макушку. — Я тебе обещаю, что всё закончится хорошо! — Он прижался щекой к его волосам. — Ну, хочешь, я прямо сейчас эту лавочку прикрою?!

— Нет, — всхлипнул Аверин и помотал головой — со стороны казалось, что он бодает Радзинского в плечо. — Всё правильно... импульс... интенсивный...

— Ну вот — ты тоже чувствуешь, что всё идёт, как надо, — с готовностью подхватил Радзинский, покачиваясь вместе с Авериным из стороны в сторону. — Коль, а у меня в куртке — в кармане — есть шоколадка, — вкрадчиво сообщил он. — Даже две, если честно. Но мне кажется, что сразу две — это перебор... Пойдём, посмотрим? — Он отстранил от себя Николая Николаевича и вытер большими пальцами его мокрые щёки.

Аверин судорожно вздохнул, кивая, и посмотрел на Викентия Сигизмундовича совершенно убитым взглядом. Радзинский нахмурился и поцеловал: сначала один заплаканный глаз, потом второй.

— Ох, и попляшешь ты у меня, Шойфет, — зловеще прошептал он, увлекая Николая Николаевича в сторону прихожей. — Ты у меня даже чтобы чихнуть, будешь разрешения спрашивать!..

Так как Николай Николаевич никак не мог решить, какая шоколадка ему больше нравится — с марципаном или горькая с мятой — он получил обе. А поскольку за столом он постоянно впадал в задумчивость, забывая тающий шоколад в руке, то Радзинский забрал у него обе плитки и стал выдавать по одной дольке исключительно на язык. Когда от каждой шоколадки осталось по паре маленьких квадратиков, Аверин вдруг пробормотал, что безумно устал, что у него слипаются глаза и, натыкаясь по пути на стены, побрёл в спальню, где рухнул, не раздеваясь, на постель и мгновенно отключился. Радзинский укрыл его пледом, погладил по голове и вернулся на кухню: разрабатывать план щадящего выхода из кризисной ситуации. Он долго вытягивал, сплетал и распутывал нити, пока не получил,

наконец, три идеальных, мерцающих тонким узором ленты. Скатав их вместе в один клубок, он сунул тесьму в нагрудный карман и со спокойной душой занялся приготовлением обеда — нет, теперь, кажется, ужина!..

— Вики! Ты всё ещё здесь? Ты же на работу собирался! — укоризненно воскликнул Николай Николаевич. Его хрупкая лёгкая фигура возникла у заваленного бумагами кухонного стола, будто соткавшись прямо из воздуха. Глаза его сияли, как две звезды, неудержимая улыбка освещала худощавое лицо, энергичные жесты свидетельствовали о том, что он полон сил и готов сию же секунду облагодетельствовать весь мир.

— Никуся, ты проспал целые сутки, — мягко сообщил Викентий Сигизмундович, бросая из-под очков на товарища усталый взгляд. И похлопал по спинке стула. — Садись. Я тебя сейчас покормлю. — Он освободил от бумаг краешек стола.

— А что за аврал? — Аверин с любопытством покосился на бумажный шторм перед собой.

— Срочный перевод, — неохотно пояснил Радзинский, заправляя прядь волос за ухо, и включил электрический чайник.

— И когда его нужно сдавать?

— Вчера, — ухмыльнулся Викентий Сигизмундович, ставя перед Авериным тарелку с пирожками.

— И ты тратил время на пирожки?! — Николай Николаевич был потрясён.

— Ну не бутербродами же тебя кормить! — с нежностью откликнулся Радзинский.

— Вики, я тебе помогу! — загорелся Аверин. — Садись. — Он поместил друга напротив, подвинул к нему поближе ноутбук и взял его за руки.

— Ого! — усмехнулся Радзинский. — В меня как будто молния ударила! Где был-то? Расскажешь?

— Конечно, расскажу! Не отвлекайся. — Николай Николаевич подождал, пока Радзинский закроет глаза и настроится. — Свет видишь? — ровно спросил он. Радзинский кивнул. — Входи в него. — Он подождал ещё немного. — Поймал? — Викентий Сигизмундович ничего не ответил, но высвободил руки и положил их на клавиатуру. Ещё через мгновение он открыл глаза и начал печатать: сначала неуверенно, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, потом быстрее, а под конец — досадливо шипя сквозь зубы, потому что второпях стал пропускать буквы.

Аверин глядел на него со счастливой улыбкой и с какой-то даже гордостью. И уж точно — с любовью. Он терпеливо ждал, пока, сверяясь со своими записями и текстом оригинала, Викентий Сигизмундович правил получившийся перевод, лазил в словарь, задумчиво кусал костяшки пальцев, с сомнением поглядывая на свой черновик. Наконец, он сохранил документ на флэшку и горячо чмокнул Аверина в лоб:

— Спасибо, Ники. Я сейчас: мне надо срочно послать его по электронке.

Николай Николаевич с задумчивой улыбкой принялся аккуратно складывать разбросанные по столу бумаги и не заметил, как сзади подошёл Радзинский и вздрогнул, когда тот заключил его в объятия. Повернув, насколько мог, голову, он заметил, что Викентий Сигизмундович восхищённо смотрит в окно.

— Я, когда вошёл, в первое мгновенье подумал, что — солнце. — Радзинский кивнул на ярко-жёлтое дерево за стеклом, которое светило своей канареечного цвета листвой, создавая убедительную иллюзию солнечного дня. — А с утра — внимания не обратил... Ники! —

ахнул он внезапно, показывая на нетронутые пирожки. — Ты до сих пор не поел!..

— Я тебя ждал, — уверенно соврал Аверин. — Вот такая у меня прихоть: хочу поесть вместе с тобой!

Викентий Сигизмундович покачал головой, усмехаясь, и пошёл снова греть чайник.

Николай Николаевич тем временем залез в холодильник и достал оттуда бутылку молока.

— Не вздумай пить его холодным! — пригрозил Радзинский, отбирая у Аверина наполненную молоком кружку, и поставил её в микроволновку.

— Вики! Ну что я — маленький?

— Ты не маленький, ты — слишком чувствительный к перепадам температуры тончайший инструмент, — наставительно изрёк Радзинский, чайной ложкой пробуя, согрелось ли молоко как следует. — Ты обещал рассказать, где пропадал целые сутки.

У Николая Николаевича возбуждённо замерцали глаза, он выпрямился на стуле, как готовая к полёту стрела, и, кажется, забыл, что откушенный пирожок надо прожевать. Да и проглотить не мешало бы...

— Я бы хотел отвести тебя туда, — взволнованно заговорил он, когда справился с помехой в виде пирожка во рту. — Там такой необычный жемчужный свет: солнце не светит сверху и не слепит глаза — свет струится из-за горизонта, и у моря поэтому необычный серебристый оттенок. Очень уединённое место — как раз для таких, как я — эмоционально ушибленных. — Николай Николаевич коротко и счастливо рассмеялся. — Сначала я видел — не знаю, сколько я мучился — какой-то жуткий мир, населённый совершенно омерзительными гигантскими чудовищами. Меня охватило такое отчаяние! Знаешь, как бывает, когда оказываешься пленником чужого мира безо всякой надежды выбраться оттуда — только умереть... В какой-то момент я смирился окончательно. Перестал трепыхаться и даже мысленно попросился с тобой и со всеми... Не надо на меня так смотреть! Вот такое вот на меня нашло затмение!.. Внезапно я понял, что гляжу на всё уже сверху, и с замиранием сердца наблюдал, как по планетке прокатилась огромная огненная волна — потрясающее зрелище, я тебе доложу — и уничтожила всю эту мерзость. Даже следа не осталось. Сразу стало так хорошо, так спокойно. Пытка кончилась, а место мучения стало райским уголком. И я сразу подумал, что когда-нибудь так же внезапно и наш мир будет избавлен от наших собственных чудовищ. Вики! Это так вдохновляет! Одна только мысль, что когда-нибудь — пусть в отдалённой перспективе — видения прекрасного будущего станут реальностью, залечивает душевные раны полностью! Я смотрел на море — оно повсюду очень глубокое: огромная, практически неподвижная толща воды — и я увидел, что наши печали — только тоненькая плёночка на поверхности океана. Стоит нырнуть поглубже, и погрузишься во что-то настоящее, исходящее непосредственно из Источника, вечное и неизменное, состоящее из чистого, ничем не замутнённого блага... Но самое прекрасное, что там не хочется остаться навечно, потому что, как только ты понимаешь, что сомневаться преступно, что тебя ждёт работа — вот для этого самого будущего, всякая дурь из головы вылетает начисто! Боже мой, Кеша, мне стало так стыдно! Я поклялся, что больше никогда не стану жалеть себя, да ещё до такой степени, чтобы забыть о деле! И заставлять тебя волноваться... — да я просто свинья!..

Викентий Сигизмундович внимательно слушал, подперев голову рукой, и откровенно любовался вдохновенным лицом Аверина. Он смотрел на фиолетовые и синие всполохи вокруг его головы и с трудом удерживался от улыбки.

— Зная тебя, трудно поверить, что ты на этом остановился, — с иронией вставил он своим глубоким грубым баритоном.

— А? Да! — с готовностью согласился Николай Николаевич, даже не заметив добродушной насмешки. — Когда я готов был уже уйти, я оглянулся и вдруг увидел... Они просвечивали сквозь друг друга... Я бы назвал их миры утешения. Конечно, я не удержался! Мне захотелось все их исследовать. Познакомиться с обитателями... Те, кто живут там, настолько самоотверженны и добры! Буквально один их взгляд исцеляет любую душевную муку. Они с радостью приняли меня, показали, как работают. Единственное, что их печалит — достучаться до сознания большинства людей практически невозможно. И они могут помочь лишь тем, кто достаточно открыт. Но им так горько от того, что бесчисленное количество душ варятся в котле самых низких и жестоких страстей, терзаются и не догадываются обратить свой взор в нужную сторону... Поверь мне, Вики, оторваться от общения с ними практически невозможно. И я сам не заметил, как включился в работу. Когда видишь, как вокруг человека медленно сгущается тьма, обступает его плотным кольцом, отрезает малейший проблеск разума и света — единственное желание в этот момент — вмешаться и уничтожить эту жестокую иллюзию, освободить, помочь. Прогнать тех мерзких существ, которые уже облепили его и нашептывают в уши «иди, иди, сделай»... Как вспомню, меня просто тряссти начинает... Мне удалось помочь одному пареньку. Он был уже на грани. Возможно, ещё мгновение, и он совершил бы непоправимое. С любезного разрешения хозяев я поднял его в тот мир, где недавно «воспитывали» меня самого, показал ему море.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я всегда говорил, что ты — Ангел, — подал голос Викентий Сигизмундович. — Этот парень будет считать, что видел своего Ангела-Хранителя.

Николай Николаевич смутился и с улыбкой накрыл ладонью его руку.

— Если вспомнит что-нибудь на утро, — грустно усмехнулся он. И добавил встревожено, — Вик, я теперь переживаю за него. Нельзя сказать, что он наш. Но он очень близко подошёл к порогу. Так хочется ему помочь... Может, мы не случайно встретились? Да ещё в такой критический момент его жизни...

— Мы обязательно найдём его, Коленька. Обещаю, — великодушно заверил Радзинский.

— Спасибо, Кеш. За твоё большое, горячее сердце. И за то, что не дал мне в очередной раз окончательно оторваться от почвы.

Викентий Сигизмундович довольно усмехнулся и пошевелил указательным пальцем, на который была намотана яркая пульсирующая голубая нить.

— Я подозревал, что в таком состоянии тебя может занести очень далеко, и принял меры...

— Кеша! — растрогался Николай Николаевич и крепко сжал узловатые пальцы Радзинского. — У меня просто нет слов! Спасибо. И как только ты меня терпишь?.. — Натолкнувшись на суровый взгляд Викентия Сигизмундовича, он прервал свои причитания на полуслове и, счастливо улыбаясь, продолжил. — Оттуда я сразу же отправился к нашим друзьям, и они любезно показали мне, в каком состоянии дела у нашего подопечного. Вики, я даже не предполагал, что за последние несколько дней он так продвинулся! Короче, Кир не теряет времени даром... — При упоминании имени Бергера на лицо Аверина набежала тень, но он заставил себя встряхнуться, и широко улыбнулся. — Викентий, я боюсь, что нам

придётся вмешаться. То, что задумал наш юный чернокнижник необыкновенно грандиозно — вполне в его духе — но ужасно опасно. Вик, я вынужден согласиться с тобой — он талантливый парень! У меня волосы начинают почтительно шевелиться на голове, когда я вижу, какие невообразимые вещи он в состоянии делать! Если бы его не сдерживала Карта — никаких сомнений: мы не смогли бы его остановить! А ещё я подумал, что он постоянно чувствует что-то вроде фантомной боли, потому и психует. Представь: иметь такие колоссальные возможности и самого себя их лишить — запихнуть себя в тёмный чулан без окон — с ума сойдёшь! Сейчас, когда способности потихоньку к нему возвращаются, он стал заметно великодушней...

Николай Николаевич всё говорил и говорил. Уже вся кухня была полна фиолетового огня с розовыми, синими и зелёными проблесками. Викентий Сигизмундович не удержался: подцепил мизинцем сияющее волоконец, незаметно скатал в клубочек и сунул себе в нагрудный карман рубашки. Горячая пульсация, которую он ощущал теперь сквозь ткань, заставила его почувствовать себя бесконечно счастливым и довольным жизнью. Он лукаво прищурился свои янтарные глаза и, похоже, готов был замурлыкать, как объевшийся сметаны кот. Блаженно вздыхая, он с умилением взирал на Аверина — мол, чем бы дитя ни тешилось...

Небо незаметно очистилось от облаков, и чистейшая ясная лазурь внезапно разлилась за окном. Золотые, филигранной работы листья берёз зазвенели в небесной синеве, как драгоценные игрушки.

— Вики! Пойдём, погуляем! — восторженно выдохнул Николай Николаевич, который сидел к окну лицом и первым заметил, каким невероятно роскошным вдруг сделался прежде серый, пасмурный день.

Радзинский удивлённо обернулся через плечо и великодушно пробасил:

— Пойдём, Николенька, погуляем...

===== Глава 78. Коса на камень — будет искра =====

В рудневском кабинете была неприметная дверь — практически неразличимая между книжными шкафами, сделанными из того же дерева. За этой дверью находилась ещё одна комната. Разумеется, Роман знал о ней: они с боссом иногда проводили там ритуалы, требующие особой сосредоточенности, а значит определённого уровня изоляции от внешнего мира. Маленькое помещение выглядело на редкость мрачно: там всегда было темно — окна надёжно закрывали чёрные рулонные шторы и сверх того они были плотно занавешены тяжёлыми бархатными гардинами бардового цвета. Все детали интерьера в комнате были выдержаны в кроваво-красных, багровых, тёмных тонах. Неожиданно свежим для такого закупоренного помещения был воздух, поскольку там неслышно работал кондиционер. Теперь это укромное убежище превратилось в классную комнату, где Руднев делился опытом с подрастающим поколением.

— У меня такое ощущение, что я сам себе рою могилу, — прищурился Андрей Константинович, препарируя взглядом сидящего напротив Кирилла. На круглом, инкрустированном деревом столе между ними были разбросаны листы с пентаграммами и прочими волнующими воображение символами, изображениями которых господин адвокат сопровождал свои «лекции».

Бергер в ответ одарил романа босса очаровательной белозубой улыбкой, но рассеивать его опасения не стал — к чему лукавить? Роман же только тихонько кашлянул и принялся складывать «наглядный материал» аккуратной стопкой.

— Всё привык делать на совесть? — Андрей Константинович искривил губы в подобии улыбки, всё также пристально глядя на Кирилла. — А почему тогда не отличник?

— Я в музыкальной школе отличником был, — прилежно отчитался Кирилл, сверкая в полутьме своими сапфировыми глазами.

— Да ну?! — Андрей Константинович, недобро усмехаясь, поднялся со своего места и, обойдя стол кругом, встал у Бергера за спиной. — Ну-ка, сел прямо — где твоя осанка? — Он легонько постучал ребром ладони между кирилловых лопаток. — Руки на клавиатуру... — Бергер послушно выполнял все его команды. — Сыграй что-нибудь! — Кирилл пробежал пальцами по столешнице, старательно имитируя нажатие клавиш. — Стоп-стоп-стоп-стоп!.. — поморщился Руднев. — А дыхание? Нет, мой милый! Я так подозреваю, что пятёрки тебе ставили исключительно за красивые глаза!

Бергер похлопал своими «красивыми» глазами и улыбнулся Андрею Константиновичу ещё лучезарнее, чем прежде.

— Я бы хотел Вас послушать, — мечтательно вздохнул Кирилл.

— Вот как проводник достанем, так я и сыграю — траурный марш для всей нашей компании, — любезно заверил его господин адвокат. — Что скажешь, Роман Аркадьич? Писать нам завещание, или всё обойдётся? — Роман только дёрнул плечом. — Чтобы на следующее занятие каждый принёс две нераспечатанные колоды карт! — строго объявил Руднев. — Обычные и Таро, разумеется. Надоело мне понарошку делать порчу на смерть и теоретизировать по поводу Помощников и забирания жизненной энергии у глупцов и простачков. Домашнего задания не будет — ибо какое же домашнее задание, если стараниями Кирилла Александровича обо всём можно только говорить, но ничего нельзя делать? — ласково склонился к Бергеру Андрей Константинович. — Чай пить будем, Кирилл Александрович? Специально для Вашего очаровательного Высочества я велел Надюше купить пирожных.

— Спасибо! — просиял Бергер. — Но Вам не надо было так беспокоиться!

— Не стоит благодарности, мой хороший! Знал бы ты, какое удовольствие я получаю, наблюдая, как Роман Аркадьич давится в твоей компании чаем...

Кирилл прыснул от смеха, понимающе глядя в насмешливые рудневские глаза.

— Я вам не мешаю? — сердито кашлянул выжидательно застывший в дверях Роман.

— М-м-м! Роман Аркадьич ревнует! — проворковал, распрямляясь, Руднев. — А как ты думаешь, Кирюша, кого именно он ревнует? — скользнув острым взглядом по лицу Романа, задумчиво спросил он.

— Вас, конечно! — не раздумывая, ответил Кирилл. — Раньше ему ни с кем не приходилось Вас делить.

— А вот и нет, — усмехнулся Андрей Константинович. — У него прям давление подскакивает, когда я к тебе приближаюсь. И он сразу пытается меня оттолкнуть — довольно чувствительно, между прочим. Вот интересно — почему?

— Давайте вы не будете так беззастенчиво меня обсуждать в моём же присутствии! — раздражённо процедил Роман, решительным шагом подходя к боссу.

— Извини, Рома! — Кирилл вскочил со стула и виновато взял Романа за руку. — Мы тебя обидели своими дурацкими шутками? Не сердись, Рома, пожалуйста! Пойдём. — И он буквально потащил приятеля за собой. Роман при этом не отрывал от Руднева горящего взгляда, из-за чего чуть не свернул себе шею.

Когда Андрей Константинович вслед за ними покинул их общее тайное убежище и

вернулся в кабинет, оба его подопечных сидели рядом на диване и смотрели в разные стороны. При этом яростным взглядом Романа можно было поджигать самолёты, а щёки Бергера отчаянно пылали — в общем, ситуация взрывоопасная.

— Вы распорядились насчёт чая? — невозмутимо поинтересовался господин адвокат.

Бергер сразу же с готовностью вскочил:

— Я сейчас! — и поспешно скрылся за дверью.

— Прекратите к нему цепляться! — тут же не хуже разъярённого змея зашипел Роман, перегнувшись к Рудневу через стол. — Я уже сказал Вам: ОН МНЕ НУЖЕН! И не пытайтесь понять — зачем! Если по Вашей вине, хотя бы волос упадёт с его головы, я задую Вас голыми руками!!!

— Ты сам его ко мне привёл, — резонно заметил Андрей Константинович. — Я тебя об этом не просил и не обещал внезапно сделаться пацифистом.

— Мне плевать!!! — многострадальный столик снова полетел в сторону. Роман шагнул к боссу и склонился над ним, опираясь рукой о спинку кресла за его головой. — Запомни, Руднев, Бергер — табу, — произнёс он неожиданно спокойным, холодным голосом. — Если ему угодно развлекаться, делая вид, что он изучает чёрную магию, ты тоже будешь убедительно изображать, что ведёшь его. Но не смей докапываться до него. Займись лучше своей личной жизнью...

Руднев онемел. Он с ужасом и отвращением смотрел на Романа, который сам, казалось, потерялся в пространстве: взгляд его медленно остывал, обретая прежнюю осмысленность, а хищно скрюченные возле рудневского горла пальцы, подрагивая, медленно опускались вниз. Наконец, он шагнул назад и без сил повалился на диван. Вошедший в этот момент с подносом в руках Кирилл увидел, что Роман, прикрыв глаза ладонью, медленно и глубоко дышит, как будто решил прямо тут заняться дыхательной гимнастикой.

— Руднев, я тебя вспомнил, — чётко сказал тот. — Мне очень жаль... Правда — жаль...

===== Глава 79. Я вернулся =====

— Послушай меня, — внушал Рудневу Роман. — Нам просто нужен проводник. И тогда я смогу тебе помочь. Я хотел использовать его для себя, но теперь я считаю, что будет справедливо позаботиться вначале о тебе...

Роман сидел на подлокотнике кресла, в котором располагался Андрей Константинович, и, покровительственно обняв его одной рукой за плечи, разговаривал с боссом так, как будто это он здесь — старший, он — взрослый, а Руднев — его несмышлёный и беспомощный подопечный. Андрея Константиновича эта ситуация, судя по всему, заставляла переживать нечеловеческие муки. Он закрыл глаза и страдальчески скривил губы, как будто уговаривал себя, что происходящее не имеет ничего общего с реальностью, что сейчас он проснётся и всё будет по-прежнему. Но непривычно спокойный, уверенный в себе Роман никуда исчезать не собирался. В нём не осталось ничего от истеричного подростка. Даже интонации — такие знакомые с детства — просто до боли — внушали невольное почтение и вызвали рефлексорный порыв слушаться.

— Я освобождаю тебя ото всех обязательств передо мной. Только верни проводник, — терпеливо уговаривал Андрея Константиновича Роман. — Ну же, Руднев, скажи, где он. Я чувствую его. Я могу найти его и без тебя. Но мы должны извлечь его по возможности легальным путём. Без лишнего шума.

— Он в банке. В банковской ячейке. Ключа у меня нет. — Руднев выпалил это на одном дыхании и открыл глаза, пустым, застывшим взглядом уставившись в пространство.

— Рома, он говорит правду. Оставь его, — с болью в голосе попросил Бергер. Чайной ложкой он кромсал лежащее перед ним на тарелке пирожное, превращая его в непонятное, малоаппетитное месиво.

Роман, вздохнув, похлопал Руднева по плечу и убрал свою руку. Пройдясь по кабинету, он подсел на диван к едва приметно дрогнувшему при этом Бергеру и принялся задумчиво изучать его профиль.

— Ты не рад видеть меня прежним, — произнёс он пару минут спустя обвиняющим тоном.

— Тебя это волнует? — тоскливо выдавил из себя Кирилл и с досадой бросил ложку на блюдечко.

— Конечно. Я умею быть благодарным, ...Кирилл, — вкладывая в свои слова максимум искреннего чувства, заверил его Роман.

— Я уже заметил, — пробормотал Бергер, косясь на Руднева, который, расстегнув воротничок, дрожащей рукой пытался налить себе воды. Его чёрные волосы уже не блестели и не струились, как шёлк, они прилипли ко лбу безжизненной, тусклой, рваной бахромой.

— Ты об этом? — Роман не стал обращать внимание на его красноречивый взгляд. Он взял руку Кирилла и перевернул ладонью вверх, разглядывая шрам. — Прости это несчастное тупое чудовище, — усмехнулся он. — Ему было сложно разобраться в нюансах. Ты встречал его как врага, и он обращался с тобой соответствующе. Но я в состоянии оценить то, что ты для меня сделал, — взгляд Романа потеплел, и он бережно обнял Кирилла обеими руками.

Бергер вполне предсказуемо всхлипнул и ткнулся носом в романово плечо, крепко обнимая его в ответ.

— Ром, оставь эту затею, — жалобно шепнул он. — Не нужна тебе эта железка: ни одна, ни вторая.

— Ты ведь что-то недоговариваешь... — Роман, усмехаясь, легонько похлопал его по спине. — Ну — признавайся — почему не нужна?

Кирилл напрягся и Роман, разумеется, очень хорошо это почувствовал.

— Ну же, Бергер, давай. Ты ведь не умеешь врать. Совсем. — Он взял его за плечи и, отстранив от себя, снизу заглянул ему в лицо.

— Просто не нужна — и всё, — упрямо ответил Кирилл, не поднимая взгляда.

— А в глаза мне посмотреть? — ухмыльнулся Роман.

— Не хочу. И, вообще, я устал, и мне пора домой.

— Ки-и-ра, ну что за детский сад! Ты ведь понимаешь, что если ты сейчас же не расскажешь мне, почему я должен оставить нашего друга в покое, домой мы все не попадём очень долго. Андрей Константинович, объясни ты ему!

Руднев со стоном закрыл лицо руками и сложился пополам, склонившись к самым своим коленям.

— Очень убедительно, — удовлетворённо хмыкнул Роман.

— Если я скажу... — Бергер взял себя в руки и твёрдо взглянул Роману в глаза, — ты обещаешь, что из второго проводника ты сделаешь Карту для Андрея Константиновича?

— Я должен поклясться? — с лёгкой иронией в голосе уточнил тот.

— Нет. Просто пообещай.

— Обещаю, — не моргнув глазом, тотчас подтвердил Роман.

— Хорошо, — Кирилл кивнул и прищурился задумчиво. — Я вижу, узелок завязался... Тогда слушай: тебе не нужен больше диск, потому что проводник — он. — Бергер

недвусмысленно указал на господина адвоката. — Во время последней встречи с ним ваш патрон, оценив обстановку, возложил миссию проводника на Андрея Константиновича — благо тот медиум. Знаешь ты или нет, но завершая твоё обучение, он обязан был показать тебе все те миры, куда в своё время водили его самого. Это он может сделать для тебя в любой момент, и ему ничего для этого не нужно. Но если ты захочешь использовать его для той конкретной цели, с какой создавался диск, Андрею Константиновичу придётся выполнить твоё пожелание ценой собственной жизни. Учитывая условие необходимой жертвы и твой решительный отказ использовать для этой цели меня, патрон замкнул его энергетические волокна таким образом, что, перенося тебя к источнику силы, он автоматически запускал бы программу самоуничтожения. Поэтому Андрей Константинович и пришёл к Радзинскому, который мог защитить его в этой ситуации.

— Ч-чёрт! — Роман вскочил, как ошпаренный. — То есть теперь у меня богатый выбор: убить тебя или убить его?!!

— Ты можешь просто продолжать идти по Пути, в конце которого тебя гарантированно ждёт результат...

— Меня не устраивают эти черепаши темпы!..

— Рома, ты сам придумал рисунок Карты — ты забыл? Я думаю, ты знал, что делал. Почему бы тебе не довериться своему собственному выбору и просто не следовать ему?

— Э-эх, Руднев! — Роман с досадой рубанул рукой воздух. — Ну почему с тобой вечно одни проблемы?!

Андрей Константинович поморщился и выдавил устало:

— Пожалуйста, Роман Аркадьич, избавь меня от подобного панибратства! И давайте уже, решите относительно меня что-нибудь! Я уже узнал массу интересного, но так и не понял, нужен вам теперь диск, или всё-таки не нужен?

— Нужен! — хором выкрикнули Шойфет и Бергер и озадаченно переглянулись.

— Нужен, — уже спокойно подтвердил Кирилл. — Ромка сделает из него Карту — для Вас. Ну, или постарается хотя бы...

— Он собирается изменить направление? Я правильно понял?

— Мы собираемся. Один он не справится. Хотя и считает иначе. Он сначала думал ускорить процесс своего «возвращения» с помощью второго проводника, превратив его в Карту — так сказать, экспересс-Карту... Он ведь у нас повелитель энергии и материи — едва ли не Бог... — съязвил Кирилл.

— Бергер! — осадил его Роман и тот, вздохнув, замолк.

— Чудесно, молодые люди! — Руднев изобразил кислую улыбку. — А добывать проводник из банка должен, по-видимому, я?

— Если Вы скажете, где ключ от сейфа, мы можем обойтись без Вас, — успокоил его Кирилл.

— Ключ у Радзинского, — мстительно усмехнулся Андрей Константинович. — Попросите — вам он не откажет. Для благого дела...

— Шутишь, Руднев? — ласково прищурился Роман. — Меня распылят на молекулы, когда узнают, во что я их распрекрасного Бергера втянул.

— Можно подумать — ты не заслужил! — буркнул Кирилл.

— Никто на аркане тебя не тянул. Ты сам за мной увязался, — огрызнулся Роман.

— Я прямо сейчас могу уйти, — мгновенно напрягся Кирилл.

— Только попробуй. — Роман живо присел на диван и крепко взял Бергера за руку. — А

почему бы нам не выпить, наконец, чаю? — бодро воскликнул он, окидывая взглядом унылый натюрморт из давно остывшей в чашках непонятной жидкости и растерзанного Бергером десерта. — Кто поможет мне заново накрыть на стол?

===== Глава 80. Повинную голову меч не сечёт =====

Оторвав от классного журнала взгляд, Николай Николаевич с удивлением обнаружил, что Бергер сидит за последней партой один, и Князева нигде не видно. Рассеянный и потерянный вид Кирилла ясно свидетельствовал, что отсутствует Роман не просто так. Но Аверин не стал ничего выяснять. Просто отдал журнал старосте, велев ей отметить отсутствующих.

Стоило отвернуться, как на тонком плане он увидел замершего в отдалении Кирилла, который смотрел на него встревоженно, но явно не решался подойти. Николай Николаевич в свою очередь взглянул на него вопросительно, но тот был совершенно непроницаем, так что Николай Николаевич только пожал плечами и вернулся к уроку, который сам, как известно, не проведётся.

Когда он в следующий раз поднял взгляд, Кирилл смотрел на него уже с отчаянием. Но Николая Николаевича эта игра в гляделки начала уже раздражать, поэтому он смерил Кирилла суровым взглядом и до самого звонка больше не обращал на него никакого внимания.

Но едва закончилось занятие, Бергер уже стоял возле учительского стола. Вместо безмятежной лазури в прекрасных его глазах клубились сизые грозовые тучи и вздымались тяжёлые бурные волны. «Так и вздулись сердитые волны, так и ходят, так воем и воют...», — сразу вспомнились Аверину знаменитые пушкинские строки.

— Что ты хотел сказать мне? — спокойно поинтересовался он у взволнованного подростка.

— Вы больше не хотите меня знать? — прошептал Кирилл непослушными губами, и вдруг крупные, с хороший бриллиант, слёзы сплошным потоком хлынули у него из глаз.

— Ну что за ерунда, Кир! — с укором воскликнул потрясённый до глубины души Николай Николаевич, делая шаг вперёд и нерешительно обнимая абсолютно несчастного Бергера. — Если ты наделал глупостей, это не значит, что я должен немедленно отречься от тебя и навсегда изгнать из своей жизни. — Он легонько похлопал Кирилла по вздрагивающей от рыданий спине. — Давай поговорим, — он подтолкнул Бергера за парту и сам сел рядом, плотно сдвинув между собой их стулья.

Чтобы успокоиться, Кириллу потребовалось время. Николай Николаевич терпеливо поглаживал его руку и сдерживался изо всех сил, чтобы не прослезиться самому. Наконец он аккуратно приподнял бергерову голову за подбородок и вытер ему нос своим платком, сочувственно разглядывая слипшиеся от слёз ресницы и мокрые щёки.

— Так с чего ты решил, что я «больше не хочу тебя знать»? — осторожно принялся выяснять Аверин.

— Вы на меня так смотрели — как на чужого, — всё ещё судорожно всхлипывая, признался Кирилл и вдруг кинулся к учителю, обхватывая его руками и прижимаясь щекой к его груди. — Николай Николаевич, — горячо зашептал он. — Вы ведь меня не прогоните? Правда?

— Вот оно что! — насмешливо протянул Аверин, тоже обнимая Кирилла. — А я-то думал, что тебя совесть замучила, и ты решил рассказать мне всё, пока не поздно! А ты, оказывается, просто испугался, что я от тебя отвернусь!

— Рассказать? Я не могу. Я поклялся, — растерянно прошептал Кирилл. Он, вздыхая, потёрся щекой о пиджак учителя, от которого тонко пахло мятой. «Мятная карамелька в кармане», — уверенно определил он.

— Солнце моё! Ты когда последний раз на исповеди был? — возмутился Николай Николаевич.

— На Успение, — вздохнул Бергер.

— Тебе ли я должен объяснять, кто именно может освободить тебя от клятвы?! Что хоть за клятва-то? — уже с любопытством добавил Аверин.

— Дурацкая какая-то. — Кирилл весело блеснул глазами. — По-моему, Андрей Константинович надо мной приколоться решил. Думает, я не знаю, как договор кровью скреплять! Ну, я тоже — пошутил немного...

— А, по-моему, Шойфет плохо на тебя влияет. Раньше такие «шутки» тебе бы и в голову не пришли!

— Вы меня простите? — сразу испугался Кирилл и, что было сил, вцепился в аверинский пиджак, прижавшись к учителю ещё крепче. Аверин, как стальным обручем, стиснутый его руками, охнув, засмеялся:

— Ну, для начала я думаю примерно тебя наказать. Давай, сам говори, что с тобой сделать?

— Заставить решить двадцать задач по физике?

Николай Николаевич слегка ошалел:

— Нет, я конечно, в курсе, что у тебя с точными науками проблема, но не до такой же степени, чтобы делать из физики с математикой наказание!

— Лишить меня сладкого? — нерешительно предположил Кирилл.

— Ты серьёзно считаешь, что я способен на такое зверство?! — ужаснулся Аверин.

— А что тогда?

— Я запрещаю тебе ходить к Рудневу.

— Нет!! — испуганно взвился Кирилл. — Я не могу Ромку бросить! Он хочет непременно научиться всему, что Андрей Константинович знает. Его как магнитом тянет. И он будет к Рудневу ходить, пока всё из него не выжмет. Со мной или без меня. Лучше уж — со мной! И я уже ничего не мог изменить. Мне ничего не оставалось, как с ним пойти. Чтобы держать его под контролем. И помочь, в случае чего. Это моя обязанность — Вы же знаете! А Андрей Константинович должен выполнить последний пункт своего контракта и передать Ромке всё, чему его патрон научил. Он мне сам сказал — ну — в смысле, патрон...

— Кирюша, ты сейчас зачем у меня прощения просил? — нахмурился Николай Николаевич.

— Я не хотел, чтобы Вы неправильно меня поняли!..

— Ага. Попросил, значит, и теперь со спокойной совестью можно обратно — к Рудневу.

— Так ведь это же так — понарошку... — не слишком уверенно пробормотал Кирилл, нерешительно заглядывая учителю в лицо.

— Значит так, — строго сказал Николай Николаевич. — Слушай меня внимательно, Коко: с этой самой минуты ты не отходишь от меня ни на шаг — если понадобится, я тебя наручниками пристегну. А сейчас мы оба отправляемся разгребать те завалы дров, которые вы с Шойфетом наломали. Ещё вопросы есть?

— Есть.

— Вот по дороге и задашь.

Кирилл смиренно вздохнул и закинул на плечо широкий ремень сумки.

===== Глава 81. Смерти нет =====

— Тебе нельзя трогать проводник! — заорал Роман, отталкивая Руднева от сейфа. Утирая пот со лба, он уже спокойнее повторил. — Тебе нельзя к нему прикасаться. Забыл?

Андрей Константинович гордо встряхнул волосами и презрительно сощурился:

— Без фамильярности, Роман Аркадьич. — Он картинно опёрся на свою трость и капризно скривил губы. — Забирай ящик и поторапливайся. Я уверен, что нас уже засекли.

Роман бросил на него быстрый косой взгляд и к чему-то прислушался:

— Да, ты прав. Бергер говорит, чтобы мы поскорее уносили ноги. — Он повернулся к сомнамбулически покачивающемуся перед ним банковскому служащему и отдал ему ряд коротких указаний, после чего выразительно мотнул Рудневу головой в сторону выхода и они не спеша покинули хранилище, напоминавшее улей, снизу доверху, словно сотами, расчерченный сейфами-ячейками.

В машине Роман устроил ящик с диском на коленях и перевёл дух.

— А почему Панарин не сдал тебя, когда узнал о наших занятиях? Ведь он должен был, — полюбопытствовал Роман, пристёгиваясь.

— Потому что он мой друг, — желчно ответил Руднев, вырывая со стоянки.

— Здорово, — хмыкнул Роман. — Интересно, что скажет на это Радзинский, когда узнает... А у него должны будут возникнуть вопросы, когда он накроет нас на даче панаринской бабки.

— Не отвлекай меня, когда я за рулём, — раздражённо бросил Андрей Константинович и включил музыку — разумеется, это был джаз.

Они быстро оказались за городом. Тусклое пятно скрытого неплотными облаками солнца, похожего на запёкшийся желток, постоянно ныряло за деревьями, а потом снова несло рядом с автомобилем, каждый раз неуловимо меняя направление.

— Как это на него похоже! — с умилением воскликнул Руднев, когда часа через два машина остановилась возле ветхой покосившейся избушки, окружённой корявыми яблонями, дикими зарослями малины и остатками неопределённого цвета забора.

— На «него» — это на Панарина? — уточнил Роман.

— Какой он тебе «Панарин»?! — возмутился господин адвокат. — Не зарывайся, Роман Аркадьич!

Роман скептически хмыкнул, но спора затевать не стал. По скрипучим ступенькам поднялся на крыльцо, нашарил в укромной щели над отсыревшим косяком тяжёлый кованый ключ и отворил дверь.

— О, Боже! — простонал Руднев, окидывая взглядом царящую внутри разруху. — Ну, Киса, ты мне за это ответишь!

— А почему, кстати, «Киса»? — рискнул спросить Роман.

— Классику надо читать, Роман Аркадьич, — язвительно процедил босс.

— А! Так, если он «Киса», ты, значит, «Господин Турецкоподданный»! — обрадовался Роман. — Два обаятельных авантюриста — мило...

— Надеюсь, твой голубоглазый приятель не заставит себя ждать, — игнорируя романово умиление, раздражённо пробормотал Руднев, брезгливо сталкивая концом трости пачку пожелтевших газет с единственного целого стула. То, что это было ошибкой, немедленно доказала взметнувшаяся в воздух мощная туча пыли. Андрей Константинович беспомощно замахал руками и нервно закашлялся. — Может, я лучше в машине подожду?

— Чего ты подождёшь? — снисходительно глянул на него Роман. — А на Бергера я бы на твоём месте слишком сильно не рассчитывал. Он чересчур правильный, поэтому обязательно попадётся, как пить дать. Так что доверься мне...

— Это меня и беспокоит. Прошлый раз, когда я доверился тебе, это закончилось моей смертью. И тогда ты тоже был бесконечно самоуверенным недоучившимся юнцом. Дежавю...

— Я был магом, Руднев, — веско возразил Роман. — А вот ты, да — был глупым самовлюблённым мальчиком — не без способностей, этого я не стану отрицать — который не сумел выполнить простейших указаний. И твоя печальная тень сопровождала меня потом ещё долгие годы, пока я не нашёл способ искупить свою вину перед тобой.

— Отличный способ! Что и говорить! — скривился Руднев.

— Он ещё и недоволен! Хотел быть особенным и крутым? Как говорится, получите — распишитесь. В данный момент ты знаешь и умеешь больше, чем я! Что ещё тебя не устраивает?

В процессе этого диалога Роман тщательно вытирал влажными салфетками стул, и на полу соответственно росла горка грязных чёрно-серых комочков. Роман отпихнул их носком ботинка подальше и жестом пригласил Руднева сесть.

— Присаживайся, Андрей Константинович. — Заметив, как шеф страдальчески скривился, он великодушно предложил, — Ну, хочешь, я куртку свою постелю, раз уж ты такой капризный!

— Не надо, — поморщился тот. Вынув свой кипельно-белый носовой платок, Руднев расстелил его на сидении и только после этого рискнул опуститься на стул.

Роман прошёлся по дому, притащил откуда-то довольно крепкую табуретку, не особо церемонясь, смахнул громоздящуюся на столе рухлядь — какие-то банки, кружки и тряпки. С торжествующим возгласом зажёл свет: тусклую, укрытую старомодным абажуром, одинокую лампочку. Сразу стало уютно, как-то особенно остро ощутилась уединённость и покой этого места — не хватало только мирного пения чайника и потрескивания дров в печи. Руднев зябко повёл плечами: ох, не надо было вспоминать про огонь, может и не заметил бы, как здесь холодно и промозгло.

У окна стояла тихая старушка в платочке и приветливо улыбалась Андрею Константиновичу. «Как там внучок мой?» «Жив-здоров. Женился», — буркнул Руднев. Роман удивлённо покосился на него, потом в сторону окна и, понимающе хмыкнув, вернулся к своему занятию: на деревянном столе он вычерчивал мелом какую-то сложную фигуру.

— Руднев, мне понадобится твоя кровь, — бросил он через плечо, не отрываясь от своего занятия.

— Сколько угодно, — равнодушно ответил Андрей Константинович, но потом спохватился, — В пределах разумного, конечно...

Роман ухмыльнулся и достал из ящика диск. Дёрнув плечом, он, практически не дыша, положил проводник в центр нарисованной на столе фигуры. В мутном свете тусклой лампочки его лицо казалось нарисованным художником-импрессионистом: всё из резких, ломаных теней и тёплых, персикового цвета пятен — отсвет абажура. Скудость освещения сглаживала остроту его гордого профиля, но сильнее подчёркивала завораживающую глубину его чёрных глаз. Резким движением полоснув по ладони кинжалом, Роман уже привычным жестом провёл рукой по поверхности диска, оставляя на нём кровавый след. Проводник ожил и заиграл зловещим багровым светом.

— Не боишься? — вдруг дрогнул Андрей Константинович.

— Глупости. Смерти нет, Руднев. Но если что — прости. — Он поманил босса к себе. — Когда дам знак — капнешь своей крови на диск, — хрипло сказал он. — Всё понял? Тогда — поехали...

То, что Роман ждать его не стал, Бергер понял ещё в машине. И то, что сделал этот самоуверенный чернокнижник всё не так, тоже понял — сразу. Потому что внутри стало как-то пусто и холодно, и он перестал слышать своего безрассудного друга. Но едва он начал соскальзывать вслед за ним в плотную душную черноту, Николай Николаевич больно сжал его руку и, яростно сверкая своими стальными глазами, приказал зафиксировать внимание на поверхностных ощущениях тела. Перебирая деревянные бусины чётков, которые учитель вложил в его руку, Кирилл сосредоточенно изучал пальцами шероховатость тёплого живого материала, из которого они были выточены, нащупывал микроскопические трещинки на их гладких, отполированных многочисленными прикосновениями боках, ощущал холод металлических петелек, соединяющих их между собой.

Повторяя слова молитвы, он чувствовал, как тьма постепенно отступает, как сердце заполняется спокойной радостью и теплом, как вместе с размеренной пульсацией простых, но бесконечно великих слов всё его существо затапливает свет. Ещё одна яркая вспышка, и Кирилл увидел себя на берегу реки, маслянисто поблёскивающей в жарких полуденных лучах солнца.

Света было так много, что даже деревья практически не отбрасывали тени. Крепко сжав в руке миниатюрный крестик на чётках, Кирилл на мгновение увидел то, о чём он никому не собирался когда-либо рассказывать впоследствии — светлый Лик, беспредельно мудрый, скорбный взгляд. Можно было смотреть в эти глаза бесконечно и одним только смотрением насытить свою душу невыразимым в своей грандиозности знанием. Но тут внимание его отвлек резкий всплеск воды. Неловко спотыкаясь о камни, Кирилл спустился к реке и тут же — как был в ботинках и в одежде — кинулся в воду. Ему пришлось зайти туда почти по пояс. Подтаскивая к берегу безвольно обмякшее в его руках тело Романа, он старался не глядеть на его обожжённое лицо и почерневшие руки. Выбившись из сил, он бухнулся перед другом на колени прямо на мелководье и положил руку с чётками ему на грудь. В другой руке у него блеснул золотистый флакон. Отвинтив крышечку, Кирилл перевернул пузырёк над головой Романа, и сладко пахнущее карамелью масло полилось на искажённое болью лицо.

Кирилл молился почти неслышно, закрыв глаза и невесомо касаясь пальцами романова лба. Наконец, случилось то, чего он ждал: нежный, нездешний свет пролился с небес и окружил тело Романа ослепительно белым коконом. Целую вечность спустя, Роман приоткрыл глаза и вдруг резко закашлялся, выплёвывая воду. Кирилл помог ему сесть и, затаив дыхание, наблюдал, как тот оживает.

Отдышавшись, Роман, низко опустил голову, посидел ещё немного и вдруг снова плашмя упал на спину.

— Ром, давай выйдем на берег, — забеспокоился Кирилл, потянув его за рукав.

Роман, не моргая, глядел в высокое голубое небо. Его волосы колыхались в прозрачной воде нереально легко и плавно.

— Нет, — он медленно помотал головой. — Я здесь хочу. — И вдруг зажмурился и с силой прикусил нижнюю губу. Из-под плотно сомкнутых ресниц покатались слёзы, по вискам сбегая в речную воду. Кирилл порывисто обнял друга, прижав его, куда пришлось —

куда-то к своему животу — и плотно стиснул зубы.

— Чудовище безголовое, — процедил он, в сердцах вцепляясь ему в волосы, и даже слегка дёрнул их с досадой. — Попробуй теперь хоть полслова пикнуть в своё оправдание — я тебя тут же в этой самой реке утоплю! И чтоб слушался меня! Ясно?

Роман едва заметно покивал головой:

— Прости, — выдохнул он в его мокрую рубашку. — Прости, Кира, лапочка, я дурак...

===== Глава 82. Попросить =====

— Чего ты ремонт здесь не сделаешь? — Ливанов подёргал оконную раму, проверяя, насколько прочно она держится, и отряхнул руки. — Крепкий дом... Он лет сто ещё простоит — смотри, какие брёвна! Хочешь, я тебе помогу?

Панарин весело оскалился и опустил голову, чтобы скрыть улыбку. Он подпирал плечом стену, по привычке спрятав руки в карманы куртки, и насмешливо поглядывал на энергичные действия карабасова питомца.

Ливанов тряхнул кудрями, прошёлся по комнате ещё разок, оставляя на без того затоптанном полу следы своих щёгольских ботинок, и остановился напротив доктора.

— Так что, Евгений? Сделаем твоей жене подарок? — Лукавый ливановский взгляд скользнул по женечкиной фигуре вроде бы мягко, но Панарину показалось — будто скальпелем сделали аккуратный надрез. Он даже отчётливо ощутил прикосновение холодного металла к коже.

От необходимости объясняться с Ливановым по поводу своей безалаберности и бесхозяйственности Женечку избавило появление Радзинского.

— Ну что, Панарин, — Викентий Сигизмундович мгновенно сгрёб доктора своей мощной рукой и, слегка потряхивая, заглянул ему в лицо. — Бить тебя будем?

— Бейте... — Женечка равнодушно пожал плечами, насколько это позволяли ему тесные объятия Радзинского.

— Ох, и упрямый же ты! — восхитился тот и поцеловал его каштановые кудри. — И ведь всё делал правильно! А под конец напортачил... Что случилось-то?

— Присматривали бы как следует, за Вашим безумным мальчиком, и всё было бы нормально, — холодно обронил в ответ Панарин.

— С нашим-то мальчиком всё в порядке! А вот твой друг лежит практически бездыханный! А кто за ним — за Андрюшенькой — должен был, аки тень, днём и ночью следовать? Мы ведь как договаривались: Андрей Константинович Руднев — полностью твоя забота. Что же ты так расслабился-то? Думаешь, диск в сейфе, ключ в недоступном месте, так пусть себе ребятишки развлекаются?

Панарин с досадой скинул со своего плеча руку Радзинского и раздражённо шагнул в сторону.

— Вы мне даже не сказали, что Андрей — проводник...

— А ты не сказал мне, что твой Андрей тайком развернул подпольную деятельность, которая была ему строго-настрого запрещена.

— Я думал, Вы знаете...

— Он думал! Индюк, знаешь ли, Евгений, тоже думал, да в суп попал!

— Плевать мне на Вашего индюка! — с неожиданной злостью выкрикнул Панарин, нервно прохаживаясь вдоль злополучного стола, на котором до сих пор отчётливо виднелась нарисованная уверенной князевской рукой загадочная фигура. — Что это за дрянь? — он с яростью пнул ножку стола.

— Понятия не имею, — честно признался Радзинский.

— Вот и я не имею. И Руди, наверняка, тоже не знает. Этого Вашего Рому под замком надо держать в смирительной рубашке. Потому что он точно опасен. А Вы с ним сюсюкаетесь... Сколько волка не корми...

— Панарин, они приехали в твой дом. И явно не без приглашения... — угрожающе начал Радзинский.

— С ними Бергер должен был быть! Поэтому я был спокоен! — усиленно жестикулируя, заорал доктор. Из окна со звоном вылетело стекло и рассыпалось по земле сотней мелких осколков.

— Женька! Не бузи! — строго прикрикнул на него Викентий Сигизмундович.

Панарин злобно зыркнул в его сторону влажными карими глазами и вдруг уселся прямо на грязном полу, стащил ботинки и, скрестив ноги в неизменной позе лотоса, закрыл глаза. Руки он положил на колени, ладонями вверх, соединив при этом в кольцо большой и указательный пальцы.

— Вот остолоп! — покачал головой Радзинский. — Лучше бы помолился! — Он подошёл, за шиворот поднял Панарина с пола, отряхнул, как ребёнка и, толкнув его на табуретку, опустил на колени, чтобы надеть на него ботинки. Глаза при этом Женечка так и не открыл и, судя по всему, вообще, отбыл в неведомые дали, если не напрямик в Нирвану. — Паш, давай, грузи это чудо в машину, — тщательно завязав панаринские шнурки, хмуро вздохнул Радзинский. — Пусть там медитирует, бестолочь кудрявая.

Ливанов, с трудом сдерживая смех, присел, взвалил Панарина себе на плечо и понёс его к выходу.

— Евгений, ну ты чего дурака-то валяешь? — с тихим смешком спросил он, сгрузив доктора у машины и отклонившись как можно дальше назад, чтобы безвольно распластавшееся на нём женечкино тело, которое он придерживал одной рукой за брючный ремень, не соскользнуло на землю, пока он открывал дверцу.

— Барух шем кевод малькуто ле-олам ва эд (1), — монотонно отозвался Панарин.

1 Благословенно славное имя царствия Его во веки веков (древнеевр.).

— Опаньки! Что мы, оказывается, знаем! — весело воскликнул Ливанов, запихивая Женечку на переднее сиденье и пристёгивая его, чтоб держался вертикально. — Так ты теперь хитбоненут (2) практикуешь? Ты на Хесед (3) медитируешь, или ты у нас новатор и Иисусову молитву (4) через раз повторяешь после «Ом мани падме хум» (5)?

2 Созерцание (иврит) — каббалистическая медитативная техника.

3 Милость (древнеевр.) — одна из сфирот, каббалистический термин.

4 «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» — эта краткая молитва одна из основ «умного делания» — главной практики исихазма.

5 Буддийская мантра.

— Ливанов, у тебя возле головы слева грязь какая-то висит, — ровным, бесстрастным голосом сообщил Панарин. — Кто-то позавидовал тебе от души.

Павлуша поправил смявшуюся под ремнём безопасности женечкину куртку и молча захлопнул дверцу.

Оставшись один, Панарин, наконец, «отпустил себя», погружаясь в транс уже по-настоящему. Все его мысли занимал сейчас только один человек, поэтому неудивительно, что через мгновение он уже стоял возле кровати, где на смятом покрывале лежал Руднев: белый и неподвижный, как статуя. Его щедро заляпанное пылью пальто комком валялось на

полу рядом с ботинками, пиджак украшали смазанные отпечатки чьих-то ладоней, испачканных побелкой.

Тело Руднева окружало слабое свечение — настолько слабое, что Женечке стало по-настоящему страшно.

Кто-то мягко взял Панарина за руку: рядом стоял отец Арсений — такой, как всегда, такой, как при жизни — в мягкой чёрной скуфейке и сером подряснике.

— Пойдём, Евгений. Надо твоему другу помочь.

— Как помочь? — еле выдавил из себя Женечка, наблюдая, как Радзинский сосредоточенно оплетает Андрея Константиновича толстыми, как канат, светящимися нитями, предварительно намотав себе на запястье блёклую голубую нить, тянущуюся прямо из рудневского сердца.

— Попросить за него, — просто ответил отец Арсений. — Мальчик-то почему вернулся? За него друг попросил. Давай, и мы попробуем.

— Попробуем, — судорожно выдохнул Панарин.

В ту же секунду он зажмурился от яркого света. Озираясь по сторонам, доктор понял, что стоит на замощённой булыжником безлюдной городской площади, окружённой чистенькими ослепительно белыми домами с красными черепичными крышами. Увидел посередине тихо плещущий белый с золотом фонтан и множество цветов — самых разных, роскошных — и вьющийся по стенам виноград, и оливковые деревья, увешанные плодами. «Что-то итальянское», — подумалось Женечке. — «Только голубей не хватает».

Отец Арсений между тем всё так же — за руку — повёл Панарина в храм, украшенный невероятной красоты цветными витражами, наполненный иконами, испускающими тёплый неземной свет и распространяющими вокруг райское благоухание. Подойдя к алтарю, отец Арсений простёрся перед распахнутыми Царскими Вратами и замер. Женечка постоял рядом секунду, а потом бухнулся на колени, на прохладный белый мраморный пол, и начал молиться так горячо и страстно, как никогда в своей жизни ещё ничего не просил.

Он ясно чувствовал, как в груди пульсирует и растёт, с каждым ударом сердца выталкиваясь наружу, жгучая, всепоглощающая боль. А потом доктор понял, что его слышали. Перед глазами неожиданно бесконечной лентой развернулась вся его жизнь. Он смиренно созерцал собственный жизненный путь, в какой-то момент сливающийся с судьбой того, за кого он пришёл сейчас молиться. Падение, покаяние, подъём, потом снова падение, снова покаяние, снова подъём — то, что когда-то приводило доктора в отчаяние: невозможность раз и навсегда крепко стать на ноги и больше никогда не падать. Много позже он стал расценивать спотыкательность своей духовной жизни как подарок: возможность всегда помнить свою слабость, свою греховность, своё несовершенство, возможность приобрести смирение.

Сколько в его жизни было безумия, страсти, отчаяния! Но его душевные метания всегда порождались жаждой, подлинным желанием обрести — в каком угодно виде — но Истину. «Киса, чего же ты, в конце концов, хочешь?!» — как-то раз не выдержал Руднев, когда, забросив йогу, Панарин увлёкся христианской мистикой. «Хочу быть святым», — твёрдо ответил Женечка, имея в виду, что конечной целью может быть только полное освобождение от тлена, греха и смерти, а вовсе не славу и превозношение, как, похоже, показалось тогда его ошалевшему от подобных откровений другу.

С состраданием оглядел доктор жизненный путь своего злосчастного приятеля: Руднев с самого раннего детства напоминал мумию — спелёнутый по рукам и ногам неизвестно

когда данными обещаниями, ведомый по заранее проложенным путям. Безжизненным холодом веяло от его судьбы, обречённостью и безотрадностью. Панарин увидел крепкие чёрные нити, которые тянулись за Рудневым из его туманного, тёмного прошлого и которые, без сомнения, связывали его с тем, кого он называл Господин в чёрном. Именно из-за него, напомнил себе доктор, его друг и лежит сейчас холодный и неподвижный в заброшенном старом доме.

Женечка яростно обеими руками дёрнул нить, пытаясь разорвать её, но тотчас заметил, что эта самая нить соединяет с Рудневым и его самого. И связывает их с ещё какими-то расплывчатыми фигурами, показавшимися до боли знакомыми, почти родными. Он почувствовал, что нить идёт прямо от сердца через сердечный меридиан и только выходит она наружу не через мизинец, а из центра ладони.

Панарин поднёс нить к глазам и рассмотрел, что с его стороны она давно уже не чёрная — тёмно-синяя, может быть, фиолетовая — но никак не чёрная. Внезапно Женечку осенило: если они связаны, значит можно передать Рудневу часть своей энергии! Он сосредоточил на нити всю силу охватившего его страстного желания вернуть друга, и та засветилась интенсивным фиолетовым светом. «Молодец, Евгений!», — услышал он растроганный голос Радзинского, и тут же провалился в пустоту, в небытие, в сон. «В Nirvanу?» — успел весело подумать он, растворяясь в уютном тёплом тумане.

===== Глава 83. Против рожна =====

Для Андрея Константиновича не стало неожиданностью полное крушение романа замысла. Когда проклятый мальчишка явился к нему с требованием вернуть диск, он сразу же после его ухода раскинул карты. Выпала «Смерть» — любимая карта Старшей Арканы, которую Руднев одно время даже постоянно носил в нагрудном кармане — так она его притягивала и завораживала своим величием и, как ему казалось, безграничной властью над всем живым.

В ту же ночь ему приснился Господин в чёрном и пообещал вскорости забрать его к себе. Его тёмный силуэт очертаниями чрезвычайно напоминал ту самую Смерть с картинки. Андрею Константиновичу вдруг ужасно захотелось, чтобы наставник крепко обнял его, обернул своим плащом и взял с собой — как в детстве. Но когда он приблизился к патрону, то увидел, что перед ним на самом деле стоит Роман и, сверкая своими дьявольскими чёрными глазами, протягивает ему диск. Руднев в ужасе отшатнулся и проснулся весь в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем и пересохшим нёбом, к которому прилип онемевший язык.

Но задолго до этого Андрея Константиновича предупредил Панарин. Он, как и обещался, после встречи с Радзинским честно рассказал, что за видение напугало его в своё время до умопомрачения. Разумеется, Женечка видел, как господин адвокат стоит перед диском, как, проколов палец, орошает проводник своей кровью, как пространство вокруг превращается в зыбкое чёрное желе, которое поглощает его драгоценного товарища. Жуткий холод, которым повеяло на Женечку от этого видения, заставил его трястись в тщетных попытках согреться в течение пары часов до рассвета — дело было на дежурстве, и Панарин ужасно боялся, что кто-нибудь придёт и застанет его в таком состоянии. Положение исправили тридцать граммов спирта, разбавленных в чайной чашке сырой водой из-под крана.

Конечно же, Женечка с оптимизмом заявил, что теперь, когда диск надёжно изолирован в банковском сейфе, а Радзинский взял на себя обязательство защищать его, ничего

подобного с Рудичкой не случится. Но Руднев только усмехнулся про себя: на то и видения, чтобы сбываться. А ведь в случае с Панариным это был не сон, а именно видение.

Известие о собственной близкой кончине ничуть не испугало Андрея Константиновича. Он вдруг понял, как страшно устал от жизни — от такой жизни. Возможность изменения своей или чьей-либо ещё судьбы казалась ему такой же нелепой выдумкой, как говорящие рыбы или снегопад в жаркий летний полдень. Женька — не исключение. Он с самого начал был вопиюще светлым. Руднев даже немного отогрелся рядом с ним. Научился смеяться — сперва наедине со своим единственным другом — Панарин беспрестанно его смешил, дурачился и так заразительно хохотал... Андрей Константинович был убеждён: Женечка не изменил свою судьбу — он ей последовал. Бросил своего больного на всю голову товарища и упорхнул. А Руднев пошёл дальше — по заранее проложенному маршруту.

В тот роковой момент, когда в заброшенной панаринской избушке Роман предложил подойти поближе, Андрей Константинович уже чувствовал, как проводник его затягивает: голова кружится, перед глазами всё расплывается, а в ушах стоит непрекращающийся гул. Но безголовый мальчишка ничего не замечал. Велел отдать проводнику своей крови — вот ведь идиот! Ясно было с самого начала, что он не сможет изменить направление. Просто потому, что у него не было собственной связи с «верхними» мирами. Такая связь была у Бергера. Только он и мог бы вытащить их обоих туда. Но у Ромочки было своё представление о механизме превращения горького в сладкое. Он, похоже, рассчитывал на знание об устройстве диска, которое позволяло ему думать, что он справится безо всякого Бергера. А ведь этот кретин даже не понял, что его ненаглядный ангелоподобный приятель — тоже проводник. Даже когда Бергер чётко сказал, что «не нужны тебе эти железки: ни одна, ни вторая»...

Когда рядом с Романом выросла внушительная фигура в чёрном плаще, Андрей Константинович почувствовал почти что облегчение. Патрон протянул ему холодную, но такую родную руку, и господин адвокат с радостью за неё ухватился. Ему показалось, что Наставник глядит на него с гораздо большей теплотой, чем абсолютно нечеловеческие, полные ледяного мрака глаза его юного компаньона.

Дальше всё произошло очень быстро. Господин в чёрном что-то сказал Роману, и лицо подростка вдруг исказилось от ярости. Он схватил кинжал и воткнул фантому в грудь. Прямо туда, где должно быть сердце. Почертив в воздухе острием кинжала замысловатую фигуру, о которой господин адвокат понял только то, что она направлена вниз, Роман коснулся лезвием центра диска и превратившийся в сгусток тёмной пульсирующей энергии знакомый образ завертелся в чёрном вихре и впитался в проводник, как пролитые чернила в губку.

Андрей Константинович к тому моменту практически ничего уже не соображал, с трудом удерживая осознание на границе реальности. Вместе с роковой фигурой в чёрном растаял некий скрепляющий его личность стержень. Он отчётливо ощутил внутри себя пустоту и удивительное молчание. Как глупо за секунду до смерти осознать, что всю жизнь за голос своего рассудка принимал чужие команды. Нечто подобное ему уже доводилось чувствовать, когда он очнулся в больнице, ещё не до конца понимая, что все его связи с помощниками разорваны Бергером.

«Очень логично», — подумалось Рудневу. — «Я жил, чтобы выполнить свою задачу. Сейчас моя миссия будет завершена, и жизнь тоже — закончится». Уже совсем не понимая, что делает, он шагнул к Роману, взял его за руку и отдался на волю той силы, которая потянула его вниз.

Последнее, что он запомнил — это гневный огонь в глазах своего Повелителя — Руднев отчётливо ощущал теперь в Романе знакомую энергетику Господина в чёрном. А ещё тупую боль в сердце, которое безжалостно тянули вниз, словно оно было привязано к толстому канату.

===== Глава 84. Его будут звать Руди =====

— Откуда это недоразумение? — Радзинский не поверил своим глазам, увидев на покрывале котёнка. — Ко-оль! Это ты котёнка принёс? Ты же знаешь — я не могу завести никого! Я вечно в разъездах!

— Ни сном, ни духом, Викуся! — прижимая руки к сердцу, поспешно заверил друга Николай Николаевич, с любопытством выглядывая из-за его могучей спины.

Котёнок был такой крошечный, что весь целиком помещался на огромной ладони Викентия Сигизмундовича. Судя по тому, что глаза у него были синие и ещё не приобрели свой настоящий цвет, ему было не больше месяца. Цепляясь тоненькими коготками за шерстяное покрывало и проваливаясь в ложбинки между его складками, котёнок, едва его отпустили, бойко двинулся дальше исследовать кровать Радзинского. Его коротенький пока хвостик уверенно торчал кверху, как флажок то исчезающего, то вновь появляющегося среди бурных волн кораблика.

— Кого-то он мне напоминает... — задумчиво пробормотал Викентий Сигизмундович, провожая внимательным взглядом чёрный пушистый комочек с удивительно гладкой, лоснящейся шерсткой. — О-о-о! — вдруг хохотнул он. — Тебя будут звать Руди!

Аверин беззвучно рассмеялся, отлавливая отважного исследователя, уже готового было сверзиться на пол.

— А, может, оставим, Вик? Смотри, какой он хорошенький... — Николай Николаевич нежно провёл рукой по крохотной спинке и почесал зверька за плюшевым ушком.

— Я знаю, Никуся, что котята, щеночки, детёныши сумчатой крысы умиляют тебя одинаково. Но я бы хотел увидеть выражение твоего лица, когда он напишет тебе на постель. — Радзинский взял у Аверина котёнка и перевернул его кверху животиком. — Мальчик ты хоть или девочка? — пробормотал он, пытаясь разглядеть признаки половой принадлежности внезапно обрётённого питомца. Питомец вместо ответа с энтузиазмом набросился на длинные волосы Викентия Сигизмундовича.

— Мальчик — не видишь разве? — осторожно отцепив когтистые лапки от густой шевелюры Радзинского, Николай Николаевич забрал котёнка обратно и посадил себе за пазуху. — Надо ему молочка погреть. Интересно, он сможет пить из блюдечка?

— Я догадываюсь, кто нам устроил такой сюрприз, — зловеще протянул Радзинский своим волнующим бархатным голосом.

— Думаешь, Надежда? — весело фыркнул Николай Николаевич.

— Больше никому. Павлуша бы не посмел, Панарин бы себе забрал, а наш больной просто не в состоянии осуществить подобную операцию физически.

— Ты упускаешь ещё пару вариантов: его нам подбросили соседи — раз, и он пришёл сам — два. — Аверин направился было к двери, чтобы спуститься в кухню за молоком, но вдруг прошептал. — Спит. Уже.

Викентий Сигизмундович с интересом заглянул в вырез синего аверинского свитера и тихонько хмыкнул:

— Похоже, ты ему понравился. Интересно, а Руднев любит кошек?

— С ума сошёл? — Николай Николаевич сделал «страшные» глаза. — От них же шерсть

повсюду. И запах... Знал бы ты, как я замучился его вещи каждый день стирать. Детским порошком! Потому что он без запаха. И отглаживать.

— Говорил я тебе сразу: давай позовём Надежду. Она бы делала всё это с огромным удовольствием.

— Вик, ну ты же сам понимаешь, что это не совсем удобно, — нахмурился Аверин. — Ему в первую очередь...

— Глупости! — упрямо пробасил Радзинский, выходя из комнаты. Николай Николаевич двинулся за ним следом.

— Не спишь? — негромко поинтересовался Викентий Сигизмундович, просовывая голову в соседнюю с аверинской дверь, куда в своё время так и не удосужился заглянуть Роман. А зря. Потому что это была комната хозяина, который в связи с последними событиями вынужден был переехать за стенку — к Николаю Николаевичу. В аверинскую комнату втиснули ещё одну кровать, а здесь поместили Руднева.

— Кто такой Киприан? — раздался слабый голос Андрея Константиновича — почти шёпот.

— Николенька, иконку принеси, — обернулся к Аверину Викентий Сигизмундович и шагнул через порог.

Руднев выглядел плохо. Очень плохо, если говорить правду. Он ужасно похудел, щёки ввалились, губы приобрели мертвенно-синий оттенок. Ресницы стали почему-то очень длинными. Или так казалось, потому что глаза Андрея Константиновича теперь практически постоянно были закрыты, и каждый мог рассмотреть эту прежде не слишком заметную деталь его внешнего облика.

— Вот, держи, — Радзинский вложил образок в исхудавшую руку Руднева.

Ресницы Андрея Константиновича дрогнули, блеснули его неожиданно яркие живые глаза.

— Что там у Вас? — внезапно спросил Руднев, отрывая взгляд от иконы и указывая на бугорок под аверинским свитером, который Николай Николаевич заботливо придерживал рукой.

Аверин улыбнулся и, отдав Радзинскому принесённую с собой книгу, осторожно вынул мирно спящего котёнка. И положил его Рудневу на грудь. Тот накрыл пушистый комочек ладонью и неожиданно попросил:

— Оставьте...

— Хорошо. Оставим, — покладисто согласился Викентий Сигизмундович, подвигая к изголовью кровати просторное, мягкое кожаное кресло. — Сейчас я тебе почитаю про Киприана. Или не надо?

— У Вас голос красивый, — криво усмехнулся Руднев. — Читайте.

— Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, — ехидно хмыкнул Радзинский, с особым вкусным хрустом открывая книгу. — А был бы у меня визгливый или скрипучий голос, ты бы и слушать меня не захотел. Даже если бы я был способен поведать тебе все тайны мира.

— Не придумывайте, — почти одними губами ответил заметно уставший Руднев.

— «Житие священномученика Киприана, епископа Карфагенского и мученицы Иустины», — размеренно начал Викентий Сигизмундович.

— Боже мой! Опять мученики! Почему же они все — мученики? — еле слышно простонал Руднев.

— Потому что, Андрюшенька, идёт война, если ты до сих пор не заметил, — хмуро пробасил Радзинский. — И мы все здесь страдаем. Думаешь, Коля не мученик? Уж я-то прекрасно знаю, как его корёжит, едва он за порог ступает. Ему больно — понимаешь? Он весь одна сплошная рана. Истина не живёт в человеке без Любви. А если есть в тебе любовь — я сейчас настоящую любовь имею в виду — ты не сможешь равнодушно смотреть на зло, моральное уродство и несправедливость. И с радостью умрёшь, если будешь знать, что это даст миру хотя бы одну каплю святости.

— Кеш, — тихо остановил его Аверин. — Лучше читай.

— Никуся, не мешай мне просвещать молодого человека, — уже весело отозвался Викентий Сигизмундович. — Он искренне не понимает, какую пользу может принести свидетельство об Истине смертью. Даже после того, как пересёкся с Кирюхой, который своей смертью совершил, по его понятиям, невозможное.

— Не надо, — Руднев болезненно сморщился. — Не надо о них...

— Хорошо-хорошо, Андрюшенька. — Радзинский сочувственно погладил Андрея Константиновича по голове, да так и оставил свою горячую руку у него на макушке, легонько перебирая узловатыми пальцами его гладкие чёрные волосы.

Читал он и вправду хорошо. И дело было не только в его волшебном голосе, но и в той особой интонации, которой невольно верилось. В той атмосфере, которая ощутимо сгущалась вокруг него, согревая, утешая и завораживая.

Руднев, хоть и лежал с закрытыми глазами, но слушал очень внимательно. Иногда он вспоминал про спящего у него на груди котёнка. Он и сам сейчас был таким же беспомощным, новорождённым котёнком, потому что он умер — Радзинский сказал ему об этом совершенно определённо — умер, расплатился с долгами, и вернулся с того света обновлённым. И теперь может начать свою жизнь с чистого листа. И пусть уже в этот раз по жизни его ведёт за ручку Радзинский — Андрей Константинович не намерен больше ошибаться. Он будет держаться за Карабаса, как за спасательный круг. Потому что эксперимент показал — Радзинский прав, а он — Руднев — нет. К чёрту гордость! Да здравствует Истина!

===== Глава 85. Кошачья дверца =====

Ливанов, практически прижавшись носом к полу, привинчивал кошачью дверцу к только что выпиленному отверстию. Его джинсы и даже кудрявые волосы были припорошены опилками. Викентий Сигизмундович с котёнком на коленях сидел рядом на сундуке и одобритительно поглядывал на усердно трудящегося Павлушу.

— Видишь, Руди, — назидательно объяснял он немного подростшему питомцу, — Сможешь гулять, когда захочешь. А на коврик писать больше не смей, а то в комнату тебя больше не пуцую — будешь на печке спать. Один. Не хочешь? То-то...

Котёнок, прижмуривая свои янтарные — совсем, как у хозяина — глаза, громко мурлыкал в ответ, потому что свои поучения Радзинский сопровождал размеренными поглаживаниями.

— Готово, — доложил Ливанов. И тут же чихнул.

— Осторожно, осторожно! Опилки, смотри, не наглотайся! — заволновался Викентий Сигизмундович. — Надежда! — зычно крикнул он.

С веником и совком в руках рядом сразу возникла Наденька. На ней была длинная — в пол — серая юбка и чёрная водолазка. Рыжие волосы заплетены в косу — не слишком длинную, зато внушительной толщины. В таком виде она была ужасно похожа на бойкую

деревенскую девчонку, а бревенчатые стены и печка только усиливали это впечатление.

Обмакнув веник в ведро с водой, Надежда тщательно подмела пол, а затем протёрла его влажной тряпкой.

— Ну-с, Рудольф Викентьевич, пожалуйста лично осмотреть Ваш собственный отдельный вход, — весело обратился к коту Ливанов, успевший к этому моменту уже почиститься и умыться.

Котёнок не понял, почему его ссадили вдруг с колен, и, похоже, немного обиделся. Но когда Ливанов приоткрыл перед ним небольшую щёлочку, сразу сунул туда нос. Толкнув дверцу лбом, он с интересом просунул в отверстие голову, а через мгновение вылез в сени. Все дружно зааплодировали и засмеялись. Наденька так расчувствовалась, что бросилась отцу на шею и звонко его поцеловала. Возвращение котёнка в дом было встречено новым всплеском бурной радости.

— Боже мой! Ну почему изо всего надо обязательно делать шоу? — с досадой пробормотал сидевший между печкой и столом Руднев и поморщился. Похоже, всю эту возню с котёнком по кличке Руди он принимал на собственный счёт. Хотя ни у кого из присутствующих не повернулся бы язык насмеяться над человеком, который всё ещё сильно напоминал восставшего из мёртвых покойника. Правда, покойника с тщательно уложенными волосами, в безукоризненно подобранном к оттенку джинсов свитере, из-под которого выглядывали — внимание! — кипельно-белые воротничок и манжеты идеально отглаженной рубашки.

— Ну конечно! — прищурился Ливанов. Он стоял к печке ближе всех и отлично слышал выражение рудневского недовольства. — Всё сколько-нибудь значимое должно происходить под покровом ночи, желательна на кладбище и без лишних свидетелей...

Сидевший за столом Панарин мгновенно оторвался от книжки и недобро оскалился на Ливанова:

— Не всем же на публике красоваться! — ехидно заметил он. И передразнивая ливановскую манеру беспрестанно встряхивать кудрями, оживлённо жестикулируя, заговорил, — Уважаемые телезрители! Наша съёмочная группа находится в самом эпицентре событий! Вы видите, что правительственные войска почти вытеснили из здания парламента боевиков, под пулями которых мы, как дураки, стоим тут у всех на виду, рискуя своей жизнью, чтобы немного пощекотать ваши нервы и разбавить скуку вашего обывательского существования...

Засмеялся даже Ливанов. Викентий Сигизмундович, ухмыляясь, подсел поближе к Рудневу и по-отечески обнял господина адвоката за плечи.

— Вы мне Андрюшу не расстраивайте! — весело пригрозил он, целуя Руднева в висок и поглаживая его по голове. — Он нездоров. Потому и капризничает. Вот поправится и станет душой компании. Так ведь, Андрюш?

Руднев только зло прищурился, мрачно глядя в пол. Ливанов скептически усмехнулся, а Панарин весело хрюкнул и тут же сделал вид, что его здесь нет, снова углубившись в чтение.

Наденька, вспыхнув, присела на лавку с другой стороны от Андрея Константиновича и робко взяла его за руку.

— Пойдёмте, погуляем, — предложила она. — Сегодня тепло. Правда, сыро.

— А где Аверин? — вместо ответа отрывисто спросил Руднев, переплетая её пальцы со своими.

— Работает, — понимающе ухмыльнулся Радзинский. — Статью надо ему отослать в

редакцию к четвергу. А что — без Аверина никак?

Руднев неопределённо пожал плечами. Уже все успели заметить, что он совершенно непостижимым образом привязался к Николаю Николаевичу. При том, что господин адвокат не бросался радостно Аверину навстречу, никогда не подходил к нему сам, даже не поднимал головы, когда тот входил, его симпатия всем была очевидна.

— Я сбегая, спрошу его, — с готовностью вызвался Ливанов. — Он часа четыре уже из-за компьютера не встаёт. Ему, наверное, полезно будет прогуляться.

— Сбегай, Ливанов, — язвительно отозвался Женечка. — Сбегай, а то взорвёшься ещё от переизбытка энергии. Как в песне поётся: «Трах-бабах — и нет его»!..

— Евгений, — ласково заметил Павлуша, — ты нарываешься...

— М-да? — Панарин перевернул страницу. — Это на что же это я, интересно, нарываюсь?

Ливанов не ответил — просто внимательно посмотрел на самонадеянного доктора и тот внезапно потерял равновесие, взмахнул руками и чуть не свалился назад вместе с табуреткой.

Но доктор был в хорошей физической форме, да и с реакцией у него было всё в порядке: он сумел перенести вес тела вперёд и схватиться за край стола. Табуретка с грохотом упала на пол, а Панарин с кошачьей грацией отпрыгнул в сторону. В ту же секунду, повинувшись его гневному взгляду, на Ливанова обрушились висящие под потолком на балке связки репчатого лука и чеснока. Золотистые и белые шарики весело застучали по полу, раскатываясь в разные стороны.

Руднев, наблюдая эту сцену, простонал «идиоты» и закрыл лицо руками. Между тем Павлуша, отплёвываясь от луковой шелухи, прищурился хладнокровно, и панаринская книжка вспыхнула ясным, ровным пламенем. Доктор схватил полотенце и, чертыхаясь, принялся сбивать огонь, пока не понял, что это всего лишь иллюзия. Открытие привело его в бешенство. Но тут вмешался Радзинский.

— А ну, хватит!!! — рявкнул он. Схватив Ливанова за руку, а Панарина за шиворот, Викентий Сигизмундович потащил обоих к выходу. — Коля!.. — заорал он, пинком распахивая дверь. — Коля, спускайся, ты мне нужен!

Наверху стукнула дверь, торопливо прокатились по лестнице лёгкие шаги, и встревоженный Николай Николаевич замер на пороге, удивлённо оглядывая застывшую перед ним выразительную скульптурную композицию.

Так, Ливанов, — Викентий Сигизмундович отпустил павлушину руку и красноречиво ткнул пальцем в пол. — Упал — отжался. Сто раз. А ты, эскулап, — и он потрянул Женечку, — возьмишь корзину и по одной штучке соберёшь всё, что рассыпал. Это вместо чётков тебе будет. Коль, проследи. — И он подтолкнул Женечку к Аверину.

Ливанов, сверкая белозубой улыбкой, снял и бросил на сундук свой замшевый бежевый пиджак. Закатывая рукава рубашки, он потрянул молодецки кудрями и весело подмигнул Панарину. Тот в ответ энергично показал ему средний палец.

— Женя! — шёпотом ужаснулся Аверин и потянул его за собой.

— А мы, пожалуй, пойдём, погуляем, — тихо сказал Руднев, пристально глядя в глаза Надежде. И отвёл от её лица прядь медно-рыжих волос, нежно скользнув при этом пальцами по щеке. Наденька покраснела, но кивнула с готовностью.

Аккуратно перешагивая через раскатившиеся по полу луковицы, Руднев подвёл невесту к старинной чугунной вешалке у двери и помог ей одеться — самолично застегнул все

пуговицы на её длинном тёмно-зелёном пальто и даже зашнуровал ей ботинки. Наденька, смущаясь, накинула жениху на шею серое с изящным рисунком шёлковое кашне и старательно его запахнула. Руднев с благодарностью поцеловал её пальчики, снова заставляя девушку мучительно покраснеть.

— Тридцать четыре, тридцать пять, — мрачно считал Радзинский.

— Вышел зайчик погулять, — тихо усмехнулся Андрей Константинович, натягивая перчатки. — Запереть его забыли, раз-два-три-четыре-пять...

— Я всё слышу, — предупредил Радзинский. — Сорок три, сорок четыре...

Панарин, ни на кого не обращая внимания, словно Красная Шапочка, кружил по комнате с корзинкой в руках, собирая лук и чеснок. Расчёт Радзинского был верен: автоматически, безо всякого чувства повторять слова молитвы Женечка не мог. Поэтому очень скоро доктор уже не замечал, что делает: руки работали сами, а мысленный взор созерцал белый всё ярче разгорающийся свет, который, в конце концов, затопил сознание доктора целиком. Опустившись сразу по обыкновению на пол, Панарин машинально обвёл рукой вокруг себя и луковицы, выкатившись из всех щелей, послушно замерли около корзинки. Нетерпеливо вытянув из кармана чётки, он скрестил ноги и окончательно забыл про окружающую реальность.

Радзинский шикнул на Павлушу, и тот замер. Стараясь не шуметь, он поднялся из упора лёжа и тоже уселся на полу, привалившись спиной к стене. И волосы, и рубашка Ливанова были мокрыми от пота. Тяжело дыша, он сверкнул зубами, широко улыбаясь Радзинскому, и оба они беззвучно рассмеялись. Их ладони со звучным хлопком встретились в воздухе.

Николай Николаевич, глядя на них, только покачал головой.

— Когда вы уже наиграетесь? — Он подошёл к Панарину поближе, тихо сел по-турецки напротив и осторожно взял Женечку за руку. Закрыв глаза, Аверин увидел белый спокойный свет и шагнул в него, уводя за собой изумлённого доктора.

— Как мы теперь обед будем готовить? — весело прошептал Павлуша, кивая на них.

— Обед! Меня больше волнует, что Коля простудиться может, сидя на полу, — в сердцах пиная сундук, громким шёпотом возмутился Радзинский.

Их с Ливановым взгляды снова пересеклись, и они опять затряслись от беззвучного смеха.

— Придётся проследить, чтоб не слишком увлекались. А то ведь Коля и сам в неведомые дали забредёт и этого доктора Джекила за собой уведёт, — ухмыльнулся Викентий Сигизмундович. Он подошёл, склонился над двумя неподвижно замершими, склонившимися навстречу друг другу фигурами и одновременно приложил каждому к спине, напротив сердца, ладонь. Две светящихся голубых нити вскоре были надёжно обмотаны вокруг его запястий. — Так-то, мальчики, гуляйте, да не забывайте, — удовлетворенно пробормотал он. И погрозил кулаком Павлуше, который слишком громко прыснул со смеху на этот раз. — А обед готовить будем тихо. И аккуратно, — строго сказал Радзинский, снова присаживаясь на сундук. — Давай, в душ — ты мокрый весь.

Вставать после ливановского ухода Викентий Сигизмундович не торопился: прислонился спиной к стене и устало закрыл глаза. А вскоре к нему присоединился котёнок, который сначала усердно таранился на Аверина с Женечкой (что он там видел — Бог весть!), а потом калачиком свернулся у хозяина под рукой и сладко уснул. Во сне он перевернулся на спину и, раскинув лапки, доверчиво выставил на всеобщее обозрение пушистый животик. Ну что ж — в такой компании можно и расслабиться!..

Романа стало не узнать. Безмерная благодарность переполняла его сердце. Теперь он практически не отлипал от Бергера: постоянно держал его за ручку, глядел влюблёнными глазами, беспокоился — не дует ли ему, не хочет ли он мороженого, не устал ли он...

Бергер просто светился от счастья. Поудобнее устраивая свою русоволосую голову у Романа на плече, он с блаженным вздохом и с неизменной скромностью отвечал, что нет, не дует, спасибо, не надо, а вот глаза прямо слипаются, руки-ноги отваливаются, и кто бы взял на ручки и понёс...

Безусловно, это выглядело вызывающе. Особенно в глазах одноклассников, которые стали хихикать и перешёптываться у них за спиной. Правда, продолжалось это недолго. Стоило слуху Романа уловить что-то насчёт «двух воркующих голубков», он пришёл в ярость и едва не убил шутника: первый удар в челюсть, второй под дых — бедняга не успевал даже защищаться. Схватив его за волосы, Роман в бешенстве прошипел в лицо уже растерявшему всё своё остроумие однокласснику, что размажет его мозги по стенке, если хоть раз услышит что-нибудь подобное. И подкрепил свои обещания ещё одним хорошо поставленным ударом в нос. И ещё, и ещё одним...

Все испуганно жались по углам, пока Роман с наслаждением и безумной яростью несчастного избивал, но под руку «случайно» попался Бергер. Мгновенно забыв про свою жертву, Роман кинулся проверять всё ли с ненаглядным Кирюшей в порядке, забрасывая его встревоженными восклицаниями вроде: здесь точно не болит?.. вдохни поглубже... голова не кружится?.. После этого случая общественность резко потеряла к их непривычно нежным отношениям всякий интерес, а от Романа одноклассники стали просто шараться. Видимо, в роли хладнокровного убийцы он выглядел очень убедительно...

На каратэ Роман, кстати, совсем перестал ходить, памятуя, что тренер явно связан с прежними криминальными делами Руднева. Даже встретились они с шефом в своё время благодаря именно этому человеку. Вместо каратэ Роман начал заниматься под руководством «китайца» Алексея традиционным ушу. Заодно контролировал, чтобы не слишком стремящийся к спортивным достижениям Бергер не пропускал тренировки.

В ифу серого цвета Бергер выглядел очень трогательно. Он старательно и сосредоточенно повторял вслед за Алексеем движения формы и, похоже, готов был делать это бесконечно. Но когда дело доходило до ударов, он не мог стукнуть даже грушу, не то что манекен.

Роман терпеливо уговаривал его представить на месте манекена кого-нибудь особо ненавистного, но это не срабатывало, пока однажды он не произнёс слово «опасность». Надёжно закреплённая в полу тяжеленная штукавина оторвалась и отлетела к противоположной стене зала. Причём без непосредственного контакта с кулаком Бергера — это Роман хорошо успел разглядеть.

— Лапа, я был неправ, — тактично кашлянул Роман и оставил свои попытки сделать из Бергера бойца. Если не считать безжалостного контроля с его стороны, когда нужно было отжиматься, бегать и качать пресс.

Занимался Алексей с ними индивидуально: зал всегда был пуст, когда они приходили на тренировку. После занятия они вместе шли к метро, и Бергер частенько так увлекался беседой, что не замечал ничего вокруг, заставляя Романа вспоминать своё недавнее прошлое и мрачнеть от слишком свежих переживаний.

Алексей занимался традиционной китайской медициной, акупунктурой, разбирался в

травах, поэтому неизменно оказывался жертвой ненасытного бергеровского любопытства. Тренировки тоже иногда плавно перетекали в захватывающие беседы о целительских практиках: слово за слово, пример за примером — и они уже, скрестив по-турецки ноги, сидят на матах и мирно беседуют о связи слабого зрения с болезнями печени.

— Лапуля, у тебя мобильник в сумке надрывается. Ты уже полчаса как должен быть дома, — осторожно тормозил товарища Роман. Потом перестал. Уверенно отвечал на звонок и завязывал оживлённую беседу с кирилловой мамой, которая почему-то относилась к нему, как к равному — то есть, говорила с ним так, словно он был второй мамой Бергера.

Вскорости Роман был твёрдо убеждён, что Кирилл — несмышлёный болезненный ребёнок, который постоянно забывает надеть шарф и пропускает завтраки в школе. Что он слишком много читает и обязательно испортит себе этим зрение. Что он недопустимо сутулится, грызёт карандаши и практически не бывает на свежем воздухе. Заканчивалось всё это строгим наказом не допускать подобных безобразий, присматривать за ним хорошенько, ведь «на тебя-то можно положиться!».

И Роман изо всех сил оправдывал оказанное ему доверие: тщательно повязывал слегка обиженному Бергеру шарф, запихивал в него на перемене пирожок, настаивая, что молоко должно быть выпито полностью, фиксировал его плечи расправленными с помощью брошенного на них — на манер лямок от ранца — и туго завязанного за спиной галстука, вытаскивал у него изо рта карандаши и отнимал на переменах книги, неспешно прогуливая его за ручку после уроков.

Никогда ещё его жизнь не была так прекрасна и так преисполнена смысла...

===== Глава 87. Инфернальный босс =====

— Ром, перестань думать про диск, — сдержанно попросил Бергер, прихватывая зубами кончик ручки.

Роман настойчиво потянул его руку вниз и выхватил ручку из сомкнутых пальцев. Все кирилловы карандаши он давно уже заменил на те, которые с другого конца были увенчаны ластиками. Грызть оправленную в металл резину Бергер не стал даже и пробовать. И так ясно, что это противно. Поэтому переключился на пластмассовые ручки. Роман уже точно знал, что в ближайшее время отправится на поиск ручек в металлическом корпусе.

— Ты просишь слишком много, Лапуля, — ворчливо заметил он, захлопывая учебник и потягиваясь. — Кстати! Давно хотел спросить: почему ты назвал фантом моим «инфернальным боссом»? Тогда — помнишь — когда он напал на тебя?

— Потому что так оно и есть, — тихо ответил Кирилл, не поднимая головы.

— Вот с этого места поподробнее, пожалуйста! — заинтересовался Роман. Он развернул свой стул и сел на него верхом, лицом к Бергеру.

Кирилл нерешительно глянул на него своими ясными, полными голубого света глазами и задумчиво снял светлый волос с его плеча.

— Как ты думаешь, Ромочка, — тщательно подбирая слова, начал он. — Много ли на свете людей, которые обладают твоими... возможностями?

— Это риторический вопрос? — ухмыльнулся Роман.

— М-да... — поджал губы Кирилл. — От скромности ты не умрёшь... Ну да ладно... Твой настоящий посмертный фантом видел я. После нашего приключения с Картой. Фантом, который с детства терроризировал Руднева, ты создал ещё при жизни — как хранилище информации. Он должен был передать Рудневу все необходимые для вашего общего дела знания. Как ты должен понимать: будь ты хоть трижды супер-магом, за прошедшие столетия

любой сотворённый тобой фантом давно бы рассеялся. Для его, скажем так, консервации требуется сила другого порядка. Вряд ли надо пояснять, что за энергию ты для этого использовал. И кто, в свою очередь, использовал впоследствии, благодаря этому, созданный тобой фантом. И с Рудневым, и со мной через него общался совсем не ты. Ну, вот... Ты ведь не настолько наивен, чтобы полагать, будто твои прежние ...друзья занимаются благотворительностью? А это значит, что ты получил свои сомнительные дары с тем, чтобы, пользуясь ими, выполнить некую работу. Ну, и в качестве платы — или, точнее, предоплаты — за предполагаемую ответную услугу.

— Ты меня пугаешь, — легкомысленно усмехнулся Роман.

— Ты меня тоже, — с укоризной покачал головой Бергер. — Разумеется, ты пришёл с некой тёмной миссией. А раз есть миссия, значит должен быть тот, кто возложил её на тебя. Улавливаешь?

Роман положил локоть на спинку стула и озадаченно подпёр голову рукой.

— И в чём суть этой самой миссии? — в голосе его, как натянутая струна, звенело напряжение.

— Не знаю и знать не хочу, — отрезал Бергер. Потом неожиданно улыбнулся. — Я специально не стал спрашивать, чтобы ты не смог потом выбить из меня эту информацию.

— Умненький, благоразумненький Буратино... — зловеще протянул Роман.

— Это ты у нас Буратино, а я — Золотой Ключик! — торжественно заявил Кирилл и протянул руку к его тетрадке. — А можно, я физику просто спишу у тебя? — невинно поинтересовался он.

Роман молниеносно прижал тетрадь ладонью.

— Не так быстро, лапочка. Предлагаю соглашение: с моей помощью ты благополучно забываешь обо всех точных науках до окончания школы — а это, не упускай из виду, почти три года! Далее, ты безо всяких усилий со своей стороны получаешь по этим предметам на экзаменах положительные оценки, а взамен — всего лишь узнаёшь и сообщаем мне суть этой самой миссии.

— Не будь дураком! — звонко рассмеялся Кирилл. — Ты сам сможешь это узнать, когда преодолеешь определённые точки Карты. А если ты не сможешь мне сейчас с физикой, — скорбно добавил он, — то от непомерных умственных усилий я надорвусь и зачахну. И останешься ты без Ключа!

— Ты манипулятор, — неодобрительно констатировал Роман.

— Сказать, у кого я научился?

— И шантажист, — оценивающе оглядел его Роман.

— Ром, ну пожалуйста... — жалобно посмотрел Бергер, и Роман сразу молча отдал ему свою тетрадь. — Спасибо! — Кирилл в полном восторге прижал тетрадь к груди. — Вот увидишь: я тебе ещё пригожусь! — радостно пообещал он.

Роман в ответ прикрыл ладонью глаза и обречённо вздохнул:

— Не дай Бог, лапочка! Мне одного раза уже хватило...

Наблюдая, как Кирилл, прикусив от усердия кончик языка, старательно своим круглым детским почерком переписывает добросовестно решённые одноклассником задачи, Роман хмурился, явно размышляя о чём-то не слишком весёлом.

— Лапа, — наконец, решился озвучить он свои грустные мысли. — Правда, что босс хочет креститься?

Кирилл оторвался от своего занятия и озадаченно покосился на Романа, не сразу

сообразив, о чём речь.

— А, да! — наконец радостно закивал он. — Николай Николаевич будет его крёстным.

— А почему не Радзинский? — искренне удивился Роман.

— Ну, во-первых, для взрослого человека крёстные вовсе не обязательны, — с готовностью пояснил Кирилл. — Дать обеты и прочитать Символ Веры твой шеф сможет и сам. Во-вторых, Андрей Константинович — медиум, и у них с Николаем Николаевичем гораздо больше общего, чем с Радзинским. А, в-третьих, если Викентий Сигизмундович станет его крёстным отцом, то Надя сделается его сестрой и церковный брак между ними будет невозможен.

— О, Боже! Сложности какие... — Роман устало спрятал лицо в ладонях. Потом заметив, что Бергер по-прежнему выжидательно смотрит на него, не слишком охотно поинтересовался, — Зачем ему это?

Кирилл отодвинул в сторону тетрадь и развернулся всем корпусом к Роману.

— Ты правда не понимаешь? — грустно спросил он.

Роман долго молчал, изучая Бергера внимательным взглядом. Наконец, вздохнул и опустил голову.

— Я понимаю. С практической точки зрения он поступает абсолютно правильно. Но я не верю. Не верю в то, что он действительно мог этого захотеть.

— Почему? Не забывай, что он прошёл по своему пути до конца и всё, что он получил в итоге — это смерть и перспективу жуткого посмертия.

— Кирюш, я же не против! Если он на самом деле этого хочет — на здоровье!

Роман резко встал и отошёл к окну. Отсюда была видна тихая улица, по которой изредка проносились машины. Было уже темно, и обозначенные только точками светящихся окон громады высоток, словно корабли-призраки, выплывали из ночи ему навстречу.

— Шойфет, ты сделал практически то же, когда создал свою Карту, — тихо заметил Кирилл. — Зачем?

— Я был... под впечатлением. Меня поразило то, что ты сумел изменить направление. И то, что твоя любовь оказалась сильнее моего знания и моей силы. Если хочешь, это был акт торжественной капитуляции.

— Значит, ты сделал это для меня? — Бергер так широко распахнул глаза, что сделался похож на мультяшного котёнка.

Роман не смог сдержать умильный смешок.

— Для тебя, Лапа. Конечно, для тебя...

Кирилл счастливо вздохнул и вернулся к списыванию домашнего задания.

— Ром, — позвал он, не отрываясь от своего занятия. — Может, не будешь меня сегодня провожать? А то я потом волнуюсь, как ты дошёл обратно.

— И поэтому ты предлагаешь поволноваться мне?

Кирилл весело фыркнул.

— Тогда давай, как цапля и журавль, до утра друг друга провожать!..

— А, может, ко мне переселишься — и никаких проблем?

— Помечтай-помечтай... — скептически хмыкнул Кирилл, переворачивая страницу. Катерина Сергеевна и без того замучила его ценными советами вроде: «Не надоедай людям!». Хорошо, что Шойфет не слышал, а то не удержался бы от искушения «воздействовать» на неё. Он, похоже, делает это автоматически — быстрее, чем успевает подумать о последствиях. — Всё хорошо, Ром, — уверенно заявил он. И назидательно

добавил, — Не пространство разделяет людей...

===== Глава 88. Странные гости =====

— Николай Николаевич! — Роман перемахнул через невысокий заборчик и преградил учителю путь. — Я думал, уже не догоню, — усмехнулся он, выравнивая дыхание.

— Да, Рома, я слушаю тебя, — слегка нахмурился Аверин и недоверчиво взглянул в ту сторону, откуда явился Роман.

— Где Бергер и почему я не подошёл к Вам в школе? — понимающе ухмыльнулся тот. — Докладываю: Бергер с каким-то там хором отбыл выступать на очередном православном фестивале — срочно понадобилась замена, и брат обратился к нему. Только что лично усадил его в автобус — так сказать, сдал ответственному лицу с рук на руки. А в школе не подошёл потому, что не хочу, чтобы Бергер знал.

— Многообещающее вступление... — обречённо вздохнул Николай Николаевич, тоскливо глядя в самоуверенные чёрные глаза. Он невольно отметил про себя, как сильно тот прибавил в росте — ещё немного, и придётся глядеть на него снизу вверх.

Роман как-то подозрительно счастливо расхохотался и, решительно забрав у Аверина портфель, сделал приглашающий жест рукой.

— Я Вас провожу?

Николай Николаевич неопределённо пожал плечами и молча двинулся вперёд. Серый ноябрьский день — такой, как положено: с резким холодным ветром, голыми чёрными ветками на фоне хмурого неба, с шуршанием проносящимися по асфальту ржавыми засохшими листьями — не располагал к неспешным прогулкам.

— Если никуда не торопишься, давай поговорим у меня дома, — красноречиво поёживаясь от ветра, предложил Николай Николаевич.

— Не тороплюсь, — лаконично ответил Роман и уверенно зашагал рядом.

— У тебя скоро день рождения? — не удержался от вопроса Аверин.

— Да, — равнодушно кивнул Роман. — Смешно, правда? Праздновать шестнадцатилетие, когда чувствуешь себя ровесником цивилизации... Я и в школу, честно говоря, за шиворот себя волоку — так вся эта дребедень меня достала! Если бы не Бергер...

— Вот поэтому никто из нас ничего и не помнит, — серьёзно взглянул на него Николай Николаевич. — Чтобы это не мешало жить. Не каждый способен вынести знание о своём прошлом. К сожалению, у тебя не было выхода...

— Согласен. Некоторых вещей лучше не помнить. Я ночью глаза закрываю, и у меня в голове начинает прокручиваться каждый день из тех, что Бергер прожил в моём доме. Всё, в мельчайших подробностях: с момента нашей первой встречи и до... Ну, Вы понимаете... — Взгляд Романа сделался крайне жёстким, а губы сжались в тонкую полоску. — И мне трудно от этого абстрагироваться. Он для меня теперь только тот самый ребёнок, который сделал для меня так много. А почему? Я пытался у него выяснить — в результате поскандалили... — Роман раздражённо махнул рукой. — Господи, как бы я хотел всё вернуть! Всё исправить. Чтобы он снова стал маленьким мальчиком, о котором я мог бы заботиться... Я ведь мог его усыновить! Представляете? Мог стать его Наставником... Да много чего мог для него сделать! Я бы и сейчас с радостью его усыновил, честное слово! Только теперь это никому, кроме меня, не нужно — хоть на стенку лезь! Я догадываюсь, как со стороны это странно выглядит, но ничего не могу с собой поделать. Знаете, у меня рефлекс сразу срабатывает, как только я его вижу — облизывать его, в зубах таскать, как котёнка, заботиться, опекать...

— Тебя это беспокоит? — осторожно спросил Николай Николаевич.

— Что? — удивился Роман. — Вы решили, что я жалуясь? Нет, конечно. Бергер для меня — единственный свет в окошке, и я его никому не отдам. Даже не надейтесь. Мне просто кажется, что я никогда не смогу адекватно расплатиться с ним. Вот это по-настоящему угнетает...

— Ты можешь правильно использовать его подарок. Это и будет лучшая благодарность. Поверь мне.

— Верю, — сухо ответил Роман и до самой аверинской квартиры не проронил больше ни слова.

— Викентий Сигизмундович не обидится, что я пользуюсь его тапочками? — насмешливо поинтересовался Роман, разуваясь в маленькой прихожей.

— С чего ты взял, что это его тапочки? — выглянул из комнаты Аверин.

— Чувствую — с чего взял...

— А-а-а... Викентий и правда надел их пару раз, чтобы меня не обидеть. Так-то он предпочитает ходить босиком — ему всегда жарко.

— Ну, тогда никаких проблем, — весело согласился Роман. — Куда теперь?

— Умывайся и на кухню иди, — отозвался из комнаты Николай Николаевич. — Можешь смело там хозяйничать...

Роман кивнул и послушно отправился, куда ему велели.

— Вот интересно, когда Викентий Сигизмундович успел обед приготовить? — восхищённо воскликнул он, погромыхав на кухне кастрюлями.

— С утра был здесь, вот и приготовил, — пожал плечами Аверин, показываясь на пороге.

— Я полагаю, — вкрадчиво заметил Роман, — он будет мне очень благодарен, если я прослежу, чтобы Вы всё это съели.

— Не забывайся! — возмутился учитель. — Я не Бергер и не нуждаюсь в твоей опеке!

Зазвонил телефон. Николай Николаевич, ещё раз гневно блеснув своими стальными глазами, протянул руку к стоящему на подоконнике аппарату и снял трубку.

— Да. Слушаю тебя, Кеш... Да, всё нашёл. Спасибо... Непременно, Кешенька непременно... Что? Кому передать? — Аверин мрачно протянул трубку Роману. — Викентий хочет с тобой поговорить.

С довольной усмешкой Роман взял у учителя трубку.

— Здравствуйте, Викентий Сигизмундович, — гипнотизируя Аверина насмешливым взглядом, почтительно произнёс он. — Конечно, понимаю... Прослежу, можете не беспокоиться... Согласен — шантаж и подкуп самые действенные методы в подобной ситуации. Надеюсь, что до этого не дойдёт. Ведь Николай Николаевич взрослый, здравомыслящий человек...

Глаза учителя с каждой репликой расширялись всё шире. На его интеллигентном лице отразилось беспредельное возмущение. Но он всё ещё держал себя в руках. Поэтому, когда Роман положил трубку, любезно ему улыбнулся:

— Суп будешь?

Роман расхохотался:

— Вы не обиделись?

— Пока нет. Пока ты не перешёл определённую грань, — вежливо уточнил Николай

Николаевич, мысленно обещая Радзинскому пару неприятных минут этим вечером.

После обеда учитель пригласил Романа в гостиную, которая одновременно служила ему кабинетом.

— Так что за тайны Мадридского двора? — устраиваясь в кресле с коробкой конфет на коленях, любопытствовал он. — Угощайся, — Аверин спохватился и с улыбкой протянул коробку Роману.

— Спасибо, но к сладкому я как-то равнодушен, — рассеянно отмахнулся тот. — Хотя теперь у меня всегда припасена пара шоколадок. Для Бергера, разумеется. Как приучить его к чему-нибудь более полезному, вроде сухофруктов — ума не приложу... — Под звонкий смех Аверина он взял с журнального столика книгу и с интересом её пролистал. — Вы это даёте ему читать?

— И это тоже, — кивнул Николай Николаевич, внимательно изучая своего незваного гостя. — Но разговор-то ведь не о нём пойдёт? Верно?

— Верно. — Роман тяжело вздохнул, откладывая книгу. — Речь пойдёт обо мне.

Николай Николаевич мгновенно отставил конфеты в сторону и напряжённо выпрямился в кресле.

— Что случилось?

Роман неожиданно вскочил и принялся нервно расхаживать по комнате. Толстый ковёр скрадывал звук его шагов, а серые сумерки, подкрашенные приглушённым светом настольной лампы, укрытой разноцветным — наподобие витража — стеклянным абажуром, смазывали резкость его движений. Наконец он остановился перед книжным шкафом и, казалось, задал свой вопрос именно ему.

— Как Вы считаете — Карта меня защищает?

— Конечно, — насторожился Аверин. — А что именно тебя беспокоит?

Роман переместился к окну, по-прежнему избегая поворачиваться к учителю лицом.

— После того, как я уничтожил фантом, ко мне стали приходить странные гости.

— В каком смысле — странные? — забеспокоился Николай Николаевич.

— Вам бы не понравились, — мрачно ответил Роман, сверля взглядом тюлевую занавеску.

— Та-ак. Ну-ка, иди сюда. — Аверин пересел на диван и поманил к себе Романа. — Садись. — Взяв подростка за руки, он пристально посмотрел ему в глаза. — Расслабься, расслабься, — шептал он, слегка встряхивая кисти его рук. Потом надолго погрузился в созерцание сверкающих чёрных романовых глаз. — Это живые люди. Не фантомы. Не сущности, — пробормотал он, наконец, продолжая гипнотизировать его взглядом. И вдруг с облегчением рассмеялся. — Всё. Я понял.

Роман слегка вздрогнул от этого неуместного смеха.

— Не волнуйся, — Николай Николаевич, улыбаясь, положил руку ему на макушку. — Сейчас станет легче. Тепло?

— Тепло, — хрипло согласился Роман.

Рука учителя легла ему на сердце.

— Кирилл говорил тебе, что все мы связаны?

— Говорил.

— Ты понимаешь, что сам ты и Руднев тоже — из другой связки?

— Наверное...

— Не наверное, а точно. И Панарин ваш. Так хорошо?

— Очень, — честно признался Роман.

Аверин просиял и как-то совершенно по-детски рассмеялся.

— Ты правильно связал эти визиты с последними событиями вокруг проводника. Во-первых, когда ты уничтожил фантом, который создал ещё при жизни, чтобы поддерживать связь с Рудневым и найти его в будущем, огромное количество энергии вернулось к тебе. Энергии, которую ты в своё время в него вложил. Ты, кстати, не заметил, что знаешь теперь такие вещи, о которых раньше представления не имел?

— Есть такое. Я чувствую, что наставник мне больше не нужен.

— Ещё бы! Фантом был хранилищем информации, которую он должен был передать Рудневу. С чем он успешно справился. Фантом уничтожен — информация вернулась к хозяину. Теперь вы с Рудневым на равных...

— Это я как раз знаю: что создал фантом для Руднева и сделал его хранилищем информации. И что помогли мне — не за «спасибо»... Что это за люди?

— Это твои люди, — терпеливо пояснил Аверин, заставляя Романа вслед за собой подняться на ноги и лёгкими, плавными движениями принимаясь разглаживать его ауру.

— В смысле — мои?

— Из твоей связки. А через тебя и Бергера идёт прямая связь между нашими линиями. И у меня огромное искушение прикрыть этот канал — твои люди один другого кошмарнее. Особенно женщины — настоящие ведьмы.

— Мои люди?

— Конечно. — Николай Николаевич уже обошёл Романа вокруг и теперь стряхивал остаточную информацию с рук. — Раз уж они один за другим к тебе являются — значит, ты у них главный.

Роман задумчиво прищурился, сам про себя удивляясь, когда же успели так крепко прилипнуть к нему рудневские замашки.

— Вы сказали «во-первых»...

— Молодец, — лучезарно улыбнулся ему Аверин. — Не теряешь нить. Да, уничтожение фантома — это «во-первых». Но, собственно, решающим фактором было то, что Панарин, спасая своего друга, активировал вашу связь. Он же стал вторым после тебя, кто сознательно изменил направление — ты-то сделал это не одну сотню лет назад. Третьим будет Руднев. Неплохие темпы, надо сказать...

Роман неожиданно протянул руку и кончиками пальцев прикоснулся к серебряному аверинскому кресту, блеснувшему под расстёгнутой рубашкой.

— Я должен буду креститься?

— Должен? — с интересом переспросил Николай Николаевич, перехватывая и мягко отстраняя его руку.

— Я не смогу вести своих людей, если у меня не будет собственной связи с верхом. — Роман выразительно указал пальцем в потолок.

— Ну что ж, — одобрительно кивнул учитель. — Это тоже заслуживающий уважения мотив. Я вижу, что он идёт от сердца. — Он поставил ладонь экраном напротив груди Романа и улыбнулся. — Горячо... Оказывается, для тебя главный стимул — ответственность. Неожиданно... А почему ты хотел скрыть факт нашей беседы от Кирилла?

— Не хочу, чтобы он волновался, — сразу нахмурился Роман.

— Так ты серьёзно думаешь, что он чего-то о тебе не знает? — тихо засмеялся Николай

Николаевич. — Это было бы в высшей степени странно.

— Тогда почему он никак не реагирует? — мрачно поинтересовался Роман.

— Боюсь, что он уже десять разотреагировал, пока ты мучился, придумывая, как бы скрыть от него свои новые проблемы.

— Вы полагаете...

— Полагаю. Он же тоже тебя бережёт.

Роман тихо скрипнул зубами, прикидывая, что же именно успел наворотить Кирилл за то время, что прошло с момента первого тревожного визита.

— Не переживай, — развеселился учитель, без труда читая его мысли. — Если бы ему угрожала опасность, я бы знал. Да и ты бы тоже.

— Знать и успеть предотвратить — огромная разница! — возмутился Роман. — Какая мне радость будет от того, что я почувствую, но не успею помочь?!

Николай Николаевич взглянул на него сочувственно:

— Я не знаю, что тебе посоветовать. — Он помолчал немного и добавил, — И я бы всё-таки тебя закрыл. Пока. Давай дождёмся Кешу. Его это не в последнюю очередь касается. Он же тебя усыновил.

— Серьёзно? — поразился Роман. — Я думал, он пошутил тогда.

— Нет, не пошутил. И потом — в каждой шутке...

— Знаю, знаю, — простонал Роман. — Есть доля шутки!..

===== Глава 89. Разногласия =====

— О, Боже! Бергер! — нервно воскликнул Роман, когда под своим локтем обнаружил вдруг нерешительно хлопающее ресницами голубоглазое блондинистое существо. Девочка была практически точной, только уменьшенной копией Кирилла: те же ясные, словно светящиеся глаза, то же ангельское личико и светлые волосы, разметавшиеся по плечам. — Никак не могу привыкнуть лицезреть тебя с длинными волосами и в платице с оборочками! — усмехнулся он и спросил у малышки, — Ну что опять? Ты оторвала кукле ногу? Зачем? Переодеть хотела? Сурово... На, держи свою куклу, Вера Бергер... И запомни мелочь: замуж выйдешь — фамилию не меняй. Вера Бергер звучит просто роскошно. Правильно я говорю, Лапуля?

Кирилл весело фыркнул и взял из высокой глиняной миски ещё горсть орехов.

— Руся, не мешай дяде Роме, — мягко посоветовал он. — Это сейчас он починил твою куклу. Но если ты будешь его доставать, он разозлится и оторвёт ей не только ногу, как ты, но ещё и голову.

— Нет. Он добрый, — твёрдо сказала девочка, пристально глядя Роману в глаза.

— Молодец, ребёнок, — сладким голосом пропел Роман. — Иди, я тебя поцелую.

Девочка с готовностью забралась к нему на колени и обвила его шею руками. Роман сморщился, пытаясь сдуть лезущие в рот и нос светлые волосы, и звонко поцеловал её в ухо. Она сразу отпрянула:

— Щекотно!

— Конечно, — согласился Роман и подул ей в другое ушко.

Кирилл задумчиво наблюдал развернувшуюся возле письменного стола возню, сопровождавшуюся повизгиваниями и тихим смехом, и машинально перекатывал забытый во рту орех.

— Всё. Иди, играй. — Роман решительно ссадил девочку с колен и одёрнул на ней белое с синими цветами вельветовое платице. — А ты, Лапуля, проснись. Сейчас я буду

рассказывать тебе чинопоследование Литургии, а ты поправляй, если что.

— Ром, — тихо перебил его Кирилл.

— Ну что? — сразу помрачнел Роман. — Опять будем обсуждать мой формализм и мою неискренность? Что страшного в том, что я решил первым делом ознакомиться с внешней стороной жизни Церкви? Я ведь понимаю, что это именно внешняя сторона. Что есть ещё и содержание...

— Ты подходишь к крещению, как к необходимой процедуре, — виноватым голосом укорил его Кирилл. — Вроде прививки от кори...

— Господи! — простонал Роман. Он взял, лежавшую перед ним на столе толстую книгу и побился об неё головой. — Бергер, лапочка, эта тема закрыта. ЗАКРЫТА!!! Понимаешь ты или нет?!

Кирилл расстроился окончательно и высыпал орехи обратно в миску. Обхватив себя руками, словно ему было холодно, Бергер ссутулился и низко опустил голову, упираясь подбородком в грудь. Роман подождал немного — неизвестно чего, наверное, чуда — обречённо вздохнул и отправился утешать слишком принципиального ботаника.

— Лапа, — мучительно выдавил он, опускаясь перед ним на колени. — Ну что я должен сделать, чтобы ты порадовался, наконец, моему в высшей степени похвальному решению, а не сидел здесь с таким видом, словно у тебя кто-то умер?

— В прошлой жизни ты был примерным католиком. И причащался, наверное, регулярно, — по-прежнему тихо ответил Кирилл. — Но это не помешало тебе быть тем, кем ты был, и заниматься тем, чем ты занимался...

Роман чуть было не ляпнул вслух «и сейчас не помешает», но поймав болезненно взметнувшийся взгляд Кирилла, счёл за благо промолчать.

— Кир, тебя крестили, когда ты был младенцем? Верно? — терпеливо начал Роман. — Скажи, ты в тот момент верил? Ты понимал? Ты сознательно участвовал в Таинстве?

— Ты не младенец, — отрезал Кирилл.

— Так я в отличие от новорождённого знаю, что делаю. Я прекрасно понимаю, что и зачем. Я делаю это сознательно! Ну, просто поверь мне, Кир!!! — рявкнул он, заставив Кирилла вздрогнуть, и в отчаянии уронил голову ему на колени.

Повисла напряжённая тишина, которую пару минут спустя нарушил тихий голос Бергера:

— Ладно, Ром. Делай, как знаешь, — печально усмехнулся он, зарываясь пальцами ему в волосы.

Роман настороженно поднял голову и прищурился — похоже, эта рудневская повадка приклеилась к нему навсегда.

— Я не ослышался?

— Нет.

— Ты что-то видел? Сейчас.

— Видел, но не собираюсь это с тобой обсуждать.

Роман выпрямился и сел на пятки.

— Признайся, Лапа, — ухмыльнулся он, — тебя, как это говорится — вразумили? Чтобы ты перестал меня третировать.

— Ага, — легко согласился Кирилл. И добродушно усмехнулся, — Начинай уже. Говори, что хотел — я внимательно слушаю. — Не рассказывать же, в самом деле, что он увидел Николая Николаевича, который, строго нахмурившись, приложил палец к своим

губам, явно призывая своего подопечного к молчанию.

===== Глава 90. С чистого листа =====

В баптистерии находилось не больше десятка человек. Здесь за закрытыми дверями творилось Таинство. Было тихо, торжественно и очень интимно. Каждое скупое движение старенького священника было весомым и значимым. Ангельские голоса певчих струились в уши нежно, как легчайшая ласка тончайшего эфира. Прозрачная вода в купели задумчиво мерцала, храня в себе светозарную силу Духа.

Андрей Константинович был поражён, насколько действенным с магической точки зрения оказался обряд крещения. В нём всё было правильно. И Руднев отлично понимал, что и зачем делается. И вовсе не символически ощущал то, что происходило с ним в процессе. Когда вода сомкнулась над его головой, он настолько ярко пережил снова момент своей смерти, что его едва не настиг очередной, третий по счёту инфаркт. Но когда он вынырнул, задыхаясь и холодея от ужаса, его затопила волна яркого фиолетового света и он — ослеплённый и оглушённый открывшейся ему новой незнакомой действительностью — совершенно выпал из реальности.

Самым краешком сознания он уловил, как его нарекают в честь святителя Андрея, архиепископа Критского. Сначала Руднев настаивал, чтобы при крещении ему дали другое имя — он хотел Киприан — и в качестве защиты и как знак изменения своей судьбы. Николай Николаевич долго думал над этим, потом взял Андрея Константиновича с собой — в какое-то место неопишуемой красоты — где Рудневу твёрдо сказали, что нет на это благословения, и судьба его ждёт другая — совсем не такая, как он предполагает.

Ещё впечатался в память момент Причастия: огненным проникновением в сердце, изгоняющим гнездящийся там холод. Внутри словно зажглось солнце, и Андрей Константинович почувствовал себя, наконец, живым. Судорожно глотнул воздуха и понял, что может теперь дышать легко и свободно — чувствовать, радоваться, любить. Из глаз горячим потоком хлынули слёзы — безо всякого участия с его стороны, как будто открылся внутри, запечатанный долгие годы источник. Николай Николаевич, сияя улыбкой, привлёк крестника к себе и незаметно вытер эти слёзы. Объятие Аверина было ласковым, тёплым и деликатным. Руднев даже пожалел, что всегда был таким сдержанным и никогда не давал Николаю Николаевичу повода поутешать себя раньше. Даже когда полутрупом лежал в доме Радзинского.

Мальчик-алтарник в белом стихаре, практически незаметно появившийся и исчезавший во всё время совершения Таинства, внезапно оказался не кем иным, как Бергером. С застенчивой улыбкой он вручил Андрею Константиновичу в качестве подарка молитвослов в пухлом кожаном переплёте, с золотым обрезом и с удивительным вкусом подобранными репродукциями древних икон. От Романа он передал плоскую деревянную шкатулку, в которой на сером бархате лежали дивные сапфировые чётки — наверняка бывший компаньон ухнул на них всю, как намётанным глазом определил господин адвокат, оставшуюся у него от их прежнего бизнеса сумму. Руднев, содрогнувшись было при упоминании самого ненавистного для себя имени, выдохнул и расслабился — проклятый мальчишка знал, как порадовать своего босса.

Панарин, который от радости просто светился, как рождественская ёлка, подарил другу икону Ангела-Хранителя в серебряном окладе, чем невероятно Руднева растрогал. Ведь Женечка, по сути, этим самым Ангелом не так давно для него и явился. Аверин, со свойственной ему любовью к подлинности, преподнёс привезённую с самого Крита икону

рудневского небесного покровителя. Ливанов, к превеликому своему сожалению вынужденный на тот момент уехать, передал через Викентия Сигизмундовича миниатюрное Евангелие в драгоценном окладе, которое можно было носить, как образок, на шею. А Радзинский подарил Андрею Константиновичу поездку на Святую Землю, чем сумел удивить даже больше, чем Роман своим подарком.

Наденька же сделала своё подношение заранее — ведь именно она выбирала нательный крестик и собственноручно вышивала крестильную рубашку.

Рассеянно думая о том, что волосы у него всё ещё влажные, задаренный, затисканный и утомлённый всей этой суетой, Андрей Константинович шагнул за порог храма и замер, широко распахнув глаза: за то время, что он провёл в церкви, выпал долгожданный первый снег и всё вокруг тоже облачилось в белые крестильные одежды. У него даже дыхание перехватило от такого подарка. Медленно и вдумчиво ступив на церковное крыльцо, Руднев оглянулся на свои следы и торжественно себя поздравил: это первые шаги в его новой жизни. Задумавшийся на пороге Радзинский в кои-то веки не смеялся и не шутил — похоже, и он находился под впечатлением.

— На клавиши похоже, — негромко сказал подошедший сзади Бергер, тоже разглядывая чёрные отпечатки рудневских ботинок на белом снегу. И улыбнулся Андрею Константиновичу, искренне и открыто глядя на него своими ясными глазами. И тут же совершенно непосредственно ухватился за него, взяв под руку. — Скользко, наверное...

Руднев только усмехнулся — уже не так зловеще, как прежде — и невозмутимо повёл постоянно поскальзывавшегося Кирилла к машине.

Радзинский, шагнувший вслед за ними, остановился, вдохнул полной грудью, а потом вдруг наклонился и подхватил горсть снега. Слепил снежок и ловко метнул его в зазевавшегося Панарина. Доктор завёлся с пол-оборота, засунул за пазуху перчатки и тоже довольно метко бросил в Викентия Сигизмундовича свой снежный снаряд. К тому моменту, когда Руднев усадил Бергера в машину, в тихом переулке уже бушевало настоящее сражение, в котором принимал участие даже Николай Николаевич. Он азартно обстреливал снежками Радзинского, не обращая внимания на свои припорошенные снегом волосы и даже ресницы. Поскольку Панарин также как и Аверин целился исключительно в Викентия Сигизмундовича, вдвоём они заставили Радзинского просить пощады. Тяжело дыша, тот поднял руки, сдаваясь. И ужаснулся, окинув оценивающим взглядом сияющего и покрасневшего Николая Николаевича:

— Коля! Ты же весь мокрый! Быстро в машину!

Отряхивая друг друга и беззлобно посмеиваясь над своей инфантильностью, они шумно ввалились в салон минивэна: возбуждённые, весёлые, остро пахнущие снегом.

— Ромка хочет с Вами поговорить, — шепнул Андрею Константиновичу Бергер, пока остальные размещались и пристёгивались.

— Опять?! — ужаснулся Руднев.

— Это очень важно, — серьёзно заверил его Кирилл. — Назначьте ему встречу. Пожалуйста. Если хотите, Викентий Сигизмундович тоже будет там.

— Я старый больной человек, — возмущённо прошипел Руднев. — И я, как это говорится, в завязке...

— Нет, в самом деле — надо кое-что обсудить, — резко посерьёзнев, бросил через плечо сидевший за рулём Радзинский.

— Ч-ч-честное слово! — Руднев хотел чертыхнуться по старой привычке, но вовремя

сдержался. — От Романа Аркадьича даже на том свете не спрячешься! — в сердцах бросил он. Потом прикрыл лицо рукой и горько засмеялся. — А ведь и правда — не спрячешься...

Панарин навалился на него сбоку, обнимая.

— Возьми меня с собой, Руди — я ствол прихватчу. Буду Князева во время разговора на мушке держать — как в старые добрые времена...

— Но-но! — пригрозил ему Радзинский. — Ты эти свои бандитские замашки брось! Робин Гуд...

— Я лучше Кирилла Александровича возьму — в качестве заложника, — усмехнулся Руднев, приглаживая мокрые от растаявшего на них снега кудри Панарина. — Это будет самой действенной защитой.

— Если Вам так будет спокойнее — я согласен, — сдержанно улыбнулся, сидевший позади него, Кирилл.

— Я так понимаю, что моё желание тихо и мирно прожить остаток жизни при всём при этом, конечно же, не учитывается? — обречённо уточнил Андрей Константинович с горечью на губах и с тоской в глазах.

— Андрюш, ты свою карту видел?! — бархатисто протянул низким голосом Радзинский и ухмыльнулся. — Какая тихая-мирная жизнь? Что за наивная фантазия?

— Я всё равно не хочу его видеть — ни сейчас, никогда... — страстно прошептал Руднев, устало закрывая глаза.

— Ну... ты можешь на него не смотреть, — хохотнул Радзинский. — Но поговорить придётся.

— Давайте вернёмся к этому разговору попозже. Могу я рассчитывать на такое снисхождение? Хотя бы сегодня...

— Конечно, — неожиданно смутился Радзинский. — Выбрось пока это из головы, Андрюш. Ты прав — у тебя такой день сегодня торжественный, а мы к тебе со всякой рутиной пристаём!

— Простите, — тут же расстроено шепнул Бергер. — Не надо мне было говорить Вам сейчас.

— Давай обойдёмся без этих покаянных стонов, — взмолился Руднев, прижимая руки к груди. — А то ещё утешать тебя придётся. А ведь сегодня я здесь — объект горячего сочувствия. Так что будь любезен, солнышко, сделай счастливое лицо. Мне не нужны конкуренты.

И опять завертелось: Панарин полез обниматься, Бергер залепетал что-то трогательное, Радзинский оглушительно захохотал, и только Николай Николаевич обернулся и посмотрел на своего крестника долгим внимательным взглядом. И Андрея Константиновича внезапно перестала раздражать вся эта непрекращающаяся кутерьма вокруг его персоны. Вместо этого он ощутил горячую благодарность Провидению за то, что все эти люди теперь в его жизни есть. И они никогда его не бросят. Ни при каких обстоятельствах. И Панарину не придётся больше мучиться с ним, терзаясь противоречивыми чувствами. И всё это хорошо. Хорошо весьма. Тов меод (1).

1 Очень хорошо — (иврит).

===== Глава 91. Святая Земля =====

— Как на тебя девушки-то заглядываются! — поразился Ливанов, в очередной раз наблюдая, как только что прошедшая мимо них красавица оборачивается, чтобы бросить на Руднева ещё один томный взгляд.

Андрей Константинович подбросил на ладони несколько светлых камешков, которые подобрал на пляже и смерил Павлушу насмешливым взглядом.

— Если ты снимешь обручальное кольцо, и у тебя появится масса поклонниц.

— Ну, не скромничай! — поморщился тот. — Ты же прекрасно понимаешь, что дело не в кольце!

— А в чём? Просвети меня, Ливанов. — Руднев стоял спиной к морю и глаза его от этого казались синими. Такие же синие блики играли на его чёрных глянцевых волосах.

Павлуша окинул взглядом элегантный силуэт господина адвоката, отмечая про себя, что даже в джинсах тот выглядит аристократично, и тяжело вздохнул.

— Это магия, Руднев.

И они оба расхохотались: беззаботно и счастливо, как и полагается беспечным туристам в таком райском месте, как Эйлат.

— Ты как хочешь: оставшиеся дни провести здесь, или поехать куда-нибудь? — поинтересовался Ливанов, когда они не спеша двинулись вдоль кромки моря.

— Хочу снова в Иерусалим, — твёрдо ответил Андрей Константинович, перекатывая в пальцах камешки. — Я не большой любитель пляжного отдыха. Здесь, конечно, сказочно тепло по меркам русского человека для ноября месяца, но мне, честно говоря, скучно.

— Замётано. Завтра возвращаемся в Иерусалим, — вздохнул Ливанов, обводя задумчивым взглядом затуманенный белой дымкой горизонт.

— А ты бы здесь хотел остаться? — чутко уловил его настроение Руднев. — Я в состоянии доехать сам. Ты и так много сил на меня потратил: по всей стране на буксире протащил, да ещё и говорил за двоих, — насмешливо прищурился он.

— А я-то всё ждал, когда ты не выдержишь и попросишь меня заткнуться, — засмеялся Павлуша. — Но ты слишком хорошо воспитан. Да?

— О, да. Я качественно воспитан, если ты это хочешь знать. Не каждый может похвастаться таким наставником, какой был у меня.

— Такое впечатление, что ты до сих пор ему благодарен, — осторожно покосился на него Павлуша.

Андрей Константинович ответил не сразу. От ливановского взгляда не укрылось, как он с трудом сглотнул, прежде чем заговорить.

— Того, кому я благодарен, не существует. А того, кто за ним реально стоял, я ненавижу. От всей души. Вы не до конца отдаёте себе отчёт, с кем собственно имеете дело.

— Ты несправедлив к нему, Андрей Константинович, — мягко заметил Ливанов.

— Несправедлив?! Я по сравнению с вашим Ромой просто Ангел, — жёстко ответил на это Руднев. — Меня вылепил он. Придумал и сделал. Я даже не знаю, каков я настоящий!

— Ты просто обижен на него, — слегка поморщился Павлуша.

Руднев резко остановился и развернулся к Ливанову лицом, оценивающе прищутив свои яркие глаза.

— Обижен? Нелепо обижаться на человека, который убивает тебя — раз за разом. Ты не находишь, Ливанов? Эй, я снова труп? — он надул губы и, сердито сдвинув брови, строго погрозил кому-то невидимому пальцем, очень убедительно изображая оскорблённое достоинство. — Ну всё, не подходи ко мне никогда. Я больше с тобой не играю!..

Ливанов от этого представления просто впал в истерику: он силился что-то сказать сквозь смех, но едва взглянув в невозмутимое рудневское лицо, снова сгибался, конвульсивно выталкивая из себя странные кашляющие звуки.

— Вот что хочешь со мной делай — но это не ненависть, — наконец, отдышавшись, сумел выговорить он. — Мне часто приходится с ненавистью сталкиваться — по роду деятельности: митинги, протесты, война... Её я ни с чем не спутаю!

— В самом деле? И что же, по-твоему, я к нему испытываю, если не ненависть? — заинтересовался Андрей Константинович.

— Любовь, — уверенно ответил Павлуша. И решительно добавил, — И — да — ты не него обижен.

— Ты сумасшедший, Ливанов? — сочувственно поинтересовался Андрей Константинович, склонив голову набок. И вдруг, схватив Павлушу за шиворот, с силой толкнул его в воду. Ливанов, замахав руками, полетел навстречу волне головой вперёд и едва сумел удержаться на ногах, но веселья не растерял.

— Спятил? У меня мобильник в кармане, — радостно хохотнул он, возбуждённо сверкая глазами. — Э-э-э... Я могу выйти? А то я уже ноги промочил...

— Конечно, Ливанов, — вкрадчиво ответил Андрей Константинович и выразительно хрустнул пальцами. — Конечно, выходи. Продолжим наш сеанс психоанализа...

— Я не поклонник психоанализа, — блистая белоснежной улыбкой, предупредил его Павлуша и сделал пару шагов назад. — Я поклонник быстрого спортивного бега.

— Очень полезное увлечение, — одобрил Руднев, медленно приближаясь к самой кромке прибоя, так что прозрачная волна уже лизнула его ботинки. — Надеюсь, бегаешь ты также быстро, как соображаешь...

— Я тоже надеюсь. Потому что я настаиваю: основное и самое сильное чувство, которое ты испытываешь по отношению к Роману Аркадьичу — это любовь. Не в каком-то там пошлом смысле... Ты просто чувствуешь, что он родной, свой. Так же, как Панарин. И что бы ты ни делал, ваша связь никуда не денется. Признайся: именно это тебя и бесит.

Лицо Руднева резко потемнело, он задохнулся — то ли от гнева, то ли от острой боли, которая внезапно пронзила его сердце, потом неожиданно развернулся и быстрым шагом пошёл к отелю. Ливанов не стал его догонять: пристально поглядел Рудневу в спину, задумчиво покусал ноготь на большом пальце и, не снимая ботинок, медленно побрёл по мелководью в противоположную от отеля сторону.

— Рассказывай, Ливанов. Что за гадость вы ещё для меня приготовили? — Голос Руднева прозвучал глухо, и Павлуша вздрогнул: в темноте не было видно, где тот находится.

Прикрыв за собой дверь рудневского номера, он нащупал на столике у дивана лампу и щёлкнул выключателем.

— Ты чего в темноте сидишь? — бесцветно обронил он, вместо ответа.

— Это символ, — желчно скривился Руднев, — моего нынешнего неясного положения.

— Брось. Никто не виноват, что ты в упор не желаешь замечать очевидного.

— Только посмей повторить свои бредни — я тебя загрызу, Ливанов, — стиснул зубы господин адвокат.

— Как хочешь. — Павлуша устало пожал плечами. — В таком случае мне нечего тебе сказать...

— Нет уж, ты скажешь! — раздражённо бросил Руднев, зловеще сверкая в полутьме яркими глазами. Он сел на диване, где пролежал последние два часа, сверля ненавидящим взглядом потолок, и угрожающе уставился на Ливанова.

— Зачем тебе, Руднев? — Ливанов без сил плюхнулся в кресло и с блаженным вздохом

вытянул ноги в мокрых ботинках. — Меньше знаешь — крепче спишь...

— Это не про меня, — процедил Андрей Константинович, продолжая гипнотизировать Павлушу злым взглядом.

Ливанов прикрыл глаза и пробормотал — полное ощущение, что — засыпая:

— Викентий Сигизмундович учил меня в своё время, что знание надо принимать с благодарностью. Потому что это всегда дар. Бескорыстный. И это надо ценить. Ты подумай, Андрей Константинович, оно тебе надо?..

Повисшая в комнате тишина, разбавленная мерным дыханием моря, колыбалась волнами, убаюкивала, укачивала.

— А мой Наставник патетики не любил, — неожиданно усмехнулся Руднев и снова вытянулся на диване, заложив руки за голову. — Знание... — презрительно фыркнул он. — Мой Повелитель неустанно повторял, что информация дороже золота. Надо убить? Убей. Она того стоит. И никаким знанием он мне голову не морочил.

Ливанов выпрямился в кресле и заморгал растерянно.

— Не парься, Ливанов, — любезно улыбнулся Павлуше господин адвокат. — Меня не ранила твоя нечуткость. Я не обидчивый. — И он заразительно засмеялся.

Ливанов недоверчиво фыркнул, но сразу повеселел.

— Ну, раз не обидчивый, тогда слушай... А можно я ботинки сниму? Тебя это не шокирует? А то холодно и противно в мокрых, — пожаловался он.

— Ну, ты и придурок, Ливанов, — поразился Андрей Константинович, приподнимаясь на локте. — Носки сухие возьми в комод. Только не вздумай их потом возвращать!

— Спасибо, — хмыкнул Павлуша и пошлёпал босыми ногами туда, где хранилось рудневское бельё. — Так-то лучше, — пробормотал он, натянув носки и усаживаясь потурецки в кресле. — Скажи, Руднев, ты Панарину веришь?

Андрей Константинович не ожидал такого вопроса и в замешательстве тоже сел на диване, скрестив ноги.

— Как самому себе, — наконец, уверенно ответил он.

— Отлично. — Павлуша небрежно потрянул кудрями. — Ты не задумывался, как — с технической точки зрения — он тебя вытащил?

— Он не горел желанием об этом говорить, — нахмурился Руднев.

— Само собой, — усмехнулся Ливанов. — Тогда я тебе скажу: он сумел это сделать, потому что между вами есть связь. Надо объяснять, что это не метафора?

Руднев промолчал, настороженно глядя Ливанову в глаза.

— Спроси у него — он подтвердит, — настойчиво закивал Павлуша. — Он её видел. Так вот: в одной связке с вами ещё куча людей. Угадай, с кем тебя соединяют наиболее крепкие и прочные нити?..

— Панарин это видел? — холодно уточнил Андрей Константинович.

— А как же! — радостно блеснул белыми зубами Ливанов. — Он не только видел — он пытался её порвать. Но вовремя остановился, сообразив, что после этого вам всем будет кирдык. Да и силёнок у него не хватило, если честно. Это же не те нити, которые возникают в результате банального обмена энергиями!

Руднев, кисло скривившись, глядел на него некоторое время, а потом вдруг со стоном закрыл лицо руками.

— Ты убил меня, Павел Петрович, — пробормотал он, мотая головой. — И ведь это ещё не всё, как я понимаю...

— Хватит с тебя пока и этого! — расхохотался Ливанов. — И давай-ка, пойдём, перекусим, — поднимаясь с кресла, распорядился он. — Я, честно говоря, нагулял зверский аппетит. Спускайся вниз, а я ботинки сухие надену и к тебе присоединюсь. Тов?

— Тов меод, — тяжело вздохнул Руднев, рассеянно глядя на закрывшуюся за Ливановым дверь. Бархатная южная ночь влажно дохнула в открытое настежь окно, взметнулась занавеска, и снова всё стихло. — Тов меод...

===== Глава 92. Быть Повелителем =====

— Мы все — части единого организма. Такова структура вселенной, — убеждённо втолковывал Рудневу Павлуша, подцепляя вилкой аппетитную розовую креветку. — Твоё представление о том, что ты можешь чудесно жить-поживать сам по себе и сам для себя — ложно. И в это не надо верить — это можно и нужно видеть. Достигнув определённого уровня развития сознания, любой человек может убедиться в этом лично. А что из этого следует? То, что никто из нас не будет счастлив — каких бы высот развития он не достиг — пока грех, зло, невежество не будут изжиты в каждом представителе человечества. Маленькая заноза в пальце может здорово отравить человеку существование. Что уж говорить о серьёзной болезни! Один страдает — все страдают. Это духовный закон.

Андрей Константинович слушал его, не поднимая глаз, и механически уничтожал свой ужин, даже не различая вкуса того, что он ест. Осознание своей бесконечной малости просто оглушило его. Какая резкая смена картинки: Я, занимающий всё пространство живописного полотна, а внизу, у моих ног — весь мир, или: красочная Вселенная, заполняющая картину, и я — один из многочисленных, составляющих её атомов!..

Руднев не собирался слепо верить, он намеревался скрупулёзно исследовать каждое смелое ливановское утверждение. Но он уже чувствовал, что всё в павлушиной речи — правда. Похоже, знание о том, что человек — это не я, человек — это мы, жило в нём всегда, придавленное впечатляющими внушениями Господина в чёрном, его такими лестными заверениями, что Андрюша из тех редких одарённых счастливчиков, которые будут владеть миром, потому что именно он станет обладателем ни с чем не сравнимой силы.

К столику, неловко пробираясь среди посетителей ресторана, торопливо подошёл долговязый тощий парень в очках, откровенно еврейской и очень интеллигентной наружности. Он нерешительно уставился на Ливанова. Павлуша сразу поднялся, протягивая ладонь для рукопожатия, и оживлённо затараторил на иврите.

— Не скучай. Я скоро. Сам понимаешь — работа... — виновато бросил он Рудневу, ободряюще хлопнув Андрея Константиновича по плечу, и энергично повлёк куда-то робко кивающего ему молодого человека.

Оставшись один, Руднев совсем не расстроился. И даже вздохнул с облегчением. Он привык к одиночеству. Ему всегда было уютно в том непроницаемом мраке, который постоянно с самого детства его окружал. Андрей Константинович умел и любил оставаться незаметным, и обычно мало кто решался пересечь ту границу, которой он мысленно отделял себя от прочих в любом, самом людном месте. Но в этот раз насладиться отрешённым молчанием и задумчивым исследованием снующих вокруг беспечных особей обоего пола у него не получилось.

Как только Ливанов скрылся со своим спутником за дверью ресторана, господин адвокат ощутил чьё-то пристальное, навязчивое внимание, прямолинейно и грубо обращённое на его скромную персону. Женщина? Этого ещё не хватало! Чёрт побери, да она ведьма! Раньше Андрей Константинович не стал бы особо церемониться, сказал бы «фас»

своим верным слугам, а уж они быстро отбили бы охоту у всякого так откровенно и непочтительно таращиться на Хозяина. Теперь придётся всё делать самому...

Руднев мысленно выставил перед собой зеркало и сразу почувствовал себя легче: беспокоящее воздействие исчезло. Но не успел он расслабиться, как с изумлением обнаружил, что вышеозначенная ведьма просто пересела за его столик и продолжает с интересом разглядывать господина адвоката.

Андрей Константинович не стал суетиться: сначала отпил воды из бокала, не спеша поставил его на скатерть, и только после этого поднял на наглую особу холодный, скучающий взгляд.

— Мадам? — Руднев вежливо приподнял бровь, давая понять, что хотел бы услышать объяснение подобного беспардонного поведения. Не дышать при этом он не мог, а потому в следующую же секунду в нос ему ударили сразу десятки запахов. Вот тогда-то Андрей Константинович и осознал в полной мере, насколько изменилось всё в его жизни. Если раньше его буквально выворачивало рядом с храмом или в непосредственной близости от священника, то теперь его тошнило от чёрных магов! Самым натуральным образом!

Сидевшая напротив женщина была старше его лет на десять. Руднев ядовито усмехнулся: распущенные чёрные волосы (крашеные — безошибочно определил Андрей Константинович), «роковой» взгляд, вампирский макияж, зажатая в пальцах сигарета, чёрное (конечно же!) платье, и обилие украшений (ну, кто бы сомневался!). Русская — с тоской почувал он. Надежда избавиться от продолжения общения таяла с каждой секундой.

— Извините, что навязываю Вам своё общество, — хрипловато заговорила она. Руднев сразу же почувствовал, что сила у неё определённо есть, и немалая. Она говорила негромко, но каждое её слово звучало весомо. — Мне показалось знакомым Ваше лицо. Мы не встречались в Москве?

«Врёт и не краснеет», — усмехнулся про себя Андрей Константинович. — «Неужто решила мною поживиться?».

— Увы, я никогда не был в Москве, — убедительно посетовал он. — Я из Владивостока. Вот — по всему свету езжу, а до Москвы как-то не добрался, — прищуриваясь, засмеялся он. Женщина затянулась сигаретой, пристально глядя ему в глаза.

— Да, пожалуй, я ошиблась. Надеюсь, Вы не сердитесь?

— Нисколько. Мне очень жаль, что я Вас неволью разочаровал, — любезно улыбнулся ей Руднев.

«Ну, всё: жди ночного визита», — поздравил себя господин адвокат, провожая взглядом удаляющуюся прочь ведьму. Кисти её чёрной шали подметали попадающуюся на пути мебель.

В дверях новая знакомая неожиданно столкнулась с Ливановым. Они окинули друг друга цепкими взглядами, скривились как-то совершенно одинаково и брезгливо разошлись по ровной, широкой дуге, величественно прошествовав в разные стороны. Руднев едва не поперхнулся от смеха минералкой — настолько забавно выглядел этот ритуальный танец извечных врагов.

— Значит, в Иерусалим? — вновь усаживаясь за стол, рассеянно спросил Ливанов у скрючившейся на тарелке креветки.

Руднев даже отвечать не стал — взгляд у Ливанова был отсутствующий, и он явно был озабочен какими-то своими профессиональными проблемами. Ужин прошёл в молчании. Также в молчании дошли до ливановского номера.

— Спокойной ночи, Павел Петрович, — вежливо попрощался Руднев, и, дождавшись задумчивого механического кивка, отправился к себе. Скоро будут гости — негоже заставлять их ждать...

Ведьма возникла у постели Андрея Константиновича ровно в полночь. Он оценил её умение произвести нужный эффект: глаза женщины выразительно сверкали, тёмные волосы шевелились во мраке как змеи, длинное чёрное платье колыхалось, словно одеяние призрака.

— Посмотри мне в глаза, — зловеще произнесла она. — Отныне я твоя Хозяйка. Ты будешь делать всё, что я скажу.

— Это ты будешь делать всё, что я скажу, — будничным тоном заверил её Руднев, а затем мысленно послал ей образ Господина в чёрном. Чтобы знала, кто за ним стоит. Неподдельный ужас, отразившийся в этот момент на лице женщины, немного потешил его самолюбие. Скорость, с которой она исчезла, с полным правом можно было назвать космической.

Андрей Константинович сел, усмехаясь, в постели, и в красках представил, как его ночная гостя мечется сейчас в панике по своему номеру, укладывая чемоданы. Он был абсолютно уверен в том, что утром не увидит её не только в отеле, но даже в городе. И на старуху бывает проруха. Интересно, сколько у неё в услужении таких вот мальчиков, которые по непонятной для себя и для окружающих причине бегут, спотыкаясь, по первому её зову выполнять любое поручение хозяйки? А теперь и она сама попала в подобное рабство. Ведь, по сути, господин адвокат только что поставил на ведьме своё клеймо. И если они встретятся в реальной жизни, та вынуждена будет служить ему, и не сможет сопротивляться его приказам.

Андрей Константинович тихо рассмеялся: похоже, без слуг он не останется. Судьба у него такая — быть Повелителем...

===== Глава 93. Средство от стресса =====

Прежде чем вернуться в свою квартиру, Руднев попросил её освятить. Того, как это происходило, ему не забыть уже никогда: едва священник взмахнул кропилом, рухнуло в комнате всё — даже люстра. Когда пыль рассеялась, на полу лежала груда обломков, словно вынесенных океанской волной на пустынный берег после кораблекрушения.

— Продолжать? — настороженно поинтересовался совершающий обряд батюшка.

Руднев отрешённо кивнул: только что его надежда вернуться домой рассыпалась в прах.

Священник на всякий случай бросил ещё один вопросительный взгляд — на Викентия Сигизмундовича. Тот переглянулся с Авериным и тоже успокаивающе кивнул: «мол, всё нормально!». Остальные присутствующие сохраняли невозмутимое выражение на лицах и смотрели, кто в пол, кто в потолок, стараясь не встречаться друг с другом взглядами.

Двинулись дальше. Мебель скрипела и угрожающе качалась, стёкла дребезжали, зеркало покрылось сетью трещин, с тихим шелестом осыпалась с потолка извёстка, но в целом дом устоял. Тем не менее, с мечтами о скором переезде Андрею Константиновичу пришлось распрощаться и немедленно заняться ремонтом.

Оно и к лучшему — думалось ему в перерывах между кафельно-цементными заботами — встреча с Повелителем откладывалась на неопределённый срок. Конечно, он не стал ни с кем делиться этой скромной радостью, но душу эта мысль всё-таки грела.

— Андрей Константинович, в этой комнате что у нас будет? — встряхивая кудрями,

энергично интересовался Ливанов. Он оказался незаменимым помощником в бытовых вопросах и, практически, тянул весь ремонт на себе.

Господин адвокат, окидывая задумчивым взглядом самую большую и светлую комнату в своей квартире, решительно отвечал:

— Детская.

— Здорово, — сдержанно улыбался Павлуша. А Радзинский, крепко стискивая будущего зятя в объятиях, выражал своё одобрение раскатистым смехом и горячим поцелуем в макушку.

— Тогда тебе понадобится кабинет, — резонно замечал на это Ливанов. И Андрей Константинович соглашался. Действительно, в своей прежней холостяцкой жизни он не нуждался в месте уединения для своей работы. Теперь — другое дело.

Обвенчаться с Надеждой они запланировали сразу после Пасхи: такое решение было духовно логичным (зачем же жениться перед Великим Постом?), с астрологической точки зрения момент был также на редкость удачным, да и справлять свадьбу весной несравненно приятнее, чем стылым январским, или слякотным февральским днём.

Панарин, к которому временно перебрался Андрей Константинович, сегодня опять хандрил и делал настойчивые попытки напиться.

— Руди, у меня нервная работа! Как, по-твоему, я должен снимать стресс? — раздражённый и растрёпанный доктор протянул руку, чтобы схватить бутылку с благородным французским коньяком, которая стояла за спиной у Руднева, но тот снова перехватил его за запястье.

— Помедитируй. — Андрей Константинович раздвинул губы в вежливой улыбке, аккуратно придерживая Женечку другой рукой за локоток.

— Какого чёрта ты раздаёшь мне такие советы!!! — рявкнул потерявший терпение доктор. Господин адвокат сразу схватился за сердце и, согнувшись, сдержанно зашипел со страдальческим выражением на лице.

Панарин тут же забыл про коньяк и испуганно хлопотал вокруг приятеля.

— Лучше? — сочувственно спросил он, уложив Руднева на диван и торопливо проходясь пальцами по сердечному меридиану. — Странно, — он слегка нахмурился, открывая глаза. — Всё вроде в порядке... Руди, а ты, часом, не притворяешься?

Руднев на это замечание оскорблено поджал губы и взглянул так обиженно, что несчастный доктор даже покраснел от стыда: всё-таки два инфаркта подряд — это вам не шутка!

— Извини, затмение какое-то нашло, — скорбно пожаловался Панарин, сиротливо стоящий около дивана на коленях, и вдруг уткнулся лицом в рудневскую рубашку где-то в районе желудка. — Если бы ты знал, как мне тошно!

Андрей Константинович положил Женечке на голову свою ухоженную руку и принялся ласково перебирать его волосы, поощряя к дальнейшим душевным излияниям.

— У меня такое впечатление, что я сбился с курса, — с тоской завздыхал доктор, опаяя горячим и влажным дыханием рудневский бок. — Плыл, плыл в нужном направлении и вдруг заблудился в тумане.

— А конкретнее? — мягко уточнил Руднев, подозрительно прищуривая при этом глаза и настораживаясь.

Панарин резко сел на пятки и неожиданно выпалил:

— Только тебе скажу. Не могу больше!

— Что? — с ужасом спросил Андрей Константинович, приподнимаясь на локте.

— Не знаю, как объяснить. Наверное, у меня внутри изъян какой-то. Очень серьёзный. Вроде производственного брака, — сбивчиво заговорил Панарин. — Я бьюсь, как рыба об лёд, а в итоге прихожу к тому, с чего начал! Так не бывает! Так не должно быть!!! — Женечка вскочил, нервно размахивая руками, и принялся беспорядочно метаться по комнате.

— Говори уже, в чём дело, — строго прикрикнул на него Руднев, садясь на диване.

— Я и говорю: кем я был, тем и остался! Неужели не понятно?! — психанул Женечка. Держатели полок в книжном шкафу, стоящем за его спиной, вдруг кракнув, подломились и книги лавиной посыпались наружу, выдавливая своей тяжестью стеклянные дверцы. Панарин едва успел отскочить в сторону, но всё-таки запрыгал на одной ноге, потирая ушибленную толстенным фолиантом голень.

— Факты, идиот! Факты!!! — не выдержал Андрей Константинович.

— Факты тебе нужны? — разозлился Панарин. — Пожалуйста! Я живу в полной уверенности, что раскаялся — понимаешь? Я расслабился и тихо умиляюсь на свой духовный подвиг. А тут такой облом!!! Каждый раз, засыпая, я теперь погружаюсь в тот самый мрак, из которого вынырнул когда-то. И я чувствую себя там своим! И снова из меня вылезает всё то, от чего, мне казалось, я избавился навсегда. Я понимаю, что могу убить безо всякого сожаления, что мне нравится манипулировать людьми, что меня это развлекает!.. И опять вернулось то постоянное ощущение скуки, которое угнетало меня тогда — скуки и невероятной силы, которая распирает тебя изнутри и которую не знаешь, куда приложить. Так и тянет покурлесить!.. Как будто не было всех этих лет. Как будто всё было напрасно. Тут не только напиться, тут, знаешь, застрелиться хочется!..

Женечка резко замолчал, словно подавился словами, и со злостью пнул попавшуюся под ноги медицинскую энциклопедию.

— Киса, ты так и не сказал ничего конкретного, — трезво заметил Андрей Константинович. Он встал и быстро подошёл вплотную к Панарину. — Жень, ты никогда не был бандитом, — негромко, но твёрдо сказал он. — Тебе не наплевать было на людей. Ты просто был ...как пьяный, и не отвечал за свои действия. Но когда ты понимал, что натворил, тебя мутило, тебе было плохо, тебе не нравилось зло само по себе. Зачем ты сейчас на себя наговариваешь? И что бы там ни мучило тебя сейчас по ночам — Жень, это морок, это обман. Поверь, это пройдёт. А отчего так получилось — это второй вопрос. Мы разберёмся, Жень. И всё будет хорошо. — Руднев шагнул в сторону, схватился за горлышко бутылки и красноречиво протянул коньяк Женечке. — Только учти: я без закуски не буду...

Женечка, открыв рот, изумлённо таращился на бутылку, но почему-то не делал попытки её забрать. А потом и вовсе — судорожно вздохнул и порывисто Руднева обнял.

— Хорошо, что ты вернулся. Знаешь, мне всё равно — плохой ты, хороший, колдун или добрый волшебник. Ты всё равно самый близкий мне человек на свете. Я это сразу понял — тогда, когда мы встретились. Вот. Давно хотел сказать...

Андрей Константинович, усмехаясь, обнял Женечку в ответ и тихо фыркнул в панаринские кудри:

— Кому ты это говоришь! Со мной было то же самое...

===== Глава 94. Отпуск за свой счёт =====

Роман с неподдельным интересом разглядывал сморщенное личико новорождённой

сестры.

— Странно, — недоверчиво пробормотал он. — Невозможно однозначно зафиксировать внешность...

— Ты тоже заметил? — с восторгом шепнул Бергер, который сиял так, будто ребёнок родился лично у него, а не в семье одноклассника. — Удивительно текучий образ... Это потому, что она ещё не полностью здесь. Чувствуешь, какие тонкие и светлые вибрации от неё исходят?

Роман вдруг решительно подsunул одну руку под спинку младенца, а другую так, что голова оказалась на сгибе его локтя, и ловко вынул ребёнка из кровати.

— Т-с-с... — возмущённо зашипел Бергер. — А если она вдруг заплачет?

— Тогда я отдам её тебе, и она сразу успокоится, — усмехнулся Роман.

— Ты мне льстишь, — покачал светловолосой головой Кирилл, с замиранием сердца наблюдая, как Роман уверенно держит сестру на руках.

— Просто лавина информации, — пробормотал тот, прищуриваясь куда-то в пространство. — Жаль, что этот канал потом закроется...

— А ты бы, Шойфет, поменьше перестановкой букв занимался и не пропадал бы у Мюнцера круглые сутки, тогда, глядишь, этот канал для тебя и не закрылся бы! — укоризненно прошептал Кирилл, бесстрашно глядя Роману в глаза.

Роман прищурился зло и осторожно опустил малышку в кровать. Снова повернувшись к Бергеру, он смерил его мрачным взглядом и быстро приблизился к нему почти вплотную.

— С каких пор это стало проблемой? Я что: чёрной магией балуюсь? Разве не Радзинский сосватал мне Мюнцера? Чем плоха Каббала?

— Каббала всем хороша, но она не решит твоих проблем. Ты задумал креститься, но даже не заметил, что до сих пор не покинул того слоя, который предшествует христианству. Ты вообще превратил Карту в средство для своих каббалистических шпудий. Спроси у Панарина, почему он бросил йогу? Тоже ведь — знание — полезное во всех отношениях и к чёрной магии отношения не имеющее.

— Что ты хочешь этим сказать? — раздражённо процедил Роман.

— Ты не изменился. Ты по-прежнему не понимаешь никаких других методов, кроме магических. Манипуляции с материей и энергией, сложные ритуалы — отличный способ показать, кто сильнее, кто круче. Утверждаешь, что готов на всё, чтобы получить результат? Христианство — самый прямой, самый короткий путь. Он ведёт туда, куда другие дорожки даже не доходят. Но он требует смирения. Попробуй стать таким, как этот младенец — доверять не себе любимому, ни своей силе и знаниям, какими бы значительными они ни были, а Богу, для которого ты — предмет любви и заботы.

— Это просто слова, Лапуля, — надменно процедил Роман.

— Не смей так говорить! — вдруг гневно крикнул Кирилл, заставляя Романа отступить от него удивлённо. — Хочешь проверить?! Давай, померяемся силой — кто из нас может больше! Николай Николаевич в состоянии свободно подняться туда, куда ты можешь только одним глазком заглядывать и то только потому, что для тебя временно открылся этот канал. Панарин выгасил Андрея Константиновича оттуда, где он застрял бы на века, и вся твоя хваленая магия не стоит ломаного гроша, потому что её не хватило бы для этого! Всё! Надоело! — Бергер обеими руками оттолкнул Романа с дороги и решительным шагом направился в прихожую. — Надоело лбом стенку прошибать! — возмущённо бормотал он, ожесточённо натягивая на себя куртку. — Надоело изображать трогательного домашнего

питомца! Убирайся к дьяволу!!! — заорал он, когда растерянный Роман попытался схватить его за плечо. Сунув ноги в ботинки, он резко развернулся — во взгляде его сверкала сталь — и тихо, отчётливо произнёс, глядя Роману прямо в глаза, — Ты забудешь меня. Забудешь весь последний год. У тебя есть Карта, есть Аверин, Радзинский, Ливанов и Мюнцер, есть твой босс, но у тебя больше нет Ключа. Одноклассник по фамилии Бергер тебя совсем не интересуется: он ботаник — ничего стоящего. Как только дверь за мной закроется, ты забудешь обо мне. Мазаль тов (1), Шойфет!..

1 Что-то вроде «поздравляю» — (иврит).

— Ты что ж натворил-то, Кирюха? — ласково пророкотал Викентий Сигизмундович, глядя при этом на Бергера с непередаваемой нежностью. — Ты хоть понимаешь, что это не наши методы?

Кирилл ответил ему взглядом холодным и равнодушным. Николай Николаевич рассеянно поглаживал Кирилла по плечу, сидя рядом с ним на диване, и, судя по всему, был с ним полностью солидарен.

— А ты не подумал, Кира, как ты наследил в его жизни за этот год? — весело встрял в разговор Ливанов, рассматривая Бергера почти с восторгом. — Например, я точно знаю, что он делал твою натальную карту...

— Сбой в системе — и нет натальной карты, — прокашлявшись, негромко ответил Кирилл. — Я уже организовал.

— Ну, хорошо. А в школе? Все ведь видели, как он с тобой носился — пылинки сдувал. А теперь вдруг замечать тебя перестанет...

— Никто не удивится. Он восемь лет не только меня, но и всех прочих не замечал. Так что это будет привычная картина. А спросить его никто не посмеет. Вокруг него всегда мёртвая зона радиусом не меньше метра. Никто не рискует к нему подходить.

— Ладно, ладно! — Радзинский махнул рукой и обмотанные вокруг запястья чётки закачались с глухим стуком. — Допустим, что ты всё предусмотрел. Но ведь он обязательно вспомнит. Что ты тогда будешь делать? Он ведь тебя в порошок за такие фокусы сотрёт!

Кирилл безразлично пожал плечами:

— Чтобы вспомнить, нужно осознать, что забыл. Вряд ли у него появится такое желание на пустом месте.

— Вот здесь ты не прав, Кирюша! — отрицательно замотал головой Радзинский. — Ты не представляешь себе, какое угнетённое состояние провоцирует частичная потеря памяти! Он сам не будет знать, что его терзает, но будет мучиться безо всякой видимой причины. С его пытливым умом он быстро заинтересуется этим феноменом и, поверь, докопается до правды довольно быстро.

— Пусть, — равнодушно обронил Бергер.

— Что мы здесь обсуждаем? — не выдержал, наконец, Аверин. — Кирилл абсолютно прав. Шойфет получил то, что заслужил. И временное лишение Ключа, безусловно, пойдёт ему на пользу. У него духовного стремления — ноль. У него же всё хорошо, он всем доволен! И Ключ лежит у него в кармане, и то, что он хотел из Руднева вытрясти, он получил... Шойфет начинает шевелиться, только если что-то теряет, и ценит только то, что добыл тяжким трудом. Я думаю, нам нужно просто поддержать созданную Кириллом легенду. От нас же ничего не требуется! Шойфет не станет спрашивать нас о Ключе, потому что ничего о нём не знает, а мы сами, разумеется, не станем с ним об этом заговаривать... Наша задача,

чтобы он изменился, чтобы страстно захотел измениться. А он до сих пор болтается на первом уровне Карты! Как хотите, но это было эффективное решение. Шойфета необходимо подтолкнуть. Ему нужен серьёзный стресс. Чтобы выбить его из колеи, чтоб он растерял своё самодовольство...

— Никуся, — нежно проворковал Радзинский. — Ты же знаешь, что я ни в чём не могу тебе отказать. Не волнуйся так! — Он сел рядом и покровительственно приобнял Аверина за плечи. — Может быть, — мягко сказал он, оглядывая собравшихся, — я не говорю, что уверен в этом на все сто процентов — но, может быть, это было правильное решение. До сих пор Кирюша не промахнулся ни разу. Так что давайте, посмотрим, что дальше будет. Появятся проблемы — вмешаемся. М-да, и Андрюшу надо предупредить! А Панарин: попросить присмотреть за Андрюшей — он ведь не преминет воспользоваться случаем, чтобы Шойфету какую-нибудь пакость сделать, пока Бергера нет рядом... Ну, в общем, всё понятно, а посему — прошу всех к столу! Мы с Павлушей испекли пирог с грибами...

===== Глава 95. По старой памяти =====

— Кир! Задержись... — негромко окликнул Бергера Николай Николаевич после урока истории.

Кирилл сложил вещи в сумку и остался на месте — он снова сидел за первой партой, так что даже ходить никуда было не надо.

— Ну, как жизнь? — улыбнулся Аверин после того как заполнил журнал и отдал его томящейся возле учительского стола старосте.

— Прекрасно! — с чувством выпалил Бергер. — У меня такое ощущение, как будто меня из тюрьмы выпустили! Я даже не замечал, что всё последнее время испытывал такой жуткий прессинг. Теперь я чувствую себя невидимкой...

— Значит, не жалеешь?

— Нисколько! Поверьте, это был тупик! Абсолютный! Он меня не слышит! Не хочет слышать! Совсем!..

— Верю, верю! — засмеялся Николай Николаевич, счастливо блеснув глазами. — Приятно видеть тебя прежним... Я принёс книги, которые ты просил, — спохватился он, вынимая из-под стола объёмистый пакет. — Дотащишь?

— Я когда-нибудь жаловался?! — шутливо возмутился Кирилл, забирая книги. — Это Шойфет с чего-то решил, что я — то ли Дюймовочка, то ли Снегурочка... — И тут же нахмурился озабоченно. — Николай Николаевич, у нас регент заболел. И вообще грозился уйти. У Вас нет никого на примете? Хотя бы временно...

— Боюсь, что нет, — сочувственно покачал головой Аверин.

— А... если я Андрея Константиновича попрошу? Как Вы думаете?

— Руднева? — опешил учитель. — Ну-у, попробайся... — Он взял со стола мобильник и нашёл нужный номер. — Андрей Константинович, это Аверин. Добрый день. Вы не могли бы уделить минутку внимания Кириллу? У него есть к Вам просьба... Держи, — шепнул он, протягивая телефон Бергеру.

— Здравствуйте, Андрей Константинович, — робко начал Кирилл. — Вы только сразу не отказывайтесь...

— Ваш регент был фанатом Бортнянского? — с иронией поинтересовался Андрей Константинович, роясь в нотах, которые принёс ему Кирилл. Полированная поверхность фортепьяно отразила два склонённых над бумагами профиля.

— Это типичный репертуар для церковного хора, — пожал плечами Бергер. — Без изысков. Люди привыкают к определённому звучанию — это их успокаивает...

— Не надо делать из людей идиотов, Кирилл Александрович. Если музыка по-настоящему талантлива — она цепляет любого, даже того, кто не может отличить Шнитке от Шаинского...

Разговор происходил в небольшой комнатке при храме, выделенной для репетиций церковного хора. Кроме рыжего полированного пианино, там находился ещё длинный офисный стол со стульями и старенький довоенный шифоньер, в котором хранились ноты, электрический чайник и дюжина разномастных чашек, густо покрытых коричневым чайным налётом. Андрей Константинович в идеально подогнанном по фигуре костюме, с золотыми запонками на вызывающе новеньких хрустких манжетах и с модельной стрижкой на гламурно блестящих шёлковых чёрных волосах, смотрелся в этом убогом интерьере, мягко говоря, неуместно. Хотя он постарался одеться сегодня по-возможности скромно. По этой причине он был без галстука, на нём был самый простой — даже без жилета! — костюм и пальцы его украшали всего-то навсего два неброских перстня.

— Андрей Константинович, — вздохнул Бергер. — Я всё понимаю. Но, к сожалению, Вам придётся работать с тем, что есть. До ближайшей службы два дня. Никто не придёт на спевку раньше субботы. За пару часов до Всенощной — это в лучшем случае! Я Вас умоляю — будьте реалистом!

— Не паникуй, золотце, — усмехнулся Руднев. — Я всегда трезво оцениваю ситуацию. И не собираюсь рубить с плеча. Разумеется, я должен сначала оценить ваше обычное звучание. Ну-ка, попробуем вот это, — он выудил из кипы нот «Херувимскую» и сел за фортепьяно.

За инструментом Андрей Константинович смотрелся очень органично — отрицать этот факт было невозможно. Внимательно глядя в ноты, он проиграл всё песнопение от начала до конца, а потом поманил к себе Кирилла.

— Садись, — кивнул он на стоящий рядом стул. — Попробуем исполнить: ты первым голосом, я — вторым. Альт и бас я сыграю. Но сначала ты один...

Кирилл послушно устроился рядом, сложил руки на коленях и по сигналу Руднева принялся старательно выводить знакомую мелодию. Он даже глаза закрыл в какой-то момент, поэтому едва не упал со стула, когда господин адвокат со злостью шархнул по клавишам:

— Ну, неужели ты не слышишь, что врёшь?! Вот здесь... — он повторил последний музыкальный фрагмент. — Эти полтона — это же как ножом по стеклу! Только не говори, что ничего не заметил!!! Иначе я решу, что тебе медведь на ухо наступил!!!

— Извините, — широко распахнув невинные голубые глаза, потерянно прошептал Кирилл. — Наверное, для меня это слишком высоко...

Руднев немного смягчился и вздохнул:

— Давай попробуем вместе.

У Андрея Константиновича оказался удивительно приятный голос — чистый, лёгкий, текучий. В сочетании со звучным и немного резковатым голосом Кирилла (Руднев сразу окрестил его про себя «пионерским») получился почти идеальный дуэт.

Бергер, вытянувшись на стуле в струнку, теперь не сводил с господина адвоката преданного взгляда и не мог не заметить, как Андрей Константинович пару раз поморщился, но прерываться почему-то не стал.

— Всё понятно, — обречённо констатировал он. — Ты, правда, не слышишь.

— У Вас абсолютный слух? — робко спросил Кирилл. — Представляю, как Вам непросто...

— Спасибо за сочувствие, — криво усмехнулся Руднев. — И сколько у вас таких... одарённых?

— Я думаю, большинство, — уклончиво ответил Кирилл.

— Ясно. — Андрей Константинович низко опустил голову, словно в знак своей покорности злой судьбе. Но уже через секунду резко выпрямился и прищурился угрожающе. — Или я сделаю из вас людей, или нам придётся расстаться. Ферштейн, Кирилл Александрович? — Бергер испуганно сглотнул и торопливо закивал. — Ну, тогда устроим генеральный прогон, — ещё более зловеще усмехнулся господин адвокат. — Я, как ты понимаешь, в богослужебных тонкостях не разбираюсь — ты уж постарайся подходчивей всё объяснить. Особенно в той части, которая касается изменяемых элементов службы. И не бойся так — я буду кротким, как ягнёнок, — сладко пропел он, заметив, как заранее напрягся Кирилл. — А то у меня самого чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда ты перепугался. Нельзя же быть таким нежным! Или общение с Роман Аркадьичем ничему тебя не научило?..

===== Глава 96. Рецидив =====

В салоне рудневского автомобиля было так хорошо, так уютно — Кирилл, рассеянно созерцая поток красных и жёлтых сигнальных огней, в котором они с умеренной скоростью двигались, с трудом держал глаза открытыми, опасаясь, что, если уснёт, то уже до утра.

— Завтра в школу? — понимающе покосился на него Андрей Константинович. Кирилл кивнул так усердно, что стукнулся подбородком в грудь. — Э-э-э, да ты совсем почти уснул! — снисходительно усмехнулся Руднев. — Ребёнок...

— У Вас будет трое, — брякнул вдруг Кирилл, очевидно отреагировав, таким образом, своим полусонным сознанием на слово «ребёнок». — Мальчик, мальчик и... девочка. Первый, как две капли воды на Вас похож. Второй — на дедушку, на Викентия Сигизмундовича, а девочка — на маму.

Руднев ненадолго потерял дар речи, потом сделал несколько глубоких вдохов и совсем пришёл в норму.

— С тобой нужно держать ухо востро, — тихо засмеялся он. — А у Панарина будут дети?

— Будет. Мальчик, — осоловело таращась в окно, подтвердил Кирилл. — Очень хороший мальчик. Способный...

— А у меня что — все сплошь «не способные»? — немного обиделся Андрей Константинович.

— Не скажу, — с вызовом ответил Кирилл. — Надо будет — сами увидите.

— Ла-адно, — развеселился господин адвокат. — А у Ливанова?

— А у Ливанова ещё одна дочка родится. Только не скоро.

— А Роман Аркадьич женится или нет?

— Может, и женится. Если выживет, — стиснул зубы Кирилл.

— Это ты фигурально? — насторожился господин адвокат.

— Нет. Это я буквально. — Кирилл с трудом сдерживался, чтобы не пнуть что-нибудь. — Вы разве не знаете, что он второй проводник всё-таки умыкнул?

Руднев резко затормозил и лихо свернул к обочине.

— Ни за что больше в машину с тобой не сяду, — зарёкся он, морщась и потирая грудь. — Скажи, что ты пошутил.

— Нет, — безжизненным голосом ответил Кирилл.

Руднев всмотрелся пристально в его лицо и неожиданно обнаружил, что в свете фар проезжающих мимо автомобилей на щеках Бергера блестят дорожки от слёз. Он поспешно освободился от ремня безопасности и нерешительно обнял Кирилла за плечи.

— Ну что ты... — растерянно пробормотал он, поглаживая его по волосам, слабо пахнущих ладаном.

— Я его ненавижу! — вскрикнул Кирилл. Он вдруг порывисто обвил шею Руднева руками, натягивая ремень, которым был пристёгнут к креслу, и уткнулся носом в воротничок рудневской рубашки.

Андрей Константинович поначалу напрягся от бергеровской непосредственности, но потом трезво рассудил, что ребёнку необходимо утешить, и заставил себя выдохнуть.

— Ты не одинок, — грустно усмехнулся Руднев. — Все, кто с ним связан — ты, я, Панарин — все его ненавидят. Это ли не чудо?

— Чудо, что никто из нас его не придушил!

— Ты не сказал никому? — осторожно поинтересовался Руднев. — Насчёт проводника?

— Нет. И Вы не скажете, — твёрдо произнёс Кирилл.

— Ты... уверен?

— Уверен, — отрезал Бергер. — Он не успокоится, пока сам не убедится, что пальцы в розетку совать не стоит. Думаете, почему я решил исчезнуть? Я ему мешал. Сдерживал. А он не сможет двигаться дальше, пока не закончит для себя эту историю с проводником. Он, кстати, хочет попробовать сделать ещё один...

Тут уж Рудневу стало по-настоящему плохо: он похолодел и начал задыхаться. Бергер лихорадочно выпутался из ремней безопасности и крепко взял его за руку, по которой тотчас потекло к сердцу приятное покалывающее тепло. Расстегнув рудневское пальто, Кирилл положил другую руку ему на грудь и, закрыв глаза, сосредоточенно зашептал что-то. Стало хорошо, легко. Разноцветные огни беззвучно скользили по потолку автомобильного салона вслед за проносящимися мимо машинами. Шуршание шин, беспокойные гудки, ревущие моторы — всё это было там, за окном. А здесь ласковые волны безмятежности и Бергер, чьи контуры мягко светились в темноте... Светились?! Андрей Константинович резко отрезвел и выпрямился на сиденье, во все глаза уставившись на удивлённого Кирилла.

— Ну вот, опять! — пробормотал Руднев, хмурясь. — М-м-м, как светло! — простонал он, прикрывая глаза ладонью.

Кирилл, с недоумением глядящий на него, вдруг засмеялся — сначала тихо, короткими всхлипами, а потом расхохотался во весь голос, лбом уткнувшись в рудневское плечо.

— Здорово Викентий Сигизмундович с Вами поработал! — радостно сообщил он. — Любит он Вас! Его защиты на троих с избытком хватит! Странно даже, что остальные не видят, как Вы сияете, словно новогодняя ёлка!..

===== Глава 97. Вы боги =====

— «Ани амарти: элохим отэм увнэй элийон кульхэм» (1), — бегло с хорошим гортанным произношением прочёл Роман и поднял глаза на Исаака Израилевича. — Я нашёл толкование... Шофэт — судья — именуется Богом, поскольку суд — Божественная прерогатива... Но это как-то... плоско что ли... У Вас, наверное, есть объяснение поинтересней?

1 «Я сказал: вы боги и сыны Всевышнего все вы» — Пс. 81, 6. (древнеевр.).

Мюнцер, подперев голову рукой, глядел на Романа с лёгкой иронией.

— Мне достаточно толкования данного Спасителем, — насмешливо заверил он. — Не помню точно, но, по-моему, так: «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?».

— То есть...

— Это обо всех нас: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы». Посмотрите что там дальше: «Ахэм кеадам тмутун ух'ахад хассарим типполу» (2) — «Но вы умрёте, как человек». Вы — боги, но умрёте, подобно смертным существам...

2 «Но как человек погибнете, и как всякий из царей падёте» — Пс. 81, 7. (древнеевр.).

— Но как тогда понимать: «Элохим ницав баадат эль, бекэрэв элохим йишпот»?

— Чего тут непонятного? — Мюнцер крупно, по-птичьи моргнул, ехидно склонив голову набок. — «Бог встанет в собрании богов, среди богов будет судить...». Или Вы сомневаетесь, что Он будет судить?

— Кого? Богов? — терпеливо уточнил Роман.

— Нас, молодой человек, нас. Бнэй Элийон — это мы. Мы — Сыны Всевышнего. В этом залог нашего будущего совершенства. Если мы не причастны Божеству, мы никогда не сможем достичь обожения. И наоборот. Если Вы это осознаете, всё остальное станет для Вас неважным. Вы оставите все Ваши ухищрения и пойдёте за Ним туда, куда Он позовёт.

Роман надменно выгнул бровь и хмуро уткнулся обратно в книжку. Видно было, что объяснения Мюнцера ему ох, как не понравились...

— Может быть, Вы говорите о том, что знаете, — отозвался он после неприятной паузы. — У меня другой опыт.

— Какой же интересно? — оживился Мюнцер. — Может, чаю? За чаем и расскажете... — Он засуетился, убирая со стола книги, и Роман встал, чтобы помочь ему.

Вдвоём они быстро управились с сервировкой и вскоре уже сидели за круглым столом, покрытым старомодной кружевной скатертью, под бахромчатым абажуром, низко нависающим над столом, и пили ароматный крепкий чай из белых чашек прекрасно сохранившегося ленинградского фарфора.

— Вы собирались что-то рассказать... — мягко напомнил Исаак Израилевич.

— Ничего особенного, — нахмурился Роман. — Просто согласно моему личному опыту, «богом», как Вы говорите, делает человека знание.

— Вы сейчас какое-то специфическое знание имеете в виду? — с невинным видом уточнил Мюнцер.

— Почему «специфическое»? — ещё больше помрачнел Роман.

— Потому что слова Торы — это тоже знание. Только другого... хм... качества.

— Хорошо. Могу конкретизировать. Знание о том, что мир — это энергия, даёт возможность человеку эту энергию преобразовывать, управлять ею, менять частоту вибраций, а, значит, владеть миром и быть хозяином самому себе. Я могу сделать так, что Вы увидите мир вокруг, как совокупность энергетических потоков и вибраций, а Вы чем докажете свои слова?

— Наверное, не стану умирать «кеадам» (3), — с лукавой улыбкой ответил ему Мюнцер.

3 Как человек — (древнеевр.).

— Но ведь ОН тоже умер! — не выдержал Роман.

— Он умер, чтобы воскреснуть. Он сотворил своей смертью невообразимое. Для нас. Он выкупил нас всех у смерти. Представьте, сколько энергии высвобождает добровольная смерть невинного человека! А Бога? Безгрешного Сына Божьего?

При этих словах Роман вдруг сильно побледнел и рванул ворот неизменно чёрной рубашки. Лоб его покрылся бисеринками пота, он задыхаясь, навалился грудью на стол.

— Не понимаю... Как будто чёрная ткань перед глазами... Не могу от неё избавиться... — отрывисто выдохнул он, вцепившись побелевшими пальцами в столешницу и сминая вязаное белое кружево скатерти. — Постоянно её вижу, постоянно...

Мюнцер уже стоял рядом с Романом и глядел на него с сочувствием и жалостью.

— Вам надо отдохнуть, молодой человек. — Он положил свою старческую руку на голову Романа и легонько погладил его тёмные волосы едва заметным движением пальцев. — Закройте глаза. Всё пройдёт. Это не страшно...

Эти слова было последнее, что Роман услышал, проваливаясь в глубокий, безмятежный, крепкий сон.

Проснулся он в кресле — посвежевший и отдохнувший — и никак не мог вспомнить, почему уснул. Вернулся к столу. Они выпили с Мюнцером ещё чаю. Очень мило побеседовали при этом. Потом тепло попрощались до следующего занятия. Правда Исаак Израилевич глядел в прихожей на своего ученика как-то уж очень печально и задумчиво. Роман хотел было спросить, почему, но передумал: мало ли — просто устал человек!

— Ну, говорил я тебе, что долго скрывать своё варварское вторжение в его сознание вам с Бергером не удастся? — терпеливо вздохнул Радзинский, протягивая Аверину скомканную голубую рубашку.

Николай Николаевич встряхнул её и тщательно расправив, развесил на верёвке.

— Ну, кто же знал, что он такой уникал! — неохотно отозвался он. — Всё, или ещё что-то осталось?

Викентий Сигизмундович заглянул в тазик:

— Носки ещё. Если хочешь, я сам их повешу. А, насчёт, «уникама» — я знал. Я целый год тебе об этом твержу! Но ты, как капризная принцесса, Коль! Уши руками зажал, глаза зажмурил и каблучками в истерике топаешь всякий раз, когда я об этом заикаюсь!

— Ты... — Как не был Аверин возмущён этой предательской речью, вежливое удивление на лице — вот всё что он себе позволил. — На. Сам повесь, — он сдержанно швырнул мокрыми носками в Радзинского и с бесстрастным лицом покинул балкон.

Викентий Сигизмундович отставил тазик в сторону и пошёл следом за Авериним.

— Никуся, ты за «принцессу» обиделся? Да? — понимающе усмехался он. — Беру свои слова назад. Могу заменить «принцессу» на «ребёнка» — суть та же. «Как капризный ребёнок» — такой вариант тебя больше устроит?

— Нет! — Николай Николаевич резко затормозил и развернулся на сто восемьдесят градусов так неожиданно, что Радзинский практически врезался в него и Аверин не упал только потому, что Викентий Сигизмундович машинально придержал его за плечи. — Оскорбительна суть, а не только форма твоего... заявления! — непреклонно стряхивая его руки со своих плеч, звенящим от напряжения голосом заговорил Аверин. — По-твоему выходит, будто я из личной неприязни принижаю достоинства твоего любимого Ромы! На самом деле — и ты прекрасно об этом знаешь — я каждый раз останавливаю тебя, когда ты начинаешь его восхвалять, просто потому, что мне страшно! Меня охватывает паника всякий

раз, когда я вспоминаю, какого монстра мы пригрели! И у меня сердце кровью обливается, когда я наблюдаю, как тяжело приходится с ним Кириллу! Поэтому — да, я рад, что какое-то время тот сможет пожить спокойно, как он этого, несомненно, заслуживает!

Радзинский слушал Николая Николаевича с такой жалостью и с таким горячим сочувствием, что любой другой на месте Аверина непременно счёл бы себя смертельно оскорблённым тем откровенным снисхождением, которое сквозило в его взгляде.

— Ну, Коль, ну, прости, — наконец, пробасил он виновато. — Не хватало ещё нам поссориться. Коль, я тебя умоляю... — просительно сказал Викентий Сигизмундович и протянул к Аверину руки.

Николай Николаевич смерил Радзинского всё ещё гневным взглядом, но потом со вздохом шагнул ему навстречу и обнял, прижавшись щекой к его могучей груди. Радзинский удовлетворённо хмыкнул и, в свою очередь, крепко обхватил Аверина руками и потёрся носом о его макушку.

— Вот и славно, — бархатисто мурлыкнул Викентий Сигизмундович. — А по поводу Шойфета... Я только хотел обратить твоё внимание, что у него всё не как у людей. Он видит тот блок, который поставил ему Бергер, причём видит его именно в тот момент, когда тот начинает работать. Ты мог предположить что-нибудь подобное? Лично я потрясён. Шойфет, несомненно, великолепно натаскан замечать любого рода магическое воздействие, которое может быть на него оказано. Просто он ребёнок ещё и сам этого не понимает. Помнишь, он увидел рудневскую привязку до того, как тот реально её сделал? Нам стоит это учитывать.

— Кеш, я на пенсию хочу. Я так устал... — вдруг жалобно прошептал Аверин, теснее прижимаясь к Радзинскому.

— Ко-о-ля... — нервно засмеялся Викентий Сигизмундович. — Побойся Бога! Ты... мальчик ещё!

— Ничего, что я седой?

— Коль, вот честно — я даже не заметил, как ты поседел! Светленьким был, светленьким и остался! А, насчёт того, что устал — потерпи немного. Скоро каникулы. Будешь у меня только есть, спать и гулять. И книжки читать только для развлечения!..

===== Глава 98. Свои люди... =====

— Извинения приняты? — Роман с улыбкой указал на обмотанные вокруг рудневского запястья сапфировые чётки.

— Ты само очарование, Роман Аркадьич! Как можно долго на тебя сердиться? — криво усмехнулся в ответ Руднев. Он был морально готов к этой встрече. Но его тело — увы! Во-первых, Андрея Константиновича — нет, не тошнило в присутствии Романа, хуже — он задыхался. Во-вторых, рассудок твердил, что перед ним — московский подросток, сын его однокурсника, мальчик с не очень хорошими наклонностями, однако всё же мальчик. Но тело ясно ощущало, что перед ним — Повелитель, его — Руднева — Наставник, существо очень опасное, могущественное и жестокое.

Похоже, Роман прекрасно понимал, что происходит с боссом, потому что любезно предложил ему сесть в кресло, а сам отошёл в противоположный угол аверинского кабинета и остановился возле книжного шкафа чёрным зловещим силуэтом.

— Не думайте, что я переоценил свои силы, — обратился он оттуда к господину адвокату. — Я бы справился. Я знаю, как изменить направление. Я бы зацепился за Карту.

— Ну, конечно, во всём виноват я. Кто бы сомневался... — сухо откликнулся Руднев.

Ох, как Роман Аркадьич взвился! Как гневно сверкнул глазами! Хорошо, что сумел

притушить свои эмоции... Но Андрею Константиновичу хватило и этой дозы романовой агрессии — он сразу сдержанно схватился за сердце.

— Николай Николаевич! — тотчас крикнул Роман. Аверин с книгой в руке немедленно возник на пороге. — Можно Вас попросить поприсутствовать?

Николай Николаевич скользнул внимательным взглядом по напряжённой спине Руднева и смиренно кивнул:

— Конечно, Рома.

Он сел в соседнее с рудневским кресло, как можно ближе к господину адвокату, и деликатно положил свою ладонь на серый рукав его пиджака.

— Ладно. Я виноват, — усмехнулся Роман. — Я должен был всё предусмотреть. — Он неспешно приблизился, пристально наблюдая за рудневской реакцией и, убедившись, что всё в порядке, взял стул, поставил его напротив босса, и сел по своему обыкновению на него верхом, положив локти на деревянную спинку. — А Вы похорошели и помолодели, Андрей Константинович, — неожиданно хмыкнул он. — Магия?

— Нет, Роман Аркадьич. Это смерть пошла на пользу моей внешности. Рекомендую, — любезно улыбнулся господин адвокат. — И я попросил бы — без фамильярности, — холодно добавил он.

— Да я и так уже — на «Вы», со всем почтением!.. — развёл руками Роман. Но, поймав укоризненный взгляд Николая Николаевича, покорно вздохнул, — Ладно, постараюсь...

— Может, перейдём к делу? — вежливо поинтересовался Руднев.

— Перейдём, — весело согласился Роман. — Вы мне снова нужны, как воздух, Андрей Константинович. Я не случайно о Вашей внешности заговорил. Мне нужен Ваш мастерски созданный образ, Ваш опыт, Ваша репутация в определённых кругах. Я предлагаю Вам стать мной. Действовать от моего имени, желательно так, чтобы никто не заподозрил обмана.

— Прости, Роман Аркадьич, но я не понял ни-че-го, — с искренним недоумением признался Руднев.

— Объясняю, — охотно отозвался Роман. — Одним из последствий нашего с Вами неудачного эксперимента с проводником оказалась активация моей связи, скажем так, с группой людей, за которых я несу ответственность. По иронии судьбы люди эти один другого краше: маги, колдуны, ведьмы... Наверное, есть кое-кто и попроще, но они ничего и не уловили — их нам потом придётся искать... Сами понимаете, шестнадцатилетний мальчик в их глазах вряд ли будет авторитетом. А вот Вы... В общем, я готов на всё, чтобы Вы согласились. Имейте в виду: я не отстану. Для меня весь вопрос в цене — можете торговаться. Только — одна маленькая деталь — Вы тоже один из этих людей. Собрать их и наставить на путь истинный наша с Вами (ну, ещё Евгения Алексеевича) святая обязанность. Ну, так как? Что скажете?

А сказать-то было решительно нечего. Андрей Константинович, потрясённый до глубины души, молчал и глядел на Романа с таким ужасом, с такой тоской, с таким отчаянием, как будто только что выслушал из уст судьи свой смертный приговор. Молчал и Роман. Ждал, разглядывал босса, ухмылялся.

Тогда заговорил Николай Николаевич.

— Дело обстоит не совсем так, как нам Рома сейчас изложил. Правда о мире проста: Вселенная — это единый организм. И мы все связаны. Те, кто в силу своего духовного возраста способны позаботиться уже не только о себе и о своём собственном духовном развитии, но в состоянии помочь и другим, получают такую возможность. Однако наше

сознание ограничено — любой духовно развитый человек это понимает — поэтому мы не можем действовать по собственному усмотрению. Мы полагаемся на Промысел, который охватывает всё, а, значит, намного точнее и в частности. Задача каждого из нас: стать безупречными проводниками этого Промысла — всеобъемлющего Божественного плана, который касается всех. Ну, и, разумеется, по нашей малости фронт наших работ ограничивается на определённом этапе теми людьми, которые непосредственно с нами связаны. Это тоже духовная реальность: мы не приходим в этот мир поодиночке.

Теперь, что касается конкретно вашей линии... У нас, если вы заметили, нет главного, потому что мы все относимся друг к другу с любовью. Тот, кто сильнее, кто старше, для нас скорее отец, чем повелитель. У вас же, в силу всем нам понятных причин, никто не желает подчиняться, каждый считает себя самым-самым и, соответственно, признаёт только силу. Самым сильным в вашей связке объективно является присутствующий здесь Рома. Что все невольно и засвидетельствовали, явившись к нему на поклон. Это значительно упрощает задачу. А о трудностях мы поговорим после того, как услышим ответ Андрея Константиновича.

Аверин умолк и устремил вопросительный взгляд на застывшего элегантно изваянием Руднева.

Роман, ожидая рудневского ответа, склонил голову набок, став ужасно похожим на безжалостную хищную птицу своим выразительным профилем и острым взглядом чёрных сверкающих глаз.

— Если Вы не согласитесь, я попрошу Панарина — он не откажется, — цинично заявил Роман, прекрасно понимая, что Руднев не позволит втянуть своего драгоценного друга в эту опасную авантюру. — Евгений Алексеевич давно отчаянно рвётся в бой. Ему понравится: и кровь волнует и польза вселенского масштаба — как раз для него... — добавил он ещё одну каплю яда.

Однако ему не удалось вывести шефа из себя. Андрей Константинович зло прищурился и насмешливо процедил:

— А если я не буду против этого возражать? Или запрошу такую цену, которую ты будешь не в состоянии заплатить?

— Насчёт первого я — извините, конечно — сильно сомневаюсь, — нагло ответил Роман. — А остальные проблемы будем решать по мере их поступления.

— А ещё говорят, что ворон ворону глаз не выклюет, — покачал головой Николай Николаевич. — По-моему, вы загрызть друг друга готовы...

— Мой Наставник учил меня, что у настоящего мага не бывает ни друзей, ни соратников, — ядовито сообщил Андрей Константинович, выразительно глядя на Романа. — Мальчик мой, повторял он, это вселенная хищников. Тот, кому ты доверишься, тот тебя и погубит...

— Напомните мне, Андрей Константинович, что именно сгубило мой безупречный замысел? — не менее желчно ответил Роман. — Не Ваша ли сентиментальность?

— Скорее Ваша, Роман Аркадьич, — сладко пропел в ответ господин адвокат.

— Я с вами с ума сойду! — схватился за голову Николай Николаевич. — Пожалуйста, решите вопрос, ради которого мы здесь собрались, а потом любезничайте друг с другом, сколько вам будет угодно!

Руднев и Роман сразу оба умолкли, обмениваясь ехидными взглядами, а потом вдруг дружно расхохотались, вытирая слёзы и всхлипывая. Николай Николаевич усмехнулся и

покачал головой: кажется, его миссия выполнена...

===== Глава 99. Благими намерениями... =====

— Ну что, Панарин, сам-то не мог догадаться? — весело пророкотал Викентий Сигизмундович, с неподдельным интересом разглядывая богатую коллекцию крепких напитков, выстроившуюся в женечкином серванте. Разноцветные и разнокалиберные бутылки — какие со скромными, какие с богатыми и вычурными этикетками — с мрачным достоинством поблёскивали за стеклянными дверцами шкафа. — Благодарные пациенты тебе подносят? — хмыкнул он.

Панарин только тяжело вздохнул.

— А ты не бери, Жень! — ласковым бархатным баритоном посоветовал Радзинский. — Твёрдо так отвечай: нет. Выпейте сами за моё здоровье! — Он подошёл к Панарину, который, сидя на подоконнике, болтал ногами, как школьник и присел рядом с ним. — Почистим. Закроем. Не переживай, — заверил он хмурого бородатого доктора. — И запомни: есть объективные духовные законы. Не мог ты внезапно вернуться к исходной точке вопреки собственному стремлению. Если что-то подобное с тобой вдруг случается, знай, что это результат внешнего воздействия. В данном случае — заработавшей связи с людьми далеко не ангельского нрава.

— Почему «заработавшей»? — мрачно поинтересовался Панарин. — С Руди я с самого первого мгновения чувствовал, что знаю его уже тысячу лет. А то и больше. Значит, она уже работала!..

— Это была твоя связь с конкретным человеком. А все остальные были сами по себе и задействованы в ней не были. Хотя наверняка с каждым из этих людей вы когда-то пересекались — пусть мимоходом. Но даже подобный беглый контакт должен был врезаться в память, уверяю тебя. И поверь, что в связи с этим, вас ждёт масса сюрпризов...

Радзинский задумался, вспоминая. Опустил низко голову — седые волосы плотной завесой скрыли его лицо. Узловатые пальцы, перебиравшие чётки, замерли, сжимая чёрные агатовые бусины.

— Смирение в тебе есть — вот что хорошо, Евгений, — вздохнул он, наконец. — Ты всегда покаяться готов, первым делом себя во всём винишь. У Шойфета этого нет ни капли. Зато он душу заложить готов, чтоб точно узнать, как всё устроено: разобрать, собрать — и чтоб всё работало. А потом своё сотворить — ещё лучше, чтоб все ахнули. Ну, и прозакладывался — отрабатывает теперь за свои эксклюзивные знания: за каждую крупицу теперь уже нашими душами, а нет — так жизнями должен заплатить. И честно говоря, всё ему пока удаётся. — Радзинский грустно покивал, изумлённо вскинувшемуся Женечке, не сразу сообразившему, какой затейливый оборот приняла их бесхитростная беседа.

— Внешне кажется, что наша взяла, — задумчиво продолжал Радзинский, — а на самом деле, с каждым шагом он всё ближе к осуществлению своей миссии. И мы ему, вроде как, помогаем — понимаешь, как всё тонко?! Благими намерениями, как говорится... Остался бы он откровенно чёрным, страшным и ужасным магом, и не было бы у него никаких шансов выполнить свою тёмную миссию. Только сменив масть, он и будет иметь авторитет среди наших. И сможет подмять их под себя, увести незаметно в сторону. Знаешь, отклонение на пару градусов в начале пути может в итоге совсем не туда тебя завести...

— А Бергер? — судорожно сглотнул ошалевший от подобной новости Панарин.

— На него вся надежда, — согласился Викентий Сигизмундович. — Он умрёт, если понадобится, но дело своё сделает.

— А Руди знает? — с тревогой спросил доктор.

— Конечно, знает. Только что с этого? Он опять в сетях Роман Аркадьича увяз. Тот Андрюшу из своих когтей не выпустит — ещё бы! — столько в него вложил! Ты, Жень, единственный из вашей тёплой компании, кто по-настоящему чужд всякого лукавства и кто сможет заметить самую тонкую подмену. Ты зрячий. Тебя не обманешь. Посему, — с долей иронии провозгласил Радзинский, вставая во весь свой внушительный рост и кладя Женечке на плечо свою тяжёлую руку, — объявляю тебя рыцарем Истины. Сражайся смело — наше дело правое, мы победим! А погрешность на пару градусов мы и сами Шойфету в маршрут заложить сумеем — он и не заметит. Так что, поглядим ещё — кто кого...

===== Глава 100. Высокое безумие =====

Если Вы никогда до дрожи в руках не желали докопаться до сути всех вещей, постичь принципы устройства мироздания, разобрать Вселенную на атомы, чтобы потом с торжествующим возгласом потрясая добытым секретным элементом, в приступе безумного ликования породить десятки, сотни, тысячи новых миров — без системы и особого смысла — просто потому, что поняли, как это делается — если Вы никогда не были одержимы этой лихорадочной жадью познания основ, Вам не понять и того маниакального упорства, с которым московский подросток Рома Князев, цеплялся за злосчастную железку под название «проводник».

Сначала, когда Роман не до конца понимал принцип действия этого предмета, ему хотелось просто обладать им, чтобы с помощью диска получить силу, которая позволила бы ему стать независимым от физической реальности. Это открывало потрясающие возможности для дальнейшего исследования секретов мироздания. Но когда устройство проводника перестало быть для Романа тайной, его одержимость утратила прежний корыстный характер и превратилась в высокое безумие настоящего исследователя.

Знать, как работает диск — это одно, а применить это знание на практике — совсем другое. Роман с лёгким раскаянием признавался себе, что сделал некогда очень опасную вещь. Оправдываясь благородством своих нынешних намерений, он собирался теперь исправить данный факт и изменить направление проводника. А потом, чтобы закрепить результат, создать ещё один диск — в этот раз изначально безупречный, образцовый и похвальный. Собственно, и предыдущий проводник с точки зрения Романа был шедевром — просто оценить его было некому — все какие-то нервные! А ведь хотелось и заслуженного признания добиться — не то чтобы это было главным движущим фактором...

Сегодня был особенный день. Роман всем своим существом ощущал вибрацию энергетических потоков Вселенной, напряжённо звенящих вокруг, подобно туго натянутым струнам. При желании он мог бы управлять ими: настолько явственно он их осязал. Роман чувствовал себя повелителем материи — то, что нужно, для исполнения его замысла. Внимая величавому звучанию восхитительной космической симфонии, он больше ничего вокруг себя не замечал. Действительность была не интересней, чем бессмысленное мелькание картинок на мутном экране чёрно-белого телевизора с выключенным звуком — уныло, скучно, непонятно. В конце концов, Роман наплевал на школьную дисциплину и просто ушёл после очередного урока, и всё.

Охваченный небывалым вдохновением, с горящими благородным безумием глазами он летел по школьному коридору навстречу свободе, не разбирая дороги, и вдруг споткнулся со всего размаху о какого-то недотёпу, которому взбрело в голову завязывать шнурки на самом проходе.

Едва не пропахав своим благородным носом школьный паркет, Роман развернулся, полыхая гневом, готовясь испепелить неудачника на месте, как вдруг заморгал растерянно и резко затормозил с налёту. Перед глазами снова повисла ненавистная чёрная ткань, которая последнее время изводила его постоянно: то возникая посреди разговора с Ливановым, который давал ему уроки астрологии, то когда он делал домашнее задание по физике, но чаще всего в школе во время занятий. Старшие товарищи, к которым он обращался с этой проблемой, сочувственно качали головами и с самым серьёзным видом уверяли (и ведь не врал — вот что примечательно!), что это, наверное, идёт из прошлого и обусловлено его личными индивидуальными особенностями. Предлагали подождать, пока само не пройдёт. Роману такие объяснения не нравились, и он им не слишком верил, но разбираться, в чём подвох, желания не было, поскольку его внимание на тот момент было полностью поглощено манипуляциями с проводником.

— Какого чёрта! — рявкнул Роман, зажмуриваясь и тряся головой. Когда он открыл глаза, виновника происшествия рядом уже не было, а перед ним стоял Аверин с непередаваемым выражением тихого бешенства на интеллигентном лице.

— Ты уверен, что это хорошая идея — прогуливать уроки? — вежливо обратился он к Роману.

— С чего Вы взяли, что я прогуливаю? — высокомерно прищурился тот.

— Возможно, я так подумал, потому что ты направляешься в гардероб? — холодно предположил Николай Николаевич.

— Может быть, я мобильник забыл в кармане куртки? — усмехнулся в ответ Роман.

— А ну — марш на урок!!! — неожиданно взорвался Аверин.

Роман пожал плечами и, ни слова не говоря, развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к кабинету химии. На пороге он ещё раз обернулся, но учитель по-прежнему стоял на том же месте и, невозмутимо постукивая пальцами по обложке журнала успеваемости, наблюдал за Романом.

Вздыхнув и низко опустив голову, Роман шагнул в класс. И тут же снова свет погас у него перед глазами. Сохраняя присутствие духа, Роман хладнокровно двинулся дальше — чернота исчезла. Смутная догадка заставила его развернуться и посмотреть в том же направлении, что и мгновение назад: чёрная ткань тут же упала плотным, непроницаемым занавесом.

— Ага... — Роман ещё раз отвернулся и сделал пару шагов к своей парте: отличная видимость, прекрасный обзор! Он опять остановился и пошёл назад: тьма отрезала его от внешнего мира в ту же секунду. Похоже, его способность видеть блокировал какой-то конкретный источник, находящийся здесь, в классе. Но чем тогда объяснить подобные приступы вне стен школы?..

Размышляя подобным образом, Роман продолжал свой эксперимент. Не поворачиваясь на этот раз спиной, он отступил немного назад — ничего не изменилось! Тогда он медленно двинулся дальше — ему плевать было, насколько странно этот загадочный танец выглядит сейчас в глазах одноклассников.

Стараясь держать курс на самый эпицентр черноты, он дошёл до первой парты и остановился спиной к доске. Определённо, сегодня был удачный день! Роман увидел, что загадочная ткань вовсе не является непроницаемым экраном и вообще не является чем-то — скорее ничем, отсутствием вибраций. Существовала некая помеха, блокирующая свободное течение энергий в определённом месте. С облегчением рассмеявшись, Роман протянул руку

и выдернул отсекающую часть вибраций золотую пластину. Хлынувший свет заставил его зажмуриться на мгновение, а затем он увидел два знакомых голубых глаза с мрачным упорством разглядывавших его из-под упавшей на лоб чёлки.

— Чёрная магия — это не твоё, Лапуля, — ласково проворковал Роман, выразительно приподнимая бровь. — Не шути так больше — особенно со мной — а то ведь я могу рассердиться... — И тут же прошипел довольно злобно, — Живо на место! После уроков поговорим!.. — И, схватив лежащую на парте сумку Кирилла, а самого Кирилла крепко цапнув за руку, раздражённо поволок его за собой — в самый дальний угол класса.

===== Глава 101. Клятва =====

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?! — не поверил своим ушам Роман. — Отдал тебе проводник?! Ты хоть понимаешь, как это опасно — держать у себя такую чёрную штуку?!!

— Ты сам слышишь, что ты сейчас сказал? — с пылающим от гнева лицом сдержанно процедил сквозь зубы Бергер. — Ты разоблачил себя полностью! — Его палец упёрся Роману в грудь, заставляя того отступить и практически впечататься спиной в стенку. До романовой квартиры они не дошли: принялись выяснять отношения по дороге и продолжили в подъезде — на лестнице между третьим и вторым этажом.

— Лапа, опомнись! — миролюбиво поднимая кверху руки, усмехнулся Роман, — Ты несколько опоздал: меня давно уже разоблачили, и все твои открытия относительно меня, мягко говоря, устарели!

— Тебе смешно?! — яростно прошипел Кирилл, хватая Романа за куртку и встряхивая его так, что тот слегка приложился затылком об стену. — Весело тебе по чужой указке жить? Тебя просто используют, идиот!!

— Вообще-то, это называется взаимовыгодное сотрудничество: я получаю то, что я хочу, и плачу за это приемлемую для меня цену...

— Где-то я это уже слышал! — ехидно заметил Бергер. — А, вспомнил! Это мне Руднев говорил — с твоих же слов, очевидно — по поводу «помощников». Гордо так заявлял: «Это я их Хозяин, они от меня зависят!»... А сам даже не понимал, что и зачем он делает!..

— Эта была та самая цена, которую он находил приемлемой...

— Хватит врать! Хватит изворачиваться! Хватит передёргивать! И прекрати идти на поводу у своих сомнительных желаний! Ты должен слушаться меня! меня!! меня!!! — каждую сентенцию Бергер сопровождал чувствительным встряхиванием, от которого голова Романа билась затылком об стенку.

— Кир-р-ра! — морщась от жёсткой встречи с шершавой подъездной стеной и смеясь одновременно, увещевал его Роман. — Где тот тихий мальчик, который жалел и любил весь свет?

— С кем поведёшься — как говорится! И раз уж ты по-хорошему не понимаешь — я заставлю тебя выполнять обещания! — Бергер схватил Романа за рукав и потащил за собой наверх. Перед дверью квартиры он похлопал Князева по карманам, нашёл забряцавшие там ключи и, отперев дверь, втокнул его в прихожую.

Роман, посмеиваясь, послушно разделся и прошёл следом за Бергером в свою комнату. Плотно прикрыв за собой дверь, он с иронией наблюдал, как Кирилл лихорадочно копается в его вещах, вынимая и складывая на письменном столе какой-то подозрительный набор предметов: лист бумаги и — почему-то — кинжал, остро заточенное гусиное перо и — зачем-то — пластырь...

— Иди сюда, — как-то слишком ласково позвал друга Кирилл. Он полностью очистил

поверхность стола от посторонних предметов и оценивающе взглянул на Романа. — Ты мне сейчас клятву будешь давать. Таковую, что, если ты её вдруг нарушишь, тебе будет о-о-чень плохо...

Роман сразу резко посерьёзшел, постоял немного у двери, потом медленно прошёл в комнату и, сев на кровать, мрачно уставился в пол.

— Зачем? — негромко спросил он, наконец.

— Зачем?! — Кирилл быстро пересёк разделявшее их пространство и, присев перед Романом на корточки, заглянул снизу ему в лицо. — Затем, что просто так я тебе уже один раз поверил: ты стоял передо мной на коленях, целовал мне руки и с горькими слезами клялся, что никогда больше не будешь таким самонадеянным, что выбросишь всякую дурь из головы и посветишь всё своё время Карте и тому, что она тебе предлагает. Что ты будешь искренно сопротивляться искушениям своей маньяческой природы и отложишь решение вопроса с проводником до того момента, когда достигнешь конечной точки Карты. Забыл? А ещё ты согласился со мной, что, пока твоё сознание находится, мягко говоря, во фрагментированном состоянии, ты не можешь адекватно оценить ни себя, ни свои возможности, ни вероятные риски, ни подлинный смысл предлагаемых тебе шагов.

— Но, Лапа! — возмутился Роман. — Я честно соблюдал наш договор! Пока ты не заставил меня его забыть! Об этой мелочи ты, конечно, благоразумно умалчиваешь!

— Что ты соблюдал?! — разозлился Бергер. Он сжал кулаки, вставая. — Ты отстал от Руднева только потому, что получил всё то, что от него хотел. Только другим путём — уничтожив фантом! И ты не изменился! Совсем! Ты непрошибаем!!! Даже сегодня... Я ПОСТАВИЛ. ТЕБЕ. БЛОК. Я манипулировал твоим сознанием! Но ты благодушно меня простил, потому что для тебя это — шалости! Ты не разозлился!!!

— А должен был? — обречённо спросил Роман, с тоской глядя в яростно сверкающие глаза Кирилла. Больше всего на свете он сейчас хотел, чтобы Бергер... заплакал. Чтобы снова стал трогательным и беззащитным. Роман принялся бы его утешать, потом задабривать. Скормил бы ему шоколадку и под судорожные всхлипы утихающих рыданий пообещал бы ему всё-всё. И Бергер был бы этим доволен. Потому что доверчивый. Потому что наивный. А теперь что?

— Должен! — заорал Кирилл и вдруг залепил Роману пощёчину. — Ты должен был разозлиться! Выйти из себя! Ты должен был почувствовать себя преданным! Потому что близкие люди так не поступают! Никогда!!! И тебя должен сейчас грызть вопрос: «Почему? Почему он это сделал? Ведь я ему доверял!..».

Если Бергер хотел Романа достать — он этого добился. Медленно свирепея, Роман встал, отодвинул с дороги Кирилла и, подойдя к столу, хладнокровно полоснул кинжалом по пальцам. Спокойными, размеренными движениями придвинул к себе чистый лист бумаги, перо, и, тщательно вывел своей кровью: «Передаю сделанный мною проводник в собственность Бергера Кирилла. Клянусь не делать никаких попыток завладеть им и не прикасаться к нему до тех пор, пока Владелец сам не позволит мне это. Да услышат голос моей крови, которой я скрепляю эту клятву, иерархии верхних и нижних миров. Пусть станут они свидетелями между мной и Владельцем проводника и покарают меня смертью, если я нарушу эту клятву». Прибавив внизу дату и свою энергичную подпись, Роман, уже без посредства пера, начертал вверху листа крест и приложил саднящие от соприкосновения с шершавой сухой бумагой пальцы к губам. Встав на колени, он вынул из стола ящик с диском, положил на него сверху свою «дарственную» и повернулся к Кириллу.

Бергер глядел на него таким стеклянным, таким затравленным взглядом, как будто только что стал свидетелем убийства. Он коротко, отрывисто вздохнул, а потом вдруг закрыл лицо заметно дрожащими руками и сполз на пол, привалившись спиной к кровати. Роман с удивлением заметил, что Бергер трясётся, как осиновый лист и, судя по звукам, судорожно глотает слёзы.

Он отставил свою ношу в сторону, подошёл поближе и нерешительно опустился на пол рядом с Кириллом. Тот словно ждал этого — сразу обвил его шею руками и горько зарыдал уже в полный голос.

— Прости, что я тебя ударил, — пролепетал он через некоторое время и на ощупь погладил его по щеке. — Но ты должен был сделать это... с чувством.

— Так ты притворялся?! — возмутился Роман, отдирая от себя Бергера, чтобы взглянуть ему в лицо.

Кирилл сразу отвернулся и принялся вытирать руками слёзы.

— Чтобы тебя ненавидеть, не надо притворяться, — сдержанно произнёс он. — Нужно просто позволить себе быть как все... — Он снова всхлипнул. — И что тебя возмущает? Как будто тебе есть до меня дело!

— То есть?!! — искренне изумился Роман.

— Не важно, — дрожащим голосом ответил Кирилл. — Тебе не только до меня, тебе вообще ни до кого нет дела. Так что я не в обиде...

— Бергер, ты бредишь?! — окончательно рассвирепел Роман. Ему хотелось как следует встряхнуть Кирилла за плечи, но он боялся, что тот опять начнёт драться, или рыдать, или обвинит его в том, что этот жест означает полное пренебрежение с его стороны... — Может, ты просто перенервничал? — с надеждой спросил он.

— Нет, я спокоен, как удав! — заорал Кирилл, возмущённо взмахивая руками, и быстро отвернулся. Послышался полузадушенный всхлип. Ну, так и есть — истерика.

Роман вздохнул с облегчением и принялся гладить Бергера по голове и по плечам, потихоньку притягивая его к себе.

— Бедный, несчастный ребёнок, — шептал он успокаивающе. — Никто его не жалеет. Никто не ценит. А он так старался... Зато у него всё получилось. Получилось ведь? — ласково спросил он.

Кирилл кивнул.

— Даже воздух вокруг дрожал. И крест я видел...

— Вот! — многозначительно сказал Роман, целуя его в макушку. — Значит, всё заработало как надо. Ты у меня молодец и заслужил шоколадку. Точнее, ты давно уже заслужил собственную шоколадную фабрику, но на данный момент у меня есть только одна шоколадка, а ещё — мороженое...

— Пост, — грустно вздохнул Кирилл.

— Ничего страшного, — заверил его Роман. — Ты ведь пропустил мой день рождения... Честно говоря, ужасно обидно: первый раз в жизни у меня был шанс отпраздновать день рождения с настоящим другом и ты так меня кинул!

Роман хотел пошутить, но Бергер принял его упрёк слишком близко к сердцу. Повернувшись, он порывисто обхватил его шею руками и залепетал несчастным голосом, перемежая слова судорожными всхлипами:

— Ром, прости. Я не хотел. Так получилось. Я уже не знал, что сделать, чтобы тебя образумить. Ты не понимаешь, ты просто не понимаешь, что тобой манипулируют. А я вижу

это. Этот проводник — ловушка. Я не могу тебе сейчас всего рассказать. Просто, поверь мне! Забудь на какое-то время о своей мании. Ты ведь не настолько безумен, чтобы нарушить клятву?

— Не настолько, — успокоил друга Роман, пребывающий в лёгком замешательстве от вываленной на него Бергером информации.

— Правда-правда? — робко переспросил Кирилл.

— Правда-правда, — усмехнулся Роман. Он в самом деле, вложил в эту клятву такую силу порождённого негодованием чувства, с такой страстью вырвал из сердца свою маниакальную зависимость от этого предмета, что теперь не испытывал никакого душевного волнения при мысли о проводнике и о таящихся в нём возможностях — как отрезало.

— Слава Богу! — вздохнул Кирилл. — Теперь ты сможешь двигаться дальше. А подарок я тебе давно уже приготовил. Я с собой его всё это время ношу. — Бергер подтянул к себе брошенную на пол сумку и, покопавшись, извлёк оттуда увесистый свёрток прямоугольной формы со слегка помятым цветочком из фиолетовой с золотом ленточки крест-накрест обвивающей упаковку. — Вот. Владей. Кёлер (1) — как ты хотел. Я несколько раз тебя переспрашивал — BDB (1) тебе предлагал, но ты упёрся, что хочешь только Кёлера или ничего. Пришлось немного напрячься... С днём рожденья, Ром!..

1 Словари древнееврейского языка.

===== Глава 102. Элитный клуб =====

Дерево было огромное — под самый потолок. Таинственным полумраком и волнующим запахом живого настоящего леса наполнило оно дом. Бревенчатые стены и печка, в которой, околдовывая взгляд, перепархивали по обугленным деревянным чуркам красные и оранжевые огненные эльфы, сразу задышали по-новому, стряхнули налёт обыденности, ожили, как по волшебству.

Ливанов, стоя на стремянке и от усердия прикусив губу, тянулся, теряясь в мохнатых еловых лапах, вверх, чтобы повыше развесить оленей, снеговиков и снежинки. А Николай Николаевич замер, как очарованный, под ёлкой над очередным стеклянным шаром. Погрузившись в глубокую задумчивость, он не замечал, как тихо исчезают другие шары из коробки — Радзинский скользил неслышно, словно тень, и делал знаки Панарину, чтобы не тревожил отключившегося от реальности Аверина.

— Где твой бесценный товарищ? Да и Надежда Викентьевна, кстати, — недовольно проворчал Ливанов, пихая Женечку в бок, когда спустился за очередной порцией игрушек.

— Опять целуются где-нибудь, — с досадой отмахнулся доктор. Ливанов подавился смешком и, бросив пытливый взгляд на Радзинского, с невозмутимым видом снова полез наверх.

Кирилл с Романом сидели в это время в уголке за печкой. Увлечённо наряжая конфетами ёлку, Бергер умудрился исколоть себе все пальцы пахучей хвоей, едва не упасть с табуретки и разбить пару стеклянных шаров, после чего порезался, подбирая с деревянного шершавого пола разноцветные осколки.

— Лапуся, — раздражённо поинтересовался Роман, смазывая мелкие порезы на его руках йодом. — Может, поделишься — чем ты так озабочен, что у тебя всё валится из рук?

Кирилл неопределённо пожал плечами, с преувеличенным вниманием следя за движениями ватной палочки, оставляющей на коже коньячного цвета следы. Белый воротничок рубашки поверх серого свитера с трогательными рождественскими оленями, пушистые ресницы, волнистые пряди светлых волос надо лбом — не ребёнок, а сплошное

очарование. Но Роману трудно было забыть, с каким хладнокровием этот самый ангелочек не так давно вынимал из него душу.

— Рассказывай, давай, — сурово потребовал он. — А то потом выяснится, что ты опять в одиночку ведёшь неравный бой с силами тьмы! Я не хочу узнать об этом, навещая тебя в больнице!

Бергер воззрился на него с искренним изумлением, а потом звонко расхохотался, сверкая белыми зубами.

— Да нет же, Рома! Ничего подобного! Что же ты сразу предполагаешь самое плохое?

— Готовься к худшему — лучшее само придёт, — уверенно ответил на это Роман.

— Фу, какой ты пессимист! — скривился Кирилл.

— Я не пессимист — я реалист. И хватит мне зубы заговаривать. Рассказывай, что у тебя стряслось!

— Андрей Константинович «стрясся», — вздохнул Бергер. — Не поверишь: он довёл весь клирос до перманентной истерики! Как взглянет, так сразу внутри всё обрывается... Я боюсь, что с ночной рождественской службы нас будут по одному в предынфарктном состоянии выносить...

— Это что ещё за новости?! — поразился Роман. — Руднев так вас третирует?

— Не то, чтобы третирует... Просто, он перфекционист. И пытается добиться идеального звучания от неидеальных людей. Все уже вздрагивают от одного его взгляда, потому что, если он на тебя посмотрел, значит, ты облажался. А глядит он так зловеще, что язык немеет...

Роман, ехидно посмеиваясь, закрыл аптечку.

— Да-а, это он умеет! Моя выучка!

— Нашёл, чем гордиться! — обиделся Кирилл. — Вот доставят тебе в рождественское утро мой хладный труп, тогда посмеёшься!

— Но-но, без паники! Неужто всё так серьёзно? Ну хочешь, я с ним поговорю?

— Не-ет. Боюсь, что после этого только хуже будет!

— Кирюша, ну ты же понимаешь, что я этого так не оставлю? Раньше надо было думать — когда жаловался!

— Я не жаловался! — запротестовал Кирилл. — Я просто поделился! И потом: ты же меня заставил!

— Тема закрыта, — вежливо сообщил Роман. И вдруг согнулся пополам, хватая ртом воздух. На лице его при этом застыло выражение удивлённое и немного обиженное.

Кирилл вскочил, молниеносно просканировал его взглядом и, протянув левую руку, схватился за что-то невидимое в районе солнечного сплетения — в том самом месте, которое Роман обнял, словно пытаясь защитить, обеими руками. Лихорадочно перебирая пальцами правой руки вынутые из кармана чётки, Бергер закрыл глаза и, шепча что-то горячо и даже страстно, дёрнул изо всех сил незримый предмет на себя. Рука Кирилла при этом вибрировала так, будто он держался за оголённый провод.

Тело Романа обмякло, он понемногу начал приходить в себя. Обвёл мутным взглядом обступивших его старших товарищей. Ахнул полузадушено, увидев, что рука Кирилла, на которой Аверин успел закатать рукав, почернела до самого локтя — сплошной синяк.

— Ой, как интересно-то! — воскликнул Викентий Сигизмундович, склоняясь над Романом и вытягивая из его живота блестящую чёрную ленту. — Вот они — горькие плоды зависти и жгучей ненависти к тирану, — покачал он головой, разглядывая нити, из которых

она была сплетена. — Поздравляю тебя, Шойфет. Ты принят в элитный клуб власть предержащих — на тебя только что было совершено покушение...

===== Глава 103. Совесть =====

Склонившись над Романом, Руднев потянул носом воздух и уверенно кивнул:

Да, это она. — С интересом впиваясь хищным взглядом в романовы зрачки, он довольно цинично констатировал, — Страх делает женщину крайне жестокой...

— Почему сразу не рассказал? — хмуро поинтересовался Ливанов, терзая перламутровую снежинку.

— Было бы о чём! — равнодушно пожал плечами господин адвокат и с таким достоинством, с такой царственной осанкой прошествовал на своё место — словно принц на эшафот.

За окном была уже непроглядная темень. В неосвещённой части комнаты таинственно мерцала огнями наполовину наряженная ёлка. Надрывно выл в трубе ветер, швырял горстями в стекло снег. Обстановка — как раз для страшной новогодней сказки.

— И что теперь? — ещё больше помрачнел Ливанов.

— Она должна быть примерно наказана, — с любезной улыбкой сообщил Андрей Константинович. — Чтоб впредь неповадно было. Я полагаю, Роман Аркадьич понимает, с чём я говорю... — Он пристально взглянул подростку в глаза.

— Можно, я пойду? — сухо бросил Роман вместо ответа. И, не дожидаясь разрешения, вышел из-за стола.

То, как жёстко блеснули ему вслед карие глаза Панарина, и то, каким задумчивым взглядом проводил его Радзинский, заставляло предполагать, что ни они, ни безразлично разглядывающие столешницу Ливанов с Рудневым не верят, будто Роман отправился просто отдохнуть. Тот воспринял это как разрешение — раз понимают и не останавливают...

Задержавшись на мгновение возле комнаты Аверина, где под присмотром учителя находился сейчас Кирилл, послушав тихое монотонное чтение покаянного канона, он скользнул в комнату Радзинского и замер с закрытыми глазами, сканируя пространство. В следующую секунду он уже вынимал из нижнего ящика письменного стола ритуальный кинжал. Хладнокровно сунув его в рукав, Роман неслышно спустился вниз, свернул под лестницу и закрылся в комнате, в которой они с Кириллом поселились на время зимних каникул.

Оставшись наедине с собой, он задумался. Разве к этому он стремился? Его цель всегда была полная независимость, свобода для исследования, вечный драйв и бесконечный полёт — никаких обязательств! Никогда, никому!.. Вместо этого он ближайшие лет шестьдесят должен будет пасти каких-то безголовых чернокнижников — злобных, коварных, спесивых до невозможности — вроде этой старой ведьмы, которая решила, что может его (!) убить. Дура.

Роман откинул в сторону ковёр. На освободившемся участке пола он с особой педантичностью начертил прихваченным под лестницей углем какую-то сложную, зловещую фигуру и снова задумался. Может, ещё не поздно забрать Бергера и, используя возможности Карты, покинуть этот мир навсегда?

Нет, Бергеру нужен Аверин. И Радзинский. И все остальные — ведь это его семья... А семья Романа? Ну, как бросить Рудневу? Да, и зачем? Босс человек вменяемый, да и вообще родной. И всегда его поддержит, как бы не изображал из себя несчастную жертву бесчеловечного эксперимента. И Панарин в принципе отличный парень! Жаль, что не

подпускает пока к себе, не получается никак с ним сблизиться. Но — это дело времени...

Роман решительно полоснул кинжалом по уже изрядно изрезанным пальцам и принялся за дело. Вот в центре фигуры появляются знакомые очертания фантома... Роман прищурился, внимательно разглядывая его, добавил ещё пару достоверных деталей — вроде бы вполне убедительно...

Он снова погрузился в раздумья: поддержание жизнеспособного фантома требует колоссального количества энергии. Использовать и уничтожить? Или, может, наказать эту ведьму другим способом? Но наверняка, услуги фантома потребуются ещё. Чтобы босс в его роли и дальше выглядел убедительно, чтобы его миссия была успешна, за его спиной всегда должна стоять внушительная и мрачная фигура Господина в чёрном. Опять попросить энергию взаймы? Ужасно не хочется одалживаться — неизвестно, что потребуют взамен. В то же время, если использовать силу какого-нибудь мелкого помощника, даже эта ведьма мгновенно почувет его слабость и тогда с ней будет не совладать. Не говоря уже об остальных...

Роман всегда принимал решения очень быстро — ну, не любил он растекаться мыслью по древу! Усевшись на пол, он закрыл глаза и мысленно начал опускаться в ту самую притягательную тьму, куда всегда так стремился, и куда только один раз и окунулся — благодаря Рудневу, который блестяще исполнил роль проводника. Роман был там, наверное, считанные секунды, но даже такое краткое погружение заставило его захлебнуться от восторга — сила, буквально разлитая в воздухе, на мгновение заставила его забыть обо всём. Потом отчаянная тоска, мучительное ощущение потери и яростное отторжение — он ясно почувствовал, что не хочет снова остаться без человеческого тепла, без любви, без света...

Роман поймал себя на том, что бессознательно пытается нащупать связывающую его с Рудневым нить — тело помнит, что босс проводник... Нет, так не годится — Руднева использовать нельзя — табу. И вдруг Роман ощутил, как в сердце что-то щёлкнуло, и мощная волна знакомой тёмной энергии прокатилась по телу. У него, оказывается, есть личная связь с патроном! Логично... Она была заблокирована, поэтому патрон никогда не выходил с ним на контакт. А теперь Роман сломал этот блок. Случайность?..

Даже просить ни о чём не пришлось. Патрон явно знал, что ему нужно — фантом прямо на глазах обрёл свою прежнюю жизненность и ощутимую, тягостную силу. Роман почувствовал, как внутри змеится неприятный холодок. «Всё развлекаешься?» — насмешливо обратился к нему во время их последней встречи надменный господин, так органично слившийся с его — Романа — импозантной внешностью. — «Знаешь ведь, что нужно сделать, чтобы вернуть свою силу. Духу не хватает? Хочешь, я избавлю тебя от Ключа? Только попроси...».

Разъярённый Роман разделался с фантомом безо всякого угрызения совести. Но даже в этот момент он держал про себя дополнительное практическое соображение, что Радзинский со товарищи ещё и похвалят его за это — будет чем козырять, если его попытаются обвинить в неискренности и двойной игре. Потом уже Бергер открыл ему глаза на бесспорный факт — что фантом давно перестал быть всего лишь его творением — и слова Господина в чёрном зазвучали для Романа по-новому.

Миссия, миссия... Что же он такое должен сделать? Спросить у патрона? Тогда уже точно не отвертеться от этой самой «миссии». Лучше не торопить события. Заняться текущими проблемами.

Роман мрачно взглянул на фантом. Вспомнив, что Бергер снова пострадал, защищая его,

он почувствовал такую безумную ярость, что с трудом удержался, чтобы не крикнуть помощнику: «Отправляйся, оторви этой дуре голову и принеси мне». Вместо этого он холодно приказал: «Поставь её на место. Сделай так, чтобы она почла за счастье вылизывать мои ботинки. Пусть принесёт клятву вечной верности. Никаких уступок».

Наблюдать, как фантом обстоятельно и методично смешивает ведьму с грязью, почему-то совсем не хотелось. Поэтому, дождавшись подробного отчёта и подписанной кровью клятвы, Роман уничтожил все следы своей однозначно преступной деятельности, покромсал в клочки информационное поле в комнате, стёр с пола рисунок, тщательно закрыл портал, очистил кинжал. Его, кстати, надо вернуть на место.

Роман выскользнул за дверь, снова беспрепятственно проник в спальню к Радзинскому и положил заимствованную вещь обратно в стол. У двери в аверинскую комнату он, как и прошлый раз, остановился и прислушался: тишина. Бергер спал, и больше в комнате никого не было.

Роман неслышно приблизился и застыл возле кровати. По сути, обратившись за помощью к патрону, он только что предал Кирилла и их общее дело — Карту. На душе было на редкость паршиво, а искать сочувствия было не у кого. У спящего же Бергера был такой мирный вид, от него исходили такие светлые, такие чистые импульсы, что хотелось просто стоять рядом и впитывать его душевное тепло и безмятежную радость его сердца.

Роман решительно сбросил обувь и, стараясь не потревожить Кирилла, лёг с ним рядом. Одну руку он с величайшими предосторожностями подsunул ему под голову, а второй бережно обхватил его за плечи. Стало ощутимо легче — сердце словно согрелось, и дыхание потекло упоительно свободно.

Роман понимал, что поступает в данный момент не слишком красиво по отношению к Бергеру, который уже отдал ему сегодня огромное количество своей энергии, но перспектива оказаться сейчас одному в пустой комнате, осквернённой недавним присутствием фантома, и всю ночь выть от жестокой тоски на луну ужасала его неимоверно. Наверное, впервые в жизни он ощущал такой дикий, такой животный, скручивающий внутренности, страх при одной только мысли о темноте и одиночестве. До сих пор это была, если можно так выразиться, его естественная среда обитания...

Дыхание перехватило от подступивших к горлу слёз. Роман чувствовал, что сделал что-то ужасное и одновременно фатально неизбежное. Он зарылся носом в кирилловы волосы и зажмурился, стараясь не разрыдаться — решительно с ним творилось что-то непонятное.

Он лежал так довольно долго: прислушиваясь к спокойному дыханию Бергера, к мерному биению его сердца и к тихому тиканью часов на тумбочке рядом с кроватью, коротко, прерывисто глотая ртом воздух, чтобы сдержать закипающие и готовые выплеснуться слёзы, судорожно сжимая в объятиях своего самоотверженного Ангела-Хранителя. И незаметно для себя крепко уснул.

Открыв глаза, Роман обнаружил себя лежащим у подножия огромного дуба. Его голова покоилась на коленях у Бергера, который безотрывно глядел куда-то вдаль тоскливым, отсутствующим взглядом. Горькая складка залегла возле его губ — Бергер словно стал старше и как будто успел растерять всю свою жизнерадостность и весь оптимизм.

Роман приподнялся на локте и с тревогой заглянул Кириллу в лицо. Тот наконец-то обратил на него внимание, стряхнул задумчивость и изобразил на своём лице что-то вроде улыбки.

— Тебе лучше? — безо всякого интереса спросил он.

Роман сел и отрицательно покачал головой.

— На редкость мерзопакостно, — хрипло охарактеризовал он своё душевное состояние.

— Поздравляю, — бодро заметил на это Кирилл. — Ты преодолел, наконец, первую ступень. Теперь тебе всегда будет так гадко на душе, если ты сделаешь что-нибудь плохое. Образно говоря, у тебя проснулась совесть.

— Ты шутишь? — подозрительно прищурился Роман.

— Нет. Взгляни на долину — отсюда она как на ладони. Тебе больше нет надобности туда возвращаться...

Роман вскочил на ноги и посмотрел вдаль. Перед ним, действительно, детским игрушечным макетом простиралась долина с затерявшимися меж зелёных холмов шатрами, микроскопическими овечками и миниатюрными фигурками пастухов, с кудрявыми роцами, тающей в голубой дымке горной грядой и блестящей лентой синей реки, теряющейся где-то за поворотом.

— Я туда не вернусь?! — не поверил Роман. — Я же... не попрощался! Даже спасибо не сказал!!!

— Я думал, ты обрадуешься, — равнодушно пожал плечами Кирилл. — Ты так торопился скорей дойти до финала... — Он встал, отряхнулся и пошёл куда-то, прочь от долины и от потрясённого до глубины души Романа.

— Кир, стой! Ты что — бросаешь меня?! — Раздираемый противоречивыми желаниями — бежать вслед за Бергером или мчаться назад, в долину — Роман не мог заставить себя тронуться с места. — Кир! Вернись!!!

Бергер остановился. Прижал руку к сердцу.

— Я просто устал, Ром. — Он усмехнулся с каким-то несвойственным ему цинизмом. — Не бойся — я тебя не брошу...

— Кирилл... — делая шаг в его сторону, срывающимся голосом попытался оправдаться Роман. — Я виноват. Но я не мог иначе...

— Знаю, — прервал его Кирилл. — Знаю... А вот ты не догадываешься, что если тебе плохо, то и мне — плохо. У меня сейчас такое ощущение, как будто я изнутри грязный. До того мерзко! Меня просто тошнит от самого себя...

— Прости, Кирюш, — жалобно прошептал Роман. — Я... Что мне сделать?

Кирилл поглядел на него сочувственно, но ничего не ответил.

В панике Роман сделал ещё один шаг ему навстречу и вдруг разрыдался, как ребёнок, задыхаясь и горько всхлипывая. Фигура Бергера сделалась нечёткой и размытой, потом и вовсе ничего не стало видно, кроме серого унылого тумана, расплывающегося перед глазами. Единственным ориентиром в этой мутной пустоте оказались руки Кирилла — тёплые, ласковые, человеческие руки, которые утешали его уверенными объятиями и нежными прикосновениями.

— Всё хорошо, Ром, — шептал он горячо. — Правда ведь — уже легче?

Роман только кивал, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, как растворённая слезами боль постепенно вытекает наружу...

Когда он открыл глаза, был уже день. Лежать на мокрой и холодной подушке было крайне неудобно. Высыхающие на щеках слёзы неприятно стягивали кожу. Хотелось немедленно умыться, а ещё найти кого-нибудь из старших товарищей и безотлагательно покаяться. И непременно добиться, чтобы его простили, возвращая душе утраченные мир и

покой.

===== Глава 104. Убей его =====

— А вот это, — Андрей Константинович не спеша провёл указательным пальцем по доверчиво раскрытой для него наденькиной ладони, — это бугор Венеры. Он хорошо развит, что указывает на натуру чувственную и страстную... — Руднев пронзительно глянул на смущённо дрогнувшие от его слов наденькины ресницы, наслаждаясь появлением на щеках девушки равномерного пылающего румянца.

— А на выдающийся интеллект и высокую духовность там ничего не указывает? — ехидно спросил из-за рудневской спины Роман. — Простите, драгоценная Надежда Викентьевна, — он склонился из-за рудневского плеча, целуя наденькину ручку. — Но я должен ненадолго похитить Вашего жениха по исключительно важному делу...

— Ну ты и хам, Роман Аркадьич! — восхитился Руднев, вставая. В бледном свете серого декабрьского дня хищный профиль Романа смотрелся особенно зловеще, а выражение его лица, которое он, похоже, замыслил, как любезное, ничего, кроме нервной дрожи, у неподготовленного человека вызвать не могло. Отметив всё это про себя, Руднев хмыкнул и взял Романа под локоток. — Работать надо над образом, мальчик мой, — деликатно заметил он, разглядывая компаньона с лёгким оттенком жалости, как тяжелобольного, чьи дни сочтены. — Мой подручный не может выглядеть опаснее меня самого.

— Это детали, шеф, — снисходительно усмехнулся Роман. — Нужно обсудить кое-что поважнее.

— Надеюсь, конспирация не требует шептаться об этом за дровяным сараем? — с иронией поинтересовался Руднев. — Ты же понимаешь, я старый, больной человек, а погода премерзкая...

— Вы точно не еврей, Андрей Константинович? — прищурился Роман.

— Не имею ни малейшего понятия, — чистосердечно признался Руднев. — Кто я? Откуда? Куда иду? Одному Богу известно...

— Я буду наверху. — Наденька, старательно пряча улыбку, тронула Андрея Константиновича за рукав. — Папа просил помочь ему убраться в кабинете — там столько пыли!..

— Папа — это святое! — насмешливо согласился Роман и тут же осёкся под пристальным взглядом шефа.

Руднев галантно подал невесте руку, проводил её до лестницы, которая вела в маленькую комнатку под крышей, прошептал что-то ей на ушко, отводя назад тугие рыжие локоны, свободно рассыпанные по плечам. Наденька, смеясь, шагнула на нижнюю ступеньку, что позволило ей стать вровень с женихом, обвила шею Андрея Константиновича обеими руками и горячо его поцеловала. Растрёпанный и даже слегка порозовевший Руднев стоял и смотрел, как её длинная юбка подметает стёртые деревянные ступеньки, до тех пор, пока наверху не хлопнула дверь.

— Очнитесь, шеф! Вас вызывает земля! — легонько пихнул его локтем в бок неслышно подошедший Роман.

Руднев резко развернулся и молниеносно схватил Романа за горло.

— Давно хотел это сделать, — бесстрастно пояснил он, тут же отпуская безмерно изумлённого компаньона. — А ещё эдак сдавить посильнее и... ну, да неважно...

— Хорошая реакция, — одобрительно отозвался Роман, потирая шею. — Всё больше убеждаюсь, что Вы идеально подходите на роль циничного и подлого меня.

— А я и есть ты — забыл?

— Не надо драматизировать, Андрей Константинович! Ты — это ты, а я — это я, — отмахнулся тот. — Я хотел поговорить о фантоме.

— Пристрелить бы тебя, Роман Аркадьич, — ласково откликнулся на это Руднев. — За твои инициативы... — В глазах его блеснула ненависть.

— И не говорите! — вздохнул Роман. — Радзинский высказался в том же духе и даже наградил меня парой затрещин.

— Хотел бы я на это посмотреть... — с досадой прицокнул языком Андрей Константинович, явно расстроенный тем, что пропустил такое зрелище.

— Сожалею, но воспитание — процесс интимный, — ухмыльнулся Роман. Он прошёлся до стола и обратно, постоял возле сияющей разноцветными огнями ёлки, провёл пальцем по жёстким иголкам.

Руднев вздохнул и сел на табуретку возле печки.

— Скажи уже что-нибудь, — не выдержал он.

— Расскажи, что с тобой было — там, куда ты меня утащил... Ну, ты понял...

Руднев словно окаменел.

— А не пошёл бы ты, Роман Аркадьич, — ожесточённо бросил он, поднимаясь.

Роман тотчас оказался рядом, успокаивающе взял босса за плечи:

— Руднев, ну, пожалуйста... Не горячись... — бормотал он, подталкивая его обратно к табуретке. Тот, непонятно почему, сдался и сел. — Я ведь не из любопытства спрашиваю.

— Догадываюсь, — сквозь зубы процедил Андрей Константинович. По его скованным деревянным движениям было видно, как сильно он напряжён.

— Патрон предложил мне тебя убить — первый раз вышел со мной на связь, представляешь? — нервно усмехнулся Роман. — И я хочу знать, что ты натворил.

Руднев заметно дрогнул.

— Осторожнее, Роман Аркадьич, — не поднимая остекленевшего взгляда, без особого выражения проговорил господин адвокат. — Он может свести тебя с ума. Он так давит на сознание, что может полностью вытеснить твою личность. Незабываемое ощущение: становишься пустым и лёгким, как воздушный шарик, и запросто делаешь такие чудовищные вещи, от которых у человека, находящегося в здравом уме, стынет в жилах кровь.

В глазах Романа отразилась... жалость? Он зачем-то погладил шефа по голове:

— Я... догадываюсь. Но, всё равно, спасибо, что предупредил...

Руднев поднял на него полные отчаяния и боли яркие свои глаза — сухой безумный блеск во взгляде и бесконтрольно дёрнувшийся вниз уголок его губ заставили Романа напрячься.

— Убей его. Пожалуйста, — тихо, почти что одними губами, произнёс Руднев. — У тебя так легко получилось... Прошлый раз...

Роман с ужасом понял, что шеф сейчас заплачет. Он решительно прижал голову Руднева к своей груди и принялся с горячим сочувствием гладить его по волосам.

— Прости, прости, — мучительно подбирая слова, забормотал он, лихорадочно соображая, как донести до шефа мысль, что не фантом, а сам Роман теперь — живое воплощение патрона. — Я не знал... Я ничего такого не хотел... ни сейчас, ни тогда... Обещаю — никто тебя не тронет...

Красивые, длинные рудневские пальцы судорожно вцепились, сминая ткань, в тонкий чёрный свитер растерянного Романа. Пытаясь сдержать нервную дрожь, шеф конвульсивно

глотал ртом воздух в приступе накатившей на него безумной, неконтролируемой паники.

— Что здесь происходит? — В голосе Аверина, внезапно появившегося на пороге, отчётливо слышался металл. Он жёстко отстранил Романа, за подбородок поднял лицо Руднева к себе. — Посмотри на меня, — тихо попросил он. — Всё хорошо. Дыши. Дыши глубже...

Глаза Руднева сами собой закрылись, он привалился боком к Николаю Николаевичу и задышал всё ровнее, всё тише. Аверин обнял его одной рукой за плечи, а другой жестом велел Роману убраться вон. И побыстрее.

===== Глава 105. Жест доброй воли =====

— Итак, — хохотнул Радзинский. — Если кто-нибудь из присутствующих знает причину, по которой мы не должны этого делать, пусть скажет об этом сейчас, или молчит до конца своей жизни!..

— Кеш, хватит хохмить! — Николай Николаевич пихнул Радзинского в бок и нервно огляделся: тьма, ползущая из всех щелей полуразрушенного дома, казалась живой, сознательной и враждебной. Кроме того, из разбитых окон и зияющих пустотой дверных проёмов, из-под сгнивших и кое-где провалившихся половиц тянуло холодом, да и занесённые снегом остатки мебели душу своим видом совсем не грели.

Заметив, что Аверин поднимает воротник и прячет нос в шарф, Радзинский скинул свою внушительных размеров дублёнку и заботливо набросил её Николаю Николаевичу на плечи, прямо поверх пальто:

— Присмотришь за ней, — безапелляционным тоном заявил он. — Это будет твоей почётной миссией на сегодняшний вечер.

— Кеш, ты замёрзнешь! — заволновался Аверин, пытаясь вывернуться из дублёнки, которая на его сухощавой фигуре выглядела скорее, как меховая палатка, чем как предмет верхней одежды. — Немедленно оденься! — строго прибавил он.

— Никуся, ты здесь сегодня только для моральной поддержки. Так что сядь в уголок и расслабься. Чтобы ты не скучал, могу нарисовать тебе барашка, маленький принц...

— Это... какое-то изощрённое оскорбление? — попытался обидеться Николай Николаевич.

— Нет, Коля. Это намёк на твою фатальную неприспособленность к жизни. Отправиться лазать по развалинам в пальто от Armani мог только ты.

И то правда: даже Руднев был в джинсах и тёмно-синей аляске, вполне органично вписываясь в таком виде в окружающую обстановку.

— Какая чушь! — искренне возмутился Николай Николаевич. — По-твоему, я не в состоянии сообразить, в чём выйти из дома?! Сейчас зима — я надел зимнее пальто. Неприспособленность — это если бы я без твоей помощи не смог сделать такую простую вещь!

— Извини, Коля. Я неправильно выразился, — многозначительно ухмыльнулся Радзинский. — В твоём случае речь идёт скорее о мистическом парении над обыденностью. До сих пор помню, какой шок я испытал, когда первый раз увидел, как ты в брюках от выходного костюма чистишь на кухне картошку. А уж когда я заметил, как фамильной серебряной ложкой ты рыхлишь землю в цветочном горшке!..

— Она была под рукой! И она отлично справилась с поставленной задачей! Какая разница из чего она сделана и сколько ей лет? Это вещь! Или я должен хранить её в стеклянной витрине и почести ей воздавать только потому, что она не из нержавеющей стали?!!

Радзинский со стоном спрятал лицо в ладонях. Потом обречённо взглянул на Николая Николаевича и молча махнул рукой.

— Так, молодёжь, — сурово нахмурился он, подзывая к себе Бергера и Романа, сдержанно хихикающих над этим содержательным диалогом у входа. — Сосредоточились и заняли предписанные инструкцией места. Андрюш, — он обернулся к Рудневу. — Иди к Аверину и, что бы не стряслось, крепко держи его за руку. Даже если тебе вдруг покажется, что рядом с тобой уже не Коля, а голодный вампир, не вздумай его отпускать! Извини — сам понимаешь, что твоё присутствие обязательно — ты на эту штуку по-прежнему завязан. Чтобы тебя разомкнуть, придётся тебя немного помучить. Жень, и ты, Паш — мы, кажется, с вами всё уже обсудили...

На шаткую тумбочку с чудом сохранившейся дверцей Радзинский выложил завёрнутый в тёмную ткань диск. Деревянный ларец с коваными уголками он оставил на подоконнике.

— Твой выход, Ромашка, — он сделал приглашающий жест рукой. — Пора уже покончить с этой историей. Ты сам так решил, и мы полностью тебя в этом поддерживаем. И — помни, что я тебе говорил...

Роман кивнул, скинул на руки Бергеру куртку — Кирилл выразительно поёжился, взглянув на его тонкую водолазку — спокойно вышел на середину и огляделся. Носком ботинка расчистил пол от мусора, импровизированным веником из еловых веток, который вложил ему в руку Ливанов, тщательно подмёл освободившийся пятачок.

— Покажите ещё раз, — отрывисто бросил он Радзинскому.

Тот терпеливо приблизился, встряхнул кистями рук и, соединив кончики пальцев, плавно, не напрягаясь, развёл их в стороны: разноцветные нити туго натянулись в воздухе, светясь ровным ясным светом.

— Не вздумай использовать какие-либо ещё нити, кроме собственных, — предостерёг Романа Викентий Сигизмундович, дуновением рассеивая светящиеся волокна. — Ты ведь их видишь?

— Вижу.

— Я так и думал. Ну — с Богом!..

Радзинский отступил в тень, и в середине комнаты остался только один Роман. Казалось, что он вообще здесь один — как актёр на сцене, убедительно вошедший в образ заточённого в одиночную камеру арестанта.

Опустившись на колени, Роман тряхнул правой рукой, и из указательного пальца потянулась, зацепившись за доски пола, ослепительно яркая светло-жёлтая, почти белая нить. Викентий Сигизмундович, удивлённо подняв брови, задумчиво покачал головой и скептически хмыкнул едва слышно. Тем временем Роман этой нитью, как мелом, начертил на полу очередную замысловатую фигуру и выпрямился, отряхнув колени. Оглянулся на Радзинского. Тот одобритительно кивнул.

Роман осторожно взял с тумбочки диск, снова встал на колени и, дёрнув по обыкновению плечом — дурацкая привычка! — аккуратно положил проводник в центр светящейся фигуры. Панарин, неслышно приблизившись, протянул ему ритуальный кинжал. Крепко сжав украшенную чеканкой рукоятку, Роман полоснул по раскрытой ладони острым лезвием и провёл окровавленной рукой по поверхности диска, заставляя его засветиться и ожить. Затем он одним прыжком вскочил на ноги, резким движением рассёк пространство перед собой и мысленно приказал фантому явиться. Зловещий чёрный силуэт в медленно колыхающемся, словно во сне, плаще вырос перед ним практически сразу.

— Твои услуги больше не нужны, — холодно сообщил ему Роман, внутренне обмирая от мысли, что патрон, воспользовавшись активированной им по глупости связью, может сейчас вмешаться. Поэтому, не медля, Роман в ту же секунду воткнул кинжал фантому в сердце. Несколько движений острием кинжала в воздухе — и чёрная лужица без остатка впиталась в поверхность диска.

Снова упав на колени и, чуть не до крови закусив губу, Роман расправил обе ладони над проводником, и с заметным усилием убрал что-то с его поверхности. Все увидели, что перед ними лежит уже не металлический предмет, а свёрнутый тугой спиралью клубок бардовых, алых и чёрных энергетических волокон — их взаиморасположение и образуемый ими узор были явно продуманными и далеко не случайными. Рядом тихо возник Бергер. Положил свою руку Роману на спину между лопаток — чёрная водолазка оказалась насквозь мокрой от пота, а романово сердце под ладонью билось гулко, тяжело и напряжённо.

Роман концом кинжала подцепил ему одному заметную чёрную петельку и разрезал её одним касанием остро заточенного кинжального лезвия. Оказавшиеся на свободе нити мгновенно брызнули в разные стороны, с силой раскручиваясь, словно отпущенная на волю туго свёрнутая пружина. Грани ярко светящейся на полу фигуры не позволили им разлететься по всему помещению. Словно натолкнувшись на стеклянные стенки, красные и чёрные энергетические сгустки отскочили обратно к центру, закружились в сумасшедшем вихре, завились кровавого цвета воронкой и ввинтились в пол. Потянув за белую нить, Роман разорвал и заставил погаснуть сослуживший свою службу рисунок. В комнате стало темно и тихо. На полу, где только что лежал диск, не было больше ничего.

Кирилл живо расправил куртку и накинул её Роману на плечи, а на голову ему натянул капюшон, пригладив мокрые от пота тёмные романовы волосы. Безвольно обмякнув в бергерových объятьях, Роман через некоторое время приподнял голову с его плеча и хрипло попросил:

— Воды дайте...

— Ну, Ромашка, я знал, что ты гений, но не предполагал, что настолько! — протягивая Кириллу бутылку с водой, радостно воскликнул Радзинский.

Бергер открыл бутылку и приложил её к губам Романа.

— Всё гениальное — просто. Если честно, я потрясён, — откликнулся Ливанов, тоже подходя поближе. — Эй, Руднев, ты жив? — с тревогой всмотрелся он в тёмный угол, где тяжело дышал под присмотром Аверина господин адвокат.

— Жив, — лаконично отозвался вместо него Николай Николаевич. — И я тоже — если это кому-то интересно, — меланхолично добавил он, лизнув багровеющие на тыльной стороне ладони отпечатки рудневских ногтей. Он бросил ироничный взгляд в сторону Радзинского.

— Колюня, не обижай меня, — пророкотал Викентий Сигизмундович. — Меня, безусловно, волнует твоё самочувствие, но так сложились обстоятельства, что я со своего места отлично вижу, что все твои энергетические центры функционируют нормально, а вот у твоего подопечного перебои в области сердца и разрывы энергетического поля около головы. Но я думаю, доктор его сейчас полечит. Так ведь, Жень? — ткнул он в спину Панарина, который словно приклеился взглядом к фигуре Романа и ничего больше вокруг не замечал.

— А? Д-да... — Женечка вздрогнул и, по широкой дуге обойдя затихшего на кирилловом плече Романа, спотыкаясь, помчался к Рудневу.

Подложив под спину сразу две подушки, Кирилл удобно устроился на своей кровати с книжкой в руках, а Роман расположился с ним рядом — головой на его груди. Он крепко спал, а если приоткрывал вдруг глаза или начинал приподнимать голову, Бергер успокаивающе поглаживал его по щеке или по волосам и тот мигом погружался в глубокий сон снова.

— Спит? — хмыкнул Радзинский, просунув в дверь седую патлатую голову.

Кирилл, недовольно нахмурившись, кивнул и ревниво положил ладонь на голову Романа — вдруг Радзинский его разбудит?

— Отлично... — Викентий Сигизмундович уверенно прошёл в комнату и остановился возле кровати. — Книжку убери, — тихо велел он. Бергер послушно книгу отложил. — Мне нужно, чтобы он на спине лежал, — шёпотом распорядился Радзинский.

Кирилл нерешительно замер, а потом привстал, придерживая Романа за плечи и под голову, и осторожно опустил его на ловко подsunутую Радзинским подушку. После этого Викентий Сигизмундович жестами велел Кириллу покинуть постель, что тот и сделал: тихо, практически не дыша.

Радзинский удовлетворённо кивнул и показал Кириллу на кресло возле письменного стола. Тот затих там, в уголке, с замиранием сердца наблюдая, как Викентий Сигизмундович склоняется над Романом и ловкими уверенными движениями вынимает из его тела разлохмаченные и оборванные чёрные нити.

Из низа романова живота — на несколько пальцев ниже пупка — тянется похожий на пуповину плотный чёрный канатик — его Радзинский выдёргивает совершенно безжалостно. Пламя от этой блестящей, словно скрученной из шёлка верёвки поднимается до самого потолка. Радзинский продолжает сосредоточенно работать: как фокусник из волшебного цилиндра тянет из романовых пальцев чёрный, красный, коричневый, бардовый серпантин. Всё это периодически вспыхивает, без остатка сгорая в воздухе. С Радзинского уже градом льётся пот, но он не останавливается, только изредка быстрым движением вытирает рукавом плотной клетчатой рубашки свой высокий красивый лоб.

Проведя рукой над сердечным центром, он застывает в раздумьях: чёрная нить, идущая от сердца, пульсирует — она живая, она уходит внутрь, обвивая по пути множество таких же активных, полных энергии волокон. Поманив к себе Кирилла, Радзинский указывает ему на скользкую, похожую на змею, чёрную нить и выжидательно глядит в ясные кирилловы глаза. Бергер испуганно мотает головой, решительно скрещивает перед собой руки, протестуя против опасного вмешательства, и Викентий Сигизмундович со вздохом закрывает сердечную чакру, плавно проводит напоследок над телом Романа руками, разглаживая ауру.

Подвинув себе кресло, в котором перед этим сидел Кирилл, Радзинский вынимает из нагрудного кармана мотки разноцветных ниток и начинает плести красивую розово-золотую ленту с белым, фиолетовым, нежно-зелёным узором. Периодически из сердца и из пальцев стоящего рядом Кирилла он вытягивает яркие волокна и приплетает их к общему орнаменту. Готовую тесьму он расправляет на груди Романа, перекидывает её через плечо, протягивает снизу вдоль спины, вытаскивает под рукой и скрепляет. Роман лежит, словно обвитый наискосок экзотической раскраски орденской лентой. Ещё одно движение руки — и лента становится невидимой.

Радзинский стоит над распростёртым на кровати телом Романа, слегка покачиваясь от усталости. Бергер тихо подходит к нему и, отпихнув ногой ненужное больше кресло, крепко

обнимает Викентия Сигизмундовича, прижимаясь щекой к его груди. «Спасибо», — благодарно шепчет он. Радзинский гладит его по голове, целует в макушку и уходит, тихо прикрывая за собой дверь. Кирилл какое-то время задумчиво смотрит на Романа, потом укрывает его пледом, гасит свет и тоже покидает комнату. В окно заглядывает луна, заставляя таинственно мерцать маленькую ёлочку в углу, перламутровые снежинки на стенах, развешанные под потолком гирлянды и трубящих ангелов с золотистыми, серебряными и нежными жемчужно-розовыми крыльями.

Из объёмной фарфоровой чаши Павлуша небольшим серебряным черпаком охотно разливал всем желающим горячий, сладкий, благоухающий пряностями глинтвейн. Имбирные пряники в виде оленей, звёздочек и ёлочек остывали на двух больших противнях, распространяя вокруг сытный праздничный дух.

— Голова не болит больше? — сочувственно обратился Радзинский к бледному и измученному господину адвокату — тот словно вернулся на два месяца назад, сидел такой же осунувшийся, молчаливый, с безучастным взглядом. — Хочешь, я тебя развеселю? — Викентий Сигизмундович придвинул к себе рудневский бокал и, сложив пальцы щепоткой, сделал такое движение, как будто посолил находившийся там напиток — в бокал посыпалась блестящая, искрящаяся пыльца.

Панарин, сидевший до сих пор над своей кружкой в тяжёлой задумчивости, подперев свою кудлатую бородатую голову кулаком — настоящий разбойник на привале — оживился, блеснули в хищном пиратском оскале белые зубы.

— Прошу тебя, выпей, — волнуящим, бархатным голосом мурлыкнул Радзинский, гипнотизируя Руднева лукавым кошачьим взглядом.

Андрей Константинович равнодушно глотнул глинтвейна, огляделся настороженно, замечая, что все взгляды — преимущественно весёлые, насмешливые и ехидные — устремлены теперь на него. Вопросительно изогнув бровь, посмотрел на Радзинского. Тот жестом предложил сделать ещё глоток. Руднев, переглядываясь с Викентием Сигизмундовичем, подчинился.

— Ну? — с предвкушением шепнул Радзинский. Руднев пожал плечами, уже с трудом сдерживая улыбку. — Ну-у... — жестами приглашая его продолжить, протянул коварный Доктор кукольных наук. И Руднев вдруг расхохотался — легко, открыто, беззаботно, откидывая голову назад и не пытаясь каким-либо способом избежать всеобщего внимания.

Рудневское веселье оказалось ужасно заразительным: в следующую секунду засмеялись уже все, заговорили разом, зашумели, так что Викентию Сигизмундовичу пришлось постучать ложкой о край бокала, чтобы быть услышанным среди этой всеобщей кутерьмы.

— Друзья мои! — радостно провозгласил он, поднимая свою кружку. — Давайте выпьем за мирно спящего в данный момент выдающегося колдуна, мага, чернокнижника и просто хорошего парня Роман Аркадьича Шойфета! Дай Бог нам и дальше оставаться с ним друзьями, потому что, оказавшись в числе его врагов, мы не проживём и секунды!

За столом началась настоящая истерика: Панарин с Рудневым едва не рыдали в объятиях друг друга, Аверин уронил голову на стол и всхлипывал, прикрыв её сверху руками, Ливанов утирал слёзы, уткнувшись лбом в печку, а Бергер, закрыв лицо ладонями, трясся, багровея, в припадке явно нездорового смеха.

Радзинский между тем совершенно серьёзно осушил свой бокал и, невозмутимо стянув с противня пряничного оленя, с аппетитом откусил ему рога.

— Зачем вы заигрываете с ним? А, Ливанов? — Женечка безотрывно смотрел на полыхающий золотом огонь слегка безумным невидящим взглядом. Скрестив ноги, он сидел на полу напротив печки с кружкой глинтвейна в руках и покачивался, как зачарованная звуками факирской дудочки кобра. Все уже разошлись. По углам сгустились тени. Только светлые огненные блики всё никак не желали успокаиваться: плясали по стенам, неожиданно вспыхивая, выхватывали из темноты то кованый металлический замок сундука, то лакированную ножку стула, то стеклянные разноцветные шары на почти растворившейся во мраке ёлке.

Ливанов как раз закончил вытирать посуду. Открыв шкафчик, он составил туда тарелки и кружки, аккуратно разложил в выдвижном ящичке ложки-вилки и повесил на крючок полотенце. Бережно, чтобы не расплескать, Павлуша снял с тёплой печной приступочки свою кружку с ароматным напитком и со вздохом опустил на пол рядом с Панариным.

— Терпеть не можешь Ромочку? За друга своего боишься? — Он поднёс свою кружку к панаринской и стукнул об её керамический бок, чокаясь с равнодушно принявшим этот дружеский жест доктором. — М-м-м... Я же говорил, что корица и вишня — отличное сочетание! Хотя твой рецепт с гвоздикой, имбирём и апельсинами тоже неплох...

— Так зачем вы всё это затеяли? Только из соображений безопасности? — покосился на него Панарин, допивая глинтвейн. Он покрутил пустую кружку в руках, явно не зная, куда её деть, а потом просто отставил её в сторону, поближе к печке.

— Ну, ты же сам понимаешь: бессмысленно переть против рожна, — франтовато тряхнул кудрями Ливанов. — Я не фаталист, просто точно знаю, что нет лучшей защиты, чем смирение. Всегда надёжнее довериться Промыслу, чем пыжиться, изображая супермена, способного всё предусмотреть. Князев опасен для нас не своей злой волей, а тем, что он марионетка. Ох, и обиделся бы он, если б услышал! — усмехнулся Павлуша себе под нос, прикладываясь к глинтвейну.

— Тогда что это — благотворительность? — нахмурился Панарин, внимательно разглядывая своего собеседника. — Что вы носитесь с этим чудовищем, как курица с яйцом?

Павлуша тоже опустошил свою кружку и подтолкнул её к уже стоящей на полу панаринской.

— Жень, не нуди, а! — скривился он устало. — В наших действиях в отношении Князева нет никакого расчёта. Нам ничего от него не надо. Этот человек захотел ступить на Путь. Он находился в тот момент в одном шаге от своей цели, к которой шёл много веков. Остановился, когда уже ничто не отделяло его от окончательной и бесповоротной трансформы, после которой человеческого в нём осталось бы так мало, что и под электронным микроскопом не разглядишь. Тебе не кажется, что уже один этот факт заслуживает уважения?

— А тот факт, что продвигаясь по Пути, он одновременно успешно продвигается в деле осуществления своей миссии, которая уничтожит всю вашу доверчивую альтруистическую компанию и ваше дело на этой земле — этот факт как оценивать?

— «Нашу»? — грустно усмехнулся Ливанов. — Сам-то ты не с нами? Нет? — Он покровительственно похлопал Панарина по коленке. — Очень трогательно, что ты за «нас» переживаешь. — Павлуша поднялся, подхватил с пола кружки и понёс их к притулившемуся под лестницей рукомойнику. Послышался плеск воды, тихий звон посуды.

Панарин всё это время мрачно разглядывал свои ногти. Когда Ливанов вытер кружки и

отнёс их в шкаф, он угрюмо произнёс:

— Это твои слова: «нам», «мы», «нас»... Ты всегда так говоришь и совершенно этого не замечаешь.

Ливанов замер изумлённо с полотенцем в руках.

— Ну, может быть... — пробормотал он растерянно, и задумчиво, наощупь зацепил полотенце петелькой за крючок. — Только я имею при этом в виду «мы» и «они», а не — «мы» и «ты». — Павлуша встрепенулся, выразительно глянув на Панарина.

— Я уже понял, что ты всегда отбрешешься, — усмехнулся тот в ответ. — Профессиональный навык, видимо...

— Нет. Это врождённый дар, Евгений! — добродушно засмеялся Ливанов. — Не обижайся, а? — он скорчил трогательную мину.

— Я не настолько зациклен на своей персоне, чтобы придавать твоим оговоркам какое-то особое значение, — насмешливо ответил доктор.

— Точно? Никаких обид? — с преувеличенным беспокойством продолжал допытываться Павлуша.

— Никаких, — снисходительно заверил его Панарин, потягиваясь и поднимаясь на ноги. — Даже по поводу того, что ты так ловко перевёл стрелки и не ответил-таки на мой вопрос.

— Язва ты, Панарин! — весело фыркнул Ливанов. — Мог бы сделать вид, что не заметил!..

===== Глава 107. Художник =====

Сергей Карсавин был художником. Не каким-то особо выдающимся живописцем — просто художником по жизни. Он не мог не рисовать, не мог не любоваться щедро рассыпанными повсюду крупичками прекрасного. Его страсть полностью владела его душой и руководила его жизнью.

Ему было почти сорок лет, практически все эти четыре десятилетия он не выпускал из рук карандаша или кисти, но фамилия «Карсавин» по-прежнему ничего не говорила знатокам живописи. Значило ли это, что он ничего не делал для того, чтобы «состояться в профессии»? Ну да — он ничего для этого не делал — просто рисовал, рисовал, рисовал и рисовал и нисколько не интересовался тем, куда потом деваются (или не деваются) его рисунки и картины.

Человеком он был одиноким. Единственная женщина, которую он любил, вышла замуж за другого. Родственников не осталось, друзей не завёл. Но Сергей, похоже, этого совсем не замечал.

Может быть, он начал сходить с ума, а может, он и всегда был безумен, только всё прошедшее лето, а также осень и наступившую, наконец, зиму, он, как одержимый, рисовал одно и то же преследующее его во сне и наяву лицо. Лицо надменное и притягательное одновременно, с пронзительным до дрожи взглядом и презрительно сжатыми губами, с тонким, хищным орлиным носом и гордым изгибом бровей. Чёрные вьющиеся волосы, аристократическая бородка, белый кружевной воротник и манжеты, неизменные шляпа, перчатки и плащ — кем был этот человек из давно минувшей эпохи? Наверное, не следовало задаваться этим вопросом. Потому что, стоило Сергею об этом задуматься, как в голове его начали разворачиваться сцены из жизни этого человека, и рука художника потянулась «вдруг к перу, перо к бумаге»...

Получилось какое-то невнятное произведение без начала и конца, с подозрительно

нереалистичным, круто замешанным на чёрной магии сюжетом, зато поля рукописи украсились подробными интерьерами и образами второстепенных персонажей. Особенно часто рядом с таинственным господином возникала фигура мальчика: худого нескладного подростка с сияющим преданным взглядом и не по-детски скорбным выражением лица.

«— Я думаю, Вы правы, сеньор. Относительно духовенства... — Это было сказано дрожащим голосом, а последние слова и вовсе — шёпотом. Потому что под убийственным взглядом этим чёрных глаз Марио всегда терялся и срывался с тонкой ниточки мысли, камнем падая в пропасть. И даже ощущения при этом всегда были такие же, как на краю обрыва — внезапная пустота в желудке и холод, замирание сердца и звенящая тишина в голове.

— Невероятно! — тягучий насмешливый голос вгоняет в краску. — Я заслужил твоё высокое одобрение? О Святые Небеса, как же мне отблагодарить Всевышнего за эту милость?!

— Я только хотел сказать, что Истина должна... жить в человеке и тот, кто черпает знания только из книг, не может учить и... судить...

— Придержи язык! Можно подумать, ты в состоянии судить о чём бы то ни было!

— Да, сеньор. Простите...

— Я просил принести мне чистый платок!! Это так трудно?!

— Я... уже иду... Извините, если я...

— Сколько я должен ждать?!!!!

Господи, почему он каждый раз запинается за этот порог?..

Дробный стук шагов затих, наконец, в отдалении, и красивые руки донна Висенте, украшенные фамильными перстнями, снова потянулись к поспешно брошенному в ларец амулету.

Удивительно, насколько одарён этот мальчик! И какое счастье, что он сам этого не понимает!.. Попросил его подержать зеркало во время обряда, а он тотчас погрузился в тонкий сон и открыл вход в другой мир. Хорошо, что ловушка была готова, и дух сразу же угодил в неё! Иначе пришлось бы потом отлавливать нечисть по всему дому...

Дон Висенте взвесил на ладони литуую подвеску с ему одному понятными символами — очень древняя магия. Вряд ли кто-то сейчас в состоянии оценить её по достоинству. Что ж, амулет получился очень сильным — спасибо, Марито — но не жди, что это как-то изменит твоё положение. Ты — жертвенный агнец. И твои нелепые попытки просочиться ко мне в душу безнадежны...

— В чём дело, Росалия?

— Вы просили чистый платок...

Ну, надо же! Марито обиделся! Прислал вместо себя прислугу... Надо будет вечером позволить ему воспользоваться библиотекой — совсем уж отталкивать его от себя не стоит...»

«— Что... Кто тебе позволил?!!!!

Пристроив фонарь на полку, дрянной мальчишка притулился на самой верхней ступеньке приставной лестницы и так зачитался, что, похоже, даже дышать забыл. Во всяком случае, дон Висенте обнаружил его присутствие только после того, как услышал шорох переворачиваемой страницы. И вот теперь насмерть перепуганный Марито летит вниз с головокружительной высоты, но почему-то вместо того, чтобы хвататься за полки, судорожно прижимает к себе книгу и не делает никаких попыток спастись. Тяжёлая

лестница придавливает его сверху.

Проклиная всё на свете, дон Висенте извлекает мальчишку из-под обломков мебели. У Марио рассечена бровь и кровь заливает глаза, руки трясутся, он сильно ушибся — наверняка весь в жутких синяках, но странно: руки-ноги целы, и рёбра — тоже. Другой при падении с меньшей высоты свернул бы себе шею! Всё-таки мальчишка — маг. Вернее, мог бы им стать при других обстоятельствах...

Дон Висенте с суеверным ужасом глядит вверх: фонарь, который мог спалить все его книги, стоит на месте, как зачарованный, освещая высокий потолок уютным задумчивым светом.

— Что ты вцепился в эту книгу?! Тебе совсем жизнь не дорога?!!

— Я... боялся, что... порвётся...

В промежутках между судорожными всхлипами удаётся расслышать объяснение его нелепого поведения.

— Прекрати рыдать!!! Хватит, я сказал!!! — крепкая пощёчина приводит мальчишку в чувство. Он стискивает зубы, не издавая больше ни звука, и только трясётся, не в силах совладать со своим телом. — Отправляйся к себе. И запомни: если ты хочешь взять книгу, нужно спросить у меня. Поверь — запрещать тебе пользоваться библиотекой я не собирался...

Проклятье! Совсем забыл, что намеревался сделать этот широкий жест — и вот итог...

— Поднимайся! Да оставь ты уже эту книгу!..

Но встать сам Марио не может, да и книгу отпускать не собирается — кажется, совсем спятил от пережитого страха. Обречённо вздыхая, дон Висенте выдирает из его рук толстенный том (надо будет потом взглянуть, чем этот парень так увлёкся!), стягивает с мальчишки башмаки... Ну, так и есть: правая лодыжка опухла — наверное, вывих. Рубашка в крови: на боку содрана кожа — не смертельно, но, похоже, ужасно больно. Пальцы разбиты, на лице и на теле наливаются устрашающего вида кровоподтёки.

Ну, что ж — если о нём сейчас позаботиться, он будет благодарен. И это можно потом использовать...

— Обопрись на меня — я тебя подниму. — Дон Висенте усаживает Марио в кресло, приносит ему подогретого вина.

Обрабатывать раны приходится гораздо дольше, чем предполагалось. К счастью, мальчишка правильно понял, что всяческое слюнтяйство выводит хозяина из себя, поэтому искусал губы в кровь, но не проронил ни слезинки, ни вздоха. Под конец он уже закрыл глаза и оцепенел, как будто ему было всё равно, что происходит с его телом. Дон Висенте не сразу сообразил, что это совсем не героизм, что Марио сумел блокировать боль и теперь на самом деле ничего не чувствует. Проверив свою догадку довольно варварским способом, он ещё раз искренне восхитился способностями этого ребёнка. «Интересно, он делает это неосознанно, или всё-таки контролирует свои силы? Если второе — нужно будет принять в отношении него необходимые меры предосторожности. Нельзя рисковать в таком важном деле. Эх, Марито, как же долго я тебя искал! Ты самый дорогой ингредиент моего эликсира бессмертия!..».

Через некоторое время дон Висенте с раздражением обнаружил, что перестав чувствовать боль, Марио так расслабился, что просто уснул. Да и выпитое вино тоже, наверное, подействовало. Ну, и что с ним теперь делать? Оставить здесь?

Стиснув зубы от злости, дон Висенте хотел сначала как-нибудь грубо и действительно

разбудить паршивца, но потом передумал. То, что мальчик спит — к лучшему. Общаться с ним сейчас совершенно не хотелось. Подняв Марио на руки (удивительно, какой он лёгкий!), он понёс мальчишку в занимаемую им каморку. Положение Марио в доме было очень неопределённым: ученик — не ученик, слуга — не слуга. Потому и поселили его — не вместе с прислугой, но и не в комнатах наверху. Ну да — здесь было тесно и не слишком уютно. С другой стороны, мальчишка приходил сюда только спать, и никакие особые условия для этого ему были не нужны, зато — собственное убежище!

Дон Висенте усмехнулся про себя, заметив на сундуке небольшую деревянную лошадку с вышитой попонкой и щетинистой гривой, а рядом маленькую глиняную собачку — «Ребёнок!..». Прости, Марио, но скоро твоя жизнь закончится, и повзрослеть тебе не придётся. Да и зачем тебе? Поверь, ничего хорошего на этом свете нет. Все лучезарные улыбки бытия — сплошной обман. Если бы ты был способен это понять, ты бы меня поблагодарил...».

===== Глава 108. наброски =====

Канун Нового года получился бестолковым и суматошным. Руднев всегда от души ненавидел толпу, пробки, горы грязного снега, постепенно растекающиеся не менее грязными лужами. Он задыхался от миллионов резких, назойливых, тягостных запахов. Поэтому — чего уж там! — он был раздражён и зол, когда резко повернулся к вежливо окликнувшему его незнакомцу и обдал его таким ледяным, таким зловещим взглядом, что бедняга, похоже, забыл, что собирался сказать.

— Что Вы хотели? — убийственно любезно обронил господин адвокат, разглядывая застывшую перед ним в смущении фигуру в длинном карамельного цвета расстёгнутом пальто, коричневых замшевых ботинках на толстой подошве и невероятной длины шарфе цвета слоновой кости, дважды обёрнутого вокруг шеи и всё равно свисающего до колен.

Мужчина, судя по всему, его ровесник, с коротко стриженными, почти седыми уже волосами и такой же минималистской, похожей, скорее, на щетину бородой, плотно покрывающей его подбородок и щёки, замер испуганно перед разъярённым адвокатом, нервно сжимая в руке блокнот с какими-то странными, напоминающими обёрточную бумагу, страницами.

— Простите, — искренне расстроился незнакомец. — Похоже, Вы спешите...

— Пустяки, — ядовито усмехнулся Андрей Константинович. — Я полагаю, Вы бы не стали останавливать на улице незнакомца без веских на то причин...

— Боюсь, что именно это я и сделал, — мгновенно погружаясь в глубокую задумчивость, рассеянно ответил несчастный.

Руднев, разозлённый сверх всякой меры чужаковатостью незнакомца, сдержанно кашлянул:

— Я всё ещё здесь, — зловеще напомнил он.

— Ради Бога, извините! — прижав руки к сердцу, с сожалением воскликнул странный господин и зачем-то поклонился. — Не смею Вас больше задерживать...

Но Рудневу стало уже любопытно. Он пристально взглянул в лицо незнакомца, притягивая к себе его взгляд, и совершенно безжалостно вторгся в его сознание.

— Художник? — удивился он.

— Что?..

— Я спрашиваю — Вы художник? — нетерпеливо повторил господин адвокат. — Это блокнот для эскизов — я прав?

— Э-э-э, в каком-то смысле... — как-то неуверенно ответил мужчина. — А это — он помахал зажатым в руке блокнотом, — это, действительно, блокнот для эскизов...

— То есть Вы не знаете, художник Вы или нет? Я правильно понял? — развеселился Руднев.

Мужчина тоже усмехнулся, сразу становясь невероятно симпатичным и притягательным, потому что улыбка у него была по-детски открытой и светлой.

— С формальной точки зрения я, наверное, всё-таки художник — диплом у меня есть, работаю я в соответствующей сфере...

— А-а-а, значит, Вы философ, — насмешливо протянул господин адвокат. — Вроде Сократа. Он тоже знал только то, что ничего не знает...

Мужчина уже совсем расслабленно рассмеялся, с искренним любопытством и непосредственностью разглядывая собеседника. В уголках его глаз тонкими лучиками обозначились морщинки, делая его взгляд удивительно добрым, как у сказочного волшебника из детской книжки.

— Может, скажете, чего Вы от меня хотели? Раз уж мы так мило с Вами беседуем... — ненавязчиво поинтересовался Руднев.

— Сергей, — неожиданно выпалил тот, протягивая руку, и сразу смутился.

— Андрей Константинович, — хладнокровно отреагировал господин адвокат, и учтиво пожал протянутую руку, не снимая, впрочем, перчатки.

— Только пообещайте, что не станете злиться, если моя просьба покажется Вам странной, — потребовал вдруг художник.

— Не могу Вам этого обещать, Сергей. Однако гарантирую, что не опущусь в таком случае до грубой брани и рукоприкладства.

— Спасибо. Первый раз встречаю человека, который не даёт опрометчивых обещаний и настолько скрупулёзно обозначает все пункты договора.

— А я юрист, — усмехнулся Руднев.

— О-о-о! — Похоже, Сергей был по-настоящему сбит с толку. — Никогда бы не подумал.

— А что Вы подумали?

— Что вижу перед собой человека, имеющего непосредственное отношение к музыке.

Руднев словно окаменел. Он пристально взгляделся в лицо стоящего перед ним странного художника и задумчиво прищурился.

— Так что Вы хотели? — сухо спросил он.

— У Вас необыкновенно выразительное лицо, — со вздохом поведал, наконец, новый знакомый. — Я хотел всего лишь сделать набросок. Вы так быстро шли — просто летели — у меня не было шансов даже приблизительно зафиксировать на бумаге Ваши черты.

— Я польщён, — холодно ответил Руднев. — Но позировать я не стану. Не желаю быть зафиксированным нигде, ни в каком виде.

— А это уже и не требуется, — легкомысленно признался художник. — Я очень хорошо Вас разглядел и прекрасно запомнил.

— Дайте. — Андрей Константинович требовательно протянул руку. — Дайте сюда ваш блокнот.

Сергей почему-то не посмел послушаться.

Руднев быстро пролистал все наброски.

— Вы отлично рисуете, — бесстрастно заметил он, хотел что-то ещё добавить, но вдруг

заметно побледнел. — Кто это? — отрывисто бросил господин адвокат.

— Так — фантазия, — помрачнел художник.

— И это? — Руднев резко перевернул страницу. — И это? И это тоже?! Так. Посмотрите мне в глаза, — приказал он, пряча блокнот в карман своего пальто. Растерянный художник подчинился. — Почему Вы решили, что я музыкант?

— Я слышал музыку. Она летела за Вами, как... аромат...

— Ясно. Отвечайте — только быстро, не раздумывая. Где Вы видели этого человека?

— Нигде, — честно ответил Сергей. — Может быть, во сне, а, может, я сам его придумал. Но, честно говоря, этот образ меня просто преследует...

— Давно?

— Почти целый год — с весны.

— Слушайте меня внимательно, Сергей. Сейчас мы отправимся к Вам домой — Вы ведь один живёте? Так вот: мы пойдём к Вам, и Вы покажете и расскажете мне всё, что касается вот этого вот господина. — Руднев вынул блокнот и показал художнику, кого он имеет в виду. — Вам не нужно меня бояться. Я не причиню Вам вреда. Кивните, если Вы меня поняли. А теперь возьмите меня под руку и ведите. Вы ведь здесь рядом живёте?

— Да. За сквером.

— Отлично. Моя машина как раз припаркована с той стороны...

===== Глава 109. Дед Мазай и Зая =====

Это было похоже на страшный, кошмарный сон — ОН был повсюду. Глядел своими невозможными, непроницаемо чёрными глазами с пришпиленных к обоям и к мебели рисунков: строгих и графичных — карандашных, нечётких, как сонное видение — акварельных, пугающе жизненных — пастельных.

Но ещё большим шоком оказались литературные опыты Сергея Карсавина. День за днём на страницах его многочисленных тетрадей и блокнотов разворачивалась обыденная жизнь Господина в чёрном. Из мелких событий и незначительных эпизодов складывалась чёткая завершённая картина. Характер, образ мыслей, привычки и жесты Наставника — всё было описано совершенно точно. И мальчик был вполне узнаваем — загадочный, непостижимый ребёнок, до сих пор готовый без колебаний умереть за этого бесчувственного монстра...

Дойдя до подробного изложения устройства проводника и обстоятельного описания способа его изготовления, Андрей Константинович оцепенел и промокнул платком выступивший на лбу холодный пот. Бросив полный ужаса взгляд на скромно сидящего — руки на коленях — художника, безразлично смотрящего куда-то в пространство, он нервно прошёлся по комнате, остановился перед Сергеем и бросил ему раздражённо:

— Пальто и шарф снимите. И сядьте... в кресло, что ли...

Выдернув из кармана мобильник, Руднев покосился на послушно исполнившего его команды хозяина квартиры и, срывающимся от волнения голосом, почти выкрикнул в трубку:

— Викентий Сигизмундович! Это Руднев. Срочно приезжайте! Записывайте адрес... Это... не терпит отлагательств...

— Так-так-так... — бормотал Викентий Сигизмундович, с интересом заглядывая в глаза, погружённого в транс художника. Он сидел перед ним на корточках и снизу вверх глядел ему в лицо. — Что же ты, Рудичка, не по-человечески как-то с нашим новым другом обошёлся? Сколько он у тебя так уже сидит? Больше часа? — Радзинский озабоченно

покачал головой и, подведя художника к кушетке, помог ему лечь. — Вот так, Серёженька. Спи, — приговаривал он, ласково глядя его по голове. Стаскивая с Карсавина ботинки, он добавил с укором, — А то на Роман Аркадьича киваем — мол, какой он жестокий, да бездушный, а сами ничем не лучше...

Руднев, находящийся уже на грани истерики, только скрипнул на это зубами, да молча сжал кулаки.

Радзинский подошёл к нему, сочувственно погладил по плечу, но продолжил всё так же непреклонно:

— Исправлять надо природу свою, бороться со страстями... На ближайшей исповеди в жестокосердии не забудь покаяться. Иначе в чём твоё христианское делание? Мало ли что там Наставник тебе в голову вложил! Ты уже большой мальчик — сам можешь разобраться, что хорошо, а что плохо! Любить надо людей, Андрюша! Кто людей не жалеет, тот и Бога не чтит — это не единожды уже проверено...

Заметив, что господина адвоката начинает уже заметно потрясывать, Викентий Сигизмундович вздохнул и крепко его обнял:

— Да не бойся ты! Никакой опасности этот твой художник не представляет: дух вашего с Ромкой патрона в него не вселился, он не одержимый и не псих.

— Вы уверены? — глуходохнул Руднев, признательно уткнувшись в мягкую, успокаивающе пахнущую домом и восковыми медовыми свечками толстовку Радзинского.

— Даю тебе честное благородное слово, Андрюш: Серёжа этот не опаснее ягнёнка!

— А что тогда? — подозрительно поинтересовался Андрей Константинович.

— Да просто он ваш, — ласково усмехнулся Радзинский. — Из вашей с Панариным и Шойфетом связки. И — заметьте — хороший парень! Не злой колдун, не чернокнижник! Способный, судя по всему, мальчик. Но, похоже, он сам об этом не подозревает... Не веришь? — насмешливо заглянул он Рудневу в лицо. — А вот мы с тобой сейчас его расспросим, и ты сам убедишься!.. Ну что ты вцепился в меня, как заяц в дедушку Мазая? — засмеялся он.

— Потому что Вы и есть мой персональный дед Мазай, — буркнул Руднев, неохотно отстраняясь от Радзинского.

— Зайчиков таких чернявеньких не бывает, — хмыкнул Викентий Сигизмундович, потрепав его по волосам.

— Кролики бывают, — упрямо ляпнул господин адвокат, всячески оттягивая момент пробуждения хозяина квартиры.

— Ну, эдак мы с тобой сейчас, знаешь, до чего договоримся! — радостно хохотнул Радзинский и за плечи потянул его за собой к кушетке, на которой мирно спал Карсавин. — Не дрейфь, зайчик. Я уверен, что Серёжа на нас не обидится!

Как и предсказывал Викентий Сигизмундович, художник отнёсся к их вторжению в своё жилище с удивлением, но спокойно. Пригласил на кухню, налил крепкого чаю, угостил халвой с миндалём, свежей пахлавой и вареньем из зелёных грецких орехов — он оказался большим любителем восточных сладостей.

Радзинский, перебирая большие плотные листы, варварски утрамбованные в пухлые папки с завязками, с огромным любопытством разглядывал попадающиеся ему портреты — в основном карандашные и пастельные.

— Скажи, Серёж, — мягко и бархатисто обратился он к Карсавину. — А ты по какому

принципу натуру себе выбираешь? Я имею в виду незнакомых людей. Вот на Андрюшу ты внимание обратил, потому что музыку услышал. Остальных ты ведь тоже не просто так для себя отметил...

Сергей замер, как будто чем-то поражённый, а потом доверчиво и непосредственно рассмеялся:

— Я только сейчас понял, что так и было. Я на самом деле про каждого могу рассказать, чем он меня заинтересовал...

— Как ни странно — и я могу это объяснить, — пробормотал Радзинский, напряжённо копаясь в рисунках. — О! — вдруг торжествующе воскликнул он. — А вот и Роман Аркадьич!

Руднев вздрогнул и пролил на стол чай. Пока Сергей вытирал чайную лужицу, господин адвокат нервно разглядывал запечатлённое искусной рукой художника выразительное лицо своего юного компаньона.

— Я заметил его в метро, — пояснил, заглядывая ему через плечо Сергей. — Он стоял прямо напротив — очень удобно. Я поднял глаза и меня словно обожгло: такой взгляд... убийственный... А потом он взмахнул плащом... ну, то есть, не взмахнул — это мне так показалось — и гордо так голову вскинул. Я не удержался — такой профиль! И быстренько в блокноте его набросал. А потом дома сделал этот рисунок — мне очень хотелось запечатлеть его в цвете. После этого, кстати, всё и началось... — Он обвёл рукой стены, увешанные портретами дона Висенте и прочих персонажей своего литературного произведения. — А... Вы хотите сказать, — замялся художник, — что я выбрал именно этих людей не случайно?

— Но ведь ты же сам только что это подтвердил! — с недоумением воззрился на него Радзинский.

— Согласен, — художник наморщил лоб, мучительно пытаясь уловить ускользающую от него закономерность.

— Не можешь понять, что у них у всех общего? — усмехнулся Радзинский. — Я тебе подскажу: у всех этих людей ярко выраженные экстрасенсорные способности. А ты у нас, вроде как локатор... Ну, рассказывай давай — что ты там ещё у нас видишь?

Сергей был заметно озадачен:

— Нет, я много чего вижу, но я привык думать, что это... моя фантазия, что ли... Что я достраиваю действительность с помощью воображения, как бы преобразую её для себя в некие художественные символы...

— Ну например? — не отступал Радзинский.

— Например, — Карсавин смутился. — Я вижу людей в цвете. Каждый закутан в цветное облако. В них бывают затемнения и провалы, вкрапления разные туманные, или вспышки ярких цветов...

Радзинский чуть не поперхнулся:

— Ты с Луны, что ли свалился? Про ясновидение, про ауры ничего не слыхал?

— Ну, почему — слышал, конечно, — пристыжено пожал плечами художник и виновато глянул на Викентия Сигизмундовича. — Но мне и в голову не приходило... Я просто живу в своём мире, где люди превращаются в цветные пятна — красивые и не очень. Вижу сны, которые сбываются... Но я всегда считал, что творческим людям свойственна некоторая обострённость восприятия, которая помогает им в виде ярких образов уловить и выразить суть встречающихся в реальности феноменов...

— А почему ты ауры только у детей рисуешь? — полюбопытствовал Радзинский, продолжая разглядывать рисунки.

Художник смущённо улыбнулся:

— Ну, потому что у детей они очень светлые...

===== Глава 110. Идентификация =====

Переступив порог дома, Карсавин смущённо замер, увидев множество незнакомых людей, воззрившихся на него — кто с удивлением, кто с любопытством. Радзинский легонько подтолкнул его в спину:

— Проходи, не стесняйся. Поверь, здесь все тебе будут рады.

— Кеш! — с лестницы вихрем слетел Аверин. — Где ты был? Я уже начал волноваться! — Он осёкся, заметив гостя, и вопросительно взглянул на Радзинского.

— Знакомьтесь, господа, — громогласно пророкотал Викентий Сигизмундович. — Сергей Карсавин! Прошу любить и жаловать!

Все присутствующие потихоньку стали подтягиваться к двери. Николай Николаевич первым доброжелательно улыбнулся, не сводя с нового знакомого внимательных глаз, и представился, протягивая художнику руку. Но тот, похоже, превратился в статую: он глядел на Аверина так ошарашено, что забыл даже моргать.

— Что — впечатляет? — понимающе хмыкнул сзади Радзинский. — Со мной было то же самое, когда я впервые его увидел. Стоял, отрыв рот, и таращился, как идиот.

Вместо ответа Карсавин скинул с плеча вместительную сумку и торопливо извлёк из неё свой блокнот и коробку с пастельными мелками.

— Позвольте... Прошу Вас, не уходите... Я быстро... — сбивчиво заговорил художник, лихорадочными штрихами намечая контуры бесплотной аверинской фигуры и пальцем растушёвывая окружающее её слепящее белое с радужным отливом сияние. Рывком перевернув лист, он также быстро принялся набрасывать крупным планом его портрет.

Николай Николаевич беспомощно взглянул на Радзинского, тот в ответ сурово сдвинул брови:

— Смирно стой!

— Я могу уже войти? — недовольно прошипел сзади Руднев, которому атлетическая фигура Радзинского загораживала вход в дом.

— Конечно, Заинька! — умильно пропел Викентий Сигизмундович и, невероятно счастливый от распиравшей его радости, стиснул господина адвоката в объятьях и оглушительно-звонко чмокнул его прямо в ухо.

Аверин закашлялся, стараясь подавить смех, когда господин адвокат, пытающийся сохранить остатки достоинства, с невозмутимым видом проследовал мимо, и мягко обратился к гостю:

— Может быть, Вы уже войдёте, Серёжа?

— Ой... Простите!.. — смутился Карсавин. — Мне так неловко! Я вечно у кого-нибудь под ногами путаюсь...

— Перестаньте извиняться! — принялся отчитывать его Николай Николаевич, подводя к вешалке и помогая избавиться от пальто и шарфа. — Вы наш гость. Мы сами Вас позвали — как Вы можете нам мешать? И не надо говорить о себе в таком уничижительном тоне...

Он взял под локоток оставшегося в белом, крупной вязки, свитере и голубых джинсах гостя, и подвёл его к сначала к Панарину.

— Евгений, — бодро представился тот, энергично встряхнув руку художника. И

покосился на Радзинского, как будто хотел срочно поделиться своими соображениями по поводу нового знакомого. Викентий Сигизмундович сделал успокаивающий жест рукой — мол, потом, потом, я в курсе...

— Кирилл, — лучезарно улыбнулся Бергер, и все заметили, как рука Карсавина машинально потянулась за блокнотом, но — увы! — блокнот остался в кармане пальто.

— О! Роман Аркадьевич, если не ошибаюсь, — вдруг радостно воскликнул сам художник, заметив на заднем плане знакомый чёрный зловеющий силуэт.

Роман склонил голову набок и оценивающе прищурился. Ничего не сказал, перевёл вопросительный взгляд на Радзинского.

— Сейчас всё объясню, — покорно поднимая кверху руки, радостно пробасил тот и потянулся к брошенным на сундук тетрадам и папкам.

— Дон Висенте, значит? — жизнерадостно хохотал Радзинский, похлопывая по плечу раздражённого Романа. — Выходит, мы тёзки!

— Несомненно, это честь для меня, — ядовито процедил тот в ответ.

Бергер, как-то слишком поспешно вонзая зубы в румяный пирожок с капустой, опустил подозрительно заблестевшие глаза и тут же закашлялся, поперхнувшись — попытка побороть таким способом рвущийся на волю смех бесславно провалилась.

Ещё больше помрачневший Роман от души стукнул товарища по спине.

— И ты, Брут? — пробормотал он сквозь зубы, с укоризной глядя на побагровевшего от кашля Кирилла.

— Коль, чаю Кирюхе налей! — Радзинский потянулся через стол, чтобы забрать у Аверина чашку, но Роман опередил его, явно не желая уступить кому-то возможность поухаживать за своим ненаглядным Кирюшей.

— «Люта, как преисподняя, ревность...», — меланхолично прокомментировал эту ситуацию Панарин, задумчиво перелистывая одну из карсавинских тетрадок. (Роман дёрнулся, едва не пролив чай, и метнул в доктора полный ненависти взгляд). — Господи, каким же ты был заморышем, Кирилл Александрович! — невозмутимо вздохнул тем временем доктор, разглядывая рисунок на полях. — Твой хозяин, похоже, держал тебя в чёрном теле...

— Ну, я же не съесть его собирался!!! — прошипел Роман и, отшвырнув стул, в бешенстве вылетел из комнаты.

— Отдайте. Пожалуйста. — Бергер встал и протянул руку к лежащей перед доктором тетрадке. Голос его дрожал от волнения.

Не сговариваясь, все дружно протянули ему карсавинские записи. Сидевший с краю Николай Николаевич аккуратно сложил их стопкой и заботливо вложил Кириллу в руки.

— Спасибо, — прошептал Кирилл. — Извините, я пойду.

— Кеш, сколько можно тебе говорить! — взорвался Аверин, когда за Бергером закрылась дверь. — Это не шутки! Он в качестве подростка Ромы Князева себя уже не воспринимает! Он полностью идентифицирует себя с этим проклятым доном! Он относится к Кириллу, как к своему ребёнку! Ты хочешь до психушки его довести?! Иди и немедленно сделай что-нибудь!!! Переключи его внимание с Кирилла на тех, кто действительно в этом нуждается! Пусть со своим неумеренным рвением заботится о тех, кто с ним в одной связке — кому он действительно должен!

— Но ты же запретил мне... вмешиваться... таким образом... — выразительно

шевельнул бровями Радзинский.

— Не строй из себя дурачка! — глаза Аверина сверкнули сталью. — На доброе дело благословения не надо!.. — и он принялся решительно выталкивать Радзинского за дверь.

— Так я могу?.. — многозначительно намекал на что-то Викентий Сигизмундович, делая загадочные пассы руками.

— Можешь! — категорично отрезал Николай Николаевич.

— А, ну тогда ладно, — ухмыльнулся дед и, послав Аверину воздушный поцелуй, шагнул за порог.

— Ром, — нерешительно позвал в темноту Кирилл, осторожно ступая в комнату. — Вот все эти тетрадки. Держи — они твои.

— Возьми себе, — хрипло отозвался Роман, и Бергер чуть не подпрыгнул — тот, оказывается, сидел на стуле у двери, прямо за его спиной.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты оставил их у себя.

— Хорошо, — после короткого раздумья согласился Кирилл. Наощупь открыл комод и запихнул свою ношу в самый дальний угол ящика. — Не сердись, Ром, — он присел перед стулом на корточки и взял Романа за руку. — Тебя не должно это трогать. Это прошлое — понимаешь? Не вспоминай больше. Думай о том, что нужно делать сейчас.

— Я бы рад. Не забывается, — отрывисто ответил Роман. В темноте его бледное лицо с хищным носом напоминало полотна Гойи.

— Вот с тобой так всегда, — вздохнул Бергер, ласково поглаживая романову руку. — Ты слишком... страстный. Любому занятию отдаёшься без остатка. То с проводником этим носился — наверное, даже на Луну бы полетел, если бы для этой железяки понадобилось. Теперь вот за мою брентную тушку взялся — меня скоро на выставке можно будет показывать в номинации «Самый воспитанный, ухоженный, и окружённый заботой мальчик в мире».

Их искреннее веселье было прервано тихим стуком в дверь.

— Входите уже, Викентий Сигизмундович, — сухо откликнулся Роман.

— Сумерничаете? — хмыкнул Радзинский. — Не стану вам мешать. Я просто тебе, Ромашка, шепнуть хочу — насчёт Карсавина — ваш он. Из вашей связки. Так что — принимай, как говорится, подопечного. Ты Панарина на досуге расспроси — он после того случая с Рудневым все связи отлично видит. — По тому, как Роман встрепенулся, видно было, что он заинтересован. — А психанул ты зря. — Радзинский уверенно положил свою тяжёлую ладонь на голову Романа. — Панарин тебя ещё долго изводить будет — он за те двадцать лет, что с Рудневым знаком, успел возненавидеть тебя от всей души. Никак не хочет понять, что ты не злой и коварный маг, а ребёнок, которому, для начала, ещё школу закончить надо. А ты у нас хороший такой мальчик, — ладонь Радзинского медленно скользила по романовым волосам, от чего веки Романа тяжелели, а глаза сами собой закрывались. — Хороший мальчик. Умный. Способный. Добрый.

Кирилл, широко распахнув глаза, выразительно кашлянул и хотел уже вмешаться, но Викентий Сигизмундович строго приложил палец к губам. Прислонив голову Романа к своему животу, он энергичными жестами принялся выпутывать из романовых волос растрёпанные и жёваные какие-то нити, свалывшиеся неопрятными комками. Потом, действуя пальцами, как расчёской, Радзинский привёл его причёску в порядок, оставляя при этом в тёмных волосах нежно мерцающие нити исключительно светлых пастельных тонов.

— Ты у нас молодец, — подытожил Викентий Сигизмундович и одобрительно хлопнул Романа по плечу.

Тот медленно открыл глаза, выпрямился на стуле. Внимательно посмотрел сначала на Бергера, затем на Викентия Сигизмундовича...

— Ну и что Вы со мной сделали? — расслабленно поинтересовался он у Радзинского.

— Ничего плохого, — усмехнулся тот. — У меня гарант есть. Твоей безопасности. — Он ткнул пальцем в сторону Кирилла. — Он, знаешь, как ревностно твои интересы блюдет? Как лев!

— Р-р-р, — подтвердил Бергер.

— Ну-ну. Только после Ваших манипуляций спать ужасно хочется, — хмыкнул Роман и широко зевнул.

— А ты приляг, — ласково посоветовал Радзинский и помог подростку подняться. Кирилл взял его под локоть с другой стороны.

— Надеюсь, этот Ваш художник не исчезнет, пока я тут овечек считаю? — Ноги у Романа заплетались, но при двусторонней поддержке он без приключений добрался до кровати.

— Ни в коем случае! — решительно заверил его Радзинский. — Я ему ускользнуть от нас не позволю — можешь быть уверен.

— Ну, тогда ладно... Спокойной ночи, — невнятно пробормотал Роман и мгновенно отключился, едва его голова коснулась подушки.

Радзинский осторожно снял с него обувь, взял из рук Кирилла плед.

— Спи, Ромашечка, — Викентий Сигизмундович нежно поцеловал Романа в лоб, подоткнул со всех сторон плед. — Спокойной ночи, ребёнок.

===== Глава 111. Тяготы диктаторских будней =====

— Что мы с ними со всеми делать-то будем? А, Руднев? — тоскливо спросил Роман, уткнувшись лбом в стекло, за которым Карсавин с Бергером лепили снеговика. Художник, вооружившись каким-то инструментом вроде шпателя, колдовал над снежным комом, который на глазах превращался в бородатого Деда Мороза с мешком за плечами.

— Банду из них сколотим. Так, Киса? Контору в новом формате реанимируем. Развернёмся!.. — Руднев потрепал по волосам сидящего у его ног Панарина, не отрывая взгляда от разложенных перед ним на кровати карт.

— Банду? — кисло улыбнулся Роман. — Да в банду даже ты с Евгением Алексеевичем уже не подашься!

— Ну почему же, Роман Аркадьич, — Руднев перевернул ещё ряд карт. — Смотря, чем эта банда будет заниматься...

— Благотворительностью, — блеснул белыми зубами Панарин.

— Точно! — благодушно согласился господин адвокат, удовлетворённо разглядывая получившийся расклад. И они с Женечкой покатались со смеху.

— Хватит ржать, господа! — уныло вздохнул Роман, отходя от окна. — Евгений Алексеич, ты точно видел, что эта безумная ведьма тоже наша?

— Я рассказал тебе всё, что я видел, Роман Аркадьич, — лениво повернулся к нему доктор и скользнул по его фигуре снисходительным взглядом. — Повторить?

— Повтори, — насмешливо прищурился Роман.

Руднев кинул быстрый взгляд на Женечку, с острого языка которого уже готово было сорваться опрометчивое слово, и со вздохом смешал карты.

— А в чём, собственно, проблема, Роман Аркадьич? — с досадой поинтересовался он, вставая и преграждая путь Роману. — Что конкретно тебя беспокоит?

— Наше будущее. Представляешь ту ведьму рядом с этим мальчиком-одуванчиком? Ничего себе семейка? Да?

— Людей соединяет Промысел, — быстро ответил вместо Руднева доктор. Глаза его лихорадочно заблестели. — В том-то всё и дело, что, если бы мы действовали по собственному разумению, мы бы точно ошиблись. Как ты можешь судить, что сочетается, а что нет, если ты не представляешь себе общий замысел? Связь — это объективная данность. Я её вижу. О чём тут рассуждать?.. Ходжу Насреддина как-то дети попросили разделить между ними орехи. Он спросил, как делить — по-Божески, или по-человечески? Дети сказали «по-Божески». Думали, так будет вернее. Ну, он и разделил: кому один орех дал, кому десять, а кому — вообще ничего... Улавливаешь?

Роман обошёл заметно напрягшегося шефа, сел на полу рядом с Панариным и, пристально глядя ему в глаза, проникновенно сказал:

— Я, кажется, знаю, кто в нашей бандитской группировке будет моим заместителем по кадровым вопросам. Хочешь получить официальное назначение, или так договоримся?

— Лучше, если этими людьми займусь я, а не ты, — не раздумывая, кивнул Панарин. — Не только потому, что я вижу связи. Так у них будет больше шансов на выживание...

— Эй, я же хороший, Евгений Алексеич, — состроив трогательную физиономию, обиженно протянул Роман. И похлопал ресницами для усиления эффекта.

Старшие товарищи просто-таки заржали самым оскорбительным образом.

— Не делай так больше, — всхлипывая, попросил Руднев. — У меня чуть мозг не вскипел от этого зрелища...

Роман с притворным смирением вздохнул и снисходительно глянул в искрящиеся смехом глаза Панарина:

— Так мы договорились? Если да — бери в оборот это инфантильное дарование и перетряхни все его наброски. Если Радзинский прав, среди тех, кто на его портретах, должно быть много наших...

— Несколько папок ещё лежит на антресолях, — художник смотрел на Панарина с нескрываемым любопытством. — Полезете?

Тот равнодушно пожал плечами:

— Конечно. — И огляделся в поисках предмета, на который можно встать.

Ловко спрыгнув через некоторое время с табуретки, Женечка оглядел внушительную гору изъятого у Карсавина материала.

— Не жалко? — он пытливо посмотрел художнику в глаза.

— Да я Вам только благодарен! — искренне рассмеялся Сергей. — Как Вы понимаете, количество рисунков с каждым днём растёт, а места у меня в квартире не прибавляется!

— Чудесно, — Панарин взглянул на часы. — Такси будет минут через пятнадцать. Извините, если я Вас задерживаю.

— Что Вы! Мне жаль, что Вы не останетесь выпить чаю. Я бы с удовольствием пообщался с Вами подольше! — с детской непосредственностью признался художник.

Женечка усмехнулся, привалившись плечом к стене, покусал нерешительно губы и не удержался, спросил:

— Я заметил, что в Вашем доме нет ни одной иконы. Почему?

— Никогда не интересовался, — растерялся Карсавин. — Я имею в виду религией — не интересовался...

— А чем интересовались? — без тени улыбки продолжал допрашивать Женечка.

Художник заметно смутился.

— Я... Блаватскую читал... Рериха... — и он беспомощно воззрился на Панарина.

— Значит, всё-таки интересовались, — безжалостно обличил Сергея доктор.

— Я... Ну, да — меня не тянет в Церковь, — честно признался, наконец, Карсавин, прекращая юлить и мямлить. — Мысль об институционально оформленной Истине меня смущает. Формализм в таких вопросах может оттолкнуть кого угодно!

— Чего Вы оправдываетесь? — изумился Женечка. — Не хотите быть членом Церкви — не надо. Ваше право...

— Да. Но мне казалось... — осторожно начал Карсавин.

— Вам казалось, — отрезал Панарин.

Художник сразу помрачнел и принялся рассматривать свои ладони. Женечке стало неловко за свою грубость.

— Поехали со мной, — неожиданно предложил он. — Поможете дотащить папки до дома, заодно и поговорим...

Карсавин немедленно бросил дуться и с живым интересом уставился на своего гостя. Панарин, заметив это, улыбнулся.

— Если хотите, конечно!..

— Конечно, хочу, — с готовностью закивал художник. — И, если позволите, я захвачу с собой этюдник...

Панарин расхохотался.

— А без этюдника — никак?

— Без карандаша, как без рук, — согласился Карсавин, улыбаясь в ответ. — Я, конечно, могу обойтись блокнотом...

===== Глава 112. Благословение =====

— Викентий Сигизмундович, Ваши соседи продают участок, — небрежно бросил Руднев, не отрывая глаз от дороги.

Радзинский скользнул лукавым взглядом по его идеально ровной спине и снова вернулся к своим бумагам, которые разложил на заднем сиденье рудневского автомобиля.

— А дом они разве не продают? — хмыкнул он.

— Они, конечно, считают, что продают дом, — криво усмехнулся в ответ господин адвокат. — Но, на мой взгляд, эта развалюха никакой ценности не представляет, и я рассматриваю её только, как требующую обязательной корректировки неровность рельефа земной поверхности.

— Хочешь получить моё благословение? — понимающе усмехнулся Радзинский.

— Вы абсолютно правильно меня поняли, — сдержанно подтвердил Андрей Константинович.

— Поддерживаю целиком и полностью, — решительно и серьёзно ответил на это Викентий Сигизмундович. — Можешь рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

— Правда? — зачем-то переспросил Руднев.

Радзинский расхохотался:

— Конечно, правда, сынок! Думаешь, я не хочу, чтобы ты был рядом?

Рудневские пальцы, блещущие перстнями, как-то подозрительно крепко сжали руль, а

плечи заметно напряглись.

— Останови-ка машину, — нахмурился Радзинский.

Андрей Константинович послушно свернул к обочине. Викентий Сигизмундович вышел из автомобиля и пересел на переднее сидение.

— Я хочу, чтобы ты понял, — без тени улыбки обратился он к Рудневу, который, не поворачиваясь, сидел за рулём с застывшим взглядом. — Когда я называю тебя «сынок», я совсем не шучу. Ты для меня, правда, как сын. А чтобы ты никогда больше в этом не сомневался, я сделаю вот что — смотри... — Радзинский приложил свою могучую руку к сердцу, а когда отстранил её, на ладони лежал пульсирующий белый шар с розовой сердцевинкой. Подняв ладонь на уровень рудневского лба, Викентий Сигизмундович приложил её Рудневу между бровей, и яркий шарик плавно скользнул внутрь его черепа, заставив Андрея Константиновича вздрогнуть и широко распахнуть глаза. — Теперь будешь знать, что чувствую я. Сможешь смотреть моими глазами. Может быть, это поможет тебе окончательно поверить, что ты нужен мне не из каких-то меркантильных соображений. Ну, а плакать-то зачем?..

===== Глава 113. Второй виток спирали =====

— Лапуся, хорош в снегу валяться — простудишься! — нахмурился Роман, нависая тёмным силуэтом над Бергером, который, рухнув навзничь в сугроб, мечтательно созерцал устремлённые ввысь кроны деревьев.

— Он такой пушистый, — Бергер глубоко вздохнул и блаженно прикрыл глаза. — Ты даже не представляешь себе, как здорово так лежать!

— Полежал — и хватит, — отрезал Роман, подхватывая Кирилла под мышки.

— Да что ты, как... не знаю кто! Куропатки вообще в снегу спят!

— Ты не куропатка, — ехидно прищурился Роман, ставя Бергера на ноги и принимаясь отряхивать его. — Или я чего-то не знаю?

— Ты много чего не знаешь! — мстительно заметил на это Бергер и побрёл по лесной тропинке дальше.

— Вот таких вот слов при мне лучше не произносить, — вежливо предостерег его Роман.

Кирилл покосился на него насмешливо:

— Ты этого не переживёшь? Да?

— Я приму это, как руководство к действию...

— Лучше б ты мои советы принимал, как руководство к действию! — вздохнул Бергер.

— Так-так-так... Чем это мы опять недовольны? — заинтересовался Роман и, догнав Кирилла, взял его под руку, чтобы строптивый ботаник не имел возможности сбежать от ответа.

Кирилла это позабавило:

— Глядя на тебя, можно подумать, что ты озабочен исключительно проблемой своего духовного роста!

— А чем я, на твой взгляд, озабочен?

— Ты не озабочен — ты объят безумием. Впрочем, как и прежде, как и всегда...

Роман не стал спорить. Он глубоко задумался, и некоторое время они так и шли с Бергером — неспешно, под ручку, прогулочным шагом... Пока Роман не обнаружил, что под ногами уже не утоптанная снежная лесная тропинка, а золотисто подсвеченные солнцем белые каменные плиты.

— Опять шалим, Лапуса? — ласково прищурился Роман.

— Поверь, ты сам этого захотел! — со смехом заверил его Бергер.

— Допустим... И что это за место?

— Вторая ступень. Второй виток спирали.

— «Вайомер Элохим: йехи ракиа бетох аммайим, вихи мавдиль бейн майим ламайим...» (1), — тут же припомнил Роман библейские строки.

1 «И сказал Бог: да будет твердь посреди вод, и да отделяет она воду от воды» — (древнеевр.). Быт. 1, 6.

— Ага, — радостно согласился Бергер.

— У-ти, Пуся, — умилился Роман. — «Ага»... В чём смысл, я хочу знать!

— Хочешь — значит, узнаешь! — лучезарно улыбнулся ему Кирилл и толкнул резную деревянную калитку, ведущую в буйно разросшийся южный сад.

Роман оглянулся перед тем как ступить на выложенную глиняными плитками дорожку: это, безусловно, был город — только очень тихий, заросший по самые крыши зеленью, увитый плющом и цветами. А, может, именно эта часть города, стоящего на холме, была каким-то особо уединённым местом...

В доме даже воздух был благостным, обволакивающе-уютным, пропитанным стойким ароматом любви и счастья. Тихо поскрипывала под ногами деревянная лестница с резными перилами, неслышно распахнулась ведущая в библиотеку дверь...

— Исаак Израилевич?! Вы что здесь делаете?! И... Вы?!?! Я до сих пор не знаю Вашего имени!.. — Роман прожигал яростным взглядом мирно поднявшихся ему навстречу Мюнцера и того самого благообразного старца с орлиным носом, который некогда вручил ему Ключ.

— Шалом, — тихонько кашлянул Мюнцер, намекая молодому человеку, что не мешало бы сначала поздороваться.

— Шалом, — буркнул Роман, оглядываясь в поисках Бергера, чтобы привлечь к ответу и коварного ботаника, но того уже и след простыл.

— Посидите с нами, стариками? А, молодой человек? — лукаво улыбнулся Мюнцер, указывая на удобное кресло возле круглого стола, на котором лежал, раскрытым, какой-то внушительных размеров том.

— С удовольствием, — хмуро пробормотал Роман, усаживаясь напротив двух ехидных старцев. — Бергер сказал мне, что я больше Вас никогда не увижу, — бросил он своему седобородому благодетелю. — Поэтому я так бурно отреагировал на Ваше появление. Извините.

— Так прямо и сказал? — удивился старец, проигнорировав романовы извинения.

— Ну, не совсем так...

— Он, видимо сообщил тебе, что ты преодолел первую ступень, — понимающе покивал тот. — Правда, весьма замысловатым способом... Но для тебя это, впрочем, нормально...

Роман тихонько скрипнул зубами.

— Не переживайте по этому поводу, молодой человек, — успокоил его Мюнцер. — В духовной жизни часто так бывает: шаг вперёд, два шага назад... Ничего страшного! Сильно навредить вы не успели, зато получили хороший урок...

— И даже каким-то загадочным образом перешёл на следующую ступень, — проворчал Роман.

— Что поделать, — усмехнулся в бороду старец. — Духовные успехи — вещь

объективная. На них указывают реальные изменения в тонких телах, которые нельзя симулировать. И если уж ты здесь — поверь, в тебе произошли качественные изменения.

— А почему мне закрыт путь обратно?

— Закрыт? Что ты! — улыбнулся старец. — Просто в духовном мире действует закон: ты не сможешь попасть к нам, если мы этого не хотим. Или, если твои собственные вибрации не родственны нашим — подобное притягивается подобным. Но мы всегда тебе рады — приходи. Вперёд ты путешествуешь только с Ключом. Именно он отпирает для тебя вход в верхние миры. И он же охраняет тебя там. Без него ты не смог бы там даже дышать. Но туда, где ты уже побывал, ты можешь попасть и без Ключа. Что ты уже неоднократно делал.

Роман покивал. Прищурился, смерив Мюнцера подозрительным взглядом.

— Исаак Израилевич, я, конечно, догадывался, что Вы тоже как-то замешаны в этой истории с Картой, но всё же... Позвольте задать Вам нескромный вопрос: что Вы здесь делаете?

Мюнцер счастливо улыбнулся и глаза его вдохновенно блеснули:

— Помните, молодой человек, я обещал, что не умру «кеадам»?

— Стоп-стоп, — поднял руку Роман. — Мне показалось, или Вы таким образом сообщаете мне, что собрались помирать?

— Ну, зачем же так грубо? — развеселился Мюнцер. — Не «помирать», а перейти в другой мир. Я просто покинул тот мир и перешёл в этот. Моя телесная оболочка осталась в физическом мире...

Роман почувствовал, как у него пересохло в горле.

— Но ведь Вы же не умерли?

— Конечно, нет, — охотно согласился Мюнцер. — Я ведь уже объяснил Вам, что просто перешёл...

— Скажите, что Вы пошутили!!! — заорал Роман, вскакивая и опрокидывая кресло. — Разве я требовал, чтобы Вы мне что-то доказали?!! Ваши доказательства могли бы подождать!!!!

Картинка перед глазами потускнела. Роман пытался заставить себя успокоиться, но эмоции были слишком сильны — они закружили его, порвали в клочки и вышвырнули на поверхность уже совсем другой реальности.

— Вы обещали, что всё будет хорошо! Что я могу спокойно оставить его там с Мюнцером! — тихо шипел разъярённый Бергер. — Теперь сами с ним объясняйтесь!

— Не волнуйся так, Лапочка, — насмешливо пророкотал в ответ Радзинский. — Именно это я и собираюсь сделать. Ромашечка... — Роман почувствовал, как длинные волосы Радзинского щекочут ему лицо, и сморщился недовольно. — Что же ты, Ромашка, — укоризненно вещал дед, помогая ему сесть. — Как институтка, честное слово... — Содержимое бокала обожгло внутренности, заставив — несмотря на явно алкогольную его сущность — мгновенно отрезветь и вспомнить все сопутствующие ситуации обстоятельства. — Иван Иванович не зря сказал, что коньяк эффективно приводит тебя в чувство, — хохотнул Радзинский.

— Какой Иван Иванович? — хрипло поинтересовался Роман.

— Мюнцер, — хмыкнул Викентий Сигизмундович. — Был как-то случай в нашем далёком прошлом: его статья в сборнике была подписана «Мюнцер И.И.» и редактор —

простодушная такая женщина — спросила, как, мол, его имя-отчество? Иван Иванович? С тех пор и пошло — иначе его на кафедре и не называли...

— Он ведь уехал на Святую Землю. На праздники, — требовательно глянул на Радзинского Роман.

— Верно — уехал, — с готовностью подтвердил тот. — И перед отъездом посоветовал в случае чего отпаивать тебя коньяком.

— Вам смешно? — со злостью процедил Роман.

— Мне грустно, Рома, — сухо ответил Радзинский. — Ты ужасный эгоист и не думаешь о том, что у Мюнцера свой путь — непростой путь. И каждый шаг, который отделяет его от финишной черты, для него мучителен. Ты не представляешь, как он устал, сколько он всего сделал!..

— А я настолько мало значил в этой его жизни, что он не счёл нужным даже попрощаться со мной! — ожесточённо бросил Роман.

— Имей совесть, Ромашка! — не выдержал Радзинский. — Зачем ему с тобой прощаться?! Да — он уехал на Святую Землю и, скорее всего, больше не вернётся! Но ты от этого только выиграешь! Теперь, когда бы ты ни захотел его увидеть, Мюнцер всегда будет ждать тебя на втором уровне Карты! И после того, как он уйдёт, для тебя ничего не изменится! Или ты хочешь, чтобы Мюнцер ради тебя задержался в физическом теле ещё на пару десятков лет?! Тебе будет приятнее, если он будет давать тебе уроки, сидя в инвалидном кресле?!!

— Пару десятков лет?! — Глаза Романа невольно округлились, и он откинулся обратно на подушку.

— А ты как думал? — ехидно хмыкнул Радзинский, мгновенно смягчаясь. — Задача второй ступени — накопление духовного знания. Для дальнейшего развития у тебя под ногами должна быть твёрдая почва. Ты должен узнать о Боге всё, что возможно о Нём узнать посредством усвоения формального знания. О Нём, о мире, о человеке...

— Спасибо за радостную новость, — съязвил Роман. — Я покорён Вашим оптимизмом. Так Мюнцер умер или нет?! — он снова перешёл на крик.

— На самом деле это не имеет значения, — серьёзно заверил его Радзинский. — Именно это Мюнцер и хотел тебе сказать. Он оставил своё тело и отправился в тот мир, через который пролегает ныне твой путь, чтобы продолжить твоё обучение без помех со стороны своей слабеющей плоти. В этом мире у него этих двадцати лет не оставалось. Ещё немного, и он не смог бы учить тебя. Карта — единственное место, где ничто не будет ему мешать. Мюнцер сделал выбор в твою пользу — пойми это! Он ждёт момента своего ухода с нетерпением. Для него смерть — безболезненный и желанный переход в мир лучший, чем этот. И он страстно желает, чтобы ты тоже получил возможность прожить жизнь не как маг, а как Бен Элийон. И тогда ты сможешь уйти, как уйдёт Мюнцер. И как уйдём все мы. И Бергер...

— Зачем Вы это сказали? Про Бергера? — ледяным тоном спросил Роман. — Пытаетесь мной манипулировать?

— Манипулировать — это вот. — Радзинский с ухмылкой потянул за возникшую в воздухе ниточку, заставляя Романа бухнуться на колени и в искреннем порыве обнять ноги учителя.

— Не делайте так больше! — яростно прошипел Роман, стряхнув наведённый Радзинским морок.

— Не буду, Ромашка, — извиняющимся тоном произнёс Викентий Сигизмундович. Он опустился на пол с ним рядом и крепко обнял взбешённого подростка. — Простишь меня?

— Дайте-ка подумать... — обиженно прикинул вслух Роман. — Я могу торговаться?

— Да ты только и можешь, что торговаться! — захохотал Радзинский, награждая его лёгким подзатыльником. — Пойдём. Мне ещё перед Кирюхой оправдываться. Хотя — что уж такого произошло?! Ума не приложу...

===== Глава 114. Ночь тиха над Палестиной =====

«Ночь тиха над Палестиной. Спит усталая земля-а-а-а. Горы, рощи и долины — скрыла всё ночная мгла-а-а-а. Скрыла всё ночная мгла...». Звуки двух голосов сливались так идеально и струились так легко и свободно, что можно было забыть о том, что они порождены человеческим искусством, и приписать их природе, услаждающей наш слух нежным пением льющей воды, шелестом травы, тихой музыкой сердца, которую мы обычно не замечаем, но любим и ценим, как бы проста и незатейлива она ни была.

Руднев смотрел прямо в глаза Кириллу, и тот, не смея отвести взгляд, выводил мелодию рождественского песнопения, гипнотизируя, в свою очередь, Андрея Константиновича. Ноты лежали между ними на лавке и иногда вспархивали от движения воздуха, когда господин адвокат особенно энергично взмахивал рукой, по успевшей уже укрепиться регентской привычке.

— Выше всяких похвал! — умилённо воскликнул Радзинский, нарушая тишину вескими хлопками аплодисментов. Он одобрительно потрепал Кирилла по волосам и насмешливо поглядел на Андрея Константиновича.

— Подслушивали? — подчёркнуто небрежно бросил Руднев.

— Нет. Просто мимо проходил, — хохотнул Радзинский. — Какой же ты всё-таки молодец, Андрюш! — растроганно проговорил он. Определённо, Викентий Сигизмундович смотрел на Руднева с гордостью. — Только что ж ты Кирюху так запугал? Смотри, он до сих пор как каменный!

Бергер поспешно опустил глаза.

— Кирилл Александрович прекрасно знает, что его страдания никакого удовольствия мне не доставляют. Так что — ничего личного... — Руднев тщательно подравнял со всех сторон стопку листов с нотами и с достоинством поднялся.

— Прости, — неожиданно с чувством сказал Радзинский.

— За что? — сдержанно поинтересовался господин адвокат, не поднимая на будущего тестя глаз.

— Тогда, в больнице — я не по злобе тебя прессовал. Исключительно для пользы дела! Ничего личного — ты меня поймёшь...

Андрей Константинович недоверчиво посмотрел на виноватую физиономию Радзинского, взгляд которого был подозрительно простодушен, и прикусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Хотите сказать, что мы с Вами одного поля ягоды?

— Не только. Напекаю, что ты легко можешь представить себя на его месте, — Викентий Сигизмундович показал на Кирилла.

— Воспитываете? — усмехнулся Руднев.

— Как же иначе, Зая? — захохотал Радзинский. — Ты же мне не чужой! — и он без церемоний сгрёб господина адвоката в охапку, в одну секунду растрепав его безупречную причёску.

— Знаю, — насмешливо прищурился Руднев, мягко отстраняясь и независимо встряхивая волосами. Потом отчего-то смутился и чуть не выронил свои бумаги. Возможно, потому, что теперь он действительно знал. А может быть, потому что вспомнил, как насквозь промочил накануне горячими слезами пиджак на груди Радзинского, оплакивая своё несчастливое детство. Ибо коварный Карабас невыносимо сочувственно гладил господина адвоката по голове и ласково шептал, какой Андрюша хороший мальчик и как бы он его — Андрюшу — баловал, если бы мог повернуть время вспять и стать в этом — невозможном — прошлом его настоящим отцом. Видение этой альтернативной реальности оказалась таким живым и ярким, что Андрей Константинович чуть не прокусил себе руку, в которую впился зубами, чтобы не разрыдаться совсем уж позорно. И ведь теперь нельзя было подлечить израненное самолюбие законным негодованием — мол, лживый манипулятор вывернул меня наизнанку из своих циничных соображений. Нет — любовь и сочувствие Радзинского были настолько горячими и при этом неоспоримо искренними — в этом сомневаться не приходилось — что едва не прожгли в сердце Руднева дырку.

— Вот и славно! — хмыкнул Викентий Сигизмундович. — А теперь... — сказал он, потирая руки, — Откладываете свои ноты, я вас кормить буду!

— Нет-нет, — поспешно вскочил со своего места Бергер. — Я пойду...

— Стоять! — Радзинский ловко перехватил его на полпути к двери. — Сочельник, — понимающе покивал он, оттесняя его обратно к столу. — До первой звезды нельзя...

— Но ведь, правда, нельзя! День строгого поста, — слабо отбивался Кирилл.

— Кирюнечка, ты ведь уже причастился утром? Так? И тебе предстоит всю ночь обмирать от страха на клиросе под безжалостным взглядом самого строгого и взыскательного регента на свете...

— Я не для себя стараюсь, — поспешил уточнить господин адвокат.

— Никто не спорит, — отмахнулся Радзинский, снова отлавливая пытающегося скрыться Кирилла. — Ты просто обязан, Кира, как следует подкрепиться! Кроме того — ты совершаешь преступление по отношению к своему растущему организму, лишая его необходимого питания...

— Ничего я его не лишаю! А если Вы позовёте Шойфета, как сейчас подумали, я с Вами неделю разговаривать не буду!

— Зачем звать это чудовище? — с готовностью согласился Радзинский. — Я с тобой и без него справлюсь!

— Интересно, как? — с вызовом поинтересовался Бергер, испуганно косясь на деда.

— У меня есть секретное оружие. Voila! — он с видом фокусника взмахнул рукой в сторону двери, которая тут же открылась, впустив хмурого Николая Николаевича.

— Кто здесь мучает ребёнка? — строго спросил он, сверкнув стальным взором.

— Колюня, этот твой ребёнок отказывается обедать! — тут же пожаловался Викентий Сигизмундович. — Пост, говорит...

— Кира! — сдержанно ужаснулся Аверин. — От кого угодно я такого ожидал, только не от тебя! — Смерив осуждающим взглядом сбитого с толку Кирилла, он подошёл к столу и жестом велел мальчику сесть. — Соблюдать формальные требования церковного устава проще всего. — Он кивнул Радзинскому и тот с довольной усмешкой принялся накрывать на стол. — И, поскольку огромное количество людей на большее не способны, они настойчиво подменяют подлинное христианское делание внешним благочестием, которое не приносит им никакого результата, зато подкармливает их самомнение и поглощает почти всю их

энергию, делая практически недостижимыми для них реальные плоды духовной жизни. Достичь смирения, или прослыть постником — что бы ты выбрал?

— Смирение, конечно, — вздохнул Кирилл, уже отлично понимая, к чему клонит учитель.

— Ну, тогда смирайся и ешь, — припечатал Аверин.

— Я знаю, что ты любишь рассольник, — нежнейшим бархатистым голосом пропел Радзинский, ставя перед Бергером тарелку. — Кушай, деточка. — Он ласково погладил Кирилла по голове. — И пирожок возьми.

— Спасибо, — обречённо проговорил Кирилл, мужественно берясь за ложку.

— Аплодирую, стоя, — усмехнулся Руднев, в свою очередь принимая из рук Радзинского тарелку.

— Приятного аппетита, господа, — вежливо улыбнулся между тем Николай Николаевич, вставая. Радзинский подозрительно сощурился, замерев с половником и третьей — пока ещё пустой — тарелкой в руках. — С вашего позволения я Вас покину — дела... — С этими словами Аверин взял из вазы красивое румяное яблоко и, предварительно послав Радзинскому страстный воздушный поцелуй, с вызывающим хрустом надкусил плод и быстро вышел из комнаты.

Бергер неприлично громко фыркнул в тарелку, а Андрей Константинович сдержанно прикусил губу и стрельнул любопытным взглядом в сторону Радзинского.

Тот, усмехаясь, задумчиво покачал головой, достал из кармана мобильник и набрал какое-то короткое сообщение. Неизвестно, что уж он там написал своему норовистому другу, но за стол Викентий Сигизмундович сел в отличном настроении.

Клубы пара и несущиеся наперегонки снежинки в ярком свете фар. Два тонких силуэта — мужской и женский — замерли, соприкоснувшись лбами. Руднев улыбается. Наденька немного смущена, но бесконечно счастлива. О чём они говорят, не слышно, да Роману это и не интересно. Он снова переводит взгляд на Бергера, который стоит перед ним с каким-то виноватым и жалким видом. На его волосах сверкает-переливается снег.

— Ну, пока, Ром, — говорит он в который раз и заботливо запахивает на нём куртку, щёлкая кнопкой воротника. — Чего ты расстёгнутый выскочил?

— Ты ещё спроси, не страшно ли мне одному оставаться! Я тебя просто растерзаю тогда, — предупреждает Роман.

— Не надо меня... терзать, — подавляя смешок, уже весело отвечает Бергер. — Я и так вернусь не слишком целым, — он выразительно кивает в сторону Руднева.

— Не беспокойся, — усмехается Роман. — Я с ним поговорил.

— Ну, если так... — Глаза Бергера сияют неземным светом даже в темноте. Он делает шаг вперёд и крепко обнимает товарища. — Ну, пока, Ром, — шепчет он.

— Ты это уже говорил, — у Романа отчего-то срывается голос. Он похлопывает Бергера по спине, потом подталкивает его к машине. — Иди уже...

Кирилл уходит, постоянно оглядываясь и периодически балансируя, чтобы не упасть, на скользкой дорожке. Открыв дверцу, он оборачивается и взмахивает рукой. И тут мозг Романа пронзает догадка. Кричать вслед уже глупо, поэтому он обращается к Бергеру мысленно: «Ты что-то знаешь? Ты поэтому как перед смертью прощаешься?». Некоторое время в голове тишина, потом раздаётся осторожный голос Бергера: «Ничего страшного, Ром. Я об этом... позаботился...».

Стрелки часов приближаются к полуночи. Яркий свет настольной лампы отражается в распахнутых стеклянных дверцах книжного шкафа. Роман с интересом перебирает задвинутые во второй ряд потрёпанные брошюры перестроечных времён: биоэнергетика, рейки, шиацу. Незнакомые имена, непонятные реалии советской эпохи...

После скупого бергеровского «ничего страшного» Роман решил провести эту ночь в комнате Радзинского. Хотя более защищённым он, как ни странно, чувствовал себя за стенкой — у Николая Николаевича. Но бодрящая, авантюрная энергетика Викентия Сигизмундовича была ему сейчас нужнее, чем ласковое тепло и покой аверинской спальни.

Неожиданно на пол выскользнул пачка фотографий и рассыпалась веером. Роман собрал их и бухнулся в просторное кресло Радзинского. Первый же беглый осмотр заставил его усмехнуться: ну конечно, чьи же ещё снимки должен бережно хранить Викентий Сигизмундович — разумеется, аверинские!

Вот чёрно-белое фото: юный Николай Николаевич в костюме при галстукке стоит на трибуне — светлые волосы упали на лоб, тень от ресниц на щеках — похоже, заглядывает в черновик своей речи. Роман сразу услышал характерную акустику небольшого зала, увидел лица скучающих там людей. Наверное, уже лето, или такой жаркий май — все окна открыты, большинство присутствующих одеты легко и безо всякого официоза. Роман уловил слово «диссовет». Ясно. Это фотография с первой аверинской защиты...

А вот цветная фотография. Неужто это Радзинский?! Герой-любовник из голливудского кинофильма — ни больше, ни меньше! Красавец! Сверкает улыбкой на ступеньках какого-то беломраморного восточного дворца, щедро залитых солнцем и осенённых потрясающей голубизны небом. И кто же это рядом с ним? Ну, само собой, Аверин, который, запрокинув голову, беззаботно смеётся, демонстрируя миру все свои тридцать два белоснежных зуба. Ну почему этот человек никогда не смотрит в камеру?!!

Ладно... Снято где-то за границей. Иран? Ирак? Деловая поездка. Для Радзинского стопроцентно. Аверин попал туда как-то «по благу», за компанию...

А на этой фотографии Николай Николаевич, опершись на перила, вдохновенно смотрит куда-то вдаль: ветер треплет его светлые волосы, вокруг расстилается водная гладь... Но это не морской круиз — Роман сразу почувствовал явственный запах речной воды. Это вообще не туристическая поездка. На этом теплоходе проходит какой-то конгресс, конференция — что-то в этом роде... О! Да тут полно «своих»! Все вперемешку: маги и эзотерики, ведьмы и целители. Мероприятие с размахом!

Только Роман начал входить во вкус, выходя через Аверина на тех, кто контактировал с ним в рамках этого необычного «проекта», как в комнате ощутимо потянуло каким-то потусторонним, могильным холодом, и перед Романом возникла знакомая фигура Господина в чёрном — (какая трогательная привязанность к внешности почившего фантома!).

— Решил тебя навестить, — бесстрастно сообщил патрон.

— Давно мечтал пообщаться, — криво усмехнулся Роман в ответ. — Присядете?

===== Глава 115. Подарок =====

Роман пытался подняться с пола, но руки-ноги дрожали, пот лил с него градом — ощущение такое, словно душа с телом расстаётся. Он отстранённо глядел на свои трясущиеся пальцы, тихо радуясь про себя, что, несмотря на предательство тела, рассудок не подвёл его, и паника не превратила его сознание в хаос.

— Посмотри, как ты слаб и жалок. — Патрон, помахивая перчатками, смотрел так брезгливо, будто случайно раздавил червяка. — Ты отказался от возможности трансформировать эту ничтожную плоть в неуязвимую, практически бессмертную оболочку и теперь одно моё присутствие заставляет тебя растекаться по полу отвратительной лужей.

— Отказался? — с трудом усмехнулся Роман. — Я просто выбрал обратную трансформу. — Он старался говорить короткими фразами, потому что на большее дыхания не хватало.

— Как это понимать? — Патрон навис над ним зловещей тенью. Его близость превращала мозг в желе.

— Физическое тело. В энергию, — отрывисто выдохнул Роман.

— Чтобы стать одним из атомов? — презрительно бросил патрон.

— Мне понравилось. Быть частицей.

— Совсем помешался? — снисходительно оглядел его надменный господин.

— Убирайся к дьяволу! — непослушными губами прошептал Роман и лёг, вытянувшись на полу и прикрыв глаза. Так хотя бы не приходилось тратить силы на удержание тела в вертикальном положении.

— Ладно. Мне всё равно, — равнодушно прокомментировал его откровения патрон. — Я тут с удивлением обнаружил, что, чем меньше ты знаешь и понимаешь, тем лучше справляешься со своим делом. Просто иногда нужно тебя подталкивать в нужном направлении. — Край плаща скользнул по лицу Романа, когда патрон опустился на одно колено и положил подростку руку на лоб. — Знаешь, что я сейчас сделаю? — шепнул он со зловещей усмешкой, от которой по телу Романа прокатилась волна нервной дрожи. — Я тебя ОСВОБОЖУ. Совсем чуть-чуть. Капельку. Но результат тебе понравится — обещаю...

Сердце Романа забилося, ускоряясь с каждой секундой — ещё миг и оно взорвётся, разрывая его тело на части...

— Не бойся.

Роман скосил глаза на ободряющий шёпот, но увидел только мягкие вышитые туфли и подол знакомого светлого одеяния. Что касается патрона, то того просто затрясло в этот момент от жуткой, совершенно нечеловеческой ярости. Это Роман почувствовал, даже не поворачивая головы в его сторону — такой ненависти ему самому не приходилось испытывать никогда.

Полы чёрного плаща взметнулись вверх, попутно хлестнув Романа по лицу. А в следующую секунду патрон просто исчез.

— Сбежал? — не поверил Роман, пытаясь поднять голову.

— Лежи, лежи... — Старец поспешно опустился рядом и осторожно переместил голову Романа к себе на колени.

— Что ему было надо? Я так и не понял... — Веки Романа отяжелели и он не смог бы открыть сейчас глаза, даже если бы вокруг раздались крики «пожар!» или «землетрясение!».

— Боюсь, что мы этого не узнаем. Он всегда лжёт. Скорее всего, в его планы входило, чтобы ему помешали.

— Затежливо...

Над головой проплывали облака. Тёплый ветер доносил свежий запах речной воды и травы. Нагретый песок под рукой так приятно было перебирать пальцами.

— Твой Ключ просил доставить тебя сюда, — негромко пояснил старец.

— Называйте его по имени!.. — нахмурился Роман.

— Пусенькой? — съехидничал тот.

— Да ну Вас...

На удивление легко Роман поднялся на ноги. Добраться до реки, и скинуть одежду было делом одной минуты. Погрузившись в воду с головой, Роман испытал такое блаженство, что просто забыл вынырнуть обратно. Распахнув глаза, он любовался проплывающими мимо стайками маленьких пугливых рыбок и игрой света на каменистом дне до тех пор, пока воспоминание о страдании и боли не улетучилось из самих молекул его тела. И тут Романа осенило. Он просто увидел — всё, что делал патрон, он делал с единственной целью — отвлечь внимание своего протеже. А потом просто уничтожил одну из печатей. Незаметно. Так, что никто не смог помешать.

Определённо, уровень энергии Романа значительно повысился — он вдруг вспомнил, что патрон являлся к нему и всю последнюю неделю — после того, как Роман активировал их связь — воздействовал на своего подопечного...

Расщедрившаяся память внезапно подкинула Роману ещё одну — полустёршуюся, смутную картинку — вид сверху: Радзинский и Бергер стоят над его распростёртым на кровати телом, а в груди его шевелится чёрная, мерзкая на вид змея — нить, связывающая его с патроном...

Роман вспомнил и Бергера, сидящего по-турецки на постели в трогательной голубой пижаме, окружённого ярким сияющим коконом, и размеренно перебирающего чётки. Получается, он ни одной ночи не спал из-за визитов патрона? То-то он, как детсадовец, каждый день засыпал где-нибудь — чаще всего у Аверина в комнате — после обеда...

Вынырнув на поверхность, Роман поймал цепкий взгляд янтарных глаз Радзинского. Тот сразу оживлённо заговорил:

— Бергера родители прямо из храма домой забрали. Он чуть не плакал. Но ты же знаешь Катерину Сергеевну — она как танк! — усмехнулся Викентий Сигизмундович, убирая свою руку с романа лба. — Сегодня гости у них — вся родня собирается. Так что Кирюха обязан исполнить свой сыновний долг: съесть, всё, что она приготовила, и получить рождественские подарки. Но тебя, Ромашечка, мы не отпустим. У нас сегодня тоже гости и, поскольку ты у нас единственный ребёнок, мы будем тебя — закармливать и задаривать.

— Я уже получил сегодня один подарочек, — бесцветным голосом отозвался Роман. — Только не знаю, какой...

— Ой ли, Мусечка? — усмехнулся Радзинский.

— Ну Вы... — Роман возмущённо приподнял голову. — Как Вы меня в следующий раз назовёте?!

— А что? — Дед очень правдоподобно изобразил недоумение. — Ромусечка — Мусечка. Всё логично. Будете у нас с Бергером Пусечка и Мусечка.

— А Панарин с Рудневым — Зая и Киса... — ехидно процедил Роман.

— Ну! Я вижу, ты понял! — расхохотался Радзинский. — Поднимайся, давай. — Он решительно стащил с Романа одеяло и, обняв одной рукой за плечи, заставил сесть. — Самочувствие как? — Он пытливо заглянул подростку в глаза.

— Голова тяжёлая, — честно признался Роман. — А так — ничего...

— Ладно. Главное — ничего серьёзного. И не простудился к тому же — на полу ведь лежал!

— Это лучше, чем на коленях стоять, — пробормотал Роман, нашаривая под кроватью свои кроссовки.

Викентий Сигизмундович только глянул на него задумчиво и энергично отдёргнул шторы, вынуждая Романа зажмуриться от яркого солнечного света.

— А Вы, выходит, знали! — выкрикнул Роман, уже стоя под душем. — Про патрона...

— Я знаю обо всём, что происходит в этом доме, — с усмешкой заверил его Радзинский, заглядывая в ванную. — Полотенце на сушилке оставляю и вещи твои — здесь, на табуретке... — Дверь снова закрылась.

— И Вы не посчитали нужным вмешаться? — полюбопытствовал Роман, входя в комнату уже полностью одетым и энергично вытирая пушистым полотенцем волосы.

— Невозможно было вмешаться и не навредить при этом тебе, — откровенно признался Радзинский, втыкая в розетку шнур от фена. Он поманил Романа к себе и, усадив на стул, принялся сушить его волосы, ловко орудуя расчёской. — Знаешь притчу о плевелах? Отделить сорняк от пшеницы можно, только если дать ему взойти. Ты с патроном своим слишком сросся — вас нельзя разделить без риска для твоей жизни и душевного здоровья. Когда я озвучил все возможные неприятные последствия своего вмешательства в эту ситуацию, Бергер устроил форменную истерику — запретил мне соваться и пригрозил в противном случае бросить всё и уйти в монастырь.

Роман с трудом сдержал улыбку, представив себе эту сцену в лицах.

Радзинский тем временем уложил ему волосы и оглядел придиричиво с головы до ног.

— Ромашечка, — деликатно заметил он. — Ты, конечно, классно выглядишь в чёрном, но давай сегодня подберём тебе что-нибудь... помягче. Люди и так на тебя с опаской глядят, а ты, как будто нарочно, поражаешь их воображение своим мрачным видом.

— В белой рубашке я буду выглядеть, как дурак, — поморщился Роман.

— А кто, вообще, говорит о рубашке? Мероприятие-то у нас неформальное... Пойдём, у Коли в гардеробе пошарим. Хотя ты ростом и повыше уже, я думаю, мы тебе что-нибудь подходящее подберём — у него половина вещей там не распакованы новенькие лежат. Я каждый раз ему что-нибудь привожу, но он такой капризный! И ужасно наплевательски относится к своей внешности! Влезет в один костюм и целый год в нём ходит!.. — И Викентий Сигизмундович, вздыхая, повёл Романа в соседнюю комнату.

Довольно быстро они нашли тонкий трикотажный пуловер глубокого фиолетового цвета. Роман поддёргнул рукава повыше, оглядел себя в зеркале, вмонтированном с внутренней стороны в дверцу шкафа, и остался доволен.

— Ну вот, — с удовольствием отметил и Радзинский. — Совсем другое дело. Брюки можешь оставить. Туфли ещё надень — и порядок! И, вообще — тебе надо почаще с Андрюшей консультироваться по этому поводу. У него вкус в этом плане — безупречный! А для твоей, скажем так, карьеры очень важно, как ты будешь выглядеть!

— Всё ещё хотите вырастить из меня президента? — понимающе усмехнулся Роман.

— Это не я хочу, и не ты, — серьёзно ответил Викентий Сигизмундович. — Это судьба. Можешь с ней, конечно, пободаться, если очень неймётся... Ой, времени-то уже! Так — спускайся завтракать и к приёму гостей будем готовиться. Кирюхе пока не звони — он после ночной службы спит, скорее всего...

===== Глава 116. Компромат =====

Иллюминации было в избытке: огненные водопады электрических гирлянд на окнах и стенах, мерцающая под потолком, наподобие Млечного пути, сетка из разноцветных маленьких лампочек, толстые ароматические свечи в украшенных позолоченными шишками гнездах из еловых веток на столах. Праздник уже перешёл в фазу непринуждённого

разбредания гостей по всему дому. Некоторые вышли во двор, откуда доносились восхищённые возгласы — карсавинские снежные скульптуры были, действительно, хороши.

Юрий Александрович — тот самый «Гоша» — сидел за столом как раз напротив Романа и, доброжелательно посверкивая очками, рассказывал, часто моргая и застенчиво опуская глаза — он, вообще, старательно избегал продолжительного зрительного контакта с кем бы то ни было:

— В общем, это было самое душевное Рождество в моей жизни: мы сидели в этой землянке, затерянной в лесах и снегах, из еды у нас был только хлеб и сахар, правда, горячего чаю — вдоволь — и вспоминали мистические случаи из жизни. Одна женщина рассказала, как под Рождество ехала навестить семью сельского священника: сошла с поезда, а дальше — пешком. Темно, лес — ну, она и заблудилась — дороги в снегу не видно. А был настоящий мороз. Так что перспектива замёрзнуть была совсем не шуточной. И она стала молиться Николаю Чудотворцу. Вдруг видит: разноцветные огоньки — ну, как новогодние гирлянды — светятся по контуру храма. Она, глядя на этот купол, и дошла быстро, куда нужно. «Ох, — говорит, — батюшка! Как хорошо, что Вы церковь-то украсили лампочками! Только благодаря этому в лесу и не сгинула!». А священник ей: «Какими ещё лампочками? И в мыслях не было!». Вышли, глянули — действительно, только фонарь над церковным крыльцом горит в темноте... А недавно я оказался в Стамбуле и увидел эти часы, — Юрий Александрович достал коробочку с золотым брегетом, на крышке которого было выгравировано изображение Святой Софии. — И я сразу вспомнил эту историю. И мне захотелось подарить их тебе, чтобы ты помнил, что заблудиться тебе не дадут. А также, чтобы не забыл, что время — наш союзник. Потому что, где нет времени, нет и движения. Оно — наше благословение. Всё проходит и всё пройдёт. И достоянием Вечности станет только подлинное... Возьми. С Рождеством тебя, Роман!

— Спасибо. — Роман повертел в руках часы, провожая взглядом удаляющуюся фигуру дяди Гоши. Его мозг был перегружен. Но не от избытка общения со множеством практически незнакомых доселе людей — он оказался затоплен колоссальным потоком информации, которая обрушивалась на него, стоило ему с кем-то заговорить. Роман глядел на бледные пальцы Юрия Александровича, сжимающие брегет, и твёрдо знал, что Солнце у собеседника в соединении с Плутоном и Юпитером. И абсолютно неаспектированный Уран на асценденте. Роман отчётливо видел его натальную карту: в каких домах находятся планеты, в каких они между собой аспектах... И мог назвать точную дату рождения этого человека... Помимо того он ясно видел, что при всей своей вежливости и дипломатичности Юрий Александрович ужасно раздражителен и подвержен вспышкам гнева. Что он третирует своих подчинённых, вовсе не считая свои придирки мелочными. Что своего бешеного нрава «дядя Гоша» ужасно стыдится и на протяжении всей жизни пытается с этой страстью бороться. С переменным успехом.

Роман сразу понял, что его новый дар — следствие вмешательства патрона. И быстро сообразил, что новая способность даёт ему в руки ниточки, необходимые для манипуляции любым человеком. А уж возможность влезать в натальную карту — серьёзное оружие! Какой опасный, какой соблазнительный подарок...

Роман покосился на Викентия Сигизмундовича. Тот увлечённо беседовал с Олегом Ивановичем — главврачом больницы, где работал Панарин. От этого гостя Роману достался роскошно изданный анатомический атлас и рассказ о том, как в детстве — они с Радзинским, оказывается, росли в одном дворе — Викентий Сигизмундович спас ему жизнь,

вытащив из омота, в который будущий врач прыгнул по дурусти на спор — (неудивительно, при таких аспектах Нептуна и Марса!). Олег Иванович, как выяснилось, особо выдающимися экстрасенсорными способностями не обладал, и этот факт причинял ему немало страданий. Глядя на фантастические возможности Аверина и Радзинского, а теперь ещё и Панарина, он мучился от осознания собственной ущербности, которую, относясь к себе со всей возможной строгостью, принимал за банальную зависть, и ужасно стыдился этого низменного чувства. То, что Олег Иванович был потрясающим диагностом, который с первого взгляда безошибочно определял причину болезни самого сложного пациента, упорно не воспринималось им как дар — он искренне считал эту свою способность результатом профессионализма. Умом он понимал, что духовный уровень и наличие эффективных способностей совсем не обязательно находятся в прямой связи друг с другом, но сердцем... — сердце его страдало. А, может, это было глупое эго?

Роман вздохнул и отвёл глаза: он панически боялся узнать о слабостях или, не дай Бог, пороках Радзинского, а ещё меньше — Аверина. Он и не предполагал, что они настолько идеальны в его представлении. А Бергер? Да он, вообще, святой!

— Ты очень напряжён, — раздался над ухом голос Николая Николаевича. — Викентий уже устал шутить по этому поводу с гостями. Уже практически все засекли идущий от тебя мощный негатив и выразили свою обеспокоенность этим фактом. Давай я тебя отсюда эвакуирую. Например, помогу отнести подарки в комнату — их уже целая гора! — Аверин принялся нагружать мрачного, безмолвно-покорного Романа свёртками, коробками и пакетами, а оставшееся сгрёб сам и двинулся к двери.

Перед ними немедленно выросла атлетическая фигура Радзинского.

— Николенька, ты надорвёшься! — озабоченно пробасил он.

— Кеш, я сам! Ну, ради Бога! Просто открой мне дверь! — отбиваясь от его настойчивых попыток отнять хотя бы часть груза, с отчаянием восклицал Николай Николаевич. Радзинский покачал головой и с усмешкой исполнил его просьбу.

Наконец удалось вырваться из наполненного людьми помещения, и затворившаяся за ними дверь комнаты отсекала звуки чужих голосов. Аверин сгрузил подарки Роману на постель и тихонько засмеялся:

— Боже мой! Сколько тебе надарили конфет! Не иначе как все желают, чтобы твоя жизнь стала слаще...

Роман избавился от своей ноши, увеличив гору подарков на постели вдвое.

— Заберите их себе. Я конфеты всё равно не ем, — равнодушно отозвался он.

— Ну, уж нет! Тебе есть, кого угощать! Разве я не прав? — покачал головой Аверин, аккуратной стопкой складывая коробки на столе.

Роман с тоской посмотрел на его тонкие изящные запястья и точёные кисти рук, ужасно напоминающие ему Бергера — нет, ему некого угощать, потому что неизвестно, когда они с Кириллом теперь увидятся. Скорее всего, уже в школе... Как же ему не хватает Бергера!!!

— К тому же, зная о моей постыдной слабости к сладкому, мне преподнесли втрое больше, — с улыбкой добавил Аверин, вылавливая из кучи подарков последнюю конфетную коробку.

Роман непроизвольно вздрогнул, услышав слово «слабость».

— Вы идите. Я тут посижу. Что-то я устал. От общества.

— И вовсе ты не устал, — безжалостно разоблачил его учитель. — Ты — как бы это помягче выразиться — нахлебался всякой грязи до тошноты. Трудно было не заметить, как

ты откровенно сканировал каждого, кто подходил к тебе с поздравлениями и кривился так, будто вынужден общаться с отбросами общества.

— Я не виноват! — немедленно огрызнулся Роман. — Я ничего не делал! Стоит мне на кого-то посмотреть, как я всё про него знаю — весь компромат. Безо всяких сознательных усилий с моей стороны!

Николай Николаевич скрестил руки на груди и склонил голову набок, сочувственно разглядывая искренне возмущённого подростка. Его красиво очерченные губы дрогнули от едва заметной улыбки.

— Рома, эта болезнь очень легко лечится — смирением. Вот смотришь ты на человека и понимаешь, что он, к примеру, сплетник. Так ты сразу себя — мордой об стол — мол, я ещё хуже! Какое мне дело до чужих грехов? Со своими бы разобраться! Он — злопыхательствует, но никого не убил, а я... Напомнить тебе, Рома, чем вы с Рудневым занимались?

Настроение Романа, и так неважное, сразу резко упало ниже критической отметки. Стало так тошно! Он рухнул на постель Бергера лицом вниз и накрыл голову подушкой.

— Ром, давай вернёмся к гостям, — тихо попросил Николай Николаевич с совершенно бергеровскими интонациями в голосе и погладил подростка по спине между лопаток. Он сел в кресло и придвинулся поближе к кровати. — Пусть информация идёт, а ты её не цепляй. Она тебе нужна? Нет. Ну, так и говори себе!.. Пойдём! Я тебе в качестве противоядия про каждого что-нибудь хорошее расскажу. Ты учти, что от твоего состояния, от частоты твоих вибраций зависит и восприятие. Ты же знаешь, что, когда человек влюблён, ему всё вокруг кажется сказочно прекрасным. Вот и влюбись! Смотри на всех с любовью!..

Роман выглянул из-под подушки и окинул учителя скептическим взглядом.

— И что ты вбил себе в голову, что не любишь сладкое? — с подозрительным энтузиазмом продолжил Николай Николаевич, стаскивая с романовой головы подушку и отбрасывая её подальше. — Шоколад отлично снимает стресс, — он вынул из стопки на столе коробку конфет и решительно разорвал прозрачную упаковку. — М-м-м... Обожаю сливочную начинку! — он спрятал конфету за щекой и поставил коробку под нос Роману. — Попробуй!

Роман, вздыхая, выбрал конфету в виде розочки и отправил её в рот. Сладко. Не то, чтобы приторно, но — чересчур. Пахнет празднично — это правда. Ну, тонизирует — да. Попробовать что ли ещё для чистоты эксперимента? Вот эту — овальную... Эта, пожалуй, получше. Начинка у неё фруктовая, кисленькая. Можно съесть ещё одну такую. А вот эти квадратные интересно с чем? Шоколадная начинка — горьковатая и с привкусом коньяка — эти, надо признать, самые удачные...

— Может, чаю? — с улыбкой поинтересовался Николай Николаевич, когда конфетная коробка опустела уже наполовину. Серые глаза учителя лукаво сияли.

Роман замер с очередной конфетой в руке: он забыл о присутствии Аверина! Интересно, он только выглядит перед ним, как сумасшедший или... Похоже, все эти манипуляции с сознанием дорого ему обходятся!

— Пойдёмте, — криво усмехнулся он, отодвигая коробку и садясь на постели. — Мне срочно надо заесть это чем-то солёным...

===== Глава 117. Масонский заговор =====

Возвращение Романа было тут же замечено.

— За стол, юноша! За стол! — чьи-то сильные пальцы сомкнулись на его предплечье. «Анатолий Иванович Вершинин, — услужливо подсказала память. — Преподаёт в МГИМО

Служит в «органах». Козерог. Карта вполне себе гармоничная, но сильная — много соединений планет. Циничен — сверх всякой меры. Подарил золотой Parker. Сказал — пригодится, потому что стану важным человеком. В активе — гипноз и набор каких-то подозрительных психотехник».

Анатолий Иванович, крепко обнимая Романа одной рукой за плечи, налил ему тем временем вина и подмигнул, протягивая полный бокал:

— Выпьем за наше знакомство, Рома! Надеюсь, оно будет до-о-олгим... — Их бокалы с тихим звоном встретились в воздухе.

Вино Роман только пригубил и с усмешкой отметил, что его собеседник поступил также.

— Давай, я за тобой поухаживаю, — не терпящим возражений тоном заявил тем временем Анатолий Иванович и потянулся к заливному.

— Только не рыбу! — с отвращением воскликнул Роман, заставив своего непрощенного благодетеля нервно отдернуть руки. И тут же улыбнулся любезно, — Ненавижу рыбу.

Вершинин рассмеялся — правда, глаза его при этом оставались холодными, как льдинки — и нагрузил тарелку Романа с учётом его гастрономических предпочтений.

— Сколько тебе до аттестата осталось? — любопытствовал он, с явным удовольствием смакуя отвергнутого Романом заливного судака.

— Этот год и ещё два, — доходчиво объяснил Роман, разглядывая собеседника. Военная выправка Вершинина бросалась в глаза даже в совершенно домашнем и абсолютно не мужественном свитере, в который он был сейчас одет. Даже в том, как он зачёсывал назад русые с проседью волосы, тоже было что-то такое... уставное.

— Отлично! Как раз успею тебя подготовить! — одобрительно отозвался Анатолий Иванович.

Роман почти не удивился: логическая цепочка событий, следующая за его знакомством с профессором МГИМО, выстроилась в его мозгу практически сразу, как тот представился. Да и намёки Радзинского на его предполагаемую будущность были слишком явными — шутки шутками, но в каждой, как говорится, шутке...

— Постараюсь оправдать Ваше доверие, — с лёгким оттенком иронии заверил он Вершинина. — Приложу все силы, чтобы стать достойным... Чего, кстати? Не могли бы Вы чётко озвучить сверхзадачу?

— Творить историю, — с нехорошей усмешкой ответил профессор, внимательно следя за его реакцией.

Роман спокойно дожевал индейку и глотнул вина — спасибо, этот доброхот не налил ему водки!

— М-м-м... Масонский заговор?! — восхитился он, с явным ехидством поглядывая на профессора своими непроницаемо чёрными глазами.

Тот загоготал так, что все в недоумении обернулись.

— Кеша! Что у этого ребёнка в голове?! — с восторгом всхлипывал Вершинин, самозабвенно колотя ладонями по столу.

— Это я и сам хотел бы узнать, — настороженно откликнулся с другого конца стола Радзинский. Он взял свой стул и переместился поближе, втиснувшись в просвет между любезно подвинувшимися гостями. — Что ты опять учудил, Ромашечка? — с опаской поинтересовался он, встряхивая длинными седыми волосами.

Роман пренебрежительно дёрнул плечом.

— Вы меня обижаете своим недоверием, Викентий Сигизмундович. Я всего лишь пошутил...

— Ах, пошутил... — Радзинский смерил его внимательным взглядом. — Олежек, передай минералки, — он толкнул плечом друга своего детства. — Где твой стакан? — обратился он к Роману. — Держи, ребёнок... — Роман с благодарностью принял из его рук наполненный водой стакан. — Так чем же ты так развеселил дядю Тольку?

— Он вербовал меня в творцы истории, — усмехнулся Роман. — Мне показалось, что он пытается втянуть меня в жидо-масонский заговор...

— Толь, ну, что ты болтаешь? А? — нахмурился Радзинский. — Кто тебя за язык-то тянет?

— Да вот этот парень и тянет! — Вершинин ткнул пальцем Роману под рёбра и зачем-то ещё и пощекотал.

Роман сдержанно зашипел и перехватил шаловливую профессорскую руку.

— Я сломаю Вам пальцы, если Вы попытаетесь сделать так ещё раз, — злобно процедил он, и так сверкнул глазами, что, будь профессор бумажный, он бы вспыхнул.

Но Вершинин оказался совсем не прост.

— Незачёт, Роман Аркадьич, — неожиданно устало усмехнулся он и посмотрел совсем другими — «трезвыми» — глазами. — В нашем деле гордость следует засунуть подальше и доставать оттуда только по распоряжению Правительства.

— Вы говорите, как сутенёр, — раздражённо бросил Роман.

— В точку, парень! Политика — дело грязное и непристойное.

— И поэтому Вы предлагаете заняться этим делом мне? Я польщён!

— Ты прекрасно понимаешь, что причина не в твоей моральной неустойчивости, — резко свернул дискуссию профессор. — А то, что пить не стал — молодец. Хвалю.

— Так и Вы не стали, — хмыкнул Роман и взглянул на Вершинина уже более благосклонно. — А гипноз — врождённая способность или учились?

— Задатки были, но их пришлось развивать, — не слишком охотно ответил Анатолий Иванович и поднял глаза от тарелки. — Позволь полюбопытствовать — у меня это на лбу написано или как?

— Я тебе потом расскажу, на каком месте у тебя что написано, — встрял Радзинский. — Дай ребёнку поесть спокойно. У вас ещё будет тьма возможностей пообщаться. Ромашка, Анатолий Иванович готов стать твоим репетитором. Я собирался поговорить с тобой об этом позже — к сожалению, некоторые обожают импровизировать... — Он просверлил Вершинина выразительным взглядом.

— Забавно... А мой отец считает, что я собираюсь стать юристом и стажируюсь у Андрея Константиновича в конторе, — ехидно пробурчал себе под нос Роман.

— Можешь и дальше держать его в счастливом неведении — без разницы, — отмахнулся Радзинский и поднялся. — Вы меня извините, если я вернусь на своё место? Продолжим нашу беседу позже в более подходящей обстановке...

— Конечно! Даже не беспокойтесь, — вежливо заверил Радзинского Роман, насмешливо сверкая глазами ему вслед. Подумать только — и выпил-то немного, а уже так повело — незнакомое прежде возбуждение и беспричинное веселье были явно алкогольного происхождения. Роман без особых усилий мог стряхнуть опьянение в один миг — Руднев давно уже научил его, как — но решил не торопиться и воспользоваться некоторыми выгодами своего нетрезвого состояния.

— А могу я узнать, — развязно подмигивая Вершинину, и таинственно понижая голос, спросил Роман. — Раз уж такой интересный разговор у нас завязался — кто всё это придумал? А?

— Что именно? — аккуратно уточнил Анатолий Иванович, бросая на него цепкий оценивающий взгляд.

— Собрать всех этих людей, — Роман обвёл комнату хмельным, рваным жестом. — Найти, собрать и создать из них такую оригинальную армию, которой под силу творить историю?

— А ты не догадываешься? — хмуро поинтересовался Вершинин и бросил выразительный взор в тот конец стола, откуда недавно явился Радзинский.

Роман проследил за его взглядом и с удивлением остановился вслед за ним — нет, не на мощной фигуре Викентия Сигизмундовича, а на тонком, словно искусным карандашом намеченном силуэте Аверина. Учитель залиvisto смеялся, по-детски доверчиво запрокинув голову назад, и Радзинский, небрежно положивший свою тяжёлую руку на спинку аверинского стула, защитным, оберегающим жестом, откровенно и недвусмысленно выглядел в данный момент преданным телохранителем Его сиятельного сероглазого Величества.

— У него ум — как бритва, — с нескрываемым восхищением выдохнул Вершинин. — У него уровень сознания — космический! Радзинский без него, как богатырь на печи, до тридцати лет пролежал. Викентий сам, конечно, фигура масштабная. Он без труда подчинил бы многих, но подчинить и объединить — разные вещи. Понимаешь?

— А Вы не слишком всё упрощаете? — раздражённо поинтересовался Роман. Он сразу невольно провёл параллели между взаимоотношениями внутри тандема старших товарищей и своими неоднозначными отношениями с Бергером.

— Упрощаю, конечно, — легко согласился Анатолий Иванович. — Когда два человека так срослись, настолько впились друг в друга — поди разбери, кто из них какую роль играет! Только ведь твоя подмена гораздо опасней и намного дальше от истины, чем моё, по сути, верное утверждение, что Аверин у нас главный. (Ты спросил — я ответил!) Никакой жёсткой организации, как ты обрисовал, у нас нет, и цели такой прямолинейной, как ты сказал, тоже нет. Всё настолько тонко, свободно и непредсказуемо, как сама жизнь. Потому и жизнеспособно — извини за тавтологию...

— Аверин без Радзинского тоже ничего бы не смог, — упрямо возразил Роман.

— Ну, ты недалёк от истины... — начал было Вершинин, но его резко оборвал сидящий напротив Олег Иванович:

— Не говори о том, чего не знаешь! — нахмурился он. — И вообще, прекращай болтать! — Потом серьёзно обратился к Роману, — Неважно, кто всё это «придумал», как ты говоришь. Неважно, «кто более для матери-истории ценен». Важно, какое ты занимаешь во всём этом место — вот что необходимо очень хорошо понимать. Нужно твёрдо знать, когда ты должен поднять свой смычок или, там, в барабан ударить, чтобы весь концерт не испортить. А кто главный — не имеет значения. И поверь, для Аверина в первую очередь...

Роман задумчиво подтянул к себе за тоненькую ножку бокал и разом, не отрываясь, выпил оставшееся в нём вино.

— А то я не понимаю, — пробормотал он, водружая вопреки всем правилам этикета на стол локти и опуская на руки отяжелевшую вдруг голову. У него не было желания спорить. Он уже узнал, что хотел. И это только обострило ощущение пустоты внутри, вызванной

отсутствием Бергера — как будто душу вынули. Теперь-то он точно знал, что чувствует Радзинский, когда Аверина нет рядом...

— День добрый! — раздался в этот момент от двери до боли знакомый звонкий голос и сердце Романа радостно дрогнуло. На пороге, раскрасневшийся и окружённый клубами морозного пара, стоял Бергер. А за его спиной — сверкающий белозубой улыбкой Ливанов.

— Шалом алейхем! Сюрпри-и-из...

===== Глава 118. С нами Бог! =====

— Так и сказал? — переспросил Кирилл, отправляя в рот очередную конфету. — Ух, жаль, меня там не было — я бы ему всю физиономию расцарапал!

— Пуся, что ты несёшь? — закрывая лицо руками, счастливо смеялся Роман. Его мечта исполнилась — Бергер был здесь — родной, домашний, бесконечно свой. Только в его присутствии Роман почувствовал себя, наконец, полностью защищённым и смог по-настоящему расслабиться. И конфетам сразу нашлось идеальное применение — как же приятно было наблюдать, с каким удовольствием Кирилл расправляется с ними!

Роман с таким умилением глядел на окружённого блестящими конфетными обёртками своего Ангела-Хранителя, что по законам жанра комнату должны были уже заполнить резвящиеся на радужных облаках розовые единороги и прочие слащавые символы его трогательной привязанности к Бергеру.

— Может, ещё чаю?

— Не-не-не!.. — замахал руками Кирилл. — Пойдём лучше, погуляем! Ты видел, какие дядя Серёжа сделал скульптуры из снега? Мне больше всего нравится собачка — она как живая! Но олень тоже замечательный. Он ещё и раскрасил их сегодня утром, пока все спали после службы!

— Дядя Серёжа? — скептически хмыкнул Роман, застёгивая куртку. — А что ты, кстати, можешь о нём сказать?

— Я могу сказать, что его жизнь только начинается, — неожиданно серьёзно ответил Кирилл и потянул Романа за рукав к двери. — У него в голове много интеллигентского хлама, он излишне подвержен влиянию эмоций, но по сути он человек очень чистый — у него хороший потенциал. Я думаю, что Юрий Александрович приобрёл в его лице достойного преемника.

— Юрий Александрович? — изумился Роман. — Это с какой ещё стати?! Он вообще не наш!!!

Кирилл резко затормозил на пороге и с укором взглянул Роману в глаза:

— А это не нам решать — не тебе и не мне. Это Промысел, понимаешь? Так уж сложилось, что обе наших линии практически слились в одну. Ты не забыл, часом, что Викентий Сигизмундович тебя «усыновил»? Как ты полагаешь, зачем?

— И зачем же? — сухо поинтересовался Роман. Всё его умиление вдруг разом испарилось.

— Ты ещё очень долго ничего не сможешь сделать для них — для всех этих людей. Радзинскому пришлось взять эту ответственность на себя. Вместе с ответственностью за твою жизнь и благополучие. Но когда Радзинского не станет, ты тоже окажешься во главе не только своей линии, но и нашей. Это, кстати, безумно радует твоего патрона...

Роман яростно впечатал Бергера в стенку, крепко сжав его плечи и не позволяя Кириллу трепыхаться.

— Какая ему от этого радость? — Губы Романа побелели от злости.

— Он управляет тобой, — холодно ответил Кирилл. — И через тебя он получит власть надо всеми твоими подопечными — людьми, очень далеко продвинувшимися в своём духовном развитии и обладающими безумно соблазнительными возможностями. Отпусти. Мне больно, и ужасно жарко стоять здесь в куртке.

Роман медленно убрал руки и, понурившись, отошёл к окну. Морозные узоры на стекле сверкали серебром на фоне синей бархатной ночи. Холодный отсвет падал на усыпанный шариками из смятой конфетной фольги стол, казавшийся сейчас выразительной инсталляцией на тему «праздник кончился».

— И тебя это не останавливает? — со злостью бросил он через плечо. В ответ — тишина. Роман резко обернулся — Бергера в комнате не было.

— Куда ты так разлетелся? — доброжелательно поинтересовался Ливанов, в которого Роман врезался, едва отворил дверь на улицу. — Шапку надень. А то на улице мороз, а голова тебе ещё много раз в жизни пригодится!

Роман рывком натянул отороченный мехом капюшон и шагнул за порог.

Во дворе было весело: взрослые дяди и тётки резвились словно дети, с азартом швыряя друг в друга снежками. За забором у калитки Роман с удивлением заметил запряжённую в сани лошадь. Бергер с восторгом в глазах протягивал ей кусок посыпанного солью хлеба. У Романа аж сердце ёкнуло — вдруг эта добродушная с виду животина укусит доверчивого ботаника? Или лягнёт?

— Прокатиться не желаешь? — сияющий запыхавшийся и весь залепленный снегом Аверин уверенно взял Романа под руку и увлёк за собой.

Из саней навстречу им лихо прыгнул Радзинский.

— Коля! Ну как так можно! — он, нахмурившись, принялся старательно отряхивать ничуть не раскаивающегося в своём легкомыслии Аверина и проверять, насколько промокло его пальто. — Молодёжь — загружайтесь! — распорядился он, подсаживая в сани завёрнутого в шерстяной плед Николая Николаевича. Тот по-прежнему лучился от счастья и пылко поцеловал недовольно ворчащего Радзинского, пока тот возился с меховой полостью, стараясь получше укрыть его ноги. В голове Романа мелькнула была мысль, что учитель банально пьян, но внутренний локатор мгновенно вычислил истинную, нетривиальную причину его необычного поведения — на Аверина как наркотик действует общество себе подобных. Ну как же — помним...

Кирилл, понурившись, всё ещё гладил шею лошади.

— Давай помогу, — Роман решительно взял его за локоть и подтолкнул к саням. Бергер на удивление покладисто позволил ему собой руководить.

— Трогай! — В ответ на окрик Радзинского возница дёрнул поводья, и сани полетели вперёд.

Морозный ветер обжигал лицо, скрипел под полозьями снег, поскрипывала упряжь — было здорово мчаться так за луной по заснеженному ночному лесу. Но, похоже, Бергер так не считал. Он с тихим писком мгновенно вцепился в куртку Романа, зажмуриваясь на повороте.

— Ты что — боишься? — удивился тот и усмехнулся, когда Бергер сжал его рукав ещё сильнее. — Успокойся и держись за меня, — рассудительно сказал он. — Было бы это настолько опасно, никто бы в санях не ездил.

— Умный какой! — буркнул Кирилл, хватаясь другой рукой за бортик. — А мне всё

равно страшно! Ясно тебе?

— Ясно. — Роман вдруг уверенно обнял Бергера за плечи и притянул к себе, чтобы дать другу почувствовать, что он в безопасности, что ему есть, на кого положиться. — Мне тоже. После того, что ты сказал, — добавил он уже тише в самое ухо Кирилла.

Бергер тут же развернулся и доверчиво прильнул к нему, обхватывая Романа обеими руками и сцепляя в замок пальцы за его спиной.

— Не бойся. Ты ему не по зубам. Патрон твой, похоже, сам себя перехитрил... — твёрдо произнёс Кирилл, сияя в ночи своими ясными глазами, и ободряюще улыбнулся.

— Коля, не буянь, — терпеливо уговаривал между тем Аверина Радзинский — Николай Николаевич выпрямился в полный рост, раскинув руки навстречу ветру и с радостным воплем «й-ихо» собирался, казалось, взлететь в ночное небо. Плед свалился, и Викентию Сигизмундовичу стоило немалых трудов усадить Аверина обратно и крепко спеленать его, почти как младенца. Николай Николаевич заразительно хохотал, подмигивал сидящим напротив подросткам и вдохновенно декламировал, снова вскакивая со скамейки и заставляя улыбаться даже Радзинского, за чьё плечо он машинально хватался, когда сани подбрасывало на ухабах:

Да! С нами Бог — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханьи бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, — среди суеты случайной

В потоке мутном жизненных тревог.

Владеешь ты всерадостною тайной:

Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!..

===== Глава 119. Инструктаж =====

— Ну, что, Ромашка, поговорим? — Викентий Сигизмундович неслышно подсел к Роману, бездумно созерцающему полыхающий в печи огонь. Огненные блики выгодно подчёркивали хищный романов профиль и лаконичный чёрный силуэт.

Роман вздрогнул и нервно огляделся в поисках Бергера, который последние два часа безотлучно сидел возле него и преданно держал за руку. Как ни стыдно было в этом признаваться, но чем ближе стрелки часов подбирались к полуночи, тем тревожней и неуверенней чувствовал себя Роман. Тело его, как выяснилось, было напугано визитом патрона до полусмерти и на приближение часа «X» отвечало приступами неконтролируемой паники. Хорошо, что Бергеру не нужно было ничего объяснять — Роман был безумно благодарен ему за это.

— Кирюха скоро вернётся, — успокоил Радзинский, понимающе глядя на Романа, и, обхватив его за плечи, ободряюще встряхнул подростка с такой силой, что тот звонко клацнул зубами. Это развеселило обоих.

— Как Вы не устаёте? — отсмеявшись, поинтересовался Роман. — Лично меня просто бесит, когда отвлекают от чего-то действительно стоящего...

— «Стоящее», я так понимаю — это исключительно тайны мироздания? — усмехнулся Радзинский. Его мощная рука с рельефными синими венами и узловатыми сильными пальцами уже привычно пробежала по романовым волосам, и что уж там полыхнуло, стора, за спиной, знать не очень-то и хотелось.

— Меня жутко напрягает перспектива потратить свою жизнь на... — Роман

беспомощно развёл руками, не зная, как не слишком обидно охарактеризовать ту деятельность, которой, судя по всему, посвятил свою жизнь Викентий Сигизмундович, и благодаря которой — что уж там скрывать! — сам Роман пребывал пока ещё на этом свете, а не в аду.

— На других? — услужливо подсказал Радзинский.

— Да. На других, — мужественно признался Роман.

Викентий Сигизмундович помотал головой, усмехаясь.

— Боюсь разочаровать тебя, Ромашка, но твои услуги мирозданию пока не требуются... — снисходительно обронил он. И тут же от души расхохотался, глядя, как мгновенно захлопнулись створки виртуальной романовой раковины, в которую забился обиженный помрачневший подросток. И не преминул обличить гордеца. — Вот видишь, Ромашка, оказывается, ты хочешь быть нужным! Тебе нравится тратить свою жизнь на других! Уж кто-кто, а ты обожаешь кого-нибудь воспитывать самым маньяческим образом — взять хотя бы Руднева или Кирюху! — он снова сграбастал Романа в объятия и прижал к своей груди, не переставая колыхаться от смеха. — А сейчас ты просто устал, — Викентий Сигизмундович сочувственно потрепал его по волосам. — Так бывает. Нагрузка у тебя, я считаю, непомерная. А расслабляться ты не умеешь...

— А Вы умеете? — буркнул Роман.

— А я не напрягаюсь! — потешался Радзинский. И, поймав хмурый осуждающий взгляд Романа, искренне заверил его, — Правда! Я не шучу!

Роман вздохнул и закрыл глаза, уже привычно устраиваясь подремать на дедовом плече. Через некоторое время он приоткрыл один глаз и, как бы между прочим, поинтересовался:

— Я с Вершининым сразу после праздников должен начать заниматься?

— Вот это энтузиазм! — восхитился Радзинский. — Всё-таки мне, Ромашечка, сказочно с тобой повезло!

— Рад за Вас, — пробормотал Роман, сладко зевая. И через секунду встрепенулся, — Нет, я действительно рад!..

Они снова засмеялись.

— Толя готов начать с тобой заниматься, как только ты скажешь. Предупреждаю, с ним тебе будет непросто. Он настоящий провокатор — обожает выводить людей из себя. Это его способ манипуляции. Ведь человек в растрёпанных чувствах — лёгкая добыча. Ну, ты и сам всё это прекрасно понимаешь...

— Понимаю, — охотно согласился Роман.

— Хорошо. — Радзинский вздохнул и задумался. — Я не хочу, чтобы в связи с этим у тебя сложилось превратное представление о характере нашей деятельности, — он озабоченно покачал головой. — Ты должен чётко сознавать, что мы не плетём заговоров, не продавливаем своих проектов, потому что это бессмысленно — в глобальном плане. Наша цель — реализация каждого. Мы ничего не придумываем — только воплощаем. И вот здесь, конечно, мы действуем настойчиво, но аккуратно. Если и продвигаем своих людей, то тихо и ненавязчиво, следуя исключительно в русле Промысла. Насилие — не наш метод. Пожалуйста, твёрдо это усвой.

— Попытаюсь, — без особого энтузиазма вяло пообещал Роман.

Радзинский приподнял за подбородок его лицо и возмущённо уставился в его надменные чёрные глаза.

— Ты не просто «попытаешься» — ты будешь этим руководствоваться. Иначе — развод

и девичья фамилия, — серьёзно пригрозил он.

— Нечего меня пугать, — бесстрастно парировал Роман, не делая никаких попыток освободиться из захвата цепких пальцев Радзинского. — Сказал — попытаюсь, значит попытаюсь. Но ручаться за себя я не могу.

Радзинский не удержался от улыбки:

— Рудневская школа...

— Это комплимент или диагноз? — спокойно поинтересовался Роман.

— Это бренд, — ухмыльнулся Викентий Сигизмундович, снова прижимая подростка к сердцу. — И ты его правообладатель. Тебе есть, чем гордиться — Андрюшу можно на выставке показывать, как несомненный шедевр.

— Спасибо, — с деланным равнодушием пожал плечами Роман.

Радзинский захохотал и потрепал его по волосам, вставая.

— Ну, отдыхай, наследничек. И не бойся ничего — вон, Кирюха к тебе уже спешит. Беспокойся... Кирюнечка, — сладко пропел он, приветствуя сосредоточенно-задумчивого Бергера. — А ты знаешь, что в холодильнике мороженое пропадает?

— С кленовым сиропом? — деловито поинтересовался Бергер, сверкая убийственно серьёзным взглядом. — И с грецкими орехами?

— Только не говори, что вы с Колей с ним уже расправились, — насторожился Викентий Сигизмундович. — Ему нельзя мороженое! — возмущённо воскликнул он и бросился к двери. — Ух, что я с ним сейчас сделаю!!!

— Он запивал его горячим чаем! — предупредительно крикнул вдогонку Бергер, но за Радзинским уже захлопнулась дверь.

— Правда, что ли? — небрежно осведомился Роман, вертя в руках подаренные дядей Гошей часы.

— Нет, конечно, — легкомысленно отмахнулся Бергер. — Кто в здравом уме будет мороженое чаем запивать? Мы его с ликёром съели...

===== Глава 120. Сюрприз =====

— Спасибо, Руди! — сердечно поблагодарил доктор, приоткрывая дверцу машины. — Знаешь, за последнее время я так привык жить с тобой под одной крышей, что теперь как-то неуютно одному в пустой квартире. — Он ступил одной ногой на асфальт, посыпанный подозрительными белыми крупинками, разъедающими не только снег, но и подошвы ботинок, и буквально остолбенел.

Руднев с интересом пригнулся, чтобы рассмотреть из-за его плеча, что же именно повергло Женечку в такой шок, и тоже заметно озадачился: перед подъездом стоял чемодан, на нём объёмистая сумка, а сверху ещё одна сумочка. Нетерпеливо постукивая каблучком, около вещей стояла юная барышня — такая тоненькая, что, казалось, тронь — переломится. Её внушительной толщины коса доставала пушистой кисточкой чуть не до самой земли. На фарфоровой белизны личике с гордо изогнутыми бровями и маленьким алым ртом из-под длинных чёрных ресниц сверкали влажными вишнями совершенно панаринские безумные карие глаза.

— Жень, только не говори, что это... — прокашлявшись, начал Руднев.

— Моя жена, — решительно отрезал Панарин.

— Сколько ей лет? Она хоть школу-то закончила?! — потрясённым шёпотом просвистел господин адвокат ему в ухо.

Женечка только хмыкнул и вылез, наконец, из машины навстречу своему счастью.

— Давно стоишь? — окликнул он заметно продрогшую супругу.

Барышня только дёрнула плечиком. При этом смотрела она на доктора требовательно и очень сердито.

— Понятно... Только не говори, что тащила это на себе через весь город, — он показал на багаж.

Барышня ещё больше нахмурила свои соболиные бровки.

— Можно было не сомневаться, — усмехнулся Панарин, скептически разглядывая заляпанный грязью подол её длинной клешёной юбки. — А позвонить?

— Я... не помню номера твоего телефона, — слегка запнувшись, ответила, наконец, фарфоровая барышня красивым грудным голосом.

— Дай угадаю, — насмешливо прищурился доктор. — Всё, что напоминало обо мне, ты утопила в Неве или, скорее, в самой грязной канаве северной столицы.

— Почему ты всё время надо мной смеёшься?! — Барышня окончательно рассердилась и стукнула Панарина своим маленьким кулачком в грудь. Женечка как будто только этого и ждал. Он радостно расхохотался, перекинул брыкающуюся супругу через плечо и понёс в дом.

Багаж сиротливо остался стоять перед подъездной дверью.

— Боже мой, — стонал Руднев, волоча сумку и чемодан вверх по лестнице. — Я старый, больной человек. Почему я должен таскать чьи-то чемоданы? Почему в твоём доме, Панарин, нету лифта?..

Дверь в квартиру была настежь открыта. Едва Андрей Константинович переступил порог, его телефон мелодично звякнул, извещая, что пришло сообщение. «Подожди на кухне», — гласила эсэмэска от Панарина.

— Ну, конечно! Моё место в кухне... — продолжал ворчать господин адвокат, вешая в шкаф своё элегантное пальто и с тяжёлым вздохом усаживаясь на табуретку.

Женечка появился минут через пятнадцать — заметно потрёпанный, но очень счастливый.

— Рудичка, ну, извини! Ну, не дуйся! — он по обыкновению сразу полез обниматься.

— Если ты хочешь, чтобы я представлял твои интересы в суде, тебе придётся мне всё рассказать, — капризно пробурчал Руднев, вяло отбиваясь от панаринских объятий.

— Каком ещё суде? Руди, ты спятил? — изумился Женечка.

— Статью за соращение малолетних ещё никто не отменял — очень некрасивую, между прочим, статью, — с достоинством выдал господин адвокат и смерил Женечку осуждающим взглядом.

— Придурок! Она совершеннолетняя! — беззлобно расхохотался Панарин.

— Ага — сейчас, — не сдавался Руднев.

— Вот идиот! Когда мы поженились, ей было девятнадцать!

— Только не говори, что перед этим вы не встречались и отправились в ЗАГС на второй день знакомства! — кисло скривился Андрей Константинович.

— Но так и было! — обиженно воскликнул Женечка. — Ну, почти... Мы обвенчались через два месяца после того, как познакомились, и то, только потому, что был Великий пост...

— Панарин, ты меня убиваешь! — простонал господин адвокат, прикрывая глаза унизанной перстнями рукой. — Тебя без присмотра нельзя оставлять! Совершенно!

— А я и не спору, — хмыкнул доктор.

— Не вздумай опять с ней поссориться, — неожиданно пригрозил Руднев. Он нахмурился и чувствительно ткнул Женечку кулаком в живот. — Раз уж ты почти на двадцать лет старше, веди себя, как взрослый человек! Чего она, кстати, вернулась? — в голосе господина адвоката слышалось вполне понятное любопытство.

— Ей духовник велел, — с горечью усмехнулся Панарин. — Оставить греховную гордыню и смиренно нести свой крест, раз уж имела глупость выскочить замуж за такого придурка, как я.

— Она в курсе? Твоего славного прошлого и не менее впечатляющего настоящего? — осторожно поинтересовался Андрей Константинович.

Женечка отрицательно помотал головой, задумчиво уставившись в одну точку:

— Знаешь — обжегшись на молоке, дуешь на воду...

— Ну, ты редкостный идиот! — возмутился Андрей Константинович, сдвигая в сторону как всегда новенькую, хрусткую манжету, чтобы посмотреть на часы. — Уж девушке, с которой собирался связать свою жизнь, ты мог бы довериться! Ладно. Сейчас я должен идти, а вот вечером жду тебя с твоей очаровательной супругой в гости. В семь часов. И только попробуй не придти! — он зловеще сверкнул глазами.

— Рудь, — вдруг хрипло выдавил из себя Панарин, хватая друга за плечи. Руднев насторожился — в глазах доктора плескалась самая настоящая паника. — Она наша. Из нашей этой проклятой связки. Я только что обнаружил. — Женечка придвинулся вплотную и судорожно вцепился в лацканы рудневского пиджака. — Поклянись, что Князев об этом не узнает...

Руднев на некоторое время потерял дар речи, потом отрывисто выдохнул и нерешительно предложил:

— Надо посоветоваться с Радзинским...

— Никаких Радзинских! — прошипел доктор, встряхивая Рудневу за пиджак. — Клянись. Немедленно.

— Хорошо. От меня он об этом не узнает. Доволен? — Видно было, что господин адвокат смертельно обиделся. Он встряхнул своими глянцевыми волосами и с достоинством поднялся. — Только не думаю, что это выход. Роман Аркадьич сам всё просечёт! Уж ты мне поверь...

— Это мы ещё посмотрим! — ожесточённо бросил ему вслед Панарин.

— Дурак, — беззлобно отозвался из прихожей Руднев. — Непонятно, чего ты вообще боишься.

— Да что же тут непонятного?! — взорвался Женечка, выскакивая из кухни в коридор.

— Т-с-с... — Андрей Константинович красноречиво приложил палец к губам и осуждающе покачал головой. — Вечером поговорим. — Он потрепал Женечку по плечу и сочувственно вздохнул. — Желаю удачи.

===== Глава 121. Вертикаль власти =====

— Мадам? — Руднев галантно поклонился и поцеловал протянутую, но в последний момент чуть было не отдёргнутую руку, унизанную таким количеством перстней, что от их обилия просто рябило в глазах. — Вы не рады меня видеть? — он усмехнулся так пакостно, как только мог.

— Нет, — бесстрастно ответила ведьма и с достоинством опустила в кресло, кивком головы указывая гостю на соседнее.

Руднев, заметив, что она неспешно достаёт из пачки сигарету, брезгливо сморщился и

холодно произнёс:

— Я запрещаю Вам курить в моём присутствии.

Ведьма дрогнула и медленно затолкала наполовину вытянутую сигарету обратно.

— Насколько успешен Ваш бизнес? — снисходительно поинтересовался Андрей Константинович, садясь и скучающим взглядом обводя стены магического салона, обставленного в духе вульгарных страшилок: сушёные пауки в банках, черепа, магические шары.

— Не жалуюсь, — всё также лаконично ответила ведьма.

— Будете работать на меня. — Руднев поставил перед собой трость и положил на неё обе свои холёные руки с идеальным маникюром и безумно дорогими перстнями на пальцах. — Появится поручение — пришлю к Вам мальчика. Если у Вас возникнут проблемы — обращайтесь. Вот моя визитка. — Небрежно вынутая двумя пальцами карточка легла на стол. — Вопросы есть?

— Нет. — Казалось, происходящее не вызывает у ведьмы никаких особых эмоций, но Андрей Константинович точно знал, что она с трудом удерживается, чтобы не наброситься на сидящего напротив отвратительного пижона и не придушить его. Он не удивился бы, если б поверхность стола, в которую хозяйка салона в продолжение разговора упиралась невидящим взглядом, вспыхнула, или хотя бы задымилась от клокочущей внутри неё злобы.

— Тогда — до встречи. — Руднев поднялся и, размеренно постукивая тростью, направился к двери. — Можете меня не провожать, — ехидно бросил он через плечо.

Шаль мгновенно взметнулась над столом — ведьма резко поднялась и проскользнула вперёд, любезно распахивая перед посетителем дверь. Руднев прищурился насмешливо и сладко пропел:

— Не стоило так беспокоиться, дорогая. Но всё равно — спасибо. Приятно видеть такое усердие. Я думаю, мы сработаемся.

У-ф-ф... Как же всё-таки неудобно, когда тебя так ненавидят! Андрей Константинович стремительно вышел на улицу и со вздохом облегчения сел в свою машину.

Переднее пассажирское сиденье было занято Романом. Откинув голову на спинку кресла и даже слегка приоткрыв рот, так что видна была белая полоска зубов, он, казалось, спал. Руднев пристегнулся, включил зажигание, покосился на неподвижную фигуру.

— Э-эй, Роман Аркадьич, — негромко позвал он. Не дождавшись никакой реакции, господин адвокат осторожно пощёлкал перед носом Романа пальцами, а когда и это не произвело никакого эффекта, открыл бутылку с водой и немного плеснул подростку в лицо. Роман судорожно, надрывно вдохнул, как будто выныривая после глубокого погружения, и схватился почему-то за сердце.

— Щас-щас-щас, — бессвязно забормотал он, пытаясь отдышаться и вытирая капающую с подбородка воду. — Сейчас всё будет нормально... Погоди... минутку...

— Спокойно, спокойно, Роман Аркадьич. Не торопись, — Руднев, озабоченно хмурясь, участливо погладил Романа по плечу и даже приобнял немного. — Попей-ка водички, — он приложил пластиковую бутылку к губам компаньона и заставил его сделать несколько глотков.

Постепенно взгляд Романа приобрёл осмысленное выражение, а дыхание выровнялось.

— Может, в следующий раз просто жучок ко мне прицепим? — несколько раздражённо поинтересовался господин адвокат, выруливая, наконец, на дорогу.

— Может, и жучок, — непривычно покладисто согласился Роман, легкомысленно

улыбаясь во весь рот. — Однако надо было проверить, сойду я за Патрона или нет. Да и просто любопытно было... поприсутствовать.

— Ну и как?

— Классно, — всё ещё сияя счастливой улыбкой, признался Роман, и прикрыл устало глаза. — Только энергии отнимает много. — И он сладко зевнул. — Зато она точно чувствовала моё присутствие. Я, конечно, не Патрон, но тоже, говорят, не слишком приятный тип!

— Да кто ж тебе это сказал-то, родной? — сквозь зубы процедил Руднев под аккомпанемент жизнерадостного романова хохота. — По-моему, ты страшнее...

Отсмеявшись, Роман какое-то время рассеянно глядел в окно, а потом неожиданно выдал:

— Знаешь, я тобой просто любовался! Всё-таки ты сильный. Сам по себе. И очень техничный: как ты управляешься с потоками энергии — это работа настоящего Мастера. В общем, я тобой горжусь, Руднев!

Андрей Константинович растерянно открыл рот, ещё не зная, как достойно на это ответить, но, к счастью, его ответ Роману не требовался. Вытянув из внутреннего кармана мобильник, тот каким-то совсем другим — усталым и доверительным тоном — проговорил в трубку, предварительно отвернувшись от Руднева и понижая голос:

— Пусь, ты дома? Ты не занят? Можно я к тебе загляну? Мне так паршиво... Скоро. Минут через десять... Лапуся, ты просто прелесть! До встречи...

— Роман Аркадьич, а ты знаешь, что ты вампир? Или, как раньше говорили — сапёр? — неодобрительно заметил Андрей Константинович, когда Роман спрятал телефон обратно во внутренний карман куртки.

— Руднев, не лезь, а? — равнодушно огрызнулся Роман и, надвинув капюшон на глаза, сделал вид, что уснул.

===== Глава 122. Притяжение =====

— Любишь ты, Ромашка, всё драматизировать! — недовольно скривился Радзинский. — Всё-таки Руднев прав: ты — это не он. Но есть в тебе нечто такое — родственное, что позволяет ему сливаться с твоим сознанием и манипулировать тобой. Мы же оба видели, как это выглядит на тонком плане: чёрная нить, идущая от сердца... Но чем дальше ты продвнешься по Пути, чем больше ты будешь меняться, тем сложнее будет этой сущности с тобой контактировать. И в конце концов наступит момент, когда он просто не сможет к тебе приблизиться. И связь ваша сама собой отомрёт. Я полагаю, что ты заложил в Карту возможность избавиться от симбиоза с патроном.

— Это Бергер должен знать, — уверенно заявил Роман.

— Бергер не скажет, — хмыкнул Викентий Сигизмундович. — Это информация сверхсекретная. Её разглашение может поставить под угрозу осуществление задуманного. А он тебя бережёт... Коля! Ты скоро? — вдруг зычно крикнул он в сторону кухни. — Может, тебе помочь?

— Успокойся, Викуся, — донёсся усталый голос Аверина. — Я сам справлюсь. Займись лучше ребёнком.

— А я чем занимаюсь? — Радзинский с тихим смешком отстранил от себя Романа и весело поглядел ему в глаза. — Ох, уж этот Коля!.. У него сегодня приступ хозяйственности, — трясаясь от беззвучного смеха, доверительно шепнул он.

— Я заметил, — ухмыльнулся Роман. — Кстати, — он требовательно выгнул бровь. —

Вы объяснили Андрею Константиновичу, что я не восстанавливаю свои жизненные силы за счёт энергии Бергера?

— А, да!.. Я говорил с ним. Он неправильно всё истолковал, потому что у них, скажем, с Панариным совсем другие отношения — такие, мушкетёрские, если ты понимаешь, о чём я...

— Понимаю, — уверенно кивнул Роман. — Кстати, о Панарине. — Он с мрачным видом потерял кисточку диванной подушки. — Патрон сообщил мне, что Евгений Алексеич намеренно утаивает от меня информацию. Честно говоря, очень обидно. Можно, я ему шею за это сверну? Он достал меня уже...

— Терпи, Ромашка, — Викентий Сигизмундович ободряюще потрепал Романа по плечу. — Женька отличный парень! Он просто не видит в тебе человека. Совсем. Но однажды жизнь наглядно продемонстрирует ему, как он ошибался...

В дверях появился, наконец, Аверин. Вид у него был изрядно утомлённый. Расправляя аккуратно подвёрнутые рукава рубашки, он устало плюхнулся на диван под бок к Радзинскому и, в изнеможении откинувшись на мягкую спинку, с тяжким вздохом закрыл глаза.

— Ну, и что это было? — скептически хмыкнул Радзинский, осторожно обхватывая Николая Николаевича за плечи и подгребая поближе к себе.

Аверин недовольно приоткрыл один глаз и решительно выставил свой острый локоть, вынуждая Радзинского сохранять дистанцию.

— Я просто вымыл посуду.

— Ага, и плиту. И раковину почистил. И пол отдраил. А окна протёр?

— Протёр, — буркнул Николай Николаевич.

— Устал? — сочувственно поинтересовался Викентий Сигизмундович.

— Не говори ерунды! — возмутился Аверин, гордо выпрямляя спину.

— Красавец! — подколот Радзинский, с ухмылкой глядя ему куда-то в район пупка.

Аверин проследил глазами его взгляд: грязная полоса — там, где рубашка соприкасалась с мойкой — оставила его равнодушным. Он махнул рукой и снова упал в мягкие объятия дивана.

— Ты даже не переоделся, — с лёгким укором констатировал Радзинский. — Мало того — ты даже ботинки не снял! Коль, что случилось?

— Ничего особенного. — Аверин, наступая на задники, стащил с ног ботинки и отбросил их на середину комнаты. — Сегодня был Круглый стол по революции. Я наслушался столько всякой мути, что мне необходимо было забыться.

— Ох, Колюня! Солнце моё... — Радзинский таки стиснул Николая Николаевича в объятьях, несмотря на возмущённое шипение последнего и выразительный взгляд, брошенный им в сторону Романа.

— Мы задерживаем ребёнка!

— Я никуда не спешу! — радостно заверил Роман. Он с неподдельным интересом наблюдал за своими опекунами.

— Кеш!!!

— Ладно. Приступим к делу, — невозмутимо произнёс Радзинский, позволяя Аверину вырваться. И незаметно стряхнул за диван вытянутую в процессе всей этой возни из аверинского тела серую пыльного цвета ленточку, которая тихо пыхнула там, сторая. — Сейчас Николай Николаевич приведёт себя в порядок, — он насмешливо сверкнул своими

янтарными кошачьими глазами. — Переоденется, умоется, выпьет чаю и нам заодно предложит...

— Ну, хорошо-хорошо! Раз никто никуда не торопится... — сдался Аверин и наконец-то улыбнулся. — Поставь чайник, Викуся. Будь так любезен... — Он удалился в спальню, оставив ботинки валяться на ковре.

— Физическое тело — наш якорь, Рома, — тихо, словно напевая колыбельную, говорил Николай Николаевич. — Жизненно важно от него не оторваться. Поэтому Викентий будет следить за нами, пока мы путешествуем. Я постараюсь показать тебе то, что ты так жаждешь увидеть.

Они с Авериним сидели на мягком ковре друг против друга. Их склонённые и едва не соприкасающиеся лбами фигуры окружали мягкие сумерки. Знакомая лампа с разноцветным «витражным» абажуром приглушённо освещала только небольшой пятючок возле письменного стола. Кисти аверинских рук были сухими, тёплыми и такими тонкими — почти невесомыми. Роман держался за них с превеликой осторожностью — боялся причинить учителю боль. И откуда подобный страх? Но Аверин — сейчас, вблизи — производил впечатление хрупкой фарфоровой статуэтки. Кожа на его лице казалась такой тонкой — одно прикосновение и останется синяк. И волосы выглядели мягкими, как у младенца, и лёгкими, как пух.

Вот Аверин закрыл глаза, и Роман почувствовал, как учитель тянет его за собой. Отпуская себя, Роман, уже в который раз, ощутил, как просыпается в нём кто-то другой — сильный, властный, жестокий. Теперь уже он тащил Аверина следом. Тот не сопротивлялся — свою задачу он выполнил, нащупал проторённую Панариным тропку и задал верное направление.

Боже! Как же их много — этих людей! Туманные фигуры, почти неразличимые лица — Роман нетерпеливо скользил вдоль цепи, запоминая, впитывая вкус и запах чужой, но неожиданно знакомой энергетики. Теперь его тело уже никогда не забудет всех тех, кто с ним связан.

Тёмное, сладкое, запретное и безумно притягательное излучение — сердце Романа помимо воли особенно остро отзывалось на зов своих «чёрных» братьев. Роман и сам не заметил, как начал погружаться в родную тьму, упиваясь пьянящей вседозволенностью, обманчивым ощущением безграничного могущества и парадоксально холодной ясностью рассудка. Он спускался всё ниже, ниже. Смутно знакомые миры мрачными виденьями проплывали перед его глазами. Роман вспоминал, какой он на самом деле древний — впечатляюще древний Дух. Неизвестно, как непоправимо далеко зашёл бы он в этот раз, но нестерпимая боль в сердце заставила его так резко вынырнуть на поверхность физической реальности, что ещё в течение долгих звенящих минут осколки земного мира отказывались складываться в его затуманенном мозгу в узнаваемую картину. А потом он увидел безжизненно обмякшего в объятиях Радзинского учителя. Его посеревшее лицо и бескровные губы. И незнакомый, яростный, жёсткий взгляд Викентия Сигизмундовича, прижимающего Аверина к себе.

— Быстро — наполни ванну холодной водой. Живее, — резко велел тот. И Роман, спотыкаясь, поскольку голова немилосердно кружилась, а пол коварно ускользал из-под непослушных и словно чужих ног, кинулся в ванную, пустил холодную воду и сунул голову под кран — немного полегчало.

Радзинский был на удивление хладнокровен и собран. Он погрузил учителя в ванну прямо в одежде — ледяная вода полилась через край, он не обратил на это никакого внимания. Включив душ, Викентий Сигизмундович направил струю холодной воды Аверину в лицо. Другой рукой он крепко сжимал рубашку у него на груди, сминая её в кулаке и не позволяя телу Аверина соскользнуть на дно ванной. Голова учителя неестественно склонилась к плечу, как у сломанной фарфоровой куклы — изысканной и утончённой хрупкой игрушки.

Роман стоял рядом и просто смотрел — в голове не было ни единой мысли. Он даже не сразу осознал, что Николай Николаевич, наконец, шевельнулся — так слабо, как новорождённый котёнок. Но Радзинский отреагировал немедленно: бросил душ и открыл слив. Он принялся стаскивать с учителя одежду, нещадно обрывая пуговицы. И резко бросил Роману через плечо.

— Иди на кухню. Можешь сварить себе кофе. И не вздумай уйти!!!

Роман вяло кивнул и поплёлся, куда велели. У него и в мыслях не было идиотского намерения сбежать. Задача сварить кофе оказалось невыполнимой — слабые пальцы заметно дрожали и не в состоянии были удержать даже чайную ложку. Поэтому Роман просто лёг грудью на стол, склонил голову на скрещённые руки и закрыл глаза.

Прошло, наверное, не меньше часа, прежде чем на кухне появился Радзинский. Роман почувствовал его тяжёлую руку у себя на затылке — Викентий Сигизмундович рассеянно перебирал его волосы так ласково и нежно, как будто хотел утешить. Роман недоверчиво взглянул на него и не увидел в его спокойных янтарных глазах ни раздражения, ни злости.

— Извини, Ромашечка, быстрее не мог — сам понимаешь. — Викентий Сигизмундович заботливо провёл ладонью по его спине и пошёл к плите.

— Вы меня не сразу убьёте? — глухо произнёс Роман.

— Ты бредишь, ребёнок? — Радзинский покачал головой, поглядывая на него из-за плеча с заметным беспокойством и сочувствием. Поставив перед Романом чашку с кофе, он сел рядом и двумя пальцами взялся за его подбородок. — В глаза мне посмотри.

Смотреть в глаза, когда твоя голова так сильно задрана вверх — задача не из лёгких, но Роман очень старался.

— Почистить тебя надо, — вздохнул Радзинский, опуская руку. — Но сил нету — честное слово... — Он с тяжёлым вздохом обнял Романа обеими руками и прижал к своей груди. Похлопал ладонью по его напряжённой спине, решительно отстранился и встал. — Кирюху тревожить не станем — хватит на сегодня уже жертв. Они всей семьёй в Лавру уехали. Вот и не будем его дёргать — я информацию от него уже закрыл. Придётся к Панарину обращаться. Интересно, он сейчас не на дежурстве?..

— Можно... туда?.. — хрипло перебил его Роман и нервно махнул рукой в сторону спальни.

— Хочешь убедиться, что он жив? — мрачно поинтересовался Радзинский, но, как ни странно, согласился. — Пойдём. Кофе только выпей...

В спальне было ужасно жарко — Радзинский закрыл даже форточку и включил обогреватель. Аверин лежал в постели, укрытый сразу двумя одеялами и вышитым разноцветными нитками пледом из овечьей шерсти. Слипшиеся мокрые ресницы, лихорадочный румянец на щеках, пересохшие, полуоткрытые губы, капли пота на лбу — Аверин был похож на больного ребёнка, подхватившего зловредный вирус на зимней прогулке.

— Он в порядке? — кусая губы, встревожено спросил Роман.

— Не переживай. Будет — в порядке. Умереть я ему точно не дам. — Радзинский подошёл к кровати, смочил в глубокой миске салфетку и слегка промокнул ею аверинский лоб. — Главное, удалось его вернуть. Всё остальное — дело техники. Это не самая большая катастрофа в нашей с ним жизни. Можешь мне поверить.

— Не звоните Панарину, — не к месту ляпнул вдруг Роман. — У него машины всё равно нет. Пусть меня Андрей Константинович к нему отвезёт...

===== Глава 123. Процедуры =====

— Киса, я уже поднимаюсь по лестнице. Со мной Роман Аркадьич. Открой нам дверь — без лишних вопросов. — Руднев отключил телефон, не дожидаясь панаринского ответа, и снова взял Романа под руку, помогая ему одолеть последний лестничный пролёт.

Взъерошенный, заспанный Панарин в небрежно завязанном халате без особой радости выпустил неожиданных визитёров в квартиру.

— Отсыпаясь после дежурства? — Руднев окинул приятеля оценивающим взглядом и принялся заботливо снимать с Романа куртку.

Панарин заторможено кивнул.

— Прости, но обстоятельства чрезвычайные. Где Ксения Ильинишна?

Доктор равнодушно пожал плечами и помотал головой.

— Ясно. Куда его вести?

Женечка махнул рукой в сторону спальни и душераздирающе зевнул.

— Хорошо. Иди душ, что ли, прими. Желательно холодный. Мы подождём.

Панарин закрыл глаза и наощупь поплёлся в ванную.

— А ты, Роман Аркадьич, точно маньяк, — приговаривал Андрей Константинович, усаживая вялого и безучастного к собственной судьбе подростка в кресло у окна. — Как бы тебя так проучить хорошенько, чтобы тебе больше на тот свет не хотелось? Я думаю, Викентий Сигизмундович абсолютно прав: до окончания школы — и это как минимум! — никакой посторонней недетской деятельности! Эй, не засыпай! — Руднев запустил руку в романовы волосы и слегка оттянул его голову назад, с беспокойством заглядывая в остекленевшие чёрные глаза. — Ну, где же этот Айболит?! — господин адвокат решительным шагом вышел из комнаты и пропал на какое-то время.

Вернувшись в сопровождении сосредоточенного мрачного и, очевидно, уже просвещённого на счёт предстоящей задачи Женечки, Руднев включил верхний свет и набросил на развороченную двуспальную кровать белое стёганое покрывало.

— Ему придётся встать? — с тревогой обратился он к доктору.

— Не надо, — мотнул головой Панарин. Он подошёл к расположенным в углу иконам и опустил на колени. Низко склонив голову, он замер так на несколько минут, потом перекрестился и уже энергично вскочил на ноги. — Отойди. — Он жестом велел Рудневу убраться из зоны видимости. Закрыв глаза и вытянув вперёд руки, Панарин медленно просканировал растёкшегося в кресле Романа и брезгливо поморщился.

— Что — убить меня хочется? — неожиданно подал голос Роман. Глаза его насмешливо заблестели. — А ты воспользуйся случаем, Евгений Алексеич! Спишем на физиологические особенности моего непредсказуемого организма...

— Скажи ему, чтоб заткнулся, — спокойно предупредил Панарин господина адвоката.

— Помолчи или рот тебе пластырем заклеим, Роман Аркадьич. Кроме шуток, — убедительно пригрозил Руднев, перекатывая в тонких пальцах взятые с прикроватной

тумбочки массажные шарики.

Роман расслабленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Панарин работал долго, тщательно, добросовестно. Роман очень хорошо чувствовал исходящую от него силу. Чутко прислушиваясь к своему внутреннему состоянию, он ощущал, как эта сила, последовательно заполняя энергетические центры, горячими волнами распространяется оттуда по всему телу. Под конец он увидел себя стоящим на берегу океана и полной грудью вдохнул солёного морского ветра. Роман понял, что это символ работы Панарина, и не мог не признать, что всё в комплексе, а особенно заключительный аккорд, его по-настоящему впечатлило.

— Ты классный мастер, Евгений Алексеич, — серьёзно сказал он, наблюдая, как Панарин очищает себя после контакта с пациентом. — Настоящий Мастер. Можно, я тебя поцелую? — ухмыльнулся он, заставив доктора вздрогнуть и вопросительно поднять брови.

— Ожил? И сразу резвиться? — неодобрительно отозвался из своего угла Руднев. — Пойдём-ка на кухню — поговорим с тобой по душам... — Он без особых церемоний выдернул Романа из кресла и под ручку поволок его за собой.

Но когда они выходили из комнаты, от входной двери донёсся недвусмысленный звук поворачиваемого в замке ключа, и на пороге возникла изящная фигурка панаринской супруги.

— Женья! Ты что — уже встал? — воскликнула она удивлённо своим волнующим грудным голосом, опуская на банкетку тяжёлую сумку с продуктами. Не дождавшись ответа, она с любопытством заглянула за угол, где располагалась спальня и столкнулась нос к носу с незваными гостями.

— Ух, ты! — восхитился Роман. — Евгений Алексеич, твоя жена — ведьма! Я ведь правильно понял — это жена? — повернулся он к растерявшемуся от неожиданности Рудневу и снова широко улыбнулся Ксюше. — Но самая хорошая новость — она наша!..

— Это сын моего институтского приятеля — никчемный, избалованный мальчишка, — талантливо врал Руднев, не обращая никакого внимания на сидящего тут же за столом Романа, у которого глаза уже начали слезиться от еле сдерживаемого смеха. — Пристрастился к наркотикам — по счастью, лёгким. Я привёз его к Жене, чтобы тот его прокапал. Не хочется родителей расстраивать раньше времени. Возможно, мне удастся самостоятельно выбить дурь у него из головы. Отец попросил взять его к себе стажёром — ну, чтоб хоть при каком-то деле был — а этот наглец заявился сегодня в контору обкуренный. Я чуть со стыда не сгорел перед клиентом! А у Аркаши с Юлечкой недавно ещё дочка родилась. Зачем их травмировать? — очень убедительно сокрушался Андрей Константинович.

Ксюша Панарина с видом примерной благовоспитанной гимназистки, пришедшей в гости с мамой и папой, почтительно слушала господина адвоката и увлечённо слизывала с серебряной ложечки малиновое варенье. Излагаемые Андреем Константиновичем страсти, судя по всему, её абсолютно не пугали. Она с интересом поглядывала на неспешно глотающего чай «трудного подростка», насмешливо стреляющего в её сторону по-наркомански блестящими чёрными глазами — уж с расширенными там зрачками, или нет — поди разбери!

— А хотите, я Вам погадаю? — с идиотской ухмылкой вдруг предложил ей Роман, когда Андрей Константинович прервался, чтобы глотнуть чаю. — У меня бабка цыганкой была —

мне от неё такая цыганская внешность досталась, — хохотнул он, косясь на босса, который вполне предсказуемо поперхнулся на последнем пассаже.

Панарин, потеряв остатки терпения, подскочил на стуле и зашипел господину адвокату:

— Не пора ли тебе отвезти этого мажора домой?! По-моему детское время уже вышло!!!

— Женя, — с укором воскликнула его благовоспитанная супруга, — зачем ты обижаешь мальчика? — Она перекинула косу за спину и с достоинством кивнула Роману. — Вы правда умеете?

— Без понтов! — жизнерадостно заверил её Роман.

— У Вас и имя такое — цыганское, — задумчиво отметила Ксюша, доверчиво раскрывая перед ним свою ладонь.

— А как же! — согласился Роман, бойко хватая ксюшину ручку.

Рудневу, похоже, стало ужасно любопытно, что же будет дальше, и он успокаивающим жестом положил свою руку на женечкин рукав.

— О! Я вижу счастливый брак! — радостно возгласил тем временем Роман, вглядываясь в тоненькие линии на её ладони. — Ребёнок будет... Одного вижу точно. Мальчик. — Ксюша слегка покраснела и прикусила пухленькую губку. — Здоровье хорошее, но есть опасность получить, скажем так, травму. Похоже, в детстве с Вами уже что-то подобное случилось, и не раз... Сейчас скажу точнее... Ожог — на кухне загорелась занавеска, Вы пытались её сорвать и обожгли руки. Пять лет Вам было...

— Это Вы всё по руке видите? — с сомнением уточнила Ксюша.

— Само собой! — бодро подтвердил Роман. — Та-ак... Отравление вижу. Серьёзное. Грибами. Соседка в деревне угостила. Реанимация, промывание желудка, капельница — прочая фигня... У нас с Вами много общего, — развязно подмигнул девушке Роман, гнусно хихикая и нагло поглядывая на натянуто улыбающегося босса. — Но самое интересное — у Вас есть так называемые экстрасенсорные способности. Вы видите покойников, разговариваете с ними. Со смертью, вообще, часто пересекаетесь — бабушки, дедушки, дальние родственники, соседи умирают вокруг Вас регулярно — Плутон в восьмом доме, да ещё в таких аспектах!.. Что ещё?.. Легко можете проклясть. Ну, типа — чтоб, ты подавился! — и человеку сразу кусок поперёк горла...

— Может, хватит? — подозрительно спокойно спросил Панарин.

— Э-э-э... А Вы, милейший, если устали, можете идти, — легкомысленно ответил ему Роман и открыл было рот, чтобы продолжить, но доктор в бешенстве перегнулся через стол — на пол полетела посуда — и схватил «юного наркомана» за грудки.

— Заткнись, гадёныш! Или я тебя урою! — яростно прошипел он.

Роман насмешливо глянул ему в глаза и Женечка вынужден был со стоном схватиться одной рукой за голову, что позволило Роману быстро освободиться от захвата и отскочить подальше. Но Панарин тряхнул, как собака, волосами, приходя в себя, и ловко перемахнул через стол, отсекая Роману возможные пути к отступлению. Тот, азартно блеснув глазами, схватил со стола не слишком острый столовый нож и широко улыбнулся:

— Ни в чём себе не отказывайте, Евгений Алексеич! Хочется Вам убить человека — убейте! На фиг клятву Гиппократата!..

Ксюша взвизгнула и бросилась в объятия Руднева, который машинально прижал её к себе.

— Ты что — в самом деле, убить его собрался? — первым опомнился господин адвокат.

— Зачем так жестоко? Я его просто выпорю!!! — прорычал Женечка, рванув пряжку брючного ремня. Он до жути радостно оскалился, выразительно похлопывая свёрнутым вдвое ремнём по своей ноге, а нож Роман уже в следующую секунду, чертыхаясь, сам отбросил в сторону, дуя при этом на обожжённые пальцы.

— Коз-зёл ты, Панарин, — простонал он. — И дурак. Пока ты со мной развлекаешься, Андрей Константинович обнимается с твоей женой... — Женечка само собой ревниво оглянулся и в тот же миг получил вполне себе техничный удар ногой в челюсть.

Руднев, опомнившись, поспешно отстранил от себя чужую супругу и кинулся к Роману, выкручивая ему руки и впечатывая физиономией в стену.

— Ты что творишь?! — процедил он сквозь зубы. — Киса, не встречай! — крикнул он, заметив, что Панарин, угрожающе поигрывая ремнём, приближается к ним с разъярённым видом.

— Я наркоман — забыли? — ехидно подсказал Роман. — Психически неуравновешенный тип, не обременённый даже начатками морали. Поэтому завтра я в красках распишу Викентию Сигизмундовичу, как вы — два бандита со стажем — издевались над незащитным подростком и пытались меня убить. Мотив у Панарина есть — не зря он пытался скрыть от меня информацию о своей жене! А ты, Руднев, его покрываешь. Впрочем, как всегда...

Андрей Константинович помрачнел и неохотно отпустил Романа.

Тот, потирая пострадавшие запястья, плюхнулся на первый попавшийся стул и злобно глянул на раздражённого доктора.

— А ты, Панарин, уволен, — с отвращением бросил он. — Достал ты меня. Придурок... Можешь убираться на все четыре стороны — без тебя обойдусь!!! — заорал он внезапно. Мирно стоявшая на полке ваза глухо треснула и распалась на две части.

— Роман Аркадьич, уймись! — поспешно предостерёг его Руднев, вставая рядом и крепко сжимая его плечо.

— Отстань! — Роман брезгливо сбросил рудневскую руку. — Пусть Евгений Алексеич ответит, почему ты хороший, хотя, не моргнув глазом, собирался отправить на тот свет меня и Бергера, а я при походе раскладе плохой?!

— Ты сам знаешь, — тихо ответил Панарин, мрачно глядя на него исподлобья.

— Ах, вот оно что!.. — желчно протянул Роман. — Я — Олоферн, а ты — Юдифь! Я безусловное зло, а ты — благородный спаситель! Я сейчас зарыдаю от умиления!.. — Он решительно поднялся. — Всё. Видеть вас обоих не хочу. Ни того, ни другого... — Встречаться с присутствующими взглядом Роман явно избегал, но нельзя было не заметить, какая в его жутких, чёрных глазах застыла тоска. — Прости, Руднев — ничего личного, — он хлопнул Андрея Константиновича по плечу. — Крутитесь теперь без меня, как хотите. А мне и без вас есть, чем заняться. — Он разбитой походкой потащился в прихожую, отодвинув с дороги слегка озадаченного Панарина.

— С ума сошёл? — Руднев догнал Романа в дверях и развернул к себе, взяв за плечи. — Я тебя одного никуда не пушу — даже не надейся. Я за тебя перед родителями отвечаю. И перед Радзинским. А будешь хорохориться, я Кириллу Александровичу пожалуюсь. — При упоминании о Бергере у Романа неожиданно задрожали губы и глаза наполнились слезами. — Ну что ты? Вот бестолковый! — растерялся Андрей Константинович. Он порывисто прижал подростка к себе и принялся гладить его по голове. — Успокойся! Мы все тебя любим — и я, и Женька! Правда ведь, Жень?

— Угу, — мрачно отозвался Панарин, опрокидывая в рот рюмку коньяка.

— Не смей напиваться, бессовестный! — прошипел было Руднев, но махнул рукой, снова сосредотачиваясь на Романе. — Ты перенервничал просто, Роман Аркадьич. Бедный ребёнок... — Продолжая гладить его по голове, Руднев прижался щекой к его волосам и вдруг замер, почувствовав, как тело Романа сотрясается от рыданий. — Т-ты чего? — Он заглянул ему в лицо, но Роман только разевал рот, как вытщенная из воды рыба и сказать ничего не мог, хотя и старался.

— Ну вот — приехали... — обречённо пробормотал Андрей Константинович, продолжая лихорадочно гладить рыдающего — с ума сойти! — Романа по волосам, по спине и, вообще, где придётся. — Что ж мне теперь делать-то с тобой, ребёнок?

Сзади тихо подошёл Панарин. Плавнов провёл рукой вдоль романовой спины, потом ещё, и ещё раз, и рыдания превратились в едва слышные всхлипы, а потом и вовсе затихли. Правда, тело Романа сразу резко обмякло и Рудневу пришлось удерживать его на весу.

— Киса, помоги, он же тяжёлый! — взвыл господин адвокат.

Панарин меланхолично перехватил Романа под мышки, Руднев взял его за ноги и вдвоём они перенесли отключившегося «Повелителя» на диван.

— А ночевать мы все будем нынче у тебя! — мстительно сообщил господин адвокат, прожигая Женечку гневным взглядом. — Алкоголик ты чёртов! Ты что — в самом деле пороть его собирался?!

— Всего лишь помечтал немного, — равнодушно пожал плечами Женечка.

— Свежо предание, да верится с трудом... — скрипнул зубами Руднев. — И как ты не понимаешь, что он от тебя и места мокрого не оставил бы, если бы захотел!

— Плевать, — пренебрежительно бросил Панарин.

— Дурак! — не сдержался в сердцах Андрей Константинович.

— А ты, я смотрю, уже проникся сочувствием к его нелёгкой судьбе! — зло усмехнулся Панарин. — «Ах, Ромочка! Бедный ребёнок! Ты перенервничал! Мы все тебя любим...» — самым ядовитым тоном передразнил он господина адвоката.

— Да, Женя, он ребёнок, — неожиданно серьёзно ответил тот. — И пора бы тебе это уже усвоить.

Панарин слегка опешил от этого внезапного «Женя», слишком непривычного в рудневских устах. Поэтому даже пропустил свою реплику, с удивлением уставившись на приятеля.

— Ты не в курсе, какие у него были проблемы с самоидентификацией? — неприязненно поинтересовался Руднев. — Ты тетрадошки карсавинские листал, но так ничего и не понял. Он раскаялся — понимаешь? Он этого ребёнка любил! И ради него отказался от того, на что положил всю свою жизнь! И не одну!

— Он Аверина едва не угробил. Сегодня, — безжалостно напомнил доктор.

— Ну не нарочно же! — возмутился Андрей Константинович.

— Он точно также — «не нарочно» — и нас всех порешит. Это его миссия. Он — орудие зла и сам тоже — безусловное зло.

— Да пошёл ты! — окончательно разозлился Руднев. — Помоги разложить диван. Мне придётся рядом с ним спать, а то неизвестно, что тебе в голову стукнет, маньяк недоделанный!

Глаза Панарина потемнели от злости, но тут вмешалась, наконец, Ксюша, о которой все давно благополучно забыли, и которая, забравшись в кресло с ногами и размеренно

накручивая на палец кончик своей длинной косы, задумчиво наблюдала за происходящим.

— Не беспокойтесь, Андрей Константинович, — уверенно заявила она. — Можете спокойно отправляться домой. За мальчиком присмотрю я.

===== Глава 124. Есть контакт! =====

— Доброе утро, э-э-э... Роман Аркадьич? — весело блеснула живыми карими глазами Ксюша. Тяжёлая ксюшина коса шлёпнулась Роману на грудь.

Когда Ксения Ильинишна так выгибала свою соболиную бровь и так прошивала взглядом из-под полуприкрытых ресниц, легко было поверить, что перед тобою сказочная Царевна-Лебедь или Василиса Премудрая, которая даст тебе сейчас волшебный клубок, или совет, как вернее убить Кощея.

— Просто Роман, пожалуйста. Без церемоний. И на «ты», — как можно вежливее оскалился тот, пребывая спросонья в не слишком радужном настроении.

— Тогда и ты меня по имени зови, — перебрасывая косу обратно за спину, предложила Ксюша. — Ванная — прямо по коридору и направо. Там на полочке лежит новая зубная щётка в упаковке, а полотенце я тебе розовое повесила — не ошибёшься.

— Огромное человеческое спасибо! — ухмыльнулся Роман и попытался сесть. — М-м-м! — простонал он, хватаясь за голову. — Домой хочу!..

— После обеда Андрей Константинович за тобой заедет. И домой отвезёт. — Ксюша заботливо придержала его за плечи, помогая подняться.

— Он что — бросил меня здесь одного?! С этим психопатом?! — Роман разом забыл про свою головную боль.

Ксюша неожиданно чувствительно щёлкнула его по лбу:

— Придержи язык. И кто из вас двоих больший психопат — это ещё вопрос!..

— Хм... Ладно, — пожал плечами Роман. — Я полагаю, этот вопрос выяснится в ближайšie полчаса. — И он потащился умываться, шаркая при этом тапочками не хуже Мюнцера.

— Значит — «два бандита со стажем»? Так? — плавно перемещаясь по кухне, насмешливо поинтересовалась Ксюша. От неё веяло уютом и особым женственным теплом. Роман чувствовал себя в её присутствии обласканным, утешенным и даже охотно съел приготовленную ею овсянку на молоке.

— Ну ты же заметила, что они оба это не отрицали, — язвительно хмыкнул он, поднимая свой хищный нос от чашки с кофе.

— Заметила, — Ксюша помешала кипящий в кастрюле борщ. — И потому хочу узнать подробности.

— Может не надо? Поверь, Ксения, Панарин твой положительный до невозможности, просто немного с приветом.

— Даже так? — раздался от двери звенящий от злости панаринский голос. Доктор стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку, и, напряжённо скрестив на груди руки, сверлил Романа жгучим от ненависти взглядом. — Не ожидал услышать от тебя столь лестной характеристики!..

— А чего ты ожидал? — холодно прищурился Роман. — Что ночью я превращусь в вампира и выпью твою кровь?

— Т-ш-ш... — Ксюша прильнула к покрасневшему от злости мужу и пылко поцеловала его в губы. Судя по тому, как поспешно доктор опустил глаза, скрывая появившийся в них лихорадочный блеск, и как порывисто притянул к себе жену, обвивая рукой тонкую

ксюшину талию, объятия супруги не оставили его равнодушным.

— Поцелуйтесь ещё разок! — подперев голову кулаком, мечтательно протянул Роман. — Вы так здорово смотрите вместе!

Ксюше пришлось напрячь все свои силы, чтобы удержать супруга на месте. И чтобы не рассмеяться.

— Чего ты добиваешься?! — прошипел разъярённый Панарин, тщетно пытаясь вырваться из ксюшиных объятий. — Хочешь, чтобы я окончательно разозлился и придушил тебя?!

— Ты принимаешь меня за какого-то извращенца, — Роман легкомысленно помахал в воздухе сырным крекером. — А всё потому, что не доводишь мысль до логического конца. Какая мне радость умереть от твоей руки? А вот отправить на тот свет тебя, превысив необходимую самооборону, когда ты набросишься на меня в гневе — это да, это вариант. Нет Евгения Алексеича — одной проблемой в моей нелёгкой жизни меньше...

Панарин внезапно расслабился и даже прикрыл на секунду глаза. В следующее мгновение он уже демонстрировал свой жуткий пиратский оскал, заменяющий ему улыбку. Роман, прихлёбывая кофе, наблюдал за его метаморфозами с одобрением.

— Знаешь, а ты правильно бороду отрастил, — похвалил он снисходительно. — Раньше, когда ты улыбался, у тебя появлялись совершенно очаровательные ямочки на щеках. А это явно лишнее для твоего брутального образа. Теперь — другое дело...

— Каждый раз забываю, что ты не тот, кем кажешься, — с ухмылкой ответил Панарин, мягко отстраняя жену и садясь за стол. — Надо будет попросить у того безумного художника парочку портретов дона Висенте, чтоб перед глазами всегда более адекватный образ был. Солнышко, сделай мне чаю, пожалуйста, и ступай, постель убери, — ласково обернулся он к супруге.

— Не пытайся вывести меня из себя, Пана-а-арин, — издевательски протянул Роман. — Меня это уже не трогает. Викентий Сигизмундович какие-то проводки закоротил у меня в голове и дон Висенте для меня теперь такой же персонаж, как и для всех прочих. — Он откинулся на спинку стула и смерил Панарина холодным оценивающим взглядом. — Предлагаю договор, — произнёс он, как только Ксюша покинула кухню. Совсем другим тоном произнёс и даже голосом совсем другим — далеко не мальчишеским — таким, что холод пробежал по позвоночнику от его звучания.

— Давно ждал от тебя чего-то в этом духе, — подвигая к себе вазочку с конфетами, усмехнулся доктор. — Уверен, ты предложишь что-нибудь такое, от чего я не смогу отказаться...

— Само собой, — нежно заверил его Роман. — Суть предлагаемого мною договора в следующем: официальным опекуном твоей жены я назначаю Руднева и честно самоустраняюсь из её жизни. А ты в свою очередь перестаёшь мне хамить — обрати особое внимание на этот пункт контракта — и мы с тобой конструктивно и плодотворно сотрудничаем в дальнейшем. Имей в виду — я чувствую каждого, кто со мной связан. Так что не настолько я в тебе теперь и заинтересован — оцени широту моего жеста...

— Когда мы говорили с тобой в последний раз, ты не мог видеть связей, — аккуратно складывая гармошкой фантик, напомнил ему Панарин.

— Я не сказал, что вижу — я чувствую. И я никогда не останавливаюсь на достигнутом, Евгений Алексеич. Я очень жадный — в плане знаний и умений. Поэтому я сказал себе: раз Панарин может, смогу и я. Тем более что мне нужнее...

— А что это были за жалкие попытки унижить мой мужественный образ в глазах общественности? — улыбнулся вдруг Женечка вполне миролюбиво.

— Ты по поводу ямочек на щеках? Копался как-то в рудневских воспоминаниях, вот и полюбовался, — пренебрежительно махнул рукой Роман. — Кстати, длинные волосы тебе очень шли. Из тебя бы вышел отличный романтический герой — со шпагой, на коне, всё такое прочее...

— Ты залез в рудичкины воспоминания? Как же он такое допустил? — развеселился Панарин.

— Он меня крепко отделал тогда. Можешь не сомневаться. Но увидел я предостаточно...

Их с таким трудом налаженную мирную беседу прервала звонкая трель дверного звонка. Панарин нехотя поднялся, с сожалением глянул на Романа и пошёл в прихожую, откуда раздались приветственные возгласы, шуршание снимаемой куртки — сердце Романа от этих звуков внезапно забило сильнее.

— Шойфет! — на пороге кухни возник обеспокоенный Бергер. — Как ты? — он быстро подошёл, взялся за голову Романа обеими руками. — Болит? — сочувственно спросил он, проводя ладонью по волосам.

— Раскалывается, — внезапно охрипшим голосом признался Роман.

— Бедный... — Кирилл порывисто прижал его к себе. — Сейчас домой поедем.

Роману показалось, что он разом избавился от тяжкого груза. Он обхватил Кирилла за талию, уткнувшись лицом в знакомый серый свитер с оленями, и даже не стал прислушиваться к доносившемуся из прихожей разговору на повышенных тонах, который вели меж собою Панарин и Руднев. Он был уверен, что старые друзья не поссорятся. Как там говорится — милые бранятся, только тешатся?.. Ну, точно — вот уже и смеются. Значит, скоро Руднев сможет отвезти их с Кириллом домой. И впереди у них ещё целый день — воскресенье ведь...

===== Глава 125. Экспертное заключение =====

— Всё, Кеш. Я, правда, больше не могу. — Николай Николаевич, выразительно скривившись, отвернулся и защитным жестом выставил перед собой слегка дрожащие от слабости ладони. — Меня стошнит сейчас прямо на тебя, если ты не прекратишь запихивать в меня эту кашу!

— Фу, Коля! — весело воскликнул Викентий Сигизмундович. — К чему такой натурализм? — Но тарелку отставил. Заботливо стёр салфеткой след от овсянки на аверинской щеке, оставленный, когда тот старательно уворачивался от зажатой в безжалостной руке Радзинского ложки. — Надеюсь, морс ты не откажешься выпить? Клюквенный.

— Давай свой морс, — вздохнул Аверин. — М-м-м, Кеша! Ну почему он тёплый?!..

— Ты серьёзно спрашиваешь? — вкрадчиво поинтересовался Радзинский. —пей, давай!

Пока Николай Николаевич со страдальческим выражением на лице глотал кислую жидкость, Радзинский отнёс на кухню посуду и, неслышно вернувшись в спальню, снова присел на аверинскую постель.

— Ну что? Полежишь тут тихо, пока я обед буду готовить? — Рука Радзинского ласково скользнула по взъерошенным аверинским волосам, приглаживая их и убирая с его бледного и — слава Богу! — прохладного лба мягкие седые пряди.

Аверин поймал его руку и потянул на себя:

— Кеш, не уходи! — и взгляд такой серьёзный. Нахмурился, как будто заранее смирился с отказом. Но Радзинский не стал скрывать довольной улыбки сытого хищника и с готовностью плюхнулся рядом, подсунув себе под спину вторую подушку. Николай Николаевич с блаженным вздохом устроился у него на груди и был чуть не до самой макушки укутан заботливыми руками Викентия Сигизмундовича в тёплое одеяло.

— Это был последний раз, когда я повёлся на твои уговоры и позволил тебе так рисковать, — строго сказал Радзинский через некоторое время, нежно поглаживая Аверина по виску кончиками пальцев. — На пенсию хотел? Будет тебе пенсия!

Николай Николаевич молчал. Только поелозил немного щекой по рубашке Радзинского, устраиваясь поудобнее, и покаянно вздохнул.

— Страшно было? — сочувственно спросил Викентий Сигизмундович пару минут спустя.

— Скорее, жутко, — задумчиво ответил Аверин. — Он менялся так незаметно...

— Ну, ты убедился теперь, что проводник он может изготовить из любой консервной банки? Всё, что ему нужно, это зацепить и вытянуть те самые энергетические линии, которые составляют основу диска. И мы теперь точно знаем, что, хотя самостоятельно он не может опуститься так глубоко, потому что до достижения трансформы для него это попросту мучительно, Патрон сделает эту работу за него. Как это было и в прошлый раз... Познакомился ты с патроном?

— Да, — Николай Николаевич, невольно вздрогнув, теснее прижался к Радзинскому. Пальцы его инстинктивно впились в рубашку на могучей груди товарища. — Как и ожидалось, твой наследник привёл меня прямо к этой твари. Самое поразительное открытие — он человек, — тихо начал рассказывать Аверин. — Человек, который уже прошёл через ряд трансформ и оказался в результате заперт в самых жутких, нижних мирах. Теперь хочет вернуться. Понял, что жизнь здесь намного слаще. И возможностей больше.

Радзинский уткнулся носом в аверинскую макушку, дыша в неё влажно и жарко.

— Человек, значит... — хмыкнул он многозначительно и потёрся носом о пушистые волосы Николая Николаевича. — Это наш козырь...

— Согласен. — Аверин устало прикрыл глаза. Чувствуя, что Радзинский готовится что-то ответить, он, не глядя, поднял руку и прижал к его губам свои холодные пальцы, призывая таким образом к молчанию. Викентий Сигизмундович послушно умолк, согревая его руку в своей.

— Его надо законсервировать, Кеш. Князева — я имею в виду. — Подал голос Николай Николаевич, когда Радзинский уже решил, что друг задремал. — Для его же блага. Он не контролирует себя — патрон вертит им, как хочет. Но это ещё полбеда — своими смелыми экспериментами он расшатывает психику и не замечает этого. Истерики, приступы сентиментальности — Кирилл говорит, что последнее время Князев, как грудной младенец, зовёт его постоянно и успокаивается, только вцепившись в него мёртвой хваткой. Надо срочно ребёнка спасать. Делегировал он свои диктаторские полномочия Рудневу — и прекрасно! Назначил Панарина ответственным по кадрам — замечательно! Вот пусть они и работают с его людьми, пока он не подрастёт!

— Надеюсь, Кирюха поддержит эту идею, — недовольно пробурчал Викентий Сигизмундович, приподнимая голову, чтобы взглянуть на Аверина, и, перехватив его ироничный взгляд, смущённо хмыкнул. — Что?! Он никого не слушает! Его не заставишь и

не удержишь — яблочко от яблони...

Получив чувствительный тычок под рёбра, Радзинский с ехидным смешком откинулся обратно на подушку.

— Его можно попросить, — строго отчеканил Николай Николаевич, приподнимаясь на локте. — Как и меня. И если твои аргументы будут разумными и достаточно убедительными... — Закончить фразу он не сумел, потому что зашёлся от кашля.

Викентий Сигизмундович тут же подскочил, помогая Аверину сесть ровно, прижал его спиной к своей груди, крепко обхватив поперёк тела обеими руками.

— Дыши, давай, как положено, — сердито потребовал он у посиневшего уже Николая Николаевича. — Ты что — лёгкие собрался выплюнуть?!..

Аверин, давясь кашлем и зажимая рот рукой, сумел-таки остановить приступ и сидел теперь, не шевелясь, и дышал мелко и поверхностно, чтобы не закашляться снова. Радзинский, с заметным беспокойством косясь на его полуприкрытые ресницы, потянулся к тумбочке, стянул оттуда высокий флакон тёмного стекла, отвинтил крышечку и налил прямо в неё какой-то густой, прозрачной жидкости. Николай Николаевич всё понял правильно, послушно взял лекарство и залпом выпил. В следующую секунду он задохнулся и широко распахнул глаза, на которых выступили слёзы. Выражение его лица толковалось однозначно: «Что это за гадость?!!».

Радзинский лица Аверина не видел, но, судя по всему, догадывался о производимом лекарством эффекте.

— Зато теперь дышать стало легче, — слегка виновато произнёс он. — Правда ведь? Надо горячим чаем запить. Я сейчас... — Он торопливо выбрался из постели, взбил подушки, усадив Николая Николаевича практически вертикально. Сказочно быстро вернулся назад, вкладывая в руки Аверина распisanную под гжель кружку.

Пока тот покорно глотал чай с лимоном, Викентий Сигизмундович порывлся к шкафу, извлёк оттуда толстый свитер с высоким «горлом». Аверин безо всякого сопротивления позволил надеть его на себя прямо поверх пижамы. После этого Радзинский снова улёгся в постель, подождал, пока Николай Николаевич устроится, как и прежде, у него на его груди и накинул ему на голову одеяло. Потом проделал в одеяле небольшую норку и заглянул туда с тревогой.

— Не задохнёшься? — с опаской спросил он.

Аверин отрицательно помотал головой. Радзинский аккуратно убрал волосы с его лба и вздохнул.

— Поклянись, что это был последний раз, и больше ты над своим хилым организмом так издеваться не будешь...

Николай Николаевич слабо улыбнулся, положил свою холодную руку на щёку Радзинского и поерошил его жёсткую бороду. Спустя пар минут он уже спал, периодически вздрагивая всем телом и судорожно вцепляясь ледяными пальцами в рубашку верного товарища. Тот осторожно стянул с его головы одеяло и принялся ласково перебирать седые аверинские волосы, потихоньку вытягивая похожие на леску, жёсткие и колючие на вид, чёрные волокна. Постепенно Николай Николаевич перестал вздрагивать и согрелся. Он даже выпростал из-под одеяла руки и обхватил Радзинского за шею, мирно сопя теперь у него на плече. Викентий Сигизмундович полежал, изображая подушку, ещё немного, потом аккуратно выскользнул из постели, заботливо укутал Аверина и отправился на кухню — готовить обед. Ведь пациент должен хорошо питаться, что бы он сам по этому поводу ни

думал...

===== Глава 126. Начальный импульс =====

— Немногие доходят даже до третьей ступени, — скупое сообщил Кирилл и сразу замолчал, как будто надеялся своим хмурым видом пресечь дальнейшие расспросы со стороны Романа.

Тот запрокинул голову, хотя шевелиться особо не хотелось — голова очень удобно покоилась у Кирилла на коленях, чьи руки так невыразимо приятно перебирали его волосы — и заглянул Бергеру в лицо.

— Ты чего такой хмурым, Пуся? Неразговорчивый такой...

— Переживаю за тебя, бестолкового, Муся, — сдержанно рявкнул в ответ Кирилл. — Самому за себя тебе переживать недосуг...

— Как ты меня назвал?! — Роман подтянулся на руках и сел, с радостным умилением рассматривая блондинистое недоразумение. — Я так понимаю, Радзинский тебя надоумил?

— А ты полагаешь, он бы упустил такую возможность развлечься? — ехидно поддразнил его Кирилл.

— Да ладно, я не в претензии, — Роман снова сполз пониже и лёг, устраиваясь головой у Бергера на коленях. — Продолжай. — Он на ощупь нашёл кириллову руку и положил себе на макушку. Тот насмешливо фыркнул, но дважды просить себя не заставил, послушно зарываясь пальцами в романовы волосы. — А переживаешь ты зря, — сонно пробормотал Роман, блаженно прикрывая глаза. — Всё очень даже удачно получилось...

— Это что же, например?! — Бергер явно злился. Там, где его пальцы касались головы, кожу ощутимо ужалили разряды тока.

— Ну, во-первых, я убедился, что могу безоговорочно доверять Рудневу — что бы тот ни говорил. — Роман, как ни крепился, не выдержал пытки, тихонько зашипел и укоризненно глянул на Бергера. Тот заметно смутился — болезненные ощущения сменились приятным, расслабляющим теплом — и Роман удовлетворённо вздохнул, снова погружаясь в сладкую полудрёму. Речь его замедлилась, а голос понизился почти до шёпота. — Потому что я видел, что он готов до последнего меня защищать, когда они с Панариным из-за меня сцепились. Согласись, это дорогого стоит...

— А во-вторых?

— Во-вторых, я наладил нормальный человеческий контакт с Панариным.

— Рад за тебя, — подозрительно ласково проворковал Кирилл. — Но ты ведь прекрасно понимаешь, Мусенька, что возмущался я совсем не этим!

Роман почёл за благо промолчать и даже глаза зажмурил покрепче для верности, чтоб не выдали его неблагонадёжных мыслей.

Бергер же сделал пару глубоких, расслабляющих вдохов, преодолевая искушение вцепиться Роману в волосы далеко не так нежно, как тому нравилось, и отчеканил сурово:

— Ради твоей же безопасности, ты будешь путешествовать только со мной и только в пределах Карты. Ясно?

— Угу, — преданно подтвердил Роман, по-прежнему не открывая глаз. Он прекрасно чувствовал, как напряглись кирилловы пальцы.

— Что «угу»?! На меня посмотри!

Роман вздохнул и покорно распахнул глаза, малодушно не желая встречаться сейчас взглядом с полными холодной ярости сияющими очами Кирилла, безжалостными, как дуло пистолета.

— Посмотрел? — Смиренный кивок. — А теперь запомни — хорошенько запомни! — я твой проводник. Ни Николай Николаевич, ни — упаси Бог! — Руднев! Только я. На долгие-долгие годы. А вздумаешь голову мне морочить — задушу, как Дездемону!

Они после этого долго смеялись, как сумасшедшие — до колик в животе, до икоты, до умопомрачения. Роман сполз на пол и бился головой о подлокотник дивана, не в силах уже выдавить из себя ни звука, но всё равно беззвучно сотрясаясь от истерического смеха, а Бергер, всхлипывая, так глубоко зарылся в диванные подушки, что непонятно было, чем он там дышал. Когда, обессиленные, они сели, наконец, рядом и посмотрели друг на друга, то чуть было не сорвались в новый истерический марафон. Но Бергер спас их обоих, прочувствованно спросив:

— Так я могу надеяться на твоё благоразумие?

— Ты же знаешь, Пуся, — так же душевно ответил Роман, — что ради тебя я готов на всё! Только попроси!

— Тогда я прошу тебя, Муся — забудь обо всём, кроме Карты, хотя бы до окончания школы. А ещё лучше — до окончания института. Обещаешь?

— Я постараюсь, — честно ответил Роман. — Мне самому кажется, что надо притормозить, а то крыша уже едет...

— Крышу подлатаем, — уверенно пообещал Кирилл, стараясь не засмеяться снова. — Ты только не лезь больше никуда. Ладно?

— Ладно...

С чувством горячей признательности глядя на Бергера, Роман на мгновение утратил все свои привычные жизненные ориентиры: он, как ни силился, не мог в этот момент припомнить, что же именно гнало его вперёд все эти бесконечно долгие годы, сложившиеся не только в столетия, но уже и в тысячелетия.

— Ты, правда, не помнишь?

Роман вздрогнул и только потом понял, что голос Бергера раздался у него в голове. Сам Кирилл пристально смотрел на него тяжёлым, неподвижным, пронзительным взглядом, под давлением которого Роман начал незаметно проваливаться в транс. Все до единой мысли вдруг вышибло из его головы, осталась только безмолвная, чёрная бездна, которая затягивала, затягивала его, пока он не сорвался в головокружительный, упоительный, бесконечный полёт...

Вынырнул он в каком-то далёком-далёком прошлом. Солнце нещадно слепило глаза, отражаясь от гладкой, как зеркало, поверхности реки. Под старым кряжистым деревом сидели на берегу два подростка: оба смуглые, полуголые, с перепачканными глиной ногами. Тот, что помускулистей и постарше, ловко плёл из лозы ловушку, в которую он собирался заманить любопытную и доверчивую речную рыбу. Потряхивая чёрными, как смоль, блестящими кудрями, он весело взглядывал на младшего, с нескрываемым восхищением наблюдавшего за его работой.

Они смеялись, о чём-то говорили, но слов было не разобрать — как будто ветер относил их в сторону. Зато Роман остро чувствовал, каким этот старший был, по большому счёту, глупым: дерзким, легкомысленным, злым. Он радостно хохотал, глядя, как в ответ на его речи расширяются от ужаса глаза его младшего брата — очень красивые глаза — огромные и обрамлённые невероятной длины густыми, чёрными ресницами.

— Не помнишь? — снова тихо спросил Бергер — он, оказывается, стоял рядом и крепко держал друга за руку. Роман нерешительно пожал плечами. — Значит, импульс

истощился, — кивнул Кирилл своим собственным мыслям. В ответ на недоумевающий взгляд Романа он с готовностью пояснил, — В духовных вещах чрезвычайно важен изначальный импульс. Все твои мытарства, как дерево из семени, вырастают из твоего изначального посыла миру. Твой посыл был настолько мощным, что определил твою судьбу на тысячи лет вперёд. Ты был очень самонадеян и, сам того не понимая, бросил вызов самой жизни. Я предупреждал тебя, что на пути к твоей цели, с твоими амбициями тебе когда-нибудь придётся пожертвовать и теми, кто тебе по-настоящему дорог. Ты посмеялся надо мной. Что вышло в итоге — ты и сам теперь знаешь...

— Я готов был пожертвовать...

— Мной. И ты сделал бы это, если бы я тебя не остановил. Я не мог этого допустить, потому что тогда наши пути разошлись бы на миллионы лет...

Роман заметил, что Кирилл уводит его прочь от реки, только когда они оказались в живительной тени высоких деревьев, сплетающих зелёные ветви у них над головами.

— Десятки своих жизней ты посвятил мне? За простое «спасибо»? — не сдержался Роман, хотя и без этого вопроса всё было ясно.

— Я изначально знал, что жить для себя — глупо, — пожал плечами Кирилл, неспешно шагая по тропинке между деревьями. — Как я мог тебя бросить? Ну, то есть — да, мог... Теоретически... Считаешь меня простофилей? Но даже если посмотреть с твоей — сугубо утилитарной и агрессивно-рационалистической — точки зрения... Когда не думаешь о награде, не рассчитываешь каждый раз, на столько процентов вырастет твой духовный капитал в небесном банке от тех или иных твоих действий, обнаруживаешь, что стал миллиардером в считанные секунды — просто отказавшись от себя ради другого. Когда хочешь не для себя, всегда получаешь больше, чем тот, за кого ты просил. Если просил бескорыстно, конечно. Вот такая вот арифметика...

Роман почувствовал, что эта прогулка — прощание с их прошлым. Он внимательно глядел по сторонам, но ничто из окружающего пейзажа не вызывало в нём ностальгии. Это было действительно прошлое — ветхое, износившееся. Его хотелось просто отбросить, чтобы не мешало жить дальше.

— А меня прошлое не отпускает, — негромко поделился Кирилл. Он, в самом деле, смотрел вокруг с тоской и нежностью, с душевным трепетом трогал тонкие веточки растущих вдоль тропинки кустов с мелкими глянцевыми листочками. Видно было, что всё это слишком много для него значит, пробуждает в душе сотни воспоминаний, заставляет переживать заново давно минувшие события. — Для меня ничего не кончилось, — с болью в голосе прошептал он. — Почему?

— А это знает твой брат. — Седобородый старец с орлиным носом легко взмахнул рукавом своего светлого одеяния, обнимая Кирилла за плечи. Тот сразу отпустил руку Романа и порывисто обхватил старца, пряча лицо в складках вышитой белой хламиды. Кажется, он плакал.

Ласково поглаживая Бергера по голове, старец поднял голову и внимательно посмотрел на Романа.

— Отпустить его можешь только ты.

— Я... не хочу... — Роман даже попятился, спотыкаясь.

— Я так и думал, — насмешливо кивнул старец. — Вот и причина, — усмехнулся он. — Слышишь? — обратился он к Кириллу. — Твой брат, похоже, считает, что есть необходимость удерживать тебя, привязав к себе вашим общим прошлым.

Бергер повернулся, всхлипывая и вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Заплаканные голубые глаза смотрели на Романа недоверчиво и настороженно.

— Это... правда?..

— Я не понимаю, о чём вы оба говорите! — возмутился Роман.

— Вот об этом. — Старец широким жестом обвёл рукой пространство вокруг, и сразу стало ясно, что Кирилл стоит в центре гигантской паутины — тянущиеся отовсюду нити опутывали его с ног до головы, делая пленником этого мира.

— С чего вы взяли, что это я... — Роман от негодования начал даже заикаться и нелепо размахивать руками.

— Это твоя сила. Мы все это чувствуем. — Спокойно констатировал старец.

Роман гневно сверкнул глазами, чувствуя, как предательский румянец заливает его щёки, потому что энергетика, которую излучали опутывавшие Бергера нити, была действительно донельзя родной.

— Я всё равно не понимаю, — упрямо пробормотал он, опуская глаза.

— Просто отпусти его, — мягко посоветовал старец. — Вы и так связаны Картой.

Последние слова заставили Романа встрепенуться — он-то уже решил, что Ключ у него отнимают окончательно и бесповоротно. (В мозгу мелькнуло циничное: «Знаем мы, что значит «отпусти» — сразу упорхнёт, и поминай, как звали!»). Но если речь идёт только о том, чтобы избавить Бергера от боли, которую причиняет ему слишком живое восприятие событий прошлого — здесь двух вариантов быть не может.

Роман нерешительно глянул на Бергера, сделал шаг вперёд, а потом просто развеял паутину одним взмахом руки. Она полыхнула в воздухе ясным пламенем — совсем, как у Радзинского — и исчезла. Вместе с нею затуманился и растаял знакомый берег и лес, куда давно уже не тянуло и где сердце не щемило при виде родных когда-то мест. Остался только Бергер. Он сидел на диване с закрытыми глазами, судорожно вцепившись в лежащую у него на коленях диванную подушку, и практически не дышал.

Роман осторожно разжал побелевшие от напряжения кирилловы пальцы и бережно взял Бергера за руку.

— Всё? — с надеждой спросил он. И выдохнул с облегчением, когда Кирилл привычно всхлипнул и ткнулся носом ему в плечо. Похоже, это ещё не конец. Их с Бергером связывает не только их прошлое, а, значит, Кирилл его не бросит — ведь он обещал...

Больше книг на сайте - Knigolub.net